ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

МОСКВА ПРАВОСЛАВНАЯ

В. Ф. КОЗЛОВ

ПРАВОСЛАВНЫЕ МОНАСТЫРИ МОСКВЫ

МОСКВА
2022

РОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ ИМ. Д. С. ЛИХАЧЕВА
ЦЕНТР КРАЕВЕДЕНИЯ, МОСКВОВЕДЕНИЯ И КРЫМОВЕДЕНИЯ

В. Ф. Козлов

ПРАВОСЛАВНЫЕ МОНАСТЫРИ МОСКВЫ
И ИХ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

научно-справочное издание

Москва
2022

УДК 908+9(47+57-25)+281.93
ББК 63.3 (2-2Москва)л6+86.372
К59

Издается по решению Ученого совета
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С.Лихачёва (Института Наследия)

Рецензенты:
А. В. Окороков, доктор исторических наук
К. А. Смирнова – научный сотрудник Центра краеведения, москвоведения и крымоведения

Козлов В. Ф.
К59 Православные монастыри Москвы и их культурное наследие : науч.-справ. изд. [Электронное сетевое издание] / В. Ф. Козлов ; Рос. НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. – М. : Институт Наследия, 2022. — 600 с.: ил. – DOI 10.34685/HI.2019.44.61.002

ISBN 978-5-86443-301-0

Книга на сегодняшний день является самым объемным научно-справочным, основанным на первоисточниках изданием, содержащим материал о всех существовавших к началу XX в. православных монастырях Москвы. Ее основу составляют написанные на базе архивных и опубликованных материалов 28 очерков по истории обителей, где приводятся общие сведения о возникновении, развитии и судьбе монастыря (причем особое внимание уделено периоду гонений 1920–1930-х гг., обстоятельствам закрытия монастырей и их храмов и сноса монастырских ансамблей или их отдельных памятников), а также даются исторические описания монастырских храмов, часовен, наиболее значимых монастырских некрополей и существовавших в ряде монастырей в советский период музеев. Очерки об обителях предваряет раздел, где изложены основные этапы исторического развития монастырей со времени их возникновения до сегодняшнего дня.

Научно-справочный аппарат издания составляют списки источников и литературы; алфавитный и хронологический перечни; планы-схемы крупнейших московских обителей и др. Книга иллюстрирована современными фотографиями сохранившихся и возрожденных, а также фотографиями утраченных в годы гонений монастырей и их храмов.

Издание рассчитано на историков, краеведов, культурологов, музейных работников, организаторов экскурсий и паломничеств, всех интересующихся наследием Москвы православной.

УДК 908+9(47+57-25)+281.93
ББК 63.3 (2-2Москва)л6+86.372

ISBN 978-5-86443-301-0

Введение

Православные монастыри являются важнейшей неотъемлемой составляющей наследия Москвы, органичной частью ее неповторимого облика. Помимо своего духовного значения, они играли заметную роль в политической, экономической и культурной жизни столицы с первых веков ее существования. После известного периода гонений в годы советской власти уцелевшие православные обители уже в наше время возрождаются и вновь занимают достойное место в многообразной духовной и социально-культурной жизни города.

Сегодня московские монастыри — не только центры православной жизни, но и средоточие выдающихся архитектурных памятников и исторических реликвий, связанных с ростом и развитием и самой Москвы, и всей России. В них располагаются духовные учебные заведения, издательства, магазины православной книги, художественные мастерские, музеи, паломнические и просветительские центры, благотворительные и другие учреждения церковно-общественного характера.

На территории сохранившихся 16 московских монастырей (в 13 из них возрождена монашеская жизнь) развернулись большие ремонтно-реставрационные работы, восстанавливаются храмы и другие постройки. Здесь проводятся научно-практические конференции и чтения. Монастыри вновь стали центрами духовной жизни, местами притяжения для православных паломников и одновременно — важнейшими экскурсионными объектами для москвичей и гостей столицы.

В связи с этим возрастает роль научных исследований по истории и культуре монастырей Москвы, позволяющих оценить их духовный, историко-культурный потенциал, их роль в многообразной жизни города, восполнить недостающие или малоизученные сюжеты в исторической летописи московских обителей, реконструировать отдельные периоды и события их истории, осмыслить их судьбы в контексте общеисторического развития России.

Историография темы восходит еще к концу XVIII в., когда были изданы первые московские путеводители с краткими описаниями практически всех городских монастырей (в 2009 г. переиздана одна из первых таких книг: «Путеводитель к древностям и достопамятностям московским...» (Ч. 1. М., 1792)). Изданная в 1992 г. рукопись известного историка, архивиста А. Ф. Малиновского «Обозрение Москвы» (составлена около 1820 г.) также содержит очерки о многих московских обителях. В 1820 г. — середине XIX в. ряд московских монастырей (Симонов, Донской, Ивановский, Новоспасский, Спасо-Андроников) уже имели свои изданные в виде брошюр и книг описания. Эта традиция развивалась и в последующее время. В середине XIX в. авторами таких работ являлись

церковнослужители, настоятели обителей, а также историки В. В. Пассек, Н. Д. Иванчин-Писарев, И. М. Снегирев, А. А. Мартынов, И. Е. Забелин и др.

Новый этап в изучении московских монастырей наступил в эпоху деятельности основанного в 1863 г. московского Общества любителей духовного просвещения (ОЛДП), внутри которого появились отделы, занимавшиеся собиранием сведений о монастырях и храмах Московской епархии. Была разработана схема описания святынь, членами ОЛДП и светскими историками были составлены и изданы разного объема «историко-археологические» и «историко-статистические» описания большинства московских обителей. Значительное число брошюр и книг о монастырях Москвы принадлежит перу известных церковных историков второй половины XIX в.: архимандрита Григория (Воинова), И. Ф. Токмакова, Н. П. Розанова, священника А. А. Пшеничникова и др. В главном печатном органе ОЛДП «Московских епархиальных (позже — церковных) ведомостях» (1869–1918 гг.) было опубликовано большое число разнообразных материалов по истории и современному состоянию московских обителей.

Во второй половине XIX — начале XX в. предпринимались попытки публикации справочных материалов о московских и российских монастырях: в книгах, составленных архимандритом Иосифом (Левицким), В. В. Зверинским, И. К. Кондратьевым, Л. И. Денисовым, М. И. Александровским и другими, содержались очень краткие исторические справки и очерки об обителях.

В 1880-е гг. благодаря известному московскому предпринимателю и общественному деятелю Н. А. Найденову были изданы фотографии всех монастырей и храмов Москвы (так называемые «Найденовские альбомы (или листки)»).

К сожалению, до революции так и не появилось достойное Москвы комплексное справочное издание о монастырях. В советский период по понятным причинам исследований по истории монастырей не проводилось, и лишь с 1970-х гг. стали публиковаться фотоальбомы с кратким текстом, посвященным архитектуре монастырей Новодевичьего, Донского, Спасо-Андроникова, Новоспасского и др.

Только после более чем 70-летнего перерыва, с конца 1980-х — начала 1990-х гг., с возрождением Русской Православной Церкви (РПЦ) и монастырской жизни церковными и светскими историками, священнослужителями было начато освоение богатейшего исторического наследия московских монастырей. В журналах («Архитектура и строительство Москвы», «Московский журнал», «Наука и религия» и др.) появились публикации по истории монастырей.

В 1990-е гг. монастыри Москвы становятся объектами научных исследований, в том числе и в диссертациях. Здесь отметим защищенную в 1994 г. Л. А. Беляевым докторскую диссертацию «Древнейшие монастыри Москвы (кон. XIII — нач. XV в.) по данным археологии». Особо выделялась тема монастырского некрополя, почти полностью уничтоженного в 1920–1930-е гг. Одновременно стали переиздаваться дореволюционные труды церковных историков.

В эти же годы появляются популярные книги и справочники о монастырях и храмах Москвы. Первая такая книга, специально посвященная московским монастырям, принадлежит авторству краеведа Ю. Н. Буракова (1991 г.) — «Под сенью монастырей московских». Здесь помещены 33 очерка о московских

монастырях, основанные, главным образом, на опубликованной еще до революции литературе.

В следующем 1992 г. в составе четырехтомника «Сорок Сороков» (сост. П. Паламарчук) был опубликован том «Кремль и монастыри» с более-менее пространными очерками по истории всех московских монастырей. Материалы эти основаны в подавляющем большинстве на опубликованных источниках и литературе, изобилуют цитатами из них и снабжены библиографическими ссылками. До настоящего времени это фундаментальное справочное издание П. Паламарчука не утратило своего практического значения.

В 1993–2007 гг. увидела свет также фундаментальная иллюстрированная работа в 13 томах — «Москва православная. Церковный календарь. История города в его святынях. Благочестивые обычаи». В ней, в том числе, опубликованы очерки обо всех монастырях и монастырских храмах. В 1–9 томах (Январь–Август 1993–2002 гг.) этого издания автором очерков В. Ф. Козловым при описании монастырей впервые были широко использованы архивные материалы по периоду гонений 1920–1930-х гг.

Новым этапом в развитии историографии московских монастырей стало активное их историко-археологическое изучение, связанное во многом с археологическими раскопками и с реставрационными работами на территориях возрождаемых обителей. По результатам археологических исследований в Даниловом, Богоявленском, Высоко-Петровском, Зачатьевском, Новодевичьем, Донском и других монастырях появились труды археологов и историков (главным образом, Л. А. Беляева, А. Л. Баталова и др.).

Особо отметим начавшееся в 2000 г. издание многотомной «Православной энциклопедии» (ПЭ) — к 2022 г. вышло 65 томов (до буквы «С» включительно), где опубликованы объемные статьи о большинстве московских монастырей с указанием подробной историографии и списка источников по теме.

Упомянем и популярные справочники и путеводители с небольшими общими очерками, в основном компилятивного характера, о московских монастырях, составленные Н. М. Молевой (2007 г.), А. П. Вергуновым, В. А. Гороховым (2006 г.), В. Г. Глушковой (2020) и др.

Начиная с 2000-х гг. переизданы дореволюционные справочные книги «Православные монастыри в Российской империи» В. В. Зверинского (СПб., 2005 г.), «Православные монастыри Российской империи» Л. И. Денисова (М., 2019) и описания отдельных обителей.

В приведенных в книге библиографических списках (в конце каждого раздела и в общем перечне рекомендованной для ознакомления с темой литературы) в общей сложности — более двухсот разного объема и содержания работ, посвященных отдельным московским обителям, монастырским храмам, персоналиям, монастырскому укладу и многим другим сюжетам, прямо или косвенно связанным с темой московских монастырей. Однако при всем разнообразии опубликованных работ по этой тематике отсутствуют новые полные справочные издания, посвященные монастырям Москвы и их храмам, существовавшим на период начала XX в.

Предлагаемая работа носит научно-справочный характер и призвана в определенной степени заполнить эту лакуну, охватить в комплексе всю «Москву монастырскую» указанного периода и предоставить специалистам сводную информацию, содержащую, в том числе и оригинальные сведения, а также общую документально-историографическую базу по теме.

Основой настоящего научно-справочного издания послужила обширная источниковая база, в первую очередь, периода гонений, включающая как неопубликованные материалы, хранящиеся в различных архивохранилищах, так и комплекс опубликованных документальных источников.

С конца XVIII в. в различных печатных изданиях, путеводителях, книгах, статьях, сборниках материалов, в церковной периодике опубликовано значительное число документов по истории московских монастырей. Часть этих публикаций можно найти в библиографическом справочнике, изданном Книжной палатой и Российской государственной библиотекой (РГБ): «Москва. Указатель книг, статей из журналов и сборников на русском языке, опубликованных с XVIII в. по 1900 г. включительно» (сост. Т. Я. Бриксман и др. М., 1998).

Значительное же число документов по истории монастырей до 1917 г. так и хранится в государственных архивах, не будучи опубликовано и введено в научный оборот. В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в различных фондах (Духовного ведомства, Монастырского и Патриаршего казенного приказов, Коллегии экономии) находится множество документов преимущественно XVII–XVIII вв., относящихся к деятельности московских монастырей. В этом же архиве хранятся переданные после юридической ликвидации монастырей в 1920-е гг. их архивы, содержащие в основном материалы XVIII — начала XX в. Как правило, фонды этих обителей: Вознесенской, Высокопетровской, Даниловской, Заиконоспасской, Златоустовской, сравнительно невелики (лишь комплексы материалов Чудова и Новоспасского монастырей насчитывают от 1800 до 2260 дел). Отдельные документы ставропигиальных монастырей Москвы можно найти в обширном фонде Московской синодальной конторы, хранящемся в РГАДА.

Архивы других московских монастырей (Алексеевского, Богоявленского, Донского, Ивановского, Никитского, Николо-Перервинского, Спасо-Андроникова, Сретенского, Страстного) после их ликвидации в первые годы советской власти были вывезены и переданы в другие архивохранилища, сегодня они хранятся в Центральном государственном архиве (ЦГА) г. Москвы (Отдел хранения документов (ОХД) до 1917 г.). В большинстве своем фонды эти имеют небольшой объем, и лишь фонд Донской обители обширен и содержит более 7 тыс. единиц хранения. В том же ЦГА г. Москвы немало документов о текущей жизни московских монастырей в XIX — начале XX в. включено в обширный фонд Московской духовной консистории (Ф. 203), а материалы о старинных монастырях и их памятниках содержатся в делах фонда Московского археологического общества (Ф. 454).

Вышеназванные архивные материалы московских монастырей использовались еще дореволюционными исследователями, они хорошо знакомы и современным историкам.

Значительно хуже обстоит дело с введением в научный оборот документов, относящихся к эпохе гонений 1920–1930-х гг. Действовавшие монастырские храмы собственного делопроизводства в этот период почти не вели, зато недостатка не было в документации государственных надзорных органов, осуществлявших регистрацию религиозных общин в бывших монастырях, собиравших информацию об их составе и деятельности, фиксировавших наличие и состояние церковного имущества, дававших рекомендации по закрытию, дальнейшему использованию и сносу храмов. Фактически, на каждый храм заводилось 1 или несколько дел, в которые подшивалась вся документация. Все эти материалы сохранились в архиве Моссовета и его Административного отдела (Адмотдела), оказавшемся ныне разделенным между двумя архивохранилищами: ЦГА г. Москвы (ОХД после 1917 г. — Ф. Р-1215) и Центральным государственным архивом Московской области (ЦГАМО; Ф. 66). Благодаря хранящимся в этих архивах делам, связанным с монастырями, можно реконструировать судьбу обителей и их церковного имущества.

В 1929–1937 гг. участь еще действовавших в бывших монастырях храмов решали Комиссии по делам культов: при Президиуме Мособлисполкома (ЦГАМО. Ф. 4570) и при Президиуме ВЦИК (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ. Ф. Р-5263). В архивных фондах этих Комиссий сосредоточены материалы, относящиеся к закрытию монастырских храмов. Подавляющая часть этих уникальных документов неизвестна современным исследователям.

Укажем еще один, хранящийся в ГАРФ фонд — Президиума ВЦИК (Ф. Р-1235), где собирались материалы, относящиеся к ходатайствам религиозных общин в 1920–1930-х гг. о незаконном закрытии монастырских храмов.

Особняком следует рассматривать фонд Центральных государственных реставрационных мастерских (ЦГРМ) в ЦГА г. Москвы (Ф. Р-1), осуществлявших в 1918–1934 гг. надзор за состоянием памятников церковной старины (дела по отдельным монастырям и еженедельные протоколы архитектурно-реставрационного отделения ЦГРМ, в которых фиксировались все действия, как властей, так и реставраторов, касающиеся состояния и судьбы монастырских памятников).

Эти и другие материалы ранее слабо использовались в исследованиях. Они были выявлены автором и широко привлекались при подготовке настоящей работы, благодаря чему в научный оборот введен значительный объем оригинальных сведений по периоду гонений 1920–1930-х гг.

Следует отметить, что при написании очерков, в особенности при освещении новейшего периода в истории московских обителей, автор использовал материалы, размещенные на официальных интернет-ресурсах отдельных монастырей.

Общая структура справочника включает введение, обобщающий очерк «Православные монастыри в истории и культуре Москвы», 28 очерков о московских монастырях, заключение, список литературы, рекомендованной для общего ознакомления с темой, ряд вспомогательных перечней и указателей.

Основу издания составляют документальные очерки, посвященные истории 28 московских обителей, существовавших в статусе монастырей в начале XX в. в границах современной Москвы. Исключение составляет очерк об Андреевском монастыре (также вошедший в справочник), упраздненном еще в царствование

Петра I в начале XVIII в., но сохранившем архитектурный ансамбль и все свои храмы. В настоящее издание не вошли материалы о 5 общинах сестер милосердия, возникших в XIX — начале XX в. и имевших схожие с монастырями черты, но в большинстве своем не подчинявшихся духовному ведомству. Не включены в состав справочника и исчезнувшие еще в дореволюционный период (главным образом, в конце XVIII — начале XIX в.) монастыри, а также монастырские подворья автокефальных Церквей и русских обителей.

Очерки имеют унифицированную структуру: разделы по истории монастыря до 1917 г. и после 1917 г. и разделы, посвященные описанию отдельных монастырских памятников (соборов, храмов, часовен, монастырских некрополей) и существовавших в монастырях музеев.

В разделе, посвященном дореволюционной истории монастыря, выделены основные события и даты: обстоятельства основания обители, статус и его изменения, формирование монастырского ансамбля (появление храмов, приделов, часовен, крупных жилых и хозяйственных построек, стен, колокольни), появление образовательных, просветительных, богоугодных заведений, монастырских подворий, а также даны описания наиболее почитаемых святынь, приводятся имена известных настоятелей, указываются особенности монастырского быта. Этот раздел написан, в основном, по опубликованным источникам и литературе.

Раздел «История после 1917 г.», напротив, составлен в основном по ранее неизвестным или малоизвестным неопубликованным источникам, хранящимся в центральных архивах Москвы. Автор широко цитирует архивные документы, иллюстрирующие гонения 1918–1920-х гг., процесс закрытия храмов, их сноса или дальнейшего использования, репрессии против монашествующих. В разделе кратко хараетеризуются история бытования памятников бывшего монастыря в 1930–1980-е гг. и основные вехи возрождения обители в 1990 г. — начале XXI в.

В разделах, посвященных отдельным монастырским храмам и часовням, существовавшим на начало XX в., дается описание этих памятников: приводятся сведения о времени и обстоятельствах их сооружения, об освящении престолов, о перестройках, реставрации, о мотивах и причинах закрытия в годы гонений, о судьбе церковного имущества, об использовании в советский период и о восстановлении в новейшее время. В очерки о ряде древних обителей: Донской, Новодевичьей, Симоновой, Спасо-Андрониковой, включены подразделы, посвященные основанным в начале 1920-х гг. на их территориях музеях. В описания некоторых монастырей также включены подразделы об их исторических некрополях. Почти все монастырские кладбища и некоторые музеи были уничтожены в конце 1920-х — в 1930-е гг.

Разделы, посвященные отдельным храмам и часовням, систематизированы хронологически и расположены в порядке, определенном временем появления памятника.

В конце каждого очерка приводится список источников и литературы по истории монастыря.

К каждому очерку дан список монастырских храмов и престолов, существовавших на момент 1917 г. (приводится на обороте шмуц-титула).

Названия утраченных монастырей, где не возобновлена монастырская жизнь, даны в том виде, в каком они бытовали до 1917 г.

Иллюстративный ряд справочника представлен фотографиями монастырей: современными на шмуц-титулах и дореволюционными (в том числе из альбомов Н. А. Найденова) в начале каждого очерка.

Научно-справочный аппарат книги дополняют общий список литературы, рекомендованной для ознакомления с темой, и ряд указателей (в том числе указатель дореволюционных монастырских фондов, хранящихся в центральных архивах). В списке литературы приведены основные труды о московских монастырях и монашестве, обобщающие работы последних десятилетий по отдельным московским обителям, справочные и энциклопедические издания, содержащие, в том числе, и информацию по интересующей нас теме.

Предлагаемый труд, как нам представляется, достаточно полно характеризует Москву монастырскую, ее материальное и духовное наследие и отражает роль православных обителей в истории и культуре столицы. Эта книга — итог исследовательской и преподавательской деятельности автора, впервые разработавшего и читавшего с 1990-х гг. на протяжении многих лет на кафедрах музейного дела, а затем региональной истории и краеведения в Историко-архивном институте РГГУ лекционный курс «Монастыри Москвы» (с экскурсионной частью). И это первый опыт написания научного справочника по теме с привлечением широкого круга документальных источников, в том числе оригинальных архивных материалов.

Автор благодарен всем сотрудникам читальных залов центральных архивов и библиотек, где он работал, собирая материалы для книги (ЦГА г. Москвы, ЦГАМО, ГАРФ, РГАДА, ОР РГБ, РГБ). Особую признательность за помощь при подготовке текста в печать, ценные замечания, участие в составлении указателей автор выражает ответственному редактору книги, ведущему научному сотруднику Центра краеведения, москвоведения и крымоведения Института Наследия А. Г. Смирновой, а также научному сотруднику Центра К. А. Смирновой (за частичный набор и правку текста).

Книга-справочник предназначена широкому кругу специалистов — историкам, краеведам, архитекторам, музейным работникам, педагогам, экскурсоводам, священно- и церковнослужителям, паломникам, членам религиозных общин, всем, кто интересуется прошлым Москвы православной, ценит и любит ее церковную старину.

Православные монастыри в истории и культуре Москвы

1. Православные обители в дореволюционной Москве

Москва была и остается самым крупным «монастырским» городом России. Монастыри стали частью истории и жизни Москвы с первых веков ее существования. В конце XX в. отмечалось 700-летие основания первых московских монастырей — Данилова и Богоявленского. Примечательно, что, по преданию, основатель Даниловой обители первый московский князь св. Даниил Александрович был в 1303 г. похоронен там же. Великому московскому святителю митрополиту Алексию Москва в XIV в. обязана возникновением известных московских монастырей — Чудова, Спасо-Андроникова, Алексеевского, Зачатьевского. Тот же XIV в. дал Москве такие обители, как Симонова, Рождественская, Вознесенская кремлевская, Никольская (на Никольской), Сретенская. Эпоха свт. митрополита Московского Алексия, прп. Сергия Радонежского и св. блгв. кн. Димитрия Донского была, пожалуй, самой плодотворной для монастырского строительства Первопрестольной.

Среди знаменитых обителей, возникших в XVI в., — Новодевичий, Никитский и Донской монастыри. Последним же счастливым для монастырей Москвы стало XVII столетие, когда были основаны Андреевский, Заиконоспасский, Знаменский, Покровский, Страстной монастыри.

Перечисленные выше обители и их архитектурные ансамбли, несмотря на разрушительные секуляризационные процессы XVIII в., развивались и дожили до начала XX в. В целом же, число существовавших в Москве в разные периоды православных монастырей было значительно больше. Так в документах в XIV в. упоминается 14 московских монастырей. В XVI в. в городе появилось не менее 10, а в XVII в. — не менее 8 обителей. По подсчетам историков, на протяжении XIII–XVII вв. в Москве действовало в разные годы более 50 монастырей. Но далеко не все они пережили московские опустошительные пожары и нашествия неприятеля. Наиболее драматичным для обителей оказался «просвещенный» XVIII в., когда в результате секуляризационных реформ был упразднен целый ряд старинных монастырей и монастырских подворий. В XVIII — начале XIX в. в Москве были ликвидированы Андреевский, Варсонофьевский, Введенский, Воздвиженский, Георгиевский, Покровский Лыщиков и другие монастыри. И лишь со второй

половины XIX в. с постепенным возвращением общества к своим национальным корням стал возрастать интерес к роли обителей в новых условиях. Были основаны (как оказалось, последние до революции в Первопрестольной и ее ближайших окрестностях) Казанский Головинский и Скорбященский женские монастыри. Новым явлением стало возникновение единоверческих монастырей — Всехсвятского женского и Никольского мужского. Появились общины сестер милосердия: Покровская Владычная, «Утоли моя печали», Иверская, Марфо-Мариинская, которые в определенной степени имели монастырский характер. В Москве возникли и подворья автокефальных поместных Церквей: Константинопольской, Иерусалимской, Александрийской, Антиохийской, расположенные при храмах. Эти подворья также, по существу, были небольшими монастырями.

Многие древние и более молодые обители были связаны с важнейшими событиями московской и отечественной истории, с государственными деятелями.

Имена многих известных русских святых неразрывно связаны с возникновением или первоначальной историей ряда монастырей. Среди них — св. блгв. кн. Даниил (Данилов монастырь), свт. Алексий (Богоявленский, Чудов, Алексеевский, Спасо-Андроников монастыри), прпп. Сергий Радонежский, Андроник, Савва и Андрей Рублев (Спасо-Андроников монастырь), свт. Феодор Симоновский, прп. Кирилл Белозерский (Симонов монастырь), прп. Евфросиния Московская (Вознесенский монастырь) и др. Архимандритами некоторых обителей были позже ставшие знаменитыми русские святители. Так только из Симонова монастыря вышли будущие русские Патриархи Иов, Гермоген, Иосиф и Иоасаф. Архимандритами Новоспасскими в разное время были Патриархи Никон и Питирим, митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов).

Возникновение и посвящение многих монастырей и их храмов связано с замечательными событиями русской военной истории: победой на Куликовом поле (Рождественский монастырь, 1386 г.), избавлением от угрозы нашествия Тамерлана (Сретенский монастырь, 1395–1397 гг.), памятью о возвращении Смоленска Московской Руси (Новодевичий монастырь, 1524 г.), отражением последнего нашествия полчищ крымских татар на Москву (Донской и Симонов монастыри, 1593 г.) и т. д.

В монастырских соборах находились известные московские чудотворные иконы Божией Матери: Смоленская (Новодевичий монастырь), Донская (Донской монастырь), Страстная (Страстной монастырь), Знаменские (Знаменский, Златоустовский монастыри), Грузинская и Целительница (обе — Алексеевский монастырь) а также Спаса Нерукотворного (Спасо-Андроников, Новоспасский монастыри) и др.

Исторические памятные крестные ходы связывали московские обители с Большим Успенским кремлевским собором. Весной и летом в дни праздников чудотворных икон многотысячные крестохождения направлялись из Кремля в Сретенский, Новодевичий и Донской монастыри.

Обители — оплот старомосковского духа — неотделимы и от истории становления русского самодержавия. Великие князья и цари регулярно совершали выходы в монастыри, делали богатые вклады в их соборы. Ряд монастырей — Георгиевский,

Никитский, Знаменский, считались «романовскими», так как были основаны боярами Романовыми на своих дворах. Все цари и императоры посещали кремлевский Чудов и находящийся на берегу Москвы-реки Новоспасский монастыри. В первом из них у раки свт. Алексия митрополита Московского были крещены будущие цари Алексей Михайлович, Петр I, Александр II. В кремлевском Вознесенском монастыре располагалась усыпальница всей женской половины великокняжеского и царского дома допетровской Руси. В Новоспасской обители под собором находилась главная усыпальница Романовых XV–XVII вв. В Высоко-Петровском монастыре был устроен некрополь царских родственников Нарышкиных.

Велико значение обителей Москвы как главных и древнейших некрополей. Целые поколения знатных боярских и дворянских фамилий, купеческих родов покоились под храмами и на кладбищах обителей. На всю Россию были известны старинные кладбища монастырей Алексеевского, Данилова, Донского, Новодевичьего, Симонова, Спасо-Андроникова и др. В XIX — начале XX в. на некрополях Новоалексеевского, Скорбященского, Покровского, Новодевичьего (новое кладбище) монастырей хоронили известных представителей московского купечества, творческой интеллигенции.

Московские обители играли значительную роль в градостроительстве, формировании неповторимого облика города, его топонимики. По утверждению историков архитектуры, в старину существовали композиционные взаимосвязи между монастырями, к примеру, Белого города. Монастыри-сторожи, окружавшие полукольцом город с юга и востока, также составляли единую систему укреплений. Высокие колокольни Высоко-Петровского, Спасо-Андроникова, Всехсвятского, Симонова, Новоспасского, Новодевичьего монастырей делали живописной панораму Москвы, были видны из многих частей города и служили зримыми ориентирами для москвичей.

Хорошо был знаком православным и звучный, мелодичный «разговор» московских монастырских колоколен. Далеко за пределами Первопрестольной славились колокола Симонова, Новодевичьего, Страстного, Данилова и Сретенского монастырей.

Русские монастыри, несмотря на известную изолированность от внешнего мира, многочисленными нитями были связаны с окружающей территорией. Со Средних веков они были центрами культуры и духовного просвещения. Москву нельзя было представить без Заиконоспасского монастыря, где во второй половине XVII в. была создана Славяно-греко-латинская академия — предтеча Московского Университета и других регулярных школ. В разной степени учительный характер имели Донской, Спасо-Андроников, Андреевский и Николо-Перервинский монастыри, где в Новое время существовали духовные семинарии или духовные училища. Незадолго до революции 1917 г. была предпринята попытка организации высшего женского богословского института в самом молодом московском монастыре — Скорбященском. Со времени правления Александра II в ряде монастырей стали открываться и низшие учебные заведения — церковно-приходские школы.

Московские обители играли важнейшую роль в социальной жизни, в организации общественного призрения — издавна при обителях существовали приюты

и богадельни. Со второй половины XIX в. традиции широкой благотворительности стали вновь возрождаться. Многие московские обители стали устраивать в Московском уезде на своих подворьях, загородных хуторах и дачах приюты, летние детские колонии, строить храмы и церкви-школы. Такие духовные комплексы к началу XX в. имели Богоявленский (д. Марфино), Вознесенский (с. Бибирево), Зачатьевский (с. Барвиха), Ивановский (ст. Химки), Никитский (ст. Лобня), Страстной (д. Коськова) и другие монастыри. На территории многих женских обителей существовали приюты, школы, училища для девочек (Алексеевский, Вознесенский, Зачатьевский, Новодевичий, Рождественский, Страстной монастыри и др.).

Значительна была материальная поддержка московскими монастырями великих православных святынь Палестины, Святой горы Афон и филантропических учреждений и обществ России и Москвы.

Каждая московская обитель имела, помимо общих монастырских характерных черт, и свое неповторимое, запоминающееся лицо, обогащала и украшала городскую среду. Кафедра митрополита Московского и Коломенского и частично церковное управление епархией в XVIII — начале XIX в. долгое время находились в кремлевском Чудовом монастыре. В XIX в. московские владыки, как правило, пребывали на подворье Троице-Сергиевой лавры на Самотеке. Резиденция первого викарного владыки располагалась в китайгородском Богоявленском монастыре. Роль особого подворья для приезжающих с Афона архиереев и иноков играл соседний с ним Николо-Греческий монастырь на Никольской. Здесь и богослужения проводились в основном на греческом языке, и подчинялась эта обитель греческому Иверскому монастырю на Афоне.

Творение Нарышкиных — Высоко-Петровский монастырь, по инициативе митрополита Филарета (Дроздова) с 1860-х гг. стал центром распространения духовного просвещения. Здесь до начала XX в. находилось ОЛДП, сюда приходили священники и миряне-москвичи, чтобы обсудить вопросы пастырской жизни, послушать доклады и устные рефераты на историко-церковные темы, поработать в епархиальных библиотеке и архиве.

Миссионерский характер приобрел Покровский монастырь, переданный с 1870-х гг. образованному тогда же Православному миссионерскому обществу.

Особняком от других стояли возникшие в 1860-е гг. единоверческие женский Всехсвятский за Рогожской заставой и мужской Никольский на Преображенском кладбище монастыри. Их деятельность преимущественно была нацелена на борьбу со старообрядчеством.

На рубеже XIX–XX вв. ряд женских монастырей: Алексеевский, Вознесенский, Ивановский, Страстной и другие, были известны своими золотошвейными или иконописными мастерскими, различными художественными промыслами, активным участием во Всероссийских кустарных выставках.

Конечно же, монастыри играли совершенно особую роль в религиозной жизни Москвы, были хранителями православных традиций. Москвичи верили в особую действенность богослужений и молебствий, совершаемых в соборах и храмах обителей, в повседневную помощь от святынь, хранившихся в них.

Со второй половины XIX в. с организацией в Москве обществ — Московского археологического (МАО) и ОЛДП, монастыри стали привлекать все большее внимание научной общественности. С 1860–1870-х гг. отдельными изданиями стали печататься исторические описания обителей, и к 1910-м гг. почти все они имели свои книги. Среди авторов их были и известные историки (церковные и светские) — уже упоминавшийся нами архимандрит Григорий (описания Высокопетровского, Златоустовского, Спасо-Андроникова монастырей), И. Е. Забелин (Донской монастырь), И. М. Снегирев (Богоявленский, Покровский монастыри), И. Ф. Токмаков (Алексеевский, Сретенский, Страстной и другие монастыри). В начале XX в. члены Церковно-археологического отдела (ЦАО) ОЛДП стали целенаправленно изучать богатейшее историко-культурное наследие московских монастырей. В 1913 г. в палатах Чудова монастыря к 300-летию Дома Романовых открылась большая выставка церковных древностей, составленная, в том числе, и из святынь и исторических реликвий обителей Первопрестольной.

Повышению интереса москвичей к монастырям способствовало и празднование юбилеев: 500-летия преставления первой игумении Алексеевского монастыря Иулиании (1893 г.), 500-летия преставления прп. Андроника (1895 г.), 250-летия освящения собора Спаса Преображения и принесения в Новоспасский монастырь чудотворной иконы Спаса (1897 г.), 250-летия открытия мощей св. блгв. кн. Даниила Московского (1902 г.), 500-летия преставления прп. Евфросинии Московской (1907 г.) и др.

В целом, каждый монастырь Москвы отдельно и все они вместе представляли собой особый духовный мир, будучи при этом тесно связаны в архитектурноградостроительном, культурном, экономическом плане с Москвой и Россией. Монастыри были живыми, зримыми памятниками роста духовного и политического могущества Москвы и, несмотря на проблемы большого столичного города, связанные с урбанизацией, серьезными социально-экономическими изменениями, московские обители в начале XX в. имели значительные перспективы развития. Вопросы укрепления монашеской дисциплины, поднятия уровня подготовки монашествующих, повышения авторитета обителей обсуждались на проходившем в июне 1909 г. в Троице-Сергиевой Лавре Монашеском съезде.

Общероссийская роль городских обителей особенно проявилась в тяжелые времена Первой мировой войны, когда монастыри не только устроили в своих помещениях лазареты для раненых воинов, но и приютили эвакуированные из западных губерний Российской империи православные обители с монашествующими и ценным церковным имуществом.

2. Московские монастыри в период гонений. 1918–1930-е гг.

Октябрь 1917 г. стал поворотным пунктом и для истории России, и для истории монастырей Москвы, надолго прервав их естественное развитие. Наверное, неслучайным было и то, что в числе самых первых памятников, пострадавших

тогда при обстреле большевиками Кремля, были Чудов и Вознесенский монастыри. А вскоре после переезда советского правительства в Москву, монашествующие были выселены из этих древних обителей. В кремлевских монастырях расположились Пулеметные курсы, мастерские, клуб и даже физкультурный зал.

Подлинное же наступление на московские обители началось в 1918 г., вскоре после публикации инструкции к печально известному январскому Декрету об отделении Церкви от государства. Осенью 1918 г. профессор, член Поместного Собора Н. Д. Кузнецов писал в Совнарком: «Вообще в последнее время начинают возникать вопросы о выселении целых монастырей, существующих уже целые сотни лет, причем на выселение предоставляется невозможно краткий срок, и монашествующим угрожает остаться на улице». Национализация монастырей означала практическое прекращение нормальной монашеской жизни, лишение их всех юридических прав, средств к существованию (капиталов, зданий, земель и т. д.). В наиболее тяжелых условиях оказались городские монастыри. Еще в августе 1918 г. руководитель специально созданного для проведения национализации Ликвидационного (VIII) отдела Наркомата юстиции П. А. Красиков писал в Совнарком: «Ввиду огромной потребности в помещениях для трудовых классов населения г. Москвы VIII отдел Наркомюста полагает, что пребывание монахов и монахинь в бывших монастырских зданиях необходимо наивозможно сократить в спешном порядке, и посему не могло быть усмотрено никаких поводов к отмене распоряжений местных Совдепов о выселении нетрудовых элементов из национализированных помещений». Вскоре многие настоятели получили ультимативные требования очистить помещения монастырей в 3-дневный срок, сдать государству весь бытовой и хозяйственный инвентарь. Юридический отдел Моссовета прямо в день Рождества Христова направил в Богоявленский монастырь распоряжение сдать в 7-дневный срок все бланки, печати, штемпели с «любезным» предупреждением: «За неисполнение настоящего распоряжения Вы будете привлечены к уголовной ответственности за нежелание исполнить распоряжение Рабоче-крестьянского правительства».

Вскоре большинство монастырских зданий (кроме храмов) были уже заняты самыми разными учреждениями: в Богоявленском, Заиконоспасском, Николо-Греческом, Сретенском и других монастырях были устроены общежития, квартиры для рабочих. В Скорбященском разместился артдивизион, в Рождественском — районная ЧК, а затем милиция, в Никитском — различные подразделения Московского университета и т. д. Во многих монастырях (Новодевичьем, Донском, Симоновом) помещалось сразу несколько учреждений: музеи, общежития, прачечные, артели, детсады и др. А в старинных Новоспасском, Спасо-Андрониковом и Ивановском монастырях были развернуты форменные концлагеря.

Приспособление монастырских зданий под жилье, склады, конторы приводило к невосполнимым утратам древнего облика старинных палат и зданий, к разрушению некрополей. Правда, оставшимся в обителях монашествующим удавалось пока сохранить в неприкосновенности главные монастырские храмы, преобразовав их в приходские.

Вообще национализация монастырей стала подлинной трагедией монашествующего древнего сословия России. Многие иноки, выселенные в какое-либо здание обители, продолжали в нелегких условиях вести свой монашеский образ жизни. Но уже в начале 1920-х гг. в результате административной высылки в монастырях Китай-города, в ряде других мужских обителей Москвы оставалось лишь по несколько монахов. Насельницам женских монастырей удавалось гораздо успешнее противостоять стремлениям властей заполучить монастырские помещения. Буквально в первые послереволюционные месяцы монахини и послушницы нескольких женских обителей города организовали различные швейные артели, выполнявшие большие объемы пошивочных работ и для москвичей, и для Красной Армии. Даже в середине 1920-х гг. в Страстном монастыре проживало более 200, в Никитском — около 140, а в Скорбященском — почти 100 монахинь и послушниц и т. д. При этом инокини организовывали религиозные общины, насколько это было возможно, сохраняли монастырский быт.

Из мужских монастырей лишь в Донском и Даниловом продолжали проживать несколько десятков монахов. С середины 1920-х гг. власти города административными решениями стали выселять монашествующих из Москвы в подмосковные монастыри.

С начала 1920-х гг. власти решили создать на территории ряда монастырей показательные именные рабочие поселки, заселив их семьями рабочих находящихся по соседству заводов. В Симоновом монастыре был устроен такой рабочий поселок, а близлежащая Симонова слобода переименована в Ленинскую, в Спасо-Андрониковом после выселения оттуда концлагеря появился рабочий поселок им. М. И. Калинина (в него поселили рабочих завода «Серп и Молот»), в подмосковном Хотьковском — детдом им. Ульяновой-Крупской. Насильно, угрозами и запугиванием, были выселены из своей обители в первые годы советской власти все монахини единоверческого Всехсвятского монастыря за Рогожской заставой, где вскоре был устроен также рабочий поселок — имени Ильича. В 1924 г. жители этого поселка в письме в Моссовет так представляли свое будущее счастье: «Обратив логово тунеядцев в рабочий поселок, мы вместе с тем хотели взамен церкви — образцовый рабочий поселок, с удобствами для жилья, отдыха и разумных развлечений». Рабочие предлагали часть церковной утвари обители раздать на нужды поселка, срыть кладбище и создать цветочную клумбу имени Ленина и т. д.

Из этого дьявольского искушения построить немедленно рай на земле ничего не вышло: через несколько лет монастырь с величественной колокольней и собором был снесен. Да и в других бывших монастырях райской жизни для пролетариев не получилось. Вот, каким предстал в 1927 г. перед современниками Симонов монастырь, в чьи келии заселили около 200 чел.: «…Фруктовый сад монастыря доведен до крайнего истощения… забор повален. Густейшая некогда заросль сирени и акации стравлена козами… Старые надгробия на глазах разрушаются, становясь жертвою хулиганских подростков… Все владение монастыря, раньше являющееся местом отдыха москвичей, залито помоями, запоганено курами, свиньями, собаками, лошадьми». Буквально за 10–15 лет московские

обители, как, впрочем, и все российские монастыри, прошли все круги ада, теряя своих хозяев, великолепные архитектурные ансамбли, священные реликвии.

Сполна вкусили монастыри Москвы последствия страшной атеистической акции государства, имевшей политические и экономические цели — речь идет об изъятии церковных ценностей весной 1922 г. Используя великое несчастье — голод, власти, по существу, узаконили беззаконное, беспрецедентное вмешательство в дела Церкви. Специальные комиссии изымали из храмов почти все серебряные ризы с икон, богослужебные сосуды, кресты, оклады с Евангелий, лампады и проч. Были грубо попраны незыблемые догматы и традиции христианства. И сегодня страшно читать архивные отчеты об изъятии сотен и тысяч пудов серебряных предметов церковного искусства, созданных многими поколениями мастеров. Из храмов и ризниц московских монастырей было вывезено: из Чудова — 57, из Новоспасского — 33, из Андроникова — 28, из Симонова — 26, из Вознесенского — 25 пудов серебряных реликвий. Ящики с изъятыми предметами направлялись в Гохран, откуда большая часть шла на переплавку. Помимо несомненного огромного ущерба духовного и морального, изъятием был нанесен сильнейший удар и по русскому искусству, ибо среди изъятых предметов XVIII–XX вв. было немало замечательных памятников историко-художественного значения. «Успешному» изъятию ценностей весьма содействовала активная работа сотрудников Адмотдела Моссовета, Ликвидационного отдела Наркомюста и Секретного отдела ЧК–ОГПУ, осуществлявших неусыпный контроль над монастырями и церквами. Дирижировал этой деятельностью заведующий Ликвидационным отделом Наркомата юстиции П. А. Красиков, отличавшийся, по отзывам современников, крайне нетерпимым отношением к религии и верующим.

Вплоть до конца 1920-х гг. немногочисленным монахам, составлявшим ядро исполнительных органов религиозных обществ, и верующим мирянам удавалось сохранять в неприкосновенности в большинстве московских обителей по одному храму. Роковым в жизни монастырей стал 1929 г. — год атеистического психоза и массового наступления на Церковь. В марте–апреле этого года были закрыты последние действовавшие храмы Высоко-Петровского и Новодевичьего, в мае Симонова, в июле Заиконоспасского и Богоявленского, в декабре Никитского монастырей. Храмы передавались под общежития, учреждения Наркомпроса и Наркомздрава, под конторы и даже под зернохранилища. С передачей храмов начался последний акт разграбления церковных ценностей древних обителей. Именно в конце 1920-х — начале 1930-х гг. ручейки предметов церковного обихода, изымавшихся из закрываемых церквей, превратились в мощный поток ценностей, подпитывающий коллективизацию, индустриализацию, систему ГУЛАГа и прочие сомнительные и просто преступные акции. Счет церковных предметов, стекавшихся на склад Особой части финотдела Моссовета на Никольской, шел на килограммы и тонны — как лома. Особыми секретными инструкциями Совнаркома, Наркомфина определялись порядок изъятия, утилизации церковных предметов, а также цены на оставшиеся серебряные, медные и бронзовые ризы, сосуды, подсвечники, лампады, колокола и церковные облачения, покровы и проч. Лом церковного серебра (1 кг) оценивался при приемке государством

в 30 руб., цветного металла (в том числе колоколов) — в 500–600 руб. за 1 т. Шитые серебром и золотом облачения ценились тоже недорого. А золоченые иконостасы оценивались просто по их площади — 1 руб. за 1 м², и передавались ОГПУ, где в спецмастерских чекисты добывали (методом химической смывки) это золото. Лишь малая толика памятников церковного обихода передавалась изгнанным в соседние действующие храмы религиозным общинам, а также в музеи, в том числе в музеи-монастыри: Новодевичий, Донской. Хотя эти музеи в угоду времени приобретали все более уродливый атеистический характер — Музей раскрепощения женщины (Новодевичий монастырь) и Антирелигиозный музей (Донской монастырь), все же велика их заслуга и в сохранении архитектурных ансамблей обителей, и в собирании и сохранении наиболее ценных памятников из закрываемых храмов.

Нужно сказать, что утрата цельных монастырских ансамблей началась еще с середины 1920-х гг. с разрушения знаменитых монастырских кладбищ. На смену стихийному вандализму хулиганов в первые годы революции пришло узаконенное районными и городскими властями уничтожение целых древних некрополей. Уже в 1925–1927 гг. размещавшиеся в ряде монастырей учреждения ставили перед Моссоветом вопросы полного удаления намогильных памятников с кладбищ и превращения некоторых некрополей в скверы и парки. Многие замечательные надгробия пропали именно в те годы. А в 1929–1930-хх гг. уже по решениям городских властей хозяйственники приступили к полному уничтожению известных кладбищ Андроникова, Симонова, Алексеевского, Данилова, Скорбященского, Новоспасского, Покровского и других монастырей.

Гранитные и мраморные надгробия, часовни-усыпальницы шли как строительный и отделочный материал, металлические памятники и ограждения вывозил Рудметаллторг. На сегодняшний день, пожалуй, лишь Донской монастырь, куда в лихие годы свозились лучшие художественные надгробия разрушаемых кладбищ, сохранил свой уникальный некрополь, хотя на рубеже 1920–1930-х гг. был план (к счастью, неосуществленный) устройства на значительной части Донского некрополя концертной и физкультурной площадок.

В самый же трагичный период своей многовековой истории московские монастыри вступили сразу после закрытия последних храмов и выселения последних монахов. Вслед за устройством на некрополях парков власти приступили к разрушению стен, колоколен, храмов целого ряда московских обителей. Мотивы разрушения замечательных архитектурных ансамблей были до предела первобытны: необходимость расширения улиц, застройка участков, даже разборка с целью извлечения кирпича для строительства.

В 1928 г. разрушили колокольню, стену и старинную Николаевскую церковь Сретенского монастыря (мотив — расширение ул. Сретенки). В 1929 г. желания Совнаркома и ВЦИК построить в Кремле новое здание военной школы было достаточно, чтобы начать сломку кремлевских жемчужин — древних Чудова и Вознесенского монастырей с соборами XVI–XVII вв. В 1930 г. полностью уничтожили Никитский монастырь, большую часть уникального ансамбля Симонова

монастыря, высокую колокольню Спасо-Андрониковой обители, древнейшую московскую церковь Марии Египетской в Сретенском монастыре.

В 1931–1932 гг. продолжали доламывать старинные храмы Симонова монастыря, снимали купола, разбирали верхние части храмов Богоявленского, Рождественского, Покровского, Даниловского монастырей. В последнем в 1930 г. был закрыт соборный храм и ликвидирована, пожалуй, самая стойкая и организованная в Москве религиозная монастырская община во главе с епископом Феодором (Поздеевским).

Разрушения монастырской старины продолжались в 1932–1934 гг. Почти полностью были снесены ансамбли древних Златоустовского и Зачатьевского монастырей. На месте Златоустовского собора построили жилой дом для чекистов, а вместо собора второго возвели школьное здание. Планы московских реконструкторов-вандалов простирались еще дальше: хотели полностью снести Спасо-Андроников и Высоко-Петровский монастыри, но, по всей видимости, обители спасло то, что из них надо было переселять сотни жильцов. Всего лишь за 5–6 лет (с 1928 по 1934 гг.) в Москве были полностью или в значительной степени уничтожены 9 монастырей из 26 существовавших до революции. В 1934 г. был закрыт, а затем снесен последний в Москве действующий монастырский собор — в бывшем Николо-Греческом монастыре на Никольской.

Последней жертвой довоенной Москвы стал исторический Страстной монастырь (в 1928 г. превращенный в Центральный антирелигиозный музей) — тотальное уничтожение его ансамбля XVII–XIX вв. произошло в мрачном 1937 г.

Чтобы дополнить общую картину монастырских утрат Москвы 1930-х гг., укажем, что в эти годы под различными предлогами были снесены также и бывшие соборы упраздненных еще в XVIII — начале XIX в. монастырей: Варсонофьевского, Георгиевского, Воздвиженского, Введенского и др.

3. Возрождение монастырей Москвы

Предтечей возрождения стало возвращение РПЦ в 1983 г. ансамбля Данилова монастыря. 1000-летие Крещения Руси (1988 г.) и промыслительным образом совпавшие с этой великой датой коренные политические изменения в стране вызвали процесс бурного возрождения московских обителей. Переданные Московской Патриархии бывшие монастырские комплексы стали активно реставрироваться, в них началось восстановление монашеской жизни. Посрамлены оказались те, кто сомневался в целесообразности возрождения монастырей в современной Москве как православных институтов.

Решениями Св. Синода открыты как действующие 13 московских обителей. Вот хронология возобновления в 12 из них (помимо Данилова монастыря) монашеской жизни: 1991 г. — Новоспасский и Донской, 1993 г. — Рождественский, 1994 — Новодевичий и Покровский, 1995 г. — Зачатьевский и Сретенский, 2000 г. — Иоанно-Предтеченский, 2009 г. — Высоко-Петровский, 2010 г. — Заиконоспасский, 2013 г. — Алексеевский и Андреевский монастыри.

В полностью или частично сохранившихся ансамблях монастырей: Спасо-Андрониковского, Николо-Перервинского, Богоявленского, Знаменского, Симонова, существуют Патриаршие подворья, и, возможно, в некоторых из них будет возобновлена монашеская жизнь.

За 3 десятилетия возрождения православия практически все уцелевшие монастырские ансамбли были в разной степени отреставрированы и вновь стали неотъемлемой частью архитектурного облика столицы. Началось даже строительство новых больших храмов (соборы в Зачатьевском и Сретенском монастырях). Давно уже говорят о возможности воссоздания утраченных ансамблей монастырей: кремлевских Чудова и Вознесенского, а также Страстного; монастырских соборов и храмов: Никольского Николо-Греческого монастыря, Захарие-Елисаветинского надвратного Златоустовской обители.

Возрождение монастырей, резкое увеличение их числа в последние десятилетия вызвали и появление в РПЦ новых структур. В 2010 г. решением Св. Синода для оказания возрождающимся обителям содействия и помощи в устроении внутренней монастырской жизни была образована Синодальная комиссия по делам монастырей. В марте 2012 г. она преобразована в Синодальный отдел по монастырям и монашеству (СОММ). Председателем Отдела является викарий Патриарха Московского и всея Руси митрополит Каширский Феогност (Гузиков). В декабре 2020 г. он назначен и наместником московского Донского ставропигиального мужского монастыря. С января 2014 г. СОММ издает общецерковный иллюстрированный журнал «Монастырский вестник», задачей которого является «освещение жизни монастырей, а также обсуждение вопросов, связанных с устроением иноческой жизни в РПЦ». В настоящее время (2022 г.) вышло уже 49 выпусков. На страницах журнала публиковались материалы по истории и современной жизни московских монастырей: Высоко-Петровского, Данилова, Зачатьевского, Рождественского, Покровского и др. В этих и прочих обителях СОММ проводил конференции, семинары, круглые столы по вопросам истории монашества, преемственности монашеской традиции в современных обителях, по повышению квалификации монашествующих, по проблемам сохранения памятников церковной архитектуры и искусства. СОММ подготовлено и издано в 2018 г. «Положение о монастырях и монашествующих».

Монастыри как объекты наследия и духовные центры приобретают все большее значение в современной социальной и культурной жизни Москвы.

Утраченные монастыри, монастырские храмы и некрополь

Вознесенский монастырь. Собор Вознесения Господня (на первом плане) и храм прп. Михаила Малеина (слева). Фотография конца XIX в.

Храм св. вмц. Екатерины Вознесенского монастыря. Фотография конца XIX – начала XX в.

Вознесенский монастырь. Храм св. вмц. Екатерины. Фотография начала XX в.

Вознесенский монастырь. Внутренний вид храма св. вмц. Екатерины. Фотография конца XIX – начала XX в.

Всехсвятский единоверческий монастырь. Фотография XIX в.

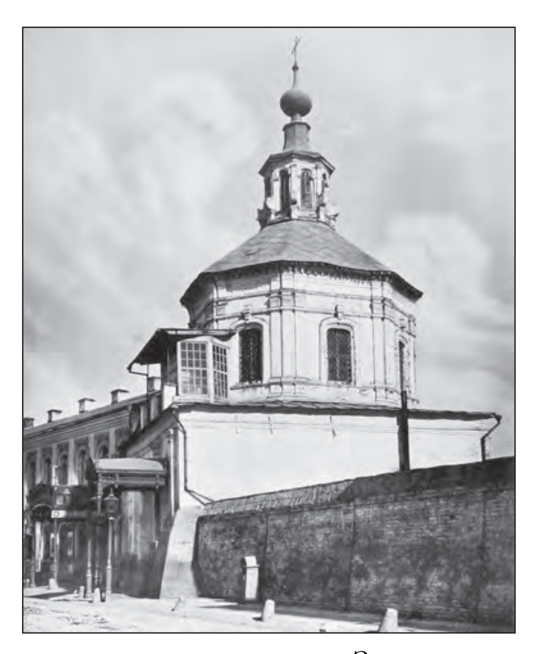
Всехсвятский единоверческий монастырь. Фотография начала XX в.

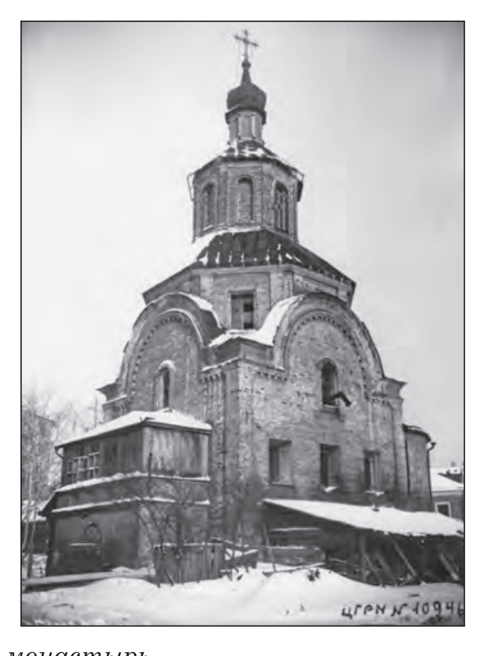

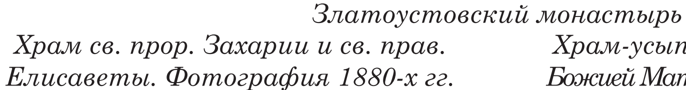
Зачатьевский монастырь. Фотография начала XX в.
(из книги: Москва православная. Сентябрь... – М., 2003)

Зачатьевский монастырь. Собор Рождества Богородицы и колокольня в процессе разборки. Фотография начала 1930-х гг.

Златоустовский монастырь

Храм св. прор. Захарии и св. прав. Елисаветы. Фотография 1880-х гг.

Храм-усыпальница Благовещения Божией Матери. Фотография 1920-х гг.

Никитский монастырь

Колокольня. Фотография 1880-х гг.

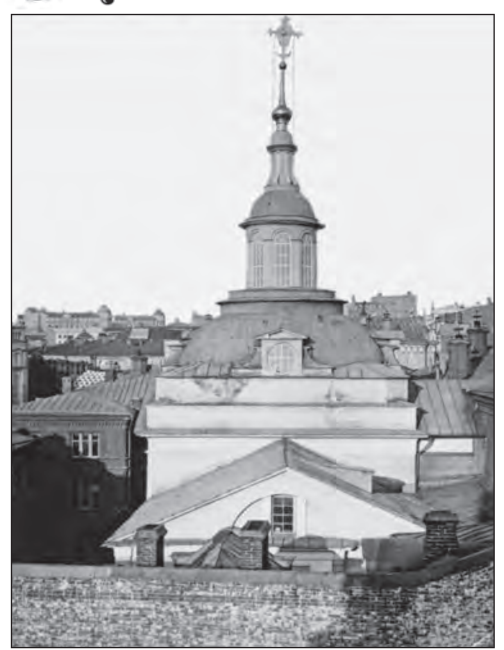
Храм св. вмч. Димитрия Солунского (на первом плане) и собор св. вмч. Никиты. Фотография 1920-х гг.

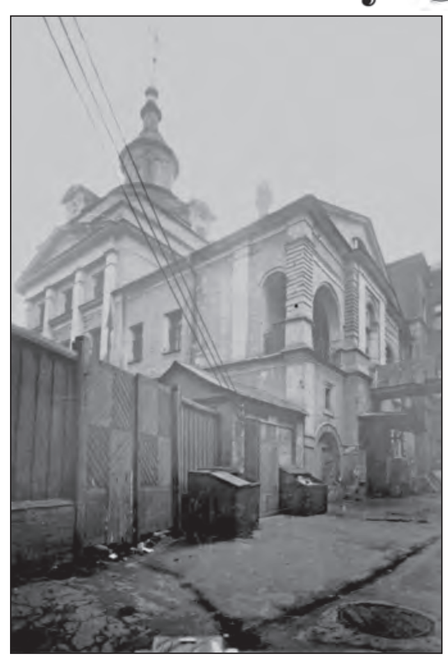
Никитский монастырь. Фотография 1920-х гг.

Николо-Греческий монастырь. Фотография 1880-х гг.

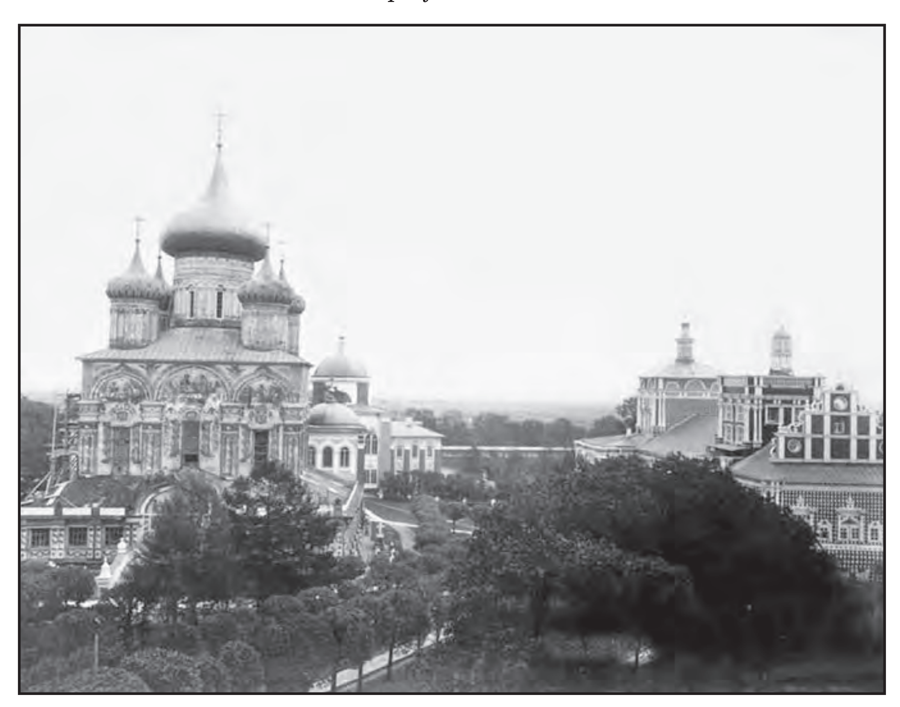

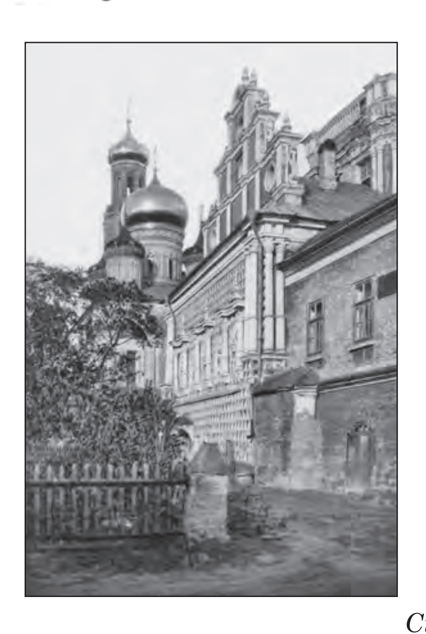

Николо-Греческий монастырь. Собор свт. Николая Чудотворца. Фотографии 1920-х гг.

Симонов монастырь. Собор Успения Божией Матери (слева) и храм Тихвинской иконы Божией Матери (справа). Фотография конца XIX – начала XX в.

Храм Тихвинской иконы Божией Матери. Фотография начала XX в.

Симонов монастырь. Надвратный храм Спаса Всемилостивого. Фотография 1920-х гг. (из книги: Москва православная. Август… – М., 2002)

Симонов монастырь. Разрушение. Фотография 1929 г.

Симонов монастырь. Разорение Успенского собора. Фотография 1929 г.

Спасо-Андроников монастырь. Колокольня. Фотография конца XIX в.

Спасо-Андроников монастырь. Храм-усыпальница св. мч. Евграфа. Фотография конца 1940-х – 1950-х гг.

Сретенский монастырь. Фотография 1880-х гг.

Сретенский монастырь. Храм прп. Марии Египетской.
Фотография 1920-х гг.

Сретенский монастырь. Начало сноса Никольского храма и колокольни.
Фотография 1928 г.

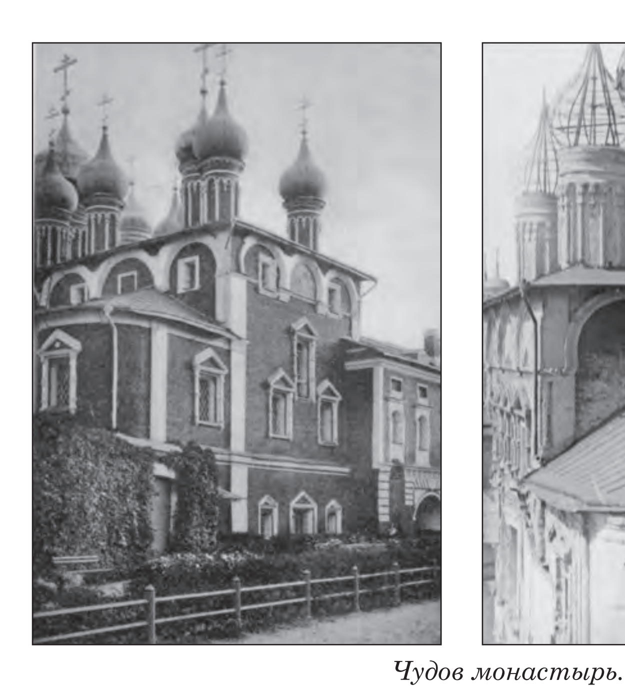
Страстной монастырь. Собор Страстной иконы Божией Матери. Фотография конца XIX – начала XX в.

Бывший Страстной монастырь. Колокольня. Фотография конца 1920-х – 1930-х гг.

Чудов монастырь. Фотография начала XX в.

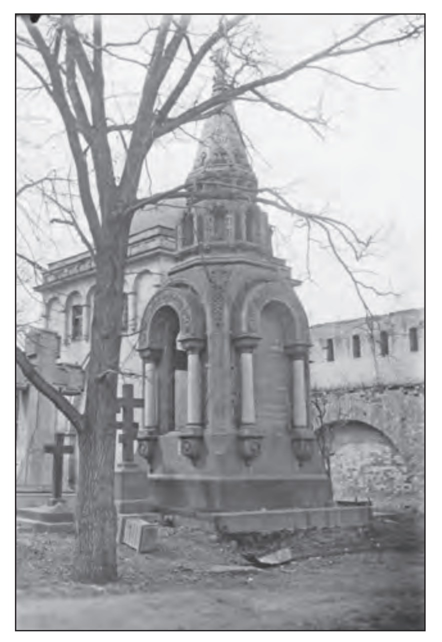

Чудов монастырь.

Собор свт. Алексия митрополита Московского. Открытка начала XX в.

Разрушение собора свт. Алексия митрополита Московского. Фотография 1929 г.

Некрополь Покровского монастыря. Часовня Хлудовых.

Некрополь Скорбященского монастыря.

Фотографии 1920-х гг.

Ликвидация некрополя Новодевичьего монастыря. Фотография 1920-х гг.

МОСКОВСКИЕ
МОНАСТЫРИ.
ОЧЕРКИ

Московские монастыри. Основные вехи истории

АЛЕКСЕЕВСКИЙ СТАВРОПИГИАЛЬНЫЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

основание – ок. 1360 г., 1837 г.

закрытие последнего храма и ликвидация общины – 1930 г. (?)

снос частичный – 1930-е гг.

современный статус – монастырь с 2013 г.

АНДРЕЕВСКИЙ СТАВРОПИГИАЛЬНЫЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ

основание – 1648 г.

закрытие последнего храма и ликвидация общины – 1924 г.

современный статус – монастырь с 2013 г.

БОГОЯВЛЕНСКИЙ 1-ГО КЛАССА НЕОБЩЕЖИТЕЛЬНЫЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ

основание – 1296 г.

закрытие последнего храма и ликвидация общины – 1929 г.

снос частичный – конец 1920-х – начало 1930-х гг.

современный статус – Патриаршее подворье с 1990-х гг.

ВОЗНЕСЕНСКИЙ 1-ГО КЛАССА НЕОБЩЕЖИТЕЛЬНЫЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

основание – 1407 г.

закрытие последнего храма и ликвидация общины – 1918 г.

снос – 1929–1930 гг.

ВСЕХСВЯТСКИЙ ЕДИНОВЕРЧЕСКИЙ 2-ГО КЛАССА ОБЩЕЖИТЕЛЬНЫЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

основание – 1862 г.

закрытие последнего храма и ликвидация общины – 1924 г.

снос частичный – начало 1930-х гг.

ВЫСОКО-ПЕТРОВСКИЙ СТАВРОПИГИАЛЬНЫЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ

основание – середина XIV в.
закрытие последнего храма и ликвидация общины – 1929 г.
современный статус – монастырь с 2009 г.

ДАНИЛОВ СТАВРОПИГИАЛЬНЫЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ

основание – конец XIII в.
закрытие последнего храма и ликвидация общины – 1930 г.
современный статус – монастырь с 1983 г.

ДОНСКОЙ СТАВРОПИГИАЛЬНЫЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ

основание – 1593 г.
закрытие последнего храма и ликвидация общины – 1929 г.
современный статус – монастырь с 1991 г.

ЗАИКОНОСПАССКИЙ СТАВРОПИГИАЛЬНЫЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ

основание – конец XVI – начало XVII в.
закрытие последнего храма и ликвидация общины – 1929 г.
современный статус – монастырь с 2010 г.

ЗАЧАТЬЕВСКИЙ СТАВРОПИГИАЛЬНЫЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

основание – ок. 1360 г.
закрытие последнего храма и ликвидация общины – 1925 г.
снос частичный – 1932 г.
современный статус – монастырь с 1995 г.

ЗЛАТОУСТОВСКИЙ 3-ГО КЛАССА НЕОБЩЕЖИТЕЛЬНЫЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ

основание – 1412 г.
закрытие последнего храма и ликвидация общины – начало 1920-х гг.
снос – 1933–1934 гг.

ЗНАМЕНСКИЙ 3-ГО КЛАССА НЕОБЩЕЖИТЕЛЬНЫЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ

основание – 1631 г.
закрытие последнего храма и ликвидация общины – 1929 г.
современный статус – Патриаршее подворье с 1990-х гг.

ИВАНОВСКИЙ СТАВРОПИГИАЛЬНЫЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

основание – начало XVI в.
закрытие последнего храма и ликвидация общины – 1927 г.
современный статус – монастырь с 2000 г.

КАЗАНСКИЙ ГОЛОВИНСКИЙ ОБЩЕЖИТЕЛЬНЫЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

основание – 1886 г.
закрытие последнего храма и ликвидация общины – 1929 г.
снос частичный – 1930-е –1970-е гг.

НИКИТСКИЙ 3-ГО КЛАССА ОБЩЕЖИТЕЛЬНЫЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

основание – 1582 г.
закрытие последнего храма и ликвидация общины – 1928 г.
снос – 1930 г.

НИКОЛАЕВСКИЙ ГРЕЧЕСКИЙ 2-ГО КЛАССА НЕОБЩЕЖИТЕЛЬНЫЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ

основание – 1390 г.
закрытие последнего храма и ликвидация общины – 1934 г.
снос частичный – 1934 г.
современный статус – подворье Заиконоспасского монастыря с 2015 г.

НИКОЛО-ПЕРЕРВИНСКИЙ ЗАШТАТНЫЙ НЕОБЩЕЖИТЕЛЬНЫЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ

основание – начало XVII в.
закрытие последнего храма и ликвидация общины – 1940 г. (?)
современный статус – Патриаршее подворье с 1990-х гг.

НИКОЛЬСКИЙ ЕДИНОВЕРЧЕСКИЙ ОБЩЕЖИТЕЛЬНЫЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ

основание – 1866 г.
закрытие последнего храма и ликвидация общины – 1918 г.

НОВОДЕВИЧИЙ СТАВРОПИГИАЛЬНЫЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

основание – 1524 г.
закрытие последнего храма и ликвидация общины – 1929 г.
современный статус – монастырь с 1994 г.

НОВОСПАССКИЙ СТАВРОПИГИАЛЬНЫЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ

основание – 1490 г.

закрытие последнего храма и ликвидация общины – 1925 г.

современный статус – монастырь с 1991 г.

ПОКРОВСКИЙ СТАВРОПИГИАЛЬНЫЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

основание – 1635 г.

закрытие последнего храма и ликвидация общины – 1929 г.

снос частичный – 1926–1930-е гг.

современный статус – монастырь с 1994 г.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СТАВРОПИГИАЛЬНЫЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

основание – 1386 г.

закрытие последнего храма и ликвидация общины – 1929 г.

современный статус – монастырь с 1993 г.

СИМОНОВ 1-ГО КЛАССА СТАВРОПИГИАЛЬНЫЙ НЕОБЩЕЖИТЕЛЬНЫЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ

основание – 1370 г

закрытие последнего храма и ликвидация общины – 1929 г.

снос частичный – 1929–1932 гг.

современный статус – Патриаршее подворье с 1990-х гг.

СКОРБЯЩЕНСКИЙ 3-ГО КЛАССА ОБЩЕЖИТЕЛЬНЫЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

основание – 1889 / 1890 г.

закрытие последнего храма и ликвидация общины – 1929 г.

снос частичный – 1929–1970-е гг.

СПАСО-АНДРОНИКОВ 2-ГО КЛАССА НЕОБЩЕЖИТЕЛЬНЫЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ

основание – конец 1350-х – начало 1360-х гг.

закрытие последнего храма и ликвидация общины – 1924 г.

снос частичный – 1929 г., 1950-е гг.

современный статус – Патриаршее подворье с 1990-х гг. (?)

СРЕТЕНСКИЙ СТАВРОПИГИАЛЬНЫЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ

основание – 1397 г.
закрытие последнего храма и ликвидация общины – 1930 г. (?)
снос частичный – 1928–1930 гг.
современный статус – монастырь с 1995 г.

СТРАСТНОЙ 3-ГО КЛАССА НЕОБЩЕЖИТЕЛЬНЫЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

основание – 1654 г.
закрытие последнего храма и ликвидация общины – 1928 г.
снос – 1937 г.

ЧУДОВ КАФЕДРАЛЬНЫЙ 1-ГО КЛАССА НЕОБЩЕЖИТЕЛЬНЫЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ

основание – 1350-е гг. – 1365 г.
закрытие последнего храма и ликвидация общины – 1918 г.
снос – 1929–1930 гг.

МОНАСТЫРИ МОСКВЫ в НАЧАЛЕ XX в.*

на Дмитров
на Ярославль
на Тверь
Скорбященский
Алексеевский
Страстной
Высокопетровский
Рождественский
Сретенский
на Звенигород
Златоустовский
Заиконоспасский
Богоявленский
Никитский
Никологреческий
Знаменский
Спасо-Андроников
Чудов
Ивановский
Вознесенский
Покровский
Зачатьевский
на Можайск
на Ни
Новоспасский
Новодевичий
Симонов
Донской
Данилов
Андреевский
в.к.
на Калугу
на Серпухов

* Схема составлена автором.

Алексеевский ставропигиальный женский монастырь

2-й Красносельский пер., д. 7, стр. 8

В начале XX в. — 4 храма с 9 престолами

Алексия человека Божия прп. собор
Грузинской иконы Божией Матери придел
Павла Латрского прп. придел

Воздвижения Животворящего Креста Господня собор
Симеона епископа Персидского св. придел
Тихвинской иконы Божией матери придел

Всех Святых кладбищенский храм (ныне собор)
Казанской иконы Божией Матери придел

Михаила архангела св. и прочих бесплотных сил при монастырской больнице домовый храм

ИСТОРИЯ ДО 1917 г.

Алексеевский монастырь, ныне существующий в районе 2-го Красносельского пер., дважды менял свое местоположение.

По преданию и поздним документам, он считается одним из древнейших в Москве — основан около 1360 г. в районе Остоженки родными сестрами митрополита Московского Алексия Евпраксией и Иулианией. Полагают, что Алексеевский и находящийся там же женский Зачатьевский монастыри существовали первоначально как единая обитель. Здесь были возведены храм во имя прп. Алексия человека Божия, а также соборная церковь в честь Зачатия св. прав. Анны. По мнению археолога Л. А. Беляева, в период между 1551–1571 гг. Алексеевский монастырь мог владеть и участком неподалеку, ближе к Кремлю — в Чертолье. Возможно, после пожара 1571 г. монастырь был перенесен на этот участок и оставался там до 1837 г. На прежнем же месте оставшимися там сестрами была основана Зачатьевская обитель. Первое документальное упоминание о монастырской слободе в Чертолье относится к 1565 г. На новом месте Алексеевский монастырь располагался рядом с известной Семиверхой башней Белого города. По всей видимости, обитель пострадала в Смуту в 1611 г., когда пожаром был опустошен Белый город, а также и от пожара 1629 г. Сведения о переносе Алесеевского монастыря в Чертолье содержатся в жалованной грамоте 1623 г. царя Михаила Федоровича.

Расцвет монастыря пришелся на периоды царствования Михаила Федоровича (1613–1645 гг.) и особенно его сына Алексея Михайловича (1645–1676 гг.). Документы свидетельствуют, что Алексей Михайлович в 1650–1660-е гг. очень часто посещал обитель, делал богатые вклады. В 1634 г. в присутствии Алексея Михайловича был освящен шатровый каменный Спасо-Преображенский собор, а также, по всей видимости, в том же году и стоявший с ним рядом шатровый Алексеевский храм. В церквах Алексеевского монастыря вплоть до его закрытия сохранялись вклады Михаила Федоровича и Алексея Михайловича: Евангелие, напрестольный крест, кадило, лампада и др. В середине 1650-х гг. в монастырь был привезен чудотворный список Грузинской иконы Божией Матери. Во время эпидемии чумы в 1654 г. она прославилась чудесами. По преданию, образ был принесен в обитель во время чумы, но в 1903 г. церковный историк Н. Романский утверждал, что он был приобретен в Персии одним из московских купцов и подарен еще до чумы кому-либо из проживавших в Алексеевском монастыре.

По преданию, в 1671 г. в стенах монастыря содержалась в заточении княгиня Евдокия Урусова, родная сестра известной боярыни Феодосии Морозовой (обе были поборницами старой веры и стойкими последовательницами протопопа Аввакума).

Полагают, что второй период расцвета Алексеевской обители пришелся на время появления на свет сына Петра I царевича Алексея Петровича. Видимо, в 1690-е гг. строения и храмы монастыря были отремонтированы, тогда же был устроен придел в честь Тихвинской иконы Божией Матери. В начале XVIII в. в монастыре построили каменные келии.

Обитель горела во время больших московских пожаров 1737 и 1748 гг. В канун секуляризации в ней проживало около 100 монахинь, несколько священников и диаконов, а также там поселили 12 отставных офицеров и солдат. В ходе секуляризационной реформы в 1764 г. у Алексеевской обители отобрали земли, а ее отнесли ко 2-му классу необщежительных монастырей с числом монахинь не более 17.

В 1812 г. монастырь был разграблен французами, хотя спрятанную ценную утварь мародеры не обнаружили. Оккупанты хотели обитель сжечь, однако благодаря самоотверженности монахинь монастырь был спасен.

Вот, как описывал восстановленную после войны обитель А. Ф. Малиновский: «На крутом берегу Москвы-реки между Каменным мостом и Пречистенскими воротами, против бульвара каменные стены ограждают инокинь Алексеевского монастыря от сует мира. Посреди ограды — две соборные церкви, одна во имя Алексея человека Божия, по которой монастырь называется Алексеевским, а другая во славу Преображения Господня; невысокие старинной простой архитектуры, обе с пирамидальными осьмиугольными возвышениями одинаковой величины, в готическом вкусе украшенными. В них 2 придела: Богоматери Тихвинской и Зачатия Святой Анны. Колокольня снизу четвероугольная, обширная, повершается в виде небольшой пирамиды, несоразмерной с основанием ее».

Тот же А. Ф. Малиновский оставил нам в 1820 г. и упоминания о монастырском некрополе XVII — начала XIX в. (подробнее о некрополе см. отдельный

очерк). Захоронения находились как на самом кладбище, так и в храмах. Среди погребенных были известные личности, представители знатных родов. Однако этот некрополь не сохранился, как не сохранился и сам Алексеевский монастырь в Чертолье.

В 1830-е гг. древняя обитель была ликвидирована и затем полностью разрушена. Вот, как это было. После неудачной попытки соорудить обетный храм-памятник победе в Отечественной войне 1812 года на Воробьевых горах по распоряжению императора Николая I решено было строить храм Христа Спасителя на месте Алексеевского монастыря. В именном указе, данном на имя Св. Синода 10 апреля 1832 г., в частности, говорилось: «1) сделать распоряжение о перенесении утвари из церкви Алексеевского монастыря... в другие священные места, сообразно с приличием, удобностию и потребностию, 2) немедленно войти в рассмотрение и представить нам, куда удобнее можно перевести находящихся в Алексеевском монастыре настоятельницу и сестер, так как и самый штат...». Тогда духовным начальством рассматривались варианты перевода монастыря либо на Бородинское поле к церкви, устроенной М. М. Тучковой, либо на Измайловский остров к древней царской усадьбе. Но, в конце концов, решено было переместить монастырь на восточную окраину Москвы в Красное село, к местной Крестовоздвиженской церкви. На переезд было дано два года и отпущено 120 тыс. руб. Двухлетний срок переезда очень скоро сократили до полугодового, то есть — до 1 ноября 1837 г.

В день Святого Духа 7 июня 1837 г. в присутствии игумении Клавдии и сестер монастыря у сельского Крестовоздвиженского храма состоялась закладка Святых врат. Уже в первых числах октября были сооружены каменная ограда со Святыми воротами и 2-мя башнями и 8 двухэтажных келейных корпусов (низ каменный, верх деревянный). Содействие по всем вопросам обустройства на новом месте Алексеевского монастыря оказывал митрополит Московский Филарет (Дроздов).

Переезд древней обители состоялся в субботу 16 октября 1837 г., когда после всенощного бдения в старом монастырском соборе в Чертолье игумения, инокини и духовенство Пречистенского сорока, «...подняв св. иконы: Божией Матери Целительницы, Грузинской, прп. Алексия Человека Божия, все другие иконы, все священные принадлежности храма и ризницы, с молебным пением под сению крестов и хоругвей...», начали «торжественное шествие чрез всю Москву». Крестный ход, шедший по Мясницкой, через Красноворотскую пл., встретил у нового монастыря в Красном селе митрополит Филарет, совершивший благодарственное молебствие в Крестовоздвиженском храме. В память об этом был написан так называемый переходный образ свв. Филарета, Осии и Феодота с изображением вверху Сошествия Святого Духа и ангелов. Икона эта была одета в серебряно-вызолоченную ризу с финифтяной накладкой с надписью: «Основание монастыря 7 июля 1837 г., что было в Духов день, а 17 октября по Высочайшей воле Государя Императора Николая I сей монастырь в том же году переведен с Пречистенской улицы в Красное село с благословения московского митрополита Филарета».

Нужно сказать, что свт. Филарет оказал содействие в организации в Новоалексеевском монастыре кладбища, разрешение на его открытие было дано обители в 1840 г. За свою не очень долгую историю монастырский некрополь, ставший одним из самых ухоженных и благоустроенных в Москве, получил известность. Богатство и художественную ценность многих надгробных памятников отмечали специалисты. На монастырском кладбище во второй половине XIX — начале XX в. были похоронены известные благотворители, представители купеческих фамилий и торгово-промышленной Москвы, а также деятели культуры, историки, литераторы, архитекторы и художники, врачи, военные. Здесь было немало могил московской знати.

К началу XX в. за монастырскими стенами жило около 300 монахинь и послушниц, молившихся в 4-х храмах: старинном Крестовоздвиженском соборе, расширенном в 1857 г., соборе прп. Алексия человека Божия, сооруженном в 1853 г., больничном храме архангела Михаила, устроенном в 1879 г., и Всехсвятской кладбищенской церкви, построенной в 1891 г. У въездных ворот в деревянном одноэтажном здании находилась часовня, где размещались киот со старинными образами, Животворящий Крест, Евангелие, лампады.

В Крестовоздвиженском соборе в ризнице и в Алексеевском храме хранились исторические православные реликвии, перенесенные сестрами из старого монастыря.

За 80 лет жизни в Красном селе Алексеевский монастырь обзавелся многими зданиями, в которых жили и работали монахини, размещались нужные обители учреждения и заведения. Особенно много для благоустройства территории сделала настоятельница игумения Антония, переведенная в Алексеевскую обитель в 1871 г. из Страстного монастыря, где она также была настоятельницей. Новая игумения ввела в монастыре общежительство, то есть общие трапезу и работы. В 1871 г. был построен трапезный корпус, в нижнем этаже которого был устроен зал для общей трапезы и помещение для кухни, келии для сестер, обслуживавших трапезную. На втором этаже трапезного корпуса разместили мастерские: золотошвейную, живописную, чеканную, переплетную, а также аптеку и келии.

В том же 1871 г. в монастыре открыли первое в России училище для православных южнославянских девочек, из порабощенных Турцией Балканских стран. Училище просуществовало 12 лет и сделало два выпуска. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. сестры обители изготавливали лазаретные палатки, перевязочные материалы.

В 1878–1879 гг. был сооружен двухэтажный каменный корпус богадельни для престарелых сестер с больничной домовой церковью. В память избавления императора Александра III от опасности 17 октября 1888 г. (катастрофа царского поезда у станции Борки) в монастыре открыли училище на 17 девочек-сирот и дочерей священнослужителей. В 1880-е гг. благодаря покупке земли территория обители увеличилась в два раза, и на новом участке были построены Всехсвятский кладбищенский храм и рядом с ним — каменные корпуса.

В 1891–1893 гг. в монастыре были сооружены несколько двухэтажных домов, в которых жили певчие, были помещение просфорни, келии для сестер.

В обители бывали многие известные лица. В 1888 г. строящийся Всехсвятский храм и могилу известного русского публициста и общественного деятеля консервативного направления М. Н. Каткова (†1887) посетил обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев, а в 1903 г. — император Николай II, императрица Александра Федоровна, московская великокняжеская семья: Сергей Александрович и Елизавета Федоровна. Высокие гости присутствовали на молебствии в Крестовоздвиженском соборе, осмотрели древние иконы Господа Вседержителя и Тихвинскую Божией Матери (XVI в.), приложились к чудотворным иконам Грузинской и Целительнице, а после также посетили могилу М. Н. Каткова.

В конце первого десятилетия XX в. в монастыре подвизалось около 80 монахинь и послушниц.

ИСТОРИЯ ПОСЛЕ 1917 г.

Октябрьский переворот 1917 г. положил конец поступательному развитию и благоустройству Алексеевского монастыря. Новая атеистическая власть с первых лет существования стала применять против обители и сестер репрессивные меры. Монахинь предельно уплотнили, и освободившиеся корпуса заселили новыми жильцами — главным образом, рабочими завода им. М. Маленкова и фабрики «Москвошвей». В апреле 1922 г. из храмов обители было изъято несколько пудов серебряных церковных предметов.

Образованное из новых жителей жилтоварищество обращалось к районным и городским властям с просьбой о ликвидации храмов. Были закрыты кладбищенский Всехсвятский храм (Постановление Президиума Моссовета от 27 августа 1924 г.) и Алексеевская церковь (Постановление от 6 декабря 1924 г.).

В самом конце декабря 1924 г., по сведениям городских властей, «в Алексеевском монастыре имелось 4 храма, из коих один домовой пустует, другой Всехсвятский использован под Мосгубархивбюро, третий ныне опечатан и намечен к сдаче Сокольническому Совету, а четвертый Крестовоздвиженский находится в пользовании группы верующих».

По данным Моссовета, в конце 1924–1925 гг. из монастыря были выселены 127 монахинь, хотя какая-то часть инокинь все же осталась жить в разных корпусах обители.

Не избежало разорения и монастырское кладбище, оно было закрыто для захоронений на год раньше, чем закрыли кладбищенский Всехсвятский храм — в мае 1923 г., по Постановлению Президиума Моссовета. Памятники находились в небрежении, подвергались вандализму, разворовывались. Такое же положение наблюдалось и на других бывших монастырских кладбищах Москвы, и власти со второй половины 1920-х гг. приступили к полному их сносу или превращению в своеобразные парки с сохранением хотя бы части историко-художественных памятников. Однако заботу о благоустройстве доживавших свои последние дни исторических некрополей городские хозяйственные органы переложили на плечи

родственников погребенных, им было разрешено создавать так называемые общества благоустройства, которые и должны были поддерживать порядок на некрополе, оберегать могилы и т. д. Недолгое время в 1927–1928 гг. такое общество действовало и на Алексеевском кладбище. Но весной 1928 г. было принято окончательное решение бывшее монастырское кладбище ликвидировать. Его уничтожение продолжалось в 1929–1930-х гг., решетки, надгробные памятники утилизировались. В конечном счете монастырский некрополь исчез. Через полвека, уже в 1980-е гг. по территории бывшего кладбища прошла большая городская магистраль — Рижская эстакада Третьего транспортного кольца. Тогда же был снесен и старый больничный корпус, где еще в 1879 г. устроили домовый храм архангела Михаила.

С 1990 г. церковная жизнь стала постепенно возвращаться в полуразрушенные, но все же уцелевшие храмы бывшего монастыря. В 1991 г. состоялась первая литургия во Всехсвятском храме, в 2010 г. при нем было создано сестричество во имя прп. Алексия человека Божия, а через 2 года здесь начала действовать монашеская община, на базе которой и был возрожден Алексеевский ставропигиальный женский монастырь (решение Св. Синода от 16 июля 2013 г.).

Сегодня в Алексеевском монастыре — 2 возрожденных и отреставрированных храма: Всехсвятский и Алексеевский (возвращены верующим в 2002 г.). Территория современного монастыря обнесена новой стеной со Святыми воротами, украшенными мозаичными иконами. Внутри обители сооружена часовня в честь иконы Божией Матери «Неувядаемый цвет».

Возрожденный монастырь стал известным в Москве духовным центром с важными социальными и просветительскими функциями. При храме Всех Святых еще в 1994 г. в одном из старых корпусов открыта Богадельня им. Цесаревича Алексия для граждан пожилого возраста и инвалидов. Продолжены и традиции православной педагогики: в 1995 г. основана православная церковно-приходская школа (с 2016 г. — «Частное общеобразовательное учреждение “Школа при Алексеевском монастыре”»). В 2017 г. в ней обучалось 85 детей.

4 ноября 2012 г. при монастырской общине открылся Музей истории Алексеевской обители. Экспозиция создана силами Отдела архивных исследований истории Алексеевского монастыря. В музее хранятся некоторые реликвии сестер старой обители, в частности, келейная Казанская икона Божией Матери, личные вещи настоятельниц. В монастыре собираются все сведения о подвижнической жизни монахинь во времена гонений. Особенно это касается причисленных к лику святых преподобномучениц Анны (Макандиной), Матроны (Макандиной), Ефросинии (Тимофеевой), расстрелянных инокинь Вассы (Леоновой), Татьяны (Беловой), а также сосланных сестер. Была подготовлена и издана в 2011 г. книга «Красносельские мученицы». Что касается утраченного монастырского некрополя, то сведения о захороненных на кладбище можно посмотреть в размещенном на сайте монастыря и пополняемом «Красносельском синодике». В декабре 2021 г. состоялось открытие выставки, посвященной

200-летию со дня рождения управлявшей обителью 26 лет — с 1871 по 1897 г., игумении Антонии (Троилиной).

В 2013 г. к Алексеевскому монастырю приписали в статусе скита храм свт. Тихона Задонского в Сокольниках. Храм этот, построенный из дерева в основном на средства купцов Д. С. Лепешкина и И. А. Лямина, был освящен в 1863 г. митрополитом Московским Филаретом. Позже здесь были устроены 2 придела: во имя св. равноап. кнг. Ольги и во имя прп. Серафима Саровского. В 1934 г. храм закрыли, а в 1992 г. возвратили верующим в аварийном состоянии. Его приписали к открытому тогда монастырскому Всехсвятскому храму.

В феврале 2018 г. к возрожденному монастырю приписали также храм св. вмч. и целителя Пантелеимона, устроенный в 2005 г. в корпусе Центральной клинической больницы Российской академии наук (ЦКБ РАН).

Настоятельницей возрожденного Алексеевского монастыря решением Св. Синода от 16 июля 2013 г. назначена инокиня Ксения (Чернега). В 2009 г. Патриарх Кирилл совершил постриг ее в рясофор и затем назначил старшей сестрой монашеской общины при приходе храма Всех Святых. 23 декабря 2013 г. Патриарх Кирилл совершил ее мантийный постриг. 30 марта 2014 г. монахиня Ксения (Чернега) возведена в сан игумении.

Воздвижения Креста Господня собор

сохранился частично

Как уже говорилось, переход сестер старого Алексеевского монастыря в Красное село состоялся 16 октября 1837 г. Здесь находилась сельская Крестовоздвиженская церковь, ставшая главным и единственным храмом обители. Церковь эта была документально известна с 1625 г. В документах 1722 г. при храме упоминается придел в честь Тихвинской иконы Божией Матери, тогда в приходе церкви числилось 22 двора. По приделу храм часто называли Тихвинским. В 1812 г. храм был разграблен, но сохранились чудотворные иконы Тихвинская Божией Матери и свт. Николая Чудотворца. При передаче Крестовоздвиженского храма переехавшей в село обители в нем был оставлен старый причт и сохранен приход.

В 1841 г. в соборной церкви с правой стороны от главного престола был устроен придел во имя прп. Алексия человека Божия. После сооружения в обители второго — Алексеевского храма (1853 г.), этот придел был переосвящен во имя св. Симеона епископа Персидского — небесного ангела генерал-лейтенанта Симеона Петровича Степанова, пожертвовавшего на нужды храма более 13 тыс. руб. Сам С. П. Степанов был погребен в этом приделе.

Крестовоздвиженский храм был капитально переделан и расширен (с западной стороны пристроены помещения для ризницы) в середине 1850-х гг. Тогда же к церковному зданию пристроили галерею, соединившую его с монастырской оградой. 13 сентября 1857 г. обновленный собор был освящен митрополитом

Московским Филаретом. В 1874 г. в храме были сооружены духовые печи, и он из холодного стал теплым.

Сохранилось описание историком-архивистом И. Ф. Токмаковым внутреннего вида первого храма Алексеевской обители в конце XIX в. В храме было 20 окон, 3 двери. Перед главным четырехъярусным деревянным, вызолоченным иконостасом Воздвиженской церкви были устроены 4 клироса. В Тихвинском и Симеоновском приделах выделялся высокий живописный Животворящий Крест Господень с надписью на нем: «Украшен в 1854 г. в память Марье Тихоновне Мамонтовой, скончавшейся 6 октября 1852 г. и погребенной при Алексеевском монастыре». Здесь же находилась и копия с чудотворной Грузинской иконы Божией Матери в серебряной ризе — вклад Н. И. Геер.

При Крестовоздвиженском храме на старинной XVII в. шатровой колокольне находилось 9 колоколов, самый большой из которых весил 325 пудов. На 60-пудовом колоколе, перенесенном из старой Алексеевской обители, была историческая надпись: «Божией милостию и повелением благоверного и благочестивого и христолюбивого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси самодержца слит колокол в преименитом царствующем граде Москве в лето 7157 (1648 г. — *В. К.*), в 3-е лето царство его, а весу в нем 60 пуд».

При Крестовоздвиженском соборе в монастырской ризнице хранилось много предметов церковной утвари историко-художественного значения: богослужебные сосуды, кресты напрестольные, лампады, кадила, облачения и другое, в том числе серебряные, с частицами мощей святых напрестольные кресты 1638 г. — вклад царя Михаила Федоровича и царицы Евдокии Лукьяновны «в соборную и апостольскую церковь, в Алексеевский монастырь, к Алексею Человеку Божию в предел…», крест напрестольный 1700 г. — вклад Б. Г. Юшкова «…в церковь Боголепного Преображения Господня…», крест напрестольный 1714 г. — вклад М. Ф. Жихаревой «…в Алексеевский девичий монастырь, в церковь Зачатия св. Богоматери…» и др.

Среди хранившихся в ризнице старинных предметов утвари выделялись серебряная лампада 1630 г. — вклад царя Михаила Федоровича «…в девич монастырь во Алексеевской, что в Чертолье…», серебряное кадило 1631 г. — вклад царя Михаила Федоровича, и ковш серебряный — вклад царя Алексея Михайловича, и другие художественные предметы церковной утвари более позднего времени.

Собор был главной усыпальницей Алексеевского монастыря. В нем были похоронены такие именитые москвичи как Ф. Ф. Набилков (†1848) — известный благотворитель, основатель богадельни и училища, носивших его имя; Ф. Ф. Мясоедов (†1860) — генерал-лейтенант, участник Отечественной войны 1812 года, сенатор, директор Измайловской богадельни; С. П. Степанов (†1852) — генерал-лейтенант, устроитель Симеоновского придела; В. М. Бостанжогло (†1876) — известный общественный деятель, табачный фабрикант, и др. У алтаря Симеоновского придела собора в 1897 г. была погребена,

пожалуй, самая известная игумения Алексеевского монастыря Антония (Троилина).

Крестовоздвиженский собор был закрыт последним из храмов обители. В 1924–1925 гг. в него перенесли некоторые известные святыни и часть церковной утвари из закрытых к тому времени Всехсвятской и Алексеевской церквей.

Ликвидация же храма произошла, по-видимому, в 1930 г. (точная дата закрытия в архивных документах не обнаружена). Наиболее известные святыни обители были переданы в действовавший тогда ближайший храм Воскресения Христова в Сокольниках.

В середине 1930-х гг. здание собора, в значительной степени уже снесенное, власти передали Всесоюзному институту рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО) под строительство своего здания. Остатки собора: подклет, усыпальницу, фундамент, части стен, включили в сооруженный корпус института. Позже надстроили этажи и обстроили другими корпусами. Сегодня в пятиэтажном большом корпусе, стоящем недалеко от Алексеевского храма, внешне невозможно узнать монастырский собор, однако внутри сохранились следы (трапезная со сводом, кладка колокольни, фрагмент притвора и др.) церковного здания. По разрешению руководства ВНИРО священник Всехсвятского храма отец Артемий Владимиров изредка проводил молебствия в актовом зале института, в стене которого сохранились остатки монастырского храма. В 2004 и в 2016 гг. Московская Патриархия делала попытки вернуть остатки здания Церкви. В ноябре 2016 г. Арбитражный суд постановил передать здание института РПЦ, однако ВНИРО отказался выполнить это решение.

Алексия человека Божия прп. собор

В течение первых полутора десятков лет существования Новоалексеевского монастыря в нем был лишь один храм — Крестовоздвиженский. Второй храм, имевший статус собора, был построен по проекту архитектора М. Д. Быковского и освящен 12 ноября 1853 г. Тогда же освятили и придел в честь Грузинской иконы Божией Матери. 13 декабря того же года был освящен и второй придел во имя прп. Павла Латрского. На массивном, византийского типа барабане между высокими узкими окнами в нишах были установлены 8 икон на дереве с изображением разных святых.

В главном Алексеевском храме был установлен резной деревянный четырехъярусный окрашенный голубой краской иконостас с золочеными колоннами. В местном ряду иконостаса по левую сторону от царских врат находилась большая чудотворная икона Божией Матери в серебряно-вызолоченной ризе, усыпанной бриллиантами, изумрудами, гранатами и жемчугом. В нижней части ризы была надпись: «О упокоении Иосифа и дочери Елисаветы Геер». Ризу эту пожертвовала на образ вдова известного благотворителя Иосифа Геера Наталия Петровна (Гееровская богадельня с домовым храмом Иосифа находилась рядом с Алексеевским монастырем, здание ее сохранилось).

В приделе в честь Грузинской иконы Божией Матери был установлен резной деревянный иконостас с колоннами, в котором находилась чудотворная Грузинская икона в серебряно-вызолоченной ризе 1794 г., украшенной драгоценными камнями.

В приделе св. Павла Латрского также стоял резной деревянный четырехъярусный иконостас с колоннами, и в нем над храмовой иконой был вложен деревянный складень в серебряно-вызолоченной ризе, в которой находились часть Животворящего Древа Креста Господня и частицы мощей прп. Давида и прп. Параскевы.

И. Ф. Токмаков оставил подробное описание и других святынь Алексеевского собора. Здесь хранились 11 серебряных и серебряно-вызолоченных крестов с вырезанным текстом о вложенных в них частицах мощей христианских святых, 5 ковчежцев и 3 складня также с мощами святых, ковчежцы с мощами святых были вложены и в некоторые иконы.

Подавляющее большинство серебряных крестов, как и других серебряных предметов собора, были изъяты по распоряжению властей в апреле 1922 г. Храм оставался действующим до конца 1924 г. Решение о ликвидации Алексеевского собора городские власти приняли вслед за ликвидацией Всехсвятского храма.

Инициатором закрытия стал Сокольнический райсовет, ходатайствовавший перед Моссоветом о предоставлении «под культурно-просветительские цели» не только Алексеевского, но и уже переданного Мосгубархивбюро Всехсвятского храмов. 6 декабря 1924 г. Президиум Моссовета, заслушав ходатайство Сокольнического райсовета, принимает решение: «Ввиду необходимости предоставить в распоряжение Сокольнического райсовета помещения для выводимых из жилых помещений культурно-просветительных учреждений и неимения таковых в районе, во изменение постановления Президиума от 27 августа с. г. передать в распоряжение Сокольнического райсовета для этих целей помещение Алексеевской церкви и церкви Всех Святых в Алексеевском монастыре».

Уже 13 декабря собор был опечатан, прихожане обратились с жалобой во ВЦИК, прося высший орган отменить постановление московских властей. Верующие писали в жалобе, что их храм является в Москве единственным посвященным прп. Алексию человеку Божиему, а община в конце октября «лишилась величественного Всехсвятского храма». В письме православные выражали надежду, «…что Советская власть, признающая за своими гражданами право на свободу вероисповедания и идущая навстречу законным желаниям и нуждам, внимательно и сочувственно отнесется и к настоящей нашей просьбе и оставит нужный нам Алексеевский храм». И, хотя письмо подписали сотни верующих (в архивном деле в ГАРФ подписи занимают 27 страниц), секретариат ВЦИК отклонил жалобу религиозной общины и информировал об этом Президиум Моссовета 26 января 1925 г. 9 февраля того же года инспектор В. В. Фортунатов отобрал и передал в ГОХРАН из собора находившиеся там предметы серебряной утвари: 2 дарохранительницы, 3 креста, ковш, 4 лампады, части окладов с Евангелий, и вновь опечатал здание. Так началось обычное после закрытия разграбление храма. Прослышав о ликвидации собора, в январе 1925 г.

директор 3-й Москинофабрики попросил Адмотдел Моссовета передать им часть утвари для «постановки антирелигиозных картин». Адмотдел быстро одарил кинофабрику тремя дубовыми иконостасами (с неполным количеством икон), паникадилами, подсвечниками, хоругвями и др. В монастырскую Крестовоздвиженскую церковь передали 150 икон, 48 подсвечников и отдельные предметы церковной утвари. 5 икон, 4 подсвечника и крест-голгофа достались Введенскому храму в Барашах. Около 40 старинных икон XVII–XVIII вв. забрали музейные сотрудники. В числе их оказалась известная монастырская святыня — икона прп. Алексия человека Божия с житием (середина XVI в.; по всей видимости, храмовая икона, перенесенная из старого Алексеевского монастыря).

Купол храма снесли, и в бывшем церковном здании долгое время размещался Дом пионеров Сокольнического района.

В 1991 г. Алексеевский храм юридически был передан РПЦ, но фактически все осталось по-прежнему, над входом в монастырский храм поместили вывеску: «Центральное окружное управление Московского департамента образования. Центр внешкольной работы». Бывшее церковное здание было разделено перегородками на актовый зал, кабинеты чиновников и комнаты для игр.

Богослужения в соборе возобновились 25 ноября 2002 г. В марте 2006 г. при храме было учреждено Патриаршее подворье с приписным храмом Воздвижения Креста Господня. В 2013 г. с возрождением обители Алексеевский храм стал вновь монастырским.

Михаила архангела св. и прочих бесплотных сил домовый храм

при монастырской больнице

не сохранился

Освящен 10 сентября 1879 г. митрополитом Московским Макарием (Булгаковым). Храм находился между двумя корпусами, где помещались больница и богадельня, и зданием, занимаемым настоятельницей обители. Из церковного здания вели коридоры в больничный и настоятельский корпуса. В храме находился двухъярусный деревянный иконостас с колоннами. Перед иконостасом стояли 2 клироса из дуба. Вход в храм располагался с северной стороны. По той же северной стороне здания устроен был каменный парапет, на котором была поставлена оцинкованная, окрашенная белой масляной краской глава с медным вызолоченным крестом.

Михайловский храм имел домовый характер и был закрыт в первые годы советской власти. По сведениям 1924 г., он числился ликвидированным, а в богаделенном корпусе было устроено общежитие для рабочих.

В 1979 г. здание, где некогда находился больничный храм, было снесено, и на его месте выстроен многоэтажный жилой дом.

Всех Святых собор (бывш. кладбищенский храм)

До конца 1880-х гг. в Алексеевском монастыре было лишь 2 храма, что было явно недостаточно для быстро растущей обители. Было решено возвести 3-й храм, который бы имел кладбищенский характер. Монастырское кладбище к тому времени значительно расширилось, стало одним из самых благоустроенных в Москве. Инициатором сооружения храма стала энергичная игумения Антония, она решила строить церковь на новой обширной, недавно приобретенной территории. Закладка церковного здания состоялась 23 августа 1887 г., совершил ее митрополит Московский Иоанникий (Руднев) с архимандритами Спасо-Андроникова и кремлевского Чудова монастырей. В мае 1888 г. строящийся храм посетил обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев. 20 августа 1889 г. вчерне построенную церковь увенчали 30-пудовым вызолоченным крестом, а 11 августа 1890 г. на колокольню храма подняли 10 колоколов, отлитых на московском заводе Финляндского. 12 августа был поднят и самый большой, весивший 252 пуда, колокол, украшенный образами Всех Святых, Божией Матери Казанской, Целительницы, прп. Антония Печерского, а также надписями: «Вечер, заутро и пополудне повем и возвещу и услышит глас мой»; «Перелит сей колокол из старого в Московский Алексеевский монастырь, в кладбищенскую во имя Всех Святых церковь при державе Благочестивейшего, Самодержавнейшего Государя Императора Александра III в святительство митрополита Иоанникия, при настоятельнице Антонии с сестрами на сумму монастырскую».

Торжество освящения Всехсвятского кладбищенского храма совершил 30 июня 1891 г. митрополит Иоанникий. В этом большом духовном торжестве принимали участие настоятели и духовенство ряда московских монастырей.

Новый храм был построен по проекту архитектора А. А. Никифорова в русском стиле. Конструкция храма: крестовокупольная, четырехстолпная, одноглавая, была схожа с конструкциями построек XVI в., а декор — красные кирпичные стены с белокаменными вставкам, больше напоминал традиции XVII в.

По проекту архитектора Д. Н. Чичагова в храме был установлен трехъярусный мраморный иконостас, украшенный рельефами на библейские темы. В начале XX в. в иконостасе находилась 31 икона.

22 августа 1891 г. во Всехсвятском храме был освящен придел в честь Казанской иконы Божией Матери. Он был устроен на средства дворян Журавлевых, и в нем установлен двухъярусный иконостас из белого мрамора. Утварь придела изготовили из серебра, украсили эмалью и драгоценными камнями. На столпе близ северной двери поместили чудотворную икону Божией Матери «Целительница» в серебряно-вызолоченном киоте. Многие иконы в новый храм пожертвовала игумения Антония.

Так как Всехсвятский храм сооружался как кладбищенский, в его обширном подклете были устроены многочисленные ниши для захоронений.

После упразднения Алексеевского монастыря в послереволюционные годы верующие, чтобы сохранить храмы, организовывали при них религиозные общества. Такое общество возникло и при Всехсвятском кладбищенском храме. В архивах сохранился список общины верующих, числом в 63 чел. Храм, тем не менее, был закрыт Постановлением Президиума Моссовета от 27 августа 1924 г. (Протокол №113) и передан Центрархиву РСФСР (по его просьбе) для размещения архивных фондов. Позже Центрархив от здания отказался, и храм передали Мосгубархивбюро. В архивах сохранился составленный инспектором Моссовета В. В. Фортунатовым акт ликвидации 15 ноября 1924 г. Всехсвятского храма. В акте подробно перечислено церковное имущество, переданное в Крестовоздвиженский собор бывшего монастыря: престол деревянный, 23 большие иконы на полотне и еще 71 икона разного размера, Евангелия, дарохранительница, распятие, различных подсвечников 41 штука, 2 паникадила, игуменское кресло. Остальное — двухъярусный мраморный иконостас с иконами, хозяйственное имущество (столики, скамейки, табуреты и прочее), оставили занявшему храм Мосгубархиву.

С 1924 по 1989 г. в помещении Всехсвятского храма находилось архивохранилище, где были сосредоточены тысячи архивных дел, относящихся к истории Москвы. Короткое время часть помещений занимал филиал московского завода по производству зонтиков.

Эксплуатируемый не по назначению храм был доведен до плачевного состояния, с некоторых глав были сорваны кровельные листы и обнажена обрешетка.

Возрождение Всехсвятского храма началось с конца 1990 г., когда было принято решение возвратить церковное здание верующим. 30 марта 1991 г. состоялось малое освящение Всехсвятского храма. Тогда же было основано Братство имени свт. Филарета (Дроздова), позже упраздненное. В 1992 и 2010 гг. храм посещал Патриарх Алексий II.

20 апреля 2010 г. при храме было образовано сестричество во имя прп. Алексия человека Божия, главной целью которого являлось возрождение Алексеевского монастыря.

С принятием 16 июля 2013 г. Св. Синодом РПЦ решения о возрождении Алексеевского монастыря Всехсвятский храм стал монастырским собором.

Некрополь

не сохранился

История монастырского некрополя тесно связана с историей возникновения и формирования самого монастыря. Нам известны свидетельства о захоронениях представителей многих знатных фамилий и исторических личностей в храме

и на кладбище обители, еще в период ее нахождения в Чертолье, в Белом городе. А. Ф. Малиновский в описании монастыря (1820-е гг.) упоминает надгробную надпись на алтарной стене храма, посвященную супруге Никиты Минова (будущего Патриарха Никона) схимонахини Таисии, а также надгробные надписи и памятники над прахом П. И. и Н. И. Паниных, генерал-аншефа князя А. И. Шаховского, капитана князя А. Ю. Щербатова, князя Ф. Мещерского, А. И. Нелединского-Мелецкого, Загряжских, Б. Г. Юшкова и др.

После перевода Алексеевской обители в Красное Село во многом благодаря содействию свт. Филарета ей в 1840 г. было разрешено открыть свое кладбище, позже ставшее одним из наиболее благоустроенных в Москве, и дававшее необходимые средства для монастырского строительства. В Крестовоздвиженском храме были захоронены известные купцы-благотворители, военные (см. очерк, посвященный храму).

В 1891 г. в монастыре был построен кладбищенский храм — Всехсвятский, в котором также стали устраивать крипты для захоронений.

Кладбище Алексеевского монастыря, расположенное вне храмов, несмотря на свой «молодой» возраст, было хорошо известно не только в Москве, но и за ее пределами. Вот, как писал о нем некрополист А. Т. Саладин в 1910-е гг.: «…обширное и богатое монастырское кладбище совсем не имеет старых могильных памятников. Все кладбище, исключая небольшие участки близ церкви, разрезано многочисленными дорожками на длинные ленты, так что почти каждая могила оказывается на краю какой-либо дорожки. Ни на одном из московских кладбищ не ласкает глаз такое обилие цветов, как на Алексеевском. Несмотря на недавнее сравнительно происхождение кладбище заселено очень плотно… На кладбище Алексеевского монастыря погребено много денежной аристократии, здесь повсюду попадаются фамилии Перловых, Ланиных, Шустовых, Оловянишниковых, Абрикосовых и других представителей торгово-промышленного мира, много военных, есть литераторы, художники, ученые».

Перечислим лишь некоторые из «великих могил» Алексеевского монастырского некрополя. Здесь находился семейный участок (10 захоронений) купцов Абрикосовых, на котором выделялась могила А. И. Абрикосова (†1904) — основателя династии кондитерских фабрикантов, благотворителя, гласного Московской городской думы. На другом обширном участке с мавзолеем были захоронены более 20 представителей известного рода предпринимателей и благотворителей Мамонтовых. Среди них — родители знаменитого благотворителя Саввы Мамонтова — железнодорожный подрядчик Иван Федорович (†1869) и Мария Тихоновна (†1852). На семейном участке также известной династии чаеторговцев Перловых находилось до 20 могил, в числе которых — и могилы В. И. Перлова (†1892), создателя подмосковного поселка Перловка, жертвователя на постройку там храма Донской иконы Божией Матери, гласного Московской городской думы, а также С. В. Перлова (†1879), ктитора московского храма свв. Адриана и Наталии. В монастыре была родовая усыпальница предпринимателей

Оловянишниковых, где в 1898 г. был погребен владелец колокололитейного завода, торговец колоколами и староста церкви св. Живоначальной Троицы на Грязех И. П. Оловянишников. В Алексеевской обители нашли последнее пристанище и другие именитые предприниматели: В. И. Щапов (†1864) — купец, благотворитель, ктитор храма Богоявления в Елохове; К. Ф. Мекк (†1876) — железнодорожный магнат, и его жена Н. Ф. Мекк (†1894), многие годы финансово поддерживавшая творчество композитора П. И. Чайковского; И. Г. Фирсанов (†1881) — купец 1-й гильдии, лесоторговец, благотворитель, владелец подмосковной усадьбы Середниково; И. Г. Дервиз (†1887) — железнодорожный деятель, директор Рязано-Козловской железной дороги; А. Г. Кузнецов (†1895) — внук и наследник крупного чаеторговца А. С. Губкина, благотворитель, владелец имения «Форос» в Крыму; Н. П. Ланин (†1895) — купец 1-й гильдии, владелец завода искусственных миндальных и фруктово-ягодных вод; Н. Л. Шустов (†1898) — глава коньячно-винного торгового дома «Шустов Николай Леонтьевич с сыновьями», и др.

На кладбище Алексеевского монастыря было погребено более 20 генералов, в том числе принимавших активное участие в Крымской, Русско-турецкой 1877–1878 гг., Русско-японской и Первой мировой войнах. Упомянем, среди прочих, в первую очередь тех, чья служба была связана с Москвой: генерала от артиллерии С. С. Унковского (†1904) — участника обороны Севастополя, коменданта Москвы; генерал-лейтенантов и генерал-майоров, в разные годы состоявших московскими полицмейстерами и обер-полицмейстерами, А. Ф. Загряжского (†1873), И. Л. Слезкина (†1882; также был начальником Московского губернского жандармского управления), Н. У. Арапова (†1884), Н. И. Огарева (†1890), В. А. Бельцова (†1897), В. Н. Лермонтова (†1877) — директора 1-го Московского кадетского корпуса, троюродного брата поэта М. Ю. Лермонтова, и др.

На этом историческом некрополе были погребены, помимо упомянутых выше, представители древних дворянских фамилий Волконских, Бибиковых, Голицыных, Нарышкиных, Черкасских и других, а также многие известные деятели науки, культуры, просвещения, среди них: литераторы — писатель и мемуарист Ф. Ф. Вигель (†1856) и писатель, археолог, директор Оружейной палаты А. Ф. Вельтман (†1870); художники — В. В. Переплетчиков (†1863), С. К. Зарянко (†1870), Н. И. Подключников (†1877) и И. М. Прянишников (†1894); декабристы Ф. Г. Вишневский (†1865) и П. Н. Свистунов (†1889); скульптор Н. А. Рамазанов (†1867); публицисты, общественные деятели, издатели — «Московских ведомостей» П. М. Леонтьев (†1875) и М. Н. Катков (†1887), редактор и издатель «Русских ведомостей» Н. С. Скворцов (†1882), издатель газеты «Русский курьер» Н. П. Ланин (†1895); ученые — историк литературы А. А. Шахов (†1877), историк М. С. Корелин (†1899) и историк и издатель «Русского архива» П. И. Бартенев (†1912); архитекторы — А. С. Никитин (†1880), В. Карнеев (†1895) и А. С. Каминский (†1897); медики — акушер В. И. Кох (†1884), психиатр М. С. Корсаков (†1900) и директор университетских клиник А. Я. Кожевников (†1902); создатели

учебных заведений — организатор и первый директор Московского технологического училища В. К. Делла-Вос (†1890) и основатель Народного университета, золотопромышленник А. Л. Шанявский (†1905); протоиерей, настоятель церкви Николы Явленного на Арбате, духовный писатель, соредактор журнала «Православное обозрение» Г. П. Смирнов-Платонов (†1898); музыкальные деятели — основатель известной нотоиздательской фирмы П. И. Юргенсон (†1903) и композитор, дирижер, директор Московского синодального училища церковного пения В. С. Орлов (†1907), а также родители К. С. Станиславского С. В. и Е. В. Алексеевы и др. Особо отметим личность погребенного на монастырском кладбище едва ли не самого крупного благотворителя Москвы купца Г. Г. Солодовникова, пожертвовавшего на различные нужды до 20 млн руб.

Многие надгробные памятники монастырского некрополя представляли собой незаурядные художественные произведения, исполненные известными скульпторами, архитекторами и художниками.

В советское время, к сожалению, этот исторический некрополь во многом разделил судьбу монастырских некрополей Москвы. После ликвидации обители как юридического института вместе с другими в 1924 г. был закрыт кладбищенский Всехсвятский храм. Брошенным оказалось и закрытое годом ранее кладбище, где хулиганы воровали ценные памятники или просто разбивали их. Вот, что писали сотрудники отдела благоустройства Москоммунхоза в Президиум Моссовета 4 ноября 1925 г.: «Кладбище закрыто постановлением Президиума Моссовета от 2 мая 1923 г. для захоронений и в настоящее время передано в ведение Городского Садового хозяйства и охраняется сторожами. Часть территории занята домами, объединенными Жилтовариществом, поэтому закрыть вечером ворота нельзя. Случаи кражи и разрушения кладбищенских памятников наблюдаются, борьба с этим ведется, но устранить это совсем невозможно…».

В 1927 г., как и на других московских кладбищах, на Алексеевском появилось Общество благоустройства, состоящее из родственников погребенных, на которых теперь местные власти возложили все обязанности по уходу за кладбищем. Члены этого общества устанавливали специальные таблички на надгробия, пытаясь сохранить хотя бы отдельные памятники. Их поддерживали в этом и краеведы общества «Старая Москва», и реставраторы из ЦГРМ. Однако весной 1928 г. Общество благоустройства было закрыто, и власти приняли решение снести некрополь. Именно этот год для исторического некрополя Алексеевского монастыря стал роковым. В середине года в газетах появилось объявление о ликвидации кладбища, что крайне беспокоило родственников захороненных там. В ГАРФ хранятся письма-заявления по поводу отдельных надгробий. Так, в июне 1928 г. во ВЦИК обратился Народный артист Республики К. С. Станиславский с просьбой «о сохранении могил и памятников» своих родственников: отца, матери, двух братьев, дочери, невестки и племянницы. В адрес ВЦИК пришло письмо-заявление с 320 подписями от «лиц, имеющих на кладбище б[ывшего]

Алексеевского монастыря могилы своих родных и близких», с информацией о критическом положении некрополя. Заявители писали, что Сокольнический совет делает все для уничтожения кладбища, на котором отстутствует охрана, ломаются часовни и надгробия, расхищаются решетки, бронзовые и цинковые украшения. Сотрудники ВЦИК, получив эти заявления, запросили о состоянии кладбища Моссовет. Управление делами последнего выслало во ВЦИК выписку из Протокола № 89 от 23 ноября 1928 г. с решением «О закрытии Алексеевского монастыря» и превращении территории его кладбища в «парк для гулянья и отдыха трудящихся Москвы». В постановляющей части документа, помимо прочего, указывалось, что «перенос праха погребенных (а, следовательно, памятников и решеток) с этого кладбища г. Москвы невозможен вследствие переполнения последних и сопряжения с большими материальными затратами…» (!). В секретном письме начальника милиции г. Москвы С. Лобанова в Президиум Мосгорисполкома от 21 ноября 1928 г. указывалось: «При спланировке могил кладбища бывшего Алексеевского монастыря для превращения его в парк Адмотдел Мосгорисполкома считает, что выдачу разрешений гражданам на перенос праха захороненных на нем родственников производить не стоит, так как одновременное производство раскопок и переноса может вызвать в некотором роде паломничество. В отношении оставления на месте ценных и красивых памятников разных лиц, а также памятников революционным деятелям Административный отдел не возражает». Дело о монастырском кладбище было фактически закрыто, но во ВЦИК все еще приходили заявления о сохранении отдельных памятников. Так, в самом конце декабря 1928 г. поступило заявление от родственников актера Сумбатова-Южина, в котором, в частности, указывалось, что на кладбище «спешно свозятся с мест и сбрасываются в общую кучу памятники, решетки и прочие могильные принадлежности». И в последующих 1929–1930 гг. с кладбища вывозились на утилизацию все решетки и «безнадзорные» памятники. В 1930-е гг. с одним из самых известных московских исторических некрополей было покончено.

В 1980 г. прямо через территорию бывшего монастырского кладбища была проложена широкая магистраль Третьего транспортного кольца — Рижская эстакада. Так окончательно был погублен один из самых больших монастырских некрополей Москвы.

В возрожденном ныне Алексеевском монастыре ведется работа по изучению истории утраченного некрополя. На монастырском сайте размещен и пополняется уже упомянутый «Красносельский синодик» (на 218 страницах), в который внесены тысячи имен священнослужителей, инокинь и мирян, упокоенных в монастыре, на сегодняшний день восстановлены имена 10 502 чел. Существуют планы установить на территории монастыря поклонный крест в память об уничтоженном некрополе.

В 2016 г. был издан словарь-справочник с краткими сведениями о примерно 5,5 тыс. погребенных на Алексеевском кладбище (авт.-сост. Н. А. Филаткина).

Источники и литература:

1. ГАРФ. — Ф. Р-1235. — Оп. 60. — Д. 83. Переписка с Моссоветом, губисполкомами… о предоставлении помещения собора бывшего Алексеевского монастыря. — Л. 27–65; Оп. 73. — Д. 1659. Об организации общества благоустройства кладбища при бывшем Алексеевском монастыре в Москве. 1928 г. — 34 л.
2. ЦГАМО. — Ф. 66. — Оп. 18. — Д. 362. Заявления верующих при церкви Всех Святых на Красносельской ул. 1924 г. — 44 л.; Д. 363. Заявления верующих при церкви Алексия на Красносельской ул. 1924–1925 гг. — 65 л.; Д. 1256. Переписка по ходатайству трудового объединения слепых «Мосхимутилизатор» о продаже ему с кладбища бывшего Алексеевского монастыря мраморных надгробных плит и памятников. 1929 г. — 9 л.
3. Отдел рукописей (ОР) РГБ. — Ф. 177. — К. 32. — Д. 30. Переписка по вопросам охраны могил выдающихся деятелей на кладбище бывшего Алексеевского монастыря. 1927–1930 гг. — 18 л.
4. *Снегирев И. М.* Алексеевский монастырь в Москве // *Снегирев И. М.* Русская старина. — М., 1851. — Тетр. 11. — С. 123–124.
5. *Ушакова Е. В.* Краткий исторический очерк Московского Алексеевского девичьего монастыря. — М., 1877. — 63 с.
6. *Токмаков И. Ф.* Историческое и археологическое описание Московского Алексеевского девичьего монастыря. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 1896. — 133 с.
7. Московские церковные ведомости (МЦВ). — 1903. — № 15–16. — С. 201 [Информация о посещении Алексеевского монастыря императором Николаем II, императрицей Александрой Федоровной].
8. *Романский Н.* Чудотворная икона Грузинской Божией Матери в Московском Алексеевском женском монастыре // МЦВ. — 1903. — № 17. — С. 214–220.
9. *Козлов В. Ф.* Судьбы монастырских кладбищ Москвы (1920–30-е гг.) // Московский некрополь : История, археология, искусство, охрана : сб. — М., 1991. — 199 с. [Список погребенных на Алексеевском кладбище — С. 63–66].
10. Обозрение Москвы / А. Ф. Малиновский. — М., 1992. [Об Алексеевском монастыре — С. 134–135].
11. Сорок Сороков : краткая иллюстрированная история всех московских храмов : [в 4 т.] / собр. П. Паламарчук; фот. П. Паламарчука, А. Демченко. — Т. 1. Кремль и монастыри. — М., 1992. — С. 343–349.
12. *Козлов В. Ф.* Алексеевский женский монастырь. Церковь преподобного Алексия, человека Божия в Алексеевском женском монастыре // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Март. — М., 1994. — С. 232–238.
13. *Саладин А. Т.* Очерки истории московских кладбищ. — М., 1997. — 352 с. [О кладбище Алексеевского монастыря — С. 51–64].
14. Красносельские мученицы : о преподобномученицах московского Алексеевского монастыря Анне, Матроне и Евфросинии : [к истории Алексеевского монастыря]. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М., 2013. — 79 с.
15. Некрополь Алексеевского монастыря. 1841–1924 : Словарь-справочник / авт.-сост. Н. А. Филаткина. — М., 2016. — 408 с.
16. *Морозова Н. М., Тарабарина Ю. В.* Московский во имя преподобного Алексия человека Божия ставропигиальный женский монастырь // ПЭ. — Т. XLVII. — М., 2017. — С. 422–429.

Андреевский ставропигиальный мужской монастырь

Андреевская наб., 2

В начале XX в. — 3 храма с 3 престолами

Андреяя Стратилата св. мч. над восточными воротами храм

Воскресения Словущего в Пленницах собор

Михаила архангела св. в колокольне храм

ИСТОРИЯ ДО 1917 г.

История возникновения на берегу Москвы-реки храма и обители и сегодня вызывает споры. Известно, что когда-то здесь была небольшая деревянная церковь св. мч. Андрея Стратилата, впервые упомянутая в документах, датированных 1625 г. Немного позже в писцовых книгах сказано: «На реке на Москве, у Воробьевых круч, церковь Андрея Стратилата, деревяна клецки. А в церкви образы и свечи и книги и на колокольнице колокола — все государево». В храме сохранялась древняя икона св. мч. Андрея Стратилата, на обратной стороне которой — надпись: «Си образ принесен бысть из селца, глаголемаго Пленницы, егда будет церковь, си образ паки отнести тамо». Как объясняют историки, пленницами называли в старину связки плотов или леса, пригоняемых вешней водой, и в московских Пленницах собирали такие плоты.

Церковь св. Андрея Стратилата, конечно же, должна была иметь приход, что и подтвердили архивные разыскания современного историка О. А. Иванова. Удалось найти свидетельства того, что здесь было с. Андреевское, принадлежавшее в XVII в. Салтыковым. Позже его стали называть с. Васильевским (по имени другого владельца — кн. Василия Владимировича Долгорукова).

Известно, что одним из основателей обители был приближенный царя Алексея Михайловича, боярин Федор Михайлович Ртищев. Именно он задумал основать

в Москве особый «учительный монастырь» по образцу Киевского братского монастыря, для обучения «детей боярских и простого чину грамоте греческой и словянской».

Некоторые исследователи считают, что монастырь появился в конце XV в. при Иване III, а после Смуты запустел, и Ф. М. Ртищев его лишь восстановил. По изволению царя и благословению Патриарха в 1648 г. возникает обитель «Преображенская пустынь» (по названию построенной тогда Преображенской церкви) с задачами просвещения и правильной постановки книжного дела. Основным источником по истории основания монастыря является составленное в 1673 г. «Житие милостиваго мужа Феодора Ртищева».

С 1649 г. пустынь именуется Андреевским монастырем. Одни из первых его насельников — иноки из Киева, «изящные в учении грамматики словенской и греческой»: монахи Епифаний (Славинецкий), Дамаскин (Птицкий), Арсений (Сатановский), Феодосий (Сафанович). При обители открылось училище, где не только обучали грамоте, но и в свободное время занимались переводом греческих книг.

Ртищевская обитель пользовалась известностью, к ней были приписаны Донской монастырь (до 1678 г.) и Марчуговская Зосимо-Савватиевская мужская пустынь. В 1682 г. Андреевский монастырь приписали к Заиконоспасскому монастырю. Считается, что обитель была предтечей знаменитой Славяно-греко-латинской академии.

В последний год царствования Петра I в 1724 г. обитель закрывают и учреждают в ее стенах заведение для приема и содержания подкидышей и бесприютных детей, однако спустя 6 лет, монастырь открывается вновь. В 1775 г. здесь организовали рабочий дом «для ленивец женска пола» и богадельню на 60 человек.

Однако во второй половине XVIII в. монастырь вновь был уже на грани закрытия. В 1762 г. он был определен для содержания умалишенных. Во время секуляризации в 1764–1765 гг. обитель упразднили, а храмы обратили в приходские.

Начало XIX в. открывает новую страницу в жизни теперь уже бывшего монастыря: весь монастырский ансамбль передается Московскому купеческому обществу под богадельню. Здесь также содержат еще и детей бедных граждан, «образовывая их для коммерции», а после переезда училища в другое здание купцы открывают богадельню для московских мещан. В конце XIX в. здесь проживало 950 чел.

Менялось предназначение обители, менялись ее владельцы, однако к началу XX в. монастырский ансамбль в основном сохранился. Правда, если в XVIII в. в обители было 5 храмов, то еще до революции 2 из них были ликвидированы. Сохранялись 3 храма: св. мч. Андрея Стратилата, Воскресения Христова и св. Михаила архангела, что в колокольне.

ИСТОРИЯ ПОСЛЕ 1917 г.

В первые послереволюционные годы богадельню из стен бывшего монастыря вывели и в корпусах поселили рабочих 1-й Московской фабрики Гознак. Усилиями руководства фабрики и новых жильцов постепенно были закрыты храмы, уничтожены остатки старинного некрополя.

В 1964 г. комплекс бывшего монастыря передали Комитету стандартов, мер и измерительных приборов СССР, позже в нем разместились подразделения

метрологической службы. В конце 1960-х — начале 1970-х гг. там проводились реставрационные работы.

В 1991 г. в бывшем монастырском комплексе образовано Патриаршее подворье, назначен настоятель священник Борис Даниленко, и решено разместить в обители Синодальную библиотеку.

Постановлением Правительства Москвы от 17 декабря 1996 г. весь ансамбль бывшего монастыря передан РПЦ. Определением Св. Синода от 16 июля 2013 г. Патриаршее подворье было преобразовано в Андреевский ставропигиальный мужской монастырь. Наместником обители назначили епископа Дмитровского Феофилакта (Моисеева), викария Святейшего Патриарха Московского и всея Руси.

В марте 2022 г. наместником Андреевского монастыря стал игумен Дионисий (Шленов) — профессор МДА. В настоящее время в монастыре проживают 5 монашествующих. Кроме того, на территории обители, помимо Синодальной библиотеки, размещаются Синодальный отдел по взаимоотношениям Церкви с обществом и средствами массовой информации, Юго-западное викариатство г. Москвы, редакция ежемесячного православного журнала «Фома», радиостанция «Вера».

Традиции Андреевского монастыря, где еще с середины XVII в. находилась школа, сегодня продолжает уникальная, образованная в 1997 г. «Школа при Андреевском монастыре». Учредителями ее стали Синодальная библиотека и Патриаршее подворье (ныне Андреевский мужской монастырь). Школа является средней общеобразовательной, и в ней обучается в 1–11 классах более 100 учеников.

Андрея Стратилата св. мч. надвратный храм

над восточными воротами

Церковь св. мч. Андрея Стратилата, давшая имя обители, по преданию, была сооружена в благодарность за избавление Москвы от нашествия крымского хана Казы-Гирея в 1591 г. В том году 19 августа, в день празднования памяти мч. Андрея Стратилата, войска хана внезапно бежали из русских пределов.

В 1675 г. храм построили в камне над входными монастырскими воротами. Фасады его украсили изразцами работы белорусских изразечников. Первоначально храм был окружен открытой папертью, в южной части которой был устроен придел св. Феодора Стратилата (по тезоименитству Федора Ртищева). Фриз храма под кокошниками представляет собой сплошную линию изразцов. Значительная часть изразцов барабана и фриза была срублена при сооружении в начале XIX в. корпусов богадельни.

В храме в начале XX в. находилось довольно много памятников церковной старины. Так, в 1919 г. специалисты датировали царские врата концом XVII в., а сам иконостас — XVIII в. Иконы Спаса Нерукотворного образа, Тихвинская Божией Матери, св. мч. Андрея Стратилата в правой части иконостаса, вмц. Татианы на левой стороне, образа верхних ярусов специалисты также относили к XVII в. С петровской эпохи сохранились иконы, находившиеся в правой пристройке: свт. Николая Чудотворца, Покрова Божией Матери и некоторые др. На стенах храма, в алтаре, в пристройке находилось еще несколько икон конца

XVII–XVIII в.: Спас в темнице, Тихвинская Божией Матери, Знамения Божией Матери, Пресвятой Троицы, Спаса Вседержителя.

В Андреевской церкви сохранялись запрестольный крест конца XVII в., Евангелие 1703 г., исповедные, метрические и приходно-расходные книги, минеи конца XVIII — начала XIX в.

В первые послереволюционные годы, как уже упоминалось, здания монастыря передали рабочим фабрики Гознак. Андреевскую церковь закрыли по настоянию ячейки РКП(б) Гознака в начале 1923 г., устроив в ней рабочий клуб.

В 1923–1924 гг. вместо креста на куполе Андреевского храма новые хозяева поставили шпиль для радио и флага. Реставраторы пытались спасти художественный иконостас храма, но тщетно.

В 1960-х гг. в храме была проведена реставрация с возвращением ему первоначального вида (в том числе воссозданы сбитые в начале XIX в. изразцы).

После передачи РПЦ бывших монастырских храмов началось восстановление церковного убранства. Иконописцы И. Зарон и С. Антонов создали иконостас, всю систему стенной росписи. Некоторые священные изображения представляют собой рельефы из камня и дерева.

Воскресения Словущего храм
в Пленницах

Полагают, что первым соборным храмом Андреевского монастыря был Преображенский собор, а Воскресенский храм был начат строительством на его месте в 1689 г. и освящен 20 июня 1703 г. Храм выполнял роль холодного собора, а зимней (теплой) в то время была расположенная рядом Покровская трапезная церковь (позже, в XVIII в., ее разобрали). После передачи в 1803 г. монастырского комплекса Московскому купеческому обществу, Воскресенский храм фактически стал домовым при богадельне.

Храм построен в стиле московского барокко и представляет собой поставленный на высоком подклете двусветный четверик, перекрытый сомкнутым сводом. На барабане находится небольшая главка. Особенностью Воскресенского собора являются расположенные по сторонам алтарной апсиды лестницы-всходы на галерею-паперть. Храм неоднократно перестраивался. Около 1878 г. он был расширен, были перекрыты лестницы, над частью которых выстроены два восточных крыльца. Архитектором при этих строительных работах был А. С. Каминский.

К началу XX в. в Воскресенском храме сохранялось множество старинных икон и предметов церковной утвари, в частности, напрестольный крест с финифтяными изображениями (1820 г.), напрестольный крест (1814 г.) с чеканными изображениями, потир оригинальной формы (1827 г.). В трехъярусном иконостасе (начало XIX в.) находились старинные иконы: св. Андрея Стратилата (середина XVII в.), местные Тихвинская и Сошествия во ад (петровского времени), Троицы, Божией Матери Всех скорбящих Радость и прп. Сергия Радонежского (все XVIII в.). К петровской эпохе относились все образа верхних рядов иконостаса. В других местах храма находились иконы начала XVIII в.: Успения Пресвятой Богородицы, Сошествия Святого Духа, Смоленская Божией Матери.

Главное паникадило храма специалисты датировали началом XIX в.

По преданию, в подклете собора в 1673 г. (тогда на этом месте был Преображенский храм) был похоронен Ф. М. Ртищев.

От когда-то обширного некрополя к 1920-м гг. в соборе и около него сохранялись надгробные камни и плиты. На восточной алтарной стене были надгробные надписи: о монахе Софронии (в миру князь Щербатов), умершем в 1739 г. в возрасте 109 лет; 4 надписи 1705 и 1746 гг. и др.

По всей видимости, Воскресенский храм был закрыт почти одновременно с Андреевским надвратным в 1923–1924 гг. Судя по описи конца 1910-х — начала 1920-х гг., в иконостасе находилось 33 иконы, в прочих местах храма — 20 в серебряных ризах, 84 в медных и 28 икон без риз, а также 20 серебряных лампад, десятки медных подсвечников. В сентябре 1925 г. реставраторы приняли на учет 73 церковных памятника (главным образом, иконы XVII–XVIII вв.). В архивах сохранилась переписка, датированная августом 1927 г., по вопросу снятия иконостаса Воскресного храма, переданного решением Моссовета под клуб.

В 1960-х — 1980-х гг. храм был внешне отреставрирован, в частности, были реконструированы галереи и лестницы.

В 1992 г. храм передан РПЦ, в 1990-е гг. в нем шли работы по реставрации внешнего декора, сооружению иконостаса, внутреннему ремонту (иконописцы М. А. Лавданский, С. С. Антонов). В 2018–2021 гг. в монастырском соборе проведены большие ремонтно-реставрационные работы. 18 августа 2022 г. в поновленном храме совершен чин малого освящения.

Михаила архангела св. храм

в колокольне

В 1748 г. на новопостроенной посреди монастырского двора на средства графа С. Б. Шереметева высокой трехъярусной колокольне был освящен храм во имя св. Михаила архангела. Ровно через 100 лет храм обновили на средства М. Сеткина и 9 ноября 1848 г. переосвятили во имя ап. Иоанна Богослова.

Известно, что в начале XX в. в расположенном в первом ярусе колокольни храме находился иконостас конца XIX в. На стенах были медные мемориальные надгробные доски XVIII в. Помещение храма было украшено лепниной. Старинных икон здесь было немного: на северной стене — складень с иконой Седмица с праздниками, наверху — «Отечество» (начало XVIII в.) в арке — Казанская (начало XVIII в.) и Иверская (XVII в.) иконы Божией Матери.

В начале 1920-х гг. к востоку от колокольни находилось 12 надгробных памятников XVIII в. На колокольне висел большой 359-пудовый колокол, пожертвованный в середине XVIII в. графом С. Б. Шереметевым.

Точная дата закрытия храма пока не выяснена, хотя есть свидетельства, что он был закрыт незадолго до Великой Отечественной войны.

В 1960–1970-е гг. колокольня была отреставрирована с восстановлением одного из трех утраченных и перестроенных в XVIII–XIX вв. четырехколонных портиков.

Ко времени передачи бывших монастырских храмов РПЦ в начале 1990-х гг. от убранства храма в колокольне ничего не сохранилось. Лишь в 2010-х гг. развернулись обширные работы по его благоукрашению, и 24 августа 2019 г. храм был освящен во имя архистратига Божия Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных. Таким образом, монастырской церкви было возвращено первоначальное имя.

Источники и литература:

1. ЦГАМО. — Ф. 66. — Оп. 18. — Д. 154. Дело Приходской Воскресенской церкви в Пленницах1919–1921 гг. — 31 л.
2. ЦГА. г. Москвы. — Ф. Р-1. — Оп. 1. — Д. 119. Андреевский монастырь. 1923–1927 гг. — 21 л.
3. Краткая историческая заметка по поводу 250-летия со времени основания бывшего Андреевского монастыря, ныне Воскресенской, что в Пленницах, церкви при Андреевской Московского купеческого общества богадельне. 1648-й и 1898-й гг. / [свящ. Н. И. Молчанов]. — М., 1898. — 32 с.
4. Сорок Сороков : краткая иллюстрированная история всех московских храмов : [в 4 т.] / собр. П. Паламарчук; фот. П. Паламарчука, А. Демченко. — Т. 1. Кремль и монастыри. — М., 1992. — С. 377–382.
5. Памятники архитектуры Москвы. Юго-восточная и южная части территории между Садовым кольцом и границами города XVIII в. (От Земляного до Камер-Коллежского вала). — М., 2000. — С. 262–269.
6. *В. Ф. Козлов*. Церковь святого Андрея Стратилата над восточными воротами бывшего Андреевского монастыря // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Август. — М., 2002. — С. 444–448.
7. *Румянцева В. С., Даниленко Б., протоиерей*. Андреевский монастырь в Пленницах // ПЭ. — Т. II. — М., 2001. — С. 350–351.
8. Москва православная. Великий Пост. Святая Пасха. — М., 2007. — С. 256–260.

Богоявленский 1-го класса необщежительный мужской монастырь

(ныне — Патриаршее подворье)

Богоявленский пер., д. 2

сохранился частично, как монастырь не восстановлен

В начале XX в. – 3 храма с 11 престолами

Богоявления Господня собор (двухъярусный)
Казанский нижний храм
- Алексия митрополита Московского свт. придел
- Георгия Победоносца св. вмч. придел
- Иакова Алфеева св. ап. придел
- Феодосия архиепископа Черниговского свт. придел

Богоявленский верхний храм
- Иоанна Предтечи св. приставной придел
- Пантелеимона целителя св. вмч. придел
- Тихвинской иконы Божией Матери придел

Иоанна Предтечи св. Рождества над Святыми воротами храм (снесен в 1905 г.)

Спаса Нерукотворного образа в колокольне храм

ИСТОРИЯ ДО 1917 г.

Богоявленский монастырь — один из древнейших в Москве. Считается, что старше его только Данилов монастырь. Согласно поздним (XVII в.) записям в домовой книге монастырских актов, Богоявленская обитель была основана в 1296 г. первым князем Московским Даниилом Александровичем, сыном князя Александра Невского. В этой книге упомянуты «обитель чудного Богоявления», деревянный одноименный храм с приделом Благовещения Пресвятой Богородицы. Археологические данные в целом подтверждают время основания обители, расширяя временные рамки с конца XIII до начала XIV в., но не позднее 1303 г. В первые десятилетия существования монастыря в нем жили 2 известных подвижника: сюда около 1313 г. пришел и затем принял монашеский постриг будущий московский святитель Алексий, здесь же священствовал и был игуменом прп. Стефан Радонежский — родной брат прп. Сергия Радонежского. С самого начала своего существования монастырь был в центре политической жизни Московского княжества. В 1341 г. сам князь Иван Калита заложил здесь каменный собор, а после его смерти тысяцкий Протасий из рода Вельяминовых закончил строительство.

Богоявленский монастырь горел в частые для Москвы и ее посада пожары XV–XVII вв., был разорен в Смутное время.

Монастырь занимал важное место среди московских обителей, он был свидетелем или непосредственным участником многих значимых событий.

В 1568 г. сюда по указанию царя Ивана Грозного опричниками был доставлен и заточен на время митрополит Московский свт. Филипп II (Колычев).

В 1635 г. в обители учредили архимандритию. Здесь подвизались некоторые ученые монахи-книжники, а в 1685 г. пребывали известные просветители-греки братья иеромонахи Иоанникий и Софроний Лихуды, создавшие так называемую Богоявленскую школу. Она просуществовала 2 года и стала предтечей созданной на территории соседнего Заиконоспасского монастыря Славяно-греко-латинской академии. Среди выпускников Богоявленской школы был Федор Поликарпов, позже возглавивший Печатный двор на ул. Никольской, и монах Иов из Чудова монастыря.

Во второй половине XVII в. в Богоявленском монастыре были возведены новые здания: келейный корпус, Святые ворота с надвратной церковью в честь Рождества св. Иоанна Предтечи и самая большая и доныне сохранившаяся постройка — двухъярусный Богоявленский собор (1692–1696 гг.). Фактически монастырский ансамбль был построен заново, и во многом это произошло благодаря архимандриту Никифору, сумевшему привлечь богатых жертвователей, в первую очередь, влиятельных при дворе князей Долгоруковых и Голицыных.

В 1678 г. Богоявленская обитель владела 141 крестьянским двором, а в 1700 г. — 216 дворами. В монастыре тогда подвизалось более 30 монашествующих.

При учреждении Св. Синода в 1721 г. в монастырской иерархии Богоявленский монастырь был причислен к степенным и занимал 24-ю степень.

В XVIII в. в новом соборе сформировался богатый некрополь знаменитых московских княжеских династий, оформленный мраморными, белокаменными и металлическими надгробными памятниками и досками. Нижний Казанский храм стал напоминать большую усыпальницу с плотно расположенными на стенах и всех столпах погребальными досками с вырезанными текстами и эпитафиями.

В сильный пожар 1737 г. старая монастырская колокольня пострадала, и через 2 года была возведена новая с храмом во втором ярусе.

Статус обители коренным образом изменился во второй половине XVIII в. При секуляризации 1764 г. она была определена по штатам лишь во 2-й класс, и число монашествующих не должно было превышать 17 чел. В 1788 г. обитель была назначена для постоянного местопребывания викарного епископа Московской епархии и возведена в 1-й класс. В 1795 г. Богоявленский монастырь вновь был возращен во 2-й класс. Через 4 года его положение еще ухудшилось, поскольку местожительством викарных епископов стал подмосковный Саввино-Сторожевский монастырь.

В 1812 г. монастырь пострадал сравнительно мало. Наиболее ценную церковную утварь архимандрит Гедеон успел вывезти из Москвы, а то, что осталось, монахи спрятали на территории обители. После изгнания французов викарный епископ Августин (Виноградский) переехал в обитель, откуда руководил восстановлением московских храмов.

В XIX в. монастырь оставался известной почитаемой святыней Московской епархии. Именно в нем пребывали привезенные в 1867 г. из Афонских обителей

православные реликвии, для которых была сооружена в 1873 г. небольшая часовня у монастырских врат, а затем — Пантелеимоновский придел в соборе. В 1883 г. у Лубянской пл. выстроили огромную Пантелеимоновскую часовню, из которой ежегодно в праздник св. Пантелеимона в Богоявленский монастырь направлялся многолюдный крестный ход.

Во второй половине XIX в. в монастыре возрождались традиции просветительства и благотворительности. На средства обители в древней своей вотчине в подмосковной д. Марфино (ныне в районе метро «ВДНХ») в 1885 г. был построен двухэтажный каменный корпус для бедных сирот-мальчиков духовного звания и двухпрестольный храм с верхней церковью «Утоли моя печали» и нижней — св. вмч. Пантелеимона.

Среди настоятелей обители в XIX в. были известные богословы, церковно-общественные деятели, церковные историки: архимандрит Филарет (Гумилевский), епископ Никодим (Белокуров), богослов, издатель, церковно-общественный деятель епископ Амвросий (Ключарев) и др. В 1901 г. настоятелем Богоявленского монастыря стал известный проповедник и церковно-общественный деятель викарный епископ Трифон (Туркестанов). Во время его настоятельства был обновлен собор, устроено два новых придела, построен доходный дом на Никольской, приносивший монастырю необходимые средства. В то же время при епископе Трифоне в 1905 г. был снесен находившийся в ветхом состоянии старинный надвратный Предтеченский храм, что вызвало недовольство и протесты московской общественности.

Во время Первой мировой войны епископ Трифон добровольно отправился на фронт и работал на передовых позициях в качестве полкового священника. За отличие во время военных действий владыка Трифон был награжден в феврале 1915 г. панагией на Георгиевской ленте. В 1916 г. он был уволен на покой, назначен настоятелем Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря.

В тревожные дни марта 1917 г. епископом Дмитровским и управляющим Московской епархией (вместо смещенного митрополита Московского Макария (Невского)) был назначен епископ Иоасаф (Каллистов). Новому владыке определили местожительство в Богоявленском монастыре, который благодаря этому становится одним из центров бурной московской церковной жизни того периода. С начала 1918 г. Иоасаф стал архиепископом Коломенским и Можайским, викарием Московской епархии, Патриаршим наместником, а с октября 1919 г. — архиепископом Крутицким с оставлением полномочий Патриаршего наместника.

В канун революции монастырю принадлежали 10 десятин земли и мельница на р. Лихоборке в с. Владыкино, пустошь Корьево (21 десятина), роща в 17 десятин в Богородском уезде, 14 десятин земли в д. Марфино.

ИСТОРИЯ ПОСЛЕ 1917 г.

После октябрьского переворота 1917 г. Богоявленский монастырь как религиозный институт просуществовал недолго. Вскоре после январского декрета 1918 г. монастыри, особенно находившиеся в центре Москвы, стали заселяться разными людьми и учреждениями, у обителей отобрали все земли и недвижимость.

В конце декабря 1918 г. живший в монастыре управляющий Московской епархией архиепископ Иоасаф получил от юридического отдела Моссовета строгое предписание сдать в семидневный срок все бланки, штемпеля и печати с предупреждением (о котором мы уже упоминали выше): «За неисполнение настоящего распоряжения Вы будете привлечены к уголовной ответственности за нежелание исполнить распоряжение Рабоче-Крестьянского правительства».

В течение 1919 г. городские власти неоднократно посылали своих инспекторов для описи богатейшего историко-художественного имущества монастыря, проверяли и уточняли составленные описи. Судя по сохранившимся в архиве в фонде Адмотдела Моссовета описям 1919–1929 гг., в храме и ризнице древней обители хранилось огромное количество церковной утвари. Так, согласно одной из описей (десятистраничной), в монастыре находилось 415 церковных предметов или целых групп предметов, многие из которых были из золота и серебра или в серебряных окладах, в том числе, например, около 20 Евангелий XVII — середины XIX в., 8 комплектов богослужебных сосудов, 8 ковшей XVII–XIX вв., 20 напрестольных крестов XVII–XIX вв., большое число лампад, кадил, множество икон в серебряных ризах. В нескольких шкафах ризницы хранились сотни старинных церковных облачений и тканей различного назначения (фелоней, стихарей, пелен, воздухов и др.). К осмотрам церковных ценностей монастыря в 1919–1922 гг. привлекались знатоки церковного искусства, оставившие нам акты-описи сотен бесценных монастырских памятников. Особенно специалисты выделяли, помимо старинных икон, 8 потиров XVIII — начала XIX в., ковш Алексея Михайловича, напрестольное Евангелие 1689 г., оклад которого был украшен сотнями алмазов, рубинов и изумрудов, фелонь, украшенную жемчугом и более чем 360 алмазами, изумрудами, рубинами, сапфирами и т. д. Все драгоценные памятники в марте 1919 г. были не только подробно описаны, но и взяты на учет членами Комиссии по охране памятников искусства. Из-за холода и отсутствия света членам Комиссии не удалось описать церковные облачения, но в акте записали: «Кроме вышеозначенных предметов в ризнице находятся древние облачения и митры, шитые жемчугами и драгоценными камнями. Сотрудник Комиссии по охране памятников нашел их в высшей степени имеющих значение, как с исторической стороны, так и с художественной, и взял на учет своей Комиссии». Показательно и заключение специалистов Музейного отдела Наркомпроса РСФСР от 23 марта 1922 г. о музейной ценности памятников древней обители, где Богоявленский монастырь был аттестован «как первоклассный памятник древнерусского искусства в целом со всеми находящимися в нем зданиями, представляющими историко-художественное значение, а также предметами церковной утвари художественно-археологической ценности…».

Однако буквально через месяц этот целостный исторический ансамбль — «первоклассный памятник древнерусского искусства», государство стало разрушать. 24 апреля 1922 г. государственные органы изъяли из монастыря более 6 пудов серебряных и серебряно-позолоченных предметов: риз, окладов, богослужебных сосудов, лампад, кадил, крестов и др. Все это увезли в ящиках в Гохран. Во время изъятия присутствовали эксперты от Музейного отдела

Наркомпроса Н. Н. Померанцев и В. А. Мамуровский, которые, воспользовавшись изъятием, отобрали для Экспертной комиссии Гохрана 40 предметов историко-художественного значения XVII–XVIII вв.: ковш, блюдо, чашу, кувшин, подсвечник, крест — все XVII в., 8 икон XVII в. в серебряных, украшенных камнями окладах, 6 Евангелий в серебряных окладах XVII в., 13 облачений XVII в. и др. Вероятно, все это сразу или позже было вывезено в Музейный фонд. Так началось разграбление богатейшего московского монастыря.

В первые послереволюционные годы в монастыре пребывал епископ Иоасаф, управляющий Московской епархией. Одно время он был арестован и находился в заключении. 3 февраля 1920 г. он скончался и был похоронен в монастырском соборе. Его сменил в должности Патриаршего наместника архиепископ Евсевий (Никольский), но через 2 года он умер. Превращенные в приходские храмы Богоявленский собор и Спасскую церковь окормляли оставшиеся в бывшем монастыре архимандриты Феодорий (Ф. И. Кудрявцев), Евфимий (М. И. Дацюк), игумен Леонтий (Л. Ф. Стасевич), иеромонах Митрофан (М. Н. Соколов) и др.

В 1926 г. несмотря на протесты верующих и жалобы в Моссовет и во ВЦИК была закрыта Спасская церковь в колокольне. В помещении ее устроили жилье для железнодорожников. Было ясно, что власти попытаются закрыть и монастырский собор. В 1927 г. из ризницы бывшего монастыря известные специалисты-искусствоведы и реставраторы Н. Р. Левинсон, В. А. Мамуровский и представитель Оружейной палаты В. К. Клейн отобрали и вывезли 77 памятников XVII–XVIII вв.: иконы, фелони, воздуха, книги и т. д. Из них 30 церковных предметов передали в Оружейную палату, а остальные — в Исторический музей. Таким образом, за счет имущества Православной Церкви в 1920–1930-е гг. ведущие музеи страны пополняли свои фонды.

Большим испытанием для общины верующих при бывшем монастыре стал 1927 г., когда власти попытались закрыть древний собор монастыря. 7 сентября 1927 г. по ходатайству Центроархива Президиум Моссовета постановляет закрыть Богоявленский храм и передать его под архивохранилище. Началась двухмесячная борьба верующих за свою святыню, причем религиозную общину поддержали и Главнаука Наркомпроса РСФСР, и общество «Старая Москва». Все они обращались в Моссовет и во ВЦИК в сентябре–ноябре 1927 г. с ходатайством не закрывать собор, а открыть в нем музей. Главнаука даже предложила список действующих церквей, менее ценных, чем Богоявленский собор, в которых, по ее мнению, можно было бы устроить архив. В конце концов, власти передали Центроархиву собор Страстного монастыря, а Президиум ВЦИК в ноябре 1927 г. отменил сентябрьское постановление Моссовета и оставил Богоявленский собор общине.

Из переписки общины с властями в 1927 г. можно узнать о том, что на ее средства делался ремонт храма, по требованию Москоммунхоза была «укорочена» выходившая на ул. Никольскую старая Пантелеимоновская часовня. В верхней церкви собора было проведено электричество, как писали верующие, «для более удобного обозрения памятников искусства группами экскурсантов». В 1928 г. община предполагала даже приступить к реставрационным работам — восстановить по предписанию Главнауки первоначальные формы купола и декор стен.

Прихожане писали во ВЦИК, что община «…из последних сил выбивалась, чтобы добыть средства на поддержание древнейшего памятника…». Бывшая монастырская часовня, которую также в 1927 г. власти стремились закрыть, давала хоть какие-то средства на поддержание древнего монастырского ансамбля.

Власти города, стремясь закрыть бывший монастырский храм, указывали, что община бывшего монастыря небольшая — 30–40 чел., хотя письмо-жалобу во ВЦИК подписали 277 верующих, а позже к ним присоединились еще 450 чел.

Прошло менее 2 лет, и властям все-таки удалось расправиться с общиной бывшего монастыря. 29 марта 1929 г. Постановлением Президиума Моссовета была закрыта монастырская часовня. В постановляющей части документа пояснялось, что, «Учитывая ходатайство рабочих и служащих Госавтотранса НКПС о передаче им для культурных или хозяйственных нужд их учреждения помещения часовни во владении № 6 на Никольской улице и принимая во внимание, что эта часовня находится в пользовании группы верующих, у которой для молитвенных собраний имеется в распоряжении еще здание бывшего собора Богоявленского монастыря, … необходимости в сохранении часовни как молитвенного здания не встречается…». Члены Общины написали жалобу во ВЦИК, однако последний в июле 1929 г. оставил обращение верующих без удовлетворения.

Таким образом, община лишилась тех небольших средств, которые приносила часовня.

Но главной целью власти была ликвидация собора. В отличие от 1927 г. теперь при закрытии храма был выбран другой юридический путь. На заседании Президиума Моссовета от 3 июля 1929 г. было принято решение о закрытии собора, но здание его вместо Центроархива передавалось для нужд Исторического музея. Главнаука Наркомпроса, естественно, это решение поддержала.

Община, узнав о роковом решении, обратилась с жалобой в Президиум ВЦИК, доказывая, что в случае закрытия храма им некуда будет пойти молиться. Приведем часть этого обращения, где обрисована тяжелая картина раскола в православной Москве того времени: «Если и этот храм будет закрыт и от нас передан Историческому музею, нашей общине верующих (большинство из которых трудятся и живут вблизи Богоявленского храма) — некуда будет ходить молиться и исполнять свои религиозные нужды, — потому что ближние храмы есть молитвенные места иных религиозных толков и течений: Гребенский храм есть обновленческий живоцерковнический, Владимирский часовенно-новоцерковнический Борисовский, Заиконоспасский монастырский — возрожденческий антониновский, Никола Большой крест — самосвятов Путятинцев и т. п. Этими последними храмами обладают, с нашей религиозной точки зрения, раскольники и еретики, с которыми по своей религиозной совести мы, верующие Богоявленской общины староцерковников, не можем иметь никакого молитвенного общения и, следовательно, не можем в таковых храмах удовлетворять своих религиозных нужд, потому что там находятся инакомысленные религиозные группы и общества».

Понятно, что эти доводы не смогли остановить закрытие последнего храма древней обители Китай-города. В октябре 1929 г. вывозом богатейшего,

собиравшегося веками церковного имущества был окончательно разрушен уникальный духовный историко-художественный комплекс.

Историческому музею пока еще остававшийся целым монастырский собор не достался (возможно, так и было тогда задумано), а использовавшие его различные организации довели здание бывшего храма до полуразрушенного состояния. Собор лишился купола и внутреннего убранства, колокольню снесли, на значительной части территории в 1940 г. построили огромное сталинского классицизма здание МГБ (ныне ФСБ).

Рассказывают, что во время войны, в 1941 г., на один из корпусов бывшего монастыря упал сбитый фашистский бомбардировщик, и от взрыва пострадала верхняя часть собора.

После войны собор и остатки монастырских построек занимали разные организации, последним «хозяином» соборного здания был Государственный академический русский хор.

В 1990 г. началось возрождение церковной жизни в бывшем монастыре. Первое богослужение в Богоявленском храме состоялось в начале 1991 г. Начался медленный ремонт церковного здания и переданных приходу братского и игуменского корпусов. В 1993 г. у входа в бывший монастырь со стороны Богоявленского пер. сооружена невысокая деревянная звонница с помещением трапезной. В 1998 г. Святейший Патриарх Алексий II освятил отреставрированный Богоявленский верхний храм. В мае 2007 г. за оградой монастыря у алтарной части собора был открыт памятник греческим просветителям братьям Иоаннникию и Софронию Лихудам, основавшим в конце XVII в. школу при Богоявленском монастыре. Памятник, высотой в 3,7 м выполнен скульптором В. М. Клыковым и архитектором В. В. Пасенко и подарен правительством Греции Москве. На церемонии открытия присутствовали Патриарх Алексий II, Мэр Москвы Ю. М. Лужков, Президент Республики Греции К. Папульяс.

На сегодняшний день монашеской жизни на территории бывшей обители нет. Здесь открыто Патриаршее подворье.

Богоявления Господня собор

Ныне существующий Богоявленский храм был сооружен на месте каменного в конце XVII в. Как показали археологические раскопки 1980-х гг., на этом месте до появления монастыря, по-видимому, находилась приходская деревянная церковь. Иван Калита в 1340 г. заложил здесь белокаменный собор — первый на московском посаде. Найденные археологами его остатки — фундамент, основания четырех столпов, фрагменты белокаменной резьбы, позволяют говорить о том, что первый каменный монастырский собор был похож на Троицкий собор Троице-Сергиева монастыря: был квадратным в плане, трехапсидным и имел размеры 11,5х17,5 м. По-видимому, Богоявленский собор был одноглавым. Во второй половине XV — середине XVI в. с запада к нему пристроили здание трапезной.

По преданию, при захвате Москвы ханом Тахтамышем в 1382 г. собор чудом не пострадал, но в последующие века не раз горел. В сильный пожар 1684 г. старое церковное здание сгорело, и при архимандрите Никифоре было решено построить новый собор. В 1690-е гг. на средства князей Долгоруковых и Голицыных при содействии царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной был выстроен грандиозный двухъярусный храм высотой в 64 м. О времени сооружения собора свидетельствовала длинная надпись на карнизе высокого иконостаса: «в лето 7201 (1693 г. — *В. К.*) создался храм сей во имя Богоявления Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, при державе Великих Государей и Великих Князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержцев, благословением великого Господина святейшего Кир Адриана, Архиепископа Московского и всея России и всех северных стран Патриарха, создася сей храм в четыре лета и освятися им великим Господином Святейшим Адрианом Патриархом в месяц Януарие в 20 день». Здесь речь идет об освящении нижнего Казанского храма в 1693 г. (до недавнего времени часть исследователей считала, что нижняя церковь была сооружена раньше, в 1624 г.). Верхний высокий двухсветный Богоявленский храм с трапезной был освящен в январе 1696 г. По всеобщему признанию историков архитектуры, собор — «один из лучших московских нарышкинского барокко. Основной объем типа “восьмерик на четверике”… Необычайно богатство декоративного убранства здания; особенно интересны двойные окна четверика, венчающие карнизы, наличники окон восьмерика, составленные из нескольких ярусов мелких профилированных белокаменных деталей. Западный фасад трапезной завершен высоким фигурным щипцом».

Первый придел, пристроенный (с севера) к новому собору, был освящен 7 июня 1697 г. во имя свт. Алексия митрополита Московского. В 1704 г. мастерами из Швейцарии в верхнем храме были выполнены три больших, дошедших до нашего времени рельефа: «Коронование Богоматери» — на западной, «Рождество» — на южной и «Крещение» — на северной стенах.

В XVII в. собор благоукрашался, в нем устраивались новые приделы. В нижнем Казанском храме с северной стороны в 1747 г. княгиней Еленой Алексеевной Долгоруковой в память о своем муже Юрии Юрьевиче Долгоруковом был устроен придел во имя св. вмч. Георгия Победоносца. Там же и была погребена сама храмоздательница. С другой, южной, стороны нижнего храма в 1754 г. на пожертвования княжны Марии Александровны Долгоруковой был сооружен придел во имя св. ап. Иакова Алфеева для поминовения своего отца князя А. Л. Долгорукова. Этот придел был упразднен в начале XIX в., и в его помещении устроили монастырскую ризницу. В 1782 г. внутри собор оштукатурили и расписали.

В верхнем Богоявленском храме был установлен высокий семиярусный иконостас с большим числом старинных икон конца XVII–XVIII в. В этом храме висели два паникадила XVII в., одно из них было украшено восьмиконечным крестом, другое — двуглавым орлом.

Монастырский собор славился богатейшим аристократическим некрополем, формировавшимся с XIII–XIV вв. до эпидемии чумы 1771 г. Наиболее древние захоронения — надгробия в виде белокаменных плит и каменных гробниц

XV–XVII вв., были открыты археологами в остатках храма XIV в. Там же найдены семейное захоронение Вельяминовых-Воронцовых и уникальная подписная надгробная плита 1500 г. Историки XVIII–XIX вв. подробно описали уникальный некрополь собора. И. М. Снегирев в своей книге о Богоявленском монастыре приводит полные тексты 143 надгробных надписей, находившихся на стенах (внутри и снаружи) и столпах Казанского, Алексиевского, Георгиевского приделов и в каменных палатках при них. Многие захоронения были отмечены скульптурными памятниками, фамильными гербами, каменными и металлическими досками с надписью. В Москве за пределами Кремля не было другой церкви-усыпальницы, так обильно украшенной надгробными памятниками XVII–XVIII вв. Быть похороненными в монастырском соборе считали за честь многие вкладчики обители, храмоздатели, государственные деятели.

Фамилии Голицыных, Репниных, Шереметевых, Юсуповых, Плещеевых, Салтыковых, Меншиковых, Савеловых, Долгоруковых и других можно было прочитать на надгробных камнях нижнего храма. Среди погребенных в монастырском соборе были и известные государственные деятели, полководцы XVIII в.: князь генерал-фельдмаршал М. М. Голицын — участник многих битв времен Северной войны, Л. В. Измайлов — посол в Китае, участник Крымских походов, Г. Д. Юсупов — участник Азовских походов, Северной войны, князь А. А. Меншиков — сын опального фаворита Петра I.

В 1805 г. статским советником Н. Б. Плещеевым у южной стены Казанского храма был поставлен надгробный памятник погребенному в монастыре своему далекому предку — черниговскому боярину Феодору Бяконту, отцу свт. Алексия митрополита Московского.

В соборе хранилась богатая монастырская ризница с предметами церковной утвари историко-художественного значения, в частности, серебряные напрестольные кресты с надписями 1718 г. (вклад Шереметевых), 1747 г. (вклад Е. А. Долгоруковой), 1754 г. (вклад М. Долгоруковой), 1787 г. (вклад епископа Серапиона); серебряный набор богослужебных сосудов 1763 г. — вклад в память генерал-поручицы Е. В. Долгоруковой; золотой набор богослужебных сосудов, украшенный драгоценными камнями потир с дискосом, звездицей, блюдцем и лжицей 1768 г. — вклад на память графа С. Б. Шереметева, водосвятная большая серебряная чаша 1677 г. — вклад в память Н. И. Шереметева и др.

В ризнице находились и старинные напрестольные Евангелия — вклады В. М. Долгорукова (1694 г.), А. В. Богомолова (1766 г.). Они были украшены серебряными окладами с надписями.

В XIX в. в Богоявленском соборе были устроены еще 2 придела — в честь Тихвинской иконы Божией Матери (1869 г.) и св. вмч. и целителя Пантелеимона (1873 г.). Устройство последнего было связано с пребыванием в монастыре в конце 1860-х гг. Афонской святыни — креста с частью Животворящего Древа, частицей мощей св. Пантелеимона, иконы Божией Матери «Скоропослушницы».

Последние большие изменения в соборе связаны с началом XX в. в период настоятельства в обители епископа Трифона (Туркестанова). 22 мая 1904 г. на средства благотворительницы Е. Н. Феоктистовой по правую сторону нижнего

Казанского храма был освящен придел во имя свт. Феодосия архиепископа Черниговского; двухъярусный иконостас для придела изготовил А. П. Рябков, иконы писал художник А. И. Уханов.

В начале 1904 г. освятили обновленный верхний Богоявленский храм, высокий иконостас которого был вызолочен А. П. Рябковым, а стенная живопись поновлена.

24 июля 1910 г. в правой галерее верхнего Богоявленского храма был освящен придел во имя св. Иоанна Предтечи, перенесенный из разобранного пятью годами ранее одноименного надвратного монастырского храма. На освящении придела присутствовала великая княгиня Елизавета Федоровна. Этот последний устроенный до революции придел стал восьмым престолом в Богоявленском соборе

К началу XX в. в Богоявленском соборе были сосредоточены главные святыни древнего монастыря. Здесь располагалась богатейшая ризница обители, в иконостасах и на стенах верхнего и нижнего храмов и в их приделах находились сотни икон, здесь же хранились многие предметы церковной утвари, обширная библиотека. Составленные в 1910-х гг. церковные описи позволяют в деталях восстановить уникальное убранство собора.

В высоком пятиярусном резном позолоченном иконостасе (XVIII в.) верхнего Богоявленского храма находились ценные в серебряно-вызолоченных ризах иконы конца XVII — начала XVIII в.: храмовая Богоявления Господня с надписью «писал изограф Тихон Иванов сын Филатьев», Благовещения, Иоанна Предтечи, Смоленская Божией Матери, Господа Вседержителя, свв. апп. Петра и Павла, свт. Николая Чудотворца и др. В алтаре верхнего храма на престоле стояла дарохранительница XVIII в., на жертвеннике находилась икона второй половины XVII в. В Пантелеимоновском и Тихвинском приделах были иконы второй половины XVII в. школы Симона Ушакова: Спасителя и Казанская Божией Матери.

Большую историко-художественную ценность имели и иконы нижнего Казанского храма. Все местные иконы его главного иконостаса специалисты датировали второй половиной XVII–XVIII вв. Иконы были одеты в серебряновызолоченные ризы: храмовая Казанская, а также Богоявления Господня, св. пророка Илии, Божией Матери «О тебе радуется», Московских Святителей. Образа деисусного чина относились к началу XVIII в.

Верхний и нижний храмы монастырского собора имели паникадила XVII в. Перед многими иконами находились серебряные лампады.

В богатейшей монастырской ризнице, расположенной в здании собора, помимо уже упомянутых выше драгоценных вкладов, находилось множество реликвий, предметов церковной утвари, связанных с историей обители (см. очерк о монастыре), а также старинные иконы Божией Матери (XVIII в.) — Владимирская, Тихвинская, Страстная, Казанская и др.

При изъятии церковных ценностей в апреле 1922 г. многие соборные иконы, Евангелия лишились своих серебряно-вызолоченных риз, почти начисто были изъяты предметы XIX — начала XX в. из серебра: лампады, кресты, богослужебные сосуды, ковши. Тем не менее, и верхний, и нижний храмы с приделами сохранили свой благолепный исторический облик. Работавшие в органах охраны памятников Наркомпроса специалисты высоко ценили уникальный ансамбль собора и в апреле 1923 г. приняли его в свое непосредственное ведение.

На общину и священнослужителей была возложена охрана этого памятника. Часть наиболее ценных с историко-художественной точки зрения церковных предметов музейные работники из собора вывезли в музейные хранилища. Особый статус собора, опекаемого Музейным отделом Наркомпроса, в определенном смысле помог отстоять его в 1927 г., когда городские власти приняли решение закрыть храм и передать его под архив. Как уже упоминалось, тогда Главнаука совместно с приходом решительно выступили на защиту собора-памятника, о чем свидетельствуют многочисленные документы, хранящиеся в архивных фондах Моссовета и ВЦИК. В сентябре 1927 г. начальник Главнауки направил в Моссовет и Председателю ВЦИК письмо, в котором доказывал исключительность Богоявленского собора: «...Главнаука отмечает, что здание собора является в целом грандиозным историко-художественным памятником, ценным по своей архитектуре 1690-х гг. и по внутреннему убранству: в нижнем этаже собора сосредоточены исключительно ценные образцы скульптуры, среди которой имеются произведения знаменитого французского скульптора XVIII в. — Гудона; в верхнем этаже великолепный резной иконостас конца XVII века с живописью лучших мастеров того времени и также настенные скульптуры. Поэтому Главнаука, в случае необходимости ликвидации храма, считает целесообразным использование здания собора исключительно в музейном порядке».

В 1927 г. собор все же не закрыли и оставили верующим, но через 2 года 3 июля 1929 г. Моссовет вновь принимает решение закрыть Богоявленский храм и передать его здание «для нужд Исторического музея». На этот раз Президиум ВЦИК отклонил жалобу верующих и поддержал решение городских властей. Однако никакого музея на территории бывшего монастыря создано не было, и собор в музейных целях не использовался, а оставшееся богатое церковное имущество было попросту растащено государственными структурами. 12 октября в Музейный фонд было вывезено 107 ценных историко-художественных памятников, большую часть которых (72) составляли старинные, XVII–XVIII вв., иконы, в первую очередь, из иконостасов. В частности, музейные фонды пополнили монастырские иконы: свт. Николы в рост, Благовещения, Сретения, митрополита Алексия, Казанская и др. Среди вывезенных памятников числились серебряные крест (1778 г.), 2 Евангелия XVIII в., 4 паникадила XVII в., шитая золотом плащаница XVIII в., несколько старинных фелоней. Тогда же вывезли резной кипарисовый иконостас с некоторыми иконами. Из нижнего Казанского храма выломали и перевезли в музей Донского монастыря уникальные мраморные надгробия М. М. и А. Д. Голицыных XVIII в. (работы Гудона) и медную надгробную доску 1736 г. Остальную церковную монастырскую утварь, видимо, сочли недостойной хранения в музеях и передали в два приема в октябре–ноябре 1929 г. на склад Особой части по Госфондам Мосфинотдела. Церковное имущество, попадавшее на этот склад, обычно шло на утилизацию: на переплавку, выжиг, хозяйственное использование. Сюда перевезли 10,5 кг серебряного лома, как числилось в акте (сосуды, кресты, кадила, лампады, ковши), и упакованные в 13 ящиков облачения: стихари, мантии, митры и др.

Вывоз монастырского имущества производился в спешном порядке, в результате чего, по свидетельству наблюдавших реставраторов, «небрежно разбирается иконостас, сломан ряд старинных икон».

В конце ноября 1929 г. Отдел благоустройства запрашивал разрешение на снос стены и ограды Богоявленского монастыря. Становилось очевидным, что Историческому музею здание собора не достанется. Действительно, Постановлением СНК РСФСР от 28 ноября 1929 г. верхний храм собора был передан, словно в насмешку, московскому Украинскому клубу. Нижний же храм власти отдали Союзхлебу под склад муки. Реставратор Н. Р. Левинсон докладывал на заседании ЦГРМ в конце декабря 1929 г. о планах правления Украинского клуба устроить в храме театр, расширить входы в западной и восточной стенах, разобрать верхнюю часть (двухъярусный восьмерик) собора. На заседании архитектурного подотдела ЦГРМ такая перспектива использования памятника была признана недопустимой, но правление Украинского клуба с украинскими студентами все-таки заняли верхний храм. Новые жильцы произвели в уникальном памятнике настоящий погром. Об этом свидетельствуют акты осмотра бывшего собора. В апреле 1930 г. там проживало 30 чел., здание выглядело заброшенным. В Акте осмотра от 11 апреля 1930 г. зафиксировано, что «При входе на второй этаж на лестнице и по всем площадкам и в двух боковых проходах печальная картина разбросанной и разломанной мебели тут же лежащим топором, состоящей из церковной утвари разных письменных дубовых и ореховых столов, книжных или одежных шкафов, свечных ящиков с отделениями, пригодных для конторских занятий, скамейками с точеными ножками… варварски уничтожаются для топки печи…». Для топки жильцы выламывали и паркетные полы. Подобную картину увидела комиссия из сотрудников Исторического музея 13 мая 1930 г. В соборе была разруха, иконостасов уже не было, стекол в окнах не было, оконные переплеты были сломаны, в храме были заметны следы пожара. В акте осмотра собора члены комиссии записали: «Следы пользования как в уборной».

Однако музейным деятелям и реставраторам остановить эту вакханалию в условиях разгула вандализма в Москве в 1930 г. оказалось не по силам. На всех уровнях власти, будто намеренно, принимались решения все более ухудшавшие и без того ужасное состояние собора-памятника. Желающих получить в центре города помещение бывшего храма было много. Так, от Китайгородского домового треста, представлявшего «неорганизованное население Китай-города» численностью в 14 тыс. чел., в июле 1930 г. было написано письмо Н. К. Крупской в общество «Долой неграмотность» с просьбой предоставить собор под клуб с устройством там зрительного зала на 700–900 чел., библиотеки, читальни и физкультурного зала.

Архивные документы свидетельствуют о том, что здание собора пытались получить летом 1930 г. под свои надобности Центральный Совет Осоавиахима, Комитет по химизации народного хозяйства при СНК РСФСР, Книжная палата. Более того, в течение 1930 г. Президиум ВЦИК принимал решение о передаче собора то Китайгородскому домовому тресту (Постановление от 30 августа 1930 г.), то Горной академии имени Сталина для устройства общежития (Постановление от 20 сентября 1930 г.).

Что из этого вышло, наглядно показывает текст письма от 9 ноября 1930 г. Сектора науки Наркомпроса в Секретариат Президиума ВЦИК и Горный институт. В ходе осмотра 28 октября было обнаружено, что в результате приспособления здания бывшего собора Богоявленского монастыря под студенческое общежитие «уничтожены почти все скульптурные памятники, вделанные в стены

нижнего этажа, остались только два памятника, закрытые дощатым футляром. Сломка этих памятников была произведена без всякой фиксации… и разборка произведена настолько варварски, что не сохранились никакие детали… Данным поступком совершенно безответственным образом уничтожен ценный исторический документ». Известно, что Сектор науки Наркомпроса даже возбудил дело против Горного института за уничтожение скульптурных памятников, правда, уже в начале сентября 1931 г. он свой иск отозвал. 29 января 1931 г. Сектор науки в письме в Президиум ВЦИК и ЦГРМ призвал сохранить уцелевшие скульптуры: барельеф князя Голицына на среднем столбе, надгробие митрополита Московского Алексия (последнее позже было перевезено в Антирелигиозный музей бывшего Донского монастыря и сегодня стоит у монастырской стены). В январе 1931 г. дирекция Горного института послала запрос в ЦГРМ о возможности снятия в соборе старинных оконных решеток. Реставраторы тогда разрешили снятие большинства решеток с оставлением только фигурных.

Но и этого показалось мало. В сентябре 1932 г. стали разбирать купол собора, снимая золоченые листы для смывки золота (этим по всей Москве занималась специальная бригада в ХОЗУ ОГПУ). Вместе с куполом тогда стали сносить и верхний восьмерик собора. Дошло до того, что созданный в 1932 г. Комитет по охране памятников послал в сентябре того же года в Мособлисполком телеграмму с просьбой дать срочное распоряжение Тресту по сломке зданий приостановить разборку Богоявленского монастыря.

Так в течение всего лишь 3-х лет со времени закрытия Богоявленского собора этот уникальный цельный памятник фактически по решению властей был разграблен, обезображен внутри и снаружи и едва не снесен полностью.

На сделанных в 1930–1950-е гг. фотографиях и рисунках предстает обезглавленное, частично разрушенное здание собора. В 1930–1960-е гг. менялись «хозяева» бывшего собора, устраивавшие перегородки на верхнем этаже и котельную на нижнем.

Ситуация стала медленно меняться к лучшему в 1980-е гг., когда аварийное церковное здание передали Государственному академическому русскому хору, руководимому А. В. Свешниковым. Вскоре НИИ «Спецпроектреставрация» подготовил масштабный проект реставрации Богоявленского собора. В верхнем храме был устроен репетиционный зал. В 1986–1987 гг. провели археологические раскопки под руководством Л. А. Беляева и Н. П. Пахомова, результатом чего стали уникальные находки остатков древнего храма и надгробий и их фрагментов XIII–XVII вв. На месте раскопок в подклете собора археологи устроили крипту, в которой сохраняются и демонстрируются уникальные находки: архитектурные фрагменты древних построек монастыря и надгробия и их части. Официальное открытие крипты состоялось в 2022 г., желающие могут попасть туда по билетам.

Возрождение прерванной в 1929 г. приходской жизни в храме началось в феврале 1990 г., когда состоялось первое собрание инициативной группы, а 30 августа того же года община была зарегистрирована. Настоятелем открывавшегося храма был назначен протоиерей Геннадий Нефедов. Первое богослужение состоялось на праздник Богоявления Господня в 1991 г. Постоянные богослужения первоначально проводились в Алексеевском приделе нижнего Казанского храма. С 1992 г. постоянные богослужения возобновились

в Богоявленской верхней церкви, в том же году был освящен приставной придел во имя сщмч. Владимира (Богоявленского) митрополита Киевского и Галицкого.

К 1994 г. были завершены масштабные ремонтно-реставрационные работы в нижнем Казанском храме, который освятили 14 марта. Начались большие работы в верхнем храме, к 1997 г. был восстановлен купол с крестом. Снаружи на барабане храма установили иконы 8 святителей. Торжество великого освящения Богоявленского собора совершил 14 января 1998 г. Святейший Патриарх Алексий II. К тому времени были отреставрированы лепные горельефы, перестланы полы, установлен каркас иконостаса, иконы для которого написала большая группа иконописцев. К 2001 г. завершилось поновление внутренних росписей.

К началу XXI в. были восстановлены приделы во имя ап. Иакова Алфеева и свт. Алексия митрополита Московского. В 2002 г. в северной галерее собора устроили придел во имя ап. Андрея Первозванного (такого придела в старом соборе не было), на апсиде верхнего храма установили икону покровителей храма свт. Алексия митрополита Московского и св. кн. Даниила Московского.

В восстановленном храме появились и свои новые святыни: выносной Крест с частью Честного и Животворящего Древа Креста Господня, крест-мощевик с соборной иконой и частицами мощей разных святых, Касперовская икона Божией Матери с частицами святых мощей, более 50 икон с частицами мощей разных святых.

Богоявленский храм имеет статус Патриаршего подворья. В приходе возрождены просветительские, образовательные и социальные традиции старого монастыря. С 1991 г. начали свою работу воскресная школа и приходская библиотека, школы иконописная и хорового пения. С 1992 г. до 2007 г. здесь работали 9–11 общеобразовательные классы — филиал православной гимназии имени преподобного Нестора Летописца. В 1995 г. при храме открыта Московская городская учительская семинария, в которой стали готовить регентов, уставщиков и певчих для православных храмов. В 1998 г. при храме был основан Объединенный хор Московской регентско-певческой семинарии храма Богоявления.

К Богоявленскому храму приписаны 2 старинные церкви Китай-города: свт. Николая Мирликийского «Красный звон» (Никольский пер., 9а, стр. 1) построенный в 1858 г. на месте более древнего, существовавшего с XVI в., и свв. бесср. Космы и Дамиана в Старых Панех (Старопанский пер., д. 2–4) сооруженный первоначально в XV в. и перестраивавшийся в XVII–XIX вв. К Богоявленскому храму приписана и воссозданная в 1995 г. у Воскресенских ворот Иверская часовня.

Иоанна Предтечи св. Рождества надвратный храм

над Святыми воротами

не сохранился

Предтеченский храм был вторым, сооруженным в конце XVII в. в Богоявленском монастыре. История его появления связана с княгиней Ксенией, вдовой боярина князя Б. А. Репнина-Оболенского, подарившей в 1672 г. обители двор своего

дяди князя Ю. П. Буйнова-Ростовского на ул. Никольской. Территория этого двора примыкала к монастырю и вскоре на этом месте возвели Святые ворота с выходом на ул. Никольскую и над ними — надвратный храм в честь Рождества св. Иоанна Предтечи. Небольшой надвратный одноглавый храм с шестью обрамленными наличниками окнами над аркой хорошо был виден на фотографиях 1880-х гг.

Со временем храм обветшал и требовал серьезного ремонта, однако церковное начальство Московской епархии и монастыря решило разобрать древнюю церковь. Указом Московской духовной консистории от 13 июля 1905 г. Богоявленскому монастырю было предписано приступить к сломке ворот и храма. Опубликованные протоколы существовавшей при МАО Комиссии по сохранению древних памятников сообщают детали возникшего на этой почве конфликта церковного начальства с Обществом, защищавшим московскую старину. Из протоколов Комиссии видно, что ворота и храм совершенно неожиданно для МАО стали разбирать в июне 1905 г. 27 июля 1905 г. Комиссия на своем заседании заслушала доклад наместника Богоявленского монастыря о том, что «монастырские ворота на Никольской улице вместе с храмом над ними, часовней и торговая лавка пришли в ветхость и угрожают общественной безопасности. В настоящее время они держатся исключительно деревянными подпорками». Комиссия тогда обратила внимание московского митрополита Владимира (Богоявленского) на то, что Консистория без согласования с МАО разрешила сломку ворот. 11 августа 1905 г. из Богоявленского монастыря в адрес МАО пришел ответ-оправдание, в котором указывалось, что ворота с церковью «оседают ежедневно в сильной степени и грозят внезапным разрушением». Позже пришло и письмо, подписанное митрополитом Владимиром, с просьбой дать разрешение на сломку ворот с церковью, которая «ежеминутно угрожает падением… Кроме того, Общество должно принять во внимание настоящее смутное время, когда со всех сторон слышатся нападки на монастыри, и падение ворот с находящейся над ними церковью на одной из самых людных улиц Москвы может произвести крайне тяжелое впечатление на столичное население». В заседании от 17 августа в протоколе Комиссия выразила сожаление, что памятник «вследствие непринятия своевременно надлежащих мер был приведен в такое состояние». В августе 1905 г. члены Комиссии архитекторы К. М. Быковский, А. Ф. Мейснер, И. П. Маликов и Н. С. Курдюков, осмотрев памятник, записали, что «…меры, принятые для предупреждения дальнейшего разрушения здания, в действительности не соответствуют своему назначению, а скорее даже ухудшили… Здание может быть ремонтировано, и опасности угрожающей падением нет, при условии принятия надлежащих мер… ворота и церковь Богоявленского монастыря сломаны без ведома и разрешения Императорского Московского археологического общества…».

Архитекторы с горечью заключили: «При данном положении дела неизбежно является вопрос о том, что или освященный веками храм или доходный дом должны были уступить место один другому, а время показало, что монастырь предпочел последний первому, то есть доходный дом храму».

Этот доходный пятиэтажный дом на ул. Никольской (архитектор Н. Н. Благовещенский) сохранился до настоящего времени.

Спаса Нерукотворного образа домовый (крестовый) храм

в колокольне

не сохранился

В Богоявленском монастыре было двое ворот. Когда посетители проходили первые с надвратным храмом Иоанна Предтечи, они видели перед собой вторые ворота с колокольней над ними. В нижнем ярусе этой надвратной колокольни и был устроен храм.

Колокольня с надвратной церковью строилась в 1739–1742 гг. вместо сгоревшей в Троицкий пожар 1737 г. Храм под колокольней был освящен в 1742 г. во имя свв. мчч. Бориса и Глеба. По описи 1764 г., на колокольне находилось 9 колоколов.

Здание над воротами представляло собой четверик (надвратная церковь с алтарем и трапезная) с восьмериком звона над ним, увенчанным главой. В 1830 г. после обновления, сделанного на средства капитанши Евдокии Власовой, надвратный храм переосвятили в честь Спаса Нерукотворного. В храме находился образ Спаса, датируемый специалистами XVI в. На самой колокольне висели четыре старинных колокола XVII–XVIII вв., среди них — вкладные в монастырь с надписями и датировкой 1616, 1617, 1692 и 1736 гг.

До революции Спасский надвратный храм имел характер домового и являлся крестовой церковью викарных епископов, живших тогда в Богоявленском монастыре. Он соединялся с настоятельским корпусом крытой галереей.

Обитель в 1918–1919 гг. была закрыта властями, но Богоявленский собор и Спасский храм оставались действующими. Помещения, примыкающие к колокольне, были обращены в жилье, в том числе там жили железнодорожники. Летом 1925 г. Управление железных дорог обратилось к московским властям с просьбой передать Спасский храм под жилье, а 16 сентября 1925 г. Президиум Моссовета, «принимая во внимание “малочисленность группы верующих, наличие собора… нахождение церкви в одном здании с жилым домом… сильную нужду в жилье сотрудников железной дороги…” принимает постановление о закрытии надвратного храма и передаче его помещения железнодорожникам». Верующие 5 октября написали жалобу во ВЦИК, где указали, что «…храм представляет художественно-археологическую ценность, числящуюся на учете у Музейного отдела Главнауки Наркомпроса, а также Мосгубмузея МОНО. Кроме того, упомянутый храм обслуживает общину для зимнего времени, так как главный Богоявленский храм для зимнего времени не пригоден, не имеет отопления». Копию жалобы прихожане направили и в Главнауку Наркомпроса. В архиве ВЦИК сохранилось письмо начальника Главнауки Ф. Н. Петрова, посланное 9 октября 1925 г. в Секретариат Председателя ВЦИК, в котором подтверждалось, что Спасский храм состоит на учете Музейного отдела, но делалось весьма уклончивое заключение: «Не возражая принципиально против ликвидации вышеуказанной церкви, Главнаука, однако, считает ее утилизацию

возможной лишь при условии сохранения внешнего архитектурного облика здания, построенного в 1739 г. (без пробивки новых окон) и согласования всех внутренних переделок с Музейным отделом Главнауки».

Вероятно, эта двоякая, неопределенная позиция Главнауки и подвигла Президиум ВЦИК 1 декабря 1925 г. отклонить просьбу верующих и, следовательно, утвердить ликвидацию Спасского храма.

19 января 1926 г. инспектор Адмотдела Моссовета А. Новиков принял ключи от храма у прихожан. Имущество ликвидированной церкви передавалось в Богоявленской собор. Через две недели с этой трагической для прихожан даты ответственные работники Адмотдела Круглов и Кручинин обратились к властям за разрешением снести колокольню, как они писали «по просьбе рабочих». 23 февраля 1926 г. начальник Адмотдела Аверьянов настойчиво просит Моссовет снести колокольню, так как последняя, якобы, мешает приспособлению здания под общежитие. Письмо заканчивалось словами: «аналогичных памятников старины в Москве имеется достаточное количество, АОМС ходатайствует пред Президиумом Моссовета о сломке колокольни и приведении в светский вид внешнего и внутреннего состояния здания культа». Против этого выступило руководство Главнауки Наркомпроса РСФСР, заявившее, что здание колокольни является памятником архитектуры XVIII в. В то время Наркомпрос РСФСР был еще авторитетным наркоматом и его мнение учитывали властные структуры. К тому же в середине 1920-х гг. власти еще опасались сносить культовые здания. Так или иначе, 27 февраля 1926 г. из Моссовета в Управление железных дорог пришел ответ: «…поскольку церковь бывшего Богоявленского монастыря на Никольской улице состоит на учете Главнауки, Президиум Моссовета не может дать разрешение на сломку колокольни ее при несогласии на это Главнауки».

Церковь и колокольня были снесены, видимо, в начале 1930-х гг.

Источники и литература:

1. ГАРФ. — Ф. Р-1235. — Оп. 61. — Д. 178. Переписка с Народным комиссариатом юстиции, губиспокомами… 1925–1926 гг. [О закрытии Спасской надвратной церкви Богоявленского монастыря — Л. 27–33]; Оп. 75. — Д. 1762. Дело по ходатайству Мособлисполкома об отмене постановления Президиума ВЦИК 20 марта 1930 г. об использовании здания Богоявленского монастыря в Москве. 1930 г. — 167 л.
2. ЦГА г. Москвы. — Ф. Р-1215. — Оп. 3. — Д. 5. Дело по регистрации религиозного общества при Богоявленском монастыре на ул. Никольской. 1919–1929 гг. — 276 л.
3. ЦГА. г. Москвы. — Ф. Р-1. — Оп. 1. — Д. 12–15. Протоколы заседания Комиссии по архитектурной реставрации ЦГРМ; Д. 121. Богоявленский монастырь. 1919–1930 гг. — 99 л.
4. *Снегирев И. М.* Богоявленский монастырь в Москве на Никольской улице. — М., 1864. — 61 с.
5. *Никодим (Белокуров), епископ.* Описание Московского Богоявленского монастыря. — М., 1877. — 95 с.
6. *Дмитриев Д. С.* Исторический очерк Московского Богоявленского первоклассного монастыря. — М., 1902. — 24 с.
7. МЦВ. — 1903. — № 40; 1904. — № 7, 22.
8. Московский листок. — 1903, 4 августа.
9. Древности. Труды Комиссии по сохранению древних памятников Императорского Московского археологического общества / под ред. И. П. Машкова. — М., 1907. — Т. 1. — С. 32, 40, 90–95.

10. Обозрение Москвы / А. Ф. Малиновский. — М., 1992. [О Богоявленском соборе — С. 90–91)].
11. Сорок Сороков : краткая иллюстрированная история всех московских храмов : [в 4 т.] / собр. П. Паламарчук; фот. П. Паламарчука, А. Демченко. — Т. 1. Кремль и монастыри. — М., 1992. — С. 161–165.
12. *Козлов В. Ф.* Богоявленский монастырь. Собор Богоявления Господня. // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Январь. — М., 1993. — С. 96–106.
13. *Беляев Л. А.* Древние монастыри Москвы (кон. XIII — нач. XV вв.) по данным археологии. — М., 1994. — 310 с.
14. *Кириков Б. А.*, *Даниленко Н. И.* Богоявленский монастырь в Москве, что за Ветошным рядом. — М., 1995. — 126 с.
15. *Романюк С. К.* Москва. Китай-город. — М., 2007. — 318 с. [О Богоявленском монастыре — С. 135–141].
16. *Топычканов А. В.* Храм Богоявления Господня бывшего Богоявленского монастыря. — М., 2009. — 152 с.

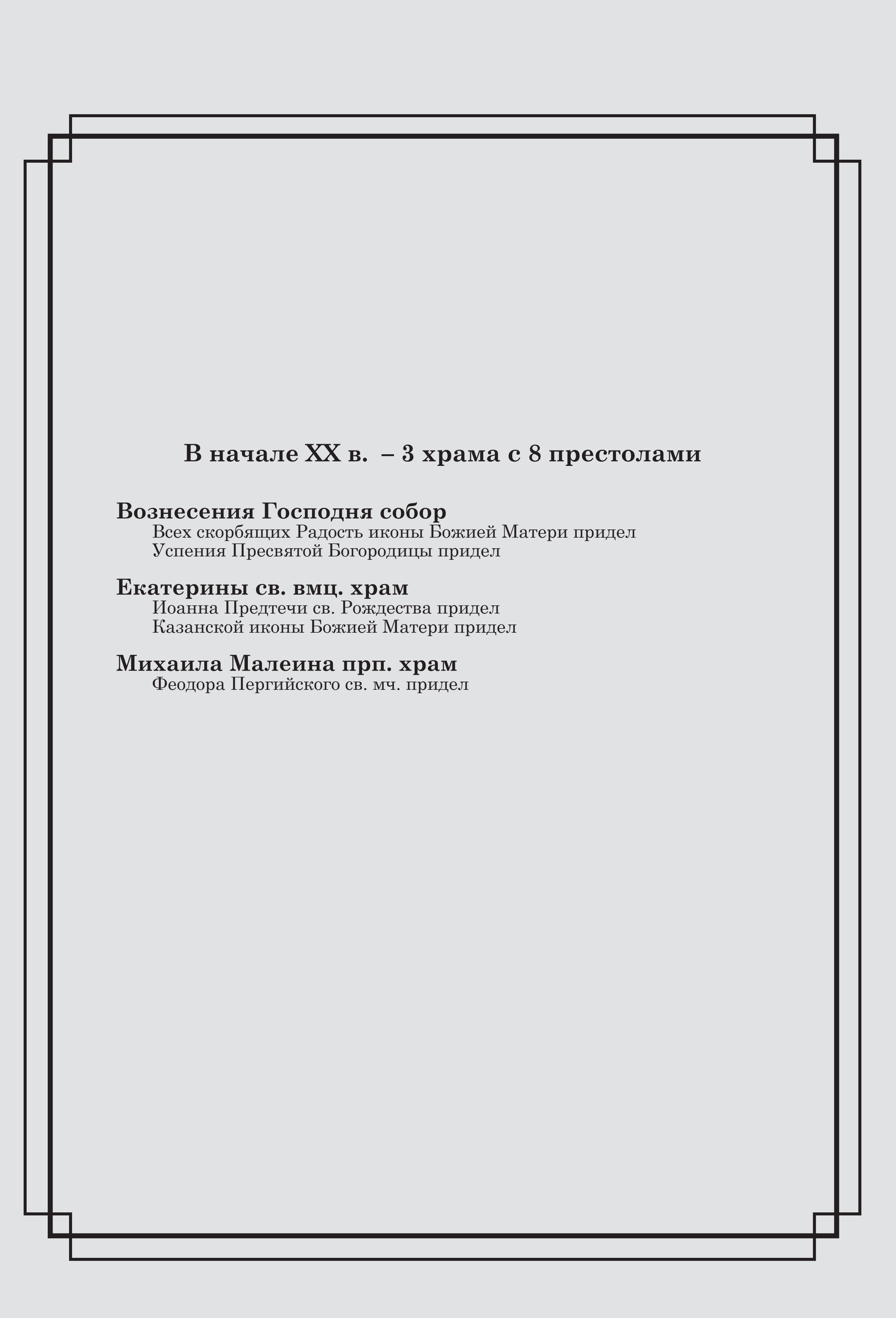

Вознесенский 1-го класса необщежительный женский монастырь

в Кремле

не сохранился

В начале XX в. – 3 храма с 8 престолами

Вознесения Господня собор
Всех скорбящих Радость иконы Божией Матери придел
Успения Пресвятой Богородицы придел

Екатерины св. вмц. храм
Иоанна Предтечи св. Рождества придел
Казанской иконы Божией Матери придел

Михаила Малеина прп. храм
Феодора Пергийского св. мч. придел

ИСТОРИЯ ДО 1917 г.

Точная дата основания Вознесенского монастыря в Кремле неизвестна. Исследователи, опираясь на немногочисленные источники, предлагают разные даты: от 1380-х гг. до 1407 г. Точно известно, что в 1407 г. вдовой Дмитрия Донского великой княгиней Евдокией Дмитриевной, дочерью суздальского князя Дмитрия Константиновича, было начато строительство каменного собора монастыря. Позже этот храм стал местом погребения русских цариц, их родственниц и представительниц некоторых знатных фамилий. Монастырь и его постройки страдали от больших московских пожаров: в 1482 г., когда сильно обгорела чудотворная Одигитриевская икона; в 1547 г., когда погибли 10 инокинь, и сгорело все монастырское имущество; в 1571 г., когда сгорели или задохнулись первая упомянутая в источниках настоятельница игумения Венедикта и сестры обители; наконец, в 1737 г. (Троицкий пожар). В значительной степени из-за повреждений от пожаров главный Вознесенский храм монастыря не раз обновлялся, перестраивался. Так, собор 1407 г. был заново отстроен в 1521 г., а затем разобран после середины XVI в.

Монастырь был первой из женских обителей Москвы. В источниках его называли «монастырем великих княгинь». Здесь были захоронения супруг большинства

русских великих князей и царей, в частности, Василия III, 4-х жен Ивана Грозного, 2-х — Алексея Михайловича и др. В обители постригались и проживали многие представительницы царской семьи. Здесь пребывала инокиня Марфа (Мария Нагая), встречавшая в монастыре Лжедмитрия I и его невесту Марину Мнишек. В Вознесенской обители в первой половине XVII в. 18 лет проживала мать царя Михаила Федоровича «Великая старица» Марфа, устроившая здесь престолы во имя святых покровителей ее сына и мужа: прпп. Михаила Малеина и Феодора Пергийского. Михаило-Малеинский храм, упоминаемый в 1617 г. и построенный в камне в 1634 г., располагался близ кремлевской стены и Спасской башни. В монастыре с 1727 г. находилась царица-инокиня Евдокия Федоровна, супруга Петра I.

Наличие в монастыре усыпальницы женской половины великокняжеского и царского дома обусловило особое отношение к обители русских государей, которые неизменно посещали родительские могилы, отправляясь в военные походы, готовясь к великому посту, а также в дни именин и кончин своих матерей, супруг и детей. Опубликованные еще в XIX в. источники свидетельствуют, что Михаил Федорович посещал собор не менее 9 раз, Алексей Михайлович — 57 раз, Федор Алексеевич — 8 раз.

В храмовый праздник в соборе неизменно служил Патриарх.

Среди дошедших до начала XX в. монастырских храмов числился еще и Екатерининский, возведенный в 1808–1817 гг. на месте более старого, постройки 1868 г.

В Вознесенском монастыре в разное время существовали еще 3 храма, разобранные в конце XVIII — начале XIX в. В обители с начала XVII в. был известен придел во имя свв. Афанасия и Кирилла Александрийских. Его снесли в конце XVIII — начале XIX в.

О втором несохранившемся монастырском храме во имя св. вмч. Георгия Победоносца известно больше. Он был построен в 1527 г. и представлял собой небольшое трехапсидное здание с одной главой. В начале XVIII в. к храму пристроили придел св. вмч. Димитрия Солунского. В Георгиевской церкви хранилась известная московская историческая святыня — большая белокаменная скульптура св. Георгия на коне (эта композиция была положена в основу герба Московского государства). В 1737 г. храм обгорел, в начале XIX в. его разобрали и на его месте соорудили новую Екатерининскую церковь. Скульптурный образ св. Георгия и храмовую икону св. вмч. Димитрия Солунского перенесли в монастырскую церковь прп. Михаила Малеина.

Драматична история третьей, исчезнувшей также в начале XIX в., монастырской Казанской церкви. Она была построена в 1711 г. на монастырской площади между тремя храмами: Вознесенским собором, Екатерининской и Михаило-Малеинской церквами. Устроительницей храма выступила монахиня-княгиня Иоанна Барятинская (в схимонахинях Анна). Она же пожертвовала в новый храм родовую Казанскую икону, одетую в золотую, украшенную драгоценными

камнями ризу. При храме существовал отдельный от монастырского духовенства причт. Однако позже Св. Синод заподозрил монахиню Иоанну в распространении ложных рассказов о чудесах, исходивших от Казанского образа, последний был перемещен в Большой Успенский собор, а первый Казанский храм в 1722 г. разобрали. Но по настойчивым ходатайствам той же инокини Иоанны в 1729 г. храм вновь был построен на том же месте. В 1817 г. «за теснотою обители» и из-за ветхости церковного здания он был вновь разобран, а в честь Казанской иконы Божией Матери на хорах нового Екатерининского храма устроили одноименный придел.

До секуляризации 1760-х гг. Вознесенский монастырь имел богатые земельные угодья во многих уездах России, он владел 16 тыс. крепостных. В Московской губ. ему принадлежали земли в Бронницком, Рузском и Московском уездах. В последнем в с. Бибиреве во многом усилиями монахинь в 1893 г. был сооружен и ныне существующий храм во имя прп. Сергия Радонежского. После секуляризации Вознесенский монастырь получил высокий статус первоклассного.

В XVIII в. в монастыре появилось 3 новых придела: упомянутый во имя св. вмч. Димитрия Солунского при Георгиевском храме, а также устроенные в 1731–1732 гг. в соборе 2 придела: Успенский и Скорбященский при гробницах двух Прасковий — Прасковьи Федоровны, супруги царя Иоанна Алексеевича, брата Петра I, и ее дочери Прасковьи Иоанновны.

Тяжелые утраты Вознесенский монастырь понес в конце XVIII — начале XIX в., когда были снесены 3 храма, и когда обитель серьезно пострадала во время пребывания в Кремле французов. Главные монастырские сокровища игумении Трифене (Слепцовой) удалось вывезти в 1812 г. в Вологду. При ней после разорения французами восстанавливались монастырские храмы.

В 1817 г. был сооружен последний Екатерининский храм. При его строительстве использован материал разобранного кремлевского Николо-Гостунского собора. У нового храма устроили монастырские Святые ворота, у которых поставили небольшую деревянную часовню.

К Вознесенскому монастырю в начале XIX в. были приписаны кремлевские храмы Иоанна Лествичника под колокольней Ивана Великого и свв. Константина и Елены.

В 1823 г. в монастыре устроили больницу на 12 монахинь. Тогда же к собору пристроили крытую галерею (ее разобрали в конце 1860-х гг.).

Большие ремонтно-восстановительные работы были проведены благодаря энергии и трудам игумении Сергии (урожд. Урусовой, по мужу Волконской). Прожив в браке 20 лет и потеряв мужа и четверых детей, она приняла постриг в Спасо-Преображенском монастыре на Бородинском поле. При Сергии в 1870–1880-х гг. были отремонтированы, отреставрированы и благоукрашены все монастырские храмы.

В 1890-х гг. в монастыре подвизалось более 60 монахинь, до 190 послушниц, рясофорниц, белиц. Монастырь занимал значительную площадь у Спасских

ворот Кремля, и главы его древнего собора были хорошо видны с любого места Красной площади. Святые ворота обители примыкали к Малому Николаевскому дворцу. В обители был трехэтажный игуменский корпус с келиями и просфорней на 1-м этаже, покоями игумении и казначеи на 2-м и монастырским приютом на 3-м. К игуменскому корпусу примыкал построенный в 1877 г. больничный корпус. В обители еще находились двухэтажный и трехэтажный корпуса, где жили монашествующие. Многие инокини обители были искусными вышивальщицами, по заказам монастырей они изготавливали шитые золотом и серебром разнообразные церковные облачения, хоругви и покрова, реставрировали старинные предметы шитья. В мастерской монастыря по заказам военного ведомства изготавливали знамена, орденские ленты и проч.

Несмотря на перенесенные монастырем бедствия и пожары в его ризнице (находилась в особом помещении под Успенским приделом Вознесенского собора) сохранялись многие церковные предметы, свидетельствовавшие об особом статусе обители и внимании к ней со стороны государей Российских. В ризнице хранились шитые иконы: Смоленская (1630 г.), употреблявшаяся как подвесная пелена к чудотворному Одигитриевскому образу, вторая Смоленская (также XVII в.), вмц. Екатерины и свт. Николы Можайского и др. Здесь же находились шитые золотом и серебром плащаница, воздуха, поручи, оплечья, а также 13 одинаковых покровов на гробницы цариц и великих княгинь, царевен и великих княжон. В ризнице хранились большие в драгоценных ризах Евангелия 1681 и 1698 гг., богатые царские вклады: набор богослужебных сосудов, пожертвованных Алексеем Михайловичем в 1659 г. в вечную память по царевне Анне Алексеевне, серебряный напрестольный крест с частицами св. мощей — вклад Михаила Федоровича в 1637 г. в вечную память по царевне Софии Михайловне, золотой крест с частицами святых мощей, пожертвованный также Михаилом Федоровичем в 1631 г. В монастыре хранились и другие серебряные исторические реликвии, пожертвованные царями в XVII в.: кадило 1629 г., чаша для освящения воды 1631 г., блюдо 1671 г. и т. д. Одним из самых древних в ризнице был серебряный крест с частицами святых мощей и с изображением св. вмч. Феодора Стратилата.

ИСТОРИЯ ПОСЛЕ 1917 г.

Вознесенская обитель одна из первых пострадала от новой власти. Собор и другие здания монастыря были повреждены при обстреле Кремля в конце октября — начале ноября 1917 г. Осматривавший разрушения Кремля епископ Камчатский и Петропавловский Нестор (Анисимов) писал о состоянии монастыря: «В храме св. великомученицы Екатерины насквозь пробита артиллерийским снарядом стена верхнего карниза и верхний свод храма. Отверстия по одному квадратному аршину. Другим снарядом разрушена часть крыши на главном куполе. От ружейных пуль и снарядных осколков разбиты купола храмов монастыря и крыши всех построек обители. Стекол выбито до 300 мест…».

Духовная жизнь обители закончилась вскоре после переезда в марте 1918 г. в Кремль высших органов власти большевиков — Совнаркома и ВЦИК. Какое-то время монашеская жизнь продолжала теплиться в кремлевской обители. Осенью 1918 г. монастырь был закрыт, а часть монашествующих во главе с игуменией выселены и определены к храму Лефортовской больницы. Часть церковных ценностей перевезли на подворье Троице-Сергиевой Лавры на Самотеке, а в конце 1918 г. реставраторам передали чудотворную Одигитриевскую икону.

В апреле 1922 г. из ризницы и храмов обители власти изъяли более 25 пудов серебряных переметов церковной утвари. Реставраторы высоко оценивали достоинства монастырского собора, отнесли его к 1-й высшей категории памятников с запрещением использования под жилье или «иные нужды». Однако в 1920-е гг. храмы и другие постройки бывшего монастыря использовались различными организациями, обслуживавшими, главным образом, ВЦИК. Здания обители не ремонтировались и ветшали, и в 1924 г. руководство жилищно-эксплуатационного отдела ВЦИК даже предложило снести монастырские постройки. Такое стало возможным через 5 лет.

7 мая 1929 г. на заседании реставрационно-архитектурного отделения ЦГРМ архитектор-реставратор Д. П. Сухов сообщил о ставших ему известными намерениях построить здание военной школы на территории Вознесенского и Чудова монастырей и Малого Николаевского дворца. Решение ЦГРМ было однозначным: «Принимая во внимание, что здания бывших Вознесенского и Чудова монастырей и Николаевского дворца являются памятниками исключительного историко-архитектурного значения, утрата которых причинит существенный ущерб делу истории и ансамблю древнего Кремля, считать разборку указанных зданий недопустимой...». Но в те годы ни ЦГРМ, ни музейные специалисты не могли противостоять ВЦИК и СНК, которые принимали решения по кремлевским памятникам. Ведь даже Моссовет не определял судьбу построек Кремля. Причем сами реставраторы получали информацию только со слов ставшего всесильным кремлевского коменданта. 17 июля Д. П. Сухов доложил специалистам ЦГРМ о непреклонном решении центральных властей покончить с кремлевскими монастырями и дворцом. Характерна огорченно-смиренная резолюция тех, кто обязан был по роду службы бороться до конца: «Выразить глубокое сожаление по поводу предстоящей разборки памятников, составляющих единственный в мире историко-архитектурный художественный ансамбль и являющихся крупными вехами» на пути развития культурной жизни страны. Д. П. Суховым и Н. Н. Померанцевым была составлена смета на сумму около 8 тыс. руб. на работы по научной фиксации памятников.

Первоначально проект военной школы стал разрабатывать академик архитектуры И. В. Жолтовский, потом его сменил другой архитектор — будущий автор постройки И. И. Рерберг.

К сожалению, фиксационных фотографий сноса выдающихся кремлевских памятников выявлено всего несколько штук, хотя известно, что такая фотосъемка

велась. Остается надеяться, что эти ценные документы ждут своего исследователя в архивах ВЦИК и СНК или в других хранилищах. Сегодня стали известны письма в защиту кремлевских памятников, подписанные А. В. Щусевым, И. В. Жолтовским, И. А. Фоминым, И. И. Машковым, Н. Н. Померанцевым, Д. П. Суховым. А вот реакция на варварский акт со стороны государственных и партийных деятелей, ежедневно наблюдавших в Кремле за разрушением древних монастырей, нам почти неизвестна. Тем ценнее для нас голос тех из них, кто не побоялся в то время выступить в защиту московской старины. Одним из таких заступников был В. И. Невский — крупный историк и педагог, в 1925 г. назначенный директором Всесоюзной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Убежденный большевик, будучи после Октября наркомом путей сообщения, он вошел в состав Совнаркома. Узнав, что в Кремле обрекли на снос «замечательные исторические памятники старой России» — Чудов и Вознесенский монастыри — В. И. Невский выступил с решительным осуждением этого решения, написав И. В. Сталину: «Уничтожение Чудова и Вознесенского монастырей нецелесообразно по многим причинам. Прежде всего, эти сооружения — древние сооружения русской архитектуры XV, XVII и XVIII веков. Не говоря уж о том, что в этом комплексе зданий есть произведения гения Растрелли и Росси, там имеются и произведения русских мастеров XV века, удивительные фрески и архитектурные образцы невиданного совершенства. Непонятно, почему в таком удивительном памятнике, какой представляет собой весь Кремль, нужно уничтожать отдельные его части, когда мы сохраняем где-нибудь в Казахстане или Армении аналогичные памятники, стоящие изолированно. Если нет никакого шовинизма в том, что коммунисты оберегают в этих республиках произведения трудящихся этих национальностей, то почему необходимо разрушать произведения трудящихся РСФСР, да еще такие, разрушение которых будет началом разрушения величайшего исторического памятника…».

Возможно, это письмо к Сталину с просьбой принять и выслушать доводы против сноса кремлевских монастырей было одной из причин расправы над В. И. Невским — он был арестован в 1935 г. и через несколько лет расстрелян.

В октябре 1929 г. уничтожение памятников, включая Вознесенский монастырь, шло полным ходом. Вот, какая картина открылась знаменитому реставратору П. Д. Барановскому, посланному на помощь Н. Н. Померанцеву, чтобы обследовать сносимые на глазах монастырские постройки: «Окончательно разобраны церковь Екатерины и Михаила. Собор Вознесенского монастыря разобран наполовину: его части, центральная и восточная, в спешном порядке, вследствие чего каких-либо дополнительных обследований не было произведено, работающим по обследованию на разборках Максимову и Соболеву не удалось сделать обследование деталей куполов и обмера барабанов собора…».

Как и при предыдущих сносах, реставраторы обнаруживали древние конструкции, скрытые ранее детали, позволяющие отодвинуть датировку сооружения памятника. В соборе Вознесенского монастыря из-под более поздних

наслоений проступили своды, отнесенные П. Д. Барановским к XVI в. К северу от собора строители вскрыли кладбище с деревянными гробами и колодами, поставленными друг на друга. Как свидетельствовали реставраторы, «некоторые из гробов наполнены водой, в них сохранилась обувь, льняная ткань бурого цвета, обувь из цельного куска кожи и др.».

В 1932–1934 гг. на расчищенном месте возвели здание Военной школы имени ВЦИК, а в 1938 г. сюда переместился Секретариат Президиума Верховного Совета СССР. Уже в наше время, в начале 2000-х гг., здание принадлежало Администрации Президента и было известно как «14-й административный корпус».

К началу 2000-х гг. эта постройка обветшала, и летом 2014 г. Президент В. В. Путин неожиданно предложил его не ремонтировать, а разобрать и «…восстановить исторический облик этого места с двумя монастырями и церковью». Историки, архивисты, искусствоведы выявили иллюстративный и графический материал, достаточный для воссоздания утраченного комплекса, археологи на месте снесенного здания обнаружили фрагменты фундаментов монастырских зданий. Однако столь же неожиданно против воссоздания исторических монастырей Кремля выступили ЮНЕСКО и часть отечественной научной общественности: искусствоведы, архитекторы, музейные работники. К сожалению, это более чем странное мнение определило судьбу места. Власти решили ансамбль не восстанавливать, а обнаруженные в земле фрагменты музеефицировать и показывать экскурсантам. Сегодня посетители Кремля обращают внимание на образовавшийся после сноса корпуса гигантский пустырь, на котором проложены дорожки и высажен низкий кустарник по контурам стоявших здесь до 1929 г. древних храмов Вознесенского монастыря.

О былом величии обители свидетельствуют спасенный иконостас Вознесенского собора, ныне находящийся в кремлевском соборе Двенадцати апостолов, чудотворная икона Одигитрии в Третьяковской галерее и еще несколько старинных икон, находящихся там же и в Музеях Московского Кремля. В фондах кремлевских музеев хранятся отдельные памятники из монастырской ризницы, а в южной пристройке Архангельского собора открыта постоянно действующая выставка, посвященная истории Вознесенского монастыря. В подвале этого же собора находятся перемещенные туда в 1929 г. надгробия и останки захороненных в Вознесенском монастыре великих княгинь и цариц.

Вознесения Господня собор

не сохранился

Первая каменная церковь обители была заложена весной 1407 г. прп. Евфросинией. Однако вскоре после закладки 7 июля того же года великая княгиня скончалась и была погребена в строящемся храме. Собор достраивала невестка преподобной

великая княгиня София Витовтовна. При ней церковное здание довели до уровня глав. Пожаром 1415 г. недостроенный храм был поврежден. Достройку прекратили, в том числе из-за междоусобной войны второй четверти XV в.

Во второй половине XV в. обгорелый недостроенный храм было решено разобрать и соорудить новый, однако известный мастер Василий Ермолин с мастерами-каменщиками сохранил старые стены, обложив их новым кирпичом, разобрал старые своды и достроил собор. 3 ноября 1467 г. по прошествии 60 лет после закладки Вознесенский собор был освящен митрополитом Московским Филиппом I. Однако и этому собору не довелось долго жить. Через 16 лет он сгорел, в 1518 г. по повелению великого князя Василия Ивановича был разобран, и 10 августа того же года заложен новый. Освятил его 9 мая 1521 г. митрополит Московский Варлаам.

Согласно исследованиям современных ученых, собор этот простоял тоже сравнительно недолго, так как пострадал от пожара 1547 г. и был разобран после середины XVI в. Строительство нового, третьего по счету, монастырского собора было завершено в 1587–1588 гг. Этот храм формами и декоративной отделкой напоминал главную царскую усыпальницу — Архангельский собор. Первоначально Вознесенский храм имел позакомарное покрытие. Фасады его ремонтировались в 1696 г., его новый иконостас и многие иконы были сооружены в 1721 г. В пожар 29 мая 1737 г. собор пострадал мало. В 1812 г. он был разграблен, со всех икон были содраны драгоценные ризы; в царской усыпальнице французы устроили склад. Отремонтированный Вознесенский собор освятили в 1814 г.

В 1821 г. внутренние стены собора были расписаны священными изображениями, но его новое иконное писание первый историк монастыря священник Александр Пшеничников называл «очень посредственным». Он же писал в своей книге, что после этого «…в продолжении 50-ти лет, до 1870 года, храм сей не имел исправлений; он сделался внутри неблаголепен. Святые образа в предалтарном иконостасе и стенные изображения храма от времени потемнели. Самый предалтарный иконостас потерял свой прежний цвет, и позолота на нем едва была видна. Но что было особенно не благолепно, так это то, что южная, западная и северная стены храма были обставлены на довольно значительную высоту киотами, окрашенными белым колером; в них было поставлено множество икон разных наименований и размеров. Иконы сии были размещены без симметрии и как попало, так что рядом стояло по нескольку икон одного наименования, и при том многие из них были самой низкой, суздальской работы».

Главной жертвовательницей масштабных работ по коренному обновлению внутреннего вида собора в начале 1870 г. выступила московская купеческая вдова Евфимия Лаврентьевна Кудрявцева. По некоторым данным, она затратила на благоукрашение храма до 20 тыс. руб. Наблюдение за ремонтом собора осуществлял архитектор В. А. Гамбурцев. Реставрацию икон и роспись стен и сводов в византийском стиле произвел известный иконописец Н. М. Сафронов.

К некоторым почитаемым иконам сделаны были дорогие серебряные ризы, поставлены большие художественного исполнения медные высеребренные подсвечники, приобретены 3 бронзовых паникадила. Обновленный собор освятил 22 октября 1871 г. митрополит Московский Иннокентий в сослужении с архимандритом Богоявленского монастыря Никодимом.

Последнее крупное обновление Вознесенского собора происходило в период празднования 500-летия монастыря в 1907 г.

В начале XX в. в соборе находился высокий деревянный вызолоченный шестиярусный иконостас XVIII в. Царские врата и 5 местных икон в 1815–1816 гг. были украшены серебряными вызолоченными ризами с драгоценными камнями. Самой известной среди них была древнейшая Смоленская икона Божией Матери Одигитрии. Это был образ, привезенный из Константинополя и, по всей видимости, подаренный обители великой княгиней Евдокией Дмитриевной. В пожаре 1482 г. лик иконы сильно пострадал, и на уцелевшей доске известный иконописец Дионисий написал новое изображение Богородицы. По преданию, из всего монастырского достояния только эта икона была спасена в пожар 1547 г. После Отечественной войны 1812 года образ одели в серебряную украшенную драгоценными камнями ризу.

В Вознесенском соборе находились и известные чтимые старинные иконы св. вмц. Екатерины, свт. Николы Можайского в житии, Казанская Божией Матери и др.

Главной же святыней Вознесенского монастыря были почивающие под спудом честные мощи основательницы обители великой княгини Евдокии. 17 мая 1407 г. она приняла иночество с именем Евфросинии, через 3 дня заложила каменную Вознесенскую церковь. Рака над святыми мощами прп. Евфросинии украшалась великими князьями и царями. В 1822 г. над мощами была устроена новая бронзовая, высеребренная чеканная рака с такою же над ней сенью. При общем ремонте и поновлении собора 1872 г. вместо прежней была сооружена еще более благолепная рака с балдахином, венец на гробовой иконе преподобной украсили жемчугом и драгоценными камнями.

В конце XIX — начале XX в. собор пополнился новыми иконами и хоругвями, отражающими историю обители и Православной Церкви. Так, Обществом хоругвеносцев были устроены шитые хоругви в память спасения жизней царя Александра III и его семейства при крушении поезда 17 октября 1888 г. в Борках, в память 500-летия Вознесенского монастыря (1889 г.) и в память 500-летия преставления князя Дмитрия Донского и его супруги Евдокии Дмитриевны (1892 г.).

В 1907 г., когда вспоминали 500-летие преставления прп. Евфросинии, Общество хоругвеносцев кремлевских соборов поднесло в собор 2 больших вызолоченных подсвечника с эмалью в стиле XVI в., а к мощам преподобной — драгоценную серебряно-вызолоченную лампаду с эмалью. В том же году великая

княгиня Елизавета Федоровна пожертвовала к раке прп. Евфросинии золотую лампаду. Тогда же собор был отреставрирован.

В соборном храме существовали 2 придела — в честь иконы Божией Матери Всех скорбящих Радость и в честь Успения Пресвятой Богородицы. Скорбященский придел был устроен императрицей Анной Иоанновной 1 апреля 1732 г. в память родной ее сестры царевны Параскевы Ивановны (†1731). На первоначальном иконостасе придела была сделана соответствующая надпись. Придел имел свои особенности — богослужения в нем совершало духовенство, получавшее жалование из Дворцовой конторы. Он был упразднен во второй половине XVIII в., но после Отечественной войны 1812 года возобновлен. Обновлен во время ремонта 1871 г.: иконостас вновь вызолочен, вместо старых в нем поставлены другие, взятые из ризницы и других частей храма иконы. Стены алтаря и придела расписали священными изображениями. Храмовая икона представляла собой точную копию чудотворной иконы из московской Скорбященской церкви на Большой Ордынке.

Другой придел — в честь Успения Божией Матери, был построен при северной стене собора московским генерал-губернатором Василием Федоровичем Салтыковым в память его родной сестры царицы Прасковьи Федоровны (урожд. Салтыковой; 1664–1723) — супруги Царя Иоанна Алексеевича. От этого брака родилось 5 дочерей, в том числе будущая императрица Анна Иоанновна. Прасковья Федоровна была погребена не в Москве, а в Петербурге, в Александро-Невской лавре. Успенский же придел Вознесенского собора служил усыпальницей представителей рода Салтыковых. Здесь были погребены отец и мать царицы Прасковьи Федоровны и храмоздателя Василия Федоровича: Федор Петрович (†1697) и Анна Михайловна (†1702) Салтыковы, их родственники, а также некоторые монахини Вознесенской обители. В пожар 1737 г. убранство придела пострадало. При игумении Сергии в начале 1870-х гг. на средства монастыря и пожертвования упоминавшейся выше Е. Л. Кудрявцевой был сооружен новый иконостас, в который установили из прежнего старинные иконы Вознесения Христова, Успения Богоматери и сщмч. Василия епископа Херсонского (ангела строителя храма). Другие иконы нового иконостаса были написаны Рыбаковым. Освящение придела совершил благочинный московских мужских монастырей златоустовский архимандрит Григорий (Воинов).

Главной особенностью собора, как мы уже писали, было расположение в нем российской усыпальницы всех царственных особ женского пола. По словам Пшеничникова: «…как Архангельский собор служил усыпальницей Русских государей, так Вознесенского девичьего в Москве монастыря соборный храм был усыпальницей Государынь». И первой в 1407 г. в первоначальном соборе была похоронена основательница обители прп. кнг. Евфросиния. Всего в соборе в начале XX в. насчитывалось 35 белокаменных надгробий. Во всех описаниях монастыря, во многих старых путеводителях по Москве приведен список захоронений цариц и великих княгинь, и дан план мест их погребений в соборе. Пе-

речислим наиболее известных представительниц царского дома, упокоившихся здесь: великие княгини и царицы — София Витовтовна (†1453), супруга великого князя Василия I Дмитриевича, дочь великого князя литовского Витовта Кейстутовича; Мария Борисовна (†1467), первая супруга князя Иоанна Васильевича III; Мария Ярославовна (в инокинях Марфа; †1484), супруга великого князя Василия Васильевича Темного; София Фоминишна (Палеолог; †1503), вторая супруга великого князя Иоанна Васильевича III, племянница последнего византийского императора; Елена Васильевна (Глинская; †1538), вторая супруга великого князя Василия II Ивановича, мать Ивана Грозного; Анастасия (Романова; †1560), Мария Темрюковна (†1569), Марфа Васильевна (†1571), Мария Федоровна (в инокинях Марфа; †1608), первая, вторая, третья и последняя (мать св. царевича Димитрия) супруги Ивана Грозного; Ирина Федоровна (Годунова; †1603), супруга царя Федора Иоанновича, сестра царя Бориса Годунова; Мария Петровна (в инокинях Елена; †1626), супруга царя Василия Шуйского; Евдокия Лукиановна (†1645), вторая супруга царя Михаила Федоровича; Мария Ильинична (Милославская; †1669) и Наталия Кирилловна (Нарышкина; †1694), первая и вторая супруги царя Алексея Михайловича; Агафья Симеоновна (†1681), первая супруга царя Федора Алексеевича и др.

В соборе находились захоронения дочерей многих великих князей и царей — Ивана Грозного, Федора Ивановича, Василия Шуйского, Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Иоанна Алексеевича, а также жен русских царевичей.

На надгробия царственных особ царями возлагались драгоценные бархатные покровы, передаваемые затем в монастырскую ризницу. Русские цари и их августейшие семейства в императорский период при посещении Москвы и Кремля непременно бывали и в исторической усыпальнице женской половины царственного дома Руси–России. Монастырский собор с захоронениями цариц и княжон был в центре празднования и 500-летия преставленият прп. Евфросинии Московской (1907 г.), и 300-летия Дома Романовых (1913 г.).

Собор пострадал едва ли не первым во время переворота 1917 г., он получил несколько пробоин в куполах во время обстрела в конце октября 1917 г. Богослужения в нем были прекращены. 6 декабря 1918 г. чудотворный образ Богоматери «Одигитрия» был изъят из соборного иконостаса и перенесен в реставрационные мастерские, располагавшиеся тогда в Мироваренной палате Кремля. В период 1919–1923 гг. икона была реставрирована Е. И. Брягиным и передана сначала в Исторический музей, а затем оттуда в 1930 г. в Третьяковскую галерею. Известно, что оклад иконы начала XIX в. поступил в Антиквариат для продажи, а венцы и убрус с него (XVII в.) — в Оружейную палату.

В середине 1929 г. после принятия решения об уничтожении древних кремлевских монастырей началось и фактическое уничтожение собора. С августа 1929 г. Н. Н. Померанцев и другие музейные работники занялись трудоемким

демонтажом его иконостаса и вывозом отдельных исторических гробниц из собора в подземную палату кремлевского Архангельского собора.

Н. Н. Померанцев и спас, по сути дела, от уничтожения предназначенный к ликвидации уникальный иконостас Вознесенского собора. В. А. Меняйло пишет, что «Николаю Николаевичу удалось обменять иконостас из собора во имя Двенадцати Апостолов, сделанный по указу императора Николая I в 1851–1855 гг., на иконостас Вознесенского собора. Этот обмен спас иконы XVII в. и одновременно разрешил проблему их экспозиции в условиях Музеев Московского Кремля. Большую часть икон перевезли и установили в соборе Двенадцати Апостолов в сентябре 1929 г.».

При этом 4 деисусные, 3 праздничные, 3 страстные иконы, а также пророческий и праотеческий ряды старого Вознесенского иконостаса при новой установке в помещении храма Двенадцати апостолов в него не вошли, и ныне они хранятся в фондах Музеев Московского Кремля.

К 1986 г. была окончена реставрация икон Вознесенского иконостаса, который и сегодня можно увидеть в соборе Двенадцати апостолов. Большую исследовательскую работу по атрибуции и истории самого иконостаса и находящихся в нем икон провела В. А. Меняйло. На сегодняшний день можно утверждать, что иконостас был сооружен в промежутке между 1679 и 1685 гг., он представляет «…единый ансамбль, в котором почти нет дополнений».

Что же касается Вознесенского собора, то в конце сентября 1929 г. демонтировали кресты с его куполов, их вывозили в храм Иоанна Лествичника. В конце октября того же года представитель ЦГРМ П. Д. Барановский (мы его цитировали выше) констатировал спешную разборку собора без обследования и обмеров отельных частей.

В 1930 г. Вознесенский собор был снесен, а к 1934 г. на его месте возвели корпус Военной школы. Напомним, что сейчас этого корпуса уже не существует, а место расположения монастырского собора можно определить по специально высаженным по его контуру кустам.

Михаила Малеина прп. храм

не сохранился

Находился в юго-восточном углу Вознесенского монастыря, рядом с кремлевской стеной и Спасскими воротами. Храм имел придел во имя св. мч. Феодора Пергийского. Собственно само церковное здание было небольшого размера, двухэтажное. Церковь располагалась в верхнем этаже, в нижнем же под алтарем находились 2 келии. Внизу были устроены проездные ворота с заднего монастырского двора. Подвалы храма занимались погребами. С западной стороны к Михаило-Малеинскому храму примыкало каменное здание монастырской богадельни, рядом возвышалась колокольня.

История возникновения храма тесно связана с именем первого царя из рода Романовых — Михаила Федоровича, и монастырский храм в древности нередко называли «Государевым Ангелом».

Точная дата построения и освящения Михаило-Малеинской церкви неизвестна, первое же историческое свидетельство о ней встречается в документах за 1617–1618 гг. На сохранившемся древнем виде Московского Кремля начала XVII в. храма еще нет. Полагают, что он возник вскоре после 1613 г., когда избранный на царство юный Михаил Федорович со своей матерью, старицей-инокиней Марфой, прибыли из Костромы в Кремль. Марфа поселилась в женском Вознесенском монастыре, где через какое-то время и был устроен храм прп. Михаила Малеина с приделом св. мч. Феодора Пергийского, во имя которого был назван супруг Марфы Ивановны Феодор Никитич Романов, ставший в 1619 г. Патриархом Филаретом. Полагают, что сначала это был придел собора, затем отдельный деревянный храм, который в 1634 г. заменили каменным. И. Е. Забелин пишет, что постройкой заведовали «дворяне-жильцы», а строителями были подмастерья каменных дел Бажен Огурцов и Семейка Белой.

Небольшой кремлевский Михаило-Малеинский храм был предметом особого почитания царей, часто его посещавших и делавших в него вклады. Храм в монастыре со времени основания был на особом положении. Государыня-инокиня, великая старица Марфа Ивановна с целым штатом живущих в ее монастырских палатах инокинь были первыми и постоянными богомольцами Михаило-Малеинского храма. Церковь была ружной, все необходимое она получала от царей, имела она и особый штат духовенства.

В Троицкий пожар 29 мая 1737 г. храм сильно пострадал: сгорела, по-видимому, вся драгоценная утварь — вклады государей и иконостас с иконами. Погибла в огне и главная храмовая святыня — чудотворный образ Спаса Нерукотворного. Сожалея об утратах после пожара, историк храма священник Александр Пшеничников писал в конце XIX в.: «…грустное впечатление всегда выносится из храма преподобного Михаила Малеина, что стены церковные, особенно снаружи, являют собою признаки древности, внутри же — отделка прошлого и настоящего столетий. К этому последнему времени принадлежит и устройство иконостасов в Михаило-Малеинском храме и написание в них икон святых». После пожара 1737 г. архитектором И. Мичуриным были исправлены своды в алтаре и трапезной. Со временем храм утратил и самостоятельный внешний вид — он оказался зажатым с двух сторон новопостроенными каменными корпусами монашеских келий и богадельни (позже ее корпус использовали для общей монашеской трапезы). Храм не раз поновляли, но самыми капитальными были переделки интерьера в 1891 г. при игумении Серафиме. Главный престол после обновления был освящен митрополитом Московским Иоанникием 12 июля 1891 г. Иконы в старом XVII в. иконостасе были написаны заново иконописцем Егоровым на прежних

липовых досках. В их числе — местные иконы Спасителя с молящимися прпп. Варлаамом и Сергием и Печерская Божией Матери с молящимися святителями Московскими Петром и Алексием. Старые царские врата тоже заменили новыми. В Феодоровском приделе старый иконостас заменили на новый с новонаписанными тем же Егоровым иконами.

Несмотря на существенные обновления, в Михаило-Малеинской церкви сохранились и старые святыни. Храмовая икона прп. Михаила Малеина была написана в 1739 г. по приказанию императрицы Анны Иоанновны. В трапезной хранилась большая почитаемая чудотворная икона Господа Вседержителя, к помощи которой прибегали лица, «с верою искавшие пред сею святою иконою духовного утешения и помощи в скорбях и печалях». Особо почитался и образ Божией Матери «Троеручица», старинной прекрасной работы, в шитой жемчугом ризе.

Едва ли не главной исторической достопримечательностью «Государева Ангела» было древнее XV в. белокаменное скульптурное изображение в рост св. вмч. Георгия на коне. Долгие годы эта скульптура находилась в церкви св. Георгия близ Спасских ворот, которая была сломана за ветхостью в 1808 г. Скульптуру св. Георгия, ставшую символом Москвы, поместили в Михаило-Малеинский храм в придел св. Феодора в специально устроенную нишу.

Храм был разрушен в 1929–1930 гг. одновременно со сносом всего монастырского комплекса.

Колокольня

не сохранилась

Располагалась над трапезной Михаило-Малеинского храма, напротив его придела. Точной даты ее сооружения в известных документах монастыря нет, но о. Александр Пшеничников полагал, что колокольня была построена одновременно с храмом. Известно, что колокольня сильно пострадала от пожара 29 мая 1737 г. — железо на главе распаялось, крест на ней был поврежден. Судя по всему, верх здания пришлось разобрать и соорудить новый, напоминающий верхнюю часть колокольни храма прп. Сергия Радонежского на Дмитровке (не сохранилась).

В конце XIX в. на колокольне находилось 9 колоколов, из которых 2 — допетровской эпохи: один из них был отлит в 1555 г. повелением царя Ивана Грозного, другой — в 1698 г. по приказанию царей Иоанна и Петра Алексеевичей. Другие 7 колоколов были новые, отлиты при игумении Сергии в 1871 г. Самые большие из них весили 377 и 85 пудов. Известно, что эти колокола были перелиты из старых 4 монастырских колоколов 1720 (два), 1728 и 1744 гг.

Как и весь ансамбль монастыря, колокольня утрачена в 1929–1930 гг.

Екатерины св. вмц. храм

не сохранился

Точная дата возникновения особого почитания в Вознесенском монастыре св. вмц. Екатерины и появления там храма или придела во имя этой святой неизвестна. Полагают, что в 1586 г. при трапезной монастырского храма святейших Патриархов Афанасия и Кирилла был освящен придел св. вмц. Екатерины. Документально такой придел упоминается в 1614 г. и 1626 г. В 1686 г. старый Екатерининский храм разобрали и на его месте в день памяти великомученицы 24 ноября того же года Патриарх Иоаким в присутствии царя Иоанна Алексеевича и царевны Софии Алексеевны освятил новопостроенную церковь. По описанию 1763 г., церковное здание было в плане прямоугольное, находилось над Святыми воротами, выходившими на ул. Спасскую Кремля.

Новый храм во имя св. вмц. Екатерины на этом месте был сооружен в 1808–1817 гг. Митрополит Платон первоначально утвердил проект архитектора А. Н. Бакарева, но по Высочайшему повелению императора Александра I был выбран другой проект, предположительно составленный архитектором К. И. Росси. Храм стали строить в 1808 г., и через 2 года он был вчерне готов, однако был освящен только в 1817 г. при игумении Трифене (Слепцовой). Это была единственная в Кремле церковь, сооруженная в готическом стиле. В составлении проекта внутреннего убранства храма участвовал в 1813–1817 гг. архитектор И. Т. Таманский. Большое прямоугольное церковное здание (длина — 43 м) венчал большой купол на восьмигранном барабане. Главный, выходящий на ул. Спасскую фасад был украшен 4-мя декоративными гранеными коническими башенками, 7-ю узкими стрельчатыми окнами. Интерьер храма также был подчинен законам готики. Алтарь был открытым, обрамленным 6-ю каменными колоннами. В Екатерининском храме было 2 придела: в честь Рождества Иоанна Предтечи в северной части и Казанской иконы Божией Матери. Последний устроили в западной части на хорах в 1822 г., и освятил его епископ Афанасий, викарий Московский.

Коренное обновление Екатерининского храма произошло при настоятельстве игумении Сергии в конце 1870-х гг. Первоначальный деревянный иконостас был заменен мраморным, иконы работы художника Тончи заменили новыми, исполненными художником Лебедевым, разобрали 6 каменных колонн, окружавших главный престол. Всю лепнину, а также паникадила, лампады перед иконами выполнили заново в готическом стиле. Хоры были разобраны, а находившийся там Казанский придел перенесен в низ западной части храма. Там же устроили второй придел во имя Рождества Иоанна Предтечи. Освящение главного Екатерининского престола после обновления храма было совершено митрополитом Московским Макарием (Булгаковым).

Уничтожение интерьера храма началось вскоре после занятия в марте 1918 г. кремлевских монастырей и других зданий военными частями и службами СНК РСФСР и ВЦИК. Екатерининский храм приспособили под гимнастический

зал, а в 1929 г. храм разрушили. Он стал первой жертвой, с него начался снос всего монастырского комплекса.

Источники и литература:

1. ЦГА г. Московы. — Ф. Р-1. — Оп. 1. — Д. 12 Протоколы заседаний архитектурно-реставрационного отделения ЦГРМ. 1929 г. — 160 л.; Д. 13 Протоколы заседаний архитектурно-реставрационного отделения ЦГРМ. 1930 г. — 138 л.; Д. 108 Переписка о приспособлении и использовании кремлевских помещений. 1919–1926 гг. — 73 л.
2. *Пшеничников А.* Церковь преподобного Михаила Малеина в Московском Вознесенском девичьем монастыре // Чтения Общества любителей духовного просвещения (ЧОЛДП). — 1889. — № 7. — С. 1–54.
3. Пятисотлетие Московского Вознесенского девичьего монастыря // Московские епархиальные ведомости. — 1889. — № 29. — С. 378–383.
4. *Скворцов Н. А.* Московский Кремль. Упраздненные монастыри, соборы, церкви и подворья в Кремле // Русский архив. — 1893. — Кн. 1–3.
5. *Пшеничников А.* Краткое историческое описание первоклассного Вознесенского девичьего монастыря. — М., 1894. — 140 с.
6. *Забелин И. Е.* История города Москвы. — Изд. 2-е. — М., 1905. [О Вознесенском монастыре — С. 248–270].
7. *Козлов В. Ф.* Трагедия монастырей: год 1929-й // Московский журнал. — 1991. — № 1. — С. 32–41.
8. Сорок Сороков : краткая иллюстрированная история всех московских храмов : [в 4 т.] / собр. П. Паламарчук; фот. П. Паламарчука, А. Демченко. — Т. 1. Кремль и монастыри. — М., 1992. — С. 121–129.
9. *Бусева-Давыдова И. Л.* Храмы Московского Кремля : святыни и древности : Подробный историко-культурный путеводитель. — М., 1997. — 368 с. [Раздел «Вознесенский монастырь» — С. 243–252].
10. *Меняйло В. А.* Судьба иконостаса Вознесенского собора Московского Кремля // Искусство средневековой Руси. — М., 1999. — С. 199–223.
11. *Девятов С. В.* Монастыри Московского Кремля. — М., 2015. — 200 с.
12. Чудов и Вознесенский монастыри Московского Кремля // *И. М. Коробьина, Ю. В. Ратомская, З. В. Золотницкая, А. А. Оксенюк.* — М., 2016. — 216 с.
13. *Воронов А. А.* Монастыри Московского Кремля. — М., 2017. — 176 с. [Раздел «Вознесенский монастырь» — С. 62–100].
14. *Баталов А. Л., Маханько М. А., Д. Б. К.* Московский в честь Вознесения Господня женский монастырь // ПЭ. — Т. XLVI. — М., 2017. — С. 366–381.

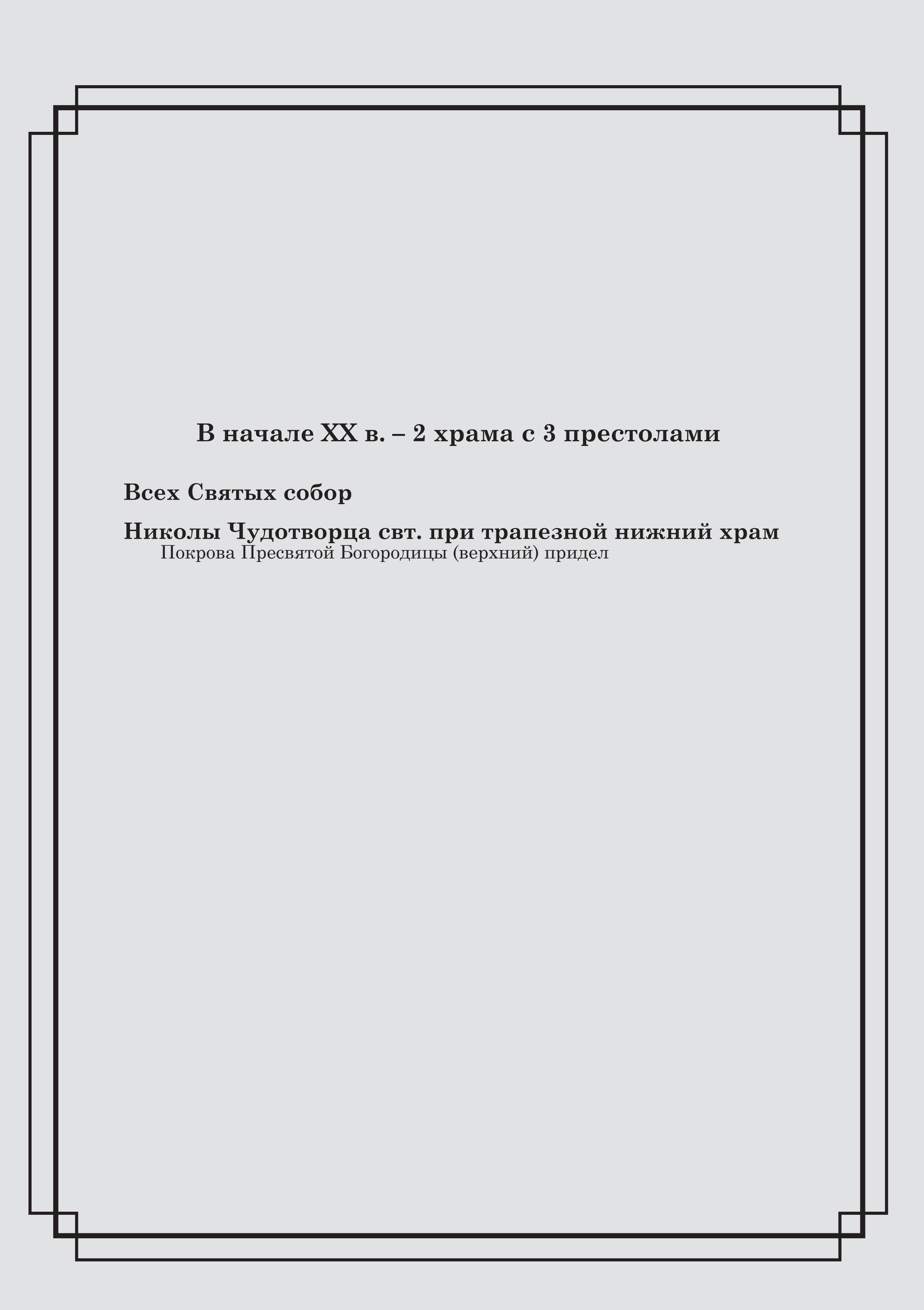

Всехсвятский единоверческий 2-го класса общежительный женский монастырь

за Рогожской заставой (ныне ш. Энтузиастов, д. 75–77)

сохранился частично, как монастырь не восстановлен

В начале XX в. – 2 храма с 3 престолами

Всех Святых собор

Николы Чудотворца свт. при трапезной нижний храм
Покрова Пресвятой Богородицы (верхний) придел

ИСТОРИЯ ДО 1917 г.

Единоверие — часть РПЦ, придерживающаяся в богослужебной практике церковных обычаев и обрядов старообрядчества. Единоверцы имели возможность совершать богослужения по дониконовским книгам, креститься двумя перстами и выполнять другие старые обряды. Официально единоверие было учреждено в 1800 г. императорским указом по представлению митрополита Московского Платона (Левшина), хотя истоки этой особой ветви православия относятся к более раннему периоду. Первый единоверческий приход открылся в Москве в 1801 г. В 1818 г. при московской единоверческой Троицкой Введенской общине была основана своя типография для печатания богослужебных книг в дониконовской редакции.

Во второй половине XIX в. в Москве были основаны 2 единоверческих монастыря: женский Всехсвятский недалеко от старообрядческого Рогожского кладбища и мужской Никольский на Преображенском кладбище (о нем см. отдельный очерк).

Женский монастырь был устроен на основе находившегося у Владимирского тракта единоверческого (новоблагословенного) кладбища, где хоронили единоверцев-священнослужителей и прихожан московской Троицкой единоверческой церкви. В 1840 г. здесь были заложены храм и колокольня.

Через 2 десятилетия на Всехсвятском новоблагословенном кладбище по представлению московских церковных властей Св. Синод принимает решение

устроить первый в Москве единоверческий монастырь. 17 декабря 1861 г. император Александр II утвердил представление Св. Синода о создании здесь девичьего единоверческого монастыря в «память освобождения крестьян от крепостного состояния». По благословлению митрополита Филарета устройством монастыря занимались два попечителя: московские купцы В. А. Сапелкин и Н. И. Родионов. Московская почетная гражданка В. Н. Широкова пожертвовала для обустройства московской единоверческой обители значительную сумму. Первой настоятельницей Всехсвятского монастыря стала приехавшая из Черниговской епархии матушка Александра, вступившая в должность игумении 17 июня 1862 г.

Церковные и светские власти уделяли большое внимание обустройству первой в епархии единоверческой обители. В 1864 г. монастырь и кладбище были обнесены каменной оградой, украшенной башенками в русском стиле. В 1873–1878 гг. у южной стены обители был построен двухэтажный корпус с келиями и Никольский храм.

Во Всехсвятском соборе и Никольской церкви убранство и богослужения во многом напоминали дониконовские времена. Священнослужители были облачены в одежды древнего покроя, служили они по книгам дониконианской печати или изданным позже по их образцу. Но священство единоверческого монастыря принадлежало не к старообрядчеству, оно подчинялось Св. Синоду господствующей Церкви.

В начале XX в. в монастыре жили 32 монахини, игумения и 24 послушницы. На кладбище обители были похоронены видные деятели единоверия: игумения Александра (1807–1873), протоиерей Всехсвятского монастыря А. Я. Бриллиантов (1820–1887), протоиерей Троицкой единоверческой церкви И. Н. Березин (1799–1879), представители купечества Бабкины, Чистоклетовы, Прибыловы, Рогожины, Шестовы, Урусовы и др.

Здесь же на Всехсвятском кладбище были погребены и представители единоверческой ветви знаменитого рода Морозовых. На семейном участке находился саркофаг Давыда Абрамовича Морозова (1843–1893) — совладельца Тверской мануфактуры бумажных изделий, учредившего незадолго до кончины в большом двухэтажном доме в Шелапутинском пер. «Богадельню Д. А. Морозова». В ней была устроена и единоверческая церковь во имя свв. и блгвв. князей Феодора и чад его Давида и Константина, Ярославских Чудотворцев.

Рядом с могилой Д. А. Морозова была могила Абрама Абрамовича Морозова (1839–1882) — известного предпринимателя, мужа московской благотворительницы Варвары Алексеевны Морозовой (урожд. Хлудовой). Два их сына, Михаил и Иван, прославились своими знаменитыми коллекциями западноевропейской живописи и широкой благотворительностью.

ИСТОРИЯ ПОСЛЕ 1917 г.

После революции 1917 г. Всехсвятский единоверческий монастырь и кладбище стали объектами нападок новой атеистической власти. Обитель находилась

рядом с крупным заводом «Серп и Молот» (бывший Гужона), постоянно пытавшимся захватить имущество и помещения монастыря.

В московских архивах сохранилась переписка, из которой видно, в какой тревожной обстановке жили монахини. 23 сентября 1918 г. во время богослужения игумению монастыря вызвал член жилищного отдела Рогожско-Симоновского района Чернышев и потребовал, чтобы монахини в трехдневный срок освободили игуменский корпус, который 16 инокинь занимали после уплотнения. Их заставляли перебираться без вещей в бараки на Калитниковском кладбище. В то время в обители находились 150 сестер. Игумения писала в жалобе: «Монастырь создан трудом. День и ночь молимся, ухаживаем за больными, пашем пашню, ходим за скотиной…».

Письмо монахинь попало к известному юристу, церковному общественному деятелю Н. Д. Кузнецову, который 9 октября 1918 г. писал в Совнарком: «Представители Совета Рогожско-Симоновского района явно задались целью уничтожить женский единоверческий монастырь. Они… сначала заняли семь помещений и до последних пределов уплотнили монахинь, а затем решили уже совершенно изгнать монахинь из монастыря. Кроме того, они отнимают личное имущество монахинь и продовольствие, приобретенные исключительно их личным трудом. Разве это не есть полный разгром монастыря и притом старообрядческого, отличающегося строгими порядками жизни и созданного трудом и усилиями самих монахинь, на что, по их выражению, они отдавали свои лучшие годы и силы».

Выселить тогда всех монахинь районным властям не удалось, и в следующем году власти вновь перешли в наступление. 5 июня 1919 г. в монастыре получили повестку из Рогожско-Симоновского совета с ультиматумом освободить все помещения в семидневный срок. Большая беда и на этот раз обошла стороной. И даже в таких условиях верующим удалось сохранить и обратить в приходские Всехсвятский и Никольский храмы.

В 1922 г. власти страны, используя голод в Поволжье, приняли решение изъять серебряные предметы из всех храмов. 6 апреля во Всехсвятский монастырь пришли представители власти и забрали все церковное серебро: богослужебные сосуды и кресты из ризницы, сняли лампады, сорвали ризы с икон и Евангелий. Всего вывезли из монастыря более 23 пудов (368 кг) серебряных предметов церковной утвари, многие из которых представляли художественную ценность.

Не успели монахини пережить это горе, пришла беда еще большая. Руководство и местком завода «Серп и молот» 9 мая 1922 г. обратились напрямую к «всесоюзному старосте» М. И. Калинину с просьбой закрыть приход в единоверческом монастыре в «рабочем поселке Ильича» (так при жизни Ленина называлось образованное в обители общежитие рабочих) и передать домовую Никольскую церковь под детский сад и общежитие. 2 июня Президиум Моссовета удовлетворил все требования заводоуправления: закрыл одну монастырскую церковь и кладбище, принял решение об изъятии и вывозе памятников старины и «о выселении из поселка игуменьи и всех монашествующих и заселении

освобожденных помещений исключительно рабочими». Никольский храм был передан под детский сад и общежитие рабочих. Через 12 дней в монастырь приехала комиссия и изъяла оставшееся там церковное серебро весом более 2 пудов.

Руководитель VIII (Ликвидационного) отдела Наркомата юстиции П. А. Красиков писал в июле 1922 г. в Моссовет, что «поселок Ильича… заселен рабочими, освободившимися от религиозных предрассудков и не желающими иметь вблизи своих жилищ в стенах поселка храмы, о чем ими было возбуждено особое ходатайство к председателю ВЦИК…».

Из информационных сводок Московского губернского политотдела можно узнать, как тяжело православные переживали ликвидацию монастыря и уничтожение святынь: «21 июля 1922 г. заведующий поселком имени Ильича вчера, в восемь часов вечера, стал снимать кресты с ворот Всехсвятского монастыря, в котором находится общежитие рабочих завода бывших Гужон и Подобедова. Собравшаяся толпа человек 200 подняла шум и стала бросать камни. Снятие крестов пришлось приостановить. Собравшаяся толпа была разогнана дождем, а также тремя выстрелами в воздух милиционером. По делу произведены аресты и ведется следствие».

Несмотря на трагическую обстановку православная жизнь в обители еще теплилась. У верующих оставался собор, правда, окруженный враждебно настроенными новыми жителями п. имени Ильича. В архивах сохранились списки прихожан Всехсвятского храма, что за Рогожской заставой, живших в основном на ул. Единоверческой, а также на Владимирском ш., в Коломенском и Минаевском пер. По архивным документам можно проследить, как вывозились из бывшего монастыря богатое и разнообразное церковное имущество и утварь. Так, в октябре 1923 г. были описаны и переданы на склад Московского финансового отдела для последующей утилизации (уничтожения) 179 священнических и диаконских облачений, более 240 единиц церковных одежд: подризников, пелен, воздухов, 5 плащаниц и т. д. И все-таки православное общество в бывшем монастыре еще существовало — сохранился протокол общего собрания живших в окрестностях монастыря верующих в числе 92 чел. (23 декабря 1923 г.), а также подробный список учредителей православного общества, включавший 166 фамилий.

Всехсвятский собор был закрыт в 1924 г. К тому времени инокини из обители были выселены. Через 4 года по ходатайству местного Рогожско-Симоновского совета Президиум Моссовета принял решение о сносе собора, который и был вместе с колокольней, по некоторым сведениям, снесен в 1934 г.

Было уничтожено и единоверческое кладбище с историческими могилами и небольшой часовней. На этом месте построили новые цеха завода «Серп и Молот». В 2010-х гг. старые и новые заводские постройки снесли и на их месте построили большие жилые дома.

Реставраторы и музейные работники пытались сохранить от полного уничтожения хотя бы монастырскую стену с шатровыми башнями как редкий

памятник XIX в. Но в 1929–1930 гг. бóльшую часть стены снесли. До 1980-х гг. сохранялись два участка стены (прясла), но и их в конце концов тоже снесли. До наших дней дожили лишь 2 здания некогда обширного и величественного монастырского ансамбля, выходящие на ш. Энтузиастов: длинный двухэтажный келейный корпус и двухэтажная трапезная с алтарной частью Никольской церкви. Но и эти чудом сохранившиеся остатки исторического монастыря районные и городские власти не оставили в покое. Уже в наше время, в начале XXI в., по бывшей территории обители, прямо у здания трапезной проложили городскую магистраль — Третье транспортное кольцо, с развязкой над ш. Энтузиастов. При строительстве дороги была уничтожена часть старинной постройки с архитектурной обработкой. В изуродованном Никольском храме (виден с ш. Энтузиастов) размещаются магазины и офисы.

Вот в таком небрежении и стоит исторический остаток Всехсвятской единоверческой обители, который, конечно же, нужно привести в порядок: отреставрировать и передать храм верующим, а в трапезной открыть хотя бы экспозицию по истории загубленного единоверческого монастыря.

Попытки РПЦ получить изуродованное здание бывшего Никольского храма пока безуспешны.

Всех Святых собор

не сохранился

Торжество закладки большого храма и отдельно стоящей колокольни совершил 8 сентября 1840 г. митрополит Московский Филарет (Дроздов) в присутствии духовенства и прихожан Троицкой единоверческой церкви. Освящение его состоялось в 1843 г.

Церковь и высокая колокольня были необычны для того времени — они были построены в древнерусском стиле. Увенчанный мощной главой храм формами напоминал древние новгородские или псковские церкви, а в колокольне угадывались черты колоколен Ивана Великого в Кремле и Новодевичьего монастыря. Архитектор нового храма Петр Петрович Буренин — ученик известных зодчих М. Д. Быковского и О. И. Бове, удачно воплотил в храме и колокольне тягу общества к возвращению национальных традиций. Действительно, освященный в 1843 г. единоверческий Всехсвятский храм стал одним из первых в Москве, сооруженных в русском стиле. Высокая пятиярусная колокольня, увенчанная куполом луковичной формы, была видна за многие километры от Москвы.

Через два десятка лет в связи с созданием единоверческой обители кладбищенский храм получил статус монастырского собора. Описаний его внутреннего облика не сохранилось, можно лишь предполагать, что подобно другим единоверческим храмам он был наполнен древними иконами и церковной утварью, сооруженной по допетровским образцам.

Всехсвятский собор был ликвидирован одним из первых среди монастырских соборов Москвы. В 1922 г. в него спешно переместили иконы и церковную утварь закрытого монастырского трапезного храма.

1924 г. стал последним для прихожан бывшего монастырского собора. Именно в этом году городские власти закрыли храм, и теперь уже вся территория бывшего монастыря безраздельно перешла в руки рабочих завода «Серп и Молот». Из собора было вывезено церковное имущество православных храмов и монастырей Западного края, эвакуированное в Первую мировую войну, в 1915 г.: 9 ящиков с различной церковной утварью, а также паникадило, распятие, 22 большие иконы и около 100 колоколов. Но и закрытый собор с высокой колокольней не нравился районным властям, и 2 января 1928 г. Президиум Рогожско-Симоновского совета обратился в Моссовет с просьбой снести собор вместе с колокольней. Решение районных властей попало на экспертизу ответственных работников Моссовета Яковлева и Кусанова, которые поддержали заявителей: «В связи с новой планировкой поселка, по которой на месте церкви должна быть площадка, а также бесцельность оставления здания таковой в рабочем поселке, Административный отдел Мосгубисполкома поддерживает ходатайство Рогожско-Симоновского райсовета о сносе в текущем сезоне». Учитывая такое единодушие, Президиум Моссовета своим Постановлением № 33 от 11 апреля 1928 г. разрешил райсовету Всехсвятский храм и колокольню снести. Президиум ВЦИК 18 июня 1928 г. поддержал просьбу городских властей. Украшавшие восточные окраины Москвы собор и колокольню, возможно, стали разбирать в самом конце 1920-х — начале 1930-х гг. (знаток Москвы церковной М. И. Александровский датирует это печальное событие 1934 г.).

На месте собора позже построили новые корпуса завода «Серп и Молот». В 2010-е гг. и они были снесены, и здесь возвели целый комплекс жилых домов, устроили подъездные пути автомобильной развязки Третьего транспортного кольца.

Николы Чудотворца свт. храм

при трапезной

Более 10 лет во Всехсвятском монастыре существовал только один храм. В начале 1873 г. решено было расширить корпус игуменских келий и построить монастырскую трапезную. 20 сентября 1873 г. состоялось торжество закладки нового двухэтажного здания. Во время строительства было решено устроить в новом здании храм. Первые средства (2 тыс. руб.) на его сооружение поступили от прихожанки Екатерины Травниковой. Всего было собрано до 15 тыс. руб. Указом Св. Синода от 30 ноября 1874 г. было разрешено устроить в верхнем этаже храм в честь Покрова Божией Матери, но позже решили открыть храм во имя свт. Николы Чудотворца в нижнем этаже. 24 января 1876 г. Св. Синод дал разрешение на его устройство, и уже через полгода 26 июня 1876 г. храм освятил

благочинный московских единоверческих церквей протоиерей А. Я. Бриллиантов. Известно, что проект Никольского храма (вероятно, и всего трапезного корпуса) составил архитектор Николай Алексеевич Ипатьев, построивший несколько церковных зданий в Москве. В храме установили трехъярусный иконостас.

5 октября 1878 г. был освящен епископом Можайским Алексием более обширный Покровский храм, обычно считавшийся придельным Никольскому. Участвовавший в торжестве освящения церкви историк архимандрит Григорий (Воинов) напечатал в «Московских епархиальных ведомостях» (1878. № 44) описание Покровского храма. Он упоминает большую храмовую икону Покрова (размером в 1,5 аршина на 1 аршин 2 вершка) в драгоценной серебряной вызолоченной ризе. В пятиярусном иконостасе находились старинные иконы: Знамения, новгородского письма XVI в., писанная в 1741 г. «Богородичная» в сплошной жемчужной ризе с бриллиантами. Иконостасные иконы местного чина: Спасителя, Покрова Божией Матери, св. архангела Михаила (на северной двери), св. Иоанна Предтечи, свт. Николы с житием, Четырех московских святителей, были написаны иконописцами В. Богдановым и М. Дикаревым в древнем строгановском стиле. Отметил архимандрит Григорий и находившиеся в алтаре Покровского придела напрестольные Евангелия 1627 и 1644 гг., художественно исполненные серебряный напрестольный крест и дарохранительницу.

В первые послереволюционные годы трапезный корпус был заселен новыми жителями, главным образом, рабочими завода. По советским законам храмы домового типа (а трапезная Никольская церковь являлась именно таковой) подлежали закрытию. По просьбе рабочих и руководства завода в июне 1922 г. Никольский храм был закрыт и передан под нужды детсада и рабочего общежития.

Рабочие в спешке принялись освобождать от икон и церковной утвари трапезный храм. Видимо, тогда же была ликвидирована и верхняя Покровская церковь. Иконы и утварь были в беспорядке перенесены в монастырский Всехсвятский собор, о чем записали в Акте осмотра прибывшие 4 июля 1922 г. в монастырь музейные работники: «При осмотре соборного храма констатировано, что на полу, у стен и в северном притворе грудами лежат в полном беспорядке части иконостасов, киоты, утварь, облачение, книги и несколько ящиков с имуществом, эвакуированным с Западного края. Состояние частей иконостаса и др. показывает, что разборка производилась без соблюдения самых элементарных условий, клонящихся к сохранению исторических предметов, благодаря чему некоторые части явно разрушены, как, например, части верхнего иконостаса, у которого тело иконы расколото вдоль, отшиблены в местах… капители и другие мелкие части».

Трапезный храм с Покровским приделом, в отличие от всех церковных жилых и хозяйственных строений, чудом уцелел, хотя и лишился купола с крестом. Его помещения на 2-х этажах в разные десятилетия занимали обувная мастерская, строительное управление. Здание бывшей трапезной с бывшими

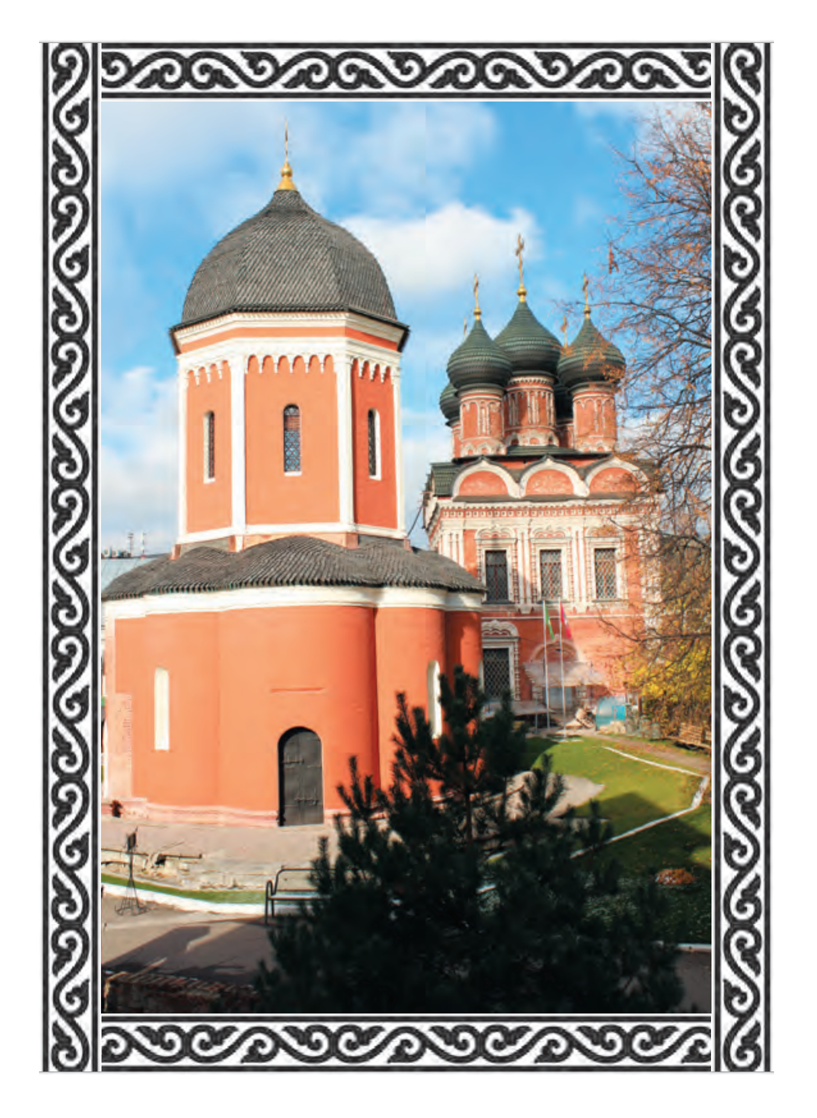
церковными помещениями было почему-то легко приватизировано в 1990-е гг. и используется под офисы, магазины и т. п.

При храме создан приход, однако новоявленные владельцы бывшего монастырского здания отказываются допускать в него верующих для совершения богослужений.

Источники и литература:

1. ЦГА г. Москвы. — Ф. Р-1215. — Оп. 3. — Д. 17. О регистрации церкви Всех скорбящих Радости. — Л. 28–31.
2. ГАРФ. — Ф. 353. — Оп. 2. — Д. 697. Переписка с Совнаркомом… о национализации церковного имущества. — Л. 48–52.
3. ЦГАМО. — Ф. 19. — Оп. 1. — Д. 21. Информационные сводки Московского губернского политотдела о политическом состоянии г. Москвы и губернии. 1922 г. — Л. 199.
4. ЦГАМО. — Ф. 66. — Оп. 18. — Д. 285. Переписка по изъятию церковных ценностей из церквей Рогожско-Симоновского района. — Л. 123–149; Д. 347. Акт и опись церковного имущества Всехсвятского единоверческого монастыря. 1923 г. — Л. 2.
5. ОР РГБ. — Ф. 177. — К. 33. — Д. 7. Список выдающихся деятелей, погребенных на кладбище Всехсвятского единоверческого монастыря. 1920-е гг. — Л. 1.
6. Единоверческий монастырь в Москве. — М., 1862. — 7 с.
7. *Григорий, архимандрит*. Устроение и освящение Покровской церкви во Всехсвятском единоверческом девичьем монатыре // *Григорий, архимандрит*. Сб. для любителей духовного чтения. — М., 1889. — Ч. 1. — С. 108–118.
8. Сорок Сороков : краткая иллюстрированная история всех московских храмов : [в 4 т.] / собр. П. Паламарчук; фот. П. Паламарчука, А. Демченко. — Т. 1. Кремль и монастыри. — М., 1992. — С. 329–331.
9. Старообрядчество : Лица, события, предметы и символы : Опыт энциклопедического словаря / [С. Г. Вургафт, И. А. Ушаков]. — М., 1996. — 316 с.
10. *Козлов В. Ф.* Москва старообрядческая : История. Духовные центры. Наследие. — Изд. 2-е, доп. и перераб. — М., 2021. — 656 с. [Очерк о Всехсвятском единоверческом монастыре — С. 578–588].

Высоко-Петровский ставропигиальный мужской монастырь

ул. Петровка, д. 28, стр. 4

В начале XX в. – 6 храмов с 8 престолами и 1 часовня

Боголюбской иконы Божией Матери собор

Казанской иконы Божией Матери у Святых ворот и колокольни часовня

Петра и Павла свв. первоверховных апп. над южными воротами храм

Петра митрополита Московского свт. собор

Покрова Пресвятой Богородицы домовый (крестовый) на втором ярусе колокольни храм

Сергия Радонежского прп. собор
Алексия митрополита Московского свт. придел
Митрофания Воронежского свт. придел

Толгской иконы Божией Матери храм

ИСТОРИЯ ДО 1917 г.

Точная дата основания монастыря неизвестна. По преданию, основан при Иване Калите в XIV в. Согласно «Книге степенной царского родословия» (XVI в.), князь Иван Калита, проезжая, увидел покрытую снегом высокую гору. Снег растаял на глазах князя. Митрополит Петр так объяснил это видение: «Гора высокая — это ты, князь, а снег — я, смиренный. Мне прежде тебя должно отойти из сей жизни». На месте видения Иван Калита и устроил монастырь. В разное время он назывался Петропавловским, Петровским, с XVIII в. — Высоко-Петровским.

Документально же монастырь известен со второй половины XIV в. — в Рогожском летописце XV в. упоминается архимандрит этого монастыря Иоанн, сопровождавший известного церковного деятеля архимандрита Митяя в 1379 г. в Константинополь.

Полагают, что первоначальный монастырь именовался Петропавловским по посвящению его храма свв. апп. Петру и Павлу.

Монастырь сильно пострадал от пожара 1493 г. При великом князе Василии III итальянским архитектором Алевизом Новым в 1514–1517 гг. был сооружен каменный храм во имя свт. Петра. Вторая монастырская церковь — Покровская, появилась в 1630-х гг.

Высоко-Петровский монастырь был капитально перестроен в 1680–1690-х гг., когда ему покровительствовали Нарышкины, чей двор примыкал к обители с юга. Обитель стала усыпальницей этого рода, ей отписал свое владение дед Петра I Кирилл Полуэктович Нарышкин. В 1682 г. в монастыре похоронили убитых во время Стрелецкого бунта дядей Петра I Ивана и Афанасия Нарышкиных. На средства Нарышкиных в середине 1680-х — середине 1690-х гг. были выстроены по обеим сторонам Петровского собора два храма: холодный в честь Боголюбской иконы Божией Матери и теплый во имя прп. Сергия Радонежского. В тот же период по линии ул. Петровки была сооружена высокая монастырская колокольня с храмом Покрова Пресвятой Богородицы (старую Покровскую церковь разобрали).

В начале 1690-х гг. также по линии ул. Петровки, используя находящиеся там постройки, возвели грандиозные по площади двухэтажные Братские келии (Нарышкинские палаты) — крупнейшее жилое здание Москвы второй половины XVII в. Подклетный этаж корпуса разделяется проездом на 2 половины, каждая из которых состоит из 4-х больших палат. Здесь проживала прислуга, находились кладовые. На 2-м этаже были устроены келии для братии. В центральной большой зале 2-го этажа, по всей видимости, размещалась Крестовая палата с храмом (часовней).

Все вышеперечисленные постройки монастыря 1680–1690-х гг.: 2 храма, колокольня, корпус братских келий, сооружены в «нарышкинском» стиле с богатым внешним оформлением (наличниками, галереями, полуколонками). В конце XVII в. новые постройки сформировали и существующий ныне северный парадный и южный хозяйственный дворы.

В 1740–1750-х гг. сложившийся монастырский ансамбль был завершен сооружением 2-х сравнительно небольших храмов: в честь Толгской иконы Божией Матери (у колокольни) и во имя прп. Пахомия Великого над южными хозяйственными воротами.

В начале XX в. в южном пролете ворот колокольни устроили Казанскую часовню, а на углу ул. Петровки и Петровского бульвара возвели большое трехэтажное доходное здание с жильем и магазином.

Высоко-Петровский монастырь был связан со многими событиями церковно-общественной жизни России и Москвы. О некоторых из них уже было упомянуто выше. В XVII в. обитель иногда называлась «царской», «государевой молельней», ее часто посещали царь Петр I и его мать царица Наталия Кирилловна. К монастырю было приписано несколько обителей России. В 1735 г. в нем подвизался 71 насельник.

После секуляризации в 1764 г. Высоко-Петровский монастырь был отнесен ко 2-му классу и до 1775 г. имел статус ставропигиального. С 1775 г. входил в Московскую епархию. Во второй половине XVIII в. в обители находился духовно-цензурный комитет.

В 1812 г. в монастыре квартировали французы, разорившие все жилые и церковные здания. После изгнания оккупантов Пахомиевскую церковь решили не возобновлять.

В XIX в. Высоко-Петровская обитель стала известна как церковно-образовательный и просветительный центр Московской епархии. В 1822 г. в обитель перевели из Заиконоспасского монастыря духовное училище. Здесь в 1863 г. по благословению митрополита Филарета (Дроздова) было образовано Московское общество любителей духовного просвещения, объединившее передовое епархиальное священство, занимавшееся духовным просвещением, миссионерской работой, изучением и сохранением церковных архитектурных и документальных памятников.

В 1870-е — начале 1880-х гг. настоятелем Высоко-Петровского монастыря был известный церковный историк, архимандрит Григорий (Воинов) написавший книги по истории Высоко-Петровского, Златоустовского, Спасо-Андроникова монастырей.

В начале XX в. в монастыре проживало 15 насельников.

ИСТОРИЯ ПОСЛЕ 1917 г.

Вскоре после октябрьского переворота1917 г. монастырь юридически как церковный институт прекратил существование, но проживавшие там монахи и миряне-верующие добились перевода монастырских храмов в статус приходских. В монастырь переехали монашествующие из закрытой Смоленской Зосимовой пустыни. Образовавшуюся юридически неоформленную общину возглавил епископ Варфоломей (Ремов). Община создала целую сеть тайных монастырских общин.

В состав существовавшей при храмах монастыря религиозной общины входило 236 чел. Весной 1923 г. власти потребовали закрыть 2 храма обители, имеющих, как указано в переписке, домовый характер (Покровский в колокольне и Петропавловский). По Постановлению Президиума Моссовета от 3 июля 1924 г. были опечатаны храмы свт. Петра, Толгский, соборы Боголюбский и Сергиевский. Боголюбский позже вернули общине, и он был действующим до 1929 г. Тогда, в 1924 г., Исторический музей планировал разместить в монастыре Музей Старой Москвы.

На территории монастыря в середине 1920-х гг. проживало 600 чел., в основном рабочих. От их имени ячейка ВКП(б) обратилась в Адмотдел Моссовета с требованием ликвидации последнего действующего храма. В частности, проживавшие в монастыре коммунисты писали: «К сожалению, такая передача церкви [верующим] является большой ошибкой, так как в этой церкви действительно верующих самое небольшое количество, а управляют всеми делами церкви и общины архимандрит, попы и монахи бывшего Петровского монастыря. На бумаге это бывший монастырь, а на действительности он остался по-старому, в полной неприкосновенности со всем своим мракобесием. Этот бывший монастырь под прикрытием общины верующих ведет пропаганду против власти и является местом для собирания контрреволюционных сил… Кроме того, монастырь имеет разлагающее действие не только на лиц, проживающих в доме, но и на все окрестное население…».

С начала 1920-х гг. на территории Высоко-Петровского монастыря также размещались различные подразделения ВХУТЕМАСа, Мосздравотдела, Исторического музея и др.

В 1929 г. был закрыт последний храм обители, и община перешла в расположенную неподалеку церковь прп. Сергия Радонежского на Дмитровке, а затем после ликвидации и этого храма — в церковь Рождества Пресвятой Богородицы в Путинках.

В начале 1930-х гг. бывший монастырь представлял печальное зрелище. В архиве сохранился акт, датированный мартом 1932 г., рисующий состояние бывшей обители: «…монастырь …является рассадником заразы, …внутри этого монастыря настоящая свалка мусора, …весь монастырь завален внутри снегом и грязью… стекла монастыря все разбиты и часть решеток поломана, внутри этой “ценности” полный хаос и настоящая мусорная свалка… Среди всей свалки валяется средней величины бюст Ленина, отвратительная грязь и пыль, покрывшая всю находящуюся там историческую ценность».

Нещадная эксплуатация монастырских построек привела к искажению вида церковных зданий, к 1950-м гг. все они находились в аварийном состоянии. Решением московских властей в 1959 г. жильцы были выселены из монастырских построек, а церковные здания переданы Министерству культуры, разместившему в них различные подведомственные учреждения: в бывшем Боголюбском соборе — Росизопропаганду, в бывшем Сергиевском соборе — репетиционный зал танцевального ансамбля «Березка», в Нарышкинских палатах — филиал Государственного литературного музея. В двухэтажном корпусе у колокольни в 1960–1980-е гг. размещался Президиум Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК).

После передачи монастырского ансамбля Министерству культуры начались многолетние реставрационные работы на церковных памятниках (под руководством архитектора Б. П. Дедушенко).

С 1991 г. отдельные памятники обители стали возвращать РПЦ. В настоятельском корпусе разместили Отдел религиозного образования и катехизации Московского Патриархата (руководитель — архимандрит Иоанн Экономцев), ректорат и один из факультетов созданного в 1993 г. Российского Православного университета св. ап. Иоанна Богослова. В 1992 г. возобновлены богослужения в первом переданном верующим храме — прп. Сергия Радонежского. В 1993 г. храм получил статус Патриаршего подворья. В 1997 г. в помещениях монастыря разместились Богословско-педагогические курсы во имя сщмч. Фаддея Тверского, с 1998 г. — Совет директоров и духовников православных школ и гимназий, с 2003 г. — экспертный совет, издательство «Просветитель» и др. Таким образом, монастырь вновь стал духовно-просветительным центром.

В 2009 г. определением Св. Синода здесь был открыт Высоко-Петровский монастырь со статусом ставропигиального. В 2013 г. наместником обители назначен ректор Российского православного университета св. Иоанна Богослова игумен Петр (Еремеев). С 2014 г. он стал главным редактором ежемесячного журнала Синодального отдела по монастырям и монашеству РПЦ «Монастырский

вестник», и редакция этого церковного периодического издания находится в помещении Братских келий Высоко-Петровского монастыря.

В 2010-х гг. на территории обители велись предшествующие ремонтно-реставрационным работам археологические раскопки, в ходе которых было обнаружено значительное число белокаменных надгробий XVI–XVIII вв. и их фрагментов. Ныне они размещены под южной галереей Сергиевского храма.

В 2015 г. монастырь торжественно отмечал 700-летие своего основания. В 2016–2019 гг. масштабные реставрационные работы велись в нескольких храмах монастыря.

В корпусе Братских келий и палат Нарышкиных устроены помещения, где проводятся различные церковные мероприятия, в том числе конференции по церковной тематике. В корпусе есть и выставочный зал, в котором в 2015–2017 гг. проходила выставка «Тайные монашеские общины Высоко-Петровского монастыря в 1920–1950-е годы».

В начале XX в. в Высоко-Петровском монастыре было 6 храмов. В настоящее время 4 из них, а также часовня отреставрированы и являются действующими. На 2019 г. в монастыре проживало 11 монашествующих.

Петра митрополита Московского свт. собор

Первый храм монастыря был деревянным и был посвящен свв. апп. Петру и Павлу. Полагают, что после канонизации митрополита Петра (1339 г.) храм переосвятили в его имя. В 1514–1517 гг. церковь была построена в камне итальянским архитектором Алевизом Новым, зодчим кремлевского Архангельского собора. Алевиз Новый соорудил в монастыре один из самых ранних на Руси столпообразных храмов: на восьмилепестковый нижний ярус поставлен световой прикрытый сводом восьмерик, увенчанный граненой шлемовидной главой.

В середине XVII в. с западной части к собору было пристроено крыльцо на четырех столбах, разобранное в конце того же столетия. Современные исследователи считают, что необычные для русской архитектуры начала XVI в. формы собора стали важной точкой отсчета зарождения «нарышкинского барокко».

В 1689–1690-х гг. при расширении монастыря Петровский храм был отремонтирован. Одновременно с этим была сооружена окружающая собор галерея-паперть. На освящении обновленного собора 8 мая 1690 г. присутствовали «цари государи и великие князья Иоанн Алексеевич и Петр Алексеевич».

Большие переделки здания (расширение окон, росписи наружных стен и др.) последовали в первой трети XVIII в. В конце XVIII в. в храме был установлен многоярусный резной иконостас. Вплоть до 1920-х гг. сохранялось старинное многоярусное паникадило XVII в.

Собор, как и другие монастырские строения, пострадал в 1812 г., но уже в следующем году его вновь освятили.

С древним собором произошла любопытная метаморфоза. Уже в XIX — начале XX в. необычный по форме, напоминающий по декоративным украшениям

«нарышкинский» стиль памятник стали датировать концом XVII в., считая, что первоначальный собор был полностью или в значительной степени разобран. При обследовании собора в первые послереволюционные годы специалисты датировали его 1690 г., отмечая богатый резной шестиярусный иконостас с 42 иконами и священными изображениями на стенах.

В начале 1920-х гг. в жилых и хозяйственных помещениях Высоко-Петровского монастыря, как уже упоминалось, проживало несколько сот рабочих, учащихся, требовавших закрытия храмов. Храм свт. Петра стал одним из первых закрытых в обители. В ноябре 1923 г. он был передан верующими инспектору Моссовета Фортунатову «под склад для предметов религиозного культа». 3 июля 1924 г. Президиум Моссовета принимает решение о ликвидации 4 храмов, в числе которых был и собор свт. Петра. 11 июля храмы были опечатаны. Актом от 19 августа 1924 г. в музейный фонд из собора свт. Петра передавались: «иконостас деревянный, резной с позолотой, восьмиярусный, увенчанный резным распятием конца XVII в. с иконами конца XVII в. в количестве 43», а также еще находящиеся в других частях храма 4 иконы XVII–XVIII вв., паникадило четырехъярусное XVII в. и 4 висячих медных кадила. Престол, жертвенник и аналой были оставлены для «использования и утилизации» Историческим музеем.

Ввиду невозможности вывезти уникальный иконостас, его оставили в храме, переданном Историческому музею. Сохранился архивный документ, датируемый ноябрем 1930 г., об осмотре Петровского храма, согласно которому, висячие подсвечники, чугунные предметы следовало передать на металлолом, а «все иконы новой живописи, не имеющие музейного и антикварного значения, употребить на нужды ГИМа как строительный материал», иконостас с иконами, письма Симона Ушакова, было предписано сохранить как музейную ценность.

По документам известно, что в апреле 1932 г. в Петровском соборе находилась выставка «резного дела», а владел этим церковным зданием Исторический музей.

Известно также, что в марте 1932 г. Райкомхоз передал площадку у собора под площадку для дрессировки военных собак, против чего возражал Исторический музей. Летом 1932 г. храм пытался взять для своих нужд военный отдел Осоавиахима Дзержинского района, и в связи с этим был произведен осмотр церковного здания. В акте осмотра от 9 августа 1932 г. указывалось, что храм построен в конце XVII в., стекла в нем выбиты. Осматривавшие храм специалисты отметили разборку иконостаса и перевозку его в музей Коломенского и рекомендовали передать туда же крест (видимо, с купола (?) — *В. К.*) и лежащие рядом с храмом резные белокаменные надгробия.

Резной высокий иконостас находился в соборе до Великой Отечественной войны, а потом следы его потерялись. После войны Петровский храм, как и другие монастырские церкви, пребывал в аварийном состоянии.

В 1960–1980-е гг. в нем находился склад Дирекции художественных фондов Министерства культуры РСФСР. Тогда же архитектор Б. П. Дедушенко, проводивший в монастыре первые в XX в. масштабные ремонтно-реставрационные работы, доказал, что первоначальный собор Алевиза Нового сохранился и был

просто переделан в конце XVII в. К середине 1980-х гг. собору в целом вернули первоначальный облик.

В начале 1990-х гг. храм свт. Петра передали Патриаршему подворью. Иконописцем священником Александром Маньшиным из Белгородской области был изготовлен шестиярусный резной позолоченный иконостас. К 2002 г. собор был расписан иконописцами С. Резниковой, А. Бояровым. Они же создали и установили вместо прежнего шестиярусного новый, невысокий двухъярусный иконостас. В стенной росписи воспроизведены события жизни свт. Петра.

Последняя большая реставрация древнейшего московского храма состоялась в 2016–2019 гг. Были укреплены фундамент и стены, храм оштукатурили и покрасили в красный цвет по технологиям XVI в., восстановлен барочный орнамент, оплетающий портал и окна собора и т. д.

Боголюбской иконы Божией Матери собор

На том месте, где сейчас располагается Боголюбский собор, с 1634 г. находилась Покровская церковь. В мае 1682 г. в ней захоронили братьев царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной — Ивана и Афанасия, убитых во время Стрелецкого бунта. В 1684 г. церковь разобрали и на том же месте возвели великолепный пятиглавый храм, освященный в 1685 г. во имя Боголюбской иконы Божией Матери, как сказано в царском указе, в память великих чудес, от сей иконы бывших.

На протяжении почти 100 лет Боголюбский собор служил усыпальницей Нарышкиных. В 1690 г. над могилами Ивана и Афанасия Нарышкиных их племянник царь Петр I повелел поставить белокаменные гробницы. Дед Петра I Кирилл Полуэктович был погребен в 1691 г. в специально построенной у юго-западного угла собора каменной палатке. К началу XX в. в трапезной находилось 18 надгробий Нарышкиных, из них 7 относились к XVII в. (с 1682 по 1691 г.), а остальные 11 — к XVIII в. Последнее по времени захоронения надгробие (1744 г.) принадлежало Михаилу Григорьевичу Нарышкину.

Цельный архитектурный ансамбль древнего храма был нарушен в 1805 г. пристройкой с запада, оформленной в стиле классицизма.

В шестиярусном иконостасе имелось немало старинных икон, в том числе XVII в.: Спасителя, апостолов Петра и Павла, мучеников Адриана и Наталии, прп. Алексия, человека Божия, святителя Московского Петра. 3 иконы в трапезной музейные работники датировали XVIII в.

В XIX в. храм долго не ремонтировался и внутри был даже не оштукатурен. Большие работы по его благоустройству проводились в 1874–1877 гг. по инициативе архимандрита Григория. На фронтоне трапезной с лицевой стороны было написано изображение явления Богоматери св. князю Андрею Боголюбскому, а по сторонам — образы свт. Митрофания Воронежского и прп. Сергия Радонежского.

Внутри храм безвозмездно расписал художник Н. Сушкин. Новая роспись трапезной, где находились гробницы Нарышкиных, имела историческую тематику. Здесь появились изображения: св. Иоанна Предтечи — ангела царя Иоанна Алексеевича; свв. апп. Петра и Павла — в память Петра Великого; явления Божией Матери прп. Сергию, в обители которого молодой царь Петр укрывался в 1689 г.; прп. Исаакия Далматского — в память дня рождения Петра (30 мая 1672 г.); св. мц. Наталии — в память царицы-матери Натальи Кирилловны.

Украшением обновленного собора был шестиярусный иконостас с новыми, сделанными по старым рисункам царскими вратами. Слева от врат находился храмовый Боголюбский образ Божией Матери. Усердие Петра I к этой святыне объясняется совпадением дня памяти этой иконы с днем тезоименитства царя (29 июня). О царственных Нарышкиных в иконостасе напоминали иконы свв. Петра и Павла и св. мц. Наталии. Последний образ находился здесь изначально, но позже был перенесен в монастырскую церковь Толгской иконы Божией Матери и лишь в 1877 г. возвратился в Боголюбский собор.

За клиросом стояла чудотворная Казанская икона Божией Матери, перенесенная в 1905 г. в устроенную под колокольней Казанскую часовню.

После 1917 г. монахам и общине верующих удалось удержать за собой 4 монастырских храма, в том числе и Боголюбский. Но в июле 1924 г. по распоряжению Моссовета храмы опечатали, и монастырь фактически был ликвидирован. Храмы передавались Историческому музею, в том числе под организацию Музея старой Москвы.

Однако в августе 1924 г. после просьб верующих и руководителей Главнауки Наркомпроса, которые предполагали сохранить памятник силами общины, постановлением Президиума ВЦИК Боголюбский собор был возвращен верующим. Благодаря такому редкому в те годы решению древний монастырь стал оживать. Но заселение в келии и хозяйственные постройки посторонних лиц принесло свои горькие плоды. 13 марта 1925 г. произошла кощунственная кража из алтаря Боголюбского собора старинных серебряных предметов: окладов с двух Евангелий XVII в., крестов 1702 и 1750 гг., двух дарохранительниц и нескольких сосудов.

5 апреля 1929 г. московские власти вновь закрыли последний действующий храм Высоко-Петровского монастыря, мотивируя свои действия «острой необходимостью в помещении для рабочих и аспирантов ВХУТЕИН». Теперь Главнаука поддержала вхутеиновцев. Верующие попытались отстоять святыню, написав в Президиум ВЦИК: «После многих трудовых и денежных усилий блестящий и единственный по своей истории и архитектурной значимости памятник оригинального зодчества сохранен в своем неизменном прекрасном виде… Для группы верующих это (закрытие храма — *В. К.*) — тягчайшее жизненное испытание».

1 июня 1929 г. Президиум ВЦИК переслал московским властям документ, поддерживающий решение Моссовета о закрытии церкви. Верующим предложили перебраться в храм прп. Сергия Радонежского на Большой Дмитровке и перенести туда часть церковной утвари и икон.

Началось обычное в подобных случаях разграбление святынь. 20 июня 1929 г. музейные работники вывезли (по всей видимости, в Исторический музей) 49 предметов, в том числе Евангелия 1681 и 1689 гг., доску серебряную от ковчега с мощами 1728 г., облачения XVII–XIX вв., чашу водосвятную 1694 г., иконы свт. Николая Чудотворца, св. Иоанна Предтечи, вмц. Параскевы Пятницы, Боголюбскую Божией Матери, 6 праздничных икон (все XVII в.), ряд икон XVIII и XIX вв. На утилизационный склад перевезли все остальное: 40 пудов подсвечников, более 300 облачений и одежд. Иконостас направили на смывку золота.

В сентябре 1929 г. представители ВХУТЕИН Тавасиев, Лейзеров и Берзин получили ключи от собора, и вскоре началась работа по переделке древнего памятника. 10 декабря 1929 г. для его осмотра в монастырь приехали знатоки церковного искусства М. И. Александровский и М. И. Тюлин. Вот, что они записали в акте: «В трапезной в северо-восточном углу в своде пробито отверстие для железной дымовой трубы. Главный иконостас совершенно лишен золоченой резьбы и колонок, но тело иконостаса цело с отверстиями для икон. Самые иконы частью завалились между каменной стеной и телом иконостаса, а частью сложены на полу в разных местах».

Боголюбский собор, как замечательный памятник, отобрали у вхутеиновцев и передали ГИМ — главному музею столицы, который, к сожалению, не нашел ничего лучшего, как отдать здание в аренду на 3 года Зернотресту за 18 тыс. руб. Работники Зернотреста к 1932 г. переоборудовали храм под мастерские по ремонту комбайнов, закрасив всю роспись и сломав главы барабанов. Еще через год ГИМ передал собор Осоавиахиму, который, по дипломатическому выражению тех лет, использовал его «нерационально». Находившиеся в храме саркофаги Нарышкиных были выброшены во двор, а сам собор внутри был переделан.

В начале 1980-х гг. реставраторы восстановили закомары и главы с крестами. Но внутри здание было сильно искажено капитальным перекрытием, хотя в древнем четверике и в трапезной уцелели фрагменты лепнины и живописи XVII — начала XIX в. Несмотря на декабрьское 1994 г. распоряжение Президента РФ о передаче всего комплекса строений Высоко-Петровского монастыря Церкви, здание Боголюбского собора вплоть до 2010-х гг. занимали подразделения Министерства культуры, и только недавно храм передан обители. В настоящее время в нем идут реставрационные работы. В притворе работает церковная лавка по продаже литературы, икон и утвари.

Сергия Радонежского прп. собор

Среди новых монастырских построек конца XVII в. выделялся теплый трапезный храм прп. Сергия Радонежского, сооруженный в 1690–1694 гг. в память о спасении молодого Петра от взбунтовавшихся стрельцов в Троицком монастыре 8 августа 1689 г. Величественное трехэтажное здание церкви с обширной трапезной, с белокаменными наличниками, колонками и карнизами чем-то напоминает трапезный Сергиевский храм Лавры. Первоначально новый

монастырский храм был одноглавым, нынешнее же свое пятиглавие он приобрел в 1704–1706 гг. В старину церковь была очень нарядной — главы, кресты, подзоры кровель, стены внутри и снаружи были расписаны разными цветами. Храм обновлялся в 1777–1788, 1808 и 1896 гг. В 1836 г. в трапезной устроили приделы свт. Алексия митрополита Московского и свт. Митрофания Воронежского.

В Сергиевском храме находилась чудотворная Казанская икона, а в Митрофаниевском приделе — чтимый Влахернский образ Божией Матери XVII в. в драгоценной ризе. В апреле 1922 г. Комиссия по изъятию ценностей сняла с этой ризы многочисленные драгоценные камни.

В храме был устроен высокий, резного вызолоченного дерева, четырехъярусный иконостас со старинными иконами, сохранялись старинные богослужебные сосуды, а также Евангелия 1607, 1657, 1688, 1744, 1785 гг., в том числе и с вкладными надписями от Нарышкиных.

Сергиевский храм закрыли и опечатали 11 июля 1924 г. согласно Постановлению Президиума Моссовета от 3 июля 1924 г. «О передаче в ведение Исторического музея зданий культа Петровского монастыря на предмет размещения в нем Музея старой Москвы». В здании для утилизации были оставлены паникадило, иконостасы без икон, шкафы. Осмотревшие Сергиевскую церковь 19 августа 1924 г. А. А. Глазунов и П. Н. Миллер составили акт предметов (23), подлежащих государственной охране и передаче Музейному отделу Наркомпроса. Среди них — чтимая Влахернская икона из воскомастики, другие богородичные иконы: Смоленская, Казанская, Владимирская (все в ризах 1770-х гг.), образа мчч. Адриана и Наталии, свт. Николая Чудотворца, Спасителя, 7 бархатных покровов с гробниц XVII в., 8 Евангелий XVII — первой трети XIX в., сосуды XVII–XVIII вв.

В Сергиевском храме устроили не Музей старой Москвы, как предполагалось, а медицинскую библиотеку Наркомздрава РСФСР. Затем здесь расположились какие-то службы Московского электромеханического завода. С годами арендаторы снесли купола, библиотеку из храма вывезли, а в трапезной устроили спортивный зал, затем до 1990-х гг. здесь был репетиционный зал Академического хореографического ансамбля «Березка». В алтарной части были установлены капитальные перекрытия с лестницами.

В 1992 г. трапезную Сергиевского храма передали общине верующих, и здесь впервые в Высоко-Петровском монастыре возобновились богослужения.

Долгие годы шло восстановление первоначального внутреннего облика собора, был сооружен новый высокий иконостас, возобновлена роспись сводов трапезной.

В соборе появились и новые святыни: ковчег с частицей мощей свт. Петра, митрополита Киевского, Московского и Всея Руси (передал монастырю в 2010 г. Патриарх Кирилл), Дивеевские святыни (часть мощей прп. Серафима Саровского и лоскут его мантии), ростовая икона свт. Петра, частицы святых мощей угодников Божиих.

В нижней открытой южной галерее установлены белокаменные саркофаги Нарышкиных, когда-то находившиеся в Боголюбском храме. Рядом с ними — находки, сделанные в результате археологических раскопок на территории обители в 2010-х — начале 2020-х гг. Это белокаменные надгробия и их фрагменты от монастырского некрополя XVI–XVIII вв.

Покрова Пресвятой Богородицы домовый (крестовый) храм

на втором ярусе колокольни

Пятиярусная колокольня Высоко-Петровского монастыря была закончена постройкой в 1694 г. Ее нижний ярус (Святые ворота) служил главным въездом на территорию обители. В одной из арок нижнего яруса в 1905 г. была устроена часовня в честь Казанской иконы Божией Матери, а во втором ярусе — Покровская церковь. Над храмом возвышались 2 восьмерика, в которых находились колокола. С 1703 г. до конца XVIII в. на колокольне были часы.

Храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы был освящен в 1694 г. в квадратном в плане помещении второго яруса. Таким образом восстанавливалась традиция существования в обители Покровской церкви (прежняя была снесена в 1684–1685 гг. при сооружении Боголюбского собора). Покровский храм в колокольне был крестовым, то есть домового характера и соединялся с покоями архимандрита, располагавшимися в настоятельском корпусе. В Покровский храм можно было попасть и по внутристенной лестнице, ведущей из монастырского двора на площадку второго яруса колокольни.

Домовый храм был закрыт уже в первые годы советской власти. Восстановлен в 1994 г., как гласит памятная доска, «По благословению Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II по замыслу и при участии игумена Иоанна…». Современный Покровский надвратный храм имеет уникальное убранство. Все священные изображения в храме: иконы в иконостасе и других местах, престол, распятие, а также лампады, паникадило, фигуры херувимов и другое, исполнены из керамики безвозмездно художником-керамистом Г. В. Куприяновым. Особо примечательны распятие, размеры которого в точности соответствуют кресту, на котором был распят Спаситель, а также иконы Царственных страстотерпцев и блаженной Матроны Московской (они помещены в храме за несколько лет до их прославления Церковью).

Толгской иконы Божией Матери храм

Был построен статс-дамой Н. А. Нарышкиной в 1744–1750 гг. в память о муже-генерале и в воспоминание праздника Толгской иконы Божией Матери. Авторство проекта храма приписывают архитектору И. Ф. Мичурину или мастеру его круга.

Прямоугольное в плане и небольшое по объему здание одноглавой изящной церкви с граненой апсидой стоит на подклете. Скромные наличники характерны для барочной архитектуры середины XVIII в. Западный фасад храма выходит прямо на улицу, разрывая прясло монастырской стены, но вместо традиционного входа на наружной стене находилась прежде икона свв. апостолов Петра и Павла (сохранилось ее лепное обрамление).

Толгский храм был закрыт в июле 1924 г. На момент закрытия в нем находился деревянный пятиярусный иконостас с резными царскими вратами середины

XVIII в. В акте, датированном 19 августа 1924 г., упоминаются бывшие в храме старинные иконы — Толгская XVII в. в серебряной ризе 1744 г., украшенной жемчугом, написанная специально для этого храма Иоанном Андреевым из Ярославля, Спасителя, Петра митрополита (обе XVII в.), паникадило медное начала XIX в., распятие и 3 иконы того же времени (включая образ акафистный Толгской Божией Матери). Все это было передано в фонды Исторического музея.

Храм использовался под жилье, а в 1990-е гг. здесь располагалось складское помещение Росизопропаганды.

В октябре 1999 г. Толгский храм возвращен РПЦ. 10 октября 1999 г. здесь совершено первое богослужение. Первоначально в храме установили одноярусный иконостас со старинными царскими вратами и иконами XIX — начала XX в.: Владимирской иконой Божией Матери, прп. Сергия Радонежского, Спасителя, архангелов Михаила и Гавриила. Иконостас этот в 1992–1999 гг. находился в монастырском храме прп. Сергия Радонежского. В Толгский храм передан и современной работы большой образ Толгской иконы Божией Матери (иконописцы С. Родионов, А. Руди, А. Бояров) — список с древней иконы, хранящейся в Государственной Третьяковской галерее. Старая настенная роспись не сохранилась.

Позже в храме были установлены иконостас, царские и диаконские врата из керамики (художник Г. В. Куприянов), а также устроена купель с керамическим обрамлением. Однако после очередного ремонта весь керамический интерьер был демонтирован. Своды храма украсили живописными изображениями панорам ярославского Толгского Свято-Введенского женского монастыря и храма Гроба Господня в Иерусалиме, а также изображениями силуэтов русских храмов и колоколен.

Петра и Павла свв. первоверховных апп. надвратный храм

над южными монастырскими воротами

Надвратная церковь до 1914 г. носила имя прп. Пахомия Великого. Она была построена в 1753–1755 гг. на древнем основании существовавших здесь каменных ворот нарышкинской усадьбы, позже присоединенной к монастырю. Внутри храма сохранились первоначальные столбы с капителями, относящиеся, возможно, к XVI в. Освящение церкви состоялось при настоятеле монастыря Пахомии во имя его небесного покровителя прп. Пахомия Великого. Некоторые специалисты приписывают ее проектирование и возведение известному архитектору Д. В. Ухтомскому.

Современные исследователи высоко оценивают архитектуру небольшого монастырского храма: «Стройные пропорции и силуэт, изящные очертания апсиды, подчеркнутые усложнёнными пилястрами, тонко прорисованные наличники окон и обрамления трех порталов делают эту церковь одним из наиболее интересных произведений барокко середины XVIII века в Москве».

Пахомиевский храм пострадал в 1812 г. Его закрыли, и здание использовали под различные хозяйственные нужды. Во второй половине XIX в. в бывшей церкви находилось хранилище книг Епархиальной библиотеки. Открытие первой в Московской епархии общедоступной церковной библиотеки состоялось в 1862 г. в здании бывшего духовного училища Высоко-Петровского монастыря. В 1863 г. было образовано ОЛДП, в структуру которого включили и библиотеку. Благодаря дарениям частных лиц и поступлениям из монастырей Епархиальная библиотека обогатилась многими редкими рукописями и книгами. К началу XX в. в ней находилось более 1200 рукописей, в том числе XV–XVII в., более 20 тыс. томов книг. В 1902–1903 гг. Общество и его библиотека были переведены в специальные помещения нововыстроенного Епархиального дома в Лиховом пер., после чего здание Пахомиевской церкви использовались под самые различные цели. Одно время на первом этаже даже размещалась чайная, что вызвало справедливые нарекания ревнителей церковной старины и иронические заметки в московских газетах.

Незадолго до начала Первой мировой войны удалось найти деньги на ремонт и возрождение храма. Средства выделила Ф. В. Лоськова. По желанию управляющего Высоко-Петровским монастырем епископа Павла (Доброхотова) церковь освятили 13 сентября 1914 г. во имя первоверховных апп. Петра и Павла.

Возрожденный монастырский храм закрыли едва ли не в первый послереволюционный год. Долгие десятилетия Петропавловская церковь использовалась под различные хозяйственные надобности.

Храм в начале 2000-х гг. внешне отреставрировали, но до сих пор он остается неосвященным. Находящиеся на одной площадке с входом в церковь помещения старинных палат XVII в. используются Русским православным университетом.

Казанской иконы Божией Матери часовня

у колокольни

Освящение часовни состоялось 28 августа 1905 г. в южном арочном пролете Святых врат под колокольней. В середине вызолоченного резного иконостаса была помещена почитаемая в монастыре и окрестными жителями Казанская икона Божией Матери. Образ был в серебряно-вызолоченной ризе, украшен алмазами и аметистами, и до 1905 г. он стоял в большом киоте за клиросом в Боголюбском соборе монастыря.

Казанский образ Божией Матери издавна почитался в Высоко-Петровском монастыре. Одна из Казанских икон пребывала в монастыре с конца XVII в., другую передали в обитель в середине XIX в. Скорее всего, список с этого чтимого образа был поставлен в 1873 г. в арочном пролете колокольни, где в 1905 г. и была устроена Казанская часовня. По описям, в храмах Высоко-Петровского монастыря в 1920-е гг. находилось не менее 3-х почитаемых Казанских икон. упомянутая — в Боголюбском соборе и две Казанские иконы Божией Матери (XVIII в.), одна из которых в описи помечена как чудотворная — в Сергиевском соборе.

Казанская часовня у колокольни была официально ликвидирована 16 мая 1925 г., в 2001–2002 гг. часовню возобновили. В ней установлена новонаписанная большая Казанская икона, перед которой ежедневно читается акафист.

Источники и литература:

1. ЦГА г. Москвы. — Ф. Р-1215. — Оп. 3. — Д. 74. О регистрации религиозного общества при Высоко-Петровском монастыре. 1919–1930 гг. — 224 л.
2. ЦГА г. Москвы. — Ф. Р-1. — Оп. 1. — Д. 122. Высоко-Петровский монастырь. 1926–1934 гг. — 24 л.
3. ГАРФ. — Ф. Р-1235. — Оп. 75. — Д. 1762. Дело по ходатайству Мособлисполкома … 1930 г. — Л. 3, 19, 63.
4. ЦГАМО. — Ф. 4570. — Оп. 1. — Д. 33. Переписка с Дзержинским райсоветом о закрытии церквей … 1932 г. — Л. 38, 45.
5. ОР РГБ. — Ф. 177. — К. 2. — Д. 11. Акт осмотра Богоявленской церкви Петровского монастыря. 1929 г. — 1 л.
6. *Крылов И. З.* Достопамятные могилы в Московском Высокопетровском монастыре. — М., 1841. — 32 с.
7. Высокопетровский монастырь / [Соч.] архим. Григория. — М., 1873. — 78 с.
8. *Григорий, архимандрит.* Обновление в Высокопетровском монастыре Боголюбской церкви // Московские епархиальные ведомости. — 1877. — № 15.
9. *Григорий, архимандрит.* Высокопетровский монастырь в Москве // Русские достопамятности / изд. А. Мартынова. — Т. 3. — М., 1880. — 98 с. [С. 200–303].
10. Высоко-Петровский мужской второклассный монастырь в г. Москве : [Описание]. — М., 1899. — 29 с.
11. [Об освящении Казанской часовни] // МЦВ. — 1905. — № 37.
12. Памятники архитектуры Москвы. Белый город / [М. И. Домшлак, Г. И. Мехова, Ю. И. Аренкова и др.]. — М., 1989. — С. 180–189.
13. Сорок Сороков : краткая иллюстрированная история всех московских храмов : [в 4 т.] / собр. П. Паламарчук; фот. П. Паламарчука, А. Демченко. — Т. 1. Кремль и монастыри. — М., 1992. — С. 199–208.
14. *Козлов В. Ф.* Церковь апостолов Петра и Павла в Высокопетровском монастыре // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Июнь. — М., 1997. — С. 455–457.
15. *Козлов В. Ф.* Церковь Боголюбской иконы Божией Матери в Высокопетровском монастыре // Там же. — С. 252–256.
16. *Козлов В. Ф.* Церковь преподобного Сергия Радонежского в Высокопетровском монастыре // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Июль.– М., 2000. — С. 128–130.
17. Высоко-Петровский монастырь. Патриаршее подворье. — [Б.м.], [Б.г.].
18. *Спрингис Е. Э.* Высокопетровский во имя святителя Петра митрополита Московского мужской монастырь // ПЭ. — Т. X. — М., 2005. — С. 71–75.
19. *Рогозина М. Г.* Высокопетровский монастырь // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Декабрь. — М., 2006. — С. 473–481.

Данилов ставропигиальный мужской монастырь

Даниловский вал, 22

В начале XX в. – 3 храма с 10 престолами

Святых Отцов Семи Вселенских Соборов собор (двухъярусный)

Седмивселенский верхний храм
- Бориса и Глеба свв. мчч. блгвв. князей во втором ярусе придел
- Даниила Московского кн. прп. во втором ярусе придел

Покровский нижний храм
- Даниила Столпника прп. в нижнем ярусе придел
- Захарии св. прор. и Елисаветы св. прав. в нижнем ярусе придел

Симеона Столпника прп. над Святыми воротами в колокольне домовый храм

Троицы св. Живоначальной собор
- Зачатия св. прав. Анны придел
- Алексия человека Божия прп. придел

ИСТОРИЯ ДО 1917 г.

Монастырь является древнейшим в Москве. Датой его основания принято считать 1282 г., а основателем выступил блгв. кн. Даниил Александрович Московский. Монастырь был заложен в 5 верстах от Московского Кремля. Современные исследователи полагают, что обитель возникла в период между второй половиной 1270-х — 1280-х гг. и 1298–1299 гг. В ней был возведен деревянный храм во имя прп. Даниила Столпника; монастырские стены представляли собой частокол из бревен. В монастыре была учреждена архимандрития, что было большой редкостью в монастырской жизни того времени. По одной из версий, в Даниловом монастыре 4 марта 1303 г. был погребен его основатель св. блгв. кн. Даниил, приняв постриг с именем в честь пророка Даниила. Согласно летописным данным, новосозданная обитель просуществовала на первоначальном месте недолго и в 1330 г. была перенесена великим князем Иваном Калитой в Московский Кремль в устроенный там Спасский монастырь. Туда же перешли братия и архимандрит. Данилов монастырь постепенно пришел в запустение, от него осталась лишь небольшая ставшая приходской церковь прп. Даниила Столпника; была предана забвению и могила первого московского князя Даниила Александровича.

Возродилась первая московская обитель лишь во время царствования Ивана Грозного в 1560-е гг., когда несколько севернее старого монастыря был сооружен

первый каменный храм во имя свв. Отцов Семи Вселенских Соборов. Был установлен обычай, по которому ежегодно царь с митрополитом и духовенством посещали возрожденный монастырь, где совершались заупокойные службы по князю Даниилу. Данилов монастырь был свидетелем, а зачастую и участником всех значимых в истории Москвы событий. Близ него в июле 1591 г. произошло ночное сражение русских с войском крымского хана Казы-Гирея, в результате которого татары вынуждены были бежать. В сентябре 1610 г. казаки Лжедмитрия II обстреляли монастырь и сожгли его слободу. В 1652 г. при царе Алексее Михайловиче были обретены мощи св. Даниила, и князь был причислен к лику святых. В 1670 — начале 1680-х гг. в обители построили второй каменный храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы с приделом прп. Даниила Столпника. Об этом событии напоминает сохранившаяся в основании столба в галерее собора белокаменная доска с надписью: «Лета 7160 [1652] августа в 30 день повелением государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси и великого государя святейшего Никона патриарха Московского и всея Руси перенесены сии мощи благоверного и великого князя инока схимника Даниила Александровича Московского при игумне Иване еще о Христе с братией». Полагают, что эта доска первоначально была установлена в первом соборе XVI в.

С начала XVII в. до конца 1680-х гг. Данилов монастырь имел в Кремле свое собственное подворье. В конце XVII в. в обители числились игумен, 2 священнослужителя, диакон и 6 старцев.

В 1670-е гг. в монастыре были построены каменные Святые ворота, а в 1690-е гг. вместо деревянной ограды возвели каменную — из кирпича на белокаменном цоколе. На углах ограды установили большие десятигранные башни, в самом начале XVIII в. башни были увенчаны куполами-башенками.

Каменное строительство продолжилось и в XVIII в., когда в 1730–1740-е гг. над Святыми воротами возвели Симеоновскую надвратную церковь и над ней — высокую колокольню. В 1777 г. с восточной стороны Святых ворот к стене пристроили длинный двухэтажный корпус братских (позже казначейских) келий. Старый собор XVI в. к началу XVIII в. обветшал, в 1729 г. его разобрали, а престол перенесли в надстроенный Покровский храм, ставший новым собором. В XVIII в. в Даниловский монастырь для исправления присылали преступников и нарушителей церковной дисциплины. Подсчитано, что за это столетие на «исправлении» в обители пребывало до 140 человек. В начале 1760-х гг. в монастыре подвизалось до 12 монашествующих. В результате секуляризационной реформы в 1764 г. обитель была причислена к низшему 3-му классу — по новым штатам ей полагался 1 архимандрит, 5 иеромонахов, 2 иеродиакона и 3 монаха. Тяжелое положение обители усугубила свирепствовавшая в Москве в 1771 г. чума, в результате которой монахи были переселены в Донской монастырь, а в Даниловом устроили лазарет и разместили карантинный караул.

В XIX в. была расширена монастырская территория, выстроены Братские келии (больничный корпус; 1819 г.), двухэтажный каменный с портиком Дом настоятеля (1820 г.), монументальный Троицкий собор (1833–1838 гг.), достроена

ограда с башнями в русском стиле (1860–1870 гг.) — таким образом, окончательно сложилась планировка дореволюционного ансамбля.

Во второй половине XIX — начале XX в. среди настоятелей древней обители были известные деятели Церкви. Так в 1870-е гг. в монастыре настоятельствовал архимандрит Амфилохий (1818 — 1893), знаток церковной старины, славист и издатель, будущий епископ Угличский. Он состоял членом многих столичных и провинциальных исторических и археологических обществ, был избран в члены-корреспонденты Академии Наук. Им в Даниловом монастыре было создано одно из первых в Церкви собраний старинных икон. В 1901–1904 гг. настоятелем монастыря был храмоздатель, историк ряда церквей и монастырей епархии архимандрит Тихон (Руднев; 1834–1904). При нем рассматривался вопрос о сооружении в Даниловом монастыре высокой колокольни. В 1904–1906 гг. управляющим обителью стал духовный писатель и издатель, церковно-общественный деятель Никон (Рождественский; 1851–1918). После него, в 1906–1914 гг., управляющим монастырем был крупный церковный деятель, викарный епископ Анастасий (Грибановский; 1873–1965), впоследствии — митрополит, видная фигура Русского Зарубежья. В начале XX в. в Даниловом монастыре существовали единственная в Московской епархии больница-приют для монашествующих (открыта в 1902 г.), церковно-приходская школа для бедных (открыта в 1892 г.), небольшая послушническая школа.

Отдельной темой является история некрополя Данилова монастыря, который начал формироваться с первых веков существования обители (подробнее о нем см. отдельный очерк). Среди московских монастырских кладбищ Даниловскому, безусловно, принадлежало свое особое место. До середины XVIII в. здесь, прежде всего, хоронили насельников, а также представителей разных городских сословий. Но с конца XVIII в. и особенно уже в XIX — начале XX в., так как кладбище Данилова монастыря, в отличие от большинства других, не подпало под запрет хоронить в городской черте, здесь стал формироваться особый некрополь, где, по словам современников, были «похоронены дорогие останки» знаменитых писателей, поэтов, музыкантов, художников, ученых (Н. В. Гоголя, Н. М. Языкова, А. С. Хомякова, Н. Г. Рубинштейна, В. Г. Перова, Н. С. Тихомирова, П. В. Хавского и многих др.). Здесь находились могилы архиереев, общественных деятелей, сформировался некрополь известных славянофилов. К началу XX в. старая часть кладбища была практически заполнена, и захоронения производились на новом прирезанном участке.

В 1903 г. торжественно отмечалось 600-летие со дня кончины основателя обители св. блгв. кн. Даниила Московского. В грандиозном крестном ходе из Кремлевского Успенского собора в монастырь приняли участие многие тысячи горожан, в Троицком соборе митрополит Московский Владимир в сослужении многочисленного московского духовенства совершил торжественную Литургию. Мощи благоверного князя покрыли древним покровом, шитым жемчугом, а сверху другим, пожалованным в монастырь императрицей Екатериной II.

В начале XX в. в монастыре проживали 16 монахов и 2 послушника.

ИСТОРИЯ ПОСЛЕ 1917 г.

Данилов монастырь встретил революционные события осени 1917 г. с новым настоятелем. В мае этого года им был назначен твердый в вере, боровшийся с революционными настроениями викарий Московской епархии епископ Феодор (Поздеевский; 1876–1937). С 1906 по 1917 г. он последовательно был ректором Московской духовной семинарии и духовной академии. Во многом благодаря ему Данилов монастырь, несмотря на развернувшиеся гонения на Церковь, стал в 1920-е гг. важнейшим духовным центром Москвы. Данилов монастырь был ликвидирован как религиозный институт в 1918–1919 гг., и продолжавшие проживать на его территории монашествующие организовали приходскую общину. В ЦГА г. Москвы сохранилось сформированное в 1919–1930 гг. дело «Группы верующих при Даниловском монастыре. Церковь так называемого Покрова и она же Вселенский собор». В деле находится копия соглашения общины верующих с Моссоветом от 20 февраля 1919 г. о закреплении за ней 2-х монастырских храмов (Троицкого собора и храма свв. Отцов Семи Вселенских Соборов), колокольни с храмом прп. Симеона Столпника и прилегающим помещением и часовни на ул. Большой Тульской. Типовое соглашение-договор состоит из 13 пунктов, многие из которых носят чисто политический характер и отражают недоверие властей к религиозным организациям. Так, верующие обязывались не допускать:

«а) политических собраний враждебного советской власти направления;

б) раздачи или продажи книг, брошюр, листов и посланий, направленных против советской власти или ее представителей;

в) произнесения проповедей и речей, враждебных советской власти или ее отдельным представителям;

г) совершение набатных тревог для созыва населения в целях возбуждения его против советской власти».

Верующие «обязались беречь переданное… народное достояние и пользоваться им исключительно соответственно его назначению…». Только подписав подобное соглашение, можно было сохранить храмы обители, но уже как центры прихода. Под документом поставили подписи 96 граждан, из которых 16 — монахи. Первая подпись — С. В. Беклемишева, вторая — епископа Феодора (Поздеевского), третья — игумена Герасима (Сладковского; †1920). Заключают список имена 13 иеромонахов и иеродиаконов (на копии соглашения напротив имен есть поздние рукописные пометки, согласно которым иеромонахи Венедикт (Алектов), Игнатий (Сладковский), Амвросий (Исаев), Нектарий, Феодосий (Подъельский), иеродиакон Ксенофонт (Коченков), послушник Феодор (Гринев) выбыли из обители в 1919–1922 гг. Иеродиакон Иоанникий (Кириев) умер в 1921 г.). Отныне все церковное имущество, включая и исторические святыни, принадлежало атеистическому государству, которое могло поступить с ними, как заблагорассудится. Первый шаг в этом направлении был сделан 3 апреля 1922 г., когда из храмов и ризницы монастыря было изъято и вывезено серебряных предметов и утвари общим весом 22 пуда 34 фунта.

Даниловская религиозная община, руководимая монахами бывшей обители, стойко держалась православных канонов и традиций. В одном из дел,

хранящихся в ГАРФ в фондах Наркомата юстиции, находится адресованное в этот наркомат заявление представителей группы верующих Даниловской общины от 9 августа 1922 г. Верующие заявляют, что в Москве появилась группа духовенства, самовольно составившая из себя организацию под именем ВЦУ (Высшее церковное управление), и, присвоив себе публично-правовые функции, «налагает на группы верующих кары, смещает служителей культа… всех несогласных с ней она объявляет контрреволюционерами, угрожает ссылкой и арестами, присвояя себе те или другие функции чисто гражданской власти». Возмущение членов Даниловской общины вызвало и то, что обновленческим ВЦУ Постановлением от 27 июля 1922 г. был уволен вместе со многими другими архиереями и священнослужителями от занимаемой им должности «настоятель Московского Данилова монастыря епископ Феодор». Это обращение еще раз свидетельствовало о непримиримой позиции епископа Феодора, монашеской Даниловской общины и прихожан по отношению к обновленцам и их ВЦУ. Еще одним свидетельством того, как монашествующие и многочисленные прихожане (более 1100 чел.) стойко соблюдали во времена церковных смут чистоту православия, является протокол общего собрания 20 июля 1923 г., где зафиксировано, что верующие твердо стоят «на принципах православно-христианского вероучения, основанного на канонах Вселенских Соборов и учений Отцев Церкви… следуя по стопам наших отцов и дедов, и не связывая свою судьбу ни с какими новыми течениями в церковной организации», и где в решении однозначно записано: «Признать, что группа верующих при бывшем Даниловом монастыре исповедует учение Вселенских Соборов и отцов Церкви и никакого абсолютно отношения не имеет к новым течениям в церковной жизни».

Протокол этого же собрания зафиксировал, что общине принадлежали 2 монастырских храма, колокольня и часовня.

В сохранившихся анкетах на «служителей культа» есть свидетельства гонений на монахов. Вот, какие сведения, например, указаны в анкетной строке на «Феодора Васильевича Поздеевского»: «Епископ, настоятель церковной общины и проповедник… В 1914 г. — ректор Московской Духовной академии. С 1917 г. — в нынешней должности… Находился под стражей — без предъявления обвинения с 27 июня 1920 г. по март 1922 г. и с 27 марта 1923 г. по 20 июня, постановлением Мосгубсуда 10 сентября с/г по 80[-й] статье был приговорен к годичному заключению; по амнистии от наказания был освобожден».

О своей судимости сообщили в анкете также архимандриты Георгий (Лавров), Стефан (Сафонов), Поликарп (Соловьев), иеромонах Серафим (Климков).

В монастыре временно проживали или бывали в 1920-е гг. многие видные церковные деятели того времени: митрополиты Серафим (Чичагов), Иларион (Троицкий), архиепископы Прокопий (Титов), Пахомий (Кедров) и другие, причисленные в конце XX в. к лику святых.

В 1923–1926 гг. в Даниловом монастыре в 8 комнатах-келиях продолжали жить 26 монашествующих — больше, чем в любой другой мужской обители Москвы. Власти прилагали все усилия к тому, чтобы сделать жизнь общины и ее руководителей-монахов невыносимой. Жилые и хозяйственные здания были

заселены посторонним людом, власти поддерживали и инициировали требования руководства и коллективов рабочих близлежащих заводов и фабрик. Вот хроника этих гонений: 4 апреля 1923 г. — ликвидация надвратного храма прп. Симеона Столпника; июль 1925 г. — ограничение колокольного звона в бывшем монастыре; конец 1925 г. — ликвидация монастырской часовни на ул. Большой Тульской, д. 5; 19 октября 1929 г. — Постановление Мособлисполкома о закрытии Троицкого собора; 25 февраля 1930 г. — Постановление Мособлисполкома о закрытии и сносе церкви Покрова Даниловского монастыря; 25 февраля 1930 г. — отклонение Президиумом ВЦИК просьбы верующих о пересмотре Постановления о закрытии и сносе церкви Покрова; 6 октября 1930 г. — принятие представителями властей ключей от монастырских зданий Данилова монастыря.

С закрытием последнего монастырского храма началось разорение его религиозно-исторических святынь, переделка и частичный снос его храмов. 1 марта 1931 г. Президиум Мособлисполкома, а 10 октября 1931 г. Президиум ВЦИК приняли решение об освобождении территории Данилова монастыря для организации Центрального учреждения по борьбе с беспризорностью. Так здесь появился приемник-распределитель для беспризорных детей и несовершеннолетних правонарушителей. Это учреждение обычно именовали «Даниловским приемником», с 1940 г. — «Московским центральным приемником».

Печальной оказалась и судьба монастырского некрополя, разорение которого началось еще в середине 1920-х гг. (подробнее см. отдельный очерк). Защитить захоронения известных людей, сохранить ценные надгробные памятники пытались краеведы и реставраторы, однако спасти уникальное кладбище не удалось. Разорение могил, вандализм стали здесь, как и на других кладбищах Москвы, обычным явлением. А после передачи всей территории бывшей обители детприемнику в 1931 г. было принято решение о ликвидации кладбища. Удалось перевезти на Новодевичье кладбище и в бывший Донской монастырь лишь несколько ценных надгробных памятников, а также сделать единичные перезахоронения.

Изгнанных из родного монастыря монахов ждал свой крестный путь. Трагическая судьба и духовный подвиг их описан во многих публикациях, основанных на архивных источниках и свидетельствах современников. К 1937 г. на остававшихся на свободе монахов завели дела. По делу 1937 г. во Владимирской и Ивановской обл. были арестованы и расстреляны 9 сентября 1937 г. архимандрит Симеон (в схиме Даниил; Холмогоров), игумен Алексий (Селифонов), иеромонах Игнатий (Бекренев), иеродиакон Анания (Алексеев). По другому делу, разрабатывавшемуся в Калининской обл., осенью того же 1937 г. были арестованы и расстреляны архимандрит Стефан (Сафонов), епископ Григорий (Лебедев) и другие насельники Данилова монастыря.

Возрождению монастыря помог 1000-летний юбилей Крещения Руси. По просьбе Патриарха Пимена и Священного Синода, Совет Министров СССР 18 мая 1983 г. принял решение о передаче Патриархии территории бывшего монастыря для создания духовного центра РПЦ. В момент передачи ансамбль Данилова монастыря представлял собой запущенную территорию с лишенными верха и декоративной обработки храмами, с разобранной колокольней,

уничтоженным некрополем, находящимися в аварийном состоянии стенами. Первым наместником возрождаемой обители стал архимандрит Евлогий (ныне архиепископ Владимирский и Суздальский). Председателем комиссии по реставрации и строительству монастыря назначили митрополита Таллинского и Эстонского Алексия (Ридигера), позже ставшего Патриархом. С помощью добровольцев-москвичей развернулась масштабная работа по очистке территории от мусора, и началось восстановление храмовых и иных построек. Уже 3 сентября 1983 г. в приспособленных зданиях прошли первые монастырские богослужения, а менее чем через 2 года — 8 июня 1985 г., был освящен Покровский нижний храм в Седмивселенском соборе. В том же году восстановили снесенные в 1930-е гг. верхние ярусы колокольни, а в следующем 1986 г. освятили Троицкий собор. Почти все остальные престолы в восстановленных храмах освятили в юбилейные для РПЦ дни 1988 г. Так 27 февраля был освящен надвратный храм прп. Симеона Столпника над Святыми воротами, главный престол Седмивселенского собора освятили 26 марта, а придел прп. Даниила Столпника — 17 декабря. В юбилейный год освятили также еще 2 престола: во имя прп. Серафима Саровского в корпусе у колокольни и в честь Рождества св. Иоанна Предтечи в подклете Троицкого собора (7 июля). Вместо разрушенной надкладезной часовни в 1987 г. на соборной площади соорудили новую (архитектор Ю. Г. Алонов).

Таким образом, за 4–5 лет были восстановлены (многие из руин) все 3 монастырских храма, колокольня, а также старые жилые и хозяйственные корпуса и стены с башнями. Однако этим не ограничились, монастырь по планам Патриархии должен был стать административным центром РПЦ, и его территорию значительно расширили с западной стороны, где соорудили огромный Ш-образный в плане корпус резиденции Патриарха Московского и Всея Руси с домовым храмом на втором этаже в честь Всех Святых, в земле Русской просиявших (коллектив архитекторов во главе с Ю. Р. Рабаевым). Так в монастыре появились патриаршая резиденция со служебными и парадными помещениями Священного Синода. Перед резиденцией в 1988 г. установили скульптурный поясной памятник равноап. кн. Владимиру. Креститель Руси изображен в княжеских одеждах, в правой руке он держит крест, а левая приложена к сердцу.

В восстанавливаемый Данилов монастырь в 1985 г. был перемещен Отдел внешний церковных связей (ОВЦС) Московского Патриархата. Его разместили в капитально отремонтированном четырехэтажном корпусе (2 этажа построили в 1869–1871 гг. для проживания монахов, в 1930-е гг. корпус был надстроен еще 2-мя этажами). К 65-летию ОВЦС в 2011 г. на фронтоне этого здания была выложена большая мозаичная икона Покрова Божией Матери.

Кульминацией восстановления первой московской обители стал день Всех Святых, в земле Российской просиявших — 30 мая 1988 г., когда в монастыре состоялась торжественная литургия на открытом воздухе в честь 1000-летия Крещения Руси.

В 1991 г. за пределами монастырской территории (в охранной зоне монастыря) возвели обширный корпус «Гостиничный» с конференц-залом, где проходят научные конференции, международные встречи, большие общеепархиальные собрания духовенства и мирян.

Скажем несколько слов о некрополе Данилова монастыря. В 1980-е — 2000-е гг. была проведена его частичная регенерация. В связи с восстановительными работами археологи предприняли первые, хотя и не носившие методического характера, попытки изучения уничтоженных захоронений, более глубокие исследования проводятся уже в наше время (с начала 2000-х гг.). Для костных останков близ Троицкого собора устроили костницу-крипту, которую потом оформили в виде поминальной часовни. У часовни и у монастырской стены выложили найденные надгробия, в основном поздние, XIX — начала XX в. Также в монастыре были установлены мемориальные знаки, связанные с его историческим некрополем и с некоторыми «великими могилами».

Современный Данилов монастырь — важнейший в Москве и России духовный и просветительский центр РПЦ. После его восстановления здесь возникли различные церковно-просветительские, благотворительные и иные организации и учреждения. Сразу при открытии монастыря начали работу лавка православной литературы и церковной утвари, воскресная школа, катехизические курсы для взрослых. В 1991 г. было открыто издательство «Даниловский благовестник», где стал издаваться литературно-исторический альманах с таким же названием (в 2022 г. вышел очередной, 39-й его номер). Издательство выпустило значительное число духовной литературы, в том числе и по истории Данилова монастыря и о его подвижниках. В 1987 г. в монастыре был создан Церковно-исторический музей (музейная экспозиция открыта 1 июня 1988 г.). Музей быстро пополнялся, и уже в первой половине 1990-х гг. в его фондах насчитывалось более 5 тыс. единиц хранения, среди которых были вещественные, изобразительные, документальные, археологические и иные памятники, связанные с историей Церкви, Данилова монастыря. В современной обители существуют: Праздничный хор Данилова монастыря — один из ведущих в России коллективов, исполняющих духовную музыку, регентско-певческие курсы, Даниловский колокольный центр, Патриарший центр духовного развития детей и молодежи, Паломнический центр, Центр помощи алкоголезависимым и наркозависимым людям «Метанойя», Даниловские мастерские, издается интернет-журнал «Прихожанин».

Невдалеке от монастырских стен на Даниловской пл. в дни празднования 850-летнего юбилея Москвы 4 сентября 1997 г. был открыт и освящен Патриархом Алексием II скульптурный памятник св. блгв. кн. Даниилу Александровичу, а вскоре, 17 марта 1998 г., рядом с памятником Святейший Патриарх освятил новую часовню во имя св. блгв. кн. Даниила. К Данилову монастырю приписан сооруженный в 1997–2003 гг. на территории московского комплекса «Кремль в Измайлово» храм свт. Николая Чудотворца. Этот самый высокий действующий деревянный шатровый храм в Москве выстроен в традициях северной древнерусской архитектуры. Иконостас храма исполнен мтерскими иконописцами.

Данилов монастырь владеет несколькими подворьями: в с. Долматово Домодедовского р-на и в с. Нововолково Рузского р-на Московской обл., в Сапожковском р-не Рязанской обл. В каждом из этих подворий восстановлены бывшие там сельские храмы, организовано монастырское хозяйство.

Святых Отцов Семи Вселенских Соборов собор

Древнейший храм Данилова монастыря имеет длинную и сложную историю, связанную с капитальными перестройками, переименованиями и переносом многочисленных престолов. Сегодня это — многосоставной, трехэтажный храм: на 1-м этаже находится церковь Покрова Пресвятой Богородицы с приделом во имя св. пророка Даниила, на 2-м — церковь в честь Святых Отцов Семи Вселенских Соборов с приделами прп. кн. Даниила и свв. мчч. блгвв. кн. Бориса и Глеба, на 3-м этаже расположен престол во имя прп. Даниила Столпника.

Историю этого храма принято начинать с 1555 г., когда по повелению царя Ивана Грозного на монастырском кладбище была заложена каменная церковь во имя Святых Отцов Семи Вселенских Соборов. Освящение ее совершил 18 мая 1561 г. митрополит Московский Макарий в присутствии Ивана Грозного и царевичей Ивана и Федора Иоанновичей. Первый Седмивселенский храм не уцелел, его остатки сохранились в виде фундамента, сложенного, в том числе, из надгробных плит XV — первой половины XVI в. Археологические находки и дошедшее до нас изображение обители начала XVIII в. позволяют восстановить вероятный вид первого каменного храма: бесстолпный четверик из белого камня был перекрыт сводом, декорированным крупными кокошниками. Храм венчала крытая зеленой черепицей глава. Поблизости от него с 1620-х гг. находилась деревянная церковь, на месте которой в 1670-х гг. возвели трапезный каменный храм Покрова Пресвятой Богородицы с приделом во имя св. пророка Даниила. Именно этот храм со временем стал Седмивселенским собором. Современные исследователи полагают, что каждый из этих храмов — Покровский и Даниловский, имел свою апсиду и главку, над крыльцом была двухъярусная шатровая колокольня. Эта двухпрестольная церковь имела поминальный характер, так как вплотную примыкала к месту погребения кн. Даниила. Верхняя часть нового храма была украшена 4-мя керамическими полихромными горельефными изразцами с фигурами евангелистов «в рост», выполненными, как полагают, мастером Степаном Полубесом.

Известно, что старый Седмивселенский собор к началу XVIII в. обветшал, и в 1729 г. его решили разобрать. Из снесенного церковного здания в Покровский храм перенесли главный престол свв. Отцов Семи Вселенских Соборов и поместили в специально надстроенный над Покровским трапезным храмом двухсветный объем. Так, появилась новая соборная в честь свв. Отцов Семи Вселенских Соборов церковь, освященная 31 августа 1730 г. Существовавшая между нижними Покровским и Даниловским храмами стена в XVIII в. была разобрана. Вскоре после постройки над Святыми воротами новой колокольни (в 1746 г.) старая шатровая, стоявшая у соборного храма, была разобрана, и в нижней ее части в 1750-х гг. устроили небольшую по размерам церковь-придел, освятив его не позднее 1763 г. во имя прп. Даниила Столпника. Новый придел был увенчан восьмигранным барабаном с главкой.

Таким образом, во второй половине XVIII в. в обновленном соборном храме насчитывалось уже 4 престола.

В XIX в. собор пополнился еще 3 приделами. В 1805–1806 гг. на средства Глеба Алексеевича Владыкина в восточных частях галерей были устроены приделы во имя св. блгв. кн. Даниила Московского (северный) и свв. Бориса и Глеба (южный). В конце XIX в. у северной стены храма на средства Елизаветы Андреевны Дашковой над могилой ее мужа — коллекционера, этнографа, мецената, директора московского Румянцевского музея Василия Андреевича Дашкова (1819–1896), был устроен придельный храм св. пророка Захарии и св. прав. Елисаветы. В связи с устройством приделов, а также по другим причинам (пожары и проч.) большой соборный комплекс в XIX в. подвергся переделкам. В нем в середине века переделали галереи, сменили иконостасы; в 1858 г. храм прп. Даниила Столпника упразднили, а его помещение заняла монастырская ризница. Во второй половине XIX в. в северо-восточной палатке в нижней части собора братьями М. И. и Н. И. Ляпиными — щедрыми жертвователями на монастырские нужды, была устроена их семейная усыпальница, отделанная в 1890-е гг. — в начале XX в. по проекту Ф. О. Шехтеля.

После переворота 1917 г. монастырские храмы были осмотрены, а их имущество тщательно описано. В обширном трехъярусном семипрестольном Седмивселенском соборе, согласно составленной в начале 1920-х гг. описи, насчитывалось 308 предметов, из которых более 160 составляли иконы. На самом деле их было больше, так как нередко группы икон (праздничные в иконостасах, на царских вратах и др.) описывались под одним номером. Подробно расписано внутреннее убранство верхних и нижних приделов. В описи монастырской ризницы числилось 232 церковных предмета, среди которых было много различного вида облачений.

Старый собор Даниловского монастыря продержался дольше, чем другие соборы московских обителей — до начала 1930-х гг.

Активная работа по ликвидации последнего действующего храма бывшего монастыря началась еще летом 1929 г., когда известный в Москве своей антирелигиозной политикой Замоскворецкий райсовет развернул работу за передачу церковного здания «для культурно-просветительских целей». Были мобилизованы коллективы и общественные организации располагавшихся в Замоскворечье заводов «Искра», карандашной фабрики имени Красина, фабрики «Знамя Октября» и др. В архиве в фонде ВЦИК сохранились протоколы общих собраний этих и других предприятий, свидетельствующие о том, насколько глубоко проникло безбожие в широкие массы. Приведем несколько типичных текстов выступлений и резолюций. Так резолюция общего собрания рабочих и служащих завода «Искра» треста «Мосредпром» заканчивалась словами: «…Требуем закрытия Даниловского монастыря — этого гнезда мракобесия и очага одурачивания трудящихся масс нашего района, а территорию монастыря превратить в культурный уголок для отдыха трудящихся». А протокол общего собрания 142-х членов Жилищного товарищества совместно с уполномоченными от ряда фабрик и учреждений вообще полон откровенной ругани и ненависти по отношению к Церкви и духовенству — вполне характерно в этом смысле выступление в прениях некоего Титова (орфография источника сохранена): «Я считаю,

что монастырь закрыть необходимо, а именно потому, чтобы рабочий класс не развращался поповским распутством, которые на глазах рабочего класса проделывают, я думаю, что все сидящие здесь знают, как жили наши святые отцы, они занимали по нескольку самых хороших комнат, а рабочий класс жил в подвале, считаю, что довольно долгогривым обманщикам пить кровь рабочего класса. Да здравствует закрытие монастыря!».

Жаждавшие закрытия монастырского собора ратовали за размещение в его здании детского сада, других детских и вообще культурно-просветительских учреждений. Однако Президиум Замоскворецкого райсовета 17 декабря 1929 г. постановил не только закрыть, но и снести древнейший монастырский храм. Районные власти были поддержаны Мособлисполкомом и Президиумом Моссовета, внесшими в повестку дня своего заседания 25 февраля 1930 г. вопрос «О сносе здания церкви “Покрова” бывшего Даниловского монастыря в городе Москве» (Покровским в 1920-е гг. называли Седмивселенский собор). В постановляющей части протокола по этому вопросу было записано: «1) Принимая во внимание, что вся территория бывшего Даниловского монастыря-кладбища разбивается под общественный парк и что по проекту планировки парка необходимо снести имеющуюся там церковь Покрова, а также учитывая, что группа верующих этой церкви может удовлетворять свои религиозные потребности в одной из близлежащих церквей, руководствуясь постановлением ВЦИК и Совета Народных Комисаров РСФСР от 8/IV-1929 г. “О религиозных объединениях” (С. Уз. 1929 г. № 35), названную церковь закрыть и здание ее после сфотографирования под наблюдением Музейного подотдела МОНО снести. С предметами религиозного культа поступить согласно того же постановления ВЦИК и С. Н. К. от 8/IV-29 г., а реализацию материала от разборки церковного здания согласовать с Мос. Фин. Отделом. 2) В случае жалобы верующих во ВЦИК (в 2-х недельный срок со дня объявления настоящего постановления) ликвидация церкви может быть произведена не ранее рассмотрения жалобы ВЦИК».

Перед тем как вынести это гибельное для храма решение, Моссовет направил запрос в Музейный подотдел МОНО, который не возразил против сноса и направил этот запрос в Реставрационные мастерские. Вместо того, чтобы хоть както защитить памятник от сноса на заседании архитектурно-реставрационного отделения Мастерских 21 января 1930 г. было постановлено: «Ввиду того, что здание церкви 7 Вселенских соборов, подвергавшееся неоднократным переделкам, утратило значительную часть своей историко-художественной ценности, подтвердить возможность ее разборки. До ликвидации необходимо произвести фиксацию и обмеры здания».

Решение о ликвидации и сносе монастырского собора было объявлено общине верующих 4 марта 1930 г., и уже через 11 дней во ВЦИК поступило заявление-жалоба, подписанное 3-мя уполномоченными Совета общины. Верующие писали о нецелесообразности сломки здания храма, указывая, что это «никакими серьезными мотивами не обосновано. Совет общины позволяет еще остановить внимание ВЦИКа на том же вопросе закрытия Церкви и с другой

стороны, а именно с общественно-политической. Наша религиозная община является большим религиозным объединением города Москвы и насчитывает в своем составе свыше 3500 человек верующих, принадлежащих по своему социальному составу по большей части к классу рабочих и трудящихся. Самый факт закрытия Церкви и изъятия ее из пользования общины при наличности вышеуказанных соображений и отсутствии убедительных оснований к сноске ее может послужить поводом к неправильному и нежелательному истолкованию ошибочного решения Президиума Мособлисполкома со стороны многих верующих, которые будут крайне огорчены закрытием храма». В заключение верующие просили высший законодательный орган страны отменить постановление московских властей, предлагая для этого сооружение высокого забора с трех сторон храма и восстановление в восточной монастырской стене существовавшей ранее входной двери. Для иллюстрации к жалобе был приложен схематический план монастыря с показанием предлагаемой выгородки храма.

Борьба за храм продолжалось вплоть до начала осени 1930 г., пока 11 сентября за подписью члена Президиума ВЦИК П. Г. Смидовича в Моссовет не ушло письмо о том, что «Президиум ВЦИК отклонил просьбу верующих о пересмотре Вашего постановления от 25 февраля 1930 г. (Протокол № 55) о закрытии и сносе церкви Покрова бывшего Даниловского монастыря. Постановление Ваше вступает в законную силу».

Теперь уже власти могли приступить к узаконенному разграблению храма. Бесстрастные документы свидетельствуют о трагедии последнего монастырского храма. Сохранился акт оценки имущества (от 3 октября 1930 г.) верхнего и нижнего храмов: иконостасов, паникадил, подсвечников, престолов. В усыпальнице храма были учтены даже 3 цинковых гроба весом в 5,5 т., оцененные в 2225 руб. Оставшиеся в храме церковные серебряные предметы: 8 риз, 5 крестов, 2 дарохранительницы, 2 набора богослужебных сосудов, весом в 33 кг, были оценены как лом в 1155 руб. Вывезли из храма и 43 парчовых предмета (в основном облачения), упаковав их в 14 ящиков и оценив в 5742 руб.

Пожалуй, наибольший интерес представляет акт от 5 октября 1930 г. о передаче в Музейные отдел МОНО более 50 предметов, имевших историко-художественное значение. Среди них — кресты молебные XVII–XIX вв., царские врата XVII в., около 20 икон (в основном XVII в.), Плащаница 1774 г. (вклад Волконского), предметы утвари, а также «связка планов владений бывшего Данилова монастыря и фасадов некоторых зданий». Уже 6 октября 1930 г. представители общины сдали помощнику коменданта 18 ключей от помещений собора. 8 октября на заседании архитектурного отделения ЦГРМ архитектор-реставратор Д. П. Сухов докладывал о работах по снятию с собора изразцовых барельефов с изображением евангелистов. Предполагалось перевезти их в ЦГРМ, а затем передать на хранение в Донской монастырь или в ГИМ.

Так закончилась целая эпоха в истории древней обители. Община бывшего Данилова монастыря с небольшой частью икон и церковной утвари перешла в действующий Воскресенский храм, расположенный поблизости от стен монастыря. К счастью, в 1931 г. необходимость сноса собора отпала, так как вместо

разбивки на монастырской территории парка в стенах бывшей обители разместили приемник-распределитель для беспризорных и несовершеннолетних правонарушителей. Древнюю церковь сохранили для нужд этого учреждения, правда, изуродовав сносом верхних ее частей, многочисленными внутренними перегородками, уничтожением внешнего и внутреннего декоративного убранства. Так бывший собор простоял почти полвека, постепенно ветшая и разрушаясь. В нем в 1970-е гг. размещались станки и верстаки цеха завода «Искра», того самого, коллектив которого активно требовал в 1929 г. ликвидации собора. В тех же 1970-х гг. началась частичная реставрация руинированного памятника, но подлинное масштабное восстановление стало возможно только после передачи монастырской территории РПЦ. Первым был восстановлен и освящен 8 июня 1985 г. престол храма-придела в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Сегодня в этом храме находятся монастырские святыни: рака со святыми мощами преподобноисповедника Георгия (Лаврова), иконы с частицами мощей св. блгв. кн. Даниила, св. прав. блж. Матроны Московской, свт. Луки священноисповедника, архиепископа Симферопольского и Крымского и др.

10 сентября 2000 г. был освящен северный придел во имя св. блгв. кн. Даниила. Его стены и своды расписаны иконописцами под руководством А. А. Лавданского.

Главный престол собора во имя Святых Отцов Семи Вселенских Соборов освятили 26 марта 1988 г. В воссозданном пятиярусном иконостасе поместили 67 переданных из Троице-Сергиевой Лавры и Московской духовной академии икон костромского письма XVII–XVIII вв. Местный ряд иконостаса собран из образов, написанных в разные века. В их числе — храмовая икона «Семь Вселенских Соборов». Стены и своды храма расписаны иконописцами под руководством С. Федорова. В интерьере храма — отреставрированное паникадило XIX в.

17 декабря 1988 г. был освящен небольшой по размеру храм прп. Даниила Столпника. При реставрации восстановили разобранный верх, установили четырехъярусный иконостас, для которого из Музеев Московского Кремля были переданы царские врата XVIII в. Праздничный и деисусный чины иконостаса составлены из икон XVII–XVIII вв. Часть икон деисусного и местного и все образа пророческого рядов написаны в 1986–1988 гг. священником Вячеславом Савиных и художницей Н. Шелягиной.

Симеона Столпника прп. надвратный домовый храм

над Святыми воротами в колокольне

Храм был устроен в начале 1730-х гг. в колокольне над Святыми воротами. Первоначальные Святые ворота были построены до 1680-х гг., затем их перестроили в период между 1683 и 1701 гг., когда возводили новые стены. От того времени сохранилась мощная нижняя трехпроездная часть, украшенная накладными балясинами-кубышками и изразцами. Над вратами в 1731–1732 гг.

на средства купца М. А. Косырева сооружены четверик храма и колокольня (окончена к 1746 г.), высотой в 45 м.

Первоначально храм был освящен по перенесенному сюда из Седмивселенского храма престолу во имя свв. прпп. Симеона и Даниила Столпников. В 1753 г. престол прп. Даниила Столпника возвратили обратно в собор, а в надвратном храме остался престол прп. Симеона Столпника. Храм в колокольне состоял из 3-х частей: алтаря, собственно церковного помещения и притвора. В 1859 г. храм обновлялся.

Первоначально над воротами с двух сторон храма было гульбище с оградой. На колокольне находились 18 колоколов, обладавших, по утверждению специалистов, художественным звоном. Самый большой колокол, весом в 722 пуда, был перелит из старого 300-пудового с прибавлением. Другие наиболее крупные колокола весили 365, 125 и 65 пудов.

В августе 1902 г. в примыкающем к Святым воротам корпусе была освящена единственная в Москве больница-приют для монашествующих, а в декабре того же года после ремонта и соединения с больницей освящен обновленный храм прп. Симеона Столпника. В нем в воскресные и праздничные дни совершались богослужения для больных монашествующих и учеников церковно-приходской школы.

Вскоре после революционных событий октября 1917 г. богослужения в Симеоновском храме, как имеющем признаки домового (соединялся с больницей), были прекращены. В 1922–1923 гг. из надвратной церкви вывезена часть ценностей. В октябре 1922 г. комиссаром ГПУ в присутствии о. Поликарпа (Соловьева) были вывезены из храма серебряные 18 риз с икон, 2 чаши, 3 креста, 3 ковша и другие церковные предметы. В архивном деле Данилова монастыря сохранился датированный 4 апреля 1923 г. мандат на имя инструктора М. С. Фортунатова на ликвидацию домового храма под колокольней в Даниловском монастыре. 16 апреля 1923 г. Фортунатовым была произведена передача ценностей из ликвидированного храма представителям Металлфонда. В составленном тогда акте было указано, что находившийся в церкви «интересный» иконостас заслуживает учета и охраны. Тем не менее, сохранившаяся переписка властей свидетельствует, что храм окончательно так и не был ликвидирован вплоть до 1926–1928 гг. Там еще находился упомянутый выше иконостас с иконами в серебряных ризах. По всей видимости, он стоял на учете в Главнауке Наркомпроса. Последнее упоминание о храме в архивном деле относится к февралю 1928 г., когда Главнаука сообщала в Музейный отдел, что не возражает против предоставления под детскую площадку церковного помещения.

Видимо, в середине 1920-х гг. запретили и колокольный звон в бывшем Даниловом монастыре. В архивном деле монастыря хранится рапорт начальника 7-го Отделения Мосмилиции начальнику Мосмилиции 1-го района (6 июля 1925 г.) с текстом: «Доношу, что вверенное мне отделение, находящееся рядом с бывшим Даниловым монастырем, ежедневно, начиная с 9 часов, под окнами отделения происходит оглушительный звон; последний мешает говорить по

телефону и вообще всей работе отделения…». Далее в рапорте содержалась просьба запретить звон или разрешить его в течение не более 5 минут.

Позже, в 1930-е гг. были снесены глава и верхние ярусы колокольни, храм превратили в склад, а при занятии монастыря детской колонией в Святых воротах устроили контрольно-пропускной пункт. Уникальный набор колоколов, к счастью, не был отдан на переливку, но его продали частному лицу в Америку, потом он оказался в Гарвардском университете.

Восстановление полуразрушенной колокольни началось вскоре после передачи монастырского ансамбля РПЦ. В результате реставрационных работ воссозданы своды, арки, лестничные марши, оконные проемы, полы. Из пожертвованных Псково-Печерским монастырем старинных икон XVII — начала XX в. был составлен новый трехъярусный иконостас с расписными тяблами. Собрал, оформил и дополнил этот иконостас 12-ю праздничными иконами и храмовым образом прп. Симеона Столпника художник-иконописец С. Н. Добрынин.

Возобновленный надвратный Симеоновский храм освящен 27 февраля 1988 г.

Троицы св. Живоначальной собор

Сооружен в центре Даниловского монастыря в 1833–1838 гг. на средства московских купцов братьев К. А., А. А. и В. А. Куманиных и В. П., А. П. и П. П. Шестовых. Проект храма был создан архитектором О. И. Бове, а после его кончины в 1834 г. церковное здание достраивал его младший брат Александр. Торжественное освящение Троицкого храма совершил 13 сентября 1838 г. митрополит Московский Филарет (Дроздов). В том же году позднее были освящены северный придел в честь Зачатия св. прав. Анны и южный во имя прп. Алексия человека Божия.

Троицкий храм представлял собой яркий образец архитектуры позднего ампира. Несколько приземистый четверик его с трех сторон имел монументальные 6-колонные дорические портики, с четвертой восточной — полуциркульную апсиду. Здание храма венчалось световым барабаном, на куполе которого находилась небольшая позолоченная главка с крестом. В центре обширного внутреннего пространства храма был установлен большой главный иконостас в виде триумфальной арки. Придельные иконостасы идентичны друг другу, и их центральные части выполнены в виде небольших, завершенных полусферами ротонд. Интерьер храма отличало богатое убранство, высокохудожественная роспись стен, наличие лепнины и позолоты, богато исполненные киоты. В подклете храма была устроена усыпальница для ктиторов Куманиных, Шестовых и членов их семей. В 1890-е гг. масляная живопись на стенах поновлена иконописцами под руководством И. Ф. Ерзунова.

Вплоть до 1929 г. Троицкий собор оставался действующим. 19 октября 1929 г. храм Постановлением Президиума Мособлисполкома был закрыт и передан «Союзхлебу» под склад муки. 29 октября того же года инспектор Адмотдела

принял от верующих ключи от Троицкого собора, и началось разграбление и уничтожение уникального интерьера, о чем сохранились составленные в октябре–декабре 1929 г. акты. Тогда на склады Госфонда и финансового отдела Моссовета из закрытого собора были вывезены 3 предалтарных иконостаса общей площадью 250 м² (по назначенной властями цене 1 руб. за 1 м²), 2,5 т. «лома цветного металла» (то есть 31 подсвечник, 8 хоругвей), 14 ящиков церковных облачений. Иконы, по всей видимости, передали религиозной общине, которая еще владела Седмивселенским храмом. В архиве сохранился акт передачи в Музейный фонд 3-х икон (в том числе св. блгв. кн. Даниила начала XIX в. и Св. Троицы XVIII в. в вызолоченной ризе с драгоценными камнями).

В 1930-е гг. прекрасной архитектуры Троицкий храм был лишен своей красоты: сломали портики с колоннами, снесли главу, внутри устроили перекрытия, пробили новые оконные проемы и разместили в соборном помещении клуб, библиотеку, столовую и спортзал. Новые хозяева добрались и до усыпальницы ктиторов — надгробия и прах их были кощунственно выброшены.

В таком виде Троицкий собор простоял до начала 1980-х гг. В 1983–1986 гг. реставраторам пришлось заново по сохранившимся чертежам и фотографиям восстанавливать интерьер, портики, главу. Реставрацию собора выполнили по проекту архитекторов В. Беркута и Д. Соколова. Восстановлены были уникальные иконостасы с позолотой, сложные лепные украшения, заново расписаны стены. Иконостасные иконы написал инок Троице-Сергиевой Лавры архимандрит Николай (Самсонов). В подклете собора, где находилась усыпальница, устроили храм в честь Рождества св. Иоанна Предтечи. 27 апреля 1986 г. освятили главный престол Троицкого собора, в 1987 г. — приставной престол во имя прп. Алексия человека Божия, а 23 мая 1988 г. — расположенный в подклете Иоаннорождественский храм. В последнем установлена белокаменная алтарная преграда, и устроен небольшой придел свт. Тихона Патриарха Московского и всея Руси.

Восстановленный Троицкий храм имеет уже и свои святыни. Храмовую икону Св. Троицы (XVI в.) пожертвовало частное лицо в день освящения главного престола. На северо-восточном столпе помещена икона Божией Матери «Троеручица» (XVII в.), там же в верхнем храме находится образ прп. Иоанна Кассиана Римлянина (XVIII–XIX вв.). Последние 2 иконы после окончательного закрытия Данилова монастыря были переданы в действовавшую Святодуховскую церковь на Даниловском кладбище, а после открытия Данилова монастыря возвращены обратно.

В Троицком храме, в нижней его церкви находится ковчег с частицей мощей св. блгв. кн. Даниила. Эта святыня принадлежала архиепископу Феодору (Поздеевскому), впоследствии оказалась в США и была возвращена в Данилов монастырь в 1986 г. архиепископом Вашингтонским, митрополитом всей Америки и Канады Феодосием. Обычно перед святыней совершаются монашеские постриги.

Серафима Саровского прп. храм

Один из первых новооткрытых монастырских храмов Москвы. Первоначально устроен как часовня в подклете больничного корпуса Данилова монастыря в 1984 г. по благословению Патриарха Пимена трудами первого наместника монастыря архимандрита Евлогия. Посвящение часовни Саровскому чудотворцу определил тот факт, что среди пожертвований, поступивших в новооткрытый монастырь, была частица мощей прп. Серафима Саровского, привезенных в Москву соборным протоиереем города Курска. В часовню поместили образ преподобного, выполненный «в рост». В часовне появились также изображение преподобного на камне, его келейные четки и часть монашеской мантии.

Первое время в часовне совершались ежедневные молебны с акафистом св. блгв. кн. Даниилу. Здесь молились рабочие и добровольцы, участвовавшие в возрождении обители.

Позже в часовне были устроены иконостас и престол, и 11 февраля 1988 г. здесь освятили храм во имя прп. Серафима Саровского — в то время первый в Москве, посвященный имени этого святого. Над помещением, где находится храм, возвели небольшую золоченую главку. Стены внутри расписали на темы жития Саровского чудотворца, но при ремонте в начале 2000-х гг. эту живопись убрали. При храме открыли иконную лавку, одну из лучших в Москве конца XX в. В современном храме находятся местные святыни: иконы прп. Серафима Саровского и св. прав. блж. Матроны с частицами мощей этих святых, а также иконы Божией Матери «Умиление» и «Всецарица».

Некрополь

не сохранился

Древний, но сравнительно небольшой по территории Данилов монастырь был известен своим кладбищем. В одном из путеводителей начала XX в. о монастыре было написано так: «обитель не славится обширными соборами, высокими колокольнями и многочисленностью братии, но зато известна каждому грамотному человеку как ковчег, хранящий умственную святыню русской земли. Здесь похоронены дорогие останки знаменитых представителей литературы, поэзии, музыки, бывших в то же время и истинными христианами. Достаточно назвать имена Гоголя, Языкова, Венелина, Хомякова, князя Черкасского, Рубинштейна и Самарина, чтобы понять, какое сокровище русской мысли, русской славы вмещает в своих стенах Даниловская обитель!» Добавим, что на кладбище, занимавшем обширную территорию, были захоронены московские городские головы, купцы-благотворители, профессора, художники, военные и многие др.

Выше, при описании монастырских храмов, мы говорили о находящихся в них захоронениях известных людей и даже семейных усыпальницах. Особенно обширным был семейный некрополь именитых московских купцов Куманиных — постоянных жертвователей на нужды обители. Представители этого

купеческого рода были захоронены в Троицком соборе, у Седмивселенского храма, у северо-восточной башни. На кладбище находились семейные участки известных дворянских фамилий: Воейковых, Голицыных, Мещерских, Раевских, Римских-Корсаковых, Розен, Соймоновых, Черкасских и др.

История формирования некрополя отражает сложную судьбу самого монастыря. Эта история подробно изложена в современном фундаментальном исследовании археолога Л. А. Беляева «Некрополь Данилова монастыря в XVIII–XIX веках» (М., 2012). В этом издании также опубликовано объемное приложение — исследование С. А. Смирнова «Историческое кладбище Московского Данилова монастыря: материалы описания и реконструкция старого кладбища в восточной половине монастыря». Оно основано на архивных фотографиях и списках захоронений конца 1920-х гг., сделанных известным подвижником-некрополистом А. Т. Лебедевым. От монастырского некрополя первых веков его существования ничего, кроме найденных археологами фрагментов погребального инвентаря, не осталось. Такая же ситуация и с кратковременным периодом возрождения обители в середине XVI в. Цельные надгробия XVII–XVIII вв. (том числе и принадлежащие иностранцам) сохранились, главным образом, в кладках стен, фундаментов, столбов, апсид церковных зданий, то есть были использованы как строительный материал. Старые захоронения пострадали и во время регулирования некрополя и прокладки новых дорожек в 1836 г. Позже к монастырю был прирезан большой участок, предназначенный для новых захоронений.

До середины XVIII в. на монастырском кладбище хоронили в основном монашествующих, купцов, людей служащих и простого звания. После запрета во второй половине XVIII в. хоронить в большинстве городских монастырей и на погостах приходских храмов кладбище Данилова монастыря, не подпавшее под этот запрет, стало заполняться могилами известных людей (некоторых из них мы уже упоминали выше).

В отличие от большинства московских монастырских кладбищ некрополь Данилова монастыря сохранял могилы и надгробия известных деятелей конца XVIII — первой четверти XIX в., среди которых: камергер, писатель и поэт, директор Академии наук С. Г. Домашнев (†1795), статс-секретарь Екатерины II, действительный статский советник П. А. Соймонов (†1800), Московский губернский предводитель дворянства Д. А. Олсуфьев (†1808), писатель, собиратель старинных рукописей и книг И. Матрунин (†1816), поэт-сатирик, писатель кн. Д. П. Горчаков (†1824; он был отцом кн. М. Д. Горчакова — командующего войсками в Крыму в 1855 г.), поэт, переводчик, доктор медицины Д. А. Облеухов (†1827) и др. Особо отметим могилы погребенных в этот период известного богослова, духовного писателя, архиепископа Никифора (Феотокиса; †1800), митрополита Грузинского Варлаама (†1830), московского городского головы А. А. Куманина (†1818).

Далее перечислим захоронения известных деятелей культуры и науки: ученого-слависта Ю. И. Венелина (†1839), поэта Н. М. Языкова (†1846), литератора-славянофила Д. А. Валуева (†1846), писателя Н. В. Гоголя (†1852), профессора Московского университета, юриста Ф. Л. Морошкина (†1857), декабриста В. М. Голицына (†1859), одного из основоположников славянофильства,

писателя, поэта и публициста А. С. Хомякова (†1860), городского головы В. А. Куманина (†1863; сына А. А. Куманина), поэта, переводчика, автора воспоминаний М. А. Дмитриева (†1866), писателя А. М. Языкова (†1874), заслуженного профессора Московского университета, основателя Математического общества в Москве Н. Д. Брашмана (†1876), публициста-философа, славянофила Ю. Ф. Самарина (†1876), археолога, историка П. В. Хавского (†1876), математика, поэта, издателя, славянофила Ф. В. Чижова (†1877), основателя Московской консерватории Н. Г. Рубинштейна (†1881), известного педагога П. И. Чепелевской (†1881), художника В. Г. Перова (†1882), публициста-славянофила А. И. Кошелева (†1883), писателя, профессора Московского университета А. И. Менщикова (†1884), декабриста Д. И. Завалишина (†1892), академика, историка литературы, заслуженного профессора Московского университета Н. С. Тихомирова (†1893), профессора права Московского университета Ф. М. Дмитриева (†1894), Московского городского головы И. А. Лямина (†1894), директора Румянцевского музея В. А. Дашкова (†1896), славянофила-публициста Д. Ф. Самарина (†1901), купцов-благотворителей М. И. Ляпина (†1906) и Н. И. Ляпина (†1910), епископа Климента (Верниковского; †1909), писателя, священника Д. С. Дмитриева (†1915), фармацевта В. А. Тихомирова (†1915), врача-гинеколога В. Ф. Снегирева (†1916), заслуженного профессора Московского университета, декана Медицинского факультета Н. А. Митропольского (†1918) и др.

Кладбище Данилова монастыря было и местом упокоения многих военных, среди которых были принимавшие активное участие в войнах с Наполеоном начала XIX в., Отечественной войне 1812 года и Заграничном походе 1813–1814 гг. Перечислим генеральские могилы: генерал-майора А. И. Татаринова (†1804), генерал-майора Алексея Семеновича Кологривова (†1818) и его брата генерала от инфантерии Андрея Семеновича Кологривова (†1825), родственников генерал-майоров В. Д. Арсеньева (†1826; в 1812 г. был Московским губернским предводителем дворянства) и Д. В. Арсеньева (†?), генерал-майоров А. А. Протасова (†1833) и кн. Д. С. Львова (†1834), генерала от инфантерии И. А. Вельяминова 1-го (†1837; был генерал-губернатором Западной Сибири), генерал-майора А. С. Шульгина (†1841; в разные годы был Московским и Петербургским оберполицмейстером), генерала от инфантерии Г. В. Розена (†1841). На могилах некоторых из них стояли высокохудожественные надгробия: гранитный памятник, украшенный беломраморными погребальной урной и барельефами (скульптор И. П. Мартос — ?) на захоронении Андрея Семеновича Кологривова; бронзовая фигура скорбящей женщины, склонившейся перед крестом (повторение созданной около 1825 г. В. И. Демут-Малиновским композиции), на захоронении А. С. Шульгина.

Современники отмечали, что в 1910-х гг. монастырское кладбище было уже почти полностью занято захоронениями. Историк московских некрополей А. Т. Саладин писал в 1917 г.: «Все кладбище разделяется на две части — около собора старое и дальше, направо, за особыми воротами — новое. Могилы почти всех известных лиц находятся недалеко друг от друга около собора, настоятельского дома и церкви Живоначальной Троицы». Саладин также отметил, что

«...кладбище Даниловского монастыря, знаменитого могилами славянофилов, это — настоящий уголок, где представители славянофильства и люди, близкие им по духу, собрались в тесную семью. К ним присоединились некоторые представители ученого мира и, наконец, чем особенно дорого это кладбище, здесь находится могила Н. В. Гоголя». Столетие со дня рождения писателя в 1909 г. особо торжественно отмечали в Даниловом монастыре.

В сложившемся к началу XX в. монастырском некрополе выделим, помимо славянофильского уголка, еще и значительное число могил (около 10) виднейших общественных деятелей, в частности, уже упомянутых московских городских голов — Куманиных, Ляминых, Черкасских, а также благотворителей Ляпиных и др.

Наступившая после октябрьского переворота 1917 г. эпоха гонений на Церковь решила судьбу и самого монастыря, и его исторического некрополя. С середины 1920-х гг. началось разорение уникального монастырского кладбища. Пытаясь спасти хотя бы наиболее значимые могилы, кладбищенская комиссия краеведческого объединения «Старая Москва» составила список необходимых к безусловному сохранению 30 могил и памятников «известных деятелей науки и культуры». Однако и это малое число погребений сохранить не удалось. Краеведы и реставраторы неоднократно обращали внимание властей на проявления вандализма по отношению к памятникам. Даже руководство советского жилтоварищества, занимавшего часть строений бывшей обители, писало в адрес Моссовета в мае 1929 г.: «В течение года кладбищенское имущество расхищается, как-то: тащат кресты, решетки, раскрывают покрытые цинком склепы».

С переходом территории монастыря к приемнику все кладбище вообще было назначено к сносу. Сохранились и опубликованы сделанные А. Т. Лебедевым летом 1930 г. жуткие фотографии: складированные к вывозу целые и разбитые надгробия, разоренные участки, сломанные решетки. Усилиями краеведов, реставраторов, писателей были спасены от уничтожения и вывезены в 1931 г. на новое Новодевичье кладбище надгробия Н. В. Гоголя, А. С. Хомякова, Н. Г. Рубинштейна. В Донской монастырь удалось перевезти памятник-изваяние Христа работы М. М. Антокольского, стоявший на могиле первого русского профессора-текстильщика Ф. М. Дмитриева (†1882), и перенести прах художника В. Г. Перова.

Так в 1930-е гг. погиб старинный московский монастырский некрополь.

Изменение ситуации в 1990-е гг. в отношении РПЦ и связанные с этим перемены в судьбах бывших московских обителей коснулись и Данилова монастыря (причем он был первым, переданным РПЦ — еще в 1980-е гг.), о чем мы уже писали выше. Здесь же следует особо сказать о частичной регенерации утраченного монастырского кладбища. К моменту передачи обители РПЦ от него не осталось никаких внешних следов. Как писал один из активных участников археологического надзора при восстановлении Данилова монастыря Л. А. Беляев, «...историческая поверхность кладбища оказалась полностью утраченной, ...монастырь представлял сплошную асфальтово-газонную пустыню, в центре которой возвышался типовой памятник Ленину. Глубинная зона кладбища (то есть

сами могилы) также была сильно перекопана: при советской власти в монастыре располагался “детприемник”, руководство которого поощряло охоту за ценностями…». Кроме того, масштабные земляные работы, снятие верхней части грунта проводились чрезвычайно спешно, небольшая группа археологов не имела возможности методично зафиксировать остатки некрополя. Костные останки, найденные при этих работах, переносили в специально устроенный невдалеке от Троицкого собора склеп. Позже, как упоминалось, над этой костницей-криптой архитектор Ю. Г. Алонов построил поминальную часовню. Неподалеку от поминальной часовни установили каменный резной крест XIII в., подаренный патриархом-католикосом всех армян Вазгеном I. Рядом на стене укреплены мраморная доска в память известного слависта Ю. Венелина, похороненного на монастырском кладбище в XIX в., а также еще 3 подобные доски славянофилу А. И. Кошелеву, настоятелю Иерусалимского подворья в Москве Филарету (Мавромихали) и славянофилам, погребенным на кладбище. С восточной стороны настоятельского корпуса, где были захоронения Н. В. Гоголя и А. С. Хомякова, установлены в их память два барельефа.

Изучение и восстановление отдельных могил известных деятелей продолжилось и в 2000-х гг. Под руководством Л. А. Беляева в 2006–2007 гг. у южной стены Седмивселенского собора в результате археологических раскопок было найдено место захоронения видного деятеля православия архиепископа Никифора (Феотокиса; 1731–1800), и позже здесь установлен беломраморный крест с соответствующей надписью на подножии на русском и греческом языках. В 2008 г. подобные работы были произведены и на месте, где у настоятельского корпуса в 1852 г. был погребен Н. В. Гоголь. Позже на месте первоначального захоронения писателя установили памятник в виде восьмиконечного креста.

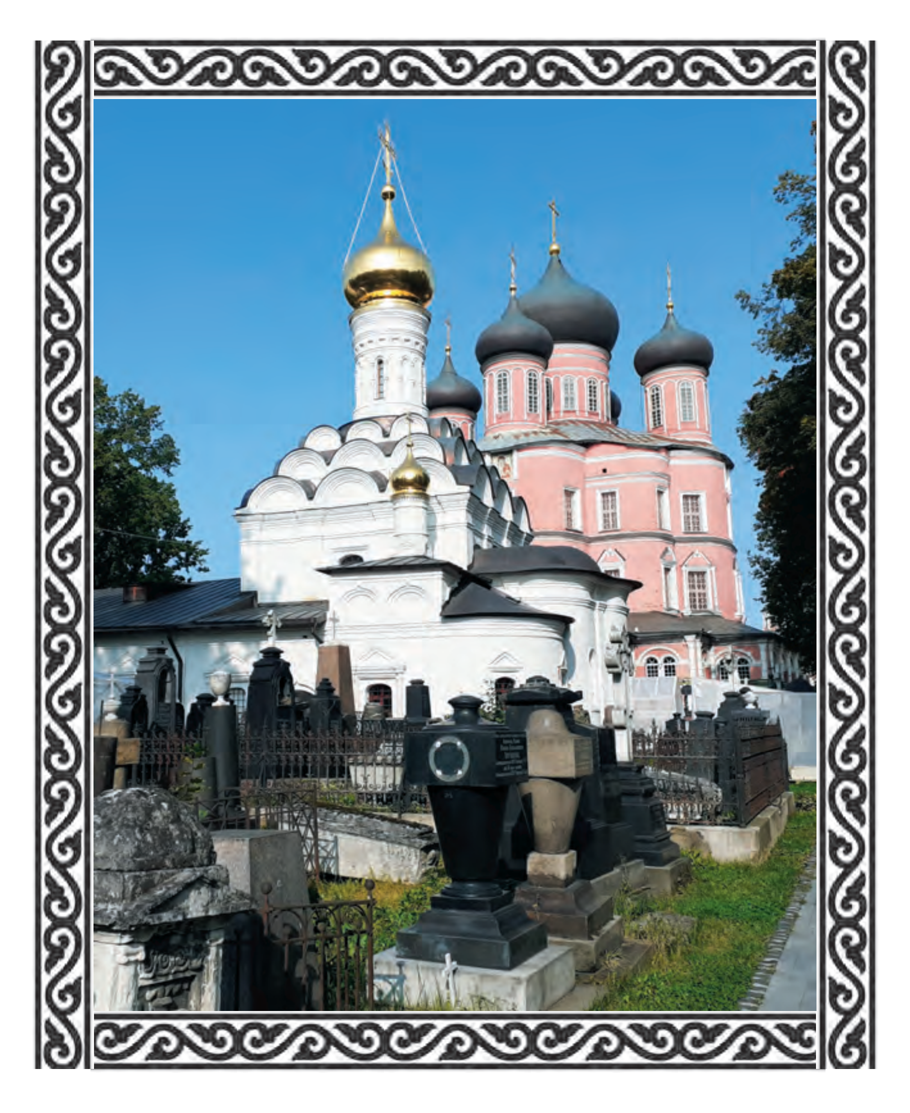
В 2012 г. издан капитальный труд, в который вошли вышеуказанные археологические исследования и где опубликованы известные фотографии кладбища и отдельных надгробий конца XIX — начала XX в. и списки погребенных.

Источники и литература:

1. *Дионисий, архимандрит.* Даниловский мужской монастырь третьего класса Московской епархии в Москве : краткий очерк. — М., 1898.— 138 с.
2. *Денисов Л. И.* Из истории Московского Данилова монастыря // МЦВ. — 1902. — № 13. — С. 171–174.
3. *Денисов Л. И.* Освящение храма во имя преподобного Симеона Столпника при больничном приюте для монашествующих в Даниловом монастыре в Москве. — М., 1903.
4. Св. благовреный князь Московский Даниил и Даниловский монастырь в Москве / *Еп. Димитрий Можайский.* — М., 1916. — 15 с.
5. *Тихон (Емельянов), архимандрит и др.* Московский Данилов монастырь. — М., 1988. — 64 с.
6. *Козлов В. Ф.* Судьбы монастырских кладбищ Москвы (1920–30-е гг.) // Московский некрополь : История. Археология. Искусство. Охрана : сб. — М., 1991. — С. 48–67.
7. *Зеленская Г. М.* Несокрушимые духом. Судьба насельников московского Данилова монастыря // Памятники Отечества. — М., 1992. — № 2/3 (26/27). — С. 109–115.
8. Сорок Сороков : краткая иллюстрированная история всех московских храмов : [в 4 т.] / собр. П. Паламарчук; фот. П. Паламарчука, А. Демченко. — Т. 1. Кремль и монастыри. — М., 1992. — С. 263–279.

9. *Зеленская Г. М.* Светильники горящие : судьбы насельников московского Данилова монастыря 1920-х гг. // Даниловский благовестник. — 1993. — № 1 (6). — С. 57–65.
10. *Козлов В. Ф.* Церковь преподобного Серафима Саровского в Свято-Даниловом монастыре // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Январь. — М., 1993. — С. 54–56.
11. *Козлов В. Ф.* Данилов монастырь // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Март. — М., 1994. — С. 80–90.
12. *Беляев Л. А.* Древние монастыри Москвы по данным археологии. — М., 1995. — 458 с.
13. *Саладин А. Т.* Очерки истории московских кладбищ. — М., 1996. [о кладбище Даниловского монастыря — С. 116–134].
14. *Ловкунас Н. А.* К истории строительства храма Святых Отцов семи Вселенских соборов // Даниловский благовестник. — 1996. — № 8. — С. 107–115.
15. *Козлов В. Ф.* Дело № 121 группы верующих при Даниловском монастыре : Обитель святого благоверного князя Даниила и другие московские монастыри в 1920-е гг. по архивам московской милиции // Там же. — 1998. — № 9. — С. 48–62.
16. Памятники архитектуры Москвы : Юго-восточная и южная части территории между Садовым кольцом и границами города XVIII в. — М., 2000. [О Даниловском монастыре — С. 203–222].
17. Первый на Москве : Московский Данилов монастырь. — М., 2000. — 324 с.
18. *Петрова Т.* Возвращение даниловских колоколов // Журнал Московской Патриархии (ЖМП). — 2004. — № 3. — С. 14–18.
19. *Беляев Л. А., Маштафаров А. В., Р. П. Э., Кочетов Д. Б.* Данилов во имя преподобного Даниила Столпника московский мужской монастырь // ПЭ. — Т. XIV. — М., 2006. — С. 135–149.
20. *Рогозина М. Г.* Собор Живоначальной Троицы в Даниловом монастыре // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Великий Пост. Святая Пасха. — М., 2007. — С. 354–362.
21. *Беляев Л. А.* Некрополь Данилова монастыря в XVIII–XIX веках : историко-археологические исследования (1983–2008). — М., 2012. — 504 с.
22. *Смирнов С. А.* Историческое кладбище Московского Данилова монастыря : материалы описания и реконструкция старого кладбища в восточной половине монастыря // *Беляев Л. А.* Некрополь Данилова монастыря в XVIII–XIX веках : историко-археологические исследования (1983–2008). — М., 2012. — С. 281–475.

Донской ставропигиальный мужской монастырь

Донская площадь, д. 1

В начале XX в. – 9 храмов с 15 престолами

Александра Свирского прп. храм-усыпальница

Донской иконы Божией Матери Большой собор
Сретения Господня в подклете храм-усыпальница

Донской иконы Божией Матери Малый собор
Сергия Радонежского прп. придел
Феодора Стратилата св. вмч. придел

Захарии св. пророка и Елисаветы св. прав. в колокольне (над западными воротами) храм

Иоанна Златоуста свт. и Екатерины св. вмц. храм-усыпальница (двухъярусный)
Екатерины св. вмц. в подклете придел

Иоанна Лествичника прп. храм-усыпальница

Михаила архангела св. храм-усыпальница

Серафима Саровского прп. и Анны Кашинской св. блгв. кнг. на Новом кладбище храм
Сошествия Святого Духа и Всех Святых придел
Успения Пресвятой Богородицы и Марии Магдалины св. равноап. придел

Тихвинской иконы Божией Матери надвратный (над северными воротами) храм

ИСТОРИЯ ДО 1917 г.

Донской монастырь — один из самых обширных монастырей в Москве, к тому же почти без потерь сохранивший свой историко-архитектурный ансамбль, а также первоклассный некрополь. Основан царем Федором Иоанновичем и его шурином боярином Борисом Годуновым в память избавления Москвы от нашествия крымского хана Казы-Гирея в начале июля 1591 г. Тогда в стане русских войск между Тульской и Калужской дорогами в обозе находилась передвижная крепость — так называемый Гуляй-город, в которой установили походную полотняную церковь во имя прп. Сергия Радонежского. В этот храм 2 июля 1591 г. торжественно перенесли известную чудотворную Донскую икону Божией Матери. Перед образом царь Федор Иоаннович молился о спасении Москвы. Казы-Гирей, находившийся в то время у с. Воробьево, неожиданно отступил от Москвы, а православные увидели в этом знак заступничества Богородицы. В память о чуде на месте, где стоял походный храм, Федор Иоаннович «повеле устроити» в 1592 или 1593 г. мужской монастырь. Для него был написан список с чудотворной Донской иконы, поставленный в первый сооруженный тогда же каменный собор (позже известен как «Малый» собор). В течение долгого времени монастырь называли монастырем «Пречистой Богородицы Донской, что в обозе». Он стал последним из сооруженных на южных подступах к Москве монастырей-сторожей. Монастырь сильно пострадал в Смутное время, восстановлен при царе

Михаиле Федоровиче. Внимание к Донской обители — памятнику чудесному избавлению от полчищ крымских татар, возрастало в период военных действий с турками и татарами в XVII в. Так было в 1646 г. во время нападения Крымского ханства на южнорусские земли, в годы Чигиринских походов (1677–1678 гг.) и Крымских походов (1687 и 1689 гг.). Полагают, что эти походы явились одной из причин возведения в 1684–1692 гг. огромного Большого Собора в честь Донской иконы Божией Матери. Освящение собора, сооруженного по обету старшей сестры Петра I царевны Екатерины Алексеевны и других знатных особ, состоялось 21 августа 1698 г. Во второй половине XVII — начале XVIII в. появляются и другие сооружения: первая каменная келия, трехпролетные ворота с севера и запада, завершавшиеся палатками с главами (конец 1670-х гг.), каменная ограда (с конца 1680 до 1711 г.) с 4-мя круглыми и 8-ю квадратными башнями. В первой половине — середине XVIII в. монастырь обогатился еще 4-мя храмами: в честь Сретения Господня, устроенным имеретинским царем Арчилом Вахтанговичем в 1712 г. в подклете Большого Донского собора; во имя прп. Евфимия Великого (1714 г.), построенным на средства стольника И. И. Дурново; надвратным в честь Тихвинской иконы Божией Матери (1713–1714 гг.); во имя свв. пророка Захарии и прав. Елисаветы (1755 г.), сооруженным на пожертвования вдовы царя Иоанна V Алексеевича Прасковьи Федоровны (урожденной Салтыковой) и ее дочери и расположенным в нижнем ярусе надвратной колокольни (1750-е гг.).

В XVIII в. на территории монастыря появилось еще несколько дошедших до нашего времени каменных построек: двухэтажный жилой корпус, в который вошло старое здание караульни (у северных ворот), архимандричьи покои (настоятельский дом; 1749–1750 гг., перестроены в 1779–1781 гг.), новые братские келии (1758–1762 гг., позднее надстроены вторым этажом), больничные келии (1714 г., расширены в 1796 г.), а также хозяйственные постройки (каретник, конюшня и квасоварня — конец XVIII в.). В последние годы XVIII в. на средства Зубовых за алтарем Большого собора был возведен небольшой храм-усыпальница во имя прп. Александра Свирского. Таким образом, был сформирован архитектурный ансамбль Донской обители, включавший 7 храмов и до десятка жилых и хозяйственных построек.

Донской монастырь славился своим крестным ходом, совершаемым из Московского Кремля в воспоминание чудес от Донского образа: в 1649 г. был учрежден постоянный ежегодный — 19 августа, крестный ход из Благовещенского собора в Донскую обитель, в котором принимал участие царь.

В 1683 г. по ходатайству царевны Софьи Алексеевны в монастыре была введена архимандрития.

В разные исторические периоды Донской монастырь обладал различными владениями. Еще царь Федор Иоаннович пожаловал обители близлежащее сельцо Семеновское, а к 1700 г. ей принадлежало уже более полутора тыс. крестьянских дворов. По их числу монастырь был третьим после Чудова и Симонова. Монастырь тогда славился богатыми вкладами из царской казны. На конец XVIII в. к Донскому монастырю были приписаны дальние обители: Видогощская

в Тверском, Жиздринская в Брянском, Шаровкина в Перемышльском, Тихонова пустынь в Малоярославецком, Медведева пустынь в Дмитровском уездах. Донская обитель имела рыбные ловли и перевозы по р. Каме. Монастырь торговал квасом, дрожжами, уксусом собственного производства, а также лесом и кирпичом. Доходы с промыслов, торговли, земельных владений шли на сооружение и благоустройство храмов и других построек, возведение каменной ограды.

Секуляризационные процессы Петровской эпохи отрицательно отразились на благосостоянии обители. Монастырь был обложен дополнительными сборами, лишен части владений. Тем не менее, архимандритам Донского монастыря в 1715 г. было дозволено служить в митре, с рипидами, с палицею и с ковром. С 1721 г. обитель подчинялась непосредственно Св. Синоду, а в 1745 г. стала ставропигиальной, занимая 6-е место в монастырской иерархии. В 1730–1740-е гг. в ней проживали до 60–70 монашествующих.

Секуляризация 1764 г. сильно пошатнула благосостояние обители, у которой были отняты все многочисленные земельные владения и приписные монастыри. Донской монастырь был отнесен к первоклассным со штатом в 33 чел. братии. Во время Чумного бунта 1771 г. обитель приобрела печальную известность, когда у ее стен толпою был зверски убит московский митрополит Амвросий (Зертис-Каменский), а потом погребен в Малом Донском соборе.

В Донской монастырь в XVIII в. едва не перевели после пожара в Заиконоспасской обители Славяно-греко-латинскую академию, однако переезд не состоялся из-за отсутствия необходимых помещений. Зато с 1799 г. на территории Донской обители почти три десятилетия находился Духовно-цензурный комитет.

XIX в. внес мало новшеств в архитектурный ансамбль Донского монастыря. Пожалуй, самой значительной постройкой стал сооруженный в 1809 г. на месте обветшавшего храма Евфимия Великого храм в честь св. Михаила архангела, ставший усыпальницей рода Голицыных. В 1812 г. Донской монастырь, как и другие обители, подвергся разорению и разграблению. Сохранилась лишь наиболее ценная утварь из ризницы, вывезенная предварительно в Вологду на 5 подводах. Французы снимали ризы с икон, оклады с Евангелий, забирали продовольствие, творили кощунства в храмах, стреляли в иконы и раскалывали их. После изгнания неприятеля из Москвы и окончания военных действий восстанавливать монастырь помогали казачий атаман граф М. И. Платов и казачество.

С 1835 г. в монастыре размещалось Донское духовное училище, дававшее начальное образование. Подобные учебные заведения, в которых учились мальчики из семей священно- и церковнослужителей существовали в XIX — начале XX в. еще в 2-х московских обителях: Заиконоспасском и Спасо-Андрониковом монастырях. В XIX в. Донской монастырь славился своим духовным хором. Его организации во многом способствовал архимандрит Феофан (Александров) — церковный композитор и педагог, возглавлявший Донскую обитель в 1832–1850 гг.

Среди настоятелей Донского монастыря было немало известных церковных деятелей. Со второй половины XIX в. управляющими обителью, как правило, назначались архиереи. При настоятельстве архиепископа Евгения (Казанцева) известным историком и археологом И. Е. Забелиным по документам

монастырского архива была написана и в 1865 г. издана первая печатная книга по истории обители. Второе исправленное и дополненное издание было напечатано к 300-летию обители в 1893 г. К юбилею были отремонтированы и приведены в порядок все монастырские постройки.

В последнее десятилетие XIX в. монастырь обогатился еще 2-мя небольшими храмами, имевшими характер усыпальниц. В 1888–1891 гг. на средства купцов Первушиных у настоятельского корпуса была сооружена церковь во имя свт. Иоанна Златоуста и св. вмц. Екатерины (архитектор А. Г. Венсан), а в 1896–1898 гг. на средства генерал-майора И. Ф. Терещенко возведен в русском стиле XVII в. пятиглавый небольшой храм во имя прп. Иоанна Лествичника.

В конце XIX — начале XX в. в монастыре проживало от 30 до 40 монашествующих. Сохранился проект (1890 г., архитектор И. Владимиров) сооружения у северной стены монастыря у Святых ворот 2-х корпусов духовной семинарии. Этот проект так и остался неосуществлённым. Зато в 1908 г. удалось открыть при обители иконописную мастерскую (палату), а в 1909 г. — послушническую школу.

В начале Первой мировой войны в Донском монастыре числилось 20 иеромонахов, 13 иеродиаконов, 3 инока и 4 послушника. Управлял обителью с 1910 г. архиепископ Алексий (Опоцкий). В годы войны монастырь содержал госпиталь для раненых на 45 чел. На территорию обители эвакуировали церковные учреждения Гродненской и Виленской епархий. Сюда же переехала братия Виленского Святодухова монастыря, привезшая из своей обители святые мощи виленских мчч. Антония, Иоанна и Евстафия. С 1915 г. в Донском пребывали и другие святыни Западного края: чудотворная Холмская икона Божией Матери, святые мощи прмч. Афанасия Брестского.

Отметим, что среди монастырских некрополей Москвы, Донскому принадлежит первенствующая роль (подробнее о некрополе см. отдельный очерк). Первые захоронения на территории обители появились с начала ее существования, однако от некрополя конца XVI–XVII в. практически ничего не сохранилось. В XVIII в. кладбище монастыря приобрело характер самого известного и богатого московского (да и российского) дворянско-аристократического некрополя. Кроме того, все храмы и часовни Донского монастыря (за исключением храмов надвратного и в колокольне) выполняли и функцию усыпальниц, в том числе родовых. К началу XX в. кладбище Донского монастыря по существу представляло собой музей высокохудожественных надгробных памятников, различных форм и стилей над захоронениями широко известных военачальников, государственных деятелей, литераторов, ученых, представителей художественных профессий и др.

С течением времени в связи с заполнением территории кладбища внутри монастырских стен возникла потребность в его расширении, и в начале XX в. за стенами обители был прирезан участок для нового кладбища. На нем в преддверии революции построили кладбищенский храм прп. Серафима Саровского и св. блгв. кнг. Анны Кашинской.

ИСТОРИЯ ПОСЛЕ 1917 г.

Судьба Донского монастыря в 1920–1930 гг. по-своему типична для всех московских монастырей. В то же время история этой крупнейшей обители Москвы достойна особого внимания, ибо в советское время там располагался крупнейший

атеистический музей, продолжала существовать религиозная община, находился под домашним арестом Патриарх Тихон, размещалось обновленческое ВЦУ, также монастырь стал местом концентрации церковных древностей из ликвидированных московских храмов. Так получилось, что в стенах Донского монастыря в 1920–1930 гг. странным образом сочетались духовно-религиозная жизнь, музейная деятельность с атеистическим уклоном и работа по охране и изучению памятников.

О первых месяцах и годах после революции в жизни Донского монастыря мало что известно. Фактически все московские монастыри были упразднены как религиозные учреждения первыми советскими декретами и соответствующими инструкциями, и все жилые, хозяйственные помещения в обителях были отданы различным организациям. Донскому «повезло» более других монастырей Москвы. С юридическим упразднением обители в 1918 г. в ней продолжали жить ее бывшие монахи, пытавшиеся сохранить, насколько это было возможно, прежний уклад жизни. Монахи организовали в религиозную общину живших поблизости от монастыря православных. Эта община написала в Моссовет просьбу о передаче ей «для религиозных потребностей всех 9 храмов монастыря». Под заявлением стоит 407 подписей. В ЦГА г. Москвы сохранилось «Дело по регистрации религиозного общества при Донском монастыре», в котором отложились сданные на регистрацию документы: «Список общины бывшего Донского монастыря», включающий краткие анкетные сведения о 157 членах общины, «Список членов Совета», «Анкетный список служителей культа Донской общины» в числе 22 чел. Первым в этот список вписан «Палицын Алексей Михайлович 42 г[ода], настоятель, проповедник», а далее идут фамилии монашествующих. В этом же деле содержится подробнейшая опись церковного имущества всех монастырских храмов, в том числе указаны 306 номеров церковных предметов «Большого собора» с пометкой «Взят на учет музейным отделом Главнауки».

Монастырские храмы сильно пострадали уже во время пресловутого изъятия церковных ценностей в фонд Помощи голодающим. 5 апреля 1922 г. из храмов Донского монастыря было вывезено в Гохран серебряных риз, венцов, богослужебных сосудов, крестов, кадил и другого церковного имущества, общим весом около 14 пудов. В архивном деле сохранилась «Общая опись ценностей, изъятых из храмов Донского монастыря комиссией Замрайона (Замоскворецкого района — *В. К.*)…», в которой числится 124 предмета: ризы, венчики, кресты, драгоценные камни, панагии с драгоценными камнями, ковши, кадила, лампады, богослужебные сосуды. Описи подписаны председателем Совета общины Георгием Евдокимовым. Часть церковного серебра и имущества все же общине оставили как «необходимые для ритуала». В их числе — 42 саккоса, 250 фелоней с принадлежностями и 180 стихарей с принадлежностями.

С начала 1922 г. Донской монастырь неожиданно превратился в один из главных православных центров. В 1923–1925 гг. здесь фактически под домашним арестом находился Патриарх Тихон (Белавин). В 1923–1924 гг. в голицынском храме-усыпальнице св. Михаила архангела была временно устроена Патриаршая канцелярия. Патриарх вынужден был письменно просить об этом

Моссовет. По этому вопросу даже сохранилась переписка, в которой участвовали зловещий Е. Тучков (ОГПУ) и тогдашняя заведующая Музеем при Донском монастыре А. Попенцева. Устраивая канцелярию в Михайловском храме, Патриарх Тихон в письме просил «не изымать его из ведения местной церковной общины, которой он передан по договору и которая выразила мне на это свое согласие».

В 1924 г. центральные и московские власти решили выселить монахов из монастыря. В делах Секретариата ВЦИК сохранилась переписка по этому вопросу. Основанием для нее послужила докладная записка начальника отделения Адмнадзора Шнеерсона начальнику Адмотдела Моссовета Волкову, в которой первый просил ликвидировать московские монастыри, которые «являются рассадниками и очагами суеверий и шантажа» и выселить монахов за пределы Москвы. В Донском монастыре по Постановлению Адмотдела Моссовета от 20 августа 1924 г. в трехдневный срок подлежали выселению в «Киновийский монастырь Сергиевского уезда» 13 монахов. Назначенные к выселению обратились к Председателю ВЦИК М. И. Калинину с просьбой отменить это решение. Они, в частности, писали: «Все мы, подлежащие высыланию лица, проживаем с Октябрьской революции в бывшем Донском монастыре, в голодные годы 1918–1920 гг. во время эпидемий несли коммунальные обязанности могильщиков и сторожей, а также охрана зданий и ценностей бывшего Донского монастыря лежит на нас». Неизвестно, чем бы закончилось дело, если бы не заступничество Патриарха Тихона, направившего личное письмо члену Президиума ВЦИК П. Г. Смидовичу, в котором, в частности, Святейший писал: «…Принимая во внимание обслуживание храма при моем Богослужении, а также и заслуги 1918–1920 гг. по рытью могил во время эпидемии в качестве могильщиков и сторожей, прошу Вас ходатайствовать, Петр Гермогенович, пред ВЦИК об отмене означенного постановления». Смидович, надо сказать, просьбу Патриарха исполнил и 27 августа 1924 г. направил в 6-е отделение милиции отношение с указанием: «…Впредь до нового… распоряжения выселение указанных лиц — приостановите». Так, судя по всему, благодаря просьбе Патриарха монахи остались в родной обители еще на несколько лет, хотя и стали подвергаться всяческим притеснениям.

7 апреля 1925 г. неожиданно скончался Патриарх Тихон. Похоронили его 12 апреля в Малом соборе в присутствии многих тысяч православных. Донской собор с этого времени стал и местом массового паломничества, что вызвало большое неудовольствие властей и надзирающих за храмами ведомств. Активизировались гонения и на монашествующих, некоторые из них стали подвергаться арестам, допросам. В апреле 1926 г. религиозная община получила предписание от Замоскворецкого райсовета освободить теплый собор и передать помещение другой группе верующих. Верующие написали жалобу на действия местных властей председателю ВЦИК М. И. Калинину, которую подписали 3 тыс. православных. Во властных структурах шла тайная переписка по этому вопросу. Так, в фонде Моссовета сохранилось датированное 20 июля 1926 г. с грифом «Совершенно секретно» письмо руководителей секретного отдела (СО) ОГПУ Агранова и Тучкова в Президиум Моссовета, в котором эти известные богоборцы

указывали: «…СО ОГПУ считает, что пользование одной группой верующих четырьмя храмами — явление совершенно ненормальное. Полагаем возможным передачу большого Донского собора… вновь образовавшейся группе верующих, уже подавшей просьбу о том…». Но, встретив сопротивление столь значительного числа верующих, центральные и городские власти отказались от этой затеи. Однако все же в монастыре разместилось обновленческое ВЦУ, там же проводились собрания и съезды обновленческого духовенства. А многочисленные монастырские строения почти все были розданы различным организациям. В здании бывшего Духовного училища устроился интернат подростков «Труд», в другом корпусе — Пчеловодческие курсы. В монастыре разместили даже молочную ферму, и картина монастырского кладбища с коровами, разгуливающими между могильными памятниками, стала весьма обычной. Часть помещений принадлежала МОНО, который сдавал их в аренду под общежитие. В разных зданиях монастыря, по данным на конец 1920-х гг., проживало более 350 чел.

Как уже упоминалось, в монастырских стенах с 1922 г. в течение многих десятилетий располагался Музей (о нем будет сказано ниже в отдельном очерке), который при создании получил историко-бытовой характер, затем был нацелен на изучение и сохранение надгробных памятников исторических некрополей Москвы (включая, в первую очередь, и некрополь самого Донского монастыря), а на рубеже 1920-х — 1930-х гг. — в годы апогея гонений на Церковь, стал Антирелигиозным музеем и целенаправленно пополнялся церковными памятниками, утварью и архитектурными фрагментами закрываемых и уничтожаемых храмов. В середине 1930-х гг. Музей еще раз поменял свой профиль, став архитектурным (ныне ГНИМА им. А. В. Щусева). В таком качестве он просуществовал на территории бывшего монастыря вплоть до конца 1980-х — начала 1990-х гг., собственно, до начала возрождения монашеской жизни в монастыре. Из уже действующего монастыря Музей постепенно к 1993 г. переехал в основное здание — на свое современное место (ул. Воздвиженка).

Возращаясь к жизни бывшей Донской обители в 1920-е гг., укажем, что последнее наступление на монастырские храмы началось в 1929 г. 28 февраля 1929 г. газета «Труд» опубликовала статью «Церковники распоясались», направленную против общины верующих-староцерковников при храмах бывшего Донского монастыря, где указывалось, что из монастыря нужно выселить: бывшую княжну Друцкую, бывшего помещика Полянского, иеромонаха Победоносцева и других (всего 50 чел.). Газета настаивала, на том, что тихоновцы «должны быть выселены», по ее утверждению, община занималась «контрреволюционной пропагандой» и вредительством жилищ. Вслед за газетой в дело ликвидации монастырских храмов включилась Главнаука Наркомпроса РСФСР, ходатайствовавшая об их закрытии. Результатом стало решение, принятое Президиумом Моссовета в апреле 1929 г. о ликвидации Большого и Малого соборов с передачей их Музею Донского монастыря. Верующие обратились с жалобой во ВЦИК. Однако 11 июля 1929 г. член Президиума ВЦИК П. Г. Смидович проинформировал Президиум Моссовета, что просьбы групп верующих о пересмотре Постановления Президиума Моссовета от 19 апреля 1929 г. Президиум ВЦИК

«оставил без удовлетворения». Тогда 27 июля 1929 г. с просьбой к Смидовичу все же оставить верующим для богослужения «хотя бы храм, в котором находится могила Патриарха Тихона», лично обратился заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергий (Страгородский). Но и это не помогло. Окончательная ликвидация на территории монастыря религиозной жизни и изгнание оттуда верующих были делом решенным.

Церковная жизнь в монастырь вернулась спустя 17 лет — сразу же после окончания Великой Отечественной войны. В 1946 г. Московской патриархии был возвращен Малый Донской собор.

Со второй половины 1940-х гг. впервые в послереволюционное время приступили к реставрации отдельных памятников. Большая заслуга в организации всех этих работ принадлежала реставратору Н. Н. Соболеву. Началась трудная и долгая работа по выселению жильцов организаций и предприятий из монастырских памятников. Этот процесс затянулся до 1970-х гг. Коренные изменения в жизни Донского монастыря произошли в год его 400-летия — в 1990–1991 гг., когда вся территория с постройками была возвращена РПЦ.

18 августа 1991 г. Патриарх Алексий II освятил Большой собор. Значимым событием для РПЦ стало обретение 19 февраля 1992 г. мощей свт. Тихона, Патриарха Московского и всея Руси в Малом соборе. Через 5 лет после этого в его келии у надвратного Тихвинского храма был открыт небольшой мемориальный музей. В первые годы возрождения обители в ней открылось свое издательство, которое возглавил иеромонах Тихон (Шевкунов; ныне митрополит Псковский и Порховский). В 1993 г. в обители подвизались 3 монаха и около 30 послушников. С 1994 г. ведет свое начало ставшая ежегодной традиция принесения из Третьяковской галереи чудотворного Донского образа Божией Матери. В 1990-е гг. постепенно после ремонтно-реставрационных работ освятили малые монастырские храмы, и в них по большим и престольным праздникам стали совершать богослужения.

С начала 1990-х гг. в Донском монастыре непрерывно ведутся значительные по объему ремонтно-реставрационные работы, а с 2010 г. они перешли на качественно новый уровень и осуществляются под наблюдением специально созданного Научно-методического экспертного совета. Масштабная, комплексная реставрация в 2010-х гг. проведена в Малом Донском соборе. Приведен в порядок монастырский некрополь, ряд памятников которого тщательно отреставрирован. Вообще в начале XXI в. монастырский некрополь не только стали благоустраивать, но он неожиданно получил и свое развитие. На нем стали хоронить и перезахоранивать известных деятелей русской истории и культуры XX в.

При монастыре в 2010 г. возникла золотошвейная мастерская, а через 3 года были открыты реставрационные мастерские. В обители действуют издательство и паломнический центр.

Большое значение в современном монастыре придается изучению его истории. Собираются сведения о всех исторических периодах, об отдельных храмах, о некрополе. Особо тщательно исследуется история пребывания в монастыре в 1922–1925 гг. Святейшего Патриарха Тихона, а также выявляются материалы

для жизнеописания новомучеников и подвижников обители. Известно, что в 1930-е гг. различного рода репрессиям подверглось около 30 монашествующих, трое из них причислены Церковью к лику святых: сщмч. Александр (Петровский), архиепископ Харьковский, прмчч. архимандрит Гавриил (Яцик) и Тихон (Бузов). Двое последних в 1937 г. были расстреляны на Бутовском полигоне. Особо активная деятельность по собранию и изданию разнообразных материалов по истории обители развернулась в 2010-е гг. при наместнике викарии Святейшего Патриарха, епископе Бронницком Парамоне (Голубке) и сменившем его в 2020 г. архиепископе Каширском, патриаршем викарии Феогносте (Гузикове). В 2015 г. был издан фундаментальный всеобъемлющий восьмисотстраничный, прекрасно иллюстрированный коллективный труд «Донской монастырь», значительная часть которого написана ведущим на сегодняшний день историографом обители М. В. Артюшенко.

В настоящее время Донской мужской монастырь является одним из самых больших и благоустроенных не только в Москве, но и во всей России. В конце 1990-х — 2000-х гг. здесь были возведены 3 новых небольших храма: во имя свт. Тихона (1997 г.), во имя св. Георгия Победоносца (2000 г.) и во имя св. блгв. кн. Александра Невского (2006 г.). В Донском монастыре раз в 3 года совершается чин мироварения (в Малом соборе).

Регулярно по большим праздникам в Донской обители служит Патриарх Всея Руси, монастырь посещали по разным случаям Президенты и премьер-министры России В. В. Путин и Д. А. Медведев, а также делегации практически всех автокефальных православных Церквей. Современная духовная жизнь обители тесно связана и с церковно-общественной и социальной жизнью Москвы и Подмосковья. Монахи окормляют больницы, детские дома, военные части, исправительные заведения. К монастырю приписаны 2 подворья с храмами — в п. Зеленоградский Пушкинского р-на Московской обл. и в с. Князево Рязанской обл.

Донской иконы Божией Матери Старый (Малый) собор

Храм — первое каменное здание монастыря, сооружен в 1592–1593 гг. на месте, где во время нашествия хана Казы-Гирея в обозе русских войск стояла походная полотняная церковь прп. Сергия Радонежского. Прославившийся в этой военной кампании шурин царя Федора Иоанновича Борис Годунов, скорее всего, и был заказчиком собора. По свидетельству современника дьяка Ивана Тимофеева, в первоначальной росписи храма (не сохранилась) было и изображение Бориса Годунова. Некоторые церковные историки полагали, что главный престол собора первоначально освятили в честь Похвалы Пресвятой Богородицы, но позже это посвящение было забыто, и церковь стали называть по чтимой Донской иконе. Как свидетельствует летопись, царь Федор Иоаннович «пречудно украсил ее всякими изрядными лепотами» и в память «преславного чудеси»

поставил в ней Донскую икону Богородицы — точный список с чудотворной иконы из кремлевского Благовещенского собора. По архитектуре мемориальный храм относится к «годуновской школе». Первоначально церковное здание представляло собой небольшой бесстолпный четверик с 3-мя апсидами, завершенный 3-мя ярусами кокошников и высоким барабаном со шлемовидной главой. В стенах были прорезаны узкие окна. Собор перекрывался крещатым сводом. В XX в. некоторые исследователи приписывали сооружение Малого собора знаменитому зодчему Федору Коню, но никаких подтверждений этому не найдено.

Текст монастырской описи позволяет представить внутренний вид собора. Иконостас состоял из 4-х поясов: местного, праздничного, деисусного, пророческого. Храмовая Донская икона Богородицы стояла по правую сторону царских врат, подле образа Спаса Нерукотворного в особом деревянном с позолотою киоте и была украшена серебряным венцом с драгоценными камнями. Справа от Донской иконы стояли местные же иконы свт. Николая Чудотворца с житием и прп. Сергия Радонежского. С левой стороны царских врат находились образа Богородицы «Одигитрии», св. вмч. Феодора Стратилата, тезоименитого царю Федору Иоанновичу, и икона св. Василия Блаженного.

В 1678–1679 гг. при царе Федоре Алексеевиче облик Малого Донского собора существенно изменился. К старому зданию пристроили трапезную, устроили 2 придела: северный во имя вмч. воина Феодора Стратилата и южный во имя прп. Сергия Радонежского — в память об уже упомянутой одноименной походной церкви времен нашествия на Москву Казы-Гирея. Торжественное освящение этих приделов состоялось осенью 1679 г. в присутствии царя. Тогда же к трапезной была пристроена и шатровая колокольня. Некоторые исследователи полагают, что новое строительство и освящение приделов также носили мемориальный характер, что было призвано отметить победы в проходившей тогда войне России с Турцией и вассальным ей Крымским ханством. Вскоре после этого собор усердием царской семьи был обновлен и изнутри. Вся храмовая утварь, как главной церкви, так и в приделах, была заменена новой. Прежние царские врата отданы по царскому указу в новопостроенную церковь свт. Николая Чудотворца в Хамовниках. Новый иконостас был позолочен, в нем появились и новые образа. С правой стороны царских врат поставили поясной образ Спаса Вседержителя, возле которого в золоченом киоте находилась храмовая Донская икона Божией Матери, украшенная новым окладом из золота, серебра и драгоценных камней. Известно, что собор и приделы в конце XVII в. расписывали мастера Оружейной палаты Леонтий Чулков и Федор Евтиев. И. Е. Забелин упоминает написанный для собора в 1668 г. Симоном Ушаковым и подписной Донской образ Божией Матери.

С конца XVII в. Малый Донской собор стал известен захоронениями в нем известных лиц. Так, в 1693 г. в Сергиевском приделе был погребен Яков Кириллов (в постриге Иов) сын известного деятеля, строителя и владельца палат на Берсеневской наб. Аверкия Кириллова. В том же приделе в разное время

были похоронены предки А. С. Пушкина: инок Нифонт (†1715; в миру стольник Н. Б. Пушкин), дед поэта подполковник Л. А. Пушкин (†1790), а позже рядом с ним и его родственники. В разных частях собора в конце XVIII — начале XIX в. погребены генерал-аншеф П. И. Стрешнев (†1771), убитый в 1771 г. во время Чумного бунта Московский архиепископ Амвросий (А. С. Зертис-Каменский), обер-прокурор Св. Синода князь Я. П. Шаховской (†1777), княгиня С. С. Волконская (†1777), княгиня Н. М. Голицына (†1779), М. П. Собакина (†1782), генерал-фельдмаршал Н. Я. Репнин (†1801), Н. Н. Бантыш-Каменский (†1814), московский военный генерал-губернатор А. П. Тормасов (†1819). Беломраморные надгробия над могилами С. С. Волконской, Н. М. Голицыной, М. П. Собакиной и Н. Я. Репнина были сооружены известными скульпторами И. Мартосом и Ф. Гордеевым и после закрытия собора в 1930-е гг. перенесены в Голицынскую церковь-усыпальницу. Под полом собора и трапезной находились могилы и других знатных московских фамилий: Бахметьевых, Васильчиковых, Волконских, Долгоруковых, Измайловых, Нарышкиных, Трубецких и др. Сложилась традиция хоронить в соборе и под колокольней настоятелей Донского монастыря. По подсчетам М. В. Артюшенко, в разное время там были погребены 10 настоятелей в сане архимандритов, епископов и архиепископов.

В течение первой половины XVIII в. собор неоднократно ремонтировался, что изменило его внешний вид. Были переделаны входы в приделы и в трапезную, шлемовидную главу заменили на луковичную, надстроили барабан, сбили примыкающие к нему кокошники, а 2 верхних яруса кокошников перекрыли железной крышей и т. д. В 1785 г. собор был расписан художником Антонио Клаудо.

Храм пострадал во время Отечественной войны 1812 года, когда французы устроили в нем бойню и пекарню, однако уже 4 января 1813 г. был освящен главный престол, а в феврале–марте того же года — и придельные храмы.

Большие по объему ремонтные работы в XIX в. еще более изменили первоначальные формы Малого собора. Окна в алтаре в основном храме и в трапезной растесали, что привело к утрате древних наличников. В 1850-е гг. вместо старого был поставлен новый, сооруженный по проекту Н. В. Дмитриева, резной в древнерусском стиле иконостас. Последние крупные работы, но уже реставрационного характера в старом соборе проводили в 1893 г. — в год 500-летия Донского монастыря. Были открыты из-под железной кровли кокошники, снесены некоторые поздние пристройки, осуществлена новая роспись стен и сводов, отремонтированы полы, очищены надгробия, в Сергиевском приделе установлен новый иконостас. Обновленный храм освятили 16 августа 1893 г. Еще во время проведения реставрационных работ в марте 1893 г. в «Московских церковных ведомостях» была опубликована статья церковного историка священника Сергея Страхова, в которой он предлагал вернуть старому собору имя Похвалы Богородицы.

После 1917 г. Малый Донской собор (в документах того времени он называется «теплой церковью») оставался действующим и был передан религиозной общине. По описи 1920-х гг., в главном храме находилось 59 икон (в том числе 47 в иконостасе), в Сергиевском приделе — 25, а в Феодоровском — более 50 икон.

В декабре 1924 г. с внешней стороны южной стены собора был похоронен убитый неизвестными келейник Патриарха Тихона Яков Полозов, а внутри храма 12 апреля 1925 г. и сам Святейший. На отпевании и погребении его в Донском монастыре присутствовали многие тысячи мирян, 63 архиерея, около 400 священнослужителей.

Могила Патриарха в Малом соборе стала местом паломничества православных москвичей, что, в свою очередь, стало головной болью властей, следивших за духовной жизнью обители. Уже через год после похорон власти попытались передать Малый собор другой группе верующих. 5 апреля 1926 г. инструктор Адмотдела Новиков объявил религиозной общине Донского монастыря («тихоновской», староцерковной ориентации) о том, что теплый храм передается другой группе верующих. Возмущенные члены религиозной общины уже 7 апреля 1926 г. написали заявление-жалобу председателю ВЦИК М. И. Калинину с просьбой «изъятие у нас помещения отменить». Напомним, что хранящееся ныне в ГАРФ в фонде Секретариата ВЦИК заявление «Группы верующих при Донском монастыре» подписали на многих листах около 3 тыс. чел. Среди документов переписки по этому вопросу — и несколько заявлений религиозных обществ Московской губернии. Так, «группа верующих крестьян села Тропарева Московского уезда Ленинской волости» писала во ВЦИК: «Мы, верующие крестьяне села Тропарево, брали икону Донской Божией Матери Донского монастыря ежегодно, наши деды и отцы, и прадеды для удовлетворения религиозных чувств ввиду того, что мы и вся Россия были избавлены от татарского ига, о чем и просим Высший орган Советской власти не лишать нас религиозных чувств и просим оставить в первобытном состоянии Вышеозначенный монастырь с примыкающим к нему церквами…». Видимо, испугавшись последствий, московские власти «сдали назад», и в декабре 1926 г. Секретариат Президиума Моссовета проинформировал, наконец, верующих что «…вопрос о здании теплого собора при Донском монастыре Президиумом Моссовета не рассматривался». Дело было закрыто.

В годы антирелигиозной вакханалии давление безбожников на действующие храмы монастыря усилилось. Попытки закрытия Малого собора увязывались с ликвидацией поклонения верующих могиле Патриарха. В упоминавшейся статье в «Труде» в феврале 1929 г. («Церковники распоясались») говорилось, в частности: «Донской монастырь в свое время приютил в своих стенах известного всем контрреволюционера в митре, патриарха “Всея Руси” Тихона… Могила Тихона круглый год убрана живыми цветами, а около могилы распустились махровые цветы контрреволюции».

Как и в других случаях, власти в механизме ликвидации Донского монастыря использовали музейных работников и реставраторов. 11 марта 1929 г. новый заведующий Главнауки Лиэ и ученый специалист Главнауки, сотрудник ЦГРМ Н. Р. Левинсон направили в Президиум Моссовета официальное письмо «О ликвидации в монастырях-музеях Новодевичьем, Симоновом, Донском культа», в котором, в частности, потребовали закрыть в этих обителях все оставшиеся действующие храмы, которые, якобы, мешают деятельности музеев. 15 апреля 1929 г. Президиум Моссовета откликнулся на просьбу Главнауки, признал «недопустимым» отправление религиозного культа на территории 3-х монастырей и ликвидировал там действующие храмы (Протокол № 28). 15 мая 1929 г. религиозной общине Донского монастыря власти прислали предписание о расторжении договора на основании того, что, якобы, «…с существованием религиозной общины, пользующейся храмом, музейная работа не совместима». Верующие писали, что богослужения совершенно не мешают музейной работе, число пользующихся храмом составляет 6 тыс. чел., а за последние 3 года община потратила на ремонт более 10 тыс. руб. Верующие, желая сохранить хотя бы Малый собор, указывали, что в нем похоронен Патриарх Тихон, который, как они писали в письме, «…в предсмертном послании от имени Православной Церкви настаивал на признании Советской власти всеми верующими и первый ввел за богослужением молитву за нее». В конце письма-жалобы — просьба: «Если же ВЦИК не согласится на это, то просим оставить, по крайней мере, один из храмов и, во всяком случае, тот, в котором похоронен патриарх» (то есть Малый Донской собор).

Высшая власть в лице Президиума ВЦИК летом отклонила просьбу верующих, Малый собор был закрыт и передан музею. Сохранился датированный 13 августа 1929 г. акт, где зафиксировано, что «при ликвидации общины верующих» инспектор Адмотдела Новиков совместно с заведующим историко-художественным и бытовым музеем А. И. Леоновым и научным сотрудником Л. И. Барановой передали общине верующих только 53 церковных предмета. За сим последовало разграбление памятника и уничтожение сформировавшегося за века внутреннего убранства. Обследовавший 20 декабря 1929 г. Антирелигиозный музей сотрудник Главнауки Н. Р. Левинсон с удовлетворением писал в отчете: «В Малом соборе XVI в. выявлено значение и роль монастыря в политике и экономике XVII–XX вв., вплоть до революции. Материал невелик по количеству, но вполне убедителен, расположен по ясно дифференцированным группам и снабжен продуманными и резкими пояснительными надписями. Может быть, следовало бы усилить бичевание личной жизни монашества и подчеркнуть колдовские элементы церковной пропаганды (мощи, амулеты, святыни, мелкие образки и тому подобное). Выявление монастыря-крепости следовало бы усилить сопоставлением с другими “сторожами” Москвы. По политическим соображениям полагаю нецелесообразным выставление “Тихоновщины” в непосредственной близости с местом захоронения бывшего патриарха

(внешне его могила ничем не выделена); такое напоминание может оказать обратный эффект и иметь нежелательные идеологические последствия, тем более, что тут же выставлен его портрет, ранее находившийся на надгробии. Следует, напротив, стараться, чтобы место его могилы, служившее паломничеством, было забыто и невольно не вызывалось бы в памяти посетителей данной экспозицией. Это тем более уместно, что само помещение лишено религиозных эмблем, выбелено и имеет вполне гражданский вид». Сегодня приходится печально констатировать, что написано это известным музейным работником, и реставратором, которому доверяли в 1920-х гг. любители и защитники московской старины.

Обновленный и «музеефицированный» древний Малый собор понравился и осматривавшим его политработниками, писавшим в связи с этим: «Производит очень благоприятное впечатление то обстоятельство, что руководители музея не побоялись поднять руку на церковную живопись и другие предметы культа. Церковь внутри обелена и утратила свой специфичный церковный вид. В помещении размещена экспозиция, рисующая монастырь как опору самодержавия, эксплуататора и контрреволюционера…». Политработники рекомендовали убрать из помещения храма надгробия Репниных, Голицыных, мемориальные доски, что, как было указано выше, собственно и было сделано.

Сведений о бытовании в Малом соборе музея в 1930-е — первой половине 1940-х гг. сохранилось очень мало. На волне начавшегося во время Великой Отечественной войны потепления в отношениях Советского государства с Церковью в 1948 г. Малый собор вернули верующим, и его освятил Патриарх Алексий I (Симанский). Вместо утраченного после 1930 г. иконостаса установили иконостас 1662 г. из московской Харитоньевской в Огородниках церкви, хранившийся в Большом Донском соборе. Собор отреставрировали (восстановили наличники окон трапезной, порталы), в нем установили мироваренную печь, где совершали (до 2014 г.) мироварение для всех епархий РПЦ. На месте захоронения Патриарха Тихона восстановили скромное надгробие. Открытый храм имел статус приходского и был приписан к Ризоположенской церкви на Донской улице.

Ремонтно-реставрационные работы готовились возобновить сразу после передачи монастырских храмов верующим, но 16 ноября 1991 г. собор был подожжен изнутри, пожар заметили и потушили, однако трапезная выгорела. Во время восстановительных работ в феврале 1992 г. были обретены мощи незадолго до этого канонизированного Патриарха Тихона. Позже на могиле Святителя была устроена высокая вызолоченная сень. В 2013–2018 гг. в Малом соборе проведена под руководством А. Л. Баталова масштабная комплексная научная реставрация, в результате которой в алтаре были восстановлены формы окон XVI в., понижен до первоначального уровня пол в храме, восстановлены цоколь, фасады собора и колокольни, главы и т. д.

Наиболее почитаемыми в храме являются иконы Божией Матери Донская (два образа XVIII–XIX вв.), Феодоровская и Знаменская (обе — XVIII в.).

Тихвинской иконы Божией Матери надвратный храм

над северными воротами

Трехпролетные северные ворота — главный вход в Донской монастырь, были устроены в 1693 г. ярославской артелью каменщиков под руководством Алексея Григорьева. Возведенный над ними Тихвинский храм стал третьим в Донском монастыре. Над северными вратами обители его заложили 1 июня 1713 г. по обещанию царицы Парасковии Федоровны — супруги царя Иоанна Алексеевича, и ее дочери царевны Екатерины Иоанновны. Освятил новую трехъярусную церковь 9 декабря 1714 г. преосвященный Стефан, митрополит Рязанский и Муромский. В шестиярусном иконостасе в местном ряду поставили образа свв. первоверховных апп. Петра и Павла, св. Иоанна Предтечи, прп. Алексия человека Божия, св. праведной Анны Пророчицы, свв. великомучениц Параскевы Пятницы, Екатерины — святых, чьи имена носили члены семейства храмоздательницы царицы Парасковии Федоровны. Ее дочь — императрица Анна Иоанновна, пожаловала в 1733 г. надвратной церкви деньги, на которые в том числе устроили каменную лестницу с палаткой. В 1782 г. на средства А. Ф. Татищевой произвели общий ремонт, соорудили новый иконостас, поновили иконы, установили уникальную чугунную решетку, ограждающую паперть.

Тихвинский надвратный храм представлял собой поставленное на четверике трехпролетных ворот трехъярусное, как уже упоминалось, сооружение («под колоколы») со сложным восьмилепестковым планом. Исследователи сравнивают архитектуру церкви с нарышкинскими храмами в подмосковных Троице-Лыкове, Филях, Уборах. С паперти в храм ведут 3 двери, и над каждой из них помещено восьмигранное окно. Второй ярус — круглый в плане. Внутри Тихвинская надвратная церковь невелика.

Храм сильно пострадал в 1812 г. и был вновь освящен после ремонта летом 1815 г. К началу XX в. надвратная церковь обветшала, и около 5 лет богослужения в ней не совершались. В 1910 г. на монастырские средства отреставрировали иконостас, промыли иконы и возобновили церковные службы.

Богослужения в Тихвинском храме были прекращены в первые послереволюционные годы, видимо, в самом начале 1920-х гг. В примыкающих к Святым воротам келиях в 1922–1923 гг. под домашним арестом жил Патриарх Тихон. С гульбища северных ворот он благословлял собиравшихся там православных. По описи 1925–1926 гг. (храм находился в ведении Главмузея), в нем был шестиярусный «иконостас старинного итальянского стиля» с 26-ю иконами, в царских вратах было еще 6 икон, и 5 образов на дереве — в других частях храма.

В середине 1930-х гг. начались реставрационные работы, прервавшиеся с началом Великой Отечественной войны. В 1960-е гг. храм был тщательно отреставрирован снаружи. Ремонтно-реставрационные работы вновь производились в начале 1990-х гг. Старое убранство храма не сохранилось, и в 1990-е гг. был установлен новый иконостас с царскими вратами XVIII в. (из музейных

фондов). Тогда же в примыкающих к воротам келиях открыли мемориальный музей «Келия Патриарха Тихона», где хранятся найденные в могиле святителя при обретении его мощей саккос, митра, четки и другие предметы.

Донской иконы Божией Матери Новый (Большой) собор

Второй собор Донского монастыря строился долго: с 1684 по 1698 г., по причине огромного размера, а также и в связи с рядом обстоятельств. Об этом подробно записано в монастырской летописи по окончании строительства в 1698 (206) г.: «В прошлом во 192 году по изволению благочестивейших Великих государей и Великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всея Великая и Малыя и Белыя России самодержцев и усердному тщанию Великой государыни благоверной царевны и Великой княжны Екатерины Алексеевны, по благословению великого господина нашего святейшего кир Иоакима патриарха Московского и всея России во обители Пресвятые Богородицы Донские зачата строити вновь на новом месте каменная соборная церковь… и во 194 году построена до глав, и за службами Великих государей и за умалением монастырской казны то церковное строение престало и стояло недостроено до 200 году, а с 200 году тщанием и трудолюбным в промыслу радением тоя обители архимандрита Антония и подаянием христолюбцев та церковь начата достраивати главы, кресты…». На сооружение иконостаса и глав средства пожертвовали думный дьяк Я. А. Кириллов и его жена Ирина Симоновна.

Историки появление нового собора связывают со временем знаменитой правительницы Софьи Алексеевны и с военными походами против Крымского ханства, вассала Турции. Возглавлявший Крымские походы князь В. В. Голицын пожертвовал на сооружение собора 500 золотых руб. — огромную по тому времени сумму. Считают, что строительство храма началось после заключения в 1681 г. благоприятного для России Бахчисарайского мирного договора с Крымским ханством. Собор-памятник возводили долго и, в конце концов, он был освящен 21 августа 1698 г. митрополитом Сарским и Подонским преосвященным Тихоном.

Исследователи усматривают в строительстве нового монастырского собора следование прежним замыслам царей Алексея Михайловича и его сына Федора Алексеевича, намеревавшихся построить в Москве Воскресенский храм, для чего в Южную Русь с целью выбрать образец был послан известный мастер Оружейной палаты Карп Золотарев. Полагают, что нереализованный тогда проект и лег в основу Большого Донского собора, ставшего, по мнению искусствоведов, «провозвестником нового направления в московской архитектуре XVII века, получившего название московского (нарышкинского) барокко». Первый историк Донского монастыря И. Е. Забелин опубликовал документы, из которых видно,

что первыми подрядчиками и строителями храма были Микита Лухмяга, Григорий Черноусов, Иван Ферапонтов и Петр Гладец.

Несмотря на внешнюю схожесть церковного здания с украинскими образцами, новый монастырский храм имел и свои особенности. В основе его лежит лепестковый план, к высокому четверику примыкают полукруглые, напоминающие апсиды пристройки. Сам алтарь образован восточным башнеобразным выступом. Четыре боковые главы расположены не на углах четверика, а на выступах-лепестках. Первоначально наружные стены собора были выбелены, цветными были детали декора. По верху собора шел живописный фриз с растительным орнаментом. Вот, как характеризуют архитектурный облик собора современные исследователи: «Мощный пятиглавый храм, поднятый на высокий подклет, окруженный двухъярусной галереей с крестообразно расположенными лестницами-всходами стоит в центре территории монастыря и определяет облик всего ансамбля».

Интерьер нового собора поражал великолепием. Его благоустроение растянулось на многие годы. Мастерами Оружейной палаты и Посольского приказа К. И. Золотаревым, А. А. Андреевым, Г. Алексеевым, И. Федоровым, И. и Ф. Наумовыми, И. Антоновым, А. Емельяновым, В. Ивановым и другими был к 1699 г. создан в несколько приемов высокий, резной, вызолоченный иконостас с иконами. Активное участие в написании икон принимал белорусский мастер Е. Иванов. Главными жертвователями на иконостас были царица Наталья Кирилловна и царь Иоанн Алексеевич. Объемная резь имела своим прототипом западноевропейские барочные формы. Многие иконостасные образа были украшены окладами и венцами с драгоценными камнями. В местном ряду стояла старинная храмовая чудотворная Донская икона Божией Матери, справа от царских врат — обетная икона монахов Донского монастыря, написанная в 1688 г. иеромонахом Ливерием, по другую сторону царских врат в местном ряду — образ Божией Матери Эдесской, написанный по заказу царевны Софьи. В нижнем поле этой иконы помещена коленопреклоненная фигура прп. Алексия человека Божия — небесного покровителя царя Алексея Михайловича. В местном ряду поместили, среди прочих, иконы св. ап. Иоанна Богослова, св. вмц. Екатерины и св. мц. Ирины, чьи имена, соответственно, носили царь Иоанн Алексеевич, царевна Екатерина Алексеевна и Ирина Симоновна Кириллова, вдова думного дьяка Я. А. Кириллова — щедрого жертвователя монастыря.

Роспись стен и сводов нового Донского собора появилась не сразу. Ко времени его освящения в 1698 г. были расписаны только столбы. Существующая же ныне роспись художника Антонио Клаудо по «заданной идее архитектора В. Баженова» появилась только в 1782–1785 гг.

Новый Донской собор включает и находящийся в его обширном подклете храм в честь Сретения Господня, устроенный и освященный 24 сентября 1712 г. имеретинским царем Арчилом Вахтанговичем. До этого, в 1711 г. он похоронил здесь своего сына Александра — главу Пушкарского приказа генерала артиллерии,

а также перезахоронил других сыновей: Давида (†1688) и Мамуку (†1693). В 1713 г. здесь же был погребен и сам Арчил Вахтангович. В храме-усыпальнице позже упокоились супруга Арчила Кетеван и их дочь Дарья (Дареджан) Арчиловна, заботами которой долгие годы благоукрашался храм. На ее средства в 1727 г. деревянные полы были заменены на чугунные, а в 1729–1730 гг. храм был расширен, и алтарь перестроен. Позже Сретенская церковь стала усыпальницей представителей разных знатных грузинских родов, скончавшихся в России: генерал-лейтенанта царевича Бакара, сына царя Вахтанга VI, младшего сына последнего царевича Георгия, поэта и ученого Вахуштия Вахтанговича, представителей родов Багратиони и Дадиани. В Сретенском храме был похоронен греческий митрополит Анфим Эрсекий (†1787).

Подклет храма использовался как усыпальница еще в конце XVII — самом начале XVIII в., когда там были похоронены Милославские, боярин Б. И. Прозоровский (†1705). Позже там нашли успокоение представители известных московских родов: Глебовых, Голицыных, Колычевых, Потемкиных, Турчаниновых и др.

Первоначальный иконостас в Сретенском храме в 1732 г. заменили на новый, вместо которого в 1781 г. был сделан еще один, классического стиля. Однако через 5 лет храм капитально поновили — иконы вновь были написаны художником Антонио Клаудо.

XVIII в. привнес и другие изменения в интерьер и внешний вид Большого собора. В конце 1740-х гг. перестроили северную паперть, в 1750-е гг. появились пожертвованные московским купцом К. М. Замятниным чугунные полы, и пожертвованное атаманом Войска Донского Д. Е. Ефремовым серебряное паникадило с дарственной надписью. С южной стороны к собору в 1748 г. пристроили каменную палатку для ризницы.

В Отечественную войну 1812 года французы разграбили собор, сняли серебряные оклады с икон, забрали все невывезенное в эвакуацию церковное серебро. 13 августа 1813 г. Верхний Донской и нижний Сретенский храмы были освящены архимандритом Иоанном, хотя последствия грабежа оккупантов ликвидировали еще многие годы. Художник П. А. Сафонов исправил и заново вызолотил иконостас, установив на его верх распятие. Была отреставрирована и стенопись. В 1830 г. живопись собора была частично поновлена. Ремонтно-восстановительные работы в храме (поновлена живопись Клаудо, восстановлены утраченные части иконостаса) были проведены и в 1856 г. в связи с предстоящей коронацией императора Александра II.

Большой ремонт и реставрация в соборе велись в юбилейный для обители 1893 г. Благотворитель монастыря полковник И. Ф. Терещенко пожертвовал в собор паникадило и узорчатую решетку на солею.

После октябрьского переворота 1917 г. Большой собор наряду с Малым и еще 2-мя монастырскими храмами был по договору передан религиозной общине, однако, судя по документам, Сретенский нижний храм и обширные

галереи были переданы под открытый в монастыре в 1922 г. музей. Так собор, искусственно разделенный на действующий верхний храм и принадлежащий антирелигиозному по содержанию музею нижний, просуществовал до 1929 г., когда власти приняли решение о прекращении богослужений. Инициаторами «ликвидации отправления культа» в 2-х соборах Донской обители стал именно музей, а также и Главнаука Наркомпроса РСФСР. 19 апреля 1929 г. по их ходатайству Президиум Моссовета постановил закрыть соборы и их здания передать музею. Верующие пытались обжаловать решение московских властей во ВЦИК, но последний оставил жалобу «без удовлетворения», о чем и сообщил Моссовету в июле 1929 г. В декабре того же года реставратор Н. Р. Левинсон писал, что Большой собор занят экспозицией с плакатами и надписями, в алтаре разместили церковные облачения, утварь, богослужебные книги. В выбеленной галерее собора находились предметы живописи (видимо, иконы), деревянная скульптура, сопровождаемая множеством цитат антирелигиозного характера. В документах 1930–1931 гг. упоминается размещенная в Большом соборе «коллекция иконостасов различных вероисповеданий и эпох». В то же время в монастырском соборе сохранялся в неприкосновенности главный иконостас. Собор, как и монастырь, стал пристанищем для святынь и архитектурных фрагментов разоряемых и разрушаемых монастырей и храмов. Это были иконостасы домовых и приходских храмов, а также старинные надгробия XVII–XVIII вв., размещенные под галереей. Сюда же в конце 1920-х гг. из закрытого собора Сретенского монастыря был привезен уникальный огромный резной крест-ансамбль высотой 7 и шириной более 4 м (так называемый Шумаевский крест).

Большой собор выполнял музейные функции до самого начала 1990-х гг. Первые реставрационные в советский период работы были произведены в нем вскоре после Великой Отечественной войны и в 1960-е гг. С перерывами эти работы продолжались более 20 лет.

Ситуация коренным образом изменилась в 1990 г. после возвращения зданий обители РПЦ. Собор освобождался от музейных экспонатов, и уже 18 августа 1991 г. Патриарх Алексий II совершил великое освящение, в соборе начались регулярные богослужения. С этого времени велись и многолетние масштабные реставрационные работы. Были отреставрированы иконостас, росписи в храме и галереи, устроены теплые полы, восстановлено западное крыльцо, установлены новые оконные блоки, расчищены от копоти своды и главный барабан собора.

Главной святыней монастыря считается установленная в местном ряду иконостаса Большого собора чудотворная Донская икона Божией Матери, по преданию, написанная в конце XVI в. и украшенная при царе Федоре Иоанновиче «золотом и драгоценными каменьями». Позже оклад менялся, но всегда выделялся изяществом отделки и был украшен драгоценными камнями. Всех этих украшений образ лишился во время реставраций 1920-х гг.

В современном монастыре и Большом соборе сложилась ежегодная традиция 1 сентября — в день празднования Донской иконы, приглашать в обитель

старинный чудотворный Донской образ из Государственной Третьяковской галереи (ранее икона находилась в Благовещенском соборе Московского кремля). Великой святыней Большого Донского собора являются почивающие в новой серебряной раке перенесенные сюда в 1998 г. из Малого Донского собора святые мощи свт. Тихона, Патриарха Всероссийского.

Захарии св. прор. и Елисаветы св. прав. надвратный храм

в колокольне над западными воротами

Храм был устроен в колокольне в 1755 г., но история сооружения ворот и самой колокольни началась гораздо раньше. В марте 1730 г. архимандрит Иларион обратился к императрице Анне Иоанновне с просьбой выделить средства на сооружение над западными монастырскими воротами колокольни и храма. Ответа не последовало, и на пожертвованные имеретинской царевной Дарьей Арчиловной, графом Ю. А. Головкиным, канцлером А. Б. Куракиным, Дмитриевыми-Мамоновыми и другими средства в июле 1730 г. приступили было к сооружению колокольни, предварительно разобрав «за ветхостью» старые трехпролетные о 3-х главках ворота 1670-х гг. Однако дело со строительством колокольни сильно затянулось. Новые ворота построили в 1735 г. по проекту А. И. Трезини и под наблюдением архитектора И. И. Шейдена (И. Г. Шейделя). Саму же колокольню и храм в ней стали строить только в 1750 г. по проекту архитектора Д. В. Ухтомского и под непосредственным руководством А. П. Евлашева. Летом 1753 г. сооружение над воротами монументальной трехъярусной колокольни было завершено, на нее повесили колокола, а осенью того же года поместили и часы. Ворота с колокольней, по мнению современных историков архитектуры, «…представляют собой цельное, монументальное произведение московской архитектуры середины XVIII в., выразительность которого строится на контрасте трех ярусов — массивного, слабо расчлененного нижнего яруса — “постамент”, отличающегося пластическим богатством форм второго и последнего третьего яруса, стройные пропорции которого усиливают впечатление устремленности колокольни вверх». Однако не все запланированные работы, среди которых, в том числе, была установка скульптур в нишах и ангела с крестом на главку колокольни, удалось выполнить.

13 июня 1755 г. в нижнем ярусе колокольни был освящен храм во имя св. пророка Захарии и св. прав. Елисаветы (в память об императрице Елизавете Петровне). Убранство храма было выполнено на пожертвования графини С. Н. Головиной. На новую колокольню перенесли колокола со старой монастырской колокольни, а также новый 700-пудовый колокол, специально отлитый мастером К. М. Слизовым на пожертвования купцов Ф. и К. Замятиных. Еще

в декабре 1730 г. Елизавета Петровна подарила на строящуюся колокольню 193-пудовый колокол.

После разорения 1812 г. храм в колокольне был упразднен, а его помещение отдали под монастырский архив.

После 1917 г. редкие богослужения в надвратном храме были прекращены, его разделили на 2 этажа и приспособили под жилье.

В 1980-х гг. колокольня была отреставрирована, на ней вновь установили часы. В середине 1990-х гг. храм свв. Захарии и Елисаветы был восстановлен и освящен. В 2014 г. в него был перенесен и установлен иконостас из Малого Донского собора. В начале 2000-х гг. в проездной арке на стенах художником Н. П. Ермаковой были выполнены росписи на тему основания монастыря в конце XVI в., пребывания Патриарха Тихона в монастыре в 1920-е гг. и обретения в 1990-х гг. его святых мощей.

В Захарие-Елисаветинском храме богослужения совершаются в день памяти святых — 18 сентября.

Александра Свирского прп. храм-усыпальница

Расположен к востоку от Большого Донского собора на монастырском кладбище и является усыпальницей семейства Зубовых. Построен в 1796–1798 гг. над могилой графа, тайного советника, сенатора Александра Николаевича Зубова (1727–1795) и захоронениями более ранних членов его семьи и освящен во имя небесного покровителя графа. Инициатором сооружения храма-усыпальницы был старший сын А. Н. Зубова генерал-майор Николай Александрович Зубов (1763–1805). Последний был учеником полководца А. В. Суворова и был женат на его дочери Наталье Александровне. Упомянем и других сыновей А. Н. Зубова: средний, Платон Александрович, стал известен как последний фаворит императрицы Екатерины II и был даже возведен в княжеское достоинство; младший сын А. Н. Зубова, Валериан, командовал войсками на Кавказе.

История возведения храма-усыпальницы началась вскоре после кончины А. Н. Зубова весной 1795 г., когда Н. А. Зубов обратился в Св. Синод с просьбой разрешить сооружение над могилой отца церкви прп. Александра Свирского. В феврале 1796 г. разрешение было получено. В мае 1796 — июле 1798 гг. здание храма было построено, оборудовано и 11 сентября 1798 г. освящено.

Как указывалось выше, в усыпальнице находилась могила графа А. Н. Зубова, а в 1780-е гг. там были погребены его малолетние дети Василий и Екатерина, а также внуки Екатерина и Николай. В 1807 г. здесь похоронили зятя А. Н. Зубова камергера А. А. Жеребцова.

Круглый храм-ротонда представляет собой прекрасный, изящный по силуэту классический мавзолей. Здание перекрыто куполом с небольшой главкой,

украшено коринфскими пилястрами, между которыми устроены 7 окон. Пространство над окнами оформлено круглыми розетками.

В 1812 г. храм был разорен, но усердием графини Натальи Александровны Зубовой его возобновили и 23 июня 1820 г. вновь освятили. Тогда же интерьер храма частично расписали в академической технике живописи. Несмотря на то, что далеко не все члены Зубовского семейства были похоронены в этой усыпальнице (Н. А. Зубов и его жена Н. А. Зубова (урожд. Суворова) были погребены в Троице-Сергиевой пустыне близ Петербурга), Зубовы продолжали заботиться о состоянии своего главного московского мавзолея. На значительные пожертвования графа Платона Александровича Зубова в 1863 г. в храме были проведены масштабные ремонтно-реставрационные работы. Судя по сохранившейся описи имущества 1863 г., в храме находились иконы святых, соименных известным представителям рода: св. прав. Елисаветы, свт. Николая Чудотворца, свв. мчч. Платона и Валериана, св. блгв. кн. Александра Невского. В начале XX в. на пожертвованные графом Александром Платоновичем Зубовым деньги был произведен очередной ремонт.

О том, как выглядел храм-усыпальница внутри в начале XX в., сообщает описание1913 г.: «Внутренняя отделка стен состоит из нескольких изображений, окраски колером, икон по стенам и плит, на которых обозначены имена погребенных лиц. Иконостас устроен в виде портика белого цвета с золотыми украшениями. Иконы в иконостасе малого размера, в рамах и как бы развешаны по пилястрам иконостаса».

На 1926 г. храм-усыпальница прп. Александра Свирского (в описях этого периода именуется «Зубовской церковью») был в числе 4-х храмов, находящихся в пользовании общины верующих, но богослужения в нем не проводились. Тогда, по описи, в храме находились 28 икон (13 в деревянном иконостасе, 6 — в царских вратах, 9 — в других частях церкви). По всей видимости, интерьер храма был разорен в конце 1920-х — начале 1930-х гг.

В 1935 г. в бывшем храме сделали межэтажные перекрытия, на которых разместили архив библиотеки Госстроя СССР.

В 1952 г. и в 1960-х гг. были проведены реставрационные работы, в результате которых починен цоколь, восстановлен декор фасада, разобраны межэтажные перекрытия. В 1996 г. во время последнего ремонта были расписаны стены и установлен новый иконостас. Богослужение в настоящее время совершается в день памяти прп. Александра Свирского — 12 сентября.

Михаила архангела св. храм-усыпальница

Сооружен в 1806–1809 гг. в южной части монастыря по проекту архитектора И. В. Еготова как храм-усыпальница семьи Голицыных на месте, где до этого стояла больничная церковь во имя прп. Евфимия Великого.

Первая Евфимиевская церковь с больничными келиями была построена в 1714–1715 гг. и освящена 20 января 1715 г. Храм возведен на средства Ивана Ивановича Дурново и его матери Пелагеи Алексеевны в вечное поминовение сына И. И. Дурново Ефима, похороненного в 1714 г. в Малом Донском соборе. В 1720-х гг. прах Ефима Ивановича был перезахоронен, здесь же погребли и храмоздательницу Пелагею Алексеевну (†1725), и таким образом церковь стала семейной усыпальницей Дурново. Позже в храме появились захоронения видных представителей и других родов, в частности, Голицыных, Долгоруковых, Сухотиных, Фаминцыных, Прозоровских, Строгановых, Ермоловых, Щербатовых.

В 1793 г. церковное здание капитально отремонтировали, однако в 1805 г. его решили разобрать и по желанию княгини А. А. Голицыной (урожд. Строгановой; 1739–1816), супруги князя Михаила Михайловича Голицына (1731–1804), построить новый храм, освятив его в честь св. Михаила архангела (покровителя рода Голицыных и тезоименитого князю). Заказчиком нового храма стал сын М. М. Голицына, Сергей Михайлович (впоследствии похороненный в новой церкви у алтаря). Освятили храм, отныне ставший усыпальницей Голицыных, 26 сентября 1815 г. Теперь церковное здание представляло собой образец ампирной архитектуры — куб, увенчанный широким барабаном с главой. Главный его вход (ныне заложенный) украшал торжественный портик. Благодаря полукруглой высокой части алтаря вся церковная постройка воспринимается как ротонда. Среди скупого декора стен выделяется лепнина, изображающая воинские трофеи.

Первоначальный интерьер храма не сохранился, иконостас заменили новым в 1845 г. Храм расписывали в 1860, 1877 и 1894–1895 гг. Тогда же, в середине 1890-х гг., был произведен большой ремонт, пристроены каменные тамбуры к южному и северному фасадам, устроены новый притвор и новое крыльцо в трапезной части.

Изменения претерпели и построенные одновременно с первым храмом прп. Евфимия одноэтажные больничные келии. С течением времени они перестраивались, увеличились в 1793 г. пристройкой с западной стороны и в 1880 г. надстройкой 2-го этажа. Корпус к концу XIX в. уже перестал быть больничным, он использовался как жилище для монахов и послушников, а в начале XX в. здесь размещали раненых воинов.

Главным предназначением Михайловского храма было служить усыпальницей. В 1822 г. здесь находилось 13 надгробий рода Голицыных, а позже их число превысило 30. Одним из первых здесь был захоронен М. М. Голицын, над его могилой поставили мраморную женскую фигуру с крестом (скульптор С. С. Пименов). Из старой Евфимиевской церкви в новый храм перенесли прах и надгробные плиты князя В. М. Голицына (1731–1797), а позднее рядом похоронили его жену Наталью Петровну (урожд. Чернышеву; 1741–1837) — по легенде, именно ее в качестве главной героини вывел А. С. Пушкин в своей повести «Пиковая дама». В усыпальнице погребены ее сын московский губернатор

Дмитрий Владимирович Голицын (1771–1844) и его жена, статс-дама, известная благотворительница Татьяна Васильевна. Замечательные беломраморные надгробия над могилами Н. П. и Д. В. Голицыных изваял скульптор Ф. Г. Гордеев. Под чугунной плитой был похоронен герой Отечественной войны 1812 года генерал-лейтенант князь Николай Яковлевич Голицын. Здесь находились могилы и других представителей рода Голицыных.

Статус семейной усыпальницы в значительной степени определил и расписание богослужений, которые до революции проводились редко — в престольный праздник, на Святой неделе и в дни памяти погребенных. Михайловский храм был закрыт для богослужений вскоре после революции 1917 г. и явился основой для образованного в монастыре историко-бытового музея. По описанию середины 1920-х гг., здесь было много икон: в алтаре — 13, в двухъярусном иконостасе — 37, в других местах храма — 48.

Фактически закрытый храм-усыпальница был готовым музеем монументальной надгробной скульптуры. Сюда с середины 1920-х гг. перевозили художественные надгробия из закрытых монастырей, храмов, исторических некрополей, которым угрожала гибель. Так в 1927 г. сюда привезли несколько надгробий с кладбища Спасо-Андроникова монастыря (в том числе памятники Трубецким и Булгари работы скульптора И. Витали), а в 1929 г. после закрытия Малого собора Донской обители были демонтированы и перенесены в Михайловский храм художественные надгробия Н. М. Голицыной (скульптор Ф. Г. Гордеев), П. М. Голицына (скульптор И. П. Мартос). В том же году из нижнего храма закрытого собора Богоявленского монастыря сюда перевезли уникальные высокохудожественные надгробия М. М. и А. Д. Голицыных (скульптор Ж. Гудон). Из закрытого храма св. Димитрия при Голицынской больнице в фамильную усыпальницу Голицыных в Донском монастыре перенесли и надгробный памятник государственному деятелю, дипломату, коллекционеру и меценату Дмитрию Михайловичу Голицыну (1721–1793) (скульптор Ф. Г. Гордеев). Из брюсовской подмосковной усадьбы Глинки в храм переместили надгробие Прасковьи Брюс (скульптор И. П. Мартос), из с. Раменского — надгробие Ф. М. Дмитриева (скульптор М. М. Антокольский) и др. Из закрытой университетской Татианинской церкви привезли 2 коленопреклоненные мраморные фигуры ангелов и поставили их на место разобранного храмового иконостаса. В 1930-е гг. Голицынская усыпальница пополнилась художественными надгробиями из московского Новоспасского монастыря и из Крестовоздвиженского храма на Воздвиженке (снесен).

Таким образом, Голицынская усыпальница невольно превратилась в великолепное и единственное в своем роде собрание мемориальной скульптуры XVIII–XIX вв. Позже, в 1934–1935 гг., при разместившейся на территории бывшего монастыря Всесоюзной академии архитектуры бывший Михайловский храм с необычной экспозицией стал отделом музея архитектуры.

Коренные изменения начала 1991 г., связанные с возрождением монастыря, затронули и бывший храм-усыпальницу. Часть экспонатов музея мемориальной скульптуры из храма вывезли (в том числе фигуры ангелов из университетской церкви). Храм был освящен осенью 1991 г. Там установили хранившиеся в музее царские врата середины XVIII в. из церкви св. Никиты мученика на ул. Старой Басманной. Часть скульптур передвинули к стенам. Позже эти царские врата вернули в родной Никитский храм, а в Михайловском установили обычный иконостас софринского производства. Реставраторами были раскрыты и укреплены замазанные в 1930-е гг. фрагменты росписи конца XIX в., в том числе большая композиция «Нагорная проповедь». В алтаре установили золоченую сень конца XVII в., ранее находившуюся в Большом Донском соборе.

Иоанна Лествичника прп. храм-усыпальница

Из 8-ми храмов Донского монастыря 4 являлись и усыпальницами. Небольшая церковь прп. Иоанна Лествичника, находящаяся близ алтарной части большого Донского собора, выстроена полковником Иваном Филипповичем Терещенко, владевшим небольшой шорной мастерской вблизи Донского монастыря, в 1896–1897 гг. в неорусском стиле — первоначально как часовня-усыпальница. Известны пожертвования И. Ф. Терещенко на ремонт монастырских зданий. В конце декабря 1897 г. в прошении на имя управляющего монастырем епископа Гурия он писал о своем желании устроить в часовне храм прп. Иоанна Лествичника «для приношения Господу Богу бескровной жертвы об упокоении душ усопших родных моих и имея в виду, что размеры часовни и полукруглые выступы ее с восточной стороны вполне позволяют устройство в ней храма». Храмоздатель желал, чтобы в новой церкви совершалась литургия каждый вторник и еще по воскресеньям в течение всего Великого поста.

В апреле 1898 г. разрешение было получено, и спустя полгода небольшая пятиглавая церковь, как уже упоминалось, в русском стиле XVII в., богато украшенная кокошниками, наличниками и карнизами, была готова. В архиве сохранилось ее описание: «Три окна в алтаре, четыре в трапезе и четыре вверху в восьмерике дают много света… Иконы в иконостасе живописные по золотому фону; отделка масляною краской разными колерами деревянного иконостаса, соответствующая его тону церковная обстановка и местные подсвечники из фарфора имеют очень опрятный и изящный вид, который дополняется орнаментами по масляному колерному фону во всем храме и стенною живописью в гранях сводов ближе к восьмерику».

По всей видимости, освящение храма состоялось в конце 1898 г. Богослужения в таких храмах-усыпальницах совершались, как правило, редко — в день престольного праздника и в дни, связанные с памятью погребенных в ней.

Храм-усыпальница, скорее всего, был закрыт для богослужений в первые послереволюционные годы. Первоначальный иконостас не сохранился. Уцелел мозаичный пол со вставленными стеклянными плитками, через которые дневной свет попадает в усыпальницу. Захоронение в храме уничтожено, а саркофаг вынесен из крипты и находится ныне у внешней западной стены церкви. Известно, что в Музее архитектуры им. А. В. Щусева сохраняется подлинное паникадило-хорос из этого храма.

Во время реставрации 1991–1992 гг. был устроен новый иконостас.

Иоанна Златоуста свт. и Екатерины св. вмц. храм-усыпальница

Сооружен в 1888–1891 гг. вблизи от северных ворот монастыря. История появления и строительства храма-усыпальницы восходит к 1878 г., когда на монастырском кладбище был похоронен известный русский предприниматель, жертвователь на нужды Донской обители Иван Андреевич Первушин (1808–1878). По его духовному завещанию в монастыре должен был быть сооружен семейный храм-усыпальница. Исполнителями этого богоугодного дела были назначены его наследники — супруга Екатерина Александровна и сыновья Александр, Василий и Николай.

Купцы Первушины издавна жили в г. Александрове Владимирской губ. Андрей Андреевич Первушин в 1850-х гг. был уже купцом 1-й гильдии, потомственным почетным гражданином г. Александрова, торговал строительными материалами. Он владел гостиницей в Костроме. Его сын Иван Андреевич продолжил дело отца, содержал винный откуп в Ростове Великом, в 1862 г. был избран городским головой этого старинного русского города. Имел пивоваренный завод в Вологде, винный склад в Переславле-Залесском, стал основателем Торгового дома «И. А. Первушин и сыновья». Дело отца продолжил его сын Николай Иванович, купивший на Южном берегу Крыма имения Артек и Кастрополь с виноградниками и винными погребами. По всей видимости, именно в Крыму Н. И. Первушин познакомился с архитектором А. Г. Венсаном, строившим в 1874–1875 гг. в царском имении Ливадия Воскресенскую церковь. В 1886 г. именно он был привлечен Первушиными к проектированию храма-усыпальницы в Донском монастыре.

В марте 1885 г. наследники погребенного в Донской обители И. А. Первушина заключили договор с управляющим монастырем епископом Иаковом (Кротковым) о сооружении в течение 3-х лет храма-усыпальницы во имя небесных покровителей Ивана Андреевича и его жены Екатерины Александровны свт. Иоанна Златоуста и вмц. Екатерины. Храм должен был быть построен на средства Первушиных, по договору в нем могли быть погребены до 20 членов семьи. Документ предусматривал соединение храма галереей с Домом

настоятеля, таким образом, церковь становилась крестовой. Под алтарем храма-усыпальницы предполагалось устройство склепов для настоятелей. Вскоре епископ Иаков скончался, договор монастыря с наследниками изменили, а разрешение на сооружение храма с усыпальницей Св. Синод дал в конце декабря 1887 г.

Архитектором А. Г. Венсаном был составлен проект церкви, в основу которого был положен проект Ливадийского Вознесенского храма, сооруженного в византийском стиле. Перед началом строительства 14 июля 1888 г. Венсан скончался, и сооружение церковного здания продолжали архитекторы В. Д. Шер, В. П. Гаврилин, М. П. Иванов.

К строительству приступили 1 сентября 1888 г., а ровно через 3 года церковное здание было вчерне готово. Иконостас и внутреннее убранство храма исполнил архитектор А. С. Каминский. Однако отделка храма сильно затянулась, и освящение небольшого по размерам нижнего храма во имя св. вмц. Екатерины состоялось только 22 апреля 1897 г. В нижнем храме были сооружены кипарисовый престол, обложенный белыми мраморными плитами, иконостас из белого итальянского мрамора. Белым мрамором был также устлан пол и отделаны стены. В расположенной под храмом усыпальнице находилось мраморное надгробие И. А. Первушина, а в 1901 г. рядом с ним была погребена его вдова Екатерина Александровна, во многом благодаря энергии которой и была сооружена церковь. После ее кончины обустройство верхнего Златоустовского храма замедлилось, а потом и вовсе остановилось. В описании 1910 г. указывалось, что «В верхней церкви иконостас не окончен, предполагается мраморный мозаичный». Современник в 1913 г. писал, что в верхнем храме «стены расписаны лиственным орнаментом в новейшем вкусе, по желто-розовому полю. Места для изображений пока оставлены незанятыми, в восточной части возвышается солея с иконостасом из белого мрамора с мраморной мозаикой».

По всей видимости, почти законченный отделкой храм до революции так и не был освящен. В 1910-х гг. в усыпальнице были похоронены 2 сына И. А. Первушина — потомственные почетные граждане, инженеры Николай (†1914) и Дмитрий (†1916).

Вскоре после революции 1917 г. богослужения в храме прекратились. В 1926 г. Адмотдел указывал, что Первушинский храм у верующих «давно отобран и используется Музейным отделом для своих нужд». Известно, что позже в помещении храма размещались курсы пчеловодов, овощехранилище — интерьер был разорен. Существовал и проект устройства в помещении храма Обществом распространения и развития идей кремации (ОРРИК) музея кремации с панорамой крематория. В 1936 г. в храме разместили фонды Музея архитектуры, через 4 года с купола и колокольни сняли кресты, а в 1944–1949 гг. усыпальницу коренным образом переделали: надгробия уничтожили, прах погребенных членов семьи Первушиных выбросили, пол углубили на 2 м, окна нижнего храма растесали. В нижнем храме на стеллажах хранились стеклянные негативы, была устроена фотолаборатория. Верхнее помещение храма также подверглось

коренной переделке, здесь появилось бетонное перекрытие, остатки мраморного иконостаса зацементировали, сняли со стен весь мрамор и побелили их. В верхнем храме разместили музейные фонды, в том числе чертежи великих русских архитекторов. В середине 1980-х гг. в верхнем храме начали реставрационные работы: раскрыли остатки живописи, часть уцелевшего иконостаса. В 1995–1996 гг. Музей вывез все фонды из здания храма, и на Пасху 1996 г. здесь состоялось первое богослужение. Фасад храма был частично отреставрирован, ликвидировано перекрытие в верхней церкви, в обоих храмах поставили современные иконостасы, расписали стены.

Богослужения в храме совершаются 7 декабря, в день памяти св. вмц. Екатерины.

Серафима Саровского прп. и Анны Кашинской св. блгв. кнг. кладбищенский храм

на новом кладбище Донского монастыря

К началу XX в. на монастырском кладбище почти не оставалось места для новых захоронений, и духовное начальство обители добилось разрешения открытия нового некрополя с внешней южной стороны Донского монастыря. В 1903 г. начались земляные работы, а 25 апреля 1904 г. состоялось торжество закладки храма, проект которого разработал архитектор Иван Сергеевич Кузнецов. В крестообразном кладбищенском храме должны были быть 3 престола, керамический иконостас кузнецовского производства, звонница, а в подполе — 450 склепов, расположенных в 2 яруса. Храм сооружался в русском стиле. К 1908 г. церковное здание вчерне было готово, однако ввиду отсутствия средств строительство было приостановлено. Сооружение и благоукрашение церковного здания закончили незадолго до начала Первой мировой войны, освятили храм 26 мая 1914 г. во имя прп. Серафима Саровского и св. блгв. Анны Кашинской. Иконы для храма писались в иконописной палате Донского монастыря и, по мнению современников, особенно замечательными получились образа свв. прпп. Сергия Радонежского, Серафима Саровского и список с чудотворной иконы Успения Божией Матери из Большого Успенского собора.

В новом кладбищенском храме успели устроить 2 придела, один в честь Успения Пресвятой Богородицы и св. равноап. Марии Магдалины, другой — в честь Сошествия Святого Духа и Всех Святых. В 1914–1917 гг. в склепах под храмом производились захоронения.

Судьба кладбищенской церкви в советский период оказалась печальной, она стала жертвой направленного, прежде всего, против православия движения за кремацию (сожжение тел умерших). Был объявлен конкурс проектов здания крематория, в котором приняли участие многие архитекторы, в том числе и известный К. С. Мельников. Победу в конкурсе присудили проекту архитектора Д. П. Осипова. Сохранилось датированное 13 октября 1925 г. отношение одного из руководителей Москоммунхоза в Адмотдел Моссовета с информацией

о начале работ по устройству крематория в помещении кладбищенской церкви Серафима Саровского и о необходимости срочно убрать из этого храма всю церковную утварь. В ответном письме Адмотдел отвечал, что Серафимовский храм стоит закрытым с 1917 г., культового имущества в нем уже нет, а ключи от него находятся в Музейном отделе Главнауки.

Храм был перестроен до неузнаваемости: шатер и декор были сбиты, а церковное здание надстроили огромным параллелепипедом с узкими окнами. Захоронения из склепов были удалены, а на месте крыльца и входа в алтарь соорудили колумбарий. Полностью было перестроено внутреннее пространство, где был оборудован ритуальный зал и установлены привезенные из Германии кремационные печи. В 1927 г. крематорий стал работать. Возникло уже упомянутое нами общество — ОРРИК, члены которого по воскресным и праздничным дням водили сюда экскурсии.

В 1982 г. кремации прекратились, а помещение верхнего этажа использовалось для траурных мероприятий. После передачи в 1992 г. переделанного под крематорий бывшего церковного здания Донскому монастырю начались трудоемкие работы по возвращению храму его облика. Были демонтированы печи, вывезено различное кремационное оборудование, разобраны перегородки, установлены иконостас, паникадило, восстановлена звонница. В храме возобновлено богослужение, однако для полного восстановления храма предстоит осуществить еще значительные по объему работы.

Что касается нового Донского кладбища, где и был построен в начале XX в. кладбищенский храм, то оно существует до сих пор и является одним из самых больших в Москве (подробнее см. в очерке о некрополе). В 1920-е гг. это кладбище стало первым в СССР кладбищем-колумбарием. Захоронения на нем производились до 1992 г.

Тихона Патриарха Всероссийского свт. храм-усыпальница

Кирпичный храм — одно из последних по времени сооружений в Донском монастыре, возведен в 1997 г. на частные пожертвования как семейная усыпальница Шевченко на месте бывших монастырских огородов. Освящен в 1998 г. В плане церковное здание представляет прямоугольник с ромбовидной алтарной частью. Имеет 9 окон, украшенных наличниками в духе XVII в. Здание покрыто восьмискатной крышей и увенчано луковичной главой, декорированной кокошниками. В интерьере — роспись художника Н. П. Ермаковой в основном на тему жития свт. Тихона. На западной стене — изображение «Страшного суда». В храме установлен небольшой деревянный иконостас.

В подземной цокольной части (усыпальнице) — крипта с приделом в честь св. блгв. кн. Вячеслава Чешского. В приделе — небольшой иконостас из мрамора с иконами, исполненными по греческим образцам. Богослужения совершаются в день памяти свт. Тихона и св. блгв. кн. Вячеслава Чешского.

Георгия Победоносца св. вмч. храм

Один из 3-х небольших храмов, сооруженных в монастыре в новейшее время, после передачи монастырского ансамбля РПЦ. Заложен по благословению Патриарха Алексия II в конце 1990-х гг. в память о победе в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. на месте бывших монастырских огородов. Выстроенная к 2000 г. церковь представляет собой небольшой восьмерик, на округлой крыше которого поставлен миниатюрный полый восьмерик-звонница, переходящий в барабан с луковичной главкой. На гранях главного восьмерика устроены окна с наличниками. Внутри храм в 2001 г. расписан фресками на тему жития св. вмч. Георгия Победоносца. В храме находится деревянный белого цвета иконостас, украшенный золоченой резьбой.

Богослужения совершаются в день памяти св. вмч. Георгия Победоносца.

Александра Невского св. блгв. кн. храм

Сооружен, как и другие новейшие храмы монастыря, по благословению Патриарха Алексия II на месте бывших монастырских огородов. Строительство церковного здания из кирпича завершено к 2006 г. В плане представляет равноконечный крест с небольшой открытой звонницей с западной стороны. Основной объем — четверик — завершается килевидными закомарами и венчается световым барабаном с луковичной главой. В целом внешний архитектурный облик храма определяют стилизованные элементы русской архитектуры XVI–XVII вв. В 2008 г. храм расписан внутри, установлен иконостас в стиле конца XIX в. Великое освящение храма состоялось 4 января 2014 г.

Богослужение совершается 6 декабря — в день памяти св. блгв. кн. Александра Невского.

Некрополь

Особо следует сказать об уникальном сложившемся на территории монастыря и в храмах историческом некрополе. По разнообразию художественных надгробных памятников и роли в истории и культуре Москвы и России похороненных здесь деятелей некрополь не знал себе равных в Московской епархии. Почти во всех монастырских храмах (в 7 из 9) существовали большие и малые усыпальницы, в том числе и строго семейные, а большая часть обширной территории обители была занята некрополем под открытым небом. Почти без значительных потерь он сохранился до настоящего времени. Таких цельных монастырских некрополей в современной России лишь 2 (еще один — в Александро-Невской Лавре в Петербурге). О кладбище в Донском монастыре существует обширная историография, мы же только перечислим наиболее значимые захоронения на открытом воздухе (об исторических могилах и надгробных памятниках

в Большом и Малом Донских соборах, Зубовской, Голицынской, Первушинской и Терещенковской усыпальницах мы уже писали).

Надгробий старше XVIII в. на открытом некрополе, и внутри Старого собора не сохранилось. Высказывалась мысль о том, что почивших монахов и настоятелей в XVIII в. хоронили, возможно, в Андреевском монастыре, к которому одно время была приписана Донская обитель. Первые же могилы (членов грузинского царского двора) в Большом соборе относятся к началу XVIII в. Именно в XVIII в., особенно из-за запрещения хоронить в центральных монастырях Москвы, в Донской обители стал складываться богатый аристократический некрополь. К концу XVIII в. кладбище заняло всю юго-восточную часть за алтарями Старого и Нового соборов. Здесь же к первой трети XIX в. сложился дворянский некрополь — были поставлены надгробия крупным военачальникам, боевым генералам и офицерам, генерал-губернаторам, вельможам, дворянам-владельцам дворцов и имений, министрам. На монастырском кладбище появились захоронения богатых купцов и промышленников; представителей творческих профессий: поэтов, литераторов, актеров, архитекторов, художников, а также просветителей, историков, педагогов, общественных деятелей. На многих могилах были поставлены высокохудожественные памятники из белого камня, мрамора, гранита в виде каменных плит, саркофагов, обелисков, колонн, пирамид, погребальных урн, жертвенников, аналоев, различных скульптурных изображений, фигур ангелов, больших и малых часовен и т. д.

Здесь, под открытым небом, похоронены герои Отечественной войны 1812 года — В. И. Дунин (†1812), И. К. Краснов (†1812), А. В. Воейков (†1815), И. А. Хрущев (†1824), Ф. И. Талызин (†1844), Н. Г. Щербатов (†1848), А. И. Талызин (†1849), «гражданский герой» купец В. В. Варгин (†1859), генерал-лейтенант В. Д. Иловайский (†1860), С. П. Шипов (†1876), и др. На кладбище покоятся и участники Крымской войны (1853–1856 гг.) и, в частности, обороны Севастополя — П. Д. Горчаков (†1869), И. С. Римский-Корсаков (†1875), Я. Ф. Труневский (†1875) и др.

В Донском монастыре погребены предки и близкие родственники поэта А. С. Пушкина: дед Л. А. Пушкин (†1790) в Малом соборе, а у южной стены ризницы Большого собора — бабушка О. В. Пушкина (†1802), дядя В. Л. Пушкин (†1830) и др. По подсчетам некрополиста М. Д. Артамонова, на монастырском кладбище покоятся около 20 родственников, друзей и знакомых М. Ю. Лермонтова: двоюродный дядя поэта П. А. Евреинов (†1857), П. Н. Лермонтов (†1975) — правнучатый племянник поэта, и др. На кладбище сохранились могилы родственников писателей: матери И. С. Тургенева В. П. Тургеневой (†1850), младшего брата Д. И. Фонвизина П. И. Фонвизина (†1803) — директора Московского университета. Известные русские литераторы похоронены, в основном, на старой части кладбища: А. П. Сумароков (†1777), В. И. Майков (†1778), М. М. Херасков (†1807), И. М. Долгоруков (†1823), И. И. Дмитриев (†1837), В. Ф. Одоевский (†1869), П. А. Козлов (†1891). Здесь также упокоились философ П. Я. Чаадаев (†1856), историки Д. Н. Бантыш-Каменский (†1850), В. О. Ключевский (†1911). В разных концах кладбища находятся скромные могилы известных архитекторов, строивших в Москве: О. И. Бове (†1834), Н. И. Козловского (†1878), В. И. Шервуда (†1898), С. У. Соловьева (†1912).

Многие художественные надгробия изготовлены известными скульпторами: Г. Т. Замараевым (памятники сенатору И. И. Козлову (†1788), генерал-майору Л. Д. Давыдову (†1801), В. А. Небольсину (†1803)), И. П. Мартосом (памятники адъютанту генералу-фельдмаршалу Н. В. Репнину (†1801), И. А. Алексееву (†1810) и А. П. Кожуховой (†1827)); В. И. Демут-Малиновским (памятники Е. И. Барышниковой (†1806) и ее сыну И. И. Барышникову (†1829)), И. П. Витали (памятник И. И. Барышникову-старшему (†1834) и С. П. Тутолминой (†1834)), В. И. Шервудом (памятник М. М. Богословскому (†1893)).

Искусствоведы отмечают также высокохудожественные или оригинальные надгробные памятники внуку известного уральского заводчика Н. Демидова П. А. Демидову (†1786), З. А. Бутовской (†1861), хирургу П. А. Дубовицкому (†1868), директору Строгановского училища Ф. Ф. Львову (†1895) и др.

Упомянем, помимо прочих, некоторые надгробия известным московским деятелям: библиографу и поэту С. А. Соболевскому (†1870), археологу, издателю первой русской иллюстрированной газеты А. А. Гатцуку (†1891), историку, археографу директору Московскому Румянцевского музея М. А. Веневитинову (†1901), основателю больницы и первых женских курсов князю А. А. Щербатову (†1902).

В XIX в. на Донском кладбище были сооружены и надгробные памятники в виде больших и малых часовен над могилами: министра, дипломата П. Д. Киселева (†1872), семейств Ураносовых, Хрущевых, Козловых, Левченко, игумении Сергии (княгини Софьи Волконской) и др.

В советское время старое кладбище Донского монастыря (напомним, что в начале XX в. кладбище было заполнено захоронениями, и появился участок за стенами обители — новое Донское кладбище) понесло существенные утраты. В довоенный период были уничтожены отдельные семейные захоронения и надгробные памятники XIX — начала XX в., разобраны часовни над могилами Голицыных, Берг, Волконской, Козловых, Хрущевых и других, уничтожены многие художественные решетки. Во многом монастырский некрополь от дальнейшего разорения и уничтожения спас Музей, существовавший в стенах бывшей обители в 1920-е гг., одной из важнейших задач которого было изучение и охрана старинных художественных надгробий.

В советский период на старом Донском кладбище новых захоронений почти не было, а на немногочисленных новых могилах не появилось сколь-нибудь значимых в художественном отношении памятников. В качестве исключений укажем, например, скульптурный памятник Народному артисту СССР М. Ф. Астангову (†1965), работы скульптора И. М. Рукавишникова, и оригинальный памятник — глыбу природного камня, на могиле известного защитника старины реставратора П. Д. Барановского (†1984).

Уже в наше время, в годы возрождения Донской обители, монастырский некрополь пополнился новыми захоронениями известных деятелей. Так, в июне 2000 г. на старом кладбище перезахоронили останки знаменитого русского писателя И. С. Шмелева (†1950) и его супруги О. А. Шмелевой (†1936), в октябре 2005 г. — останки скончавшихся также в эмиграции генерал-лейтенанта А. И. Деникина (†1947) и его супруги К. В. Дениkиной (†1973) и философа и мыслителя И. А. Ильина (†1954) и его супруги Н. Н. Ильиной (†1963), в 2007 г. — останки похороненного в Чите и перезахороненного в Харбине

генерала В. О. Каппеля (†1920). В 2008 г. за Большим собором похоронили писателя и общественного деятеля А. И. Солженицына.

Упомянем также вкратце о новом Донском кладбище. На нем находятся захоронения многих известных людей. До 1917 г. здесь хоронили представителей творческой интеллигенции, чиновников, военных, в том числе участников Первой мировой войны. Здесь были погребены председатель 1-й Государственной Думы С. А. Муромцев (†1910), художник В. А. Серов (†1911), дочь А. С. Пушкина М. А. Гартунг (†1919) и др. Напомним, что там был в 1903 г. заложен и в 1914 г. освящен храм-усыпальница во имя прп. Серафима Саровского и св. блгв. кнг. Анны Кашинской.

Основные захоронения на новом кладбище связаны уже с послереволюционным периодом. Водоразделом в судьбе этого некрополя стало устройство в 1927 г. крематория (действовал до 1982 г.). Основной формой захоронения стала установка урн с прахом кремированных в ячейках (нишах) специально сооруженных стен-колумбариев. Сегодня насчитывают 63 тыс. ниш, в которых покоится прах ок. 120 тыс. умерших. Общая же численность погребенных на 7 га нового Донского кладбища доходит до 200 тыс. чел.

Укажем также на братские могилы, находящиеся на этом некрополе. Особо выделим 3 братских могилы с массовыми захоронениями праха многих репрессированных в 1930-е гг. видных военачальников, государственных деятелей. Одна из могил в 1996 г. обустроена и украшена скульптурным бронзовым изображением скорбящей женщины. Здесь же в отдельной братской могиле покоится прах свыше 15 тыс. скончавшихся в московских госпиталях раненых воинов Великой Отечественной войны.

В советские десятилетия на новом Донском кладбище упокоились многие известные деятели науки и культуры. Упомянем лишь некоторых из них: А. Н. Гранат (†1933) — один из основателей знаменитого издательства, С. М. Михоэлс (†1948) — актер, режиссер и общественный деятель, А. М. Родченко (†1956) — известный художник-авангардист, П. А. Оцуп (†1963) — известный фотограф, Н. С. Власик (†1967) — генерал-лейтенант, начальник охраны И. В. Сталина, Ф. Г. Раневская (†1984) — Народная артистка СССР, П. А. Судоплатов (†1996) — легендарный разведчик.

Отметим также, что на этом кладбище похоронены многие из тех, кто изучал, популяризировал историю Москвы и ее наследие, в том числе монастырское. Это — П. В. Сытин (†1968), историк, москвовед, директор Музея истории и реконструкции Москвы; В. Я. Либсон (†1991), архитектор-реставратор; Ю. Н. Бураков (†1994), автор первой после советских десятилетий книги о московских монастырях; Б. Л. Альтшуллер (†1998), архитектор-реставратор; Л. В. Иванова (†1999), ученый-историк, москвовед, усадьбовед, инициатор возрождения Общества изучения русской усадьбы и один из инициаторов создания Московского краеведческого общества; С. Е. Кипнис (†2001), некрополист; С. С. Подъяпольский (†2002), архитектор-реставратор; С. К. Романюк (†2015), москвовед; А. Г. Векслер (†2016), главный археолог Москвы и др.

С 1992 г. кладбище закрыто для новых захоронений, за исключением родственных подзахоронений. Ряд стен колумбария находится в неудовлетворительном состоянии, и московскую общественность сегодня тревожат планы его капитальной реконструкции.

Музей

Особого внимания исследователей требует тема, связанная с появившимся в начале 1920-х гг. в монастыре музеем, сыгравшим, несмотря на идеологическую окраску, значительную роль в сохранении историко-архитектурного ансамбля самой Донской обители, а также архитектурных и декоративных элементов разных московских храмов и старинных надгробных памятников. В первые годы революции в 3-х крупных московских монастырях: Новодевичьем, Симоновом и Донском, были открыты историко-художественные и бытовые музеи. Благодаря их существованию какое-то время удавалось сохранять многие элементы монастырского быта, архитектурные памятники.

В Донском монастыре Музей создавался с 1922 г. как историко-бытовой музей XVIII в., что было вызвано, в первую очередь, особенностями богатейшего в Москве монастырского кладбища. Организация такого музея была весьма актуальна, ибо монастырские некрополи одними из первых испытали на себе последствия нигилистического разгула классовых «интересов» и откровенно хулиганских действий. Вот, как описывал архитектор и реставратор С. А. Торопов Донское кладбище в 1921 г.: несколько надгробий сильно пострадали от времени и от «хулиганства граждан, которые сбивают кресты, выковыривают бронзовые доски и клейма, отбивают стекла, обивают скульптуру надгробий и иногда валят совсем покачнувшиеся надгробия. Памятник Хераскову окончательно погиб… Он лишился верхнего скульптурного украшения, разбита на несколько кусков плита…».

Созданный Музей значительную часть своей деятельности сосредоточил как раз на охране некрополя. В январе–апреле 1924 г. заведующей Музеем Донского монастыря была активный член общества «Старая Москва» А. И. Попенцева, затем ее сменил на этом посту художник Г. Н. Горелов. Уже тогда, с середины 1920-х гг., некрополь Донского монастыря стал хранилищем для надгробий разрушаемых московских кладбищ. Так, в декабре 1925 г. сюда были перевезены несколько великолепных надгробий конца XVIII — начала XIX в. из занятого рабочим поселком Спасо-Андроникова монастыря. Однако одновременно с этим происходило и стихийное разрушение отдельных надгробных памятников — процесс, характерный для тех лет. «Невежественными людьми, — сообщали в 1924 г. музейные работники, — разрушаются уже учтенные и охраняемые памятники, такие люди задерживаются и препровождаются в милицию, которая иногда отпускает их безнаказанно, что было, например, с вышеуказанными памятниками Донского монастыря…». К тому же, сами руководители музейного дела не все надгробия считали необходимым охранять. В августе 1924 г. заведующая Музейным отделом Наркомпроса РСФСР Н. И. Троцкая сообщала заведующему Музеем Донского монастыря, что нет возражений против разборки двух, сооруженных в конце XIX — начале XX в. часовен-усыпальниц Голицыных у западного входа в монастырский собор.

Однако в целом судьба кладбища оказалась сравнительно благополучной. Разрушать кладбища начали в Москве в 1920-е гг. повсеместно, и необходимо было где-либо собирать хотя бы наиболее выдающиеся надгробные памятники.

Музей Донского монастыря, не обладая пока помещениями храмов, находившихся в пользовании у общины верующих, мог реально работать только с некрополем. Начинавшаяся в 1920-х гг. вульгаризация истории давала богатую пищу для атеистических размышлений и основанных на них идеологических схематических построений на материале одного из обширнейших и лучших сословных монастырских некрополей, что и стало одной из причин концентрации отдельных надгробий из сносимых некрополей именно в Донском монастыре.

Уже в начале 1927 г. сотрудники Музейного подотдела МОНО решили приспособить Голицынскую церковь-усыпальницу для размещения там ценных тяжелых скульптур. Привезенные с других кладбищ памятники было решено располагать за самой церковью. Такие заблаговременные приготовления были весьма кстати. С конца 1920-х гг. началось массовое закрытие, а затем и разрушение храмов и старинных некрополей. Донской монастырь и его Музей, наряду с Рогожским кладбищем, превратились в своеобразный коллектор, куда из закрытых храмов свозили церковную утварь художественно-исторического значения.

В 1929–1930-х гг. в Голицынскую усыпальницу и на монастырский некрополь музейными работниками были вывезены великолепные скульптурные памятники Голицыным работы Ж. Гудона из закрытого собора Богоявленского монастыря, домовой церкви Первой Градской больницы и др. Немного позже Голицынская усыпальница пополнилась спасенными надгробиями из Новоспасского монастыря и Крестовоздвиженского храма на Воздвиженке, религиозными скульптурами из московских и подмосковных храмов.

Именно на рубеже 1920–1930-х гг. одновременно у различных организаций возникает мысль сохранить полностью старинный некрополь Донского монастыря. На желательность этого указывали и члены общества «Старая Москва», в котором во второй половине 1920-х гг. действовала Кладбищенская комиссия. Тогда же в Москве активно работала и Комиссия по охране могил выдающихся деятелей. 6 апреля 1931 г. Всероссийский Союз Писателей обратился в Президиум Мособлисполкома с письмом, в котором указывалось: «В связи с ликвидацией почти всех монастырских кладбищ г. Москвы возникает вопрос о том, что же делать с могилами выдающихся писателей, художников, деятелей культуры и других, рассеянными по всем этим кладбищам… Немыслимо затерять могилы таких создателей русской культуры, как Гоголь, музыкант Рубинштейн и другие. Единственным выходом из положения было бы создание специального кладбища-заповедника, куда можно было бы со всех остальных кладбищ свезти останки выдающихся деятелей. Наиболее подходящим для этого было бы старое кладбище бывшего Донского монастыря, как единственно уцелевшее из старинных кладбищ». Однако это, казалось бы, естественное и необходимое решение проблемы наталкивалось на сложности, связанные, главным образом, с безумной политизацией музейного дела и беспредельным распространением безбожия в стране.

1929 г. стал решающим в истории Музея Донского монастыря, как, впрочем, и вообще в музейной и памятникоохранительной деятельности в СССР.

Не вдаваясь в причины и обстоятельства этого гибельного для старой культуры процесса, укажем, что именно 1929 г. стал последним для действующих соборов целого ряда московских обителей. Весьма показательно и симптоматично и то, что инициатором закрытия последних церквей — соборов 3-х монастырей-музеев: Донского, Новодевичьего и Симонова, стал никто иной, как Музейный отдел Наркомпроса РСФСР, питавший иллюзии, насчет того, что эти 3 закрытых собора станут центрами экспозиционной музейной работы. В апреле 1929 г. Президиум Моссовета постановил: «Немедленно ликвидировать отправление культа в этих монастырях, согласившись с мнением Главнауки о том, что постоянное соседство организованных в бывших монастырях советских просветительских учреждений-музеев, построенных на антирелигиозной установке, с отправлением на той же территории религиозного культа недопустимо...».

Мы уже писали о судьбе религиозной общины соборов бывшего Донского монастыря. Еще раз обратимся к статье «Церковники распоясались» (газета «Труд», 28 февраля 1929 г.) — вот, как рассматривалась в газете задача монастырского Музея: «Экспонаты музея — документы и различная церковная утварь — убедительно доказывают посетителю всю варварскую дикость религии, алчность и гнусность служителей церкви, теснейшую связь ее с господствующими классами». Надо сказать, что и новое руководство Музея Донского монастыря делало все, чтобы закрыть соборы, преобразовать Музей в антирелигиозный. Директор А. Леонов писал своему руководству: «Главное затруднение — работаем во враждебно-контрреволюционной поповской обстановке». Как он указывал, на территории бывшего монастыря, проживает до 50 чел. «нетрудового населения, тормозящих работу музея как в области музейно-пропагандистской, так и хозяйственной, связанных с общиной верующих тихоновцев». Еще шла церковная служба в соборах, а Музей тут же в монастыре разворачивал кощунственную для верующих антирелигиозную деятельность. 1 мая 1929 г. была открыта дополнительная выставка с красноречивым названием: «Монастырь — капиталист. Монахи — царские чиновники».

Одновременно с этим рассматривался вопрос об устройстве пресловутым ОРРИК в Первушинской церкви-усыпальнице музея кремации с панорамой крематория. Желание устроить такой, безусловно, безбожный антимузей именно в Донском монастыре объяснялось, в первую очередь, устройством на новом монастырском кладбище еще в 1926–1927 гг. в перестроенной кладбищенской церкви-усыпальнице прп. Серафима Саровского и св. блгв. кнг. Анны Кашинской первого в Москве и в СССР крематория.

К 1929 г. существовавший в монастыре Музей приобрел столь агрессивный безбожный характер, что вместе с подобным же музеем в Новодевичьем монастыре стал одним из инициаторов ликвидации последних монастырских храмов. Мы уже упоминали о роли Главнауки в ликвидации монастырских соборов и последних проявлений религиозной жизни на территории бывшего Донского монастыря. В ходатайстве, о котором речь шла выше, специалисты из Главнауки Лиэ и Левинсон 11 марта 1929 г. писали в Президиум

Моссовета, что «...Постоянное соседство советского просветительского учреждения, построенного на антирелигиозной установке, с крепко осевшим гнездом церковников становится все более нетерпимым. Неизбежный колокольный звон, характерные фигуры “бывших” монашествующих и богомольцев, накладывающих отпечаток на все окружение музея, так резко противоречат современным идеологическим заданиям, что должны быть окончательно изгнаны, в первую очередь, с территории музейных монастырей». Напомним, что по итогам этого ходатайства Президиум Моссовета 19 апреля 1929 г. вынес решение ликвидировать соборы и передать их музеям. Узнав об этом 15 мая 1929 г., члены общины бывшего Донского монастыря написали во ВЦИК заявление-жалобу, в котором доказывали, что совершение богослужений в соборах «не составляет препятствии для музейной работы». Верующие писали, что «В храмах Донского монастыря в обыкновенные дни богослужение оканчивается в 10 часов утра, до 6 часов вечера храмы совершенно свободны для музейной работы и осмотра их желающими. В праздники же богослужение оканчивается к 12 часам дня и с 12 часов до 6 вечера храм свободен для осмотра. До сих пор этот порядок, установленный по соглашению с Главнаукой, не возбуждал со стороны ее никаких возражений. Не могут мешать музейной работе и звон колоколов, который давно уже прекращен... для чего же совершенно лишать возможности около 6000 человек молиться в храме, к которому они привыкли?.. Мы ни в чем не нарушили условий договора и содержим храм в полной исправности. За последние три года на один ремонт его нами издержано более 10000 рублей. Кроме того оба храма отапливаются, а это требует немалых сумм, особенно дорого обходится отопление большого соборного храма...». В конце заявления верующие просили «...оставить в нашем пользовании оба храма Донского монастыря. Если же ВЦИК не согласится на это, то просим оставить, по крайней мере, один из храмов и, во всяком случае, тот, в котором похоронен патриарх». Как уже говорилось, Президиум ВЦИК в июле 1929 г. эти просьбы «оставил без удовлетворения», дав «добро» на окончательное закрытие монастырских соборов; повлиять на это решение не смогло и личное ходатайство митрополита Сергия (Страгородского) — заместителя Патриаршего Местоблюстителя.

Закрытие монастырских соборов и последовавшее сразу же за этим изгнание из монастыря последних церковнослужителей и бывших монахов негативно сказалось на всем монастырском ансамбле. Пока здесь присутствовала религиозная община, она еще хоть как-то старалась поддерживать порядок на монастырском кладбище. Хотя еще 29 апреля 1929 г. музейный подотдел МОНО, которому непосредственно подчинялся Музей, в ответ на просьбы заведующего Музеем Л. Леонова разрешил последнему продажу финотделу и Рудметаллторгу ряда надгробий и решеток. Но и этого руководству Музея показалось мало. В архиве сохранился проект договора, подписанный заместителем заведующего Музеем В. Макаровым о благоустройстве монастырской территории. По одному из пунктов этого договора, предполагалось «Сделать проект разбивки территории кладбища под спортплощадку и цветники». Намечалось также устройство

на части кладбища музыкальной эстрады. К осени 1929 г. планы «благоустройства» монастыря стали еще более грандиозными. По мысли заведующего А. Леонова территория монастыря должна была превратиться в «место культурного отдыха» с устройством буфета, студенческого общежития, спортплощадки, детских садов. К счастью, этот план не был реализован. Но опасность для исторического некрополя сохранялась — в 1930 г. музейные работники били тревогу по поводу вывоза с кладбища мраморных надгробий.

После закрытия в середине 1929 г. Большого и Малого соборов Музей распространил свою деятельность на весь монастырь. Музейные фонды быстро пополнялись за счет церковного имущества закрываемых московских храмов, ведь в Донском монастыре было организовано одно из основных музейных хранилищ.

В 1928–1929 гг., судя по отчетам, Музей посетило более 10 тыс. чел., в музее экспонировалось 3 тыс. ценных предметов, библиотека его насчитывала 6 тыс. книг, а архив состоял из 1 тыс. связок — по 200 листов каждая. Входной билет в Музей стоил 15 коп., при этом члены Союза воинствующих безбожников, учащиеся, крестьяне, безработные и члены Общества политкаторжан пропускались бесплатно.

1929–1930 гг., как известно, были переломными в судьбах музейного строительства в стране. Идеологизация музейного дела особенно сильно сказалась на музеях, расположенных в монастырях и усадьбах. Те из них, что не были закрыты, принимали ярко выраженную политическую, антирелигиозную окраску. Оба музея-монастыря — Новодевичий и Донской, стали антирелигиозными. Историко-бытовой музей в Новодевичьем монастыре стал Музеем раскрепощенной женщины (о нем см. ниже). Историко-художественный и бытовой музей XVIII в. в Донском монастыре стал Антирелигиозным музеем искусств.

Незадолго до переименования, в октябре 1929 г., Музей развертывал 3 основных отдела: 1-й — Историко-художественный с экспозицией «Религиозное искусство на службе у эксплуататорского класса». 2-й — Историко-бытовой с экспозициями-подотделами «Монастырь — опора самодержавия», «Монастырь-эксплуататор», «Монастырь-контрреволюционер». 3-й — Отдел художественных надгробий, был посвящен теме «Надгробие как система укрепления господства эксплуататоров». С передачей же в распоряжение Музея соборов началась спешная переделка этих основных отделов под антирелигиозные экспозиции. Стенная живопись Малого собора была забелена, часть надгробий из него перенесли в Голицынскую усыпальницу.

По мнению музейных работников, экспозиция Малого собора должна была рассказывать о значении и роли монашества XV–XX вв. в русской истории и жизни, но, разумеется, в атеистическом духе.

В Большом Донском соборе разместили отдел искусств, ликвидировав все внутреннее церковное убранство, кроме иконостаса, престола, паникадила. Фрески решили не забеливать, однако на стенах развесили плакаты, схемы, разъяснения. Алтарь тоже стал частью экспозиции, в нем разместили облачения, утварь, книги. В обширной соборной галерее экспозиция была посвящена

«возвеличиванию страданий, самоуничижению, покорности», там же поместили деревянную скульптуру и живопись XVIII в.

Третьей крупной экспозицией Музея стала бывшая больничная церковь св. Михаила архангела (Голицынская усыпальница), превращенная в музей надгробий, на примере которых показывалась «классовая идеология в культе мертвых».

Недавний крупнейший центр православия, Донской монастырь быстро превращался в свою антиидею — в вульгарный безбожный музей, призванный разрушать традиционную православную веру, православную культуру и национальные традиции.

А впереди у этого музея было много планов, в том числе устройство в бывшей Первушинской церкви-усыпальнице аудитории с библиотекой, развертывание отдела истории погребений в нижней галерее и на 2-м ярусе в Большом Донском соборе.

Директор антирелигиозного музея в Донском монастыре уже прорабатывал планы превращения своего детища в Безбожный музейный центр Страны Советов. В мае 1930 г. А. Леонов предлагал Главнауке создать Единый Государственный Антирелигиозный музей, в который бы на правах отделений вошли Центральный Антирелигиозный музей в Страстном монастыре, Музей раскрепощения женщины в Новодевичьем монастыре и, наконец, музей в Донском монастыре. В 1930 г. в этот Музей была передана основная часть экспонатов из ликвидированного Музея крепостной обороны в Симоновом монастыре. В архиве сохранилась подробная опись икон, картин, портретов, переданных в Донской музей из Новоспасского монастыря. Среди предметов этой описи — портреты царя Алексея Михайловича, цариц Ирины Михайловны, Прасковьи Федоровны, духовных лиц.

В начале 1930-х гг. Музей стал собирать предметы культа не только православия, но и других вероисповеданий. В начале 1931 г. Музей просил Президиум Моссовета передать для экспозиции утварь закрытых еврейской синагоги в Зарядье, московской Вознесенской лютеранской кирхи, католического костела г. Калуги. В планах Антирелигиозного музея искусств было «улучшение территории бывшего монастыря», превращение ее в «место культурного отдыха, ввиду его посещения трудящимися». По инициативе руководства музея в конце 1931 г. были ликвидированы надгробия за пределами монастырского кладбища, на территории двора.

Летом 1931 г. с разрешения Наркомпроса Антирелигиозный музей произвел обмен экспонатами с Третьяковской галереей. Вместо переданных в Третьяковку 13 памятников (портреты, деревянные религиозные скульптуры, надгробия и др.) Музей получил 15 картин на религиозные темы художников П. В. Басина, А. Е. Бейдемана, В. Л. Боровиковского, Ф. А. Бруни, В. М. Васнецова, В. В. Верещагина, С. И. Грибкова, В. Д. Поленова, С. М. Шухвостова, а также статую Христа работы М. М. Антокольского.

Сама же территория монастыря, где наряду с Музеем находились многочисленные жилые помещения (во всех монастырских зданиях и постройках), а также уникальный монастырский некрополь находились в небрежении и представляли печальное зрелище.

Ситуация стала меняться в середине 1930-х гг., когда вместо Антирелигиозного музея Постановлением Президиума Горисполкома и Моссовета от 29 апреля 1935 г. был создан новый музей, включенный в систему Академии Архитектуры. Музей архитектуры, приняв фонды Антирелигиозного музея, развернул большие ремонтно-реставрационные работы на памятниках некрополя. На свои места было установлено до 300 поваленных надгробий, был отреставрирован ряд монастырских храмов. Сотрудники музея участвовали в спасении фрагментов (скульптур, порталов, наличников, горельефов и проч.) снесенных в 1930-е гг. уникальных памятников архитектуры: храмов Христа Спасителя, Успения на Покровке, Николы в Столпах (Москва), Благовещения в Юрьевце, Калязинского Троицкого монастыря, а также московской Триумфальной арки. В конце 1940–1950-х гг. все эти архитектурные и скульптурные фрагменты были установлены, в том числе, в нишах каменной ограды Донского монастыря.

В разные годы на бывшую монастырскую территорию перевезли и установили старый памятник Н. В. Гоголю, фигуры львов с ворот дома Разумовских на Тверской, обелиски из усадьбы Коньково, фрагменты кованых оград, памятник Екатерине II из подмосковной усадьбы Троицкое-Кайнарджи и др.

Изменения в жизни Архитектурного музея и бывшего монастыря произошли сразу же после Великой Отечественной войны: как уже говорилось, в 1946 г. Московской патриархии был возвращен Малый Донской собор. На отдельных памятниках монастырского ансамбля начались реставрационные работы — впервые в советский период истории монастыря.

В 1964 г. Музей получил название Государственного научно-исследовательского музея архитектуры (ГНИМА) им. А. В. Щусева. Главным зданием этого музея стал дом Талызиных в начале пр-та Калинина (ныне ул. Воздвиженка), а в Донском монастыре остались некоторые отделы и музейные коллекции. В здании Большого собора размещалась экспозиция по истории русской архитектуры дореволюционного периода, в бывшем храме Михаила архангела по-прежнему экспонировались художественные надгробия. В части открытой нижней галереи собора в 1970-е гг. устроили экспозицию старинных надгробий, вывезенных из разных храмов и монастырей.

Музей в Донском монастыре пребывал вплоть до начала 1990-х гг., когда в связи с возвращением монастырского ансамбля РПЦ в 1993 г. музейные фонды и экспозиции были перевезены в основное здание на ул. Воздвиженке. Однако и сегодня на территории возрожденной обители можно видеть следы музейной памятникоохранительной деятельности. По-прежнему музеем под открытым небом, доступным для свободного обозрения, является исторический монастырский некрополь с его выдающимися памятниками. Кроме того, в пряслах восточной и северной стен монастыря с внутренней стороны сохраняются вмонтированные фрагменты декора (наличники, порталы, лестницы, скульптурные

изображения-горельефы и др.) уникальных памятников архитектуры Москвы, в первую очередь, храмов: Успения на Покровке, Николы Большой Крест, Николы в Столпах, храма Христа Спасителя, а также гражданских памятников, в том числе Сухаревой башни. Здесь же находятся фрагменты затопленных при строительстве Угличской ГЭС в 1939–1940 гг. памятников городов Калязина и Юрьевца. На территории монастыря, в нижней открытой галерее Большого собора выставлены спасенные в 1920–1930-е гг. и перевезенные в Музей Донского монастыря надгробия разоренных московских некрополей, а также белокаменный декор, снятый с Красных ворот в процессе их разборки.

Источники и литература:

1. ЦГА г. Москвы. — Ф. Р-1215. — Оп. 1. — Д. 26. Дело по регистрации религиозного общества при Донском соборе.– 59 л.; Оп. 3. — Д. 26. Дело по регистрации религиозного общества при Донском монастыре — 22 л.; Д. 27. Списки служителей культа при Донском монастыре. — 29 л.; Д. 29. Списки служителей культа и членов Совета Донской общины; Д. 109. Дело по регистрации религиозного общества при церкви Успения Божией Матери Новодевичьего монастыря. — 152 л.
2. ЦГАМО. — Ф. 66. — Оп. 18. — Д. 414. Переписка о закрытии церквей… — Л. 32; Д. 449. Переписка по делам религиозных обществ… — Л. 16–17.
3. ЦГАМО. — Ф. 966. — Оп. 4. — Д. 1785. Протокол заседания междуведомственной комиссии по вопросу о переучете и оценке всего церковного имущества Москвы и губернии. — 24 л.; Д. 2506. Переписка с заведующим музеем XVIII в. Донского монастыря. — 92 л.
4. ЦГАМО. — Ф. 4341. — Оп. 1. — Д. 249. Антирелигиозный музей искусства… — 71 л.; Д. 258. Докладная записка и переписка о присоединении к Центральному антирелигиозному музею музеев, помещающихся в бывшем Донском и Новодевичьем монастырях. — 24 л.
5. ГАРФ. — Ф. Р.-1235. — Оп. 59. — Д. 50. Переписка… о закрытии церквей и передаче церковных зданий … 1923–1926 гг.; Оп. 62. — Д. 298. Заявление членов церковных общин и служителей культов…; Оп. 64. — Д. 477. Переписка с НКВД и местными исполнительными комитетами [о закрытии собора Донского монастыря].
6. ГАРФ. — Ф. Р-2307. — Оп. 9. — Д. 116. Переписка с музеем Донского монастыря по административным, финансовым и хозяйственным вопросам. 1924 г. — 130 л.
7. *Горчаков Н. Д.* Описание Донского монастыря в Москве. — М., 1842. — 28 с.
8. *Дмитриев Н. В.* Донской монастырь. — М., 1857. — 20 с.
9. Историческое описание Московского ставропигиального Донского монастыря / сост. И. Забелин. — М., 1865. — 160 с.; 2-е изд., испр. и доп. — М., 1893. — 192 с.
10. Донской монастырь в Москве : (Краткий исторический очерк). — М., 1887. — 20 с.; 3-е изд. — М., 1901. — 19 с.
11. *Доброумов С. И.* Донской монастырь в М. : Исторический очерк со многими рисунками Сергея Доброумова. — М., [1913]. — 40 с.
12. *Аренкова Ю. И., Мехова Г. И.* Донской монастырь : Фотоальбом. — М., 1970. — 160 с.
13. Сорок Сороков : краткая иллюстрированная история всех московских храмов : [в 4 т.] / собр. П. Паламарчук; фот. П. Паламарчука, А. Демченко. — Т. 1. Кремль и монастыри. — М., 1992. — С. 244–262.
14. Донской монастырь. История и современность. Сборник научных трудов / ГНИМА им. А. В. Щусева. — М., 1996. — 124 с.
15. *Козлов В. Ф.* Церковь преподобного Серафима Саровского и благоверной княгини Анны Кашинской на новом кладбище Донского монастыря // Москва православная :

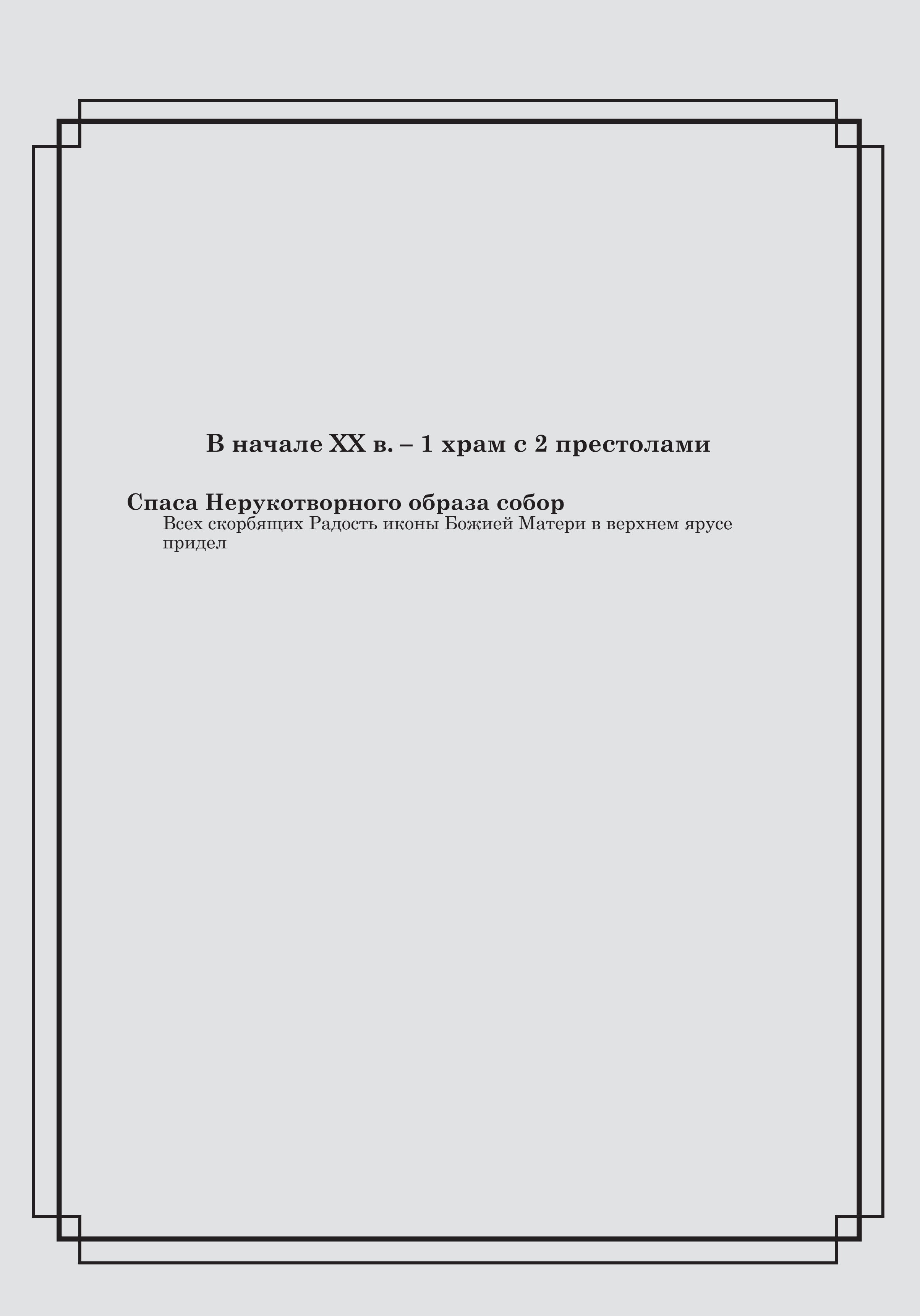
Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Январь. — М., 1993. — С. 53–54.
16. *Козлов В. Ф.* Церковь преподобного Иоанна Лествичника в Донском монастыре // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Март. — М., 1994. — С. 406–407.
17. *Козлов В. Ф.* Московский Донской монастырь в 1920-е годы // Донской монастырь : история и современность. Сборник научных трудов. — М., 1996. — С. 52–61.
18. *Козлов В. Ф.* Церковь Тихвинской иконы Божией Матери над северными воротами Донского монастыря // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Июнь. — М., 1997. — С. 381–382.
19. Памятники архитектуры Москвы. Юго-восточная и южная части территории между Садовым кольцом и границами города XVIII века (от Земляного до Камер-Коллежского вала). — М., 2000. (О Донском монастыре — С. 270–295).
20. Донской ставропигиальный мужской монастырь. Большой собор Донской иконы Божией Матери. Малый (старый) собор Донской иконы Божией Матери // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Август. — М., 2002. — С. 421–443.
21. *Рогозина М. Г.* Церковь Архангела Михаила в Донском монастыре // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Ноябрь. — М., 2005. — С. 136–141.
22. *Казакевич А. Н.* Донской иконы Божией Матери Московский мужской монастырь // ПЭ. — Т. XV. — М., 2007. — С. 679–691.
23. Донской монастырь. [Сборник] / авт.-сост. *М. В. Артюшенко, Т. Д. Божутина, Т. А. Дудина и др.* — М., 2015. — 800 с.
24. *Артюшенко М. В.* Донской ставропигиальный мужской монастырь. 1593–2018. История. Храмы. Некрополь. — М., 2018. — 48 с.

Заиконоспасский ставропигиальный мужской монастырь

ул. Никольская, д. 7/9

В начале XX в. – 1 храм с 2 престолами

Спаса Нерукотворного образа собор

Всех скорбящих Радость иконы Божией Матери в верхнем ярусе придел

ИСТОРИЯ ДО 1917 г.

Точная дата основания монастыря не установлена. Считается, что Заиконоспасский монастырь был построен в конце XVI — начале XVII в., до 1614 г. По документам тех лет, здесь были 2 церкви — каменная и деревянная.

В 1877 г. известный церковный историк архимандрит Леонид (Кавелин) считал Заиконоспасский монастырь («Спас Старый») старейшим в Москве, построенным к торжественному возвращению великого князя Дмитрия Донского после победы на Куликовом поле в 1380 г. В его войске была хоругвь с изображением Спаса Нерукотворного образа, и, якобы, именно этот факт послужил основанием для создания Заиконоспасского монастыря. Однако версия ученого не нашла поддержки у более поздних исследователей.

В XVII в. монастырь назывался Спасским «на Никольском крестце», «на Старом месте», «на Песках», «Спасским Училищным», «Спасским за иконным рядом», «Заиконоспасским». Последнее название, связанное с расположенным неподалеку торговым иконным рядом, утвердилось как окончательное и официальное. В 1660–1661 гг. была сооружена первая из двух каменная соборная церковь. Территория монастыря была весьма обширна и простиралась до начала ул. Никольской.

В 1682 г. к Заиконоспасскому монастырю был приписан московский Покровский монастырь, в 1722 г. — Владычный монастырь в Серпухове.

С первой трети XVII в. монастырь тесно связывает свою жизнь с русским просвещением. Именно к этому времени относится первое упоминание об учебном

заведении в монастыре — «общенародной школе», а с середины XVII в. к названию монастыря прибавляется эпитет «учительный», что вполне соответствовало истине, поскольку в его стенах существовали последовательно учебные заведения, где преподавали известные ученые, а в 1665 г. царь Алексей Михайлович дал деньги на «хоромное строение» — помещение для учителей и учеников.

В 1685 г. на территории монастыря возводят трехэтажное учебное здание — Коллегиум. Торжественное открытие в нем Эллино-греческой академии состоялось в 1687 г. Известный москвовед Н. П. Розанов приводит свидетельство французского дипломата Фуа де ла Невилля, посетившего в 1689 г. Москву и написавшего, что «В. В. Голицын построил огромное здание для Академии, где определил содержать двадцать греческих ученых людей с множеством книг, приказав дворянам отдавать своих детей учиться в Академии». Настоятель монастыря с 1700 г. одновременно возглавлял Академию. На учебу принимали детей знати, приказных людей и духовенства, купечества, посадского населения и крестьян. Первыми преподавателями стали прибывшие в 1685 г. в Москву известные ученые-греки братья Иоанникий и Софроний Лихуды. Они составили первые учебники грамматики, пиитики, риторики, психологии, физики. В XVII в. в Академии начали преподавать греческий в качестве основного, латинский и старославянский языки. После ухода Лихудов руководство Академией взяли на себя их русские ученики, среди которых особенно выделялись Ф. Поликарпов и Н. Головин.

В 1701 г. Академия была переименована в Славяно-латинскую, а латынь заняла ведущее место в учебных программах; курс обучения расширился — ввели немецкий и французский языки, медицину, философию. С 1775 г. Академия стала называться Славяно-греко-латинской. А когда в Москве возникнет Университет, Академия превратится в высшую богословскую школу. К началу XIX в. в Академии училось более 1600 чел., тогда как при открытии их было всего 100.

В стенах монастыря жили и работали многие выдающиеся люди своего времени: талантливый проповедник, поэт и драматург Симеон Полоцкий, его ученик и преемник по управлению монастырем, известный писатель и ученый Сильвестр Медведев, настоятель монастыря и ректор Академии, первый в России доктор философии Палладий Роговский. Из воспитанников, настоятелей и ректоров Академии вышли известные впоследствии русские духовные деятели и архиереи: свт. Иннокентий Иркутский, архиепископ Феофилакт (Лопатинский), митрополит Сильвестр (Крайский), архиепископ Герман (Концевич), митрополит Амвросий (Подобедов), архиепископ Афанасий (Иванов), архиепископ Амвросий (Орлин), митрополит Евгений (Болховитинов), архиепископ Симеон (Крылов); московские владыки митрополиты Платон (Левшин) и Серафим (Глаголевский), архиепископ Августин (Виноградский) и др.

В стенах Академии в разное время начинали свой путь ставшие затем знаменитыми учеными, деятелями культуры: академик М. В. Ломоносов, поэт и дипломат А. Д. Кантемир, академик С. П. Крашенинников, писатель и поэт В. К. Тредиаковский, автор первого русского учебника арифметики математик и педагог Л. Ф. Магницкий и др.

Академия, возникшая в монастырских стенах, формировалась не только как духовно-образовательный центр, но и как крупный архитектурный ансамбль. В одну линию со зданием Коллегиума, вдоль Китайгородской стены в конце XVII в. вытянулся двухэтажный Братский корпус. В 1719 г. по указу Петра I начали возводить двухэтажные «Учительские келии».

Монастырский ансамбль серьезно пострадал от московского пожара 1737 г., в связи с чем, вероятно, и возникла идея перевести Академию в Донской монастырь. Однако все ограничилось ремонтом старого корпуса да возведением каменных палат на месте сгоревших лавок вдоль Никольской. В 1743 г. построили колокольню со Святыми вратами и Братские келии. В том же году монастырь был отнесен к ставропигиальным, а в 1764 г. стал второклассным.

Пожар 1812 г. практически не коснулся монастырских и академических зданий, но имущество было расхищено. В соборе французы устроили конюшню.

В 1814 г. Академия переехала в Троице-Сергиеву Лавру, где находится по сей день уже как Московская духовная академия. А в освободившихся зданиях разместились Заиконоспасское и другие уездные училища (1814–1822 гг.), а затем и Московская духовная семинария (1823–1844 гг.), продолжавшая лучшие традиции Славяно-греко-латинской академии. Когда семинарию перевели в другое место, освободившиеся помещения поначалу пустовали, а с 1852 по 1918 г. здесь размещалось Заиконоспасское духовное училище. В 1914–1917 гг. в монастырь эвакуировали Холмскую духовную семинарию.

XIX и начало XX в. стали для Заиконоспасского монастыря временем масштабных строительных работ.

В 1819 г. архитекторы М. Ф. Казаков и О. И. Бове пришли к выводу, что здание Коллегиума нужно разобрать. На его месте по проекту О. И. Бове в 1821 г. был построен новый, в стиле ампир, корпус духовного училища. В середине века здание перестроили. Чуть позже из нескольких классных комнат оборудовали большую актовую залу.

Последние крупные изменения в ансамбле монастыря относятся к концу XIX — началу XX в. В 1886 г. часть Братского корпуса надстроили 3-им этажом в русском стиле по проекту В. Д. Шера. На рубеже веков по проекту архитектора М. Т. Преображенского был построен в русском стиле большой торговый дом, отгородивший монастырь от улицы. В 1900 г. снесли прежнюю колокольню и по проекту З. И. Иванова над Святыми воротами построили новую, копировавшую верх колокольни известного московского храма Успения на Покровке. Последний ремонт — укрепление фундамента нового, выходящего на ул. Никольскую корпуса, произвели в 1912 г. В начале XX в. в монастыре проживали архимандрит, 6 иеромонахов, 6 иеродиаконов, 5 монахов, 9 послушников.

Монастырь жил сдачей свободных строений под торговые помещения. Ему принадлежали огороды (4 десятины в д. Шелепихе Московского уезда).

В XVII в. к обители была приписана построенная в 1692 г. церковь Владимирской иконы Божией Матери у Никольских ворот Китай-города.

ИСТОРИЯ ПОСЛЕ 1917 г.

Вскоре после революции 1917 г. монастырь и духовное училище были ликвидированы. Почти всем монахам пришлось покинуть обитель, а настоятель архимандрит Серафим (Феодосий Григорьевич Бесчастнов) в августе 1921 г. был арестован. 22 апреля 1922 г. власти изъяли из монастыря церковные ценности.

Вскоре монастырский собор и некоторые здания были отданы известному обновленцу, главе общества «Церковное возрождение» епископу Антонину (Грановскому). «Возрождение» началось с того, что власти снесли верхнюю часть монастырской колокольни при полном отсутствии каких-либо возражений со стороны епископа и его

«паствы». А Москва, помимо всего прочего, лишилась объекта, игравшего важную градообразующую роль в центре столицы. Колокольня Заиконоспасского монастыря стала первой снесенной монастырской колокольней Москвы. История эта началась в декабре 1923 г., когда обрушилась часть карниза колокольни. Занимавшие обитель обновленцы отказались от ремонта повреждений. Власти в таких случаях расторгали договор с общиной, однако здесь этого не произошло. Адмотдел Моссовета недвусмысленно пояснил ситуацию в начале января 1924 г. в письме в Президиум Моссовета: «…Административный отдел, безусловно, возбудил бы ходатайство о расторжении заключенного с ней (общиной — *В. К.*) договора, но воздерживается от этого, потому что группа пользуется храмом Заиконоспасского монастыря обновленческого движения и руководствуется известным митрополитом Антонином, а посему расторжение договора с группой крайне нежелательно по политическим соображениям». В результате пострадала не община, а колокольня. 5 февраля 1924 г. Постановлением Президиума Моссовета ее предписано было снести. В постановляющей части документа указывалось, между прочим, что Главмузей отказался признать какую-либо художественно-историческую ценность постройки, и Президиум поручил МУНИ «немедленно снести здание колокольни; колокола и прочее церковное имущество колокольни после покрытия расходов по сносу передать группе верующих при участии представителей Адмотдела Моссовета».

Монастырь был окончательно закрыт лишь летом 1929 г. — после смерти лояльного властям архиерея (1927 г.). Теперь уже всю территорию монастыря заняли различные советские конторы. В здании училища разместилась 20-я трудовая школа им. М. В. Ломоносова. В принадлежавшем монастырю доходном доме в 1930-е гг. открылась первая в СССР телестудия, начавшая первые регулярные телепередачи.

За многие десятилетия варварской эксплуатации древний памятник утратил практически все свои историко-художественные и историко-бытовые знаки времени. Архитектурный комплекс, состоящий из собора, здания духовного училища, Учительского и Братского корпусов сохранился.

В 1961 г. на фасаде сохранившегося первого яруса колокольни, выходящем на ул. Никольскую, установлена мемориальная доска с надписью: «На этом месте находилось здание Славяно-греко-латинской академии, в котором с 1731 года по 1735 год учился великий русский ученый М. В. Ломоносов».

В конце 1970-х гг. были проведены ремонтные работы в Братском корпусе, в нижней части которого Московский государственный историко-архивный институт (МГИАИ) разместил небольшой Музей истории русского просвещения (ликвидирован в начале 1990-х гг.). Тогда же в Братском корпусе расположился один из факультетов МГИАИ. Музей просуществовал недолго, его ликвидировало само институтское руководство, и уникальную одностолпную монастырскую палату передали под ресторан «Борис Годунов». Бывший Учительский корпус был обращен в склад, а 2 этажа Братского корпуса и помещения, прилегающие к сохранившейся части колокольни, вплоть до 2010-х гг. занимали учебные подразделения Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ — создан на базе МГИАИ в 1991 г.). Здание же собора в 1992 г. передано общине верующих, и в нем возобновлено богослужение.

Собор получил статус Патриаршего подворья. В 1993 г. в монастыре открылся Российский православный университет, однако вскоре его перевели в помещение бывшего Высоко-Петровского монастыря на ул. Петровке.

5 марта 2010 г. определением Св. Синода был открыт Заиконоспасский ставропигиальный мужской монастырь. Наместником был назначен игумен Петр (Афанасьев; †2016). Его преемником, и. о. наместника монастыря стал иеромонах Даниил (Константинов).

В монастыре открыли Высшие Знаменские богословские курсы, воскресную школу. Ныне при монастыре существуют Славяно-корейское православное общество и мужской камерный хор «Благозвонница» (с 1997 г.), действует Центр поддержки и развития социально-гуманитарных инициатив «Спасский». Организована экскурсионно-паломническая служба, есть библиотека. Братия монастыря принимает активное участие в научно-краеведческих мероприятиях, в частности, в конференциях и семинарах, посвященных М. В. Ломоносову и истории обители.

Силами монастыря в начале XXI в. воссоздана монастырская колокольня. Здание бывшего Коллегиума (перестроено О. И. Бове в 1820-х гг.) находится в руинированном аварийном состоянии. В планах монастыря — создание музея, посвященного истории самой обители, Славяно-греко-латинской академии и древней ул. Никольской.

Силами монашествующих предпринимаются попытки восстановления духовной жизни в уцелевшем трехэтажном корпусе располагавшегося по соседству на ул. Никольской Николо-Греческого монастыря. Ныне это здание выделено под городское подворье Заиконоспасского монастыря. Здесь разместились келии монахов Заиконоспасской обители, устроены храм свт. Николая Чудотворца, Спасский православный молодежный центр.

Спаса Нерукотворного образа собор

В одном из первых упоминаний Заиконоспасского монастыря, относящемся к 1626 г., указаны 2 церкви: «В Китае же городе… Спасский монастырь, церковь каменная Нерукотворного Образа, а у Святых врат — была церковь деревянная, и от каменной церкви до деревянной восемь сажен». Небольшая каменная монастырская церковь видна на плане начала XVII в. Известно, что у нее был Воздвиженский придел. Этот храм к середине XVII в., видимо, обветшал, и в 1661 г. по указу царя Алексея Михайловича и на средства князя Ф. Ф. Волконского была выстроена новая церковь. Сохранилась белокаменная резная доска в ознаменование закладки храма во имя Нерукотворного Спаса. В 1701 г. к нижней церкви пристроили трапезную. Верхняя церковь была построена позже в 1710-х гг. и освящена в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». В верхнем храме упоминался придел во имя св. вмч. Феодора Тирона.

Храм пострадал от пожара 1737 г. и был капитально отремонтирован в 1742 г. под наблюдением архитектора И. Ф. Мичурина. К этому периоду относятся существенные изменения во внешнем облике собора: прежде открытую паперть подвели под крышу. Тогда же, видимо, был упразднен придел вмч. Феодора Тирона. В 1851 г. большая глава, венчавшая храм, была заменена на меньшую по размерам.

Спасская церковь — один из лучших образцов московского барокко петровской эпохи. Собор крестообразный, типа «восьмерик на четверике». Состоит из 3-х церквей: небольшой нижней и значительно большей по объему верхней. Переход от четверика к восьмерику оформлен гульбищами с балюстрадами и смотровыми площадками. Восьмерик завершается вытянутым малым восьмериком, увенчанным декоративной вызолоченной главкой. Нижний храм имеет традиционную для XVII в. планировку: четверик, трехчастный алтарь, трапезная.

Обе церкви использовались и как монастырские, и как домовые — для воспитанников сначала Академии, а потом духовных семинарии и училища.

Сохранились описи церковного имущества собора 1920-х гг., благодаря которым можно составить представление о том, как выглядели обе церкви. В нижней церкви в местном ряду двухъярусного вызолоченного иконостаса находились одетые в серебряные ризы старинные иконы Спаса Нерукотворный образ, Божией Матери и некоторые другие, а также деревянный крест с левой стороны солеи. Нижняя церковь служила усыпальницей многих известных в истории русского просвещения деятелей. Над могилой Симеона Полоцкого (†1680) сохранялась длинная надпись-эпитафия в стихах, составленная по желанию царя Федора Алексеевича Сильвестром Медведевым. На северной стороне над могилой одного из основателей Академии Иоанникия Лихуды (†1717) был укреплен большой медный лист с вырезанной на греческом и русском языках надписью, составленной братом Иоанникия Софронием Лихудой. Вверху медной доски помещено также вырезанное изображение Иоанникия со свитком в руках, а ниже — фамильный герб Лихудов. На южной стороне имелась надпись о погребении князя Георгия Андреевича Святополк-Четвертинского (†1712). Сохранялась и надпись о захоронении здесь в 1703 г. известного ученого, ректора Академии, игумена Палладия Роговского.

Верхняя, высокая и светлая Скорбященская церковь отличалась особым благолепием и старинными памятниками. Подлинным украшением ее служил шестиярусный резной иконостас, созданный в 1851 г. по образцу иконостаса 1742 г. В нем и на стенах находилось более 20 украшенных серебряными ризами икон; 7 иконостасных икон относились к XVIII в. Верхнюю часть иконостаса венчал образ Спаса Нерукотворного. На северной стене была установлена икона св. равноапостольной царицы Елены в драгоценной ризе, на южной стене в жемчужной ризе — икона Благовещения Пресвятой Богородицы. Образ св. вмч. целителя Пантелеимона был украшен бриллиантовой звездой. В алтаре на престоле находились большой серебряно-вызолоченный двухъярусный ковчег и дароносица, а на Горнем месте — образ Божией Матери «Всех скорбящих Радость».

Богата была ризница монастыря. В ней хранились старинные, украшенные окладами Евангелия 1689, 1703, 1744, 1741 гг., серебряные сосуды и кресты. Особо выделялись дарохранительница 1748 г. и крест XVII в., принадлежавший ранее церкви св. вмч. Димитрия Солунского у Гостиного двора в Китай-городе. Многие кресты были украшены бриллиантами, изумрудами, сапфирами, рубинами, жемчугом. В соборе хранилась известная в Москве святыня — большой сребровызолоченный крест с 420 частицами мощей святых. В ризнице хранилось множество вышитых золотом и серебром архиерейских, священнических и диаконских облачений, 5 богато украшенных митр, рипиды, дикирий и трикирий, посохи и многое др.

Почти все серебряные сосуды, кресты, оклады с икон и Евангелий были изъяты властями 22 апреля 1922 г.

О церковно-приходской жизни храма в советскую эпоху известно мало. С 1922 г. собор принадлежал обновленцам-раскольникам — здесь находился центр общества «Церковное возрождение». Собор был закрыт вскоре после смерти главы обновленцев епископа Антонина (Грановского).

В 1929 г. некое общество «Техника массам» («Техмасс») обратилось в Моссовет с просьбой предоставить им здание собора Заиконоспасского монастыря для устройства в нем лабораторий и мастерских. Руководство Административного отдела Моссовета, куда было переслано для рассмотрения это ходатайство, информировало Президиум Мособлисполкома, что «указанное здание культа находится в пользовании группы верующих (бывшее течение “Антониновцы”). Посещаемость этого здания крайне незначительна, как и сама группа, которая распалась после смерти епископа Антонина». 24 июля 1929 г. Президиум Моссовета постановил закрыть собор и передать его обществу «Техмасс».

Верующие, узнав об этом решении, в августе 1929 г. написали во ВЦИК большое заявление-жалобу, в котором, в частности, указывали на особенности общины: «Что касается нахождения вблизи нашего храма других церквей, то они принадлежат чуждым нам староцерковническим и обновленческим объединениям, со стороны которых мы считаемся “еритиками” и подвергнуты так называемому “церковному запрещению”. Наша община Церковного Возрождения основана покойным епископом Антонином Грановским, известным Правительству по своей работе в Помголе и по неудавшейся вследствие косности верующих масс попытке реформировать Православную Церковь в СССР». Значительная часть текста заявления посвящена и историческому значению храма, подробно перечислены имена знаменитых учителей и учеников Славяно-греко-латинской академии: греков братьев Софрония и Иоанникия Лихудов, Сильвестра Медведева, Симеона Полоцкого, М. В. Ломоносова, А. Кантемира, Л. Магницкого и др. Верующие резонно указывали, что «передача храма О-ву “Техника массам” под мастерские и лаборатории несомненно потребует капитального переустройства всего здания с пробитием новых окон (нижний храм необходимо освещать и среди дня), увеличением количества этажей и проч., и исторический памятник, таким образом, будет искажен». В заключение верующие просили оставить им хотя бы имеющий свой отдельный вход темный нижний храм, где находились могилы многих из вышеперечисленных деятелей. Заявление-жалобу подписали около 90 верующих.

Но все было тщетно. Заявление передали для заключения вр.и.д. секретаря Президиума ВЦИК Богомолову, который 15 августа 1929 г. вынес вердикт: «Полагаю, ходатайство верующих отклонить», и даже на следующий день за подписью члена Президиума ВЦИК П. Г. Смидовича в Президиум Моссовета и Главнауку было направлено уведомление, что «Просьбу верующих о пересмотре вопроса Президиум ВЦИК оставил без удовлетворения».

Роковым днем для исторического монастырского собора на Никольской стало 12 сентября 1929 г., когда в присутствии представителей Моссовета, Мосфинотдела и Отдела народного образования состоялось узаконенное его разграбление. На утилизацию (смывку позолоты, переплавку и т. д.) были отправлены иконостасы с царскими вратами, киоты, вывезено полтонны цветного металла (3 паникадила,

30 подсвечников, лампады и проч.), тонна черного металла. Представитель Музейного фонда вывез из собора 19 икон XVIII в., в том числе деисус, образ «Коронование Божией Матери»; 35 предметов церковных тканей XIX в., 5 Евангелий XVII–XIX вв., 16 связок архивных материалов, 3 митры, несколько портретов (в том числе митрополита Московского Платона), 550 книг. 15 церковных предметов было отложено для Антирелигиозного музея.

После закрытия, в течение десятилетий, собор переходил из рук в руки различных организаций, постепенно теряя остатки своего величия. В 1960-е гг. в помещениях верхней и нижней церквей проживало более десятка семей. Позже здесь обосновались дирекция и склады Московского областного драматического театра.

В 1960-х гг. реставраторы вернули собору первоначальный облик. А РПЦ здание храма было возвращено в 1992 г. В конце 1990-х гг. в нижней церкви сделали большой ремонт, в 2001–2002 гг. провели внешнюю реставрацию собора.

При передаче храма верующим он стал Патриаршим подворьем, а с 2010 г. — собором возрожденного Заиконоспасского мужского монастыря.

Источники и литература:

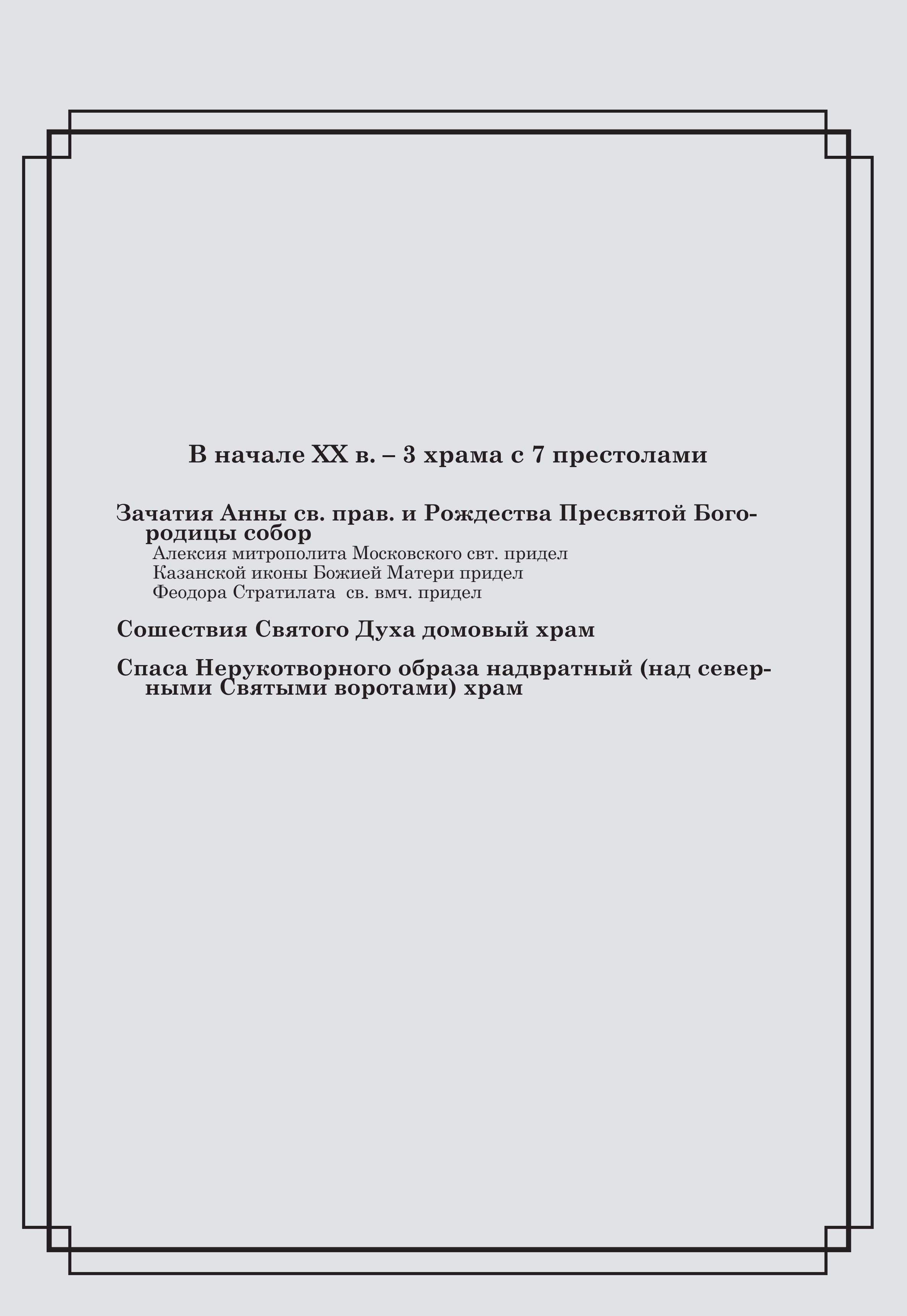
1. ГАРФ. — Ф. Р-1235. — Оп. 65. — Д. 333. Переписка с налоговым управлением Наркомфина, местными исполнительными комитетами о закрытии церквей… 1929–1930 гг. (о закрытии Заиконоспасского собора на ул. Никольской. — Л. 123–150).
2. ЦГА г. Москвы. — Ф. Р-1215. — Оп. 3. — Д. 34. Дело по регистрации религиозного общества Заиконоспасского храма на ул. Никольской. — 65 л.; Оп. 4. — Д. 6. Дело о регистрации церквей Заиконоспасского монастыря на Никольской улице в Москве. 1922–1923 гг. — 94 л.
3. ОР РГБ. — Ф. 177. — К. 48. — Д. 49 *Розанов Н. П.* Заиконоспасский монастырь и Славяно-греко-латинская академия. Рукопись 1928 г. — 21 л.
4. *Леонид, архимандрит.* Еще заметка к решению вопроса о времени основания ныне Заиконоспасского монастыря // Московские епархиальные ведомости. — 1877. — № 13.
5. Историческое описание Ставропигиального второклассного Заиконоспасского монастыря в Москве, на Никольской улице / сост. канд. моск. духов. акад. Алексей Ковалев. — М., 1887. — [2], 132, IV с.; М., 2014. — 138 с.
6. Сорок Сороков : краткая иллюстрированная история всех московских храмов : [в 4 т.] / собр. П. Паламарчук; фот. П. Паламарчука, А. Демченко. — Т. 1. Кремль и монастыри. — М., 1992. — С. 150–155.
7. *Козлов В. Ф.* Заиконоспасский ставропигиальный необщежительный мужской монастырь. Собор Спаса Нерукотворного образа бывшего Заиконоспасского монастыря // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Август. — М., 2002. — С. 345–352.
8. *Козлов В. Ф.* Заиконоспасский монастырь (совместно с М. и И. Л. Бусевой-Давыдовой) // БСЭ. — Т. 10. — М., 2008. — С. 177–178.
9. *Маштафаров А. В.* Заиконоспасский в честь Нерукотворного образа Спасителя московский мужской монастырь // ПЭ. — Т. XIX. — М., 2008. — С. 522–527.

Зачатьевский (Зачатия св. прав. Анны) ставропигиальный женский монастырь

2-й Зачатьевский пер., д. 2

В начале XX в. – 3 храма с 7 престолами

Зачатия Анны св. прав. и Рождества Пресвятой Богородицы собор

Алексия митрополита Московского свт. придел

Казанской иконы Божией Матери придел

Феодора Стратилата св. вмч. придел

Сошествия Святого Духа домовый храм

Спаса Нерукотворного образа надвратный (над северными Святыми воротами) храм

ИСТОРИЯ ДО 1917 г.

Один из древнейших монастырей Москвы; по церковной традиции, считается древнейшей женской обителью города. Начальная история Зачатьевского монастыря тесно связана с историей Алексеевской обители. Напомним, что основание последней, как уже писалось, по преданию, относят к эпохе митрополита Московского Алексия, по благословению которого около 1360 г. и был основан близ Москвы-реки и с. Семчинского (район современной ул. Остоженки) женский монастырь. Первой настоятельницей его была родная сестра митрополита Алексия Иулиания, а ее верной помощницей — также родная сестра ее и митрополита Евпраксия. Здесь были сооружены храмы во имя прп. Алексия человека Божия и Зачатия св. прав. Анны. В 1393 г. игумения Иулиания скончалась, а через год почила и Евпраксия. Над их могилами была поставлена часовня.

При масштабных археологических работах в начале 2000-х гг. (под руководством Л. А. Беляева и Н. А. Кренке), предшествовавших сооружению современного собора Зачатьевского монастыря, были обнаружены следы деревянной монастырской застройки конца XIV — первой половины XVI в., а также надгробные плиты XIV — первой половины XVI в., в том числе с надписью «поп Иван Олексеевской а во иноцех Игна[тий]» 1530–1540-х гг., позволяющие определить первоначальное место Алексеевского монастыря, который, возможно, предшествовал Зачатьевской обители. Первые постройки монастыря были деревянными.

Обнаруженные остатки каменного храма с трапезной археологи датируют первой половиной XVI в. Анализ других археологических находок позволяет предположить, что перенос Алексеевского монастыря с этого места произошел после набега крымского хана Девлет-Гирея в 1571 г. Первое же документальное упоминание самостоятельного Зачатьевского монастыря на месте, где прежде стояла Алексеевская обитель, относится к 1585 г., когда был выдан ладан «на освещенья церкви Рожества Святыя Богородицы в девичь, что за Земленым городом». О переносе Алексеевского монастыря упоминается и в данной ему позднее, в 1623 г., царем Михаилом Федоровичем жалованной грамоте. В 1580-е гг. по инициативе царя Федора Иоанновича и его супруги царицы Ирины Федоровны в районе современной ул. Остоженки начинается обустройство нового Зачатьевского монастыря с собором в честь Зачатия св. прав. Анной Пресвятой Богородицы (с престолами св. вмч. Феодора Стратилата, св. вмц. Ирины) и трапезным храмом в честь Рождества Пресвятой Богородицы (с приделом свт. Алексия митрополита Московского).

С конца XVI в. в Зачатьевском монастыре начинается местное почитание предполагаемых основательниц древнего Алексеевского монастыря игумении Иулиании и монахини Евпраксии. Оформление Зачатьевской обители на месте Алексеевского монастыря с храмами Зачатьевским и Богородице-Рождественским, по мнению А. Л. Баталова, «может рассматриваться как часть общей моленной программы царя Феодора Иоанновича и царицы Ирины в рождении наследника» (в 1592 г. у них родилась дочь, умершая в младенчестве).

Сведений о том, как выглядели сооруженные при Федоре Иоанновиче Зачатьевский собор и храм Рождества Богородицы, не сохранилось. По всей видимости, храмы сильно пострадали от пожара в Смутное время. Известно, что близ монастыря у церкви св. пророка Илии Обыденного в 1612 г. стояли войска Д. М. Пожарского, а позже в Зачатьевской обители приняла постриг сестра Козьмы Минина с именем София. Сгоревший в лихолетье монастырь был восстановлен; 11 августа 1621 г. освящен храм Рождества Пресвятой Богородицы, а 11 ноября 1630 г. освятили и собор в честь Зачатия св. прав. Анной Пресвятой Богородицы. В 1653 г. храмы эти после ремонта освятили заново.

В 1696 г. вместо существовавшей часовни Всемилостивого Спаса над Святыми воротами по желанию и на средства стольника А. Л. Римского-Корсакова был построен ныне существующий храм в честь образа Спаса Нерукотворного. До 1775 г. церковь эта являлась домовой Римских-Корсаковых. Согласно сохранившейся описи в 1763 г., Зачатьевский монастырь был обнесен каменной оградой с двумя воротами. На территории обители находились, вместе с игуменскими, 56 келий, богадельня и 3 каменных храма: упомянутая выше Спасская надвратная церковь, сооруженные в 1580-е гг. Зачатьевский собор с приделами вмч. Феодора Стратилата и вмц. Ирины и трапезный Богородицерождественский храм с Алексиевским приделом. Собор был украшен кокошниками, имел 5 глав, большую трапезную и колокольню высотой до 30 м. Его Феодоровский придел был теплым.

По состоянию на 1763 г., в монастыре проживали игумения, казначея, 30 монахинь, 35 белиц-указниц, 4 назначенных к пострижению, 10 священно- и церковнослужителей. В то время Зачатьевская обитель занимала невысокое место в иерархии московских монастырей. При секуляризации в 1764 г. монастырь получил статус необщежительного 3-го класса.

В 1766 г. в монастыре на средства белицы Анны Михайловны Аничковой была сооружена небольшая, с 1 главой церковь в честь иконы Божией Матери «Неопалимая Купина». Храм этот поставили на месте каменной палатки (конец XVI в.) над могилами почитаемых в обители ее основательниц игумении Иулиании и монахини Евпраксии. К храму была прирублена деревянная трапезная, в 1768 г. замененная каменной на средства сестры А. М. Аничковой Софьи Михайловны Плоховой.

В конце XVIII в. по инициативе игумении Доримедонты, исходатайствовавшей значительные государственные средства, было получено разрешение построить новую каменную трапезную вместо старой обветшавшей. В 1799 г. было решено соорудить и новый собор. В 1804–1807 гг. на месте старой каменной трапезной XVI в. был возведен 30-метровый собор во имя Рождества Пресвятой Богородицы с приделами Зачатия св. прав. Анны, вмч. Феодора Стратилата и свт. Алексия митрополита Московского. Новая постройка была в модном в те годы неоготическом стиле и представляла собой высокий четверик, украшенный высокими же узкими стрельчатыми окнами. На граненом куполе вместо традиционных боковых глав были установлены вытянутые пинакли. В таком же «готическом» стиле напротив западного фасада собора возвели и высокую трехъярусную колокольню. Историки архитектуры иногда приписывают авторство собора М. Ф. Казакову, а колокольни — его сыну М. М. Казакову.

Монастырь сильно пострадал в 1812 г., когда сгорели деревянные келии. К счастью, от огня чудом уберeглись новый собор и надвратный храм. Уцелели и спрятанные под полом алтаря собора сокровища ризницы. На восстановление монастыря Св. Синодом было отпущено около 33 тыс. руб.

В середине XIX в. монастырь обогатился еще одним новым храмом. По благословению митрополита Филарета на средства белицы В. М. Головиной было сооружено здание богадельни с храмом Сошествия Святого Духа на апостолов. При игумении Валентине (Бородиной) в 1887 г. на средства известной московской храмоздательницы А. А. Смирновой Неопалимовский храм был расширен, соединен с собором и переименован в честь Казанской иконы Божией Матери. Таким образом, было завершено формирование сложного многопрестольного соборного комплекса. Основание этого храма (12х7,5 м) сравнительно неплохо сохранилось и вошло в современный подземный монастырский музей.

В XIX — начале XX в. в монастыре было сооружено несколько каменных корпусов. Последней дореволюционной постройкой стал поставленный в 1909 г. вдоль линии стены новый в неорусском стиле большой трапезный корпус с палатой на 300 чел. (архитектор А. А. Латков). Всего в канун революции 1917 г. в монастыре насчитывалось 3 храма, 11 каменных жилых, хозяйственных и иных строений, 18 деревянных келий.

Обитель всегда была многолюдна. При игумении Доримедонте в начале XIX в. в ней проживало более 100 насельниц. В 1860-х гг. их число выросло до 173. Такая численность сестер сохранялась до конца XIX в. Духовно-социальная роль Зачатьевского монастыря возросла при игумении Марии (Коробке), то есть, начиная с 1909 г. В новом трапезном корпусе работали иконописная, рукодельная и свечная мастерские, там же разместились квасная и хлебопекарня. В обители находились больница, богадельня, библиотека. В 1910 г. в монастырь, в старый трапезный корпус перевели Аксаковский приют для девочек. В обители действовала двухклассная церковно-приходская школа. В период Первой мировой войны на территории обители располагался приют для детей погибших воинов.

В 1910-е гг. в районе д. Барвиха Звенигородского уезда было устроено монастырское подворье с деревянным Покровским храмом, домом для сестер, школой для крестьянских детей, больницей, хозяйственными постройками.

ИСТОРИЯ ПОСЛЕ 1917 г.

Зачатьевский монастырь пострадал сразу же после октябрьского переворота в 1917 г. В начале ноября 1917 г. во время боев на Остоженке были повреждены окна и крыша надвратного храма, а находящаяся над Святыми воротами Спасская икона оказалась простреленной. Для защиты обители и имущества, самоорганизации церковной жизни в марте 1918 г. в монастыре было создано Братство во имя Царицы Небесной «Милостивой». Образовавшаяся при монастыре религиозная община из монашествующих и проживавших вблизи монастыря верующих 1 сентября 1920 г. заключила с Моссоветом договор о пользовании 3-мя храмами обители. Большинство же жилых и хозяйственных построек были заняты различными службами и жильцами Наркомпроса РСФСР и других ведомств.

В архиве сохранились жалобы сестер и прихожан в Бюро жалоб государственного контроля о том, что в конце 1918 г. власти разместили на территории детский приют, в разных помещениях были устроены склады и квартиры для служащих. За короткий срок (до апреля 1919 г.) было произведено не менее 3–4 «уплотнений», в результате чего на одну насельницу приходилось не более ¼ положенной ей площади. В одной келии стали проживать по 4 сестры.

Большим и тяжким испытанием для верующих стало изъятие церковных ценностей в начале апреля 1922 г. За два дня до изъятия, 1 апреля, священника монастыря Михаила Ивановского заставили написать следующую «Подписку»: «1922 г. Апреля 1 дня я нижеподписавшийся настоятель церкви при Зачатьевском монастыре, находящемся на Остоженке и 2 и 3 Зачатьевских переулках Михаил Николаевич Ивановский, проживающий по 3 Зачатьевскому переулку, даю настоящую подписку Хамовнической районной комиссии по изъятию церковных ценностей в том, что принимаю на себя лично ответственность за волнение и эксцессы прихожан во время изъятия ценностей нашего храма. Уполномоченный церковной общины, взявшей на себя охрану церковного имущества, Петр Федорович Дерюжинский». Сам процесс изъятия происходил 3 апреля

1922 г. с 10 ч. утра до 7 ч. вечера. Судя по хранящемуся в ЦГАМО отчету районной комиссии, «духовенство относилось к изъятию очень хорошо… Толпа собиралась из женщин, детей и мужчин в количестве 300–350 человек. Настроение озлобленное, но эксцессов не было». Сохранились многостраничные описи изъятого церковного серебра, общим весом 17 пудов 40 золотников, и золота, весом 33 золотника. Подробно указаны и число и вес бриллиантов. Среди изъятых записаны «2 серебряные гробницы», весом в 3 пуда и запакованные в 2 места. Судя по актам, часть изъятых ценностей направили не на утилизацию, а в Главмузей. В опубликованной на сайте современного Зачатьевского монастыря статье процесс изъятия 3 апреля 1922 г. описан более драматично. Согласно публикуемому в статье тексту донесения, дело происходило следующим образом: «Зачатьевский монастырь окружен толпою, настроенной враждебно, человек до 200 — главным образом будирующим элементом являются те же ребятишки. Толпа напирает на ворота. Появляется грузовик с вооруженными красноармейцами, старшие и взрослые разбегаются, мальчики продолжают бросаться и визжать».

Зачатьевский монастырь имел общую судьбу с большинством обителей центра города, ликвидированных в начале — середине 1920-х гг., а храмы их в большинстве своем были закрыты. Одной из причин начавшейся очередной волны гонений на верующих общины бывшего Зачатьевского монастыря стало обнаружение 1 марта 1923 г. надзирающими за монастырем инспекторами Фортунатовым и Брыковым на стене хлебопекарни (там трудились сестры) портрета цесаревича Алексея Николаевича, расстрелянного большевиками в июле 1918 г. Так появился удобный повод развернуть репрессии против религиозной общины монастыря. Уже 7 марта 1923 г. начальник Ликвидационного отдела Наркомата Юстиции П. А. Красиков обратился в Отдел правления Моссовета с секретным запросом «…сообщить, что из себя представляет эта организация, владеющая всеми храмами бывшего монастыря, и почему храмы эти не ликвидированы, а переданы в пользование группы верующих». В этом же запросе Красиков указал, что группа верующих «…состоит, по-видимому, из буржуа и церковников», что было намеком на желаемый результат будущего расследования. Мандат на пристрастное расследование в монастыре 14 марта был дан известному по своей нелюбви к православным инструктору 4-го Отделения Отдела Управления Моссовета В. Фортунатову. Ревизия Зачатьевского монастыря была проведена 15–16 марта, о ее результатах в секретной докладной Фортунатов написал помощнику начальника Отдела Управления Моссовета Левитину. Инструктор отметил, что некоторые церковные вещи не внесены общиной в описи, а также указал, что помещения обители уплотнены Наркомпросом, разместившим здесь детский городок, «служащими которого отчасти являются монахини». В докладной указывается численность монашествующих религиозной общины — 152 чел., а вместе с мирянами число верующих составляло 500 чел. В приходской совет входило 25 чел., из которых 6 являлись «служителями культа», 3 «монашенками», а остальные мирянами. Особо инструктор упомянул игравшего большую роль в делах общины и не состоявшего в приходском совете И. Ф. Дерюжинского, бывшего присяжного поверенного. Значительную

часть докладной представляла заключительная, рекомендательная часть. «Полагаю, — писал Фортунатов, — 1. Отстранить Приходской Совет в целом от церквей и передать Суду за ряд нарушений договора к законной ответственности без права иметь какое-либо касательство к делам церквей Зачатьевского монастыря. Этим самым мы добьемся того, что все служащие культа тоже не могут тогда иметь отношение к храмам, а, следовательно, и не будут опасны; 2. Сообщать Наркомпросу о том, что монашенки должны быть уволены со службы ввиду их черносотенных убеждений, и их места должны быть представлены безработными из рабочего класса; 3. 2 храма монастыря (Сошествия Святого Духа и, так называемый, Нерукотворного Спаса) закрыть и передать под склад для Главмузея, куда и передать без ущерба для третьего (храма — *В. К.*), который передать группе верующих, все имущество, имеющее художественное значение и археологическое. 4. Произвести дополнительное изъятие, так как там слишком много оставлено серебра в утвари и ризах и, по всей вероятности, есть еще и драгоценные камни».

В архиве сохранилась и датированная 20 марта 1923 г. докладная другого «специалиста» по церковным делам консультанта Наркомюста Шпицберга, который писал в Отдел Управления Моссовета, что часть монастыря занята «церковниками, монахинями, с сохранившимся иерархическим чинопочитанием и эксплуатацией, перенесенными в наше революционное время из феодального периода». Повторяя историю с портретом цесаревича Алексея, Шпицберг указывает, что он был предназначен «…помещиками и капиталистами к наследованию всероссийского престола — после смерти тирана Николая Романова». В общине верующих, владеющих 3-мя монастырскими храмами, Шпицберг выделяет представителей московской буржуазии и интеллигенции: бывшего присяжного поверенного Дерюжинского, бывших домовладельцев, доверенных фабрики Бутиковых, монахинь и игумению Марию. Заключительная часть докладной заканчивалась словами: «Полагал бы: 1. Признать существование детского городка Наркомпроса в окружении монастырского уклада, — контрреволюционного и растленного — <u>несоответствующим</u> (подчеркнуто в оригинале — *В. К.*) той политической обстановке, в каковой, согласно законодательству рабоче-крестьянского государства, должны находиться советские очаги народного образования и воспитания. 2. Зачатьевский монастырь, как монастырь, срочно ликвидировать, незамедлительно выселив из ограды такового всех лиц, пребывание коих может вредно отразиться на деле воспитания трудового молодого поколения».

В заключительном предложении Шпицберг предложил Моссовету аннулировать договор с общиной, то есть отобрать у верующих все монастырские храмы.

За расторжение договора с общиной верующих высказались в начале апреля 1923 г. и другие известные чиновники, занимавшиеся в Моссовете и во ВЦИК вопросами, связанными с ликвидацией храмов: Орлеанский, Проппер, Банкин. Участь Зачатьевской обители была решена на заседании Президиума Моссовета 14 апреля 1923 г. В преамбуле вопроса повестки дня «О ликвидации Зачатьевского монастыря» группа верующих обвинялась в том, что она «скрыла старую

опись, самовольно распоряжалась церковным имуществом», и указывалось на то, «что в монастырских помещениях, занятых “Детским городком”, наблюдаются случаи монархической пропаганды со стороны состоящих на службе в детских учреждениях монахинь». Основываясь на этих фактах, Президиум Моссовета принял решение ликвидировать все храмы монастыря с передачей их в ведение Наркомпроса. Малые храмы: Святодуховский и Спаса Нерукотворного образа, передавались под склады имущества Главмузея. Уже 20 апреля 1923 г. сотрудник 45-го отделения милиции по телефонограмме Отдела управления Моссовета опечатал все 3 монастырских храма, и через 3 дня было приступлено, как написано в документе, «к отборке всех священнических и ценных предметов богослужения».

Однако верующие, как могли, сопротивлялись произволу властей, писали жалобы, доказывая необходимость оставления общине, хотя бы одного монастырского храма. В день изъятия имущества 23 апреля 1923 г. в Наркомат Юстиции поступило «Заявление членов общины при церкви Сошествия Святого Духа при Зачатьевском монастыре», в котором верующие ходатайствовали об открытии этой церкви, которая, как они указывали, еще с февраля 1919 г. со времени вступления в священники ее иерея Владимира Быкова стала «совершенно отдельной и независимой от церковного управления бывшего Зачатьевского монастыря», изолирована и насчитывает более 200 прихожан. Таким условным разделением община, видимо, пыталась вернуть себе хотя бы один из ликвидируемых храмов. Это ходатайство подписали до 20 прихожан. Другое заявление также в Наркомюст лично Красикову было направлено на следующий день 24 апреля от имени «Уполномоченных группы верующих храмов бывшего Зачатьевского монастыря». Верующие писали, что представляют объединение при соборном храме, насчитывающее до 1 тыс. чел. и состоящее из местных жителей. В заявлении они просили открыть храм. В составленный общиной список «Правления Зачатьевского монастыря» в 1923 г. входили священники М. Н. Ивановский, Н. В. Стогов, В. П. Быков, М. П. Палладин, монахини Серафима, Маргарита, Аркадия, гражданские лица, в числе которых значится известный церковный архитектор А. А. Латков.

Судя по всему, верующие и далее настаивали на своем праве производить богослужения в одном из храмов, и руководство Наркомата юстиции в конце 1923 г. даже допускало такую возможность. Сохранилось отношение П. А. Красикова от 5 января 1924 г. В. Фортунатову и в Моссовет, где сообщается, что прихожане монастыря хлопочут о предоставлении им в пользование 2-х малых церквей. Сам Красиков указывал, что их даже можно верующим передать, «если это не способ восстановления деятельности монастыря», так как на территории обители продолжают жить монашки. Через 2 дня Адмотдел Моссовета сообщал в Наркомюст, что согласно предложению Красикова совершена передача храма «временно до регистрации группы и, если за период времени до регистрации будет усмотрено, что условие группы верующих не будет выполнено, то Административный отдел ее не зарегистрирует». Документов, проливающих свет на причины принятия чиновниками Наркомюста и Адмотдела Моссовета решения

разрешить общине верующих возобновить богослужения в Зачатьевском монастыре, пока не выявлено. Ясно, что это было явлением редким и труднообъяснимым в условиях полномасштабной войны, объявленной в те годы православию и непосредственно монашеству. Параллельно с этим Хамовнический райсовет разработал план заселения территории монастыря рабочими фабрик и заводов, расположенных в Хамовниках. В самом конце декабря 1924 г. Председатель Хамовнического райсовета направил члену Президиума ВЦИК П. Г. Смидовичу целый пакет документов, касающихся монастыря: «копию отношения ходатайства в Моссовет, ответ Президиума Моссовета, акт комиссии по обследованию Зачатьевского монастыря, схематический план помещений и 3 списка рабочих фабрик и заводов, переселяемых в данное помещение». В сопроводительном письме к этим документам председатель райсовета сообщал предысторию вопроса: «Президиумом Хамовнического Райсовета было подано ходатайство в Моссовет о разрешении переселить рабочих в помещение, занимаемое монахинями, и монахинь в помещения, занимаемые рабочими. Президиумом Моссовета было предложено обратиться с ходатайством по данному вопросу к Вам, а посему Президиум Райсовета ходатайствует о разрешении такового переселения, так как рабочие фабрик, коим предполагается предоставить эти помещения, живут скученно и в более худших помещениях, чем занимают монахини». На этом письме П. Смидович поставил резолюцию с просьбой выяснить, в какой монастырь в Московской губернии можно переселить зачатьевских монахинь.

В начале 1925 г. вся эта переписка была переслана в Моссовет с просьбой «срочно дать свое заключение о возможности переселения рабочих в указанные помещения и переселения в административном порядке монахинь в монастырские здания в пределах губернии». 8 марта 1925 г. занимавшийся церковными делами член Президиума Моссовета Волков разослал в три адреса: в Президиум ВЦИК П. Г. Смидовичу и копии в Адмотдел Моссовета и в Хамовнический райсовет, бумагу с просьбой «Ввиду необходимости освобождения помещений бывшего Зачатьевского монастыря на предмет размещения там рабочих фабрик Хамовнического района, крайне нуждающихся в жилищах», переселить монахинь этого монастыря в Спасо-Преображенский Бородинский монастырь Можайского уезда. Через месяц пришел ответ из ВЦИК за подписью заведующего Секретариатом Председателя ВЦИК Котомкина и секретаря Председателя ВЦИК Н. М. Орлеанского с ответом, что «Президиум ВЦИК не возражает против переселения монахинь...». Результатом этой переписки стало Постановление Президиума Моссовета от 24 ноября 1925 г. о закрытии «часовни» (так в документах) бывшего Зачатьевского монастыря. Ходатаем по вопросу закрытия была выбрана некая «Центральная Опытная станция социально-правовой охраны несовершеннолетних». В преамбуле постановляющей части решения Моссовета поясняются и место расположения названной «часовни», и соображения, по которым ее следует закрыть, каковые заключаются в том, «1) что часовня находится в непосредственной близости с помещением, занимаемым детским учреждением, и соединяется с последним дверью в стене, каковое обстоятельство создает неудобство для учреждения; 2) что часовня, находящаяся в ведении общины

верующих, используется последними редко, и что помещение этой часовни крайне необходимо Опытной станции… и что в распоряжении верующих имеется другое здание культа, надворное, и совершенно изолированное от детского учреждения, в каковом здании происходит служба…». Таким образом, можно сделать предположение, что в документе речь идет именно о закрытии в ноябре 1925 г. домового храма Святого Духа (или остававшейся у верующих его части, названной в Постановлении «часовней»), община же продолжала молиться в надвратной (в постановлении именуется как «надворная») Спасской церкви.

Почти параллельно с закрытием «часовни» в Зачатьевском монастыре разворачивалась драма и с ликвидацией Покровского храма монастырского подворья в подмосковной Барвихе. В 1920-е гг. в помещениях подворья, значительно потеснив объединившихся в трудовую артель сестер, разместился «Детский поселок имени 7-ой годовщины Октябрьской революции при ст. Барвиха». Решение Президиума Моссовета от 30 октября 1925 г. гласило: «Принимая во внимание: 1) Малочисленность группы верующих… 2) нахождение этой церкви на территории детского поселка, каковое соседство представляет значительные неудобства для детей и вообще является нежелательным; 3) сильную нужду детского поселка в школе и пригодность здания церкви для этой цели без больших затрат… церковь Барвихинского отделения бывшего Зачатьевского монастыря закрыть, передав помещения детскому поселку для приспособления его под школу, а предметы культа, имеющиеся в церкви, по описи ближайшей группе верующих». Верующие близлежащих к Барвихе селений обратились в Президиум ВЦИК с жалобами на действия московских властей. В фонде Секретариата Президиума ВЦИК сохранились ходатайства верующих сел Барвихи, Раздор, Луцкого Московского уезда об открытии храма, переписка Президиумов ВЦИК и Моссовета и, наконец, заключение члена Президиума ВЦИК П. Г. Смидовича от 22 октября 1928 г. об «оставлении без удовлетворения» просьбы верующих.

В Москве верующие бывшего Зачатьевского монастыря, лишившись своих храмов, перенесли чудотворный образ Божией Матери «Милостивой», другие иконы и утварь в близлежащий приходской храм Илии Обыденного. При этом храме неформально существовала группа изгнанных из Зачатьевской обители монахинь. Сохранились устные свидетельства, что надвратный Спасский монастырский храм действовал до 1930–1931 гг.

Выселенные сестры жили в домах поблизости от обители, в других районах Москвы, в нескольких подмосковных монастырях, в п. Барвиха. Многие из них в 1930-е гг. прошли через репрессии, были арестованы и сосланы.

О жизни в бывшей Зачатьевской обители в 1930–1960-е гг. мы знаем мало. Наркомпрос РСФСР, в ведении которого находились собор, надвратный храм и некоторые другие постройки бывшего монастыря, разместил в них свои фонды, и, по документам, известно даже намерение открыть в стенах бывшей обители отдел или даже Музей ткани. Однако уже в начале 1930-х гг. Зачатьевская обитель практически разделила судьбу снесенных полностью или в значительной мере монастырей Москвы. В апреле 1932 г. ЦИК СССР запросил у ЦГРМ разрешения «на слом бывшего Зачатьевского монастыря для устройства правительственного

гаража на 200 машин с мастерскими капитального ремонта и жилым корпусом». Заваленное в 1932 г. подобными запросами архитектурное отделение ЦГРМ 8 мая 1932 г. рассмотрело это письмо из высшего законодательного органа страны, о чем свидетельствует короткая протокольная запись: «В. А. Мамуровский считает, что из зданий бывшего Зачатьевского монастыря наибольший интерес представляет занятый Центроархивом собор постройки Казакова. Остальные постройки ценности не имеют. В принципе признать желательным сохранение здания собора как памятника I категории постройки архитектора Казакова. Для окончания решения вопроса просить транспортный отдел представить эскиз планировки». Мы не знаем всех подробностей этого дела, но известно, что уже 13 мая 1932 г. на очередном заседании реставраторы-архитекторы (Б. Н. Засыпкин, С. Ф. Кулагин, Н. Н. Померанцев, С. А. Торопов) стали покладистей: «Принимая во внимание необходимость построения гаража и невозможность использования здания бывшего собора, допустить разборку последнего при условии предварительной фотофиксации и обмеров». 20 мая того же года сотруднику ЦГРМ С. А. Торопову было поручено «приступить к обмерам Зачатьевского монастыря». Собор и колокольню снесли, но, как часто бывало в то время, от строительства на его месте правительственного гаража отказались. Сохранились архивные сведения о намерении в 1936 г. построить на территории монастыря новое здание Музея Революции, но и этого не сделали по причине необходимости расселения значительного числа проживающих в бывших монастырских постройках. В 1939 г. на месте снесенных собора и колокольни построили 4-этажное типовое здание школы. Все строения монастыря, включая надвратный и перестроенный Святодуховский храмы, использовались под коммунальное жилье, а в новом трапезном корпусе размещалось швейное училище.

В 1960-х гг. впервые за годы советской власти на территорию бывшей обители пришли реставраторы и восстановили первоначальный внешний облик единственного сохранившегося монастырского храма — Спасского.

Возрождение почти полностью уничтоженного монастыря связано с началом 1990-х гг. 21 августа 1991 г. при Ильинском Обыденском храме было создано сестричество в честь иконы Божией Матери «Милостивая». Оно и стало зародышем будущей монастырской общины. Постепенно стали освобождаться от организаций-арендаторов здания обители. 6 июня 1991 г. в надвратном Спасском храме состоялся первый молебен. 8 июня 1992 г. сестричеству были переданы помещения храмов: надвратного и перестроенного Святодуховского. 25 ноября 1993 г. Патриарх Алексий II совершил великое освящение надвратной Спасской церкви, а в 1994 г. им же был отслужен молебен в освободившемся здании нового трапезного корпуса, где было решено устроить храм в честь Зачатия св. праведной Анны.

5 мая 1995 г. по благословению Патриарха и определению Св. Синода сестричеству был дан статус ставропигиального женского монастыря, а настоятельницей назначили матушку Иулианию (Каледа; возведена в сан игумении в 1999 г.), дочь известного московского иерея Глеба Каледы. 25 ноября 1999 г. в восстанавливаемую обитель торжественным крестным ходом из Ильинского

храма перенесли икону Божией Матери «Милостивая» и посох последней игумении монастыря. 16 мая 2001 г. Патриарх Алексий II возглавил торжество прославления основательниц обители — прпп. Иулиании и Евпраксии. В этих торжествах участвовало 6 архиереев и около 100 священнослужителей.

Восстановление монастырских храмов продолжилось и в новом XXI в. В ноябре 2004 г. состоялась первая Божественная литургия в храме Сошествия Святого Духа. В 2002 г. монастырю передали здание построенной на месте собора и давно закрытой школы. Здание снесли, и на этом месте в ноябре 2005 г. состоялся чин освящения закладного камня соборного храма. Ровно через пять лет, в 2010 г., Патриарх Кирилл возглавил торжество великого освящения новопостроенного собора Рождества Пресвятой Богородицы. В огромном новом соборе было устроено 10 приделов, в нижней его части открыт монастырский церковно-исторический музей.

В течение двух десятилетий подвижническим трудом верующих, строителей, сестер из руин и неухоженных уцелевших строений был восстановлен гармоничный красивый архитектурный ансамбль, вновь украсивший исторический центр Москвы.

В 2010-е гг. в воссозданной обители подвизаются более 20 сестер, из которых — 17 инокинь. Богослужения совершаются в Рождественском соборе, в Спасском надвратном храме, в расположенной под ним часовне во имя свт. Алексия митрополита Московского, в храме Сошествия Святого Духа, в Зачатьевской церкви в новом трапезном корпусе. В обители существуют небольшие богадельня, издательство. С первых лет возрождения в монастыре по старинным рецептам выпекается монастырский хлеб.

К 650-летию монастыря в ноябре 2011 г. на площади у Святых ворот был установлен бронзовый памятник основателю Зачатьевской обители свт. Алексию митрополиту Московскому (скульптор А. С. Забалуев). Монастырь прилагает большие усилия для воссоздания находившегося поблизости до 1935 г. храма Воскресения Словущего на Остоженке.

Возобновлена монашеская жизнь и в подмосковном монастырском подворье в Барвихе. Существовавший там деревянный Покровский храм в 1930 г. был разобран. В 1996–1998 гг. был возведен новый деревянный двухшатровый храм. Сестры подворья содержат небольшое хозяйство, скотный двор, огород.

Спаса Нерукотворного образа надвратный храм

над северными Святыми воротами

Построен в 1696 г. над северными Святыми воротами вместо стоявшей здесь деревянной часовни Всемилостивого Спаса стольником Андреем Леонтьевичем Римским-Корсаковым. В подклете храма была устроена усыпальница этого рода. Долгое время храм имел функции и домовой церкви Римских-Корсаковых, и приходского храма, и лишь в 1775 гг. он был причислен к Зачатьевской обители.

Спасский одноглавый храм был сооружен в стиле московского (нарышкинского) барокко — восьмерик на четверике, с трехчастным алтарем и небольшой, одной высоты с алтарем, трапезной. С южной и западной сторон храм окружен открытой галереей-гульбищем. Декор церковного здания также типичен для архитектуры нарышкинского барокко: 2 яруса спаренных колонок, разорванные наличники, восьмигранное верхнее окно четверика. Первоначально входное крыльцо на галерею храма находилось со стороны монастыря, а существующая ныне двухмаршевая лестница со стороны примонастырской площади сооружена в 1724 г. специально для Римских-Корсаковых, чьи владения располагались поблизости. Под надвратным храмом находятся 2 сквозные арки: одна в центре в виде широкого сводчатого проезда, другая под алтарной частью в виде сводчатого прохода. В старину Спасский храм отапливался цилиндрической изразцовой печью, фрагменты который найдены при реставрации. Первоначальную роспись в середине XVIII в. заменили на новую.

В 1812 г. храм сильно пострадал от пожара, кровля его полностью сгорела. Чудом уцелел находившийся на внешней стене храма древний образ Спаса Нерукотворного. К 1816 г. поврежденную надвратную церковь отремонтировали, расписали вновь и освятили. В храме находился трехъярусный иконостас. В XIX — начале XX в. в надвратном храме, единственном из храмов Зачатьевского монастыря, совершали требы для живших неподалеку православных. Здесь, например, были крещены дети певца Ф. И. Шаляпина.

После октябрьского переворота Спасский храм в 1918–1919 гг. по договору был принят образовавшейся при монастыре религиозной общиной, однако уже в марте 1923 г. городские власти потребовали закрытия всех монастырских храмов. Постановлением Президиума Моссовета от 14 апреля 1923 г. надвратный храм, в числе прочих, был ликвидирован и передан под нужды Главмузея Наркомпроса РСФСР. Однако вскоре под давлением писавших во ВЦИК верующих Спасский храм вернули общине, и богослужения в нем продолжались до 1926–1927 гг. Некоторые исследователи приводят устные свидетельства того, что службы в надвратной церкви шли до 1930–1931 гг., однако никаких документальных подтверждений этому не обнаружено.

В течение многих десятилетий здание церкви нещадно использовалось различными организациями, причем все внутреннее убранство было утрачено, усыпальница разорена, в ней устроили мастерскую гаража. Само церковное помещение разгородили перегородками и обратили в коммунальное жилье. Снесли венчавшую храм главку с крестом. Изувеченный надвратный храм стали реставрировать только в конце 1950-х гг., восстановили главу и утраченные детали декора и освободили проездную арку (руководитель реставрационных работ И. Казакевич). После окончания затянувшихся работ в помещении церкви поместили Всесоюзную научно-исследовательскую лабораторию по консервации и реставрации. У подножия отреставрированного храма в 1980–1990-е гг. находилось несколько старинных надгробий.

Надвратный храм был последним, закрытым в монастыре, с него же и началось возрождение Зачатьевской обители: 30 марта 1993 г. храм был передан

сестрам, перенесшим из Ильинского Обыденского приходского храма хранившиеся там долгие годы монастырские иконы Зачатия, вмч. Феодора Стратилата, свт. Феодосия Черниговского, список образа Божией Матери «Милостивая», а также большое деревянное Распятие с Голгофой. Уже 10 апреля 1993 г. в Лазареву субботу было совершено малое освящение, а 25 ноября того же года Патриарх Алексий II совершил и великое освящение Спасского храма. В 1996 г. надвратный храм отмечал 300-летие своего существования, в помещении бывшей усыпальницы Римских-Корсаковых устроили часовню, освященную 25 ноября 1999 г. Патриархом Алексием II во имя свт. Алексия митрополита Московского.

В 2013 г. в храме установили новый иконостас, в который вошли и некоторые старые иконы. В том же году в усыпальнице при земляных работах чудесным образом было найдено каменное барочного типа надгробие с изображением 2-х ангелов и надписью о захоронении умершего 14 сентября 1736 г. «…раба Божия Михаила Андреевича Римского-Корсакова, поживше во свете 32 года 10 месяцев 14 дней…». Так было найдено надгробие сына храмоздателя А. Л. Римского-Корсакова.

Сошествия Святого Духа домовый храм

Последний, сооруженный в монастыре до революции храм Зачатьевского монастыря имел домовый характер. Возведен по инициативе и на средства жившей в монастыре белицы Варвары Михайловны Головиной (урожд. Львовой), вдовы полковника, обратившейся в 1846 г. к митрополиту Московскому Филарету (Дроздову) с просьбой «дозволить соорудить собственным иждивением церковь внутри монастыря и при ней жилой корпус для размещения бедных и немощных старух из сестер монастыря…». В то время известный архитектор М. Д. Быковский, имевший большой опыт строительства храмов, занимался возобновлением в монастыре старой каменной трапезной, построенной в 1760-х гг. Ему же и было поручено составить проект нового храма, который был построен в 1849–1850 гг. Само здание храма представляло собой довольно высокий и узкий прямоугольный двухэтажный объем. На первом этаже устроили богадельню с жилыми комнатами, кухней и другими служебными помещениями.

Современные историки высоко оценивают постройку М. Д. Быковского. Е. И. Кириченко в своей книге, посвященной М. Д. Быковскому (1988 г.) так охарактеризовала храм: «Облик Духовской церкви Зачатьевского монастыря строг, даже аскетичен. Гладкие стены монолитного объема оживляет лишь сложный ритм арочных окон… Над северо- и юго-восточными пряслами стен, выделенными сравнительно пологим щипцом, высится барабан с яйцевидным куполом. Характерная форма аркатуры барабана и абрис купола вызывают отдаленные ассоциации с византийским стилем. Карниз здания украшен поребриком. Это сооружение, как и все другие храмовые постройки Быковского, обнаруживает удивительное умение зодчего включать новые постройки в сложившийся ансамбль, не нарушая его целостности».

Собственно сам храм с хорами был устроен на 2-м этаже. С запада к церковному зданию примыкала трапезная палата. Через хоры можно было попасть в келии, где проживала с послушницей храмоздательница В. М. Головина, принявшая к концу жизни монашеский постриг. Торжество освящения храма совершил 24 октября 1850 г. митрополит Московский Филарет (Дроздов). Большой купол, венчавший новый храм, как уже говорилось, вызывал ассоциации с византийским стилем. Полагают, что на выбор этого стиля М. Д. Быковским повлияло строительство в это же время неподалеку от монастыря кафедрального собора Христа Спасителя. К началу проектирования Быковским монастырской церкви у будущего собора был возведен свод большого купола.

В дальнейшем комплекс построек Святодуховского храма был расширен: в 1887 г. пристроили одноэтажное здание для келий сестер, ухаживающих за насельницами богадельни, в 1902–1909 гг. добавился еще корпус, предназначенный для сиротского приюта и церковно-приходской школы для девочек.

В 1918–1919 гг. Святодуховский храм был взят по договору с Моссоветом в пользование религиозной общиной, размещавшейся в стенах Зачатьевского монастыря. Закрыли храм Постановлением Президиума Моссовета от 14 апреля 1923 г. и передали под склад Главмузея. Однако, как уже упоминалось, вскоре храм открыли на короткое время и уже окончательно закрыли осенью 1925 г. Позже был снесен купол храма, внутреннее его пространство перестроили.

В здании бывшего храма и примыкающих к нему помещениях в разные годы размещались жилые квартиры, конторы, мастерские художников и др.

В 1991–1992 гг. формально остатки храма передали верующим, но реально он был освобожден арендаторами только к 2000 г. Под руководством архитектора-реставратора Б. Могинова начались большие ремонтно-реставрационные работы, в ходе которых в алтарной части обнаружен сохранившийся живописный фрагмент лика распятого Христа. Были восстановлены интерьеры, заново изготовлены мраморный иконостас в византийском стиле, большое паникадило-хорос, расписаны (в греческой традиции) стены и своды. Первое богослужение в храме совершено в 2001 г.

В 2003 г. на воссозданный купол торжественно водрузили крест. Под праздник Успения Пресвятой Богородицы в 2004 г. в подвальной части Духовского храма освятили малую «пещерную» церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы. 24 ноября того же года в канун праздника иконы Божией Матери «Милостивой» совершено малое освящение главного престола во имя Сошествия Святого Духа. Под руководством уже упоминавшегося архитектора Б. Могинова в 2003 г. в части, где располагались бывшие сестринские келии, стали устраивать придел во имя нмч. Владимира Амбарцумова — московского иерея, расстрелянного в 1937 г. Освящение этого 3-го престола в храмовом Святодуховском комплексе состоялось 2 ноября 2005 г.

В настоящее время богослужения в храме совершаются в воскресные и праздничные дни. Там находятся старинное распятие с частицей Животворящего

Древа Креста Господня, ковчеги с частицами святых мощей Киево-Печерских и Оптинских святых.

Зачатия Анны св. прав. храм

Престолы в честь Зачатия праведной Анны существовали в Зачатьевском монастыре издревле. Полагают, что престол с таким именем был еще в 1360-е гг. в соборе Алексия человека Божия. Такой придел был и в сооруженном в 1514 г. Преображенском соборе. В монастырском соборе конца XVI в. — 1804 г. главный престол также был Зачатьевским. Наконец, в последнем по времени сооружения соборе обители на хорах находился придел в честь Зачатия св. прав. Анны. Как известно, ни один из вышеперечисленных соборов не сохранился, и при возрождении обители в 1990-е гг. было решено устроить Зачатьевский храм в сохранившемся трапезном корпусе (построен в 1909 г.). В помещении в южной части этого здания сделали сводчатый потолок, расписали его и стены священными изображениями, поставили двухъярусный иконостас с написанными в древнерусском стиле образами. Новый храм освятили в 1999 г., и до 2005 г. в нем пребывала переданная из храма св. прор. Илии (Обыденного) чудотворная икона Божией Матери Милостивая.

Рождества Пресвятой Богородицы собор
на месте утраченного собора

Построен в 2005–2010 гг. и считается 5-м собором за всю историю монастыря. В 2002–2003 гг., как уже упоминалось, было разобрано типовое четырехэтажное школьное здание. На этом же месте решили построить и новый собор. При разборке фундамента и подвала археологи (под руководством Л. А. Беляева) обнаружили и тщательно исследовали фундаменты древних построек, белокаменные надгробия XIV–XIX вв., предметы из захоронений (нательные кресты, вериги, образки, фрагменты керамики и др.). Решено было строить новый собор в стиле древнерусской архитектуры: пятиглавый, с характерными крыльцом, звонницей — не повторяя неоготических форм, находившегося здесь в 1807–1932 гг. последнего по времени («четвертого») соборного храма. Проект нового храма принадлежит известному современному церковному архитектору Андрею Николаевичу Оболенскому. Он является автором проектов многих известных современных православных храмов, создателем Архитектурно-художественного центра Московской Патриархии «Арххрам». Решение воссоздавать монастырский собор в древнерусском, а не в неоготическом стиле вызвало значительные сложности и дополнительные согласования проекта. До сих пор снесенные в 1930-е гг. церковные памятники восстанавливали в том виде, в каком они были до разрушения. Игумения Иулиания вспоминала об этом: «Во-первых: хотелось построить собор не в неого-

тическом стиле, а в древнерусском, чтобы он органично вписался в облик древнего монастыря. Во-вторых, действительно, размеры прежнего соборного храма… нас не устраивали. Монастырь находится в непосредственном подчинении у Святейшего Патриарха, и Его Святейшество вместе с архиереями, сонмом духовенства часто на праздники совершает здесь богослужения. Богомольцев в обитель приходит много. Бывает много гостей, представителей властей, официальных лиц… И если бы мы новый собор сделали точной копией прежнего, то как бы он вместил всех людей, желающих разделить с сестрами обители радость праздника?». Удалось убедить в необходимости строительства собора в древнерусском стиле Патриарха, а затем утвердить новый проект на совместном заседании Методического совета Министерства культуры и Главного управления охраны памятников г. Москвы. Тогда было определено, что в подклете нового собора будут экспонированы археологические остатки старого, и новый собор встанет не на эти остатки, а на особые опоры, поднимающиеся над руинами.

25 ноября 2005 г. в день праздника чудотворного образа Божией Матери «Милостивая» чин освящения закладного камня в основание строящегося собора совершил Патриарх Алексий II. С ходом работ по возведению храма знакомились и Алексий II, и его преемник — Патриарх Кирилл. 25 ноября 2010 г. в праздник иконы Божией Матери «Милостивая» и в день празднования 650-летия основания монастыря Патриарх Кирилл в сослужении архиереев Русской, Александрийской и Кипрской Православных Церквей совершил великое освящение главного Рождественского престола собора. Сослужащие Святейшему архиереи тогда же освятили 6 приделов нового храма.

Храмоздателем нового собора стал известный предприниматель Дмитрий Евгеньевич Рыболовлев. Архитектура храма соответствует стилю кремлевских и крупнейших монастырских соборов Москвы. Главный вход выполнен в виде «красного» крыльца с шатриком, что характерно для архитектуры XVII в., а звонница напоминает подобные сооружения древних Новгорода и Пскова. Высота собора до верха креста составляет 48 м, диаметр центрального купола — 10 м, вместимость — 1500 чел. Стены и своды храма выполнены из кирпича, кровля из меди, а главы из мозаичной золотой смальты.

Уникальность нового собора — и в его многочисленных (10) приделах. В их названиях запечатлена древняя и новейшая история обители: Рождества Пресвятой Богородицы; свт. Алексия митрополита Московского и прп. Алексия человека Божия (по его имени первоначально именовался монастырь); свв. правв. Иоакима и Анны — небесных покровителей обители, с XVI в. именовавшейся Зачатьевской; прпп. Иулиании и Евпраксии; в честь Казанской иконы Божией Матери; в честь иконы Божией Матери «Неопалимая Купина»; сщмч. Киприана и мц. Иустины (их святые мощи пребывали в монастыре в 2005 г.); св. блгв. кнг. Иулиании Вяземской (небесная покровительница нынешней игумении монастыря); св. вмч. Димитрия Солунского (небесный покровитель благотворителя Д. Е. Рыболовлева). Последний, десятый, придел находится в подклете собора, освящен он в марте 2011 г. «во имя преподобных отцев и матерей, в подвиге

поста и молитвы просиявших, — в память всех тех, кто когда-то подвизался в обители и имена которых до нас не дошли».

В новом соборе находятся наиболее почитаемые святыни восстановленной обители: чудотворная икона Божией Матери «Милостивая» в старинном напольном киоте, образ свв. правв. Иоакима и Анны, изготовленный в 2011 г. в Зачатьевском монастыре и освященный на Афоне, почитаемый верующими Пояс Пресвятой Богородицы (копия Пояса, хранящегося в Ватопедском монастыре на Афоне). С 2015 г. в соборе пребывает полученный в дар с Афона ковчежец с точными копиями трех частиц Честных Даров волхвов. Хранятся здесь и частицы святых мощей прпп. отцов Киево-Печерских и старцев Оптинских, а также новомучеников Российских. В Казанском приделе стоит гробница основательниц монастыря прпп. игумении Иулиании и монахини Евпраксии (память 3/16 мая).

При сооружении нового собора впервые в современной практике такого рода работ были сохранены обширные по площади археологические раскопки с находками. Это уникальное подземное пространство с остатками фундаментов и даже стен стало основой большого монастырского церковно-археологического музея. Экспонаты его — сохранившиеся остатки храмов XVI–XIX вв., белокаменные надгробия, помещенные в витрины нательные крестики, сосуды для елея, фрагменты посуды, керамический рукомойник, монеты и др. В экспозиции можно увидеть даже обнаруженные археологами части древних келий и погребка. Музей занимает несколько помещений, в одном из которых экспозиция посвящена гонениям на Церковь в XX в. Специально для музея написаны картины-реконструкции. По музею проводятся экскурсии.

Источники и литература:

1. ЦГАМО. — Ф. 19. — Оп. 1. — Д. 45. Материалы… о закрытии церквей, часовен, монастырей. 1922–1924 гг. — 183 л.
2. ЦГАМО. — Ф. 66. — Оп. 18. — Д. 290. Дело по изъятию ценностей из церквей Хамовнического района с актами и описями. 1922 г. — 381 л.
3. ЦГАМО. — Ф. 4557. — Оп. 11. — Д. 1170. Акты обследований церковных и монастырских помещений. 1918–1919 гг. — 48 л.
4. ГАРФ. — Ф. А-353. — Оп. 7. — Д. 19. Переписка с Президиумом Моссовета о закрытии церквей… 1923–1924 гг. — 362 л.
5. ГАРФ. — Ф. Р-1235. — Оп. 64. — Д. 464. Переписка с Наркомпросом… о передаче церковных помещений…. 1924–1929 гг. — 343 л.
6. Краткий исторический очерк Московского Алексеевского девичьего монастыря / сост. Е. В. Ушакова. — М., 1877. — 64 с.; М., 2016. — 59 с.
7. Историческое описание Московского Зачатьевского девичьего монастыря / сост. Л. Смирнов. — М., 1884. — 90 с.
8. *Кириченко Е. И.* Михаил Быковский. — М., 1988. (О храме Сошествия Святого Духа — С. 210–211).
9. Памятники архитектуры Москвы. Земляной город. — М., 1990. (О надвратной Спасской церкви Зачатьевского монастыря — С. 52–53).
10. Обозрение Москвы / А. Ф. Малиновский. — М., 1992. — 252 с.
11. Сорок Сороков : краткая иллюстрированная история всех московских храмов : [в 4 т.] / собр. П. Паламарчук; фот. П. Паламарчука, А. Демченко. — Т. 1. Кремль и монастыри. — М., 1992. — С. 218–225.
12. *Беляев Л. А.* Архитектурно-археологический памятник как предмет охраны и проблемы формирования локальных музеев : опыт работы в Московском ставропигиальном

женском Зачатьевском монастыре // Проблемы спасательной археологии : Научно-практическая конференция к 75-летию А. Г. Векслера. — М., 2006. — С. 23–28.

13. *Рогозина М. Г.* Зачатьевский монастырь. Церковь Зачатия праведной Анны в Зачатьевском монастыре // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Декабрь. — М., 2006. — С. 324–331.
14. *Рогозина М. Г.* Церковь Сошествия Святого Духа в Зачатьевском монастыре // Москва православная. Великий пост. Святая Пасха. — М., 2007. — С. 554–557.
15. *Ёлкина И. И.* Храм конца XVI в. в Алексеевском Зачатьевском монастыре : Результаты исследований 2003–2005 гг. // Московская Русь : Проблемы археологии и истории архитектуры : к 60-летию Л. А. Беляева. — М., 2008. — С. 394–404.
16. *Беляев Л. А., Баталов А. Л., Иулиания (Каледа) игумения.* Зачатия праведной Анны Пресвятой Богородицы женский монастырь // ПЭ. — Т. XIX. — М., 2008. — С. 715–728.
17. «Под Твою милость прибегаем, Богородице Дево…» : Повествование об иконе Божией Матери «Милостивая», что в Зачатьевском женском монастыре : [к 20-летию возобновления монашеской жизни в Зачатьевской обители] / [ред. В. Б. Захарова]. — М., 2012. — 71 с.
18. *Беляев Л. А.* Алексеевский и Зачатьевский: два монастыря Москвы в зеркале археологии и истории XIV–XVI веков // Исторические записки. — Т. 18 (136). — М., 2019. — С. 5–59.
19. *Беляев Л. А., Ёлкина И. И.* О времени постройки первого каменного собора Алексеевского Зачатьевского монастыря: опыт автокоррекции // Вестник сектора древнерусского искусства. — 2020. — № 2 (4). — С. 65–78.

Златоустовский 3-го класса необщежительный мужской монастырь

Б. Златоустовский пер., д. 3–5

сохранился частично, как монастырь не восстановлен

В начале XX в. – 4 храма с 6 престолами

Благовещения Пресвятой Богородицы храм-усыпальница

Захарии св. прор. и Елисаветы св. прав. надвратный (над западными воротами) храм

Иоанна Златоуста свт. собор

Троицы св. Живоначальной трапезный храм
- Димитрия Ростовского свт. придел
- Иннокентия Иркутского свт. придел

ИСТОРИЯ ДО 1917 г.

Точная дата основания монастыря неизвестна, первое же его упоминание в летописях относится к 1412 г. в связи с погребением архидиакона Иоакима «...в монастыре Ивана Златоустаго вне града Москвы» (тогда территория, где находилась обитель, была загородной).

В монастыре первоначально существовал Златоустовский деревянный храм, вместо которого в 1479 г. по указу великого князя Ивана III была заложена каменная церковь свт. Иоанна Златоуста «на посаде в садех». Рядом с ней тогда же была сооружена и церковь во имя св. апостола Тимофея, в день памяти которого родился великий князь.

Историк монастыря архимандрит Григорий (Воинов), описывая монастырь начала XVII в., цитирует запись в писцовых книгах 1621 г.: «монастырь Златоустовской, а на монастыре храм каменный Ивана Златоустого... келлии братские, двор стряпчего...».

Вторая по счету каменная церковь в монастыре была возведена в 1632 г. и освящена во имя св. мученика Василиска. Имя этого святого связано с преданием о последних днях жизни свт. Иоанна Златоуста. Храм был построен на

средства Конона, Петра, Андрея и Никиты Апраксиных. В новой церкви было 2 придела — во имя св. мч. Конона и св. сщмч. Корнилия-сотника (известно, что внука Н. Апраксина звали Корнилием).

Новую трапезную церковь во имя Всемилостивого Спаса построили в 1663 г. на пожертвования Зюзиных и других вкладчиков. В своей книге архимандрит Григорий приводит уникальный по информативности архивный документ с подробным описанием монастыря и всех его строений на 1679 г.: «Соборная церковь каменная. Подле нее церковь каменная Покрова Пресвятой Богородицы; под колоколами церковь каменная св. великомученика Феодора Стратилата, а те три церкви вместе. Позади алтарей церкви Иоанна Златоуста церковь каменная с трапезою, теплая — Нерукотворенного образа Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Под церковью — хлебопекарня и прочие монастырские службы, а около тех церквей кладбища давние. Святые ворота вновь устроены каменные с калиткою... Задние ворота каменные на проезжую улицу, что ездят к Николе у Столпа. Ограда деревянная... На монастыре келия игуменская: четыре келии братские поставлены заново, позади их огород...». Таким образом, в 1679 г. в Златоустовском монастыре насчитывалось 4 храма.

В 1686 г. вместо прежних деревянных строятся каменные келии, а в 1704–1705 гг. появились и каменные Святые ворота со сторожкой и стена с передней стороны обители. Вполне возможно, что материал на новые каменные строения брали с монастырского кладбища. Архимандрит Григорий в связи с этим цитирует расходные книги тех лет: «Подряжен каменщик разсекать белое каменье, которое было в монастыре от давних лет на могилах, на тумбы и на столпы, и на гзымсы и на плиты... И разсек тех камней 185 арш[ин]...».

Златоустовский монастырь имел земли и недвижимость в Москве и за ее пределами. В Земляном городе за Покровскими воротами находилась монастырская часовня, место для которой отдал в пользу обители И. И. Манатейников «для поминовения своих родителей».

В начале XVIII в. в обители числилось 25 чел. братии.

В XVII в. в монастырь поступали богатые вклады многих известных лиц. Так большие напрестольные украшенные серебряными окладами Евангелия дарили в обитель: царь Алексей Михайлович (1654 г.), Апраксины (1627 и 1632 гг.), князья Пронские (1640 и 1678 гг.). Много жертвовали на строительство, ремонт монастырских храмов, снабжение их необходимой утварью представители и других известных княжеских и дворянских фамилий — Барятинских, Зюзиных, Матюшкиных, Мосальских, Засекиных, а также царевичи Касимовские и др.

В начале XVIII в. Златоустовский монастырь пережил эпоху расцвета. Главнейший его вкладчик — адмирал, известный государственный деятель, военачальник, участник многих военных походов, воевода ряда областей России Федор Матвеевич Апраксин, обратился к царю Петру I с просьбой учредить в монастыре архимандритию. Находившийся тогда в Киеве государь исполнил его пожелание и повелел митрополиту Рязанскому Стефану Яворскому в своем присутствии 15 августа 1706 г. посвятить в Киево-Печерской Лавре златоустовского игумена Антония во архимандрита. Архимандритня подняла статус Златоустовского монастыря, в этом статусе он просуществовал до 1764 г. В 1711 г. на средства Ф. М. Апраксина в монастыре был построен Благовещенский храм.

В 1712 г. разбирают старую колокольню, в которой находился храм св. вмч. Феодора Стратилата, и к 1714 г. возводят новую колокольню.

В 1721 г. к Златоустовскому монастырю приписали находившуюся в Подмосковье Давидову пустынь. Большой урон нанес монастырю опустошительный московский пожар 1737 г., в котором сгорела Спасская церковь с трапезной и выстроенный за год до этого на средства И. П. Матюшкина храм во имя св. мч. Иоанна Воина. Сильно пострадала от огня и построенная на его же пожертвования Покровская церковь над Святыми воротами. Это бедствие случилось во время настоятельства архимандрита Лаврентия (1735–1758 гг.), ему и пришлось принять на себя труды по восстановлению обители. На помощь пострадавшему от пожара монастырю пришли российские императрицы — сначала Анна Иоанновна (сделала пожертвование на возобновление монастыря) и затем Елизавета Петровна, посетившая обитель 7 сентября 1742 г. и давшая значительные средства на сооружение на месте сгоревшей надвратной Покровской церкви нового храма во имя св. прор. Захарии и св. прав. Елисаветы (освящен в 1742 г.)

Продолжением активной строительной деятельности архимандрита Лаврентия в 1740–1750-е гг. стала постройка новой колокольни. В 1746 г. старую звонницу велено было разобрать и начать строительство новой — большой, трехъярусной. Мастером К. М. Слизовым были отлиты в 1740–1750-е гг. новые 5 колоколов, весом в 306, 170, 39, 15 и 1 пуд. Старая колокольня простояла до 1750-х гг., когда и была разобрана. В завершение периода большого строительства в монастыре был возведен новый Троицкий храм, поставленный в 1761 г. на месте обветшавшего Спасского трапезного храма. Троицкий храм стал последней крупной постройкой в истории обители.

Секуляризация 1764 г. сильно подорвала благополучную жизнь обители. Недвижимые имущества были отобраны, и взамен их назначено денежное жалованье. Златоустов монастырь причислили лишь к 3-му классу, вместо архимандритии вновь учредили игуменство, число братии было определено в 11 чел. На содержание монастыря выделили 806 руб., из которых 200 руб. — на починку построек.

Вторым сильным ударом по монастырю была известная эпидемия чумы, появившейся в Москве уже в 1770 г. и бушевавшей в следующем 1771 г. Во время эпидемии скончались 4 монаха обители. После чумы в 1771 г. в Златоустовском монастыре, как и в других расположенных близко к центру города обителях, захоронения были запрещены. Это также отрицательно сказалось на хозяйственно-экономической деятельности монастыря, ведь от погребения состоятельных москвичей он получал основной доход. И хотя в 1775 г. монастырю была возвращена архимандритию, экономическая жизнь его была нарушена. В 1778 г. братия жаловалась митрополиту Московскому Платону (Левшину): от «малопроизводимого жалованья терпим в содержании крайнюю бедность».

При Павле I финансирование монастыря было увеличено до 1460 руб., он был наделен землей и мельницей, но этого было недостаточно, чтобы поддерживать большое хозяйство обители. Вплоть до 1812 г. в монастыре крупных строительных работ не велось. Тем не менее, была отстроена часть ограды с двумя воротами, сооружены баня и хлебный амбар, совершался текущий ремонт.

Первая половина XIX в., как и век предыдущий, дала довольно много именитых вкладчиков, среди которых были Апраксины, Матюшкины, Головины,

Урусовы, Шереметевы, Барятинские, Кольцовы-Мосальские и др. Многие представители этих фамилий были погребены на монастырском кладбище, в том числе в Златоустовском и Благовещенском храмах. После 1770-х гг., когда погребения в монастыре были запрещены, череда вкладов и пожертвований со стороны княжеских и дворянских родов сократилась.

Большим испытанием для обители стал 1812 г. 31 августа обоз из 7 подвод, наполненных монастырской драгоценной церковной утварью, выехал из Москвы в Вологду, в Спасо-Прилуцкий монастырь, и, таким образом, самое ценное церковное имущество было спасено. Сам Златоустовский монастырь от Великого московского пожара чудом не пострадал, хотя все храмы были разорены и ограблены неприятелем. В 1813–1814 гг. храмы были восстановлены и после ремонта освящены. Церковь же под колокольней так и осталась закрытой, а в июне 1834 г. ее упразднили, и дверь ее заложили. В 1835 г. приступлено было к сооружению ограды позади монастыря. К 1836 г. вместо старого построили новый каменный одноэтажный корпус. Через год архимандрит Митрофан устроил новую келию под колокольней на месте бывшего Спасского храма.

Судьбоносными в истории Златоустовского монастыря стали 1847–1848 гг., когда в Москве разразилась эпидемия холеры. Именно в это тяжелое время в мае 1847 г. начала источать чудеса икона Божией Матери «Спорушница» в московском Николо-Хамовническом храме, а в феврале 1848 г. одному заболевшему холерой — Иродиону Васильевичу Воробьеву, чудесно указана была и явилась в тонком сне находившаяся в Златоустовском монастыре икона Знамения Богоматери. Больной выздоровел, стал искать эту икону и нашел ее над аркой при входе в Троицкий храм обители. По просьбе И. В. Воробьева этот образ поместили в церковь. Позже чудотворный образ перенесли в Златоустовский собор. Икона стала центром паломничества, перед ней совершилось много чудес и исцелений. В монастыре даже завели специальную «Книгу чудотворений от образа Знамения Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии...», в которой подробно записаны 8 чудес исцеления разных людей от тяжелых болезней (ныне эта книга хранится в РГАДА, в архивном фонде монастыря). Как писал архимандрит Григорий, «со времени прославления Знаменской иконы, находящейся в Златоустовом монастыре, последний приходит в более и более цветущее состояние».

Практически все храмы и многие другие постройки были отремонтированы и отреставрированы, благоустроили и территорию монастыря, все дорожки выложили белым камнем.

Крупными вкладчиками в обитель в 1840–1860-х гг. были графиня А. А. Орлова-Чесменская, княгиня О. М. Кольцова-Мосальская, надворные советницы О. И. Чаплыгина и Е. Д. Корсакова, купец И. В. Воробьев, купеческая вдова А. В. Мазурина, иркутские купцы.

В последней четверти XIX в. в Златоустовском монастыре некоторое время располагались Совет, архив и библиотека Братства св. Петра митрополита Московского, основанного в декабре 1872 г.

В начале XX в. в обители числились архимандрит, 11 монахов, 2 послушника.

История самого Златоустовского монастыря со времени основания и до 1870-х гг., его храмов, замечательных икон и предметов церковной утвари, биографии игуменов и архимандритов обители известны нам благодаря изданному

труду замечательного церковного историка архимандрита Григория (Николая Ивановича Воинова; 1834–1896), выдержки из которого мы неоднократно здесь приводим. Получив образование в Московской духовной академии и приняв иноческий постриг, автор этого труда служил инспектором и преподавателем в 3-х духовных семинариях, а затем был архимандритом, настоятелем последовательно 3-х старинных московских монастырей: Златоустовского (1867 г.), Высоко-Петровского (1873 г.) и Спасо-Андроникова, где и был погребен. Именно о. Григорием составлены и изданы основанные на архивных источниках исторические описания этих монастырей, которыми до сих пор пользуются историки.

ИСТОРИЯ ПОСЛЕ 1917 г.

Октябрьский переворот 1917 г. в корне изменил жизнь монастыря. Юридически община в 1918 г. прекратила свое существование, а храмы обители были зарегистрированы властями как приходские. Жилые помещения монастыря стали заселяться посторонними лицами. В апреле 1922 г. при изъятии церковных ценностей из обители вывезли 7 пудов 20 фунтов предметов серебряной церковной утвари (риз, окладов, Евангелий, богослужебных сосудов, крестов, лампад, кадил и т. д.), более 4 фунтов драгоценных камней. Вероятно, тогда же какую-то монастырскую церковную утварь историко-художественного значения увезли в московские музеи. Известно, что на заседании архитектурно-реставрационного отделения ЦГРМ 20 мая 1925 г. обсуждалась просьба сотрудников Оружейной палаты взять паникадило шведской работы XVII в. из Троицкой церкви. Однако тогда же реставраторы сочли это нежелательным, так как паникадило это было связано с историей обители. Позже 2 исторических апраксинских паникадила были вывезены музейными работниками и, как свидетельствуют современные исследователи, проданы в конце 1920-х — в 1930-е гг. в Финляндию и ныне находятся в музее Похьянмаа.

К сожалению, мы очень мало знаем о жизни монашествующих в первые послереволюционные годы, когда в бывшем монастыре обосновались обновленцы.

По данным современных исследователей, многие монахи монастыря уже в первые послереволюционные годы были гонимы, а несколько из них впоследствии расстреляны. Четверо насельников в наше время причислены к лику святых. Среди них — сщисп. Феодосий (Ганицкий), бывший в 1909–1920 гг. настоятелем Златоустовской обители. В 1920 г. короткое время управлял монастырем и сщмч. Петр (Полянский), впоследствии ставший митрополитом Крутицким. В начале XXI в. РПЦ канонизировала прпмч. Пахомия (Туркевича), бывшего в канун революции духовником обители, и прпмч. Рафаила (Тюпина), принявшего в 1922 г. постриг в Златоустовском монастыре.

Златоустовский монастырь стал одним из первых в Москве, памятники которого власти и различные административные и хозяйственные организации еще в середине 1920-х гг. наметили к сносу. Еще в мае 1924 г. техническая контора «Домострой» запрашивала у власти и у реставраторов разрешение разобрать часть монастырской ограды в связи с возведением конторой нового дома, угол которого должен был заходить на территорию бывшей обители. Любопытно, что в виде своеобразной компенсации за ущерб, «Домострой» обещал перекрыть железом всю монастырскую стену.

В 1925 г. другая подобная организация — кооперативное товарищество «Взаимокредитстрой», обратилось за разрешением построить «каменный дом в несколько этажей» прямо на территории монастыря. Тогда реставраторы отказали в этой просьбе, объяснив, что предполагаемая постройка «будет загораживать вид на монастырский ансамбль».

Через 2 года ситуация изменилась настолько, что власти уже намерились снести храмы Златоустовского и Сретенского монастырей. В июле 1927 г. в Москоммунхозе рассматривался вопрос о сносе сразу 3-х монастырских храмов и устройства там парка или сквера. Реставраторы тогда заняли компромиссную позицию, поддержав проект озеленения, не став возражать против сноса колокольни и трапезной Троицкого храма, но при этом решено было отстаивать находившийся на учете Музейного подотдела МОНО собор, «Апраксинскую» (Благовещенскую) и надвратную (Захарие-Елисаветинскую) церкви. Несмотря на это в Моссовете в ноябре 1927 г. настаивали на необходимости сноса храма св. прор. Захарии и св. прав. Елисаветы. Однако 1 декабря 1927 г. МКХ признал, что снос 2-х монастырских храмов и колокольни пока «нецелесообразен». По поводу этой ситуации руководители МКХ Домарев и Кнорре 16 марта 1928 г. писали в Наркомпрос: «Заслушав представителя Музейного подотдела МОНО тов. Клушанцева о необходимости сохранения собора т. н. Иоанна Златоуста постройки 1700 г. и Апраксинской усыпальницы с церковью т. н. Благовещения постройки 1711 г., как зданий, представляющих большой археологический интерес, и учитывая, что весь данный квартал по проекту “Большая Москва” отводится под устройство расширения улицы, так и освобождения всего квартала, застроенного многочисленными жилыми зданиями, совещание считает снос зданий б. Златоустовского монастыря в ближайшие годы — нецелесообразным». Можно предположить, что перспектива будущего масштабного расселения большого числа жителей испугала власти и отсрочила уничтожение монастырского ансамбля. Но эта временная (и, видимо, вынужденная) уступка не означала, что МКХ отказался от плана сноса монастыря. Уже через год в письме МКХ от 9 марта 1929 г. в Президиум Моссовета указывалось, что «в будущем по плану “Большой Москвы” весь участок бывшего монастыря отводится под парк, и снос этих церковных зданий приблизит осуществление проекта». В этом же письме упоминалось, что в колокольне размещается слесарная мастерская, а само ее здание имеет выступающие на тротуар контрфорсы и должно быть снесено.

В конце 1920-х гг. церковные здания бывшего монастыря (кроме собора) были заняты различными организациями под жилье, склады, мастерские. На рубеже десятилетий появился и план застройки квартала многоэтажными жилыми домами, в том числе и зданиями Института востоковедения им. Н. Нариманова. На обращение последнего с просьбой выделить территорию бывшей обители под ведомственную застройку Главнаука Наркомпроса 5 марта 1930 г. отвечала, что возражений против застройки части участка № 3–5 по Златоустовскому пер. нет, и Наркомпрос «...не возражает против застройки его части, сноса келейного корпуса, Троицкой церкви и колокольни..., что же касается зданий собора, т. н. Апраксинской церкви и главных ворот, то Главнаука считает их подлежащими сохранению, так как эти сооружения в историко-архитектурном отношении представляют значительный интерес».

Видимо, в 1931 г. власти решили снять с монастырской колокольни колокола и передать их на переплавку «Металлому». Реставратору С. А. Торопову было поручено обследовать эти колокола на предмет их исторической ценности. В конце июня 1931 г. им были осмотрены колокола, и результаты доложены на заседании ЦГРМ 9 июля, о чем в протоколе появилась запись: «Всех колоколов 11, почти одновременных колокольне 1746/47–1758. Особого интереса не представляют, но имеют интересную орнаментику». Соответственно докладу было принято и постановление: «Не возражать против передачи колоколов («Металлому» — *В. К.*), ввиду интереса, представляемого орнаментом, признать желательным произвести предварительное фотографирование». По всей видимости, в начале 1930-х гг. окончательно решался вопрос о сносе всего архитектурного ансамбля. 7 февраля 1933 г. ЦГРМ обсуждало присланный Архитектурно-планировочным управлением Мособлисполкома список предназначенных к сносу 18 памятников Москвы, среди которых числились собор Страстного монастыря и «здание бывшего Златоустинского монастыря». В 1932 г. появился «Перспективный план комплексного освоения бывшей территории Златоустовского монастыря», по которому в квартале предполагалось построить несколько больших многоэтажных домов. В 1933–1934 гг. собор и Благовещенский храм снесли, и на этом месте по проекту архитектора Л. З. Чериковера ОГПУ построило для своих сотрудников большой дом в 4–7 этажей. На месте же снесенной Троицкой церкви возвели двухэтажное здание детского сада того же ведомства. Вскоре от всего монастырского ансамбля остались небольшие корпуса монастырских келий. Один из них снесли чуть позже, а второй — в 1996 г.

Сохранились лишь единственный скромный двухэтажный келейный корпус, выходящий в Малый Златоустинский пер., и невысокая полуразрушенная кирпичная круглая башенка ограды.

К сожалению, в архивах до настоящего времени не удалось выявить документальных материалов о принятии решений по закрытию и сносу храмов и по вывозу ценного церковного имущества, описей этого имущества тоже пока не обнаружено. Возможно, это было связано с тем, что закрытие собора, снос храмов и строительство комплекса зданий на бывшей монастырской территории производило ОГПУ.

О снесенной обители постепенно забыли, а уцелевший двухэтажный келейный корпус (Малый Златоустинский пер., д. 5, стр. 1) уже в наше время передали соседнему храму свв. бессребреников и чудотворцев Космы и Дамиана на Маросейке. В нем в 2010-х гг. открылся православный историко-культурный центр «Открытие», в котором развернулась образовательная и миссионерская деятельность прихода.

Главным толчком к изучению прошлого места и снесенного монастыря стало обнаружение на территории бывшей обители в 2011 г. во время ремонта теплотрассы древних белокаменных надгробий, саркофагов XVI–XVIII вв., среди них — фрагменты надгробных плит членов семей Стрешневых и сибирского царевича Андрея Кучумовича. Известие о находках всколыхнуло московскую общественность, и по инициативе главного редактора «Московского журнала» А. Ф. Грушиной, Отделения краеведения и историко-культурного туризма ИАИ РГГУ (В. Ф. Козлов и А. Г. Смирнова), прихода храма Космы и Дамиана (иерей Сергий Чураков) и Московского краеведческого общества в ИАИ 28 ноября 2011 г. была организована научно-практическая конференция «Златоустовский монастырь в истории и куль-

туре Москвы». Вторая такая конференция («Мир московского Златоустовского монастыря. От открытия к обретению») теми же организаторами совместно с центром «Открытие» проведена 24 марта 2015 г. уже в историческом келейном корпусе Златоустовского монастыря. Вскоре такие форумы стали регулярными, они получили название «Златоустовских чтений» и проводятся в бывшем келейном корпусе. К 2020 г. состоялось 7 чтений, на которых выступили многие историки, краеведы, археологи, архитекторы, музейные и архивные сотрудники и др. При Космодамиановском храме был создан Центр изучения истории и наследия Московского Златоустова монастыря (руководитель — иерей Сергий Чураков). Перед построенным в 1934 г. на месте монастырского собора домом поставлен гранитный валун, в который вмонтирована отлитая из металла доска с рельефным изображением обители и надписью: «Иоанно-Златоустов монастырь на месте сем с 1412 года». В 2019 г. территория бывшего Златоустовского монастыря включена в государственный реестр как объект культурного наследия г. Москвы «Достопримечательное место», и в келейном корпусе открыт музей Златоустовского монастыря. В его экспозиции представлены московские археологические находки, подлинные и копийные фотографии, планы, рисунки, макет обители и др. Во дворе корпуса под навесом выставлены найденные средневековые надгробия и их фрагменты. С помощью новейших технических средств посетители музея могут совершать виртуальную экскурсию по монастырю начала XX в.

На 2-м этаже келейного корпуса Златоустовского монастыря открыта часовня во имя свт. Иоанна Златоуста.

Цель этих многочисленных и разнообразных мероприятий заключается не только в том, чтобы возвратить в историко-культурное пространство Москвы память об утраченной древней обители, но и в том, чтобы будировать общественность, формировать понимание необходимости воссоздания отдельных храмов Златоустовского монастыря, изучения его истории, жизни насельников.

Иоанна Златоуста свт. собор

не сохранился

Построен на месте деревянного храма в 1479 г. по указу великого князя Ивана III и освящен во имя свт. Иоанна Златоуста. В летописи об этом было записано: «В лето 6987 (1479)... заложил церковь Иоанна Златоустаго великий князь Иван камену, а прежде бывшую деревяную разобрав, бе же та изначала гостей московских строение, да уже и оскудевати начат монастырь той; князь же великий учини игумена тоя церкви выше всех соборных попов и игуменов града Москвы и заградских попов...». Летопись также сообщала, что рядом, через простенок от собора была заложена и церковь во имя апостола Тимофея, в день памяти которого родился великий князь. Строили собор псковские мастера. Специалисты считают, что первоначальный каменный собор был небольшим по размеру, крестовокупольным, одноглавым.

К середине XVII в. монастырский собор обветшал, и было принято решение его разобрать и построить на его месте новый. В первой половине 1660-х гг. был

сооружен большой пятиглавый храм, который и дожил до 1930-х гг., когда был разрушен. Храм окружала широкая галерея. Полагают, что главным жертвователем на сооружение собора был князь Федор Никитич Барятинский. Им же были принесены в дар в 1666 г. богослужебные сосуды с воздухами, а в 1687 г. 2 сосуда с пеленами.

Большое участие в благоукрашении нового собора принял Никита Алексеевич Зюзин: «по обещанию своему» пожертвовал в 1663 г. аналойные образа свт. Иоанна Златоуста и Воскресения Христова, 40 икон в серебряных ризах и в киотах для расположения вокруг столпов.

Много жертвовали на благоукрашение собора Апраксины, представители многих других знатных фамилий.

В 1700 г. на средства Барятинских был произведен большой ремонт собора, в результате которого изменили его верх. Вместо сложного позакомарного покрытия церковное здание перекрыли простой четырехскатной крышей, установили новые главы на более тонких граненых барабанах.

В 1812 г. собор не пострадал от пожара, хотя и был разграблен, как и другие храмы обители. После изгнания французов произвели ремонт: обновили стенную роспись, окрасили и позолотили некоторые киоты вокруг каменных столпов, устроили новые клироса, соорудили бархатные хоругви и т. д. Собор был освящен архиепископом Московским Августином 24 июня 1814 г.

Большие ремонтно-восстановительные работы были проведены в Златоустовском соборе в 1850–1860-х гг. В июне 1851 г. обветшавший пятиярусный иконостас XVII в. был разобран, отреставрирован и позолочен заново. Известный художник Н. И. Подключников отреставрировал иконостасные образа (за исключением храмового), 6 икон были написаны заново. Стенную живопись промыли и тоже отреставрировали. Обновленный собор в 1852 г. осматривал митрополит Филарет (Дроздов), а 3 октября 1853 г. он торжественно освятил храм. В 1867–1868 гг. при архимандрите Григории укрепили подвальный этаж собора с выкладкой фундамента и новых стен для поддержания свода. На металлических листах были написаны священные изображения и помещены под кровлей собора с трех его сторон.

В Златоустовском соборе находились многие святыни обители. В алтаре близ Горнего места хранилась Панагия с частицей Ризы Господней. Панагия была вставлена в серебряно-вызолоченную доску, в которой было 20 частиц мощей разных святых. Здесь же хранился и серебряный ковчежец с частью святых мощей свт. Иоанна Златоуста.

Главной святыней собора была современная первому каменному храму древняя икона свт. Иоанна Златоуста. Высота этого древнего образа составляла 1 аршин 2 вершка; есть его подробное описание: «Святитель, строгий видом и с резкими чертами лица, представлен во весь рост, в полном архиерейском облачении; правою рукою он благословляет, а в левой держит закрытое Евангелие... На митре написан Спаситель, благословляющий с Божией Матерью и святым Иоанном Предтечею. В палицу, устроенную на серебропозлащенной ризе, вложена частица мощей св. иерарха, а в иконную кипарисную д[о]ску, по

краям оной, положены мощи: св. Иосифа праведного, великомученика Пантелеимона и св. Анны, матери Пресвятой Богородицы; по другую сторону — часть Животворящего древа, мощи Симеона Богоприимца и преподобномученика Андрея Критского». На ризе иконы была надпись: «Обновлен сей образ Иоанна Златоуста при архимандрите Лаврентии 1750 года». В украшении серебряной ризы драгоценными камнями и венчиками принимали участие многие жертвователи. В 1819 г. святотатцы-грабители похитили с ризы многие драгоценные камни, золотой венец и панагию, но в следующем году С. С. Апраксин вновь украсил ризу золотыми и серебряными украшениями. В архиве сохранились подробнейшие (на 5–7 листах!) описания богатейшей ризы и самой иконы: «Чтима была и богато украшаема серебром, золотом и драгоценными камнями с лампадою в 14 фунтов, убранною изумрудами, яхонтами...».

Второй известной святыней собора была чудотворная Знаменская икона, прославившаяся своими исцелениями в 1848 г. Образ этот первоначально находился в Троицком трапезном храме и лишь на лето переносился в собор, но с 1865 г., когда в соборе было устроено отопление, чудотворная икона стала постоянно пребывать в нем.

Помимо этих двух святынь, в соборе находились почитаемые Владимирская и Тихвинская иконы Божией Матери. Большая старинная Владимирская икона была поднесена в 1752 г. Евдокией Михайловной Семеновой «на поминовение родителей и мужа своего». На образе была серебряная позолоченная риза, украшенная дорогими камнями. Внизу иконы написаны изображения 9 святых угодников (из них 4 — святителей Московских).

В соборе была богатая монастырская ризница, где хранились вклады жертвователей, подробно описанные в труде архимандрита Григория. Среди них — бесценные высокохудожественные памятники XVII–XIX вв.: иконы с ризами, богослужебные сосуды, напрестольные Евангелия и кресты, мощевики, лампады, различные облачения, богослужебные книги и др.

Наряду с Благовещенским храмом Златоустовский собор служил и усыпальницей для вкладчиков, жертвователей и вообще известных лиц.

От погребений в соборе и у его стен только первой половины XVIII в. сохранялось 1,5 десятка белокаменных надгробий или вставленных в стены каменных досок с надписями. Среди похороненных здесь — Кольцовы-Мосальские, Румянцевы, Урусовы, Матюшкины и др. В их числе были и известные полководцы. В усыпальнице под собором в 1745 г. был похоронен, как высечено на надгробии, «...генерал-аншеф, сенатор и лейб-гвардии Преображенского полку подполковник и обоих российских орденов кавалер, сиятельнейший граф Александр Иванович Румянцев...». Он был ближайшим сподвижником Петра I, участвовал в битвах Северной войны, в том числе в Полтавской битве, сопровождал Петра в Персидском походе, принимал участие в сражениях Русско-турецкой войны в 1730-х гг., подписал мир в Константинополе в 1741 г., был участником сражений со шведами, подписывал мирный договор со Швецией в 1743 г.

На погребальной плите генерал-аншефа Михаила Афанасьевича Матюшкина (1676–1737) была высечена военная его биография: «...В 1691 году, вступя

в гвардию, служил в Семеновском и Преображенском полках... 1715 года произведен в бригадиры, в 1716 г. в генерал-майоры, 1722 г. в генерал-поручики, в 1727 годех по заслугам своим учинен в генерал-аншефа. Храбрость его изъявляют неустрашимую в Европе Шведские провинции пленные, самая над Швецией главная победа, акции жесточайшие Турецкая при Пруте, под Шлюссельбургом, под Лесным, под Добрым, под Полтавою, море Балтийское, Каспийское и Азовское, в Азии Персидские провинции завоеванные... поступал смело, воевал крепко, побеждал с триумфом. Всего сего довольно к бессмертной его славе и к неумирающей хвале...».

Среди известных похороненных в Златоустовском соборе военачальников вспомним еще контр-адмирала Ивана Акимовича Сенявина (†1726) — командира Каспийской флотилии.

Вскоре после переворота 1917 г. и ликвидации монастыря собор попал в руки обновленцев. Сведений о его жизни в 1920-е гг. практически не сохранилось. Закрыт он был в 1931 г., однако многие обстоятельства его ликвидации пока неизвестны. Верующие перешли в соседний храм свт. Николая Чудотворца в Столпах, куда перенесли и главные святыни — чудотворные иконы Знаменскую и Иоанна Златоуста (в 1920-е гг. драгоценные оклады с них были сняты и увезены в Гохран). Сегодня уникальный серебряный оклад иконы свт. Иоанна Златоуста хранится в Музеях Московского Кремля. Судьба же чудотворных икон до сих пор неизвестна.

Собор снесен в 1933–1934 гг., но сведений об этом сносе выявить пока не удалось.

Благовещения Пресвятой Богородицы храм-усыпальница

не сохранился

Благовещенский храм был сооружен по желанию и на средства адмирала Федора Матвеевича Апраксина и освящен в 1712 г. митрополитом Рязанским Стефаном Яворским. Архимандрит Григорий писал, что этот храм был поставлен на месте или неподалеку от разобранной в 1711 г. Покровской церкви. Он же предположил, что Покровский храм построил в середине XVII в. князь П. И. Пронский, а сын его пожаловал туда в 1678 г. серебряный позолоченный потир и напрестольное Евангелие. В Покровском храме находилась усыпальница Апраксиных — известных вкладчиков и жертвователей монастыря. Архимандрит Григорий в своей книге приводит тексты 7 надписей XVII в. на надгробиях Апраксиных, в том числе постригшихся в монахи. Так, здесь были погребены П. Н. Опраксин, «во иноцех схимник Пимин» (†1635), К. Н. Опраксин, «во иноцех схимник Корнилий» (†1635), Ф. Опраксина (†1644), В. К. Опраксина, «во иноцех схимница Вера», В. П. Апраксин, «во иноцех схимонах Варлаам» (†1654). Пространная биографическая надпись была на надгробии известного государственного деятеля, стольника М. В. Апраксина: «В лето 7175 (1667) по указу Великого Государя был в Астрахани Матвей Васильевич Апраксин и во 7176 (1668) году

выехал из Астрахани и убиен на степи меж Саратова и Пензы, переехав реку Медведицу, от Калмыков и Башкирцов, и иссечен многими ранами реченной, ноября 6 числа... и с ним побито до смерти Государевых и ево дому людей 40 человек, и тело его на степи сыскано и погребено на сем месте...».

Известно, что возвышение Апраксиных произошло при царе Федоре Алексеевиче, взявшем в жены дочь Матвея Васильевича Марфу. Именно поэтому царица Марфа Матвеевна активно помогала в строительстве Благовещенского храма над усыпальницей Апраксиных. Она пожертвовала кирпич на строительство. В ноябре 1713 г. в новопостроенную церковь Марфа Матвеевна прислала напрестольное Евангелие и серебряно-вызолоченный крест чеканной работы, с мощами 3-х вселенских святителей: Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста. В обитель царица жертвовала ценную утварь и в 1714 г.

Новый Благовещенский храм был трехъярусным. На четверике возвышались 2 разновеликих восьмерика, меньший из которых венчала глава. Усыпальница была устроена в подклете храма и представляла собой разделенный аркой прямоугольный объем. К старым захоронениям XVII в. в следующем XVIII в. прибавились новые: Н. А. Апраксиной (†1711), А. И. Апраксина (†1723), сенатора, президента Юстиц-коллегии, активного участника Северной войны Петра Матвеевича Апраксина (†1728), стольника, а затем царского спальника, члена Великого посольства Петра I, автора «Записок» Андрея Матвеевича Апраксина (†1732), А. Ф. Апраксиной (†1743), А. М. Апраксиной (†1750).

Самое известное захоронение в усыпальнице принадлежало строителю Благовещенского храма генерал-адмиралу, знаменитому сподвижнику Петра I, одному из создателей русского флота и крепостей-портов Федору Матвеевичу Апраксину (1661–1728). Он также руководил Оружейным и Ямским приказами и Монетным двором в Москве. Граф в разные годы был Двинским воеводой, управлял Ингерманландией, Карелией, Финляндией, командовал Каспийской флотилией. Могила графа находилась в юго-западном углу усыпальницы. Надгробие было высечено из цельного камня и имело форму гроба. Над ним на стене были изображены доспехи адмирала и при них слова «За веру и верность». В победном для России Гангутском морском сражении 1714 г. Ф. М. Апраксин командовал галерным флотом. Ровно через 2 века в усыпальнице установили памятную доску, в картуше которой был помещен текст: «В царствование императора Николая II-го при святительстве митрополита Макария и настоятеле архим. Феодосии в 100-летнюю годовщину Гангутского боя, 1914 г. 27 июля было совершено богослужение в сем обновленном склепе, и сооружен образ Спаса Нерукотворенного в память погребенного здесь сотрудника императора Петра I-го генерал-адмирала графа Феодора Матвеевича Апраксина иждивением морского министерства, графа Матвея Александровича Апраксина и графа Степана Антоновича Апраксина. Реставрацию производил архитект. С. К. Родионов». При входе в усыпальницу Апраксиных были установлены 2 больших корабельных якоря. До самой революции монастырь заботился о сохранности захоронений его жертвователей и вкладчиков.

В конце 1913 г. настоятель обители архимандрит Феодосий (Ганицкий) писал в Московскую Синодальную контору: «Златоустовский монастырь всегда считал и считает своей священной обязанностью, помимо дней для сего установленных, дней рождения и смерти, совершить за проскомидией на ранней литургии поминовение за своих храмоздателей и благотворителей».

После переворота 1917 г., закрытия монастыря и ликвидации его храмов почитание могил Апраксиных и других жертвователей прекратилось. В середине 1920-х гг. Благовещенский храм (его в официальных документах именовали «Апраксинской церковью») закрыли и стали заселять жильцами и различными организациями. В 1927–1931 гг. власти неоднократно пытались снести храм, но органы, отвечавшие за охрану памятников (Музейный отдел Главнауки, ЦГРМ, Музейный подотдел МОНО), не давали санкции на снос.

В 1920-х гг. на первом этаже церковного здания разместились склад ОГПУ и семьи 2-х рабочих, на втором — до конца 1920-х гг. проживало 5 монахов, в подклете же, среди белокаменных саркофагов, устроили столярную мастерскую. Известно, что в январе 1931 г. рассматривался вопрос о приспособлении бывшего храма под жилье и курсы буровых мастеров Треста горнотехнических и маркшейдерских работ.

Несмотря на попытки реставраторов сохранить исторический памятник с уникальным некрополем XVII–XVIII вв., Благовещенский храм снесли. Незадолго до сноса реставраторы сфотографировали исторические надгробия, мемориальные доски. Эти фотографии, а также снимок разборки храма и стоящих на его руинах рабочих с ломами хранятся в фототеке ГНИМА им. А. В. Щусева.

Место, где стоял храм, почти не застроено, оно вплотную примыкает к сооруженному на месте Златоустовского собора серому жилому зданию. Считается, что подклет усыпальницы уцелел, находится под асфальтом и ждет своего открытия, изучения. Вполне возможно и даже необходимо восстановление исторического храма монастыря. Первые шаги уже сделаны — 27 июля 2014 г. в сохранившемся монастырском корпусе состоялось торжественное мероприятие, посвященное 300-летию победы русских моряков в Гангутском сражении. Была отслужена панихида по генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину, поднимался вопрос о необходимости раскопок на месте Благовещенского храма, возведении на этом месте храма-часовни и увековечении памяти великого флотоводца открытием мемориальной доски.

Захарии св. прор. и Елисаветы св. прав. надвратный храм

над западными монастырскими воротами

не сохранился

В 1742 г. императрица Елизавета Петровна посетила Москву, где в Успенском соборе Кремля состоялась ее коронация. 1 сентября 1742 г. она побывала в Златоустовском монастыре, в котором еще восстанавливались сгоревшие в пожар 1737 г. постройки. Императрица тогда пожертвовала 2 тыс. руб. на построение

вместо пострадавшей от пожара надвратной Покровской церкви храма во имя свв. Захарии и Елисаветы (небесной покровительницы царицы). Считают, что автором проекта изящной новой церкви над западными монастырскими воротами был известный архитектор И. Ф. Мичурин. К концу 1742 г. храм, построенный в барочном стиле, был готов к освящению. О благоустройстве и освящении Захарие-Елисаветинского надвратного храма пишет архимандрит Григорий: «Вокруг нее (церкви — *В. К.*) сделана была площадка (галерея) с железною, по местам вызолоченною решеткою и 14-ю столбами, на которых были фонари; для вшествия Государыни построена большая лестница против соборной церкви. Иконостас вызолочен сплошь; иконы писал Егор Иванов Греков; стенная живопись поручена была другому. В глухом наружном окне, на задней стороне этого храма изображен св. Иоанн Златоуст. Церковь освящена в том же году декабря 18-го преосвящ[енным] Львом, бывшим епископом Воронежским, скончавшимся в московском Знаменском монастыре, где жил на покое».

Родственниками Ф. М. Апраксина было передано в дар Захарие-Елисаветинской церкви хранившееся у него дома медное паникадило (одно из двух), вывезенное как трофей из Швеции. На этом медном посеребренном памятнике имелись дата — 1703 г., и надписи на двух языках: шведском и латинском.

Захарие-Елисаветинский храм пострадал от погрома французов в 1812 г. После изгнания неприятеля монастырские церкви, Златоустовский собор и теплую трапезную восстановили и освятили. Однако надвратному храму не повезло, его стали восстанавливать, починили рамы, вставили стекла и прочее, но до конца ремонт не довели. Церковь простояла неосвященной и в запустении вплоть до середины XIX в. При архимандрите Евстафии в 1851 г. надвратный храм был возобновлен, его иконостас высеребрили с позолотой резьбы, свод и стены выкрасили в голубой цвет. Тогда же вдова надворного советника Е. Д. Корсакова пожертвовала в храм на престол и жертвенник одежды голубого бархата по серебру с шитыми золотом крестами. По-видимому, в этот же храм в 1853 г. она подарила крест напрестольный и набор серебряных сосудов.

Сведений о дате закрытия надвратного храма нет, по всей видимости, он был ликвидирован в первые послереволюционные годы. Храм снесен вместе со всеми постройками Златоустовского монастыря в 1933–1934 гг. Перед сносом реставраторы сделали обмер церковного здания, и эти материалы хранятся в ГНИМА им. А. В. Щусева.

Сегодня на «Златоустовских чтениях» московская научная общественность и специалисты поднимают вопрос о воссоздании храма свв. Захарии и Елисаветы.

Троицы св. Живоначальной трапезный храм

не сохранился

Сооружение Троицкой церкви в середине XVIII в. связывают с судьбой обветшавшего монастырского Спасского храма и с последствиями разрушительного московского (Троицкого) пожара 1737 г. Осматривавший 24 декабря 1756 г.

постройки обители архитектор И. Ф. Мичурин рекомендовал упразднить сооруженную некогда Спасскую трапезную церковь (на средства Зюзиных) и построить новую на другом месте.

В августе 1757 г. разобрали трапезу Спасской церкви и приступили к возведению храма в честь св. Живоначальной Троицы. Архимандрит Григорий писал, что новая церковь названа, вероятно, в память пожара, происшедшего в Троицын день 1737 г. Архимандрит Лаврентий, при котором в монастыре развернулось большое строительство, скончался в 1758 г. и, как считают, был похоронен под строящейся церковью. Храм был освящен митрополитом Московским Тимофеем 27 мая 1761 г., а придел в честь новоявленного угодника, свт. Димитрия Ростовского, через два дня — 29 мая, опять же в воспоминание страшного Троицкого пожара 1737 г. Новый храм представлял собой сравнительно невысокое, массивное здание, перекрытое широким четырехгранным куполом, на который был поставлен восьмигранный световой барабан, увенчанный маленькой луковичной главкой. Снаружи церковь покрасили красной краской. Иконостасы были покрыты золотом и серебром, а частично и окрашены. Иконы написал живописец А. Н. Тяпин. Троицкий храм отапливался, и богослужения в нем проводились зимой, так как Златоустинский храм был холодным.

В 1812 г. Троицкий храм пострадал незначительно, и в декабре того же года он был освящен. Тем не менее, и после освящения церковь в 1813–1816 гг. ремонтировали: настелили новый деревянный пол, поновили иконы, вновь покрасили и частично высеребрили иконостас, пристроили новую деревянную паперть, растесали окна. В 1820-х гг. в Троицком храме был настлан новый пол гжельской лещадью, одеты серебряные ризы на местные иконы Троицы и Божией Матери и на придельный образ свт. Димитрия Ростовского. На средства тульского купца 1-й гильдии Даниила Петровича Шапошникова в 1821 г. к Троицкому храму был пристроен придел и освящен 11 сентября того же года во имя свт. Иннокентия Иркутского. В местный ряд нового придельного иконостаса поместили Казанскую икону Божией Матери, которую при жизни почитал свт. Иннокентий. Храмовый образ письма 1810 г. был списком с образа, находившегося в иркутском Воскресенском монастыре, о чем свидетельствовала надпись на серебряной ризе.

В 1832 г. был одобрен составленный О. И. Бове проект нового шестиколонного иконостаса. В приделе свт. Димитрия Ростовского также соорудили новый иконостас, для которого написали и новые иконы. В него поместили новый образ свт. Воронежского Митрофана, причисленного к лику святых 7 августа 1832 г. Обновленный Троицкий храм освятил митрополит Филарет 13 сентября 1834 г., а 16 сентября того же года освятили и Димитриевский придел.

В 1848 г. во время эпидемии холеры в Москве монастырь прославился совершавшей чудеса и исцеления Знаменской иконой, находившейся над открытым входом на паперть Троицкого храма. Мы уже писали и здесь напомним, что икона явилась заболевшему холерой благочестивому 60-летнему купцу И. В. Воробьеву, который, выздоровев, нашел ее в Троицком храме. Узнав об этом, митрополит Филарет освидетельствовал чудо и благословил перенесение

образа внутрь храма. Купец И. В. Воробьев соорудил для иконы серебряную вызолоченную ризу и украсил ее драгоценными камнями.

Монастырь и его Троицкий храм стали местом паломничества православных. Факты исцеления заносили в упомянутую специально заведенную книгу. Чудотворная Знаменская икона находилась в киоте, помещенном по правую сторону арки, отделяющей трапезу от храма. На летний период ее переносили в монастырский собор. С 1865 г. подлинный образ постоянно пребывал в Златоустовской церкви, а в Знаменском храме остался список чудотворной иконы, написанный в 1848 г. усердием какой-то исцеленной женщины. Образ этот был одет в серебряную ризу.

Еще одно чудо произошло в Троицком храме в 1850 г. 23 ноября, в день преставления свт. Митрофана Воронежского, на находящейся в иконостасе иконе этого святителя открылось мироточение. Как записано в архивном документе, на образе были видимы «капли светлой жидкости, похожей на лучшее оливковое масло, снова появлявшееся при обтирании». Мироточение продолжалось 4 месяца и привлекло множество богомольцев.

И. В. Воробьевым в храм был пожертвован одетый в серебряную ризу большой образ свт. Иоанна Златоуста на кипарисной доске, греческого письма. Образ этот был помещен по левую сторону арки.

В Иннокентиевский придел в 1853 г. иркутский купец Василий Прокопьевич Медведников пожертвовал большой местный образ свт. Иннокентия Иркутского. Много жертвовали для благоукрашения придела и другие иркутские жители, в частности, Трапезниковы.

Особое внимание уделял Троицкому храму архимандрит Григорий. Он в 1867–1869 гг. предпринял капитальный ремонт и обновление главного и придельных храмов. Резчиком П. З. Мироновым были сооружены 3 новых иконостаса. Новые иконы и стенную роспись внутри церкви выполнил И. С. Сушкин. Вместо деревянных изготовили новые железно-решетчатые клиросы. Малое освящение Троицкого храма и придела свт. Иннокентия Иркутского совершил 3 августа 1869 г. тезоименитый святому митрополит Московский и Коломенский Иннокентий.

В обновленный Троицкий храм в 1869 г. священник Иоанно-Воинской церкви у Калужских ворот пожертвовал серебряный ковчежец с частицей мощей св. Григория Паламы. Эта святыня была помещена в одноименную икону, находившуюся у левого придельного иконостаса.

В Троицком храме находилось одно из двух исторических трофейных (шведских) паникадил, пожертвованных в начале XVIII в. Ф. М. Апраксиным. Это паникадило о 24 шандалах весило около 7 пудов, а внизу его, на медном яблоке была надпись на шведском языке, свидетельствовавшая, что оно было пожертвовано одной шведской семьей в 1696 г. в храм г. Вазы. Этот памятник чудом уцелел и сегодня находится в одном из музеев Финляндии.

В 1920-е гг. Знаменский храм был закрыт, а следы чудотворной Знаменской иконы и других святынь затерялись. Храм снесен вместе со всем монастырским ансамблем в 1933–1934 гг.

Сегодня на его месте находится двухэтажное здание детского сада.

Иоанна Златоуста свт. приписная к Космодамиановскому храму на Маросейке часовня

в келейном корпусе

В 2010-е гг. в келейном корпусе, единственном сохранившемся от ансамбля бывшего Златоустовского монастыря, на 2-м этаже устроена часовня во имя свт. Иоанна Златоуста. В ней находится список с чудотворной иконы Знамения Божией Матери, прославившейся в монастыре в 1848 г., и список с чтимой иконы свт. Иоанна Златоуста, которая когда-то находилась в соборном храме обители. Здесь есть еще несколько старинных, а также новонаписанных икон.

Еженедельно по пятницам совершается водосвятный молебен свт. Иоанну Златоусту. Особенностью является ежедневное чтение (с 8.00 до 20.00) неусыпаемой Псалтири. Каждые 2 часа, когда сменяются чтецы, звучит удар колокола.

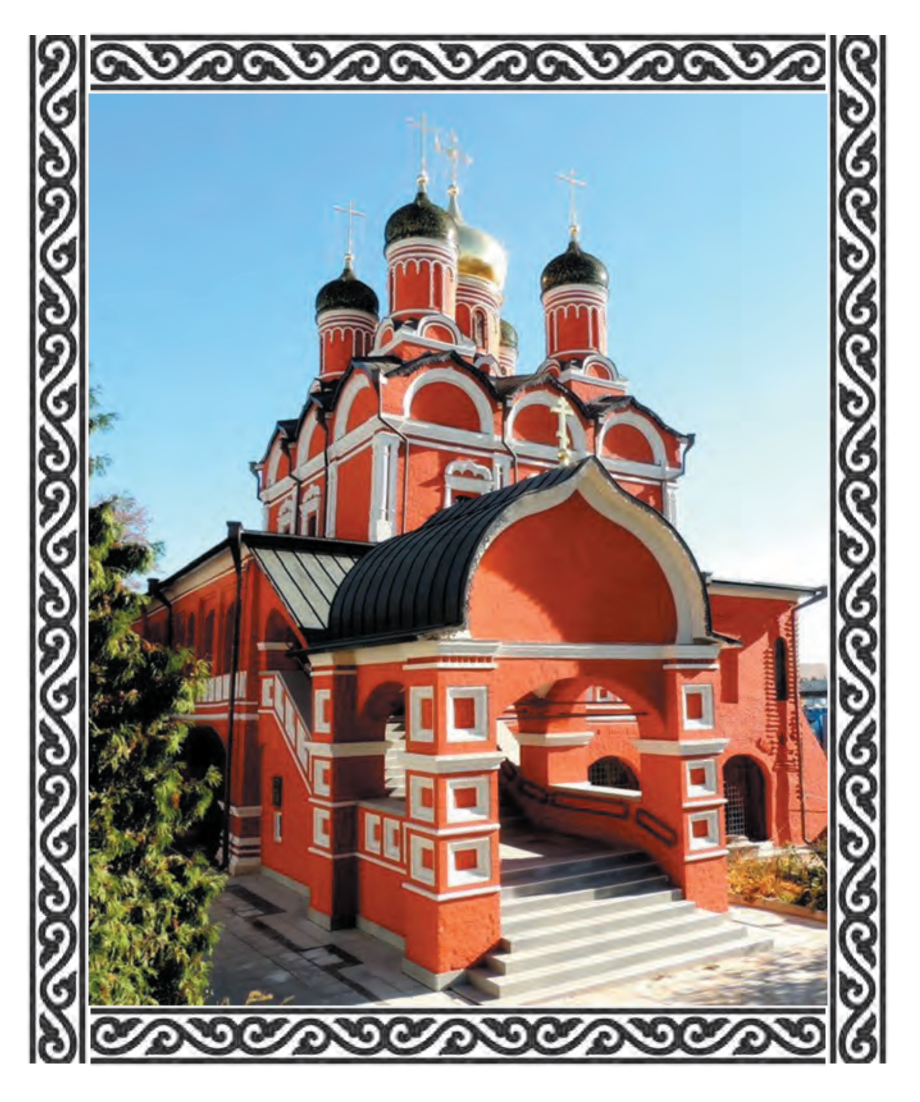
Часовня, как и сам келейный корпус, приписана к соседнему храму свв. бессрр. Космы и Дамиана на Маросейке.

Источники и литература:

1. РГАДА. — Ф. 1183. — Оп. 1. — Д. 270. Дело о могиле генерал-адмирала графа Апраксина, находящейся в Златоустовском монастыре. 1913 г.
2. РГАДА. — Ф. 1190. — Оп. 1. — Д. 13. Записка о Московском Златоустовском монастыре; Д. 16. Книга чудотворений от образа Знамения Пресвятыя Владычицы нашей Богородицы...; Д. 31. Главная церковная и ризничная опись Московского Златоустовского монастыря... 1853 г.
3. ГАРФ. — Ф. А-353. — Оп. 5. — Д. 232. Переписка с НКВД о деятельности Исполнительного Комитета по делам духовенства России… 1919–1921 гг. — 42 л.
4. ЦГАМО. — Ф. 66. — Оп. 18. — Д. 739. Переписка о передаче ОГПУ здания Троицкой церкви бывшего Златоустовского монастыря. 1928 г. — 3 л.
5. ЦГАМО. — Ф. 4557. — Оп. 8. — Д. 413. Материалы о сносе церквей в Москве в 1928 г. — Л. 19–20, 28–29, 123.
6. ЦГА г. Москвы. — Ф. Р-1. — Оп. 1. — Д. 14, 15, 16. Протоколы архитектурно-реставрационного отделения ЦГРМ за 1931, 1932, 1933 гг.
7. ЦГА г. Москвы. — Ф. 454. — Оп. 31. — Д. 54. Златоустовский монастырь. 1906 г.
8. Грамота, данная на Архимандрию Златоустову Московскому монастырю // Древняя Российская вивлиофика. — 1791. — Ч. 19. — С. 400–404. (Грамота Петра I об основании монастыря (1706 г.)).
9. Надписи, находящиеся в Златоустовском Московском монастыре // Там же. — С. 404–407.
10. *Григорий, архимандрит*. Об иконе Знамения Божией Матери в Московском Златоустовском монастыре // Душеполезное чтение. — 1867. — Ноябрь. — С. 123–128.
11. *Григорий, архимандрит*. Придел во имя св. Иннокентия Иркутского в Московском Златоустовском монастыре //Душеполезное чтение. — 1869. — Октябрь. — С. 61–66.
12. Историческое описание Московского Златоустовского монастыря / сост. архим. Григорий. — М., 1871. — 59 с; М., 1914. — 144 с.
13. *Розанов Н.* Чудотворная икона Знамение Божией Матери в Московском Златоустове монастыре // Душеполезное чтение. — 1872. — Май–август. — С. 281–286.
14. Сорок Сороков : краткая иллюстрированная история всех московских храмов : [в 4 т.] / собр. П. Паламарчук; фот. П. Паламарчука, А. Демченко. — Т. 1. Кремль и монастыри. — М., 1992. — С. 179–183.

15. *Цеханский Р. В.* Златоустовский монастырь в структуре Белого города Москвы // Архитектура в истории русской культуры. — Вып. 2. Столичный город / отв. ред. И. А. Бондаренко — М., 1998. — С. 113–121.
16. *Рогозина М. Г.* Златоустовский монастырь. Собор святителя Иоанна Златоустого в Златоустовском монастыре // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Ноябрь. — М., 2005. — С. 247–253.
17. *Киприн В. А.* О Московском Златоустинском (Златоустовском) монастыре. К 600-летию основания обители // Московский журнал. — 2014. — № 2. — С. 54–70.
18. *Козлов В. Ф.* Памятное мероприятие, посвященное Дню военно-морского флота России и 300-летнему юбилею первой победы русских моряков в Гангутском сражении (27 июля/7 августа 1714 года) // Московский журнал. — 2014. — № 9. — С. 88–90.
19. Время первого камня : Страницы истории Московского Златоустовского монастыря — разрушенного, но живого. — М., 2016. — 35 с.

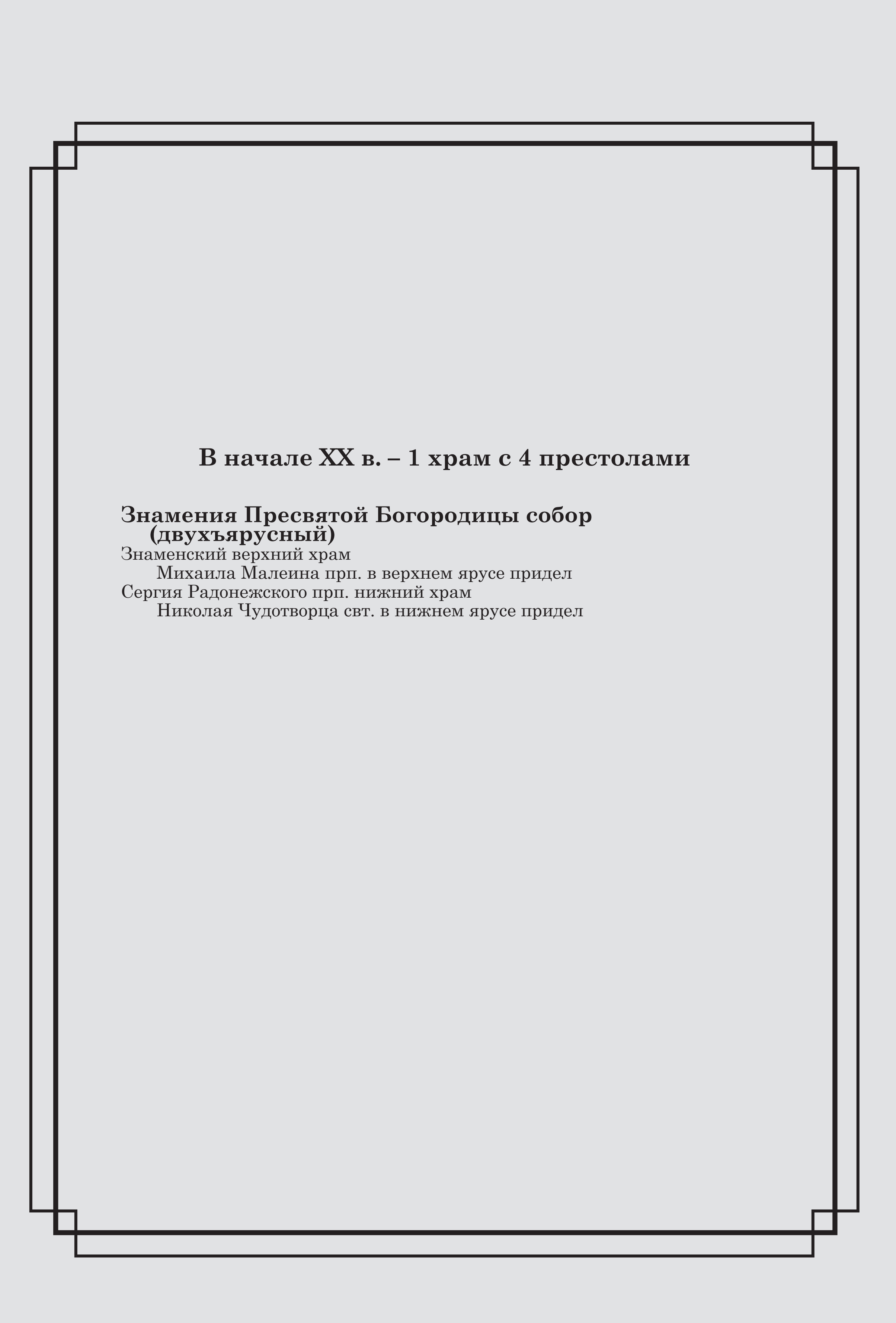

Знаменский 3-го класса необщежительный мужской монастырь

(ныне — Патриаршее подворье)

ул. Варварка, д. 8–10

как монастырь не восстановлен

В начале XX в. – 1 храм с 4 престолами

Знамения Пресвятой Богородицы собор (двухъярусный)

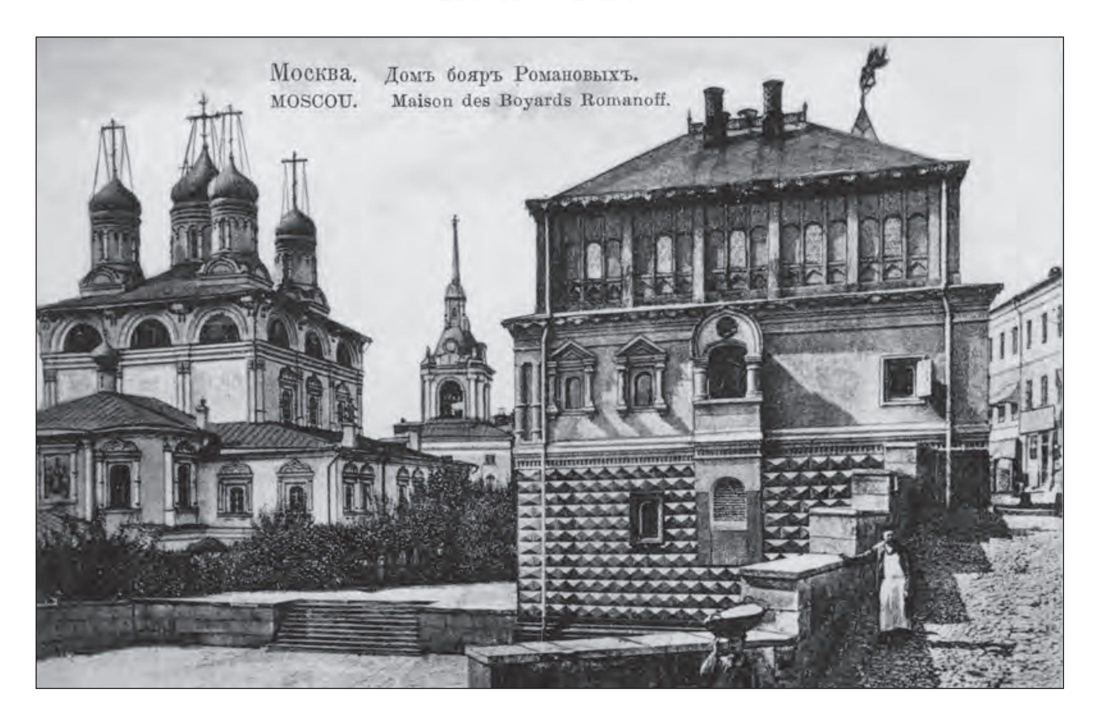
Знаменский верхний храм

Михаила Малеина прп. в верхнем ярусе придел

Сергия Радонежского прп. нижний храм

Николая Чудотворца свт. в нижнем ярусе придел

ИСТОРИЯ ДО 1917 г.

История основания монастыря тесно связана с именами династии Романовых. Здесь у древней Варварки находилось обширное владение бояр Ховриных. В середине XVI в. Варвара Ивановна Ховрина вышла замуж за Никиту Романовича Захарьина-Юрьева — шурина царя Ивана Грозного. Полагают, что в палатах усадьбы Романовых у Федора Никитича Романова — будущего Патриарха Филарета, и его жены Ксении — будущей инокини Марфы, и родился 12 июля 1596 г. сын Михаил, избранный в 1613 г. на царство. В усадьбе Н. Р. Захарьина-Юрьева еще с XVI в. существовала домовая церковь во имя иконы Пресвятой Богородицы «Знамение» (впервые упомянута в 1626 г.) с приделом прп. Никиты Мидикийского. В начале XVII в. при ней был устроен еще Благовещенский придел. Усадьба занимала целый квартал Зарядья.

Став царем, Михаил Федорович Романов, вскоре после кончины матери — инокини Марфы, 26 января 1631 г. принял решение устроить в своей усадьбе Знаменский монастырь. По другой версии, причиной основания обители могло быть рождение в 1629 г. наследника Алексея Михайловича. Осенью 1631 г. монастырь был открыт, ему передали домовую Знаменскую церковь, где находилась романовская фамильная Знаменская икона Божией Матери. В обители построили каменную церковь во имя прп. Афанасия Афонского.

Новый монастырь получил и некоторые вотчины и угодья, принадлежавшие Романовым.

Молодая Знаменская обитель на Варварке сильно пострадала в пожар 1668 г., когда сгорели все деревянные и обгорели каменные постройки. После этого в течение десятилетия в монастыре в основном на средства Ивана Михайловича Милославского велись большие восстановительные и строительные работы. В середине — второй половине 1670-х гг. были восстановлены «палаты на верхних погребах», в которых устроили Игуменские, а затем и Казенные келии, и позже построили вдоль ул. Варварки двухэтажное здание Братского (позднее — Архимандричьего) корпуса. Наконец, в 1679–1684 гг. на месте разобранной церкви прп. Афанасия Афонского был возведен большой двухъярусный пятиглавый Знаменский собор. Старый Знаменский храм переосвятили в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. В 1683 г. ктитор монастыря Милославский умер, и строительство заканчивал боярин Василий Федорович Одоевский.

В Троицкий пожар 1737 г. обитель пострадала. В 1756 г. к Святым воротам пристроили небольшой храм во имя св. апостола Иакова.

После секуляризации в начале 1760-х гг. монастырь получил статус третьеклассного, и настоятель лишился звания архимандрита. В 1782–1784 гг. были разобраны 2 монастырских храма: Благовещения Пресвятой Богородицы и надвратный св. апостола Иакова, а также шатровая колокольня. Одновременно были выстроены новые Святые ворота в стиле раннего классицизма с колокольней над ними и келейный корпус.

В 1812 г. обитель была разграблена французами, но уцелела во время Великого московского пожара.

В середине XIX в. Знаменский монастырь был одним из самых небольших и неприметных в Москве. Большим событием в жизни обители было решение императора Александра II, принятое в 1856 г., о восстановлении палат, где, по преданию, родился первый русский царь из династии Романовых. За 20 тыс. руб. Знаменский монастырь в 1857 г. передал эти палаты Московской дворцовой конторе, и под руководством архитектора Ф. Ф. Рихтера начались реставрационные работы. В 1859 г. в палатах был открыт музей «Дом бояр Романовых». В середине XIX в. при ремонтных работах в стене Знаменского собора был обнаружен замурованный, вероятно, в 1812 г., монастырский архив строительных документов, на основании которых можно проследить историю обители и монастыря.

В начале XX в. в Знаменском монастыре проживали архимандрит и более 20 монашествующих.

В 1900 и 1913 гг. обитель посещал император Николай II.

ИСТОРИЯ ПОСЛЕ 1917 г.

Монастырь был ликвидирован в начале 1920-х гг., и его строения использовали под жилье и как конторские и складские. Собор, ставший приходским, закрыли по Постановлению Президиума Моссовета от 13 марта 1929 г. и в нем разместили мастерские и позже — фабрику. Собор и колокольню обезглавили

и, в конце концов, к началу 1960-х гг. привели в аварийное состояние. Остатки ансамбля даже хотели снести в связи со строительством гостиницы «Россия». Однако благодаря протестам ВООПИиК и широкой общественности главные строения монастыря сохранили. Строительство рядом с бывшей обителью огромного корпуса гостиницы «Россия», снос монастырских жилых и хозяйственных построек, устройство высоких пандусов — все это негативно сказалось на историческом ландшафте древней Варварки и непосредственно на состоянии ансамбля бывшего Знаменского монастыря. В 1963–1972 гг. сохранившиеся памятники ансамбля отреставрировали. Собор, келейный корпус и Дом бояр Романовых реставрировали И. И. Казакевич и Е. П. Жаворонкова, а колокольню — С. С. Подъяпольский.

В 1992 г. в нижнем храме собора возобновлены богослужения, он неоднократно реставрировался: последний раз в 2017–2018 гг. Тогда же комплексная реставрация была проведена в Братском корпусе, где восстановлены исторический спуск к зданию с западной стороны и утраченные интерьеры монашеских келий.

Ныне Знаменский собор существует как приходской и входит в состав Патриаршего подворья в Зарядье.

Знамения Пресвятой Богородицы иконы собор

После большого пожара 1668 г. было решено построить большой каменный собор. Родственник царя Алексея Михайловича (внучатый племянник царицы Марии Ильиничны Милославской) князь Иван Михайлович Милославский пожертвовал на сооружение храма 850 руб. Собор в 1679–1684 гг. строили костромичи — каменных дел подмастерья Федор Григорьев и Григорий Анисимов «со товарищи». По сохранившемуся описанию храма 1684–1685 гг. можем представить его внешний облик: «...Соборная, новая каменная церковь, престол Богородицы Знамения, престол под алтарь, круглой о пяти главах, большая глава опаяна железом белым, крест железной, позолочен дачи Никиты Васильева сына Спискова. Четыре главы обиты черепицею мраморною, в шее четыре окончины слюдяные, кресты железные, алтарь круглой. Церковь, алтарь и паперти покрыты тесом, паперть спереди да с Западной стороны притвором...».

Освященный патриархом Иоакимом 27 июня 1684 г. собор был двухъярусным; в нижнем ярусе устроили теплую зимнюю церковь во имя прп. Афанасия Афонского (он был учеником прп. Михаила Малеина, небесного ангела царя Михаила Федоровича), а также одностолпную трапезную с хлебодарной и кладовой палатами. На 2-м этаже располагался собственно Знаменский храм, он был холодным. К нему примыкала ризничья палата. Собор с севера и запада окружала двухъярусная галерея с большими выступавшими далеко вперед крыльцами, а с юго-запада к паперти была пристроена шатровая колокольня.

Большие разрушения собору причинил пожар 1737 г., когда сгорели глава и кровля. При восстановлении храма его сложное позакомарное покрытие было

заменено на простое четырехскатное. В 1740-е гг. стены, своды и паперть собора были расписаны иконописцами Семеном Дмитриевым и Афанасием Ивановым «с товарищи». В 1752 г. на месте северного крыльца был сделан крытый каменный переход к Братскому корпусу. В том же году в нижней части собора устроили 2 придела: прп. Сергия Радонежского и свт. Николая Чудотворца.

Большие работы в соборе были произведены в 1760-е и в 1780-е гг. В 1782 г. разобрали примыкавшую к нему колокольню (в связи с осадкой фундамента) и крыльцо, перестроили галереи, ризничью палатку, пробили новые окна в центральном объеме — четверике. В целом к концу XVIII в. Знаменский собор претерпел значительные изменения с внешней и внутренней сторон и частично утратил первоначальный вид. В первой половине 1780-х гг. стены и своды его были украшены гипсовой лепниной.

Внутри собора сохранялись старинные иконы и церковная утварь, в том числе значительное число вкладов. Главной святыней собора была богато украшенная золотом, серебром и драгоценными камнями родовая, принадлежавшая Романовым историческая Знаменская икона XVI в. Почитаемым был и храмовый Знаменский образ, серебряно-вызолоченную ризу которого также украшали драгоценные камни.

Еще один образ Знамения Пресвятой Богородицы (1629–1630 гг.), шитый шелками и золотом, хранился в ризнице. Там же находились богатые золотого атласа ризы — вклад 1617 г. царя Михаила Федоровича, серебряный крест с мощами — вклад инокини Марфы Ивановны (1622 г.), 2 Евангелия — вклад патриарха Филарета, серебряный крест (1684 г.) — вклад царевны Татьяны Михайловны, серебряное большое блюдо (1721 г.) и др. Описания конца XVIII в. упоминают в соборе и 2 «шапки» 1684 г., одна из которых была вкладом царей Иоанна и Петра Алексеевичей.

Монастырь и его собор пострадали в 1812 г. При восстановлении в 1813 г. нижний храм собора переосвятили во имя прп. Сергия Радонежского. Новый соборный трехъярусный иконостас был устроен в 1823 г. на средства купцов Карзинкиных.

В начале XX в. в соборе находилось 4 престола: в нижнем ярусе прп. Сергия Радонежского (во имя этого святого был в 1813 г. переосвящен придел Афанасия Афонского), свт. Николая Чудотворца (с 1852 г.), в верхнем ярусе — главный Знаменский и прп. Михаила Малеина. Последний был освящен 11 июля 1910 г. на северной паперти в память 300-летия царствования Дома Романовых и «в молитвенные воспоминания по основателе обители царе Михаиле Федоровиче». На северной стене храма была помещена икона св. архистратига Михаила, сооруженная благотворителем обители М. Г. Епифановым. Ежегодно по древнему обычаю в монастыре праздновали день тезоименитства основателя монастыря царя Михаила Федоровича.

По описи начала 1920-х гг., в соборе и ризнице сохранялись старинные 12 икон XVII в., Евангелия 1623, 1684, 1698, 1735 гг., рукописный синодик XVII в., 2 воздуха работы царицы Евдокии Лукьяновны, супруги царя Михаила Федоровича, серебряная лампада 1623 г. — вклад Марфы Ивановны,

матери царя Михаила Федоровича. Всего специалисты взяли на учет 45 церковных предметов, имеющих музейное значение.

В 1922 г. из собора в фонд Помгола государством было изъято 18 серебряных предметов: риз, крестов, лампад, кадил, 3 митры. Тогда же Главмузей вывез в свои хранилища 8 серебряных церковных памятников, в том числе 3 Евангелия, 7 крестов, 1 митру, ковчег, чашу 1721 г.

Собор был закрыт по Постановлению Президиума Моссовета от 13 марта 1929 г. (Протокол № 17) и передан Кредитному товариществу кустарей Замоскворечья «Замоскредит». Из ликвидированного монастыря в апреле–мае 1929 г. передали в фонд Музейного подотдела МОНО более 100 церковных памятников, в числе которых 35 икон XVII–XVIII вв. (и «икона Знамения в серебряно-вызолоченном чеканном окладе с 2 золотыми венцами, украшенными камнями»), митра золотой парчи 1684 г., блюдо серебряное 1658 г., кресты XVIII в., множество книг, в том числе 3 нотные рукописи XVIII в., церковные ткани и др. На склады Госфонда (то есть на утилизацию) перевезли из собора 10,5 кг серебряного лома, 12 колоколов, общим весом в 381 пуд.

Наблюдавшая за состоянием памятников старины Главнаука Наркомпроса РСФСР не стала возражать против намеченных работ по приспособлению соборного здания под мастерские «Замоскредита». Сохранился план переустройства церковного здания, предусматривавший настил деревянных полов, устройство канализации и водопровода, перекрытий на 2-м этаже, установку моторов, выемку оконных решеток, закраску религиозных картин на стенах и сводах. Были снесены все 5 глав собора, а крест с главного купола передан в музей в Коломенском.

Изуродованному храму вернули первоначальный облик в 1960 — начале 1970-х гг. (по проекту реставраторов И. И. Казакевич и Е. П. Жаворонковой). При реставрационных работах за основу был взят облик собора, выстроенного к 1684 г. Хранившийся в музее «Коломенское» крест водрузили на отреставрированное церковное здание. В 1972 г. в нем был открыт Дом пропаганды ВООПИиК, где читались лекции, проводились концерты, выставки.

В 1992 г. собор возвращен РПЦ, и 10 декабря того же года в нем состоялось первое богослужение. Последняя реставрация собора закончилась в начале 2020-х гг.

Ныне Знаменский собор — в числе других 5 храмов Зарядья (Георгиевского, Максимовского, Варваринского, Зачатьевского и Иоаннопредтеченского) входит в «Подворье Патриарха Московского и всея Руси храмов в Зарядье, что в Китай-городе».

Источники и литература:

1. ГАРФ. — Ф. Р-1235. — Оп. 74. — Д. 2692. Дело о закрытии 22 молитвенных зданий в Москве. 1929 г. — Л. 128–134.
2. ЦГА г. Москвы — Ф. Р-1215. — Оп. 3. — Д. 2. Дело по регистрации религиозного общества при храме Знаменского монастыря. — 177 л.
3. ЦГАМО. — Ф. 4341. — Оп. 1. — Д. 249. Антирелигиозный музей искусства. Производственный план 1929–1930 г. Музей бывшего Донского монастыря. — Л. 63.

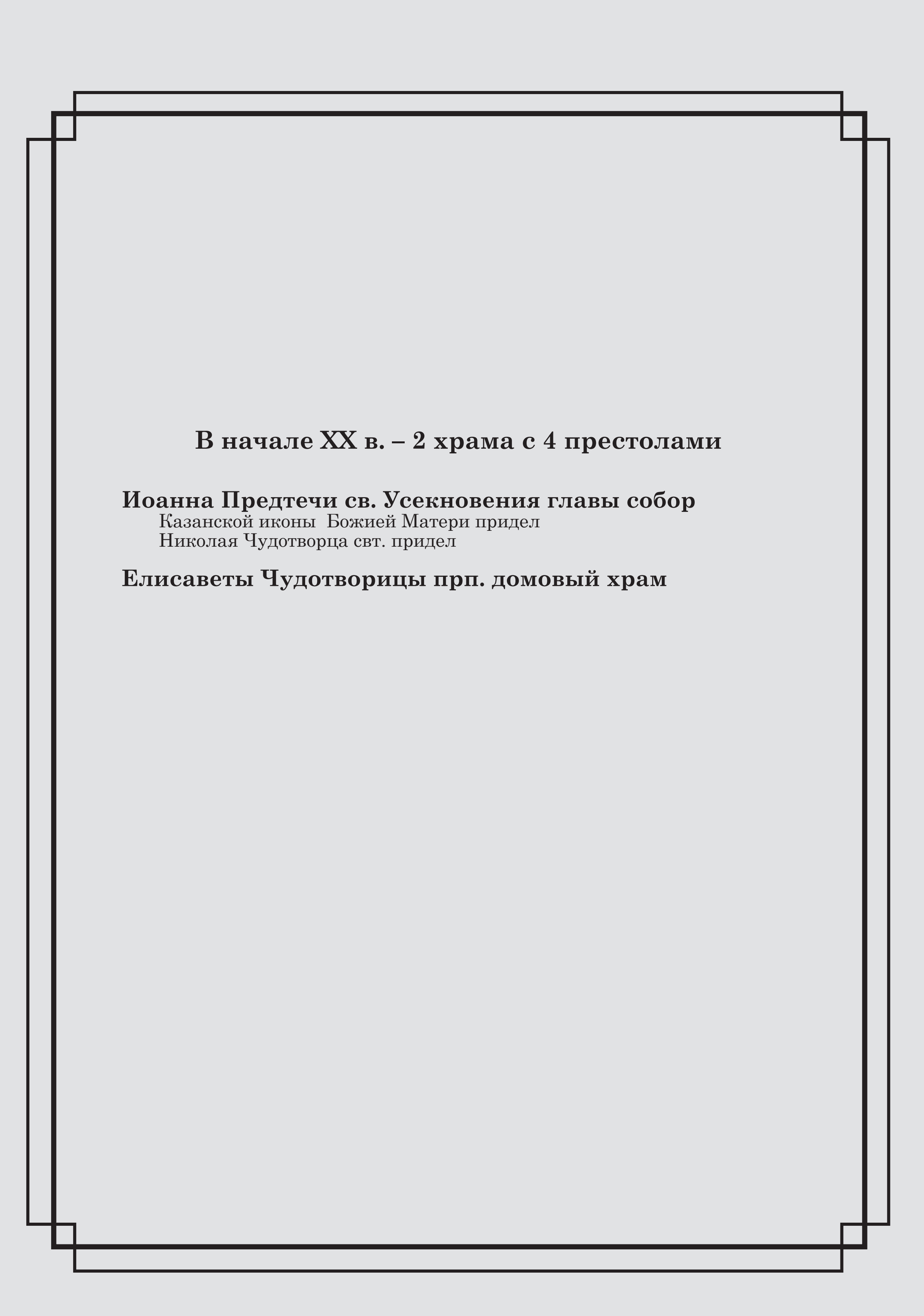
4. *Сергий, архимандрит*. Историческое описание Московского Знаменского монастыря, что на Старом государевом дворе. — М., 1866. — 31, 28 с.
5. *Сергий, архимандрит*. Место рождения великого Государя царя и Великого князя Михаила Федоровича [в Знаменском монастыре]. — СПб., 1895. — 33 с.
6. *Снегирев И. М.* Знаменский монастырь и Палата бояр Романовых // *Снегирев И. М.* Русская старина. — М., 1861. — 64 с.
7. Московский Знаменский монастырь на Старом Государевом Дворе. — М, 1909. — 16 с.
8. *Казакевич И. И.* Московское Зарядье. История архитектурных памятников. — М., 1977. — 207 с.
9. Сорок Сороков : краткая иллюстрированная история всех московских храмов : [в 4 т.] / собр. П. Паламарчук; фот. П. Паламарчука, А. Демченко. — Т. 1. Кремль и монастыри. — М., 1992. — С. 166–173.
10. *Рогозина М. Г.* Знаменский монастырь на Варварке. Собор иконы Божией Матери «Знамение» Знаменского монастыря // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Ноябрь. — М., 2005. — С. 540–549.
11. *Романюк С. К.* Москва. Китай-город : Путеводитель. — М., 2007. — 318 с.

Ивановский (Усекновения главы св. Иоанна Предтечи) ставропигиальный женский монастырь

Малый Ивановский пер., д. 2/4, стр. 5

В начале XX в. – 2 храма с 4 престолами

Иоанна Предтечи св. Усекновения главы собор
Казанской иконы Божией Матери придел
Николая Чудотворца свт. придел

Елисаветы Чудотворицы прп. домовый храм

ИСТОРИЯ ДО 1917 г.

Современный архитектурный ансамбль монастыря относится ко второй половине XIX в., сама же обитель гораздо старше. Некоторые историки считают, что мужской монастырь существовал с начала XV в. в Замоскворечье в районе современной ул. Пятницкой (Черниговский пер.), а в 1530-е гг. был перенесен великим князем Василием III на Кулишки — на современное свое место, и стал девичьим. Однако летописи, упоминая о строительстве первого каменного собора Усекновения главы Иоанна Предтечи в 1514 г. итальянцем Алевизом Фрязиным в Замоскворечье, об обители не упоминают, возможно, уже к этому времени она была перенесена на Кулишки. Тогда же, приблизительно в период с 1510-х по 1530-е гг., в переехавшем на Кулишки монастыре был построен также итальянскими мастерами одноглавый трехапсидный храм. Этот собор, несмотря на перестройки, сохранялся до разборки в 1859 г.

В начале XVII в. в Ивановской обители подвизалось около 100 монахинь. Особое благоволение монастырю выказывали боголюбивые государи XVII в. Михаил Федорович и его сын Алексей Михайлович с женами. Они непременно совершали праздничные выходы в обители в главный ее праздник 29 августа — день памяти Усекновения главы св. Иоанна Предтечи, и в Пасхальные дни. В первой половине XVII в. в монастыре подвизалась известная подвижница блаженная схимонахиня Марфа, погребенная в соборе в 1638 г.

К концу XVII — началу XVIII в. сформировался архитектурный ансамбль обители. Была построена каменная ограда, над каменными воротами вкладчиком В. С. Нарбековым сооружен надвратный храм в честь Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня. Были также построены двухэтажные игуменские покои, около 30 каменных келий.

К концу XVIII в. в монастыре сформировался и некрополь. Захоронения представителей знатных фамилий Волконских, Засекиных, Ознобишиных, Елизаровых, Резановых, Оболенских, Шаховских и других находились, главным образом, в соборе.

Постройки монастыря серьезно пострадали от известных пожаров первой половины XVIII в. (1737 и 1748 гг.) и долго восстанавливались. В начале 1760-х гг. обитель едва не упразднили в связи с планами (к счастью, нереализованными) устроить на ее территории Дома призрения. В 1764 г. у Ивановского, как и у других монастырей, в результате секуляризации были отобраны земельные владения, и обитель получила статус второклассной с числом монашествующих по штату не более 30. Через 7 лет монастырь выдержал еще одно тяжелое испытание — в 1771 г. во время чумы умерло около 100 монашествующих и игумения.

Ивановский монастырь, как и некоторые другие, служил местом невольного пострига ряда жен русских государей и знатных вдов. Так здесь в начале XVII в. пребывала вторая жена старшего сына Ивана Грозного царевна Пелагея Михайловна (в иночестве Параскева).

Во второй половине XVIII — начале XIX в. в монастыре содержались 2 знаменитые узницы. Одна из них — дворянка Д. Н. Салтыкова, более известная как «людоедка-Салтычиха», замучившая около 140 своих крестьян. Она была в заточении в обители 33 года и умерла в 1801 г. Вторая узница была прямой противоположностью Салтычихе и известна как блаженная старица — монахиня Досифея. Многие считают ее дочерью императрицы Елизаветы Петровны от ее тайного брака с Григорием Разумовским, известной под именем Августы Таракановой. Эта известная своими благодеяниями монахиня провела в фактическом заключении в Ивановском монастыре 25 лет, скончалась в 1810 г. и была похоронена в Новоспасском монастыре.

Особо следует сказать о древней традиции устройства при Ивановском монастыре в главный для него праздник Иоанна Постного (29 августа) ярмарок. Они известны с середины XVII в. и позже получили название «бабьих шерстяных» в связи с тем, что главными товарами на них были шерсть (чулки, носки, варежки), холсты, нитки. Продавали здесь и производимые монахинями предметы шитья и пряжи. На ярмарках торговали и товарами для простых крестьянок — разноцветными ситцами, цветными платками, простой посудой, дешевыми украшениями. Вокруг монастыря устраивали палатки, лавки, столы, торговали постными съестными припасами. Шерстяные ярмарки устраивались и после упразднения монастыря.

Отечественная война 1812 года и разорение Москвы нанесли древнему монастырю непоправимый ущерб. Игумения Елпидифора переправила ризницу в кремлевский Вознесенский монастырь для последующего отправления в Вологду. Инокини удалились в подмосковный Хотьков монастырь. Во время Московского пожара сгорели все монастырские строения, кроме собора, все было разграблено.

Решением Св. Синода в 1813 г. собор был обращен в приходскую церковь, монастырь упразднили, а его помещения заселили рабочими и служащими Московской синодальной типографии, размещавшейся на ул. Никольской. Оставшиеся в обители 13 монахинь были расселены по московским монастырям. Не все из них смирились с ликвидацией обители, и во многом благодаря проживавшей в Зачатьевском монастыре бывшей ивановской инокине Алевтине, вдова подполковника Елизавета Алексеевна Макарова-Зубачева (урожд. Мазурина) склонилась к мысли пожертвовать значительную сумму на возобновление древней обители. Будучи одинокой и больной она привлекла к богоугодному делу жену своего покойного брата — Марию Александровну Мазурину, которая также горячо восприняла мысль о восстановлении монастыря. Митрополит Московский Филарет (Дроздов) благословил дело возрождения обители по общежительному уставу. Е. А. Макарова-Зубачева скончалась в 1858 г., завещав на цели восстановления монастыря значительную сумму и различную недвижимость в Москве и Московской губернии. Исполнительницей завещания стала М. А. Мазурина, всю свою оставшуюся жизнь посвятившая строительству Ивановского монастыря.

Решено было разобрать почти весь старый ансамбль бывшей обители, включая древний собор XVI в. с Казанским и Никольским приделами, трапезной и колокольней, Святые ворота с надвратным храмом XVII в. Это была, конечно же, значительная утрата и для истории русской архитектуры. Сохранены были лишь два небольших сооружения — часовня у Святых ворот и жилой корпус. Проект нового ансамбля выполнил известный московский архитектор М. Д. Быковский, по планам которого к тому времени были сооружены несколько монастырских храмов в Москве и в Подмосковье.

Строительство собора и больничного храма началось в 1860 г., сооружение их и других зданий ансамбля растянулось почти на 2 десятилетия, и лишь в 1879 г. были освящены больничная церковь прп. Елизаветы Чудотворицы и Иоанно-Предтеченский собор. Значительную работу по строительству и обустройству обители сыграл архимандрит Николо-Угрешского монастыря Пимен (Мясников), недавно причисленный к лику святых. За время долгого сооружения Ивановской обители произошли важные для нее события. Строительница обители М. А. Мазурина в 1877 г. переезжает в построенные для нее покои. Однако в связи с началом в том же году Русско-турецкой войны в уже готовых помещениях разместили госпиталь на 150 чел. М. А. Мазурина скончалась 21 октября 1878 г., не дожив год до открытия обители.

Об уникальном устройстве нового ансамбля Ивановского монастыря писали многие историки архитектуры. Особенности общежительной обители обусловили появление единого корпуса, в котором находились келии, покои настоятельницы, трапезная, больничный корпус и храм. Внутренняя часть территории, приспособленная для общежительства, была прорезана оригинальными, одноэтажными арочными галереями. Обособленно от храмов и помещений для монашествующих был устроен двор, где жили церковнослужители с семьями, сторожа, находился хозяйственный корпус. Эта часть монастыря имела свой отдельный вход со стороны Малого Ивановского пер. Архитектурно-художественные достоинства ансамбля Ивановского монастыря высоко оценивали искусствоведы и в советскую эпоху, когда созданные во второй половине XIX в. памятники хвалить особенно не

было принято. Вот, как отзывалась об ансамбле Е. Н. Кириченко, автор книги об архитекторе М. Д. Быковском: «Ивановский монастырь (1859–1878) — еще один поразительный своей оригинальностью архитектурный ансамбль. Прямых аналогий ему нет ни в русском, ни в европейском зодчестве. Это сооружение — квинтэссенция романтизма и программное творение Быковского, призывавшего подражать примеру древних, а не повторять их формы. Здесь переплавились уроки античного и ренессансного наследия, русского классицизма и древнерусского зодчества в неповторимое, глубоко оригинальное целое… Быковский сумел сделать монастырь градостроительным центром большого района и придать организованность и регулярность застройке огромного, неправильной формы участка…».

Новый Ивановский монастырь стал единственным женским общежительным монастырем Москвы рубежа XIX–XX вв. Обитель жила по строгому общежительному уставу, в ней были организованы мастерские: живописная, золотошвейная, белошвейная, башмачная. Монахини трудились весь день, они были обеспечены келиями, одеждой, обувью, пищей за общей трапезой, обучались церковному пению и иконописанию. При монастыре была открыта больница с аптекой.

Возрожденная обитель владела хутором близ железнодорожной станции Химки. Там были сооружены деревянный храм во имя прп. Сергия Радонежского и церковно-приходская школа.

В начале XX в. в Ивановском монастыре подвизались игумения, 20 монахинь и 200 рясофорных монахинь и проживающих на испытании.

ИСТОРИЯ ПОСЛЕ 1917 г.

Государственный переворот октября 1917 г. в корне изменил ход монастырской истории. Известны хранящиеся в ЦГАМО в фонде Моссовета 2 дела с документами по истории монастыря, его общины, проливающие свет на судьбу церковного имущества в 1919–1927 гг. Согласно этим материалам, в 1919 г. в монастыре в 130 комнатах проживали 230 инокинь, а 4 комнаты были заняты мастерскими: портновской, белошвейной и гладильной. Особо упоминается «живописная мастерская», размещавшаяся в подвале двухэтажного каменного дома. В описи есть упоминание о находившихся в обители 15 мольбертах, 6 скрипках и 1015 книгах. В апреле 1919 г. община верующих заключила с Моссоветом договор на использование в религиозных целях 2-х храмов и часовни. Апрелем 1919 г. датированы опись и несколько актов осмотра Ивановского монастыря инспекторами Моссовета, членами существовавшей при Моссовете Комиссии по охране памятников искусства. Отныне все церковные предметы должны были быть подробно описаны и взяты на учет. Помимо значительного числа предметов церковной утвари и икон (в том числе и старинных XVII–XVIII вв.), в монастыре хранились книги и рукописи из библиотеки покойной М. А. Мазуриной, в частности, переплетенные рукописи: «Благодатный источник или сказания о преславных чудесех Пресвятой Владычицы нашей Богородицы…» середины XIX в., объемом в 1006 стр., а также еще 23 подобных рукописных сборника того же времени, содержащих жития, молитвы, слова, речи, письма. В описи указано, что в одном из сборников находится письмо А. В. Суворова дочери — «любезной Н. Суворочке». Сданный в Моссовет список общины включал 323 фамилии с указанием места проживания.

В документе Юридического отдела Моссовета численность общины определялась в 560 чел.

Почти одновременно с регистрацией религиозной общины монастыря, включавшей и живших в нем насельниц, активно разрабатывался план полного выселения монахинь. В архиве также хранится копия письма Юридического отдела Городского района Москвы в Особый отдел ВЧК, датированная 23 апреля 1919 г., с рекомендацией не выселять инокинь из обители. Приводим этот важный для понимания ситуации документ полностью: «Выселение в настоящее время монахинь из Ивановского монастыря нецелесообразно, но и не в интересах Советской республики по следующим соображениям: 1) Около 300 монахинь этого монастыря заняты шитьем белья для Красной Армии, с выселением же их последняя потеряет вполне оборудованную мастерскую и 300 человек работниц, что, безусловно, существенно отразится на заготовке белья для армии; 2) Кроме того, часть монахинь обслуживает советское учреждение — "Дом матери и ребенка на Солянке"; 3) Настроение, так называемых, верующих в данное время очень нервно, вообще в связи с проведением в жизнь декрета "Об отделении церкви от государства" и, в частности, со вскрытием мощей Сергия, и выселение из трудового монастыря монахинь еще больше будет волновать общество, а духовенство использует и этот факт против Советской власти. Принимая во внимание все вышеперечисленное, Юридический отдел Совдепа Городского района полагал бы выселение монахинь Ивановского монастыря отменить; в случае же крайней необходимости, можно занять помещения Сретенского или Златоустинского монастырей, где монахи разъехались, и теперь в одном из них живет лишь 4 человека, а в другом 7–8 человек, соответственно ничего не делающих, и выселение которых не вызовет ропота верующих и не нарушит интересов государства». Подписал этот документ заведующий Юридическим отделом Ефремов.

Тогда монахинь оставили в покое, но в начале июля того же 1919 г. постановлением Президиума Моссовета Ивановский монастырь был закрыт и передан отделу принудительных работ НКВД. Узнав об этом, 10 июля приходская община обратилась в Моссовет, доказывая, что передача монастыря в ведение НКВД противоречит советским декретам. Подобные жалобы верующие направили и в другие вышестоящие инстанции. Но и тогда, в июле, Отдел юстиции не рекомендовал Президиуму Моссовета закрытие храмов и выселение монахинь из обители. Так, в письме Отдел юстиции указывал, что «находит крайне нежелательным закрытие храмов Ивановского женского монастыря и полагает, что нужно оставить один корпус для монахинь, изолировав его, и дать доступ в собор, изолировав его… запечатание храмов Ивановского монастыря, находящегося в центре города, вызовет большое недовольство, так называемых, верующих». Кроме того, в письме отмечалась богатая ризница монастыря, к потере которой может привести запечатание храма. 14 июля 1919 г. инструктор Отдела принудительных работ НКВД Дрейзен и представитель Моссовета осмотрели монастырь и пришли к выводу, что для 200 чел. монашествующих нужно оставить один небольшой корпус, занимаемый игуменией, и домовый храм, а также признали возможность изолировать эти помещения от концлагеря. Так в драматичный в целом для Ивановского монастыря 1919 г. удалось сохранить в нем и общину верующих, и 2 действующих

храма. В таком стесненном состоянии община просуществовала в еще 8 лет, вплоть до ликвидации в 1927 г.

В апреле 1922 г. во время массового изъятия церковных ценностей в пользу голодающих монастырь потерял более 6 пудов серебряных предметов церковной утвари, тогда же наиболее ценные в историко-художественном отношении иконы и церковная утварь были вывезены Главмузеем.

В 1925 г. в общине верующих в монастыре, по официальным данным, числилось 137 чел., председателем общины являлся 64-летний Николай Иванович Вяхирев (по анкете — инвалид, торговый служащий), проживавший по адресу Малый Ивановский пер., д. 11, кв. 15. В ЦГАМО хранятся анкеты священника Иосифа Келестиновича Будиловича, служившего до революции полковым священником и в 1918 г. перемещенного в Ивановский монастырь, священника Алексея Петровича Скворцова.

В 1926 г. центральные и московские власти взяли курс на выселение монашествующих из московских обителей. Сохранившиеся документы ВЦИК и Моссовета свидетельствуют об осмотрах в мае–июне 1926 г. 8 монастырей на предмет выявления числа находившихся в них монашествующих и помещений, где они проживали. В Ивановском монастыре, по данным ВЦИК, в 17 комнатах проживало 58 монахинь. Тогда было предложено их выселить, а помещения передать Административно-хозяйственному управлению ВЦИК. Известно, что власти Москвы в августе 1926 г. определили список подмосковных женских монастырей, куда рекомендовали переселить московских монахинь. В документах Административного отдела Моссовета такими монастырями названы: Спасо-Бородинский, Спасо-Влахернский и др. 23 октября 1926 г. руководители Адмотдела писали в Президиум Моссовета о том, что монахини из Ивановского монастыря выселены, помещения, которые они занимали, переданы ВЦИК, и следует закрыть монастырские собор и домовую церковь. 23 декабря 1926 г. Президиум Моссовета принимает Постановление о закрытии собора и передаче его здания Московскому губернскому архивному бюро для размещения там архива. В постановляющей части этого документа упоминается группа верующих из 110 чел. «бывших монахинь». Жалобу верующих на действия московских властей ВЦИК в середине февраля 1927 г. отклонил. Вслед за собором почти незаметно ликвидировали и Елисаветинский домовый храм, и 25 февраля контролер Моссовета Новиков принял у общины по акту все церковное имущество, запер двери двух монастырских храмов, а ключи забрал с собой. В апреле–мае 1927 г. община Ивановского монастыря перешла с частью церковного имущества в храм св. Троицы в Серебряниках. Занявшим всю территорию монастыря новым хозяевам досталась богатая «добыча» в виде церковного и хозяйственного имущества. Почти все церковное имущество «музейного значения» (150 памятников) было вывезено музейными работниками в 1927 г. Многое из имущества было утилизировано. На переплавку пошли и 10 колоколов с 2-х звонниц, весом в 641, 155, 80, 30, 12, 10, 5, 2, 1 (два колокола) пуд. Некоторые из живших в монастыре монахинь, не пожелавшие переселиться в подмосковные монастыри, снимали жилье в Москве, в том числе и невдалеке от разоренной Ивановской обители.

Часть сестер перебралась на монастырский загородный хутор, где еще действовал храм. Инокини там жили по монастырскому уставу, подчинялись последней

настоятельнице игумении Епифании (Митюшиной). История и судьба этого последнего живого осколка Ивановской обители подробно описаны в современной книге «Московский Иоанно-Предтеченский монастырь» (М., 2005). На Ивановском хуторе проживало к моменту закрытия монастыря около 60 чел., но в 1929 г. власти все хозяйство национализировали. Сестры организовали пошивочную артель. Духовником их стал о. Иларион (Удодов). В 1929 г. умирает игумения Епифания, а в начале 1931 г. были арестованы жившие в Москве 15 ивановских монахинь. Гонения на Церковь нарастали, на хуторе прекратила деятельность монашеская трудовая артель, а в мае того же года были арестованы все сестры хутора. Летом 1931 г. 28 арестованных были высланы в Казахстан. Аресты оставшихся после этого на свободе сестер продолжались и позже. Схиархимандрит Иларион перешел служить в с. Виноградово (расположено невдалеке от Ивановского хутора), туда же постепенно возвращались после отбытия ссылки в Казахстане и некоторые сестры. В 1938 г. был расстрелян в Бутово о. Алексей Скворцов, ивановский священник.

Сегодня известно, что во Владимирском храме в с. Виноградово, где нашли приют последние сестры Ивановского монастыря, схиархимандрит Иларион втайне от всех сохранял главу прп. Сергия Радонежского. В 1946 г. глава Преподобного была возвращена к его святым мощам в Лавру, а через 5 лет о. Иларион скончался. Постепенно ушли из жизни и сестры закрытого Ивановского монастыря.

К рубежу 1980–1990-х гг. бывший монастырский ансамбль занимали разные учреждения и организации: в соборе размещался архив-хранилище ЦГАМО, основную часть территории занимали службы МВД: Юридический институт, типография, спортзал с сауной и бассейном, тир. В Больничном корпусе с домовым храмом и в часовне располагались службы Мосэнерго. Здания ветшали, часть из них была надстроена.

Все изменилось в начале 1990-х гг. По благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в 1992 г. Иоанно-Предтеченский монастырь приписали к находящемуся рядом храму во имя св. равноап. кн. Владимира. Эту церковь передали верующим годом раньше — в 1991 г. Тогда же в помещении монастырской часовни стала жить и первая насельница. В мае 1992 г. несколько сестер перешли в бывший больничный корпус, тогда же верующим передали помещение Елисаветинского домового храма, и началось его медленное восстановление. В 1992 г. в бывших монастырских домах начала работу Свято-Владимирская православная гимназия. В 1995 г. в монастырской общине было уже 10 сестер, в конце апреля того же года освящен первый монастырский храм во имя св. Елисаветы.

5 мая 1999 г. указом Патриарха при бывшем Ивановском монастыре учреждено Патриаршее подворье, а решением Юбилейного Архиерейского собора, открывшегося 11 августа 2000 г., было постановлено открыть Ивановский монастырь. 26 декабря 2001 г. настоятельницей возрожденной женской обители назначена благочинная Свято-Успенского Пюхтицкого монастыря (в Эстонии) монахиня Афанасия (Грошева). В 2002 г. в монастырскую часовню был передан чтимый медный обруч, по обычаю надеваемый паломниками на голову. В январе 2002 г. в еще разоренном неотапливаемом соборе было совершено первое за многие годы всенощное бдение, а через несколько месяцев был освящен Казанский придел. В марте 2002 г. обитель впервые посетил Патриарх Алексий II. 24 декабря 2004 г. Св. Синод постановил

включить в Собор новомучеников и исповедников Российских XX в. иерея Ивановского монастыря Алексея Скворцова (1875–1938). 11 сентября 2007 г. Патриархом Алексием II матушка Афанасия возведена в сан игумении.

В 2014 г. завершилась реставрация монастырского собора, в декабре этого года он был освящен. А еще в сентябре 2008 г. в подклете собора был открыт монастырский музей, экспонатами которого стали найденные во время реставрационно-строительных работ закладной камень из основания и плита из-под престола собора 1879 г., фрагменты древних надгробий, керамическая и стеклянная посуда, а также дореволюционные издания о монастыре, копии архивных документов.

Указом Патриарха Кирилла от 2 декабря 2020 г. отреставрированный храм прп. Сергия Радонежского в Долгопрудном, бывший некогда подворьем Ивановского монастыря, вновь передан обители в этом качестве.

В возрожденном монастыре ведется большая научно-исследовательская и просветительская работа, связанная с историей обители и ее подвижников. Изданы жития св. Елисаветы Чудотворицы, св. блж. схимонахини Марфы Московской, старицы затворницы Досифеи, храмоздательницы М. А. Мазуриной и других, печатаются книги и сборники документов.

Иоанна Предтечи св. Усекновения главы собор

Собор Ивановского монастыря под Бором в Замоскворечье упоминается в летописи под 1514 г., он был построен итальянцем Алевизом Фрязиным и освящен в 1515 г. в день престольного праздника. Напомним, что ряд исследователей считают, что храм этот был соборным в Ивановской обители еще до перенесения ее на Кулишки, однако прямых подтверждений этому нет. После перенесения монастыря на новое место, на Кулишки, после рождения у великого князя Василия III наследника, будущего царя Ивана Васильевича IV Грозного там был возведен бесстолпный, одноглавый, трехапсидный с 3-мя притворами (с западной, южной и северной сторон) храм, как уже упоминалось, он простоял до разборки в 1859 г., хотя и перестраивался. Обновлялся собор в царствование Ивана Грозного, когда для него были написаны иконы деисусного, праздничного и пророческого чинов и храмовый образ св. Иоанна Предтечи. В 1642 г. собор расширили, пристроив с запада к нему трапезную с приделом во имя свт. Николая Чудотворца.

Известно, что в 1737–1748 гг. храм, как и в целом монастырь, пострадал от больших пожаров. В 1732 г. грабители сняли драгоценности с храмового образа св. Иоанна Предтечи и с местной Смоленской иконы Божией Матери. Пожар 1812 г. обошел собор стороной, но монастырь, как уже упоминалось, был сильно поврежден, разграблен и по окончании Отечественной войны 1812 года упразднен. Из разоренной надвратной церкви в соборную трапезную перенесли престол Казанской иконы Божией Матери. Новый Казанский придел был устроен на средства Екатерины Петровны Толмачевой и предназначался для служения зимой ранней литургии.

Согласно составленному архитектором М. Д. Быковским проекту, постройки монастыря и его собор подлежали разборке. Историческую ризницу поместили

в близлежащий храм свв. Кира и Иоанна на Солянке. По распоряжению митрополита Филарета главный четырехъярусный иконостас старого собора в 1861 г. передали в подмосковный Спасо-Вифанский монастырь, придельные — в разные храмы, в том числе в с. Васильково Суздальского уезда в новопостроенную там церковь прор. Илии.

3 сентября 1860 г. произошла торжественная закладка нового собора. В этот день митрополит Филарет совершил литургию в соседнем храме св. Владимира в Старых Садех и после с крестным ходом прибыл на место закладки. Владыка собственноручно положил в основание будущего храма 4 мраморных кирпича с вырезанной на них краткой надписью: «Филарет Митрополит Московский».

В Старом соборе находились захоронения многих знатных фамилий: князей Засекиных, Волконских, Шаховских, бояр Глебовых, Волынских, Ознобишиных, Хомутовых, Оболенских, Ордин-Нащокиных. При постройке нового церковного здания останки захороненных были перенесены на Ваганьковское кладбище или в семейные усыпальницы, но старые надгробия не сохранили. Иначе поступили с захоронением подвижницы обители Марфы, на могиле которой покоился камень с надписью: «Лета 7146 (1638) марта в первый день на память преподобныя мученицы Евдокии, преставися раба Божия девица в инокинях схимница Марфа Юродивая…». Марфа почиталась узорешительницей, ей молились родственники заключенных, на могилу ее приходили служить панихиду беременные женщины. В соборе на месте ее захоронения стоял деревянный гроб, «где изголовьем ей служил камень по смерти, какой был и в подвижнической жизни». При сооружении нового собора гробницу блаженной разобрали и останки ее перенесли в часовню. В 1875 г. мощи Марфы перенесли в новый собор и положили в стоящую на полу специально изготовленную мраморную гробницу. На ней вырезали надпись: «Лета 1638 марта в 1 день на память преподобномученицы Евдокии преставися раба Божия Дарья в инокинях схимонахиня Марфа Юродивая». В память о подвижнице Ивановского монастыря на грань столпа нового собора в мраморном киоте поместили образ прп. Марфы. А на столпе напротив поставили подобный киот с иконой св. Филарета Милостивого — небесного покровителя митрополита Московского Филарета.

Величественный Иоанно-Предтеченский собор освятил 20 октября 1879 г. митрополит Филарет в сослужении с двумя викарными епископами и представителями московского духовенства. На торжестве присутствовали московский генерал-губернатор князь В. А. Долгоруков, высшие чины полиции, множество народа.

Необычность и величественность нового монастырского собора отмечали и современники, и позже историки архитектуры. Е. Н. Кириченко так характеризует особенности Иоанно-Предтеченского собора: «высокий купол монастырского храма на огромном световом барабане вызывает в памяти прославленный шедевр Брунеллески — купол собора Санта Мария дель Фьоре во Флоренции. Симметричная композиция из двух колоколен по сторонам собора — это схема католических храмов. Но башни не примыкают к собору непосредственно. Они соединены с ним арочными галереями, вычленяющими перед главным фасадом собора вытянутый парадный двор, напоминающий дворы средневековых монастырей Западной Европы и итальянского Возрождения. Однако в полном соответствии с канонами русского

и вообще православного монастырского строительства храм расположен почти в геометрическом центре монастыря и является его композиционным ядром… Благодаря галереям, храм кажется больше своих истинных размеров, поднятым на, своего рода, подклет. Галереи вычленяют из территории монастыря относительно правильные, архитектурно организованные пространства дворов».

После Октябрьского переворота 1917 г. монастырская община просуществовала 10 лет. Новые власти в течение первых двух послереволюционных лет описали все имущество обители, ликвидировали официально монастырскую общину. В Ивановском монастыре, как и в других обителях города, из монашествующих и проживавших поблизости верующих была создана приходская община. 23 апреля 1919 г. между ней и Моссоветом был заключен договор о передаче в «бессрочное пользование» верующим Иоанно-Предтеченского собора и больничного Елисаветинского храма. По материалам хранящихся в фонде Моссовета в ЦГАМО 2-х объемных архивных дел можно реконструировать убранство собора в первые годы советской власти. В алтаре над престолом находилась редкой формы сень с деревянным резным вызолоченным куполом, на плафоне которого было изображение Святого Духа в лучах. Барабан купола сени состоял из 32-х священных изображений, писанных на 16 досках, на каждой доске по 2 изображения, одно с внутренней, другое с внешней стороны: свв. архангелов, апостолов и страданий Христа. Все 32 иконы были написаны на золотом фоне и были весьма внушительных размеров (1 аршин 3 вершка х 12 вершков). Такой же величины были расположенные по бокам царских врат живописные на полотне иконы свтт. Иоанна Златоуста и Василия Великого. Главной святыней собора и всего монастыря была находившаяся на столбе близ главного иконостаса храмовая икона XVII в. размером 2х1,25 аршина в серебряной ризе. Почитаемыми были также одетые в серебряные, украшенные жемчугом и изумрудами ризы Смоленская и Казанская иконы Божией Матери (обе XVII в.). Осматривавшие собор специалисты датировали XVII в. также образа Спасителя (на аналое), «Неопалимой Купины» (в алтаре), Тихвинской Божией Матери, Иоанна Крестителя. Среди исторических православных реликвий выделялись находившийся в приделе свт. Николая Чудотворца в мраморном киоте кипарисный крест в серебряном складне с частицами мощей (1681 г.), кадило 1671 г. с надписью «Сие кадило Ивановского девичьего монастыря, что на Куликах под бором…», потиры 1623 и 1752 гг., 6 напрестольных, обложенных серебряными окладами Евангелий XVII–XVIII вв. Из них специалисты особо выделяли 2 подписных 1644 и 1637 гг. Последнее было вкладом Патриарха Иоасафа и содержало любопытную надпись: «…и тое книги из монастыря ни продать или заложить ни иным которым насильством взять, а кто от сих восхощет и дерзнет сотворити той да убоится страшнаго Судии хотящего воздать… по делам его».

Собор едва не был закрыт в связи с устройством в апреле 1919 г. в Ивановском монастыре концентрационного лагеря. Ликвидации храмов требовал Моссовет, однако тогда было решено храм не закрывать по политическим мотивам, изолировать его от заключенных концлагеря. Несмотря на сохранение собора и больничного храма за приходской общиной, началось узаконенное государством разграбление соборного и вообще монастырского имущества. В ходе изъятия церковных ценностей 25 апреля 1922 г. из собора и ризницы было вывезено в ГОХРАН более 6 пудов серебряных предметов: 60 риз с икон, венчиков, обложек с Евангелий,

7 лампад, 4 кадила, украшения с престола. Туда же вывезли из монастыря шитые золотом и серебром одежды на престол и жертвенник, жемчужную ризу с драгоценными камнями, золотой крест с 4-мя крупными бриллиантами. Той же комиссией было изъято и передано Главмузею три Евангелия (1644, 1698, 1748 гг.), богослужебные сосуды 1623 г., крест серебряный конца XVI в., кадило чеканное XVII в., иконы Спаса и Владимирская Божией Матери.

В 1926 г. власти начали наступление на действующий собор, используя желание Московского архивного бюро занять его под свои нужды. Узнав об этом, община бывшего монастыря направила 5 октября 1926 г. в Мосгубмузей просьбу выдать удостоверение о том, что храм Ивановского монастыря находится на учете Мосгубмузея «вследствие художественной ценности». По-видимому, это не удалось, так как в ноябре Главнаука Наркомпроса РСФСР не возражала против передачи храма архивистам. Президиум Моссовета 23 декабря 1926 г. (Протокол № 117) постановил закрыть собор и передать его Мосгубархбюро «для размещения архивных материалов». Члены Президиума мотивировали это решение тем, что «собор Ивановского монастыря находится в пользовании немногочисленной группы верующих (110 чел. бывших монахинь), и поблизости есть другая церковь...». Копия этого протокола была отправлена общине, и уже 7 февраля 1927 г. верующие отправили заявление-жалобу на имя председателя ВЦИК М. И. Калинина, в которой, в частности, писали: «В течение почти восьми лет нами выполнялись в точности все пункты означенного договора: здание культа поддерживалось в полной исправности, производился надлежащий ремонт и все имущество, порученное нам, находится в полной сохранности. Ныне, совершенно для нас неожиданно, мы извещены, что постановлением Моссовета от 23 декабря 1926 г. № 117 решено здание культа ликвидировать и тем самым изъять из нашего использования. Такое постановление Президиума Моссовета мы считаем неправильным, так как в силу заключенного нами договора, таковой может быть расторгнут только в случае непринятия нами всех зависящих от нас мер к выполнению обязательств, вытекающих из сего договора, или прямого его нарушения. Помимо того, наш храм по своей архитектуре и строго выполненной стильности представляет собой большую художественную ценность. Использование храма для каких-либо других надобностей связано с целым рядом внутренних приспособлений, которые не могут не отразиться на целости самого здания, и в результате пострадает художественная сторона здания. Мы все, нижеподписавшиеся, издавна молимся в этом храме, мы охраняли и берегли его на средства свои, добываемые трудом, мы поддерживали храм этот в должном порядке и нам тяжело, нам больно лишиться его. Все мы убедительно просим Вас, товарищ Председатель ВЦИКа, войти в рассмотрение настоящего нашего ходатайства и, учтя строго законное использование нами храма, как памятник зодчества, отменить постановление Президиума Моссовета и оставить храм в нашем пользовании». К этому ходатайству приложены подписи верующих на 6 листах, в том числе автографы протоиерея А. П. Скворцова, председателя религиозной общины Н. Вяхирева, многих сестер монастыря.

Рассмотрением изложенного в письме занимался известный специалист ВЦИК по церковным делам, секретарь Председателя ВЦИК Н. М. Орлеанский. Сохранилось его заключение от 12 февраля 1927 г. по ходатайству верующих: «Постановление Президиума Моссовета о закрытии церкви бывшего Ивановского

монастыря в Москве принять к сведению. Просьбу верующих в пересмотре, поступившую к тому же не в срок, оставить без удовлетворения». Через 3 дня за подписью члена Президиума ВЦИК П. Г. Смидовича в Президиум Моссовета было отправлено письмо-уведомление о том, что «Просьбу группы верующих о пересмотре постановления (Президиума Моссовета — *В. К.*) Президиум ВЦИК отклонил. О чем объявите заинтересованным лицам».

Жаловаться верующим больше было некому, и началось разорение монастырского собора. 1 марта члены общины, желая оградить находившиеся в гробу-раке останки схимонахини Марфы от поругания, обратились в Адмотдел Моссовета с просьбой перенести гроб «для погребения на Ваганьковском кладбище». Однако руководители Адмотдела Ширяев и Кручинин, получив это обращение, запросили власти разрешения создать комиссию для вскрытия мощей схимонахини Марфы. Они писали в Мосгубисполком, что по заявлению группы верующих «останки схимонахини Марфы находятся в гробе 280 лет нетленными». Документы о том, как сложилась судьба гроба и останков, пока не найдены.

1 марта 1927 г. председатель церковного совета общины Н. Вяхирев обратился в Адмотдел Моссовета с просьбой разрешить перевезти в храм св. Троицы в Серебряниках церковное имущество собора. В представленной верующими описи числились 4 престола, 4 жертвенника, много икон, 2 комплекта богослужебных сосудов, различная церковная утварь. Перебравшаяся в Троице-Серебрянический храм община бывшего монастыря перевезла значительное число церковных предметов. Список этих предметов датирован 30 апреля 1927 г., в нем — 97 позиций, в которых учтено более 120 икон, небольшое число церковной утвари, плащаница, 4 Евангелия, крест с Голгофой (высотой в 3,5 аршина) и др. Среди перевезенных числились большие образа св. Иоанна Предтечи, Успения Божией Матери, св. Елисаветы, свт. Николая Чудотворца, Иверской Божией Матери, Божией Матери Всех скорбящих Радость и другие, а также складень с частицами святых мощей.

Основные же исторические и религиозные ценности были вывезены из собора представителем Мосгубмузея А. А. Глазуновым. Сохранившаяся в ЦГАМО опись церковного имущества свидетельствует о богатстве ризницы и убранства собора: было вывезено более 150 церковных предметов, среди которых 25 позиций — это церковные облачения (стихари, фелони, орари, набедренники, поручи) XVII — начала XIX в.; более 10 богослужебных сосудов (потиры, ковш) и крестов XVIII — начала XIX в., 4 Евангелия XVII–XVIII вв., более 400 книг и духовных журналов. В списке вывезенных, по описи, числится более 80 икон, среди которых образа св. Иоанна Крестителя в житии (XV в.), а также Божией Матери Одигитрии, св. Георгия Победоносца, св. Димитрия, свтт. Василия Великого, Иоанна Златоуста, Николая Чудотворца, св. Троицы (все XVI в.), несколько икон XVII в. и около 60 икон — XVIII в.

В опустевшем соборе установили высокие, почти до потолка, стеллажи для документов, и вплоть до конца 1990-х гг. там находилось архивохранилище, позднее входившее в систему ЦГАМО.

В 1990-е гг. происходило постепенное возрождение отдельных храмов бывшего монастыря. С открытием монастыря в 2000 г. началась реставрация собора, которая продолжалась полтора десятка лет. 14 декабря 2014 г. Патриарх Кирилл совершил Великое освящение монастырского собора.

Елисаветы Чудотворицы прп. домовый храм

В старом Ивановском монастыре храма с таким именем не было. Проектировавший в 1860-е гг. весь монастырский ансамбль архитектор М. Д. Быковский выделил особую территорию для больничной «пустыньки», где должен был быть сооружен больничный корпус с больничным храмом, соединенный с покоями настоятельницы.

Храм этот был заложен одновременно с монастырским собором 3 сентября 1860 г., и 4 октября 1879 г. архимандрит Николо-Угрешского монастыря Пимен освятил его во имя прп. Елисаветы Чудотворицы — ангела благотворительницы Елизаветы Алексеевны Макаровой-Зубачевой. В храме был устроен одноярусный иконостас.

В 1919 г. по договору с Моссоветом Елисаветинский храм вместе с собором передавался общине верующих и находился в ее пользовании вплоть до 1927 г. В конце октября 1926 г. вскоре после выселения монахинь Адмнадзор Моссовета предложил Президиуму Моссовета закрыть домовую церковь и передать ее помещение Исправдому. Родственное последнему учреждение под мудреным именем ЭПОГИ (Экспериментальное пенитенциарное отделение Государственного института по изучению преступности и преступника) также размещалось на территории монастыря. Именно заместитель директора ЭПОГИ Орехов написал в Президиум письмо с грифом «Срочно», в котором указал, что его учреждение имеет «специальные задачи в области отбора, содержания и обслуживания» преступников, а так как помещения этого отделения малы, то следует передать ему домовую монастырскую церковь. В письме сообщалось, что наличие действующего храма «подрывает возможность» подготовки кадровых работников, в нем ежедневно проводятся богослужения, слышно церковное пение, и все это «нарушает элементарные требования общественного порядка, предъявляемого к местам заключения».

В архиве сохранился акт от 25 февраля 1926 г. о ликвидации храмов Ивановского монастыря, а также обращение общины верующих в Адмотдел Моссовета с просьбой сохранить действующим малый храм (больничный) до 1 апреля 1927 г. В обращении указывалось, что в храме почти нет церковного имущества. Сохранилась архивная справка о том, что «помещение домовой церкви бывшего Ивановского монастыря передано ЭПОГИ 22.04.27 под культурно-просветительские цели».

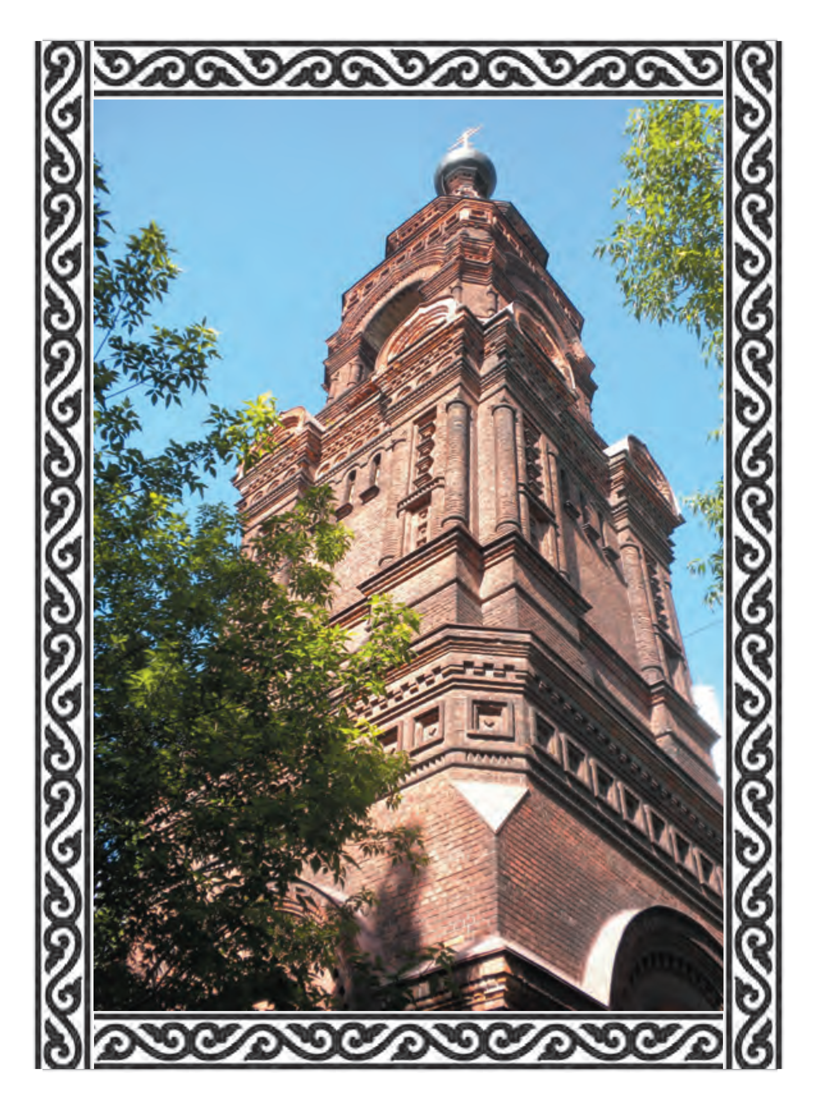
Возрождение бывшего больничного храма началось в первой половине 1990-х гг. силами небольшой общины сестер. Церковное помещение в запущенном состоянии передали верующим к празднику Святой Пасхи 1995 г. Восстановлением храма занималась архитектор-реставратор Л. А. Шитова, иконы написала М. Проскурова. Елисаветинскую церковь освятили 28 апреля 1995 г. в пятницу Светлой седмицы. Богослужения в храме совершались по воскресным дням и монастырским праздникам священниками соседнего с обителью храма св. равноап. кн. Владимира.

Вход в храм имеется через южную галерею восточного двора, но в настоящее время он закрыт, и попасть в церковь можно только через сестринский корпус.

Источники и литература:

1. ЦГАМО. — Ф. 66. — Оп. 18. — Д. 136. Договор с группой верующих о передаче им церквей и часовни Ивановского монастыря. 1919–1920 гг. — 105 л.; Д. 334. Заявления группы верующих при церкви Иоанна Предтечи (Ивановский монастырь). 1923–1927 гг. — 80 л.
2. ЦГА г. Москвы. — Ф. Р-1215. — Оп. 2. — Д. 86. Дело о регистрации религиозной общины церкви Троицы в Серебряниках. 1920–1932 гг. (Опись богослужебных предметов, перевезенных из собора Ивановского монастыря в храм Троицы в Серебряниках). — Л. 29–30.
3. ГАРФ. — Ф. Р-1235. — Оп. 63. — Д. 383. Переписка… по заявлениям членов церковной общины… 1927 г. (О закрытии собора бывшего Ивановского монастыря и передаче помещения Мосгубархбюро). — Л. 281–292.
4. Бабья шерстяная ярмарка в Ивановском монастыре в Москве // Журнал мануфактур и торговли. — 1850. — № 1/2. — С. 229–240.
5. *Снегирев И. М.* Ивановский монастырь в Москве. — М., 1877. — 38 с.
6. *Филарет, митрополит*. О возобновлении Московского Ивановского женского монастыря. — М., 1879. — 12 с.
7. Краткий исторический очерк Московского Ивановского девичьего монастыря / [сост. И. Ф. Токмаков]. — М., 1882. — 28 с.
8. *Кириченко Е. И.* Михаил Быковский. — М., 1988. — 256 с.
9. Сорок Сороков : краткая иллюстрированная история всех московских храмов : [в 4 т.] / собр. П. Паламарчук; фот. П. Паламарчука, А. Демченко. — Т. 1. Кремль и монастыри. — М., 1992. — С. 174–178.
10. *Баталов А. Л., Головкова Л. А., Харченко Г.* Московский Иоанно-Предтеченский женский монастырь : страницы истории. — М., 2005. — 128 с.
11. *Баталов А. Л.* Ивановский монастырь // Церковная археология Москвы. Храмы и приходы Ивановской горки и Кулишек. — М., 2006.
12. Святые покровители Иоанно-Предтеченской обители / [сост. инокиня Илария (Харченко)]. — М., 2013. — 16 с.
13. История Московского Ивановского девичьего монастыря в документах XVII — начала XIX века / [сост. Н. Г. Давиденко]. — М., 2015. — 498 с.
14. *Баталов А. Л., Беляев Л. А.* Московский в честь Усекновения главы святого Иоанна Предтечи ставропигиальный женский монастырь // ПЭ. — Т. XLVI. — М., 2017. — С. 416–422.

Казанский Головинский общежительный женский монастырь

Кронштадтский бульвар, д. 33.

сохранился частично, как монастырь не восстановлен

В начале XX в. – 4 храма с 6 престолами

Акилины св. мученицы домовый храм

Всемилостивого Спаса домовый храм

Казанской иконы Божией Матери храм

Троицы св. Живоначальной собор
Марии Магдалины св. равноап. придел
Черниговской иконы Божией Матери придел

ИСТОРИЯ ДО 1917 г.

Монастырь был образован в 9 верстах от Москвы в 1886 г. на основе созданной в 1881 г. женской общины. Казанским он назван по Казанской иконе Божией Матери, в честь которой построен первый деревянный храм. Название «Головинский» было дано по сельцу Головину, находившемуся в 7-ми верстах от железнодорожной станции Химки и в 2-х верстах от полустанка Ховрино (ныне в пределах Москвы).

В XIX в. сельцо Головино принадлежало помещице Варваре Ильиничне Головиной, дававшей приют православным странникам. В 1896 г. В. И. Головину посетил странник-юродивый крестьянин из Скопинского уезда Рязанской губернии Иродион Иванович Гулин. Его и считают основателем будущего монастыря. В том же году именно он направил к Головиной 2-х девиц: Марию Стрельникову и Екатерину Муравлеву, ставших позже первыми сестрами обители. Помещица поселила их в нижний этаж одного из флигелей, а Иродиона (в схиме Николая) поместила в домике в усадебном парке. Позднее в усадьбе поселились еще несколько странниц, и Николай стал просить В. И. Головину устроить домовый храм; и в 1872 г. в Головинской усадьбе по благословению митрополита Московского свт. Иннокентия был освящен храм во имя Всемилостивого Спаса. 25 июля 1872 г. Гулин скончался и был похоронен на родине в с. Новые Кельцы Рязанской губ.

Продолжателем дела Гулина стал московский купец Никита Игнатьевич Сидоров, купивший в декабре 1876 г. у В. И. Головиной около 8 десятин земли и построивший там дом для живших у Головиной сестер-странниц. Купец полагал в будущем устроить в доме богадельню на 20 женщин. 5 декабря 1880 г. скончалась В. И. Головина, а жившая в Москве ее дочь Софья Николаевна Слепцова продала в 1881 г. доставшееся ей по наследству имение с землей, господским домом и со всеми другими строениями Н. И. Сидорову. Последний в 1881 г. обратился к митрополиту Московскому Макарию (Булгакову) с просьбой учредить в Головине Казанскую женскую общину. В своем прошении Н. И. Сидоров писал, что жертвует на эти цели 57 десятин земли со всеми постройками. 9 мая 1881 г. Св. Синод определил учредить в Головине Казанскую женскую общину.

19 октября 1882 г. в общине была освящена деревянная церковь в честь Казанской иконы Божией Матери, а старой домовой Спасской церковью стали пользоваться больные и немощные сестры обители. 30 октября 1882 г. начальницей общины была назначена М. Стрельникова — духовная дочь старца Николая.

Число сестер в общине резко увеличилось: если в начале 1882 г. их было 20, то к августу — вдвое больше. Части сестер было разрешено постричься в рясофор, а всем сестрам позволено при церковных богослужениях носить монастырскую одежду и камилавки. В общине были назначены казначея и благочинная. В 1885 г. община получила разрешение устроить кладбище.

По ходатайству Н. И. Сидорова, поддержанному московским митрополитом, определением Св. Синода от 7 марта 1886 г. Казанская община была переименована в общежительный Казанский женский монастырь со штатом из 15 монашествующих и стольких же послушниц.

В апреле 1886 г. М. Стрельникову назначили настоятельницей монастыря, а в мае она приняла монашеский постриг с именем Магдалины.

Торжество открытия нового монастыря состоялось 27 июля 1886 г. в присутствии митрополита Московского Иоанникия.

В 1887 г. в обители возвели 3-й каменный храм во имя св. Живоначальной Троицы с приделами в честь Черниговской иконы Божией Матери и св. равноап. Марии Магдалины. В 1893 г. в монастыре был построен каменный больничный храм во имя св. мц. Акилины.

Одновременно с последним храмом в обители были сооружены двухэтажный каменный дом с помещением для больных и престарелых (на средства А. А. Смирновой), и каменный двухэтажный трапезный корпус (построен при участии московского купца Н. И. Силуанова). В 1894 г. на средства серпуховского купца И. Н. Коншина возведен двухэтажный корпус для настоятельницы, а в 1901 г. на пожертвования М. И. и Л. А. Аристовых — здание монастырской церковно-приходской школы. Монастырский ансамбль дополнили и другие постройки: отдельно стоящие келии, 2 дома (для священника и диакона), просфорня, конный двор, квасоварня, хлебенная, житница, двухэтажная гостиница для богомольцев.

В 1894 г. состоялась закладка каменных Святых ворот и ограды, оконченной постройкой в 1906 г. Ко дню закладки врат настоятель московской афонской Пантелеимоновской часовни о. Аристоклий (ныне причислен к лику святых) привез для водружения на них икону Божией Матери Сладкое лобзание. К 25-летию обители в 1911 г. была сооружена высокая стройная колокольня. Автором постройки называли архитектора С. И. Вашкова, однако современные исследователи считают, что колокольня построена по проекту архитектора А. А. Латкова.

На монастырском кладбище хоронили священнослужителей, настоятельниц, сестер, благотворителей. Здесь, в частности, находились могилы: вологодской купчихи М. П. Киселевой (†1885), жены храмоздателя обители Н. Н. Киселева, духовника Казанско-Головинской обители иеросхимонаха Иоанна из московского Златоустовского монастыря (†1888), благотворителя и одного из основателей монастыря Н. И. Сидорова.

Несмотря на короткую дореволюционную историю, обитель стала известна в Москве и Московской епархии. Храм посещали московские владыки, бывали здесь обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев, митрополит Сербский Михаил и др. В монастыре велась подробная монастырская летопись.

Жизнь монастырская была наполнена трудом и молитвой. Вот, что писал об этом труде один из первых историографов монастыря Аристарх Израилев: «Трудятся они с раннего утра до позднего вечера. Сами возделывают свои огороды, сами жнут и молотят; сами ходят за пчелами, которых имеется в монастыре несколько десятков ульев; сами трудятся и в скотной, и в поварне, и в хлебенной и в просфорне. Весьма многие из сестер занимаются шитьем одежды и белья, вязаньем, вышиваньем по канве шерстями и шелками, а некоторые из них даже пишут образа...».

В конце 1880-х гг. в монастыре подвизалось 130 сестер, из которых было 8 монахинь и 12 послушниц, а остальные проживали в обители «по одним билетам и увольнениям от своего местного начальства». К началу XX в. общее число проживавших в монастыре увеличилось до 175 чел. (из них 16 монахинь). В монастыре тогда находились иконописная мастерская, школа грамоты и рукоделия на 20 приходящих девочек (с 1899 г.), больница и богадельня для больных и престарелых сестер обители. Казанско-Головинский монастырь быстро стал известным в епархии духовным центром.

ИСТОРИЯ ПОСЛЕ 1917 г.

После революции 1917 г. монахини Казанско-Головинского монастыря по примеру других женских обителей создали сельскохозяйственную артель. Этот статус позволял сохранить монастырский быт и молиться в храмах. Сохранился доклад о состоянии обители летом 1921 г. известного церковного историка М. И. Александровского: «Несмотря на недавнее происхождение Головинский монастырь обстроился хорошо: много жилых и хозяйственных построек, четыре храма, высокая колокольня, недавно выстроенная архитектором Вашковым и не совсем еще законченная, и красивая ограда, сооруженная по проекту

архитектора И. Т. Владимирова. Деревянный Спасский храм 1872 г. представляет из себя квадрат с четырехскатной крышей и одной главой...».

Александровский описывает и другие церкви обители, указывая, что они лишены наружного убранства и имеют характерный стиль второй половины XIX в. подмосковных храмов. Он пишет, что в 1921 г. монастырь преобразуется в трудовую общину, входящую в состав Ульяновской волости Московского уезда «на правах особого сельского общества». Находившиеся в прекрасном состоянии многочисленные жилые и хозяйственные постройки в условиях негативного отношения властей к Церкви, были, естественно, «лакомым куском» для близлежащих фабрик, учебных и иных заведений. Артель из монашествующих уже в начале 1920-х гг. подверглась гонениям, постройки передавались в ведение Мосздравотдела, под общежития студентов Петровской сельскохозяйственной академии и рабочих располагавшейся неподалеку фабрики им. П. Алексеева (бывш. Иокиш).

В июле 1925 г. Казанский храм был закрыт постановлением Президиума Моссовета. Узнав об этом, верующие Ульяновской волости Московского уезда из селений Головино, Захарково, Никольское и других обратились с жалобой на действия Моссовета в Президиум ВЦИК, в которой, в частности, сообщаются сведения о судьбе монастырских храмов. Прихожане писали, что в сентябре 1923 г. им по договору Московским уездным отделом управления переданы для богослужения монастырские храмы Казанский и Троицкий. Далее они сообщали: «При Казанском храме находится колокольня, и в настоящее время храм этот, главным образом, используется для совершения крещения и для помещения тел умерших пока приготовится могила... До ноября 1923 г. при храмах была отдельная специально выстроенная сторожка, а в ноябре 1923 г. она взята под общежитие рабфака Тимирязевской академии, чтобы не оставить храмы без охраны пришлось предоставить для помещения сторожей часть деревянной Казанской церкви, т. к. в настоящее время сильно участились случаи похищения из церквей предметов культа...». Верующие писали, что летом они произвели ремонт храма, затратив более 1 тыс. руб. и что храм обслуживает религиозные потребности крестьянского населения большой округи — «пространством около 10 верст в окружности», как сказано в жалобе.

Крестьянскую жалобу Секретариат Президиума ВЦИК отклонил в августе 1925 г., и Казанский храм был закрыт. Последний действующий Троицкий собор был закрыт в 1929 г. или в 1931 г. Все бывшие сестры-монахини были выселены из монастыря. Особо чтимую Казанскую икону перенесли в ближайший Знаменский храм в с. Аксиньино (ныне в черте Москвы), где она пребывает до сих пор. При этом храме в советское время проживали сестры и священнослужители монастыря.

Многие сестры бывшего Казанско-Головинского монастыря подвергались гонениям в советский период. Среди них — монахиня Анастасия (Зубкова), послушницы преподобномученицы Михаила (Иванова), Татиана (Грабкова). Все они были расстреляны в 1937–1938 гг. на Бутовском полигоне. Был расстрелян и последний священник обители о. Василий.

Перестроенные, лишенные глав храмы, а также другие постройки монастыря просуществовали до 1970 г., когда были постепенно разобраны в связи

с массовым жилищным строительством. Уничтожено было и монастырское кладбище. От обширного монастырского ансамбля уцелела лишь высокая колокольня, в которой в 1997 г. была устроена Казанская часовня, приписанная к Знаменскому храму в с. Аксиньино. В 2016 г. часовня приобрела статус храма, в ней проводятся богослужения.

В настоящее время инициативная группа добивается установки памятного креста на месте бывшего монастыря.

По инициативе прихожан находящегося недалеко новопостроенного храма св. прав. Иоанна Кронштадтского в 2020 г. была изготовлена уменьшенная модель ансамбля Казанского Головинского монастыря. В настоящее время она находится в библиотеке № 44 им. В. Г. Короленко на ул. Смольной. Сотрудники библиотеки начали проводить экскурсии по территории исчезнувшей обители. А в ноябре 2022 г. в библиотеке состоялась презентация книги В. А. Левушкина, посвященной монастырю.

Всемилостивого Спаса домовый храм

не сохранился

Первый храм, появившийся в имении В. И. Головиной, был устроен владелицей имения по просьбе старца Николая (Гулина) и по благословлению митрополита Московского Иннокентия (Вениаминова). По желанию помещицы храм был освящен 17 февраля 1872 г. иереем с. Всехсвятского Никанором Румянцевым, местным благочинным, во имя чтимой в ее семье иконы Всемилостивого Спаса. Располагался храм в небольшом помещении на 2-м этаже флигеля, где жили сестры. Престол в храме был сделан из доски кипарисного ящика, в котором Гулин отправлял в Головино свою келейную икону. Сама эта икона была поставлена за левым клиросом. Богослужения в домовой церкви совершали священники храма с. Аксиньино, но иногда по приглашению Головиной служили в ней и иеромонахи различных московских монастырей.

Спасский храм стал единственным храмом в учрежденной в 1881 г. Казанской женской общине.

Храм закрыт в 1918–1919 гг. и передан под общежитие. Снесен в 1970 г., и на его месте построен семиэтажный жилой дом.

Казанской иконы Божией Матери храм

не сохранился

Казанский храм, построенный в 1882 г., стал вторым по времени постройки в обители, когда она еще имела статус монастырской общины. К тому моменту первый, Спасский, храм стал малопоместительным для растущей общины, и ее попечитель купец Н. И. Сидоров обратился к епархиальному начальству с прошением о сооружении на свои средства Казанской церкви. Освятил деревянный

на каменном фундаменте храм 19 октября 1882 г. митрополит Московский и Коломенский Иоанникий (Руднев) в сослужении с настоятелем московского Данилова монастыря известным церковным историком архимандритом Амфилохием (Сергиевским-Казанским).

Новый, продолговатый в плане храм имел граненый алтарь и небольшую трапезную, над ним был установлен четырехгранный шатер с окнами, увенчанный главкой. Над папертью возвышалась невысокая колокольня с 8-ю колоколами (самый большой весил 32 пуда).

В храме был сооружен резной деревянный трехъярусный иконостас. В нем была помещена чтимая Казанская икона, первоначально написанная академиком живописи А. В. Васильевым для храма в с. Новые Кельцы по заказу Иродиона Гулина. Этот образ затем пребывал в келии Гулина в Головине и был передан в домовый Спасский храм. Храмовая Казанская икона была большой: высотой в 1,25 аршина и шириной в 14 вершков. В 1882 г. на средства Сидорова для нее была изготовлена серебряная риза.

В 1884 г. при Казанском храме был открыт штатный причт, состоящий из священника и псаломщика. Для них Сидоров построил 2 деревянных дома.

После революции 1917 г. Казанский храм оставался действующим и был обращен в приходской. Он обслуживал членов трудовой артели, состоящей, главным образом, из бывших сестер, а также местное крестьянское население из близлежащих селений. Так продолжалось до лета 1925 г. В июне 1925 г. Адмотдел препроводил в Президиум Моссовета отношение фабрики им. Петра Алексеева (бывш. Иокиша) с просьбой предоставить под ясли для детей рабочих один из храмов Головинского монастыря. Адмотдел предложил отдать под ясли Казанскую церковь, оставив верующим Троицкий собор. На заседании Президиума Моссовета 29 июля 1925 г. было заслушано ходатайство фабкома и бюро ячейки РКП(б) фабрики им. П. Алексеева о закрытии Казанского храма и передаче его помещения для устройства детской площадки. Постановлением Президиума Моссовета храм был закрыт и передан фабрике. В решении отмечалось, что «деревянная Казанская церковь для нужд культа не используется, а служит местом хранения домашних вещей бывших монахинь и для их жилья». Написанная верующими жалоба во ВЦИК свидетельствовала, что это было не так, но высший законодательный орган Советской Республики жалобу прихожан отверг и согласился с постановлением Моссовета. Сохранилось датированное 29 августа 1925 г. отношение члена Президиума Моссовета Волкова в Адмотдел Моссовета. Вот его текст: «Управление делами Президиума Моссовета предлагает Вам при передаче группе верующих предметов культа ликвидируемой согласно постановления Президиума Моссовета от 29/VII с. г. (Протокол № 86) Казанской церкви бывшего Головинского монастыря передать верующим по описи и колокола с означенной церкви, а также предоставить верующим временно право использования колокольни ликвидированной церкви впредь до перенесения ими колоколов в другое место».

Видимо, вскоре после этого храм обезглавили. Известно, что позже в храме было устроено жилье, а в 1970 г. здание бывшей церкви снесли и на ее месте построили многоэтажный жилой дом.

Троицы св. Живоначальной собор

не сохранился

История сооружения самого большого в Казанском монастыре трехпрестольного Троицкого храма теснейшим образом связана с женой вологодского купца Николая Никитича Киселева Марией Петровной. В 1879 г. иеромонах Гефсиманского скита близ Троице-Сергиевой Лавры Варнава подарил ей небольшую копию с пребывающей в этом скиту Черниговской иконы Божией Матери.

29 июля 1882 г. она, взяв образ, ехала из Москвы в Крым по железной дороге. Поезд потерпел крушение у станции Чернь, было много погибших, но молившаяся своему образу М. П. Киселева была чудесно спасена от смерти. В том же 1882 г. ею была устроена на иконе серебряная риза с эмалью, а ее муж на задней стороне образка поместил на серебряной пластине надпись о чудесном случае.

В июне 1885 г. М. П. Киселева скончалась и была похоронена на только что открывшемся кладбище Казанской общины. Ее муж Н. Н. Киселев в память жены пожертвовал значительную сумму на построение в общине трехпрестольного храма с пожеланием, чтобы один из приделов был назван в честь Черниговской иконы Божией Матери, а другой — во имя св. равноап. Марии Магдалины (небесный ангел Марии Петровны). 1 сентября 1885 г. состоялась закладка большого православного храма, 7 марта 1886 г. община получила статус монастыря, а уже 1 сентября митрополитом Московским Иоанникием был освящен главный в честь св. Троицы престол. В освящении собора принимал участие протоиерей Аристарх Израилев — автор уже упомянутого нами опубликованного исторического описания монастыря.

Правый придел во имя Черниговской иконы Божией Матери освятил 6 сентября 1887 г. местный благочинный с. Спасского-Тушина священник Николай Буровцев, левый во имя св. равноап. Марии Магдалины освятил архимандрит Данилова монастыря Амфилохий. Пятиглавый храм был построен в стиле «русского узорочья» XVII в., его окна были богато декорированы фигурными наличниками. В церковное здание вели 3 двери.

Стены и своды собора позже расписал за свой счет благотворитель, крестьянин с. Рогачево Дмитровского уезда Павел Васильевич Корнев. Иконостасы были: в главном храме — четырехъярусный, а в приделах — двухъярусные. После завершения строительства собора Н. Н. Киселев перенес останки жены в устроенную им под трапезной усыпальницу.

Троицкий собор имел свои исторические святыни, связанные с жизнью главных благотворителей обители. Так храмовая икона св. Троицы в чеканной серебряной ризе была пожертвована попечителем общины Н. И. Сидоровым. Образ этот принадлежал его матери Параскеве Григорьевне (†1851). В 1884 г. Н. И. Сидоров даже хотел пристроить к Казанскому храму придел в честь иконы св. Троицы. Когда в 1885 г. Н. И. Киселев приступил к сооружению трехпрестольной церкви, Н. И. Сидоров попросил храмоздателя, чтобы главный престол этого храма был освящен во имя Троицы, и вышеупомянутый образ стал местным, храмовым.

Сам Н. И. Киселев подарил в Троицкий собор семейную Черниговскую икону Божией Матери, и она была помещена в правом его приделе.

Еще одна местная икона в соборе — Нерукотворного образа Христа Спасителя, была родовой в семье попечителя Н. И. Сидорова. Эта икона принадлежала его прадеду, перешла к его деду, отцу и, наконец, — к самому Н. И. Сидорову. На этом образе была художественной работы серебряная риза. Памятная реликвия — серебряный крест с частицами святых мощей около 40 святых (апостолов, византийских и русских святых — имена их вырезаны на кресте), был пожертвован в 1872 г. В. И. Головиной в устроенную ею домовую церковь Спаса Всемилостивого. Еще в Троицком соборе хранились 2 серебряных креста-мощевика, причем один из них был пожертвован в 1888 г. иеросхимонахом московского Златоустовского монастыря Иоанном. Самой древней святыней нового собора был серебряный 1732 г. двустворчатый складень-мощевик с образом Божией Матери Всех скорбящих Радость и с частицами мощей византийских и древнерусских святых. Складень и 3 креста-мощевика хранились в особой витрине-аналое под стеклом. Наконец, в алтаре Троицкого собора находилась еще одна историческая реликвия, связанная с попечителем Н. И. Сидоровым — написанный на кипарисной доске Нерукотворный образ Христа Спасителя в серебряной ризе.

Осматривавший в июне 1921 г. собор знаток церковного искусства М. И. Александровский, высоко оценивая архитектуру собора и его придельных иконостасов, упоминает 5 икон XVII в. и несколько образов, датируемых XVIII в.

Троицкий собор в первые послереволюционные годы был обращен в приходской. Его закрыли последним из бывших монастырских храмов, вероятно, в 1929 г. По всей видимости, в 1930-е гг. он был лишен пятиглавия, внешнего декоративного убранства и капитально перестроен в четырехэтажный жилой дом. В 1970 г. при массовой застройке он вместе с другими монастырскими постройками был снесен. На месте собора так ничего и не построили.

Акилины св. мц. домовый храм

не сохранился

Храм св. мц. Акилины был освящен 16 июня 1893 г. и стал третьим в новой обители. Он был сооружен на средства известной благотворительницы и храмоздательницы Акилины Алексеевны Смирновой (в тайном пострижении в иночестве носившей имя Рафаилы). Церковь устраивалась как больничная и находилась с восточной стороны двухэтажного каменного корпуса, нижний этаж которого предназначался под больницу, а верхний — под жилье престарелых сестер. Церковь соединялась с обоими этажами внутренними ходами; в верхнем же этаже для призреваемых были сооружены хоры. Внешне храм выделялся в больничном корпусе пристроенной полукруглой алтарной частью и куполом с небольшой главкой.

Храмоздательница не дожила до окончательного устройства церковного здания († 22 апреля 1893), и его отделкой и благоукрашением занимался

душеприказчик А. А. Смирновой московский купец Иван Ефимович Ефимов. 20 июля 1893 г. был освящен двухэтажный каменный трапезный корпус.

В первые послереволюционные годы храм св. мц. Акилины был закрыт, сломаны абсидная часть и глава. Больничный корпус с помещением церкви простоял до конца 1970-х гг., когда был снесен в связи с застройкой района. На месте храма построено многоэтажное жилое здание.

Колокольня и Казанской иконы Божией Матери приписная к Знаменскому храму в Аксиньино часовня (храм)

Первая, сооруженная в 1882 г. в монастырской общине колокольня, устроенная на паперти Казанского храма, была мала, и к 25-летию обители было решено построить новую. Проект высокой, в русском стиле колокольни составил архитектор А. А. Латков, и 8 июля 1911 г. состоялась ее закладка. К 1913 г. 40-метровая колокольня была построена. Сегодня она — единственная уцелевшая из всех построек Казанско-Головинского монастыря.

В 1992 г. колокольню приписали к Знаменскому храму в с. Аксиньине (ул. Фестивальная), и после ремонта в августе 1997 г. в ней архиепископ Арсений (Епифанов) освятил часовню в честь Казанской иконы Божией Матери. Заметим, что по соседству с колокольней планировалось построить новый храм, который, к сожалению, так и не был сооружен.

Колокольня является памятником архитектуры. В декабре 2012 г. на нее поднят набор новоотлитых колоколов.

До 2016 г. в часовне проводились молебны, и читался акафист. Первая литургия в колокольне, в часовне, получившей статус храма, состоялась 12 февраля. Ныне здесь еженедельно совершаются богослужения, от колокольни регулярно проводятся крестные ходы вокруг территории бывшего монастыря.

Особо почитается храмовый праздник Казанской иконы Божией Матери. 21 июля 2022 г. в день памяти этой иконы здесь состоялась прадздничная Божественная литургия.

Источники и литература:

1. ГАРФ. — Ф. Р-1235. — Оп. 61. — Д. 174. Переписка с губисполкомами по заявлению церковных общин... — Л. 81–88.
2. ОПИ ГИМ. — Ф. 465. — Оп. 1. — Д. 77. Материалы о деятельности в Церковном отделе…
3. ЦГА г. Москвы. — Ф. Р-1215. — Оп. 1. — Д. 348. Переписка с Управлением Московской уездной милиции о ликвидации церквей…
4. МЦВ. — 1885. — № 37; 1893. — № 25; 1897. — № 3.
5. Описание Казанского Головинского общежительного женского монастыря, находящегося в Московском уезде, составленное в 1889 г. протоиереем церкви святителя Стефана, епископа Пермского, что при Первой Московской гимназии, Аристархом Израилевым…. — М., 1889. — 65 с.

6. Казанский Головинский женский монастырь Московского уезда близ Петровской академии. — М., 1894. — 15 с.
7. *Ярцев А.* Прошлое и настоящее Головинского монастыря // Московские ведомости. — 1900. — № 211. — С. 3–4.
8. Казанский Головинский общежительный женский монастырь : (По поводу 25-летия со дня учреждения общежит. обители 1886–1911 гг.). — М., 1911. — 23 с.
9. Сорок Сороков : краткая иллюстрированная история всех московских храмов : [в 4 т.] / собр. П. Паламарчук; фот. П. Паламарчука, А. Демченко. — Т. 1. Кремль и монастыри. — М., 1992. — С. 360–368.
10. *Козлов В. Ф.* Церковь мц. Акилины в Казанском Головинском монастыре // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Июнь. — М., 1997. — С. 194–195.
11. *Скопин В. В.* Казанский Головинский монастырь // *Вайнтрауб Л. Р., Карпова М. Г., Скопин В. В.* Храмы Северного округа. — М., 1997. — С. 144–154.
12. Казанский Головинский монастырь // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Октябрь. — М., 2004. — С. 423–428.
13. *Кочетов Д. Б.* Казанской иконы Божией Матери Головинский женский монастырь // ПЭ. — Т. XXIX. — М., 2012. — С. 313–317.
14. *Левушкин В. А.* Историческое описание Казанского Головинского общежительного женского монастыря Московского уезда. — М, 2022. — 544 с.

Никитский 3-го класса общежительный женский монастырь

ул. Б. Никитская, на месте д. 7

не сохранился

В начале XX в. – 3 храма с 5 престолами и 1 часовня

Воскресения Словущего надвратный храм

Димитрия Солунского св. вмч. храм

Никиты св. вмч. собор
Введения во храм Пресвятой Богородицы придел
Николая Чудотворца свт. придел

Никиты св. вмч. часовня

ИСТОРИЯ ДО 1917 г.

Один из первых историографов монастыря архивист И. Ф. Токмаков писал в 1888 г.: «Московский Никитский Девичий монастырь — замечательнейший исторический и археологический памятник Московской епархии и ближайший ко времени восшествия на Всероссийский престол царя Михаила Федоровича Романова. Никитский монастырь, устроенный дедом царя Михаила Федоровича, воеводою Российских войск Никитою Романовичем». Последний был шурином царя Ивана Грозного, отцом будущего Патриарха Филарета, и, соответственно, дедом первого царя из рода Романовых.

Точная дата основания обители неизвестна. Считается, что монастырь появился в Белом городе в Кисловской слободе в царствование Ивана Грозного, в поздних клировых ведомостях указана дата основания — 1582 г. Монастырь был основан при бывшей здесь прежде церкви св. вмч. Никиты и стал называться Никитским.

Монастырь слыл «царским», его часто посещали цари и патриархи. Рядом со стенами обители располагался двор Никиты Романовича. Он, как и все Романовы, был усердным вкладчиком в Никитский монастырь.

Во второй половине XVII в. в обители числилось около 100 иноков. В 1684 г. монастырь был опустошен сильным пожаром. По описи 1701 г., в нем находились, кроме соборов, «деревянные две богадельни, строение боярыни княгини

Анны Никифоровны Лобановой, да боярыни княгини Прасковьи Ивановны Ромодановской, а в них живут безместные старицы и вдовы, да у передних монастырских ворот каменные кладовые и жилые палаты, а в них живут церковный и воротный сторож с сыном».

В 1712 г. в Никитском монастыре состояло «местных стариц 100, безместных 50, вдовиц вкладчиц 50, итого с игуменьею 201, каменного строения было 80 келий деревянных с игуменскими; после пожара построено 7 келий деревянных до указа; крестьян за монастырем нет, ограды каменные, 2 стены ветхие».

В начале 1720-х гг. за монастырем числилась деревянная часовня. В 1751 г. игумении Феоне было разрешено устроить каменный храм во имя Живоносного Источника по обещанию пребывавшей в этом монастыре вдовствующей графини Анастасии Ермиловой, дочери Матвеевой. Но этот храм по каким-то причинам так и не был построен. В 1755–1756 гг. по северной стене обители, шедшей вдоль ул. Б. Никитской, было построено по проекту архитектора Д. В. Ухтомского здание келий, в котором в XIX в. размещалась монастырская богадельня.

В 1812 г. монастырь сильно пострадал от вражеского нашествия, церковное имущество было разграблено, в алтаре собора устроена конюшня. В пожаре погибли многие иконы, книги и архив. После пожара архиепископ Московский Августин хотел Никитский монастырь упразднить, но в 1820-е гг. обитель была возобновлена на частные пожертвования.

Историк Москвы первой трети XIX в. А. Ф. Малиновский так описывал обитель: «Среди монастыря две церкви, одна к другой пристроенные, обе одноглавые: соборная летняя — во имя святого великомученика Никиты, и зимняя — Введения во храм Пресвятые Девы с приделом во имя святого великомученика Димитрия. Над святыми воротами небольшая одноглавая же церковь во славу Обновления храма Воскресения Христова, колокольня в один ярус осьмиугольная... Нынешнею игуменьей Нектарией выстроен большой двухэтажный каменный флигель для помещения сестер».

Тот же А. Ф. Малиновский упомянул в монастырской ризнице несколько «достопамятностей»: «1. Белые парчовые ризы, данные по окольничьем Языкове; [1701 г.] на них спереди представлено Знамение и два херувима, по бокам два ангела, а сзади деисус; ...все изображения вылиты из серебра и позолочены, лица отделаны финифтью, вокруг оных усажено крупным жемчугом, а сверху и снизу изображений находится вынизанная мелким жемчугом следующая надпись... 2. Пелена, сшитая лет за полтораста, представляет великомученика Никиту; вокруг изображения также вышит тропарь сему угоднику божию и 3. Медный крест, повешенный на железной цепи, или веригах... сей крест с веригами возлагают на болящих, а более беснующихся, покрывая их пеленою с изображением великомученика, хотя никто в обители не знает, по какому случаю и когда установлено такое врачевание».

Большое строительство развернула в монастыре игумения Флора, управлявшая им 13 лет — с 1861 по 1874 г. Во время ее игуменства по проекту архитектора М. Д. Быковского была построена новая колокольня, а также игуменский корпус, просфорня.

В своем описании обители И. Ф. Токмаков в 1888 г. отмечал, что монастырская ризница довольно богата, но особенно драгоценных и древних вещей в ней из-за пожара 1812 г. не сохранилось. Особо чтимыми святынями монастыря И. Ф. Токмаков называет мощи св. Никиты (часть перста) и частицу ризы Божией Матери в золотом, украшенном драгоценными камнями ковчежце, иконы: богородичные Владимирскую и Тихвинскую (найдена в соре после разорения 1812 г.), св. Димитрия царевича с видом Московского Кремля (пожертвована Е. Д. Орловой).

В конце 1880-х гг. в обители проживали положенные по штату третьеклассного монастыря игумения, 16 монахинь манатейных, 17 послушниц, а сверх штата проживало всех до 150 чел.

Особо торжественно в монастыре отмечали праздник св. Никиты мученика — 15 сентября. Чаще всего в этот день торжественное богослужение в соборе возглавлял Московский митрополит. И. Ф. Токмаков упоминает 15 сентября 1879 и 1881 гг., когда в обители совершались архиерейские службы митрополитом Московским и Коломенским, известным историком Церкви Макарием (Булгаковым). 15 сентября 1882 г. в монастыре торжественно отмечалось 300-летие его основания, богослужение в этот день возглавлял новый архипастырь Москвы, преосвященный Иоанникий (Руднев). В 1898 г. в Никитском монастыре была открыта церковно-приходская Никито-Романовская школа.

В старину в монастыре было обширное кладбище, но уже в XIX в. оставались лишь отдельные надгробия. В трапезной сохранялись захоронения, обозначенные надгробными досками: княгини Анастасии (†1736), супруги стольника, князя Ф. В. Горчакова; генерал-аншефа, графа С. А. Салтыкова (†1742); княгини А. М. Давыдовой (†1744); генерал-майора, графа В. С. Салтыкова (†1751); ключаря Архангельского собора П. А. Ключарева (†1759).

На территории монастыря находились надгробия на захоронениях жены вице-адмирала Н. Я. Сенявина Неонилы Федоровны (†1744); вдовы генерал-майора М. А. Шидловской (†1753) и др.

Никитскому монастырю принадлежал хутор близ д. Катюшки (в 5 верстах от ст. Лобня Савеловской железной дороги), где 5 октября 1904 г. в день тезоименитства наследника цесаревича Алексея была заложена и 20 мая 1905 г. торжественно освящена во имя прп. Серафима Саровского церковь-школа. Это был первый в Московской губ. храм, посвященный этому святому. Церковь-школа была рассчитана на 50 детей.

ИСТОРИЯ ПОСЛЕ 1917 г.

Как и во многих женских монастырях, в Никитской обители после революции 1917 г. монашествующие объединились в трудовую артель. Это помогло им сохранить действующими храмы и монастырский уклад жизни. В архиве хранится прошение 141 инокини, поданное в Юридический отдел Моссовета в 1919 г. Верующие просили отдать им в «бессрочное использование» все храмы обители с их имуществом. К прошению приложена подробнейшая опись церковного имущества 3-х храмов и часовни, включающая до 370 пунктов.

В мае 1919 г. в Никитском монастыре работала моссоветовская Комиссия по благородным металлам, взявшая на учет 70 церковных предметов, украшенных драгоценными камнями, и из золота и серебра. Видимо, по этой описи 22 апреля 1922 г. было проведено изъятие церковных ценностей. Всего из монастыря вывезли 4 больших ящика серебра, общим весом в 9 пудов 31 фунт. В них находилось 138 серебряных риз и обложек с Евангелий, 43 лампады, 4 кадила, богослужебные сосуды, 3 напрестольных креста и др. Общине верующих были оставлены для богослужений лишь несколько серебряных сосудов.

Власти постепенно реквизировали у монастыря недвижимое его имущество: несколько одно- и двухэтажных домов, 83 десятины земли в Московском и 26 десятин в Серпуховском уездах Московской губернии. В мае 1923 г. правление 1-го Московского государственного университета, располагавшегося рядом с обителью, просило Моссовет предоставить им 2 монастырских храма для учебных целей. В 1925 г. начальник Административного отдела Моссовета писал, что в Никитском монастыре 1 храм (речь идет о соборе) «используется верующими под молитвенные собрания», а Воскресенская церковь под колокольней — «небольшая и церковные службы там не отправляются». Тогда же Адмотдел посчитал возможной передачу этого храма местному Жилищному товариществу под Уголок Ленина.

С середины 1920-х гг. городские власти начали кампанию по выселению монахинь из московских монастырей. Вот, что писали руководители Адмотдела Моссовета Кручинин и Кусанов в Президиум Моссовета 3 июля 1926 г. относительно Никитской обители: «Всего монашествующих, проживающих в монастыре, около 100 чел., занимают они несколько особняков, которые по своему состоянию находятся в порядке, и без особых затрат по ремонту могут быть заселены работниками милиции. Монашки образовали стегальную артель, которая зарегистрирована в Кустпроме, членами профсоюза они не состоят, жилыми помещениями пользуются по уговору, заключенному с МУНИ. Во дворе дома имеется здание культа, переданное в пользование группы верующих, но фактически находящихся в распоряжении и пользовании монашествующих, так что дореволюционный внешний и внутренний тип монастыря остался в прежнем виде…». Предлагалось переселить монахинь Никитского монастыря в один из монастырей Московской губернии. В архиве сохранилось адресованное в Моссовет прошение 99 монахинь и послушниц обители, возражавших против их выселения в Лопасненскую волость Серпуховского уезда. Решением Президиума Моссовета от 21 декабря 1928 г. собор Никитского монастыря был закрыт и передан Наркомпросу РСФСР под нужды Библиотеки иностранной литературы.

Однако менее чем через год, 28 октября 1929 г., Президиум Моссовета принимает решение о сносе всех строений Никитского монастыря и строительстве на его месте зданий Химического института Московского университета.

Инициатору сноса — Московскому университету — предлагалось произвести фотофиксацию разбираемых памятников и представить жилплощадь 334 проживающим на территории бывшей обители жильцам. В конце года ликвидацию собора согласовали с Главнаукой, а 28 декабря 1929 г. Президиум

ВЦИК «принял к сведению» постановление Президиума Моссовета о сносе собора. Разборка всех жилых и культовых построек обители была произведена в 1930 г. Корпус Химического института так и не был построен, зато в 1935 г. на части территории снесенного монастыря было построено украшенное скульптурами по фасаду здание электроподстанции метрополитена (архитектор Фридман). От всего архитектурного монастырского комплекса сохранился только двухэтажный келейный корпус 1755–1756 гг. (архитектор Д. В. Ухтомский).

В настоящее время не существует ни одного знака или мемориальной доски, информирующих о находившемся здесь древнем московском монастыре.

Никиты св. вмч. собор

не сохранился

Храм св. вмч. Никиты существовал в Кисловской слободе еще до возникновения на этом месте монастыря. Возможно, Никитский храм уже стоял в 1534 г.; некоторые исследователи полагают, что церковь была построена в 1551 г. Историки церковного зодчества в 1920–1930-е гг. отмечали то, что собор был построен из маломерного итальянского кирпича, внутри храм имел 2, а не 4 столпа — именно эта конструкция применялась в строительстве во второй половине XVI в. Собор был капитально перестроен после сильного пожара начала 1680-х гг.

В разное время в соборе были устроены 3 придела. Введенский придел существовал еще в первоначальном Никитском храме и затем в первом соборе XVI в. В 1680-е гг. Введенский престол перенесли в пристроенную к собору трапезную. В 1833 г. по другую сторону трапезной устроили теплый придел во имя свт. Николая Чудотворца, приделом также часто считали пристроенную к собору и фактически объединенную с ним церковь св. вмч. Димитрия Солунского.

Сохранились описания собора начала XVIII в.: «царские врата резные, старинного дела, золочены, на царских дверях образ Благовещения Богородицы и Евангелисты, и на столбах святители, неокладные. По правую сторону царских дверей образ местный Спаса Нерукотворенного, венец резной, оклад серебряной, гладкой, золочен. Образ местной великомученика Никиты в житии, венец серебряной, гладкой, в венце в гнездах 3 яхонта лазоревых, риза серебряная чеканная... около жития оклад басменный золочен; на житии 21 венец резной...». В подвеске к иконе находилось несколько золотых червонцев и ефимков, 26 серебряных крестов и другие драгоценности. В местном ряду в серебряных ризах были образа Божией Матери Феодоровской, Владимирской в житии, Одигитрии, св. Иоанна Предтечи, прп. Алексия человека Божия. Кроме того, в соборе в серебряных киотах, украшенных драгоценными каменьями, находились особо почитаемые иконы вмч. Никиты, Казанская Божией Матери. Во Введенском приделе также было немало украшенных серебряными ризами с каменьями икон.

В 1812 г. собор сильно пострадал от грабежа французов и пожара. Вскоре его восстановили, в 1815 г. был сооружен новый четырехъярусный иконостас,

в котором, как и прежде, помещалась особо почитаемая икона вмч. Никиты с частицей его мощей.

В 1889–1890 гг. под наблюдением архитектора Н. В. Султанова собор отремонтировали: был обновлен иконостас, отреставрированы иконы, проведено отопление, пристроено помещение ризницы. В конце XIX — начале XX в. в соборе появились 2 каменные памятные доски с текстом об обновлении храма и посещении обители императором Николаем II, императрицей Александрой Федоровной, великим князем Сергеем Александровичем и великой княгиней Елизаветой Федоровной.

Сохранившиеся описи церковного имущества 1910–1920-х гг. свидетельствуют о богатом убранстве собора. В документе 1919 г. подробно описана находившаяся в алтаре Никитского храма икона св. вмч. Никиты в серебряно-вызолоченной ризе, украшенной бриллиантами, другими драгоценными камнями. В Николаевском приделе был ковчег с христианскими реликвиями: золотым складнем (мощевиком (?)), украшенным 100 рубинами, 20 изумрудами, 30 алмазами и т. д. Возможно, в нем хранилась частица Ризы Господней, упоминаемая в церковных описях.

По описи за 1923 г., всего в Никитском соборе с приделами числилось 364 наименования церковного имущества: икон, крестов, богослужебных сосудов, лампад, подсвечников, кадил, облачений и других предметов. Причем, неоднократно под одним номером в описи (как это часто бывало) упоминалось сразу несколько однотипных предметов церковной утвари.

Парадоксально, но формальным инициатором закрытия последнего храма Никитского монастыря стал Наркомпрос РСФСР — ведомство, отвечавшее в 1920-е гг. за охрану памятников старины. В конце ноября 1928 г. руководители Адмотдела Моссовета обращались в Президиум Мособлисполкома с предложением о ликвидации монастырского собора.

27 ноября 1928 г. Адмотдел получил телефонограмму из Комиссии по разгрузке Москвы о необходимости «в срочном порядке» решить вопрос о закрытии собора Никитского монастыря «для нужд перевода библиотеки иностранной литературы из здания Исторического музея согласно постановления Правительства». Менее чем через месяц, 21 декабря 1928 г., Президиум Моссовета своим Постановлением закрывает собор и передает его Наркомпросу под библиотеку.

Узнав об этом, община верующих, состоящая, главным образом, из бывших инокинь (99 чел.), написала жалобу во ВЦИК, но 25 января член Президиума ВЦИК П. Г. Смидович сообщил в Моссовет о том, что заявление верующих ВЦИК отклонил.

Как обычно в такой ситуации, в процессе закрытия храмов началось вошедшее в практику разграбление веками накопленного церковного имущества. В феврале 1929 г. в музейное хранилище МОНО инспектор Адмнадзора передал по акту 81 предмет историко-художественного характера. Среди них было 43 иконы XVII — начала XX в., в том числе иконы: Спас в Силах, свт. Николая Чудотворца и Владимирская Божией Матери (XVII в.), прп. Серафима Саровского и св. сщмч. Ермогена (обе с частицами мощей этих святых), царские врата

резные XVII в., 4 Евангелия XVII — начала XVIII в., художественное шитье, фелони, воздухи, вязка монастырских грамот, сверток с чертежами, 1 тыс. книг и брошюр, вериги железные (XIX в.), портреты митрополитов Владимира (Богоявленского), Филарета (Дроздова) и др.

Но гораздо больше различного имущества, изъятого из собора, было перевезено на склад Госфондов Мосфинотдела (ул. Никольская, 1), то есть направлено на утилизацию. Среди этого уничтоженного имущества — 16 колоколов, весом 950 пудов, 4 иконостаса, паникадило, медный лом (подсвечники, ризы, ограждения), весом в 100 пудов, «серебряный церковный лом» (сосуды, кресты, ковчеги, ризы с икон, лампады), весом 50 кг и большое число (около 200) различных облачений и церковных тканей (фелони, стихари, пелены, воздухи, завесы) и др.

В марте 1929 г. зав. Библиотекой иностранной литературы заверял Адмотдел в том, что все 3 закрытых храма обители будут использованы библиотекой полностью. Однако вскоре библиотека от пользования монастырскими зданиями отказалась, и в сентябре 1929 г. Адмотдел Моссовета предложил использовать пустующие и уже разоренные храмы обители Книжной палате. Однако и этот вариант оказался несостоятельным. Как часто бывало в такой ситуации, решено было разобрать все строения монастыря, тем более что об этом же попросило правление Московского государственного университета. 28 октября 1929 г. Президиум Моссовета принял решение: «В целях осуществления постройки 1 Московским государственным университетом химического института на участке владений № 5 и № 7/10 по ул. Герцена переданных ему постановлением Президиума Моссовета от 27/VI 1928 г. (прот. № 53) разрешить названному университету снести в этих владениях все строения, в том числе и здание ликвидированной постановлением Моссовета от 21/XII 1928 г. (прот. № 97) церкви бывшего Никитского монастыря...». В самом конце года — 28 декабря 1929 г., Секретариат ВЦИК «принял к сведению» Постановление Президиума Моссовета от 28 октября 1929 г. о сносе монастырского собора. Известно, что в марте–апреле 1930 г. собор был в процессе разборки.

Димитрия Солунского св. вмч. храм

не сохранился

Особенностью храма было то, что долгие годы он имел приходской характер — в нем служил белый священник, церковь имела приход из населения Кисловской слободы; в ней отправлялись требы, чего не должно быть в монастырях.

Первая церковь св. вмч. Димитрия Солунского была построена из дерева в 1582 г. в память рождения младшего сына царя Ивана Грозного царевича Димитрия. В 1629 г. храм сгорел и был заново сооружен вблизи от Никитского собора, а позже Димитриевская церковь была, по сути, объединена с ним построенной общей трапезной. Фактически сформировался единый архитектурный ансамбль, в который были включены престолы св. Никиты и Введения

и св. Димитрия Солунского. Отметим, что в описаниях часто Димитриевский храм называли приделом главного монастырского собора.

Согласно сохранившейся описи начала XVIII в., в местном ряду иконостаса храма в серебряных, украшенных жемчугом и драгоценными камнями ризах находились иконы Спаса Вседержителя, Знамения Пресвятой Богородицы, прп. Сергия Радонежского, свт. Николая Чудотворца, Страстная Божией Матери, вмч. Никиты. У большинства икон были шитые золотом и серебром пелены. В других ярусах иконостаса размещалось 55 икон без окладов.

В 1767 г. храм вмч. Димитрия Солунского был обращен из приходского в монастырский. В пожар 1812 г. церковь не пострадала, но была разорена; службу в ней так и не возобновили. В 1888 г. И. Ф. Токмаков писал о состоянии этого храма: «...нет, кажется, такого бедного придела во всей столице».

Только в 1894 г. под наблюдением МАО был произведен ремонт, сделан новый иконостас, заново расписаны стены и своды храма, начались богослужения.

Храм вмч. Димитрия Солунского разрушен вместе с собором Никитского монастыря в 1930 г.

Воскресения Словущего домовый надвратный храм

в монастырской колокольне

не сохранился

«Церковь Воскресения Христова у врат каменная» упоминается в документах начала 1722 г.

А. Ф. Малиновский в начале XIX в. отмечает 11 больших и малых колоколов, висевших на колокольне, при чем описывает 4 из них, имевших надписи: 1) Праздничный, весом 175 пудов, перелитый в 1816 г. из старого, отлитого в 1730 г.; 2) отлитый в 1807 г. и до 1812 г. находившийся на Преображенском храме, что в Копье; 3) отлитый в Москве на заводе Д. Пирогова; 4) отлитый в 1748 г., весом в 30 пудов.

Старая колокольня была снесена в начале 1860 г., и по проекту архитектора М. Д. Быковского выстроена новая массивная, четырехъярусная. Воскресенский храм в северном крыле нижнего этажа был освящен в 1868 г. Историк архитектуры и биограф М. Д. Быковского Е. И. Кириченко так характеризует это новое церковное строение: «Колокольня Никитского монастыря не только в своих размерах, но и в формах, пропорциях композиции согласуется не только с небольшими келиями середины XVIII, не со столь скромными по размерам монастырскими строениями, а с парадной застройкой времени классицизма — зданием Университета и с расположенным в непосредственной близости от него домом Паниных (Мещерских). Благодаря широкому первому ярусу, почти в три раза превосходящему по ширине второй, она органично входит в систему уличной застройки. Верхние ярусы парят над ней».

Храм, по всей видимости, был закрыт вскоре после революции 1917 г. как домовый. Известно, что в апреле 1925 г. начальник Адмотдела Моссовета сообщал,

что в храме Воскресения службы не отправляются, и Отдел считает возможным передачу помещения храма Жилищному товариществу под «уголок Ленина».

Колокола Никитской колокольни имели особое музыкальное звучание, и известный в Москве звонарь К. К. Сараджев в 1920-е гг. любил звонить на колокольне бывшей обители. По данным М. И. Александровского, верх колокольни был сломан в 1929 г. Перед этим по особому акту с колокольни были сняты и вывезены в хранилище Мосфинотдела Моссовета 16 колоколов, общим весом 950 пудов (оценены в 9500 руб.), и башенные часы с 3-мя колоколами, весом в 9 пудов (оценены в 100 руб.).

Полностью колокольня была снесена, по всей вероятности, вместе со всем монастырским ансамблем в 1929–1930 гг.

Никиты св. вмч. часовня

в воротах Никитского монастыря

не сохранилась

В делах Архива Св. Синода за 1722 г. показано: «Часовня у Никитского Девичьего монастыря деревянная, устроенная, по показанию игумении Надежды, года за четыре окольничим Алексеем Тимофеевичем Лихачевым; указа на построение ее не было». Судя по этому тексту, часовня находилась за стенами обители.

Известно, что часовня вновь была устроена в 1877 г. в воротах монастыря «в северной половине со входом с улицы».

Снесена одновременно со всем ансамблем монастыря.

Источники и литература:

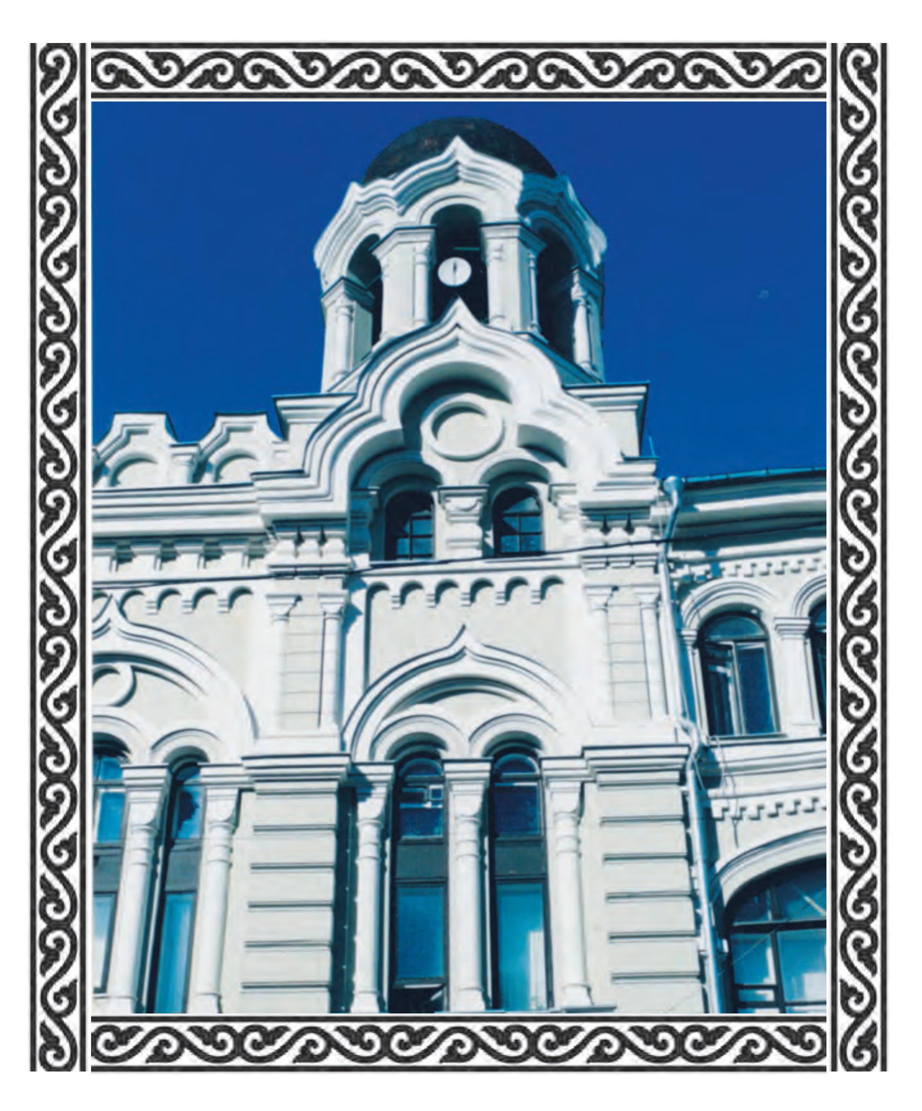
1. ЦГА г. Москвы. — Ф. Р-1215. — Оп. 3. — Д. 71. Дело по регистрации религиозной общины Никитского монастыря по ул. Герцена… — 264 л.
2. ЦГАМО. — Ф. 66. — Оп. 18. — Д. 352. Доклады об обследовании церквей и монастырей. 1924–1925 гг. — Л. 334.
3. Надгробные надписи, находящиеся в Никитском Московском девичьем монастыре // Древняя Российская вифлиофика. — 1791. — Ч. 19. — С. 370–374.
4. *Хавский П. В.* Краткая история Московского женского Никитского монастыря, названного по имени родителя патриарха Филарета Никиты Романовича. — М., 1866. — 15 с.
5. Историческое и археологическое описание Московского Никитского девичьего монастыря, основанного родителем патриарха Филарета Никитой Романовичем / сост. И. Токмаков. — М., 1888. — 59 с.
6. Открытие одноклассной церковно-приходской школы для девочек при Московско-Никитском девичьем монастыре // Народное образование. — 1899. — № 1. — С. 87.
7. МЦВ. — 1890. — № 40. [Об обновлении собора Никитского монастыря].
8. *Милославин Х.* Московский Никитский девичий монастырь : описание его и история его церквей и колокольни. — М., 1900. — 19 с.
9. *Михайлов К. Н.* Никитский женский монастырь в Москве : Исторические разыскания по московским древностям и по дому бояр Романовых. — СПб., 1901. — 259 с.
10. *М. Л.* Светлое торжество [Об освящении церкви-школы на подворье Никитского монастыря близ ст. Лобня] // МЦВ. — 1905. — № 23. — С. 256–257.

11. Московский Никитский девичий монастырь : (Очерк) / свящ. Д. С. Дмитриев. — Сергиев Посад, 1908. — 18 с.
12. *Кириченко Е. И.* Михаил Быковский. — М., 1988. — 256 с. [О колокольне Никитского монастыря. — С. 194–195.]
13. *Козлов В. Ф.* У истоков [В том числе о закрытии Никитского монастыря в 1920-е гг.] // Архитектура и строительство Москвы. — 1990. — № 7. — С. 13–16.
14. Обозрение Москвы / А. Ф. Малиновский. — М., 1992. — С. 135–136.
15. Сорок Сороков : краткая иллюстрированная история всех московских храмов : [в 4 т.] / собр. П. Паламарчук; фот. П. Паламарчука, А. Демченко. — Т. 1. Кремль и монастыри. — М., 1992. — С. 214–217.
16. Собор великомученика Никиты в Никитском женском монастыре // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Сентябрь. — М., 2003. — С. 350–352.
17. Церковь великомученика Димитрия Солунского в Никитском монастыре // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Октябрь. — М., 2004. — С. 530–532.
18. Путеводитель к древностям и достопамятностям московским… / сост., ст. С. С. Илизарова. — М., 2009. — С. 249–251.

Николаевский греческий 2-го класса необщежительный мужской монастырь

(ныне — городское подворье Заиконоспасского монастыря)

Китай-город, ул. Никольская, д. 7/9

сохранился частично, как монастырь не восстановлен

В начале XX в. – 1 храм с 2 престолами и 1 часовня

Николая Чудотворца свт. собор (двухъярусный)
Успения Пресвятой Богородицы в верхнем ярусе придел

Николая Чудотворца свт. часовня

ИСТОРИЯ ДО 1917 г.

Находился рядом с Заиконоспасским монастырем и напротив Богоявленского монастыря. Точных данных о времени и обстоятельствах его основания нет, тем не менее, монастырь считается одной из древнейших в Москве обителей. По одной из версий, по имени этого монастыря названа ул. Никольская. Первое упоминание о нем содержится в летописи под 1390 г., где монастырь уже называется «Старым». Летописец, отмечая приезд в Москву митрополита Киприана, пишет, что его торжественно встречали далеко за городом, а потом все «поидоша в град Москву», где митрополит «облечеся у Николы у Старого», а далее проследовал в Успенский собор Кремля.

В разные исторические периоды монастырь именовался по-разному: Никола Старый, Никола Большая Глава (потому что соборная церковь, разобранная при Петре I, имела большую главу — мнение архимандрита Леонида; или из-за большой главы свт. Николая Чудотворца, изображенного на местной иконе — мнение А. Ф. Малиновского), что на Крещатике или у Крестного целования (в монастырском храме таким образом обычно приводили к присяге), за Иконным рядом.

Сведений о монастыре в XV–XVI вв. сохранилось очень мало. Он упоминается в связи с тем, что: в нем был заключен новгородский архиепископ Иоанн; в 1473 г. здесь спасался от московского пожара митрополит Филипп I; сюда опричники отправили на короткое время митрополита Филиппа II (Колычева) по пути в Тверской Отроч монастырь. Известно, что в Никольском Греческом монастыре

в конце XV — начале XVI в. работала мастерская под руководством известного писца Михаила Медоварцева. В связи с пожаром 19 мая 1564 г. летопись сообщает, что в обители сгорели 2 деревянные церкви и 8 келий.

В продолжение нескольких веков монастырь был центром притяжения православных греков со Святой Горы Афон. В середине XVII в. в нем часто останавливались греческие монахи, приезжавшие в Москву за милостыней.

Обитель была тесно связана с первоначальной историей чудотворной московской Иверской иконы Божией Матери. Привезенный с Афона архимандритом афонского Иверского монастыря Пахомием точный список Иверской иконы был первоначально помещен в Николо-Греческом монастыре и пребывал там 3 года. 19 мая 1669 г. образ этот, уже прославившийся чудотворениями, был перенесен к Воскресенским воротам Китайгородской стены. В день перенесения иконы царь Алексей Михайлович дал монастырю грамоту, в которой говорилось, что «монастырь св. Николая Чудотворца, именуемый Большая Глава, что за иконным рядом, благоверным царем и великим князем Алексием Михайловичем, всея великия, малыя и белыя России, хрисовулом, посвящен в вечное поминовение его родителей, при святейшем Патриархе Московском и всея России Никоне и отдан в подворье честному монастырю Иверскому на Афонской горе у Портаитиссы Божией Матери хождением и исканием Афоно-Иверского монастыря архимандрита Пахомия».

С этого времени афонский Иверский монастырь на основании грамоты царя Алексея Михайловича через каждые 4–5 лет присылал в Москву попеременно для служения в Никольский Греческий монастырь 1 архимандрита, 2-х иеромонахов, 1 иеродиакона, 1 монаха и 1 служку. Приезжавшим в Москву греческим монахам запрещалось привозить с собой для продажи иноземные товары, но иноки в то же время освобождались от уплаты казенных податей и сборов.

Скажем несколько слов об игуменах и архимандритах Николо-Греческой обители в Средневековый период. Сведения о них (список игуменов и архимандритов) можно найти у П. Строева в «Списках иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви (СПб., 1877), тот же список был опубликован в описаниях Николо-Греческого монастыря 1894, 1900 гг. Так, известны имена 11 игуменов обители середины XV — середины XVII в. Первым в документах 14 мая 1453 г. упоминается игумен Константин (Кассиан). С 1650-х гг. монастырь, как упоминалось, поступил под управление архимандритов, присылаемых из Афонского Иверского монастыря, избираемых из братии этой обители и утверждаемых Вселенским Патриархом. В описании монастыря 1900 г. приводятся краткие сведения о 32 архимандритах, присланных из Иверского монастыря. Среди них известен архимандрит Дионисий, управлявший монастырем в 1655–1661 гг. Родом он был валах, знал русский язык, управлял типографией, занимался исправлением книг. Впоследствии был митрополитом Угро-Влахийским.

В 1706 г. архимандритам монастыря разрешено было употреблять при священнослужении митру — право, предоставлявшееся в то время архимандритам русских первостепенных монастырей.

Николо-Греческий монастырь часто называли Греческим или Афонским подворьем. Видевший обитель в XVII в. путешественник Я. Рейтенфельс писал, что она «малым чем уступала греческому кварталу в Риме». Никольский Греческий монастырь стал центром притяжения православных иностранцев: не только греков, но и грузин, сербов, молдаван.

В 1711 г. Петр I пожертвовал землю рядом с монастырем молдавскому господарю князю Димитрию Кантемиру, вынужденному эмигрировать в Россию. В значительной мере на средства Д. Кантемира и его сыновей был создан новый ансамбль монастыря, построен новый собор.

Монастырь был благоустроен, его ансамбль формировался на протяжении XVI — начала XX в. В разное время в состав этого ансамбля, помимо монастырского собора свт. Николая Чудотворца (первые упоминания относятся к 1560-м гг., перестраивался в XVIII–XIX вв.), входили часовня свт. Николая Чудотворца (первоначально устроена в 1646 г.; здесь находилась чудотворная икона свт. Николая, привезенная с Афона), храм свв. равноапп. царей Константина и Елены при братских келиях (1644 г.; заново устроен на средства князя Матвея Дмитриевича Кантемира в 1767 г. и освящен 21 мая 1770 г. архиепископом Московским Амвросием), храм Иверской иконы Божией Матери (1736 г., построен при архимандрите Вениамине). Последние 2 храма исчезли еще до начала XX в. Константино-Еленинская церковь к середине XIX в. обветшала, богослужения здесь прекратились уже с 1864 г., а в начале XX в. при постройке нового монастырского корпуса церковное здание разобрали. Иверскому храму была отпущена очень короткая судьба — вновь построенный, он уже на следующий год стал жертвой большого московского пожара 1737 г., после чего был упразднен.

До 1764 г. монастырь владел д. Алешкиной с 86 душами крестьян. В 1800 г. император Павел пожаловал ему землю в Клинском уезде при д. Игнатово, мельницу в Звенигородском и озеро в Рузском уездах. По штатам 1764 г. монастырю из казны отпускалось 1311 руб., а сам он был включен в число второклассных и в степенном порядке занимал 24-е место. В 1768 г. монастырю разрешено было определять монашествующих из великорусских монастырей. В 1775 г. по просьбе митрополита Московского Платона Николо-Греческий монастырь был переведен из ведомства Синодальной конторы в епархиальное, а с 1892 г. вновь возвращен в ведомство Св. Синода. Зависимость монастыря от Синодальной конторы заключалась в том, что он в важных затруднительных случаях обращался к содействию Конторы, во всем же другом зависел от начальства Афонского Иверского монастыря, подчинявшегося, в свою очередь, Вселенскому Патриарху Константинопольскому.

В 1812 г. французы разграбили имущество монастыря, а со всех икон содрали ризы. Игумен монастыря архимандрит Косьма с 4 иноками претерпели много издевательств и унижений от французов, исполняли тяжелые и непосильные поручения. По изгнании французов на восстановление обители правительством было выделено 5 300 руб., а в 1814 г. с Афона архимандрит Кирилл привез серебряные сосуды и Евангелие.

В XIX в. Николо-Греческий монастырь оставался центром греческой колонии Москвы. 27 мая 1883 г. его посетила греческая королева Ольга Константиновна.

В Николо-Греческой обители были свои особенности богослужения. Службы здесь отправлялись на греческом языке за исключением всенощных бдений перед воскресными праздничными днями и литургий в эти дни, которые совершались на славянском и греческом языках (священнодействующие иеромонах и иеродиакон служили на греческом языке, а клир пел на славянском). Такой порядок был установлен в 1855 г.

Некоторые элементы священнослужения в Николо-Греческом монастыре были утверждены в соответствии с обрядами Константинопольской Церкви и отличались от обрядов Церкви Российской. Так: а) во время чтения св. Евангелия

священнодействующий обращался лицом к народу; б) в утреню Великой Субботы по обходе вокруг храма плащаница не полагалась как принято у нас, но находилась среди Церкви против царских врат и относилась в алтарь, где и возлагалась на святой престол; в) в утреню на Воскресение Христово вокруг храма не ходили, но по окончании полунощницы священнодействующие и молящиеся с зажженными свечами и хоругвями при пении стиха «Воскресение Твое Христе Спасе» выходили из храма к приготовленному заранее у входных дверей аналою, и по возгласе диакона архимандрит или предстоятель читал 28-ю главу Евангелия от Матфея от 1-го до 8-го стиха включительно. После чего начиналась утреня.

Никольский Греческий монастырь долгое время служил своеобразным подворьем приезжавших в Москву по разным делам греческих, а иногда и грузинских, сербских, румынских архиереев и архимандритов. Временами в монастыре одновременно проживало до 3 митрополитов и до 5 архимандритов. Вплоть до 1917–1918 гг. настоятель Николо-Греческого монастыря считался в России эпитропом или поверенным всех афонских обителей, и через него посылали пожертвования в афонские монастыри и скиты.

В 1892 г. в связи с расширением ул. Никольской пространство, занимаемое монастырем, сократилось. В конце XIX в. монастырь (наряду с Заиконоспасским) был самым маленьким по площади среди московских обителей.

В конце XIX — начале XX в. монастырем управлял (с 1894 г.) деятельный архимандрит-грек Гавриил, которому обитель обязана значительными перестройками. В самом начале XX в. при нем Николо-Греческий монастырь пережил свое второе коренное обновление. Были разобраны все строения, стоявшие по периметру двора и выходившие на ул. Никольскую, включая колокольню с Константино-Еленинской церковью и часовней. В 1902 г. по проекту архитектора Г. К. Кайзера был сооружен огромный, увенчанный колоколенкой, трехэтажный корпус в русско-византийском стиле, в котором устроили часовню. Значительная часть помещений этого здания сдавалась в аренду. У Китайгородской стены тогда же архитектором К. Ф. Буссе был сооружен также трехэтажный келейный корпус. Оба корпуса сохранились до настоящего времени.

По сложившейся традиции архимандритов Николо-Греческого монастыря хоронили на кладбище Данилова монастыря, среди погребенных там — архимандриты Поликарп I (†1868), Амфилохий (†1878), Поликарп II (†1891) и упомянутый выше Гавриил (†1904).

К концу первого десятилетия XX в. в монастыре проживали архимандрит, 2 иеромонаха, иеродиакон, монах и послушник.

ИСТОРИЯ ПОСЛЕ 1917 г.

Монастырь ликвидировали в первые годы советской власти, все жилые и хозяйственные помещения заняли различными учреждениями или приспособили под коммунальное жилье.

Усилиями монахов-греков и греческой колонии Москвы была образована «Московская греческая приходская община при Николо-Греческом монастыре». Судя по сохранившейся в архиве переписке с Юридическим отделом Моссовета, эта община тесно общалась с верующими, ходившими в храмы подворий Патриарших Церквей: Константинопольского, Иерусалимского, Антиохийского и Александрийского. Более того, в первые годы советской власти Николо-греческая община являлась, как указывалось в переписке, «единственным Греческим приходским

советом» всех вышеуказанных Церквей. Известно, что в 1923 г. председателем общины был Аристид Иванович Андроникас.

Первая попытка властей закрыть и даже снести монастырский собор относится к 1928 г., но, тем не менее, он оставался действующим до 1932–1933 гг., и служба в соборе совершалась на греческом языке.

Собор снесен в 1934–1935 гг. Религиозная община перешла в храм прп. Сергия Радонежского в Крапивниках, ранее принадлежавший Константинопольскому подворью.

Ансамбль обители (каре зданий) уцелел и используется учреждениями: офисами, магазинами, учебными заведениями. Через некогда замкнутый монастырский двор в 1920–1930-е гг. был прорублен проход с Театральной пл. на ул. Никольскую.

В 2004 г. приходу возрождаемого тогда Заиконоспасского монастыря передали несколько помещений в выходящем на ул. Никольскую бывшем корпусе Николо-Греческого монастыря. На сохранившейся звоннице на этом корпусе установлен восьмиконечный крест. В 2015 г. здесь открыто городское Подворье Заиконоспасского монастыря в Китай-городе. Здесь же находятся кельи монахов Заиконоспасского монастыря, устроена часовня свт. Николая Чудотворца, затем освящен домовый храм того же имени, действует Спасский православный молодежный центр и работает церковная лавка.

Возрождение святынь бывшего Николо-Греческого монастыря ведется силами насельников Заиконоспасской обители.

Николая Чудотворца свт. собор

не сохранился

Первое упоминание о 2-х монастырских храмах относится к 1564 г. К началу XVIII в. соборный храм обветшал, на его месте решено было построить новый двухъярусный. К 1714 г. был сооружен и освящен нижний храм во имя свт. Николая Чудотворца, а 18 сентября 1735 г. — верхний в честь Иверской иконы Божией Матери (позже переосвящен в честь Успения Пресвятой Богородицы). В 1763 г. в нижнем храме купцом Андреем Дмитриевичем Кондиковым в память его отца был пристроен придел св. Димитрия Солунского. В 1812 г. он был разобран и больше не восстанавливался.

По легенде, причиной сооружения верхнего храма был трагический случай в семье князя Д. К. Кантемира: 15 августа 1734 г. князь проезжал со своей дочерью Марией в экипаже по ул. Никольской, не доезжая обители, лошади понесли, экипаж разбился, дочь князя погибла. В память ее Д. К. Кантемир и выстроил храм.

В 1795 г. в соборе внезапно обрушился верх. 15 тыс. руб. на капитальный ремонт выделил император Павел I. Всего же было израсходовано на перестройку собора по проекту архитектора М. Ф. Казакова около 30 тыс. руб. Перестроенное церковное здание украсили классическими портиками и куполом с люкарнами, увенчанным крестом.

Большой внешний и внутренний ремонт соборного здания был произведен в 1855–1856 гг. Нижний Никольский храм был возобновлен на средства бывшего греческого консула Михаила Васильевича Бостанджогло и освящен 4 декабря 1855 г. митрополитом Московским Филаретом. В нижнем храме находился двухъярусный вызолоченный по дереву иконостас, в местном ряду которого были в серебряных ризах

иконы Спасителя, Иверская Божией Матери, свт. Николая Чудотворца, св. Иоанна Богослова. Храм был расписан в древнем стиле, живопись поновлялась в 1894 г.

Верхний Успенский храм в 1856 г. был отремонтирован на средства московских греков М. В. Бостанджогло, А. Харитова, Стамерова и освящен 9 июня 1857 г. митрополитом Московским Филаретом. В храме находился пятиярусный вызолоченный иконостас, в местном ряду которого помещались 6 икон: Спасителя, Иверской иконы Божией Матери, Успения Пресвятой Богородицы, свт. Николая Чудотворца, прп. Алексия человека Божия и св. блгв. кн. Александра Невского. Храм возобновлялся и расписывался в 1896 г. Вход в верхний храм был с ул. Никольской по широкой каменной лестнице.

В память о поновлении собора в 1855–1856 гг. на внутренних стенах нижнего и верхнего храмов были укреплены мраморные доски с вырезанными соответствующими надписями на греческом языке.

В соборе 1 октября 1775 г. в присутствии императрицы Екатерины II была совершена хиротония известного ученого, греческого иеромонаха уроженца о-ва Корфу Евгения Вулгариса во архиепископа новообразованной епархии Славянской и Херсонской. Неоднократно совершал в соборе богослужения знаменитый ученый-богослов грек архиепископ Никифор Феотокис, пребывавший в последние годы жизни в московском Даниловом монастыре и там же похороненный.

В соборе хранились в ковчеге святые мощи: стопа от ноги апостола Андрея Первозванного, части мощей св. Марии Магдалины, мцц. Веры, Надежды и Любови, а также часть Животворящего Креста Господня. На северной стене в соборе под стеклом находилась шитая золотом, украшенная драгоценными камнями плащаница — дар действительного статского советника Димитрия Георгиевича Бенардаки, храмоздателя греческого посольского храма в Петербурге.

Собор едва не сломали в 1928 г. В июне этого года Управление зданиями Московского военного округа просило ЦГРМ дать разрешение на снос собора для устройства на его месте складов. Однако на заседании архитектурно-реставрационного отделения 26 июня 1928 г. было вынесено решение: «Отмечая, что здание б. Греческого монастыря является памятником XVII–XVIII вв. историко-архитектурного значения, считать желательным его сохранение. Ввиду того, что внутренняя обработка здания не имеет особо художественного значения, предложить здание для практических нужд».

Собор был закрыт Постановлением Мосгорисполкома от 17 августа 1933 г., и здание его передано Институту геологии и минералогии под аудиторию. Верующим было предложено перейти в храм прп. Сергия в Крапивниках. Строения монастыря хотели снести в связи со строительством дома Наркомтяжпрома на Красной пл. Поэтому в ноябре 1934 г. Комиссия по культам при Президиуме Мособлисполкома предложила перевезти хранившиеся в соборе и находившиеся на учете «музейный иконостас и другие учетные вещи». Вскоре собор был снесен.

В настоящее время место снесенного собора не застроено, здесь устроен газон, оборудована площадка со скамейками. Существуют планы его воссоздания.

Николая Чудотворца свт. домовый храм

В 1646 г. была сооружена часовня свт. Николая Чудотворца. В ней находилась привезенная с Афона чудотворная икона свт. Николая Чудотворца, греческого

письма, богато украшенная драгоценными камнями и жемчугом, в позолоченной ризе. По преданию, образ свт. Николая Чудотворца писан на доске, на которой некогда была изображена одна из икон Божией Матери, писанных св. апостолом и евангелистом Лукою. Часовня и икона в ней издавна почитались москвичами. В XIX в. историк И. М. Снегирев писал: «Набожные люди не проходят часовни Греческого монастыря, чтобы не зайти в нее помолиться Чудотворному образу святителя Николая. Эта молитвенная храмина напоминает нам старинный обычай никольских уличан ежедневно брать из нее огонь в сумерки, которым зажигали свечи и ночники в своих домах. Такой обычай сохранялся там до царствования Екатерины II».

В конце XIX в. часовня, где пребывала икона свт. Николая Чудотворца, находилась слева от ворот в нижнем этаже двухэтажного дома. Когда на рубеже XIX–XX вв. строения, выходящие на Никольскую, и колокольня были разобраны, часовню перенесли в помещение верхнего этажа под звонницей в новом монастырском корпусе. Ее местоположение сегодня можно определить по арочным окнам и кокошникам на фасаде здания на уровне 2-го и 3-го этажей. Сохранилось крыльцо, ведшее в часовню с ул. Никольской, оформленное в русском стиле, с витыми колоннами.

После передачи в 2004 г. старого монастырского корпуса, выходящего на Никольскую (д. 11–13, стр. 1), Заиконоспасскому монастырю здесь в помещении на 3-м этаже в 2008 г. была восстановлена часовня свт. Николая Чудотворца. 15 июня 2017 г. по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и. о. наместника Заиконоспасского монастыря иеромонах Даниил (Константинов) с братией совершил малое освящение домового храма свт. Николая Чудотворца, тогда же в новом храме была совершена первая литургия.

Некрополь

не сохранился

Некрополь находился в нижнем Никольском храме и трапезной монастырского собора. Там погребены боярин Петр Боборыкин (†1627), дьяк Феодор Апраксин (†1636), грузинский митрополит Епифаний (†1668), митрополит Меленкийский Кирилл (†1690), стольник князь Потап Давидов (†1718), дочь его княжна Екатерина Потапова (†1724), княгиня София Борисовна Давидова (†1733), грузинский князь Панкратий Хоханович Давидов (†1724), супруга грузинского царя Каиохостра Леоновича Екатерина Георгиевна (†1730), грузинский генерал Парсадон Папунов (†1733), бывший Охридский архиепископ, а затем митрополит Смоленский Филофей (†1735), кахетинский князь Челокаев (†1744), храмоздатель серб Димитрий Николаевич Кондиков (†1746), генерал-поручик Евфимий Владиславович (†1749), генерал-аншеф князь Семен Федорович Волхонский (†1768), дочь его княжна София (†1769), игумены Николо-Греческого монастыря архимандриты Аверкий, Самуил, Киприан, Парфений, Григорий и Нафанаил.

В трапезной Никольского храма находилось семейное погребение Кантемиров: главного храмоздателя князя Димитрия Константиновича (†1723), его жены княгини Александры, их дочери княгини Марии и сына — известного

сатирика и дипломата Антиоха (†1744), племянника Димитрия Антиоховича. При сносе собора в 1934 г. по инициативе жившего в Москве румына Иона Дическу прах Д. Кантемира был передан представителям Румынского посольства и в оцинкованном гробу перевезен в румынский г. Яссы, где и перезахоронен (см. публикацию об этом в журнале «Москва». — 1977. — № 11).

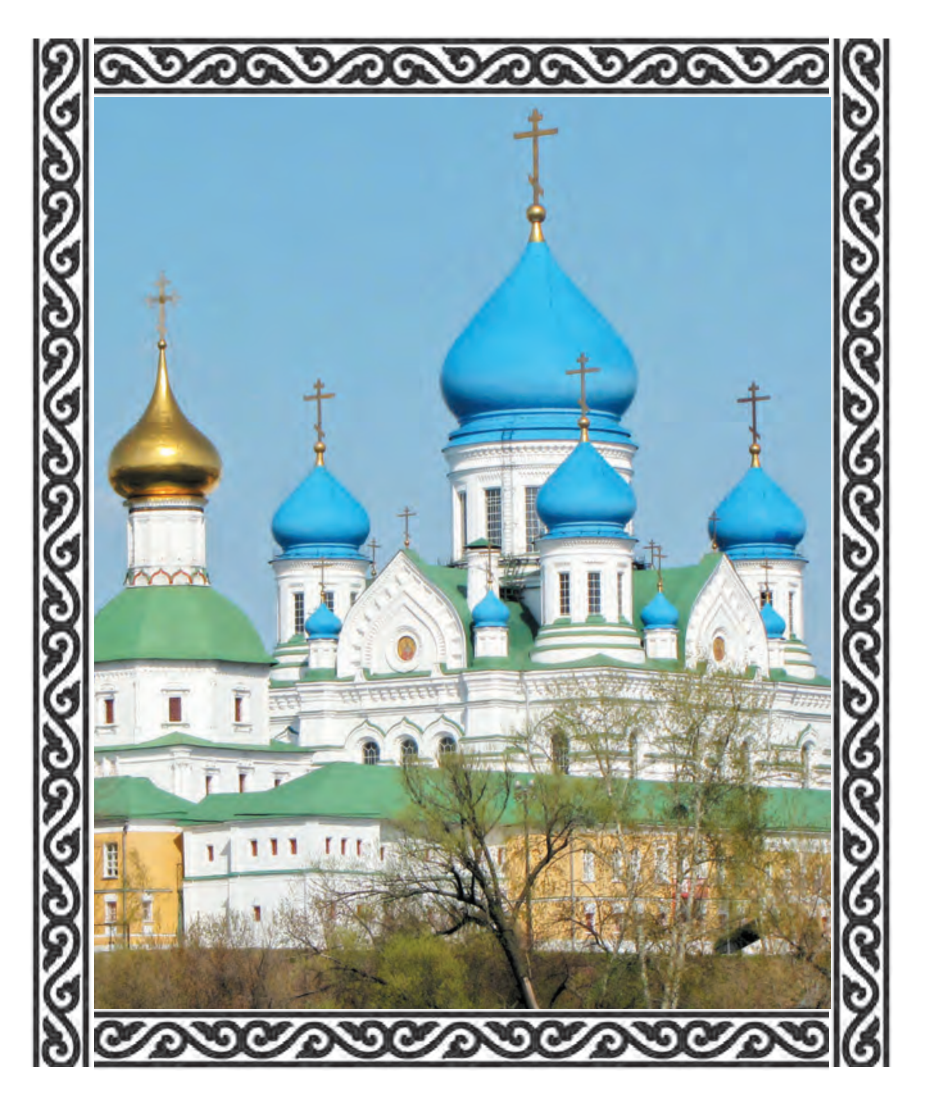
Со второй половины XVIII в. в монастыре уже не погребали, а скончавшихся архимандритов и иеромонахов обители хоронили на кладбище Данилова монастыря. В 1893 г. при строительстве нового корпуса были найдены останки русского схимонаха Иннокентия, жившего в XVI в. Их перезахоронили за алтарем соборного храма и соорудили надгробие с надписью, отгороженное решеткой.

От монастырского некрополя ничего не сохранилось, он был уничтожен в процессе ликвидации Никольского собора в 1933–1934 гг.

Источники и литература:

1. ЦГА г. Москвы. — Ф. Р-1215. — Оп. 4. — Д. 16. Дело о регистрации греческой приходской общины при Никольском греческом монастыре в Москве. 1922–1924 гг. — 38 л.
2. ЦГАМО. — Ф. 4570. — Оп. 1. — Д. 53. Переписка с Бауманским райсоветом о закрытии церквей Сергия и Харитония и греческого монастыря. 1933 г. — Л. 38–40; Д. 188. Переписка с Президиумом ВЦИК, СНК райсоветами, Музейным отделом о закрытии церквей, возвращении церквей верующим. 1934 г. — Л. 2.
3. Описание Московского Николаевского греческого монастыря / сост. Вик. Травин. — М., 1876. — 16 с.
4. *Леонид, А.* О московских монастырях : Спаса старого (ныне Заиконоспасский) и Николая Чудотворца старого (ныне Никольский греческий) в связи с летописью московских пожаров, бывших с 1382 по 1668 года // Московские епархиальные ведомости. — 1877. — № 10. — С. 81–84.
5. Царский, патриарший ставропигиальный пречестный и священный монастырь Иверской Богоматери-Портаитиссы, на св. горе Афонской и зависимый от него Московский Николаевский греческий монастырь. Сказание об иконе Божией Матери Иверской-Портаитиссы. — М., 1894. — 64 с.
6. Московский Николаевский греческий второклассный монастырь, зависимый от Афонского ставропигиального патриаршего и Царского Портаитского Иверского монастыря : [Исторический очерк] / изд. архим. Гавриила. — М., 1900. — 25 с.
7. *Коробкин С.* Архимандрит Гавриил (Некролог) // МЦВ. — 1904. — № 16.
8. Обозрение Москвы / А. Ф. Малиновский. — М., 1992. — 252 с.
9. Сорок Сороков : краткая иллюстрированная история всех московских храмов : [в 4 т.] / собр. П. Паламарчук; фот. П. Паламарчука, А. Демченко. — Т. 1. Кремль и монастыри. — М., 1992. — С. 156–160.
10. *Рогозина М. Г.* Никольский греческий монастырь. Никольский собор Никольского греческого монастыря // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Декабрь. — М., 2006. — С. 120–124.
11. *Романюк С. К.* Москва. Китай-город: Путеводитель. — М., 2007. — 320 с.
12. *Козлов В. Ф.* Московский греческий во имя святителя Николая Чудотворца мужской монастырь // ПЭ. — Т. XLVII. — М., 2017. — С. 443–448.

Николо-Перервинский заштатный необщежительный мужской монастырь

(ныне — Патриаршее подворье)

ул. Шоссейная, д. 82

как монастырь не восстановлен

В начале XX в. – 5 храмов с 8 престолами

Иверской иконы Божией Матери собор
Владимира св. равноап. кн. придел
Иоанна Предтечи св. Рождества придел

Никодима св. прав. домовый (крестовый) храм

Николая Чудотворца свт. собор (двухъярусный)
Сергия Радонежского прп. нижний храм

Толгской иконы Божией Матери надвратный храм

Успения Божией Матери в колокольне храм

ИСТОРИЯ ДО 1917 г.

Самая ранняя постройка в сохранившемся ансамбле Николо-Перервинского монастыря относится к 1700 г., хотя, по мнению части исследователей, он существовал еще в XVI в. под именем «Никола Старый». Историограф монастыря иеромонах его Никифор выдвинул предположение, что монастырь основан за несколько лет до Куликовской битвы. Эту идею разделяют и некоторые современные историки обители. Впервые в документе Николо-Перервинский монастырь упомянут под 1623 г.: «Вотчина Перервинского монастыря по Москве-реке сельцо Слободка, а в нем церковь Никола-Чудотворец древен клетцкий, образы и свечи и книги и колокола — строение мирское приходских людей, а в ней игумен да два старца». Царь Алексей Михайлович уделял обители большое внимание; он и его духовник протопоп Стефан Вонифатьев делали в нее вклады. Известно, что в 1642 г. Алексей Михайлович пожертвовал в монастырь серебряные сосуды и богатые облачения. С 1650 по 1674 г. в этой обители были построены сразу 3 каменных храма — Николаевский, Успенский и Сергиевский, строились и 2 каменных флигеля. В 1660-е гг. во владение монастыря перешла устроенная тогда у Неглименских ворот Москвы Иверская часовня с чудотворным образом.

Эта часовня вплоть до начала XX в. играла важнейшую роль в духовной и хозяйственной жизни обители.

Еще более возвысилась Перервинская обитель в самом конце XVII в. при последнем Патриархе Адриане. Он любил там уединяться, устроил Патриаршие келии, и монастырь стал его летней резиденцией. С 1696 г., когда Патриарху «припала параличная болезнь», он уже безвыездно жил в Перервинском монастыре. Благодаря Адриану в 1690-е гг. обители были пожалованы земли в Рузском уезде, разрешено устроить часовню при строящейся в Москве Сухаревой башне, даны были лавки для подворья у Иверской часовни. По-видимому, по решению Адриана, в 1690-е гг. в монастыре были разобраны незадолго до этого построенные 3 каменных храма, и к 1700 г. на их месте сооружен большой Никольский собор с колокольней, в которой был устроен Успенский храм. Сам Патриарх скончался 20 сентября 1700 г., то есть менее чем через месяц после освящения собора.

Тяжелый для российских монастырей XVIII в. Перервинская обитель перенесла сравнительно благополучно. В 1723 г. по просьбе игумена Варлаама монастырю была дана земля за Калужскими воротами, где вскоре поставили еще одну часовню для сбора пожертвований; в 1742 г. в монастырском подворье у Иверской часовни был сооружен «каменный приделок». В 1775 г. вместо Сухаревской обветшавшей деревянной часовни построили каменную. Видимо, в 1760–1770-е гг. у Серпуховской заставы монастырь соорудил еще одну каменную часовню. Наличие в Москве нескольких приносивших доход часовен обеспечило безбедную жизнь обители. Еще в 1730–1740-е гг. там подвизались 30–40 монашествующих. Историк монастыря иеромонах Никифор приводит перечень должностей и послушаний монашествующих: игумен, казначей, ризничий, канархист, просвиряк, часовод, пономари, хлебные, поваренные, часовенные, тружники, конюшенные, скотники, огородники и др.

В 1733 г. была построена небольшая надвратная Толгская церковь, в 1750 г. на южной стороне обители возник настоятельский двухэтажный корпус, позже соединенный с Патриаршими келиями.

По штатам 1763 г. в Перервинском монастыре могли находиться 1 настоятель и не более 15-ти монашествующих. Однако и в этот период нашелся влиятельный архиерей, взявший, как когда-то святитель Адриан, монастырь под особое покровительство. Таким иерархом стал выдающийся духовный деятель, богослов и проповедник, архиепископ (впоследствии митрополит) Московский и Калужский Платон (Левшин). Озабоченный состоянием духовного просвещения в России, он в 1775 г. основывает в заштатном Перервинском монастыре духовную семинарию, позже именовавшуюся Платоновской. Владыка Платон много времени уделял сооружению корпусов для нужд семинарии — двухэтажные корпуса были построены в 1770–1800-е гг. у Толгского храма и на западной стороне монастырского двора. В 1805 г. выстроили новый двухэтажный Архиерейский дом, примыкающий к Патриаршим келиям. Игумены Перервинского монастыря одновременно являлись и префектами духовной семинарии. Семинаристы изучали различные предметы: грамматику, поэзию, риторику, историю, географию, арифметику, латинский, греческий, немецкий, французский языки.

Николо-Перервинский монастырь стал хорошо известен, его посещали не только богомольцы, но и известные деятели. В 1775 г. в семинарии побывала

императрица Екатерина II с наследником Павлом Петровичем — будущим императором. Еще великим князем обитель и семинарию посещал будущий император Александр I. На большой каменной доске, вделанной в стену собора близ восточных дверей внутри паперти, начертан большой перечень деяний митрополита Платона на благо Перервинской обители. При Платоне монастырь получил право поставить часовню в д. Выхино в 10 верстах от Москвы.

Будучи удаленными от Москвы обитель и семинария не пострадали от пожара в 1812 г. Игумен Лаврентий II приложил большие усилия для спасения и эвакуации чудотворной Иверской иконы и драгоценностей монастырской ризницы. Конечно же, обитель и храмы были разграблены, но были быстро восстановлены в первые послевоенные годы. Сам игумен позже сделал духовную карьеру, а умер в 1831 г. в сане архиепископа Черниговского.

Но самыми известными в православной Москве стали выпускники Перервинской Платоновской семинарии: архиепископ Августин, занимавший Московскую кафедру после Платона в 1812–1819 гг., и сменивший его митрополит Серафим (Глаголевский; 1819–1821 гг.). Оба эти иерарха продолжали покровительствовать Николо-Перервинской обители. Заботился о монастыре и возглавивший в 1821 г. Московскую кафедру преосвященный Филарет (Дроздов), неоднократно посещавший обитель, освящавший обновленные храмы и присутствовавший на испытаниях учащихся.

После Отечественной войны 1812 года большие изменения произошли в семинарии. К просуществовавшей 40 лет Платоновской семинарии в 1814 г. присоединили бывшую в Заиконоспасском монастыре Духовную академию, и объединенное учебное заведение стало называться Московской Перервинской семинарией. Однако она просуществовала только 10 лет, и в 1824 г. ее преобразовали сначала в Николо-Перервинское приходское и уездное училище, а в 1867–1917 гг. оно называлось Перервинским духовным училищем. Несмотря на понижение статуса духовного заведения, Перервинский монастырь вплоть до переворота 1917 г. по существу был учительным. Отсюда вышли многие известные в будущем иерархи, богословы, проповедники. Так, например, известный церковный историк, исследователь исчезнувших московских храмов, председатель ЦАО ОЛДП протоиерей Николай Скворцов был 1870-е гг. воспитанником этого училища.

Хотя 2 приносившие доходы часовни у Калужских и Серпуховских ворот духовное начальство передало Лужецкому Можайскому монастырю, остававшаяся у обители Иверская часовня обеспечивала средствами не только Перервинское училище, но и Московские духовную семинарию и академию, различные православные братства.

Неоднократно бывали в Николо-Перервинском монастыре и возглавлявшие Московскую епархию известные русские иерархи: митрополиты Иннокентий (Вениаминов) и Макарий (Булгаков). В 1883 г. настоятелем монастыря стал архимандрит Викентий, много сделавший для улучшения церковной жизни в обители и благоустройства храмов. Им были заведены по воскресным дням народные чтения с показом «туманных картинок». Во время его настоятельства казначеем Иверской часовни иеромонахом Никифором (Бажановым) была написана и издана в 1886 г. книга, до настоящего времени являющаяся основным трудом по истории монастыря. Вот, каким увидел Перервинскую обитель

о. Никифор в 1880-е гг.: «На восточной стороне монастыря, вблизи двухэтажного соборного храма расположено монастырское кладбище, обнесенное деревянною решеткою. На западной стороне возвышается двухэтажный архиерейский дом с большою залою, гостиною и другими покоями, выстроенный еще при митрополите Платоне в 1805 году. В приемной зале находится под стеклянным колпаком резная, искусно сделанная одним из иеромонахов монастыря отцом Феофаном модель Николо-Перервинской обители. На одной из стен висит современный митрополиту Платону его портрет. В нижнем этаже расположены братские келии. Параллельно с этим корпусом также к западу, тянется каменный, двухэтажный, ученический корпус с дортуарами для учеников, умывальнею, гардеробною и тому подобным. К северу расположен длинный, двухэтажный ученический корпус, а в верхнем этаже находятся дортуары и один из классов, а внизу столовая, кухня, раздевальная, рекреационные комнаты и тому подобное. За ним святые врата, называвшиеся прежде водяными, и над ними надвратная церковь в честь Толгской Богоматери. По ту сторону ворот внизу находится палатка с могильными памятниками, и видны заложенные теперь ворота, служившие, вероятно, для входа поселян в означенную церковь, когда она была еще приходскою. На восток расположен одноэтажный каменный корпус с училищною кладовою, погребами, и служительскою большой комнатою. За ним другие — восточные ворота с деревянной над ними башней, еще времен митрополита Платона. Далее двухэтажный училищный корпус с четырьмя классными комнатами. К югу тянутся большие двухэтажные каменные корпуса; в первом из них расположены училищное Правление, канцелярия, комната для расходчика и других должностных лиц и прочее. Второй — вверху и внизу занят братскими келиями; в третьем, бывшем архиерейском, находятся вверху большие настоятельские келии, внизу же кухня и монастырская трапеза. К настоятельскому корпусу примыкают патриаршие келии, а внизу под оными две братских келии и небольшая монастырская баня. Другая каменная в монастырском фруктовом, разбитым под горою, саду, в котором находится пчельник... К северу за монастырем по ту сторону святых ворот находится монастырский скотный двор, а в некотором расстоянии от него, в каменном одноэтажном флигеле помещается ученическая больница, аптека и квартира фельдшера. За скотным двором и больницею в северном же направлении возвышается большой двухэтажный каменный дом — монастырская гостиница со службами, верхний этаж которой занят квартирами смотрителя, учителей Перервинского духовного училища, а нижние комнаты для приезжих посетителей и дачников».

В книге иеромонаха Никифора перечислены и недвижимые владения Николо-Перервинского монастыря: «Всей земли при монастыре находится 13 десятин 493 квадратных сажен. Кроме сего монастырю принадлежит: часовня в деревне Выхине, крупчатая мельница в деревне Гравороновой, рыбные ловли в Серпуховском уезде, 30 десятин земли в пустоши Румянцевой и при Гравороновой мельнице, а невдалеке от монастыря земля с лесом, известная под названием Самаровой горы; и в Москве: Иверская часовня и четыре лавки в городе: одна в Щепном ряду, одна в Кафтанном ряду и две в Серебряном».

Внутри монастыря существовало небольшое кладбище, на котором сохранялись могилы монахов, а также мирян. Знаменитых могил здесь не было.

Иеромонах Никифор в своей книге упоминает 26 имен, погребенных здесь с начала XVIII в. до 1870-х гг., среди которых имена Годуновых (захоронения начала XVIII в.), Левашовых (генерал-лейтенант А. И. Левашов († 1739), генерал-поручик И. В. Левашов (†1772), и др.), флотского капитана 2-го ранга, служившего при Петре I И. М. Грязнова (†1777), князя Б. А. Касаткина-Ростовского (†1792), Вяземских и др.

В 1870 г. на 2-м этаже келий была устроена и освящена небольшая церковь во имя св. прав. Никодима, предназначенная для находящегося здесь на покое епископа Енисейского и Красноярского Никодима (Казанцева). Последним, возведенным в XIX в. в монастыре зданием стал большой двухэтажный корпус Перервинского духовного училища.

Николо-Перервинскому монастырю благоволил и возглавивший в 1898 г. Московскую кафедру митрополит Владимир (Богоявленский), ставший в 1918 г. первым священномучеником Русской Церкви. Именно он благословил в начале XX в. сооружение на присоединенной к монастырю новой территории грандиозного нового Иверского собора. 8 сентября 1908 г. он освятил главный престол и через 3 недели — придельный во имя своего небесного ангела св. равноап. кн. Владимира. Новый участок был обнесен красивой зубчатой оградой с угловыми башенками и 2-мя воротами. Однако в процессе строительства были снесены старые Святые ворота с башней и хозяйственный корпус. Последними дореволюционными постройками Николо-Перервинской обители стали корпус Приюта для глухонемых (1906 г., архитектор П. А. Виноградов) и новое здание монастырской гостиницы (1911 г.).

Вот, каким увидел монастырь в начале XX в. юный тогда М. Н. Тихомиров — будущий известный историк и академик: «Монастырь располагался в очаровательной местности, поблизи от Москвы-реки. Здесь было три пруда, расположенные под монастырем и в самом монастыре. К монастырю прилегала прекрасная роща, а за ней находились песчаные дюны. Это был изумительный по красоте ансамбль… За монастырем находился большой сад, красиво расположенный по холмам над небольшим прудом. Монахов было немного, но монастырь находился под покровительством московского митрополита Владимира. Службы отправлялись красиво, особенно хорошо служилась, например, обедня в Страстную субботу, когда трио пело “Ангел вопияше”. Молодой послушник, который пел ангела, запомнился мне на долгое время. Он обладал необыкновенно красивым голосом и эффектной внешностью».

ИСТОРИЯ ПОСЛЕ 1917 г.

Октябрьский переворот 1917 г. гибельным образом сказался на судьбе обители. В 1918 г. было закрыто Перервинское училище, а многочисленные его постройки заселены различным людом и заняты посторонними организациями, в том числе детдомом «Юный железнодорожник». Монастырь как религиозный институт был ликвидирован, хотя отдельные монахи продолжали жить в монастырских зданиях и служить в обращенных в приходские храмах. После 1917 г. Перерву дважды посетил Патриарх Тихон: он совершал литургию в Иверском соборе 20 апреля 1921 г. и 16 апреля 1924 г. Последним настоятелем монастыря

был Никанор (Морозкин); в 1930-е гг. его арестовали и в 1938 г. расстреляли на Бутовском полигоне (канонизирован в 2005 г. как преподобномученик).

Постановлением Президиума Моссовета от 23 декабря 1924 г. был закрыт Толгский надвратный храм. Остальные два храма были ликвидированы решением Мособлисполкома от 13 сентября 1940 г. В разные годы храмы и другие строения монастыря занимались различными организациями: клубом, детдомом, домом пионеров, заводом «Станкоконструкция», с 1952 г. — НИИ почтового ящика № 426, заводом детской пластмассовой игрушки и др. Во многих корпусах обители жили люди. На фотографиях 1940–1970-х гг. некоторые постройки, в том числе церковные, имели заброшенный вид. Иверский и Толгский храмы были обезглавлены. В 1970–1980-е гг. проведены реставрационные работы по Никольскому собору, колокольне, Патриаршим келиям.

С 1990 г. началось медленное возрождение бывшего монастыря. Проводятся богослужения в храмах: с 1991 г. в Никольском, с 1992 г. в Сергиевском, с 1993 г. в Успенском, с 1995 г. в Толгском и Иверском. В декабре 1995 г. Указом Патриарха Алексия II было учреждено «Патриаршее подворье храмов Николо-Перервинского монастыря». Почти 3 десятилетия идут непрерывные ремонтно-реставрационные работы практически во всех переданных верующим храмах и строениях монастыря.

С 1990 г. в монастыре действует Воскресная школа им. сщмч. Владимира, митрополита Киевского и Галицкого, с 1998 г. начались занятия на Высших православных богословских катехизаторских курсах, позже преобразованных в факультет при Перервинской духовной семинарии. В 2008 г. создана Православная гимназия им. митрополита Платона (Левшина), с 2013 г. она размещается за стенами монастыря в отреставрированном здании старой семинарии.

Была возрождена и историческая семинария. В октябре 1996 г. открылись Пастырские курсы, преобразованные сначала в Перервинское духовное училище, а в июле 2001 г. в Перервинскую семинарию, ректором которой был назначен настоятель Патриаршего подворья протоиерей Владимир Чувикин. В 2008 г. на территории монастыря был установлен памятник основателю первой Перервинской семинарии митрополиту Московскому Платону.

На Патриаршем подворье и в Перервинской духовной семинарии с 2004 г. ежегодно проходят церковно-исторические конференции «Платоновские чтения», на которых с докладами о жизни и деятельности митрополита Платона и об истории Николо-Перервинской обители выступают иереи, церковные и светские ученые, педагоги, музейные работники, краеведы. В 2022 г. состоялись XVIII Платоновские чтения. На территории монастыря в начале 2000-х гг. проходили заседания секции «Церковное краеведение» Всероссийских Рождественских чтений.

В окрестностях обители находятся несколько приписных к ней церквей: храм-памятник в честь иконы Божией Матери Всех скорбящих Радость, сооруженный в 2003 г. в память погибших при взрыве дома на ул. Гурьянова (д. 18а), домовые храмы в честь иконы Божией Матери Неопалимая Купина (устроен в 2013 г. в гимназии им. митрополита Платона — ул. Шоссейная, д. 74) и в честь

равноап. Марии Магдалины (устроен в СИЗО-6 — ул. Шоссейная, д. 92), часовня во имя сщмчч. Харалампия и Власия на Деревообрабатывающем комбинате ОАО «Заречье» (ул. Шоссейная, д. 90). У стен монастыря в 2014 г. воссоздан небольшой деревянный храм во имя апостола и евангелиста Иоанна Богослова.

Сегодня, по прошествии 3-х десятилетий после начала возрождения, ансамбль Николо-Перервинского монастыря отреставрирован, и территория приобрела благоустроенный вид. Ныне в монастыре находится 12 строений: Никольский с колокольней и Иверский соборы, Толгский надвратный храм, Патриаршие келии, Старый и Новый семинарские корпуса, Классический (Училищный) корпус, Старый архиерейский дом, Старый настоятельский корпус, Новый архиерейский дом, Учительский корпус, а также ограда с Восточными воротами.

Николая Чудотворца свт. собор

Сохранившийся до настоящего времени собор свт. Николая Чудотворца с колокольней был сооружен в 1700 г. на месте, где, как полагают, находились 3 каменные храма середины XVII в.: Николаевский, Сергиевский и Успенский. До настоящего времени при входе в собор сохранилась историческая каменная доска с вырезанной на ней надписью: «При державе Благочестивейшего Великого Государя, Царя и Великого Князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя России Самодержца начат строятися сей святый храм в лето от сотворения мира 7204 от рождества же по плоти Бога Слова в 1696 во славу человеколюбца Единого Триипостатного Бога помощию Пречистыя Девы Богоматери Марии в честь честнаго и славнаго Ея Успения и Угодников Божиих Св. Чудотворца Николая и Преподобнаго Отца Нашего Сергия Радонежского Чудотворца с приделы и монастырскими службами в сей Николаевской святей обители, яже на Перерве, и строение создал и украсил Великий Господин Святейший Кир Адриан, Архиепископ Московский и Всея России, всех северных стран Патриарх, многим своим тщанием и иждивением своея келейныя казны; к сему бысть и иных боголюбцев подаяния на сицевое строение. Совершися же и освятися сей храм Святейшим Адрианом Патриархом в лето от рождества во плоти Бога Слова 1700-е 20 сентября. Трудишася же в строении сем тоя Святыя обители игумен Симон с братию и Святейшаго Патриарха келейник иеромонах Герасим».

Как следует из надписи, Патриарх Адриан объединил в соборе престолы 3-х храмов, стоявших на этом месте. Соборный ансамбль, весьма живописный, лишенный симметрии, с колокольней, расположенной не на западной, а на восточной стороне храма, не имеет аналогов в московской архитектуре того периода. Исследователи полагают, что именно возведение собора на фундаментах разобранных старых храмов и определило его необычную конфигурацию. Композиция собора включает двухэтажный однокупольный храм с престолами на каждом этаже, поставленную с северо-восточной стороны колокольню и объединяющую их галерею-паперть. Возможно, первоначально существовало

охватывающее все здание открытое гульбище, разобранное вскоре после кончины Патриарха Адриана. Декоративное украшение собора решено в духе «нарышкинского барокко».

Вот, как описывает иеромонах Никифор внутренний вид Никольского собора: «Церковь сия стоит посреди монастыря, несколько поближе к западной стороне. Высота ее от земли полагается в 25 сажень. Нижняя Сергиевская церковь имеет три отделения, как-то: алтарь, самую так называемую церковь и обширную трапезу. Трапеза, поддерживаемая посредине столбами, находится под самою верхнею церковью, нижняя церковь — под верхним алтарем, а нижний алтарь выдался к востоку. Стены расписаны живописью в 1737 г., а иконостас резной, весь позолоченный. В верхней Николаевской церкви стены также расписаны живописью почти сплошными повсюду клеймами в 1727 г., а в алтаре в 1717 г. Иконостас же старинный резной, в котором на одном из местных образов (храмовой иконе Святителя Николая) риза золотая, а на двух (иконы Спасителя и Божией Матери) серебряные, вызолоченные. Около верхней Николаевской церкви с двух сторон, именно с северной и западной, выдается обширная и светлая паперть, покрытая хорошею живописной работою в 1766 и 67 годах. В юго-западном углу церкви помещается монастырская кладовая, служившая, как говорит предание, при патриархе Адриане его моленною, из которой он чрез окно, выходящее в соборную церковь, слушал церковное богослужение. Следы окна, теперь заложенного, видны доселе. Под нижнею церковию находились обширные погреба и подвалы».

Упоминает о. Никифор и находившиеся в простенках между арками нижней Сергиевской церкви старинные иконы свт. Николая Чудотворца, Спасителя, св. пророка Илии, Иверскую, Неопалимую Купину.

Никольский собор в течение своей истории не раз ремонтировался и обновлялся. В 1813 г. вместо расхищенных французами с икон серебряных риз и вещей были сделаны новые серебряные оклады. Обновленный собор 7 октября 1814 г. был освящен митрополитом Филаретом. Большие работы были проведены под надзором архитектора Быковского в 1841 г., когда был исправлен иконостас, поновлена стенная живопись. Освящение храма также совершил митрополит Филарет. В 1863 г. был возобновлен иконостас и в нижней Сергиевской церкви. 8 сентября 1877 г. митрополит Московский Иннокентий совершил малое освящение Николаевского собора после возобновления его иконописи. В 1894 г. в нижнем Сергиевском храме вместо прежнего деревянного установили двухъярусный иконостас из итальянского мрамора.

После октябрьского переворота монастырский собор стал приходским. Его закрыли по Постановлению Мособлисполкома 13 сентября 1940 г. Здание собора использовали разные организации, в том числе Металлоштамповочный завод, а затем до 1969 г. здание занимал Завод детской пластмассовой игрушки. В помещении нижнего храма располагался гальванический цех. В результате нещадной эксплуатации помещений бывшего собора были утрачены практически все детали интерьера, забелена живопись, сделаны перегородки.

В 1954 г. архитектором Г. А. Макаровым было начато обследование, и подготовлена документация по реставрации здания. В 1969 г. церковное здание

передано заводу ЭНИМС, и в 1972 г., наконец, начались реставрационные работы. С 1978 г. к этим работам была привлечена архитектор Е. Г. Одинец. В результате продолжавшихся до середины 1980-х гг. работ восстановлен утраченный облик собора, воссозданы наличники, порталы, живопись.

С января 1991 г. Никольский собор был передан образовавшейся общине верующих во главе с протоиереем Владимиром Чувикиным. 29 марта 1991 г. состоялось малое освящение храма. Постепенно общине передавались бывшие монастырские храмы и другие строения. Начались многотрудные работы по восстановлению всего здания собора — от крыши и полов до иконостаса, стенной живописи. В праздник Вознесения Господня 9 июня 1994 г. состоялось Великое освящение Никольского храма Патриархом Алексием II. На базе храма 25 декабря 1995 г. указом Патриарха учреждено «Патриаршее подворье храмов Николо-Перервинского монастыря».

К 2018 г. обновлены после реставрации фрески Сергиевского храма. Храм был освящен Великим чином 21 ноября 2020 г.

Успения Божией Матери храм

в колокольне

Колокольня с Успенским храмом входит в сложный ансамбль Никольского собора и, по предложению реставраторов, была сооружена на месте и, возможно, на фундаменте древнего, построенного в 1650 г. одноименного храма. Существующая колокольня возведена одновременно с собором в самом конце XVII в. и состоит из 4-х невысоких ярусов, завершающихся восьмигранником, увенчанным главой с крестом. Колокольню украшают 3 изразцовых пояса и еще пояс изразцов на главе. Первый ярус колокольни представляет собой арку с поднимающимися ко входу в собор ступенями. Во 2-м ярусе находилась монастырская ризница, а в 3-м — совсем небольшая, прекрасно расписанная в 1767 г. церковь Успения Божией Матери. В 4-м ярусе в 1784 г. устроены боевые часы, а в 5-м (восьмерике с арками звона) повесили колокола. В 1827 г. на заводе Самгина старый большой треснувший колокол был перелит в новый, весом в 315 пудов. В помещение храма и на верхний ярус колокольни с колоколами можно попасть только из галереи по внутристенным лестницам.

Успенская церковь в колокольне была очень небольшой по размеру, но поражала современников своим благоукрашением. Ее стены, алтарная преграда, своды были как ковром покрыты позолоченными лепными украшениями, обрамлявшими священные изображения. Храм обновлялся в середине XVIII в. и в 1847 г., о чем свидетельствует сохранившаяся до настоящего времени доска с надписью на стене. Архимандрит Никифор писал о храме в 1880-е гг., что «Служба в нем за малопоместительностью бывает только в храмовый праздник». Современные исследователи высоко оценивают интерьер храма: «Исключительный художественный интерес представляет декоративное убранство Успенского придела… — редкий по цельности ансамбль в стиле барокко… Росписи решены в виде отдельных

клейм, заключенных в картуши и рамы затейливой формы. Стены декорированы живописными филенчатыми пилястрами. Интересны росписи, имитирующие решетки и светские мотивы — пейзаж и вазы с цветами. Лепное убранство, помимо обрамлений, включает карнизы, головки херувимов, целую скульптурную композицию с ангелами и своего рода трехъярусный иконостас. Пышная лепнина придает камерному пространству придела репрезентативный и мажорный характер, что сродни светским интерьерам середины XVIII в.».

В советскую эпоху, когда было уничтожено или вывезено внутреннее убранство всех монастырских храмов, крошечная Успенская церковь пострадала мало. Здесь в алтаре был устроен кабинет какого-то начальника, но в помещении храма перекрытия делать не стали — не позволяли низкие своды. Колокола сняли и перелили, часы с колокольни перевезли в музей «Коломенское».

После передачи помещения храма РПЦ он был приведен в порядок, и 1 апреля 1993 г. здесь совершилась первая за многие десятилетия Божественная литургия. Постепенно была отреставрирована настенная роспись, покрыты золотом лепные украшения, написаны заново утраченные священные изображения (на двери, ведущей в алтарь), устроено отопление. За красоту и необычный интерьер прихожане называют свою святыню «золотым храмом».

Толгской иконы Божией Матери надвратный храм

над северными воротами

В Москве до революции существовало 2 храма во имя Толгской иконы Божией Матери, один — в Высоко-Петровском, другой — в Николо-Перервинском монастыре. Возникли эти храмы почти одновременно: в 1730–1740-е гг., что и обусловило их схожесть — оба выстроены в стиле елизаветинского барокко.

Толгский храм в Николо-Перервинской обители был сооружен при игумене Варлааме в северо-восточном углу монастыря в 1737 г. на средства Ивана Васильевича Савельева (впоследствии схимонаха обители Иосифа) и других жертвователей. Под храмом находилось двое ворот; одни из них заложены с двух сторон, и пространство обращено в палатку для погребения покойников. Под трапезной храма, с западной стороны устроили 2 небольшие келии (ныне монастырская сторожка). В память о жертвователе схимонахе Иосифе и игумене Варлааме, много потрудившемся для постройки храма, была написана икона прпп. Иосифа и Варлаама. Она находилась в Сергиевской (нижней) церкви Никольского собора.

В 1768 г. Толгская церковь была обращена в приходскую, но в начале XIX в. прихожане перешли в приход с. Сабурова, и Толгский храм вновь стал монастырским. В ризнице обители до революции сохранялись медно-позлащенные венцы для венчания и металлическая купель для крещения, бывшие в Толгской церкви, когда она была приходской.

В 1785–1786 гг. храм оштукатурили и впервые расписали. В 1868 г. был произведен большой ремонт: сооружены новый иконостас, престол и жертвенник,

возобновлена стенная живопись. 9 августа 1868 г. Толгский храм освятил митрополит Московский и Коломенский Иннокентий (Вениаминов).

Отмечавшийся в 1869 г. двухвековой юбилей московской чудотворной Иверской иконы косвенно способствовал украшению Толгского храма. Подаренное в Иверскую часовню большое позлащенное паникадило после праздника передали в надвратный Толгский храм. В том же году из неупотреблявшихся в часовне серебряных лампад и разных привесок сделали и передали туда же 32 венца на иконы, ковчег для святых мощей под престолом, ковчег для Святых Даров.

Толгский храм был первой закрытой после революции 1917 г. церковью монастыря. Президиум Моссовета на заседании 23 декабря 1924 г. постановил закрыть храм и передать его помещение под клуб детского дома Управления Московско-Курской железной дороги. В постановляющей части документа указывалось, что «…в трапезной при церкви Перервинского монастыря открытого культа не производится, помещение это уже занято детдомом под склад». Узнав об этом, верующие написали жалобу московским властям. В августе 1925 г. Комиссия в составе представителей Люблинского горсовета, заведующего детдомом, общины верующих, милиции произвела осмотр храма на предмет передачи его детдому, однако ввиду протеста членов общины такая передача не состоялась. Тогда же за подписью председателя общины Перервинского монастыря М. А. Кузнецова и членов Совета П. Н. Данилина, П. Юхина, Н. М. Белотелкина и других была послана во ВЦИК жалоба. Верующие ссылались на охранную грамоту Музейного отдела Наркомпроса от 13 июня 1923 г., выданную общине: «Толгский храм как выдающийся памятник архитектуры вместе во своим внутренним убранством состоит на учете и под охраной Главмузея и без его разрешения не может подвергаться ремонтам или переделкам, изменяющим его облик». Кроме того, в жалобе члены общины указывали, что храм никогда не был занят под склад детдома и всегда служил исключительно религиозным целям. Верующие писали, что в храме «…совершались богослужения по целым зимам и теперь по временам совершаются… Обращение храма под клуб вызовет недовольство местного населения». Несмотря на все это, Президиум ВЦИК отклонил жалобу верующих и поддержал решение московских властей о передаче помещения Толгского храма детдому.

В 1930–1960-е гг. здание церкви использовалось под жилье. Был разобран верх, а старинный крест передали в музей «Коломенское». Интерьер храма был уничтожен, окна растесаны, устроены межэтажные перекрытия. После войны к алтарю пристроили заводской корпус.

С середины 1950-х гг. до конца 1970-х гг. в монастыре велась с большими перерывами реставрация отдельных памятников. В 1980-е гг. под храмом размещалась проходная завода НИИ металлорежущих станков.

С 1990 г. началось медленное возрождение храмов обители. Во второй половине 1990-х гг. приступили и к восстановлению Толгской церкви. Воссоздали главу с восьмигранным барабаном, украшенным волютами, большие реставрационные работы были произведены и внутри храма. В преддверии праздника Толгской иконы Божией Матери состоялось торжество поднятия нового купола

с крестом на главу. Во время этого действа в соборе совершалась праздничная служба — всенощное бдение. Когда звонари пошли звонить на полиелей (а в это время из алтаря как раз выносят Евангелие), то почти над самым Толгским храмом, который стоял уже без лесов, увенчанный позолоченным куполом с крестом, они увидели радугу. На следующий день, в самый праздник состоялась Божественная литургия в Толгской церкви, а по ее окончании — крестный ход, который, выйдя из восточных врат, прошел по ул. Шоссейной и затем вошел в ворота под Толгской церковью.

В обширном притворе восстановленного храма установили отреставрированные старые и новонаписанные иконы в киотах: вмч. Никиты, св. архистратига Михаила, Божией Матери Нечаянная Радость, новоканонизированных святых: сщмч. Владимира митрополита Киевского и Галицкого, св. блж. прав. Матроны Московской и др.

Само помещение Толгского храма небольшое, но высокое, освящается 2-мя рядами окон. В алтаре и на западной стене сохранены и укреплены небольшие фрагменты старой росписи. Во временный иконостас тогда поместили новонаписанные образа Толгской Божией Матери, Спаса, святые изображения архангелов на северных и южных вратах. Внизу в межоконных простенках в киотах установлены иконы XIX — начала XX в. и новонаписанные: Казанская, Сорока мучеников севастийских, св. Татианы, свт. Иоасафа Белгородского, св. Георгия Победоносца. В узкой галерее, примыкающей к храму с юга, находятся иконы свв. Даниила Московского, Алексия митрополита Московского, Иоанна Кронштадтского, Андрея Первозванного, а также старый киот с 3-мя иконами и др.

С восточной стороны Толгской церкви восстановлены красивые, в русском стиле ворота. Сегодня верующие проходят в обитель под Толгской церковью, чей проход-арка с внешней стороны украшен надписью: «Николо-Перервинская обитель».

21 августа 2022 г. после реставрации состоялось освящение Толгского храма Великим чином. Толгская икона Божией Матери находится круглый год в алтаре храма и выносится для поклонения лишь раз в год в напрестольный праздник — 21 августа. Перед этой иконой всегда теплится неугасимая лампада, и от этого пламени возжигаются другие огни в обители.

Никодима св. прав. домовый (крестовый) храм
в Патриарших келиях

Патриаршие келии (палаты) сооружены в 1690-е гг. на средства Патриарха Адриана. Он провел здесь свои последние годы и здесь же в 1700 г. скончался. Покои Патриарха находились во 2-м этаже здания и соединялись с находившимся рядом первоначальным собором. В старину в келии вела белокаменная лестница, а в 1778 г. в связи с сооружением первого архиепископского дома параллельно сделали еще 2 марша лестниц: по центру и с восточной стороны, и лестница приобрела красивый парадный симметричный вид.

Первоначально в Патриарших келиях храма не было. Поводом к устроению небольшого домового храма стало прибытие в июле 1870 г. на покой в Николо-Перервинский монастырь уволенного по болезни епископа Енисейского и Красноярского Никодима (Казанцева). Для проживания в обители владыке были отведены 5 комнат со сводами на 2-м этаже бывших Патриарших келий. Больному владыке было тяжело ходить на общие богослужения в Никольский собор, и по благословению митрополита Иннокентия было решено устроить в келиях домовый храм. 1 сентября 1870 г. приехавший в монастырь митрополит подарил епископу Никодиму иконы Спасителя, Божией Матери и свт. Николая Чудотворца, благословил написание иконы св. прав. Никодима и назначил домовой церкви имя этого святого. Осенью 1870 г. келии ремонтировали, изготовляли иконостас и писали храмовую икону, на которой было изображение беседы прав. Никодима с Христом. В ноябре приехавший в обитель митрополит Иннокентий посетил епископа и осмотрел готовый храм. Освятил домовую церковь сам епископ Никодим в сослужении с игуменом монастыря Никодимом. Жить в келиях оказалось нелегко — они были очень холодными. Несмотря на это, епископ Никодим почти ежедневно служил литургию иерейским чином со своим келейником Федором.

Личность самого владыки была весьма незаурядной. Он родился в 1803 г. в Рузском уезде Московской губернии в семье причетника. Окончил Московскую духовную академию, в 1829 г. пострижен в монашество. Был ректором ряда духовных семинарий: Вятской, Херсонской, Курской, Ярославской, являлся настоятелем нескольких крупных монастырей. В 1854 г. хиротонисан во епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии, с сентября 1861 г. — епископ Енисейский и Красноярский. 6 апреля 1870 г. по болезни уволен на покой. В Николо-Перервинском монастыре владыка прожил недолго — он скончался 11 июня 1874 г. в Дмитрове, куда приехал навестить сестру. Похоронен в соборе в Дмитрове. Владыка был известен как духовный писатель, опубликовано несколько его статей, в том числе воспоминания о митрополите Филарете. Он ежедневно вел дневник. Свою библиотеку и архив завещал Красноярскому кафедральному собору (ныне архивный фонд епископа Никодима хранится в Красноярском государственном архиве).

Историк Николо-Перервинского монастыря иеромонах Никифор в 1886 г. так писал о храме св. прав. Никодима: «Он очень небольшой, иконостас и убранство очень простое». Службы в храме проходили в неделю св. жен. Мироносиц и 2 августа.

Патриаршие келии были в советский период отреставрированы, им возвращен первоначальный декор, сочетающий традиционные формы, характерные для древнерусского зодчества с «московским барокко». Парадные палаты 2-го этажа имеют барочную живописную и лепную отделку 1760-х гг. От конца XVII в. в них сохранилось изображение попугая, клюющего виноград. На 2-м этаже находится поясной портрет патриарха Адриана (XVIII в.).

Иверской иконы Божией Матери собор

К началу XX в. местность вокруг Николо-Перервинского монастыря была уже достаточно заселенной. Рядом с ним проложили железную дорогу. Число посещающих древнюю обитель росло, а храмы ее, сооруженные до середины XVIII в., в праздники не могли вместить всех желающих. По благословению митрополита Московского и Коломенского Владимира (Богоявленского) решено было построить большой собор и посвятить его Иверской иконе Божией Матери. Проект пятиглавого, в русско-византийском стиле грандиозного храма выполнил архитектор П. А. Виноградов — автор известных московских церковных зданий: Епархиального дома, Казанской церкви Рождественского монастыря. Иверский собор задуман был трехпрестольным; главный престол должен был быть посвящен Иверской иконе в память того, что Перервинскому монастырю принадлежала Иверская часовня. Торжество закладки нового собора состоялось 11 июля 1904 г. На время торжества в старый Никольский собор обители из городской часовни был привезен чудотворный Иверский образ Богоматери. После богослужения в основание сооружаемого собора была положена памятная медная доска с надписью.

По проекту предполагалось, что новый собор будет вмещать 3 тыс. чел., а постройка его будет окончена в течение 2-х лет. Трагические события 1905–1906 гг. в Москве и другие обстоятельства затянули сооружение собора, и торжество его освящения состоялось только 7 сентября 1908 г. под праздник Рождества Пресвятой Богородицы. В этот день из Москвы от Иверской часовни двинулся грандиозный многотысячный крестный ход (как писали газеты, в нем приняло участие до 20 тыс. богомольцев), в котором были несены чудотворная Иверская икона, запрестольные образа из кремлевского Чудова монастыря и 94 хоругви из всех московских соборов и кремлевских обителей. В крестохождении участвовало до 150 чел. московского духовенства. Крестный ход прошел по ул. Варварке, мимо Покровского женского монастыря и далее — в Перервинский монастырь. По пути процессии из 24 расположенных в окрестностях храмов под звон колоколов выносили иконы и хоругви, выходило духовенство. Через 6 часов крестный ход достиг подмосковной обители. В новом соборе началось всенощное бдение, а на следующий день, 8 сентября, при громадном стечении богомольцев новый собор был освящен митрополитом Владимиром в сослужении с 3-мя епископами, 15-ю архимандритами, 20-ю членами Московской духовной консистории и 30-ю иеромонахами. За богослужением употреблялись воздухи из золотых кружев с жемчугом — дар монахинь кремлевского Вознесенского монастыря.

Через 2 недели — 21 сентября, в Иверском соборе митрополит Владимир освятил южный придел во имя св. равноап. кн. Владимира. Резной иконостас собора был сооружен Н. А. Соколовым, иконы для него написал придворный иконописец В. П. Гурьянов.

Новый собор был квадратным в плане с равными сторонами в 36 м, венчали его 13 глав (5 больших и 8 малых). Диаметр центральной достигал 13 м. Храм имел паровое отопление, теплый пол, сложную систему отвода конденсата.

Большая заслуга в сооружении одного из самых больших храмов в подмосковных монастырях принадлежала скончавшемуся незадолго до освящения собора архимандриту Викентию.

31 марта 1909 г. митрополит Владимир вновь посетил Перервинскую обитель, где освятил в Иверском соборе левый придел в честь Рождества св. Иоанна Предтечи.

Одновременно с собором была сооружена и красивая, увенчанная зубцами и украшенная поясом декоративных машикулей и ниш стена с 2-мя арочными, увенчанными высокими щипцами воротами.

О жизни собора и его прихода в период гонений в 1920–1930-е гг. известно очень мало. По всей видимости, новый Иверский храм был закрыт одновременно со старым Никольским собором решением Мособлисполкома от 13 сентября 1940 г. В обширном его помещении размещались разные производственные организации, в том числе завод «Станкоконструкция». На фотографии 1952 г. видны главы с ободранной обшивкой и застрявший в обрешетке купола упавший центральный крест. Владевший тогда зданием некий НИИ в ноябре 1952 г. купол с упавшим крестом разобрал. В конце 1960-х гг. при приспособлении собора под заводской цех устроили межэтажные перекрытия, установили тяжелые станки.

Изувеченный Иверский собор стал возрождаться только в сентябре 1994 г., когда на него водрузили шестиметровый деревянный крест. 26 октября того же года, в праздник Иверской иконы, община впервые провела молебен, а 25 апреля 1995 г. тоже в храмовый праздник здесь была отслужена первая литургия. В том же году собор был окончательно передан Московской Патриархии, был составлен проект реставрации, и вскоре начались работы (руководитель коллектива реставраторов Е. Г. Одинец). 15 апреля 1996 г. в очищенный от заводского оборудования собор крестным ходом из восстановленной Иверской часовни была принесена Иверская икона Пресвятой Богородицы. 5 апреля 1998 г. Патриархом Алексием II было совершено освящение восьмиметрового позолоченного креста, который после этого был водружен на главный купол храма. К 100-летию сооружения Иверского собора было закончено труднейшее дело восстановление святыни.

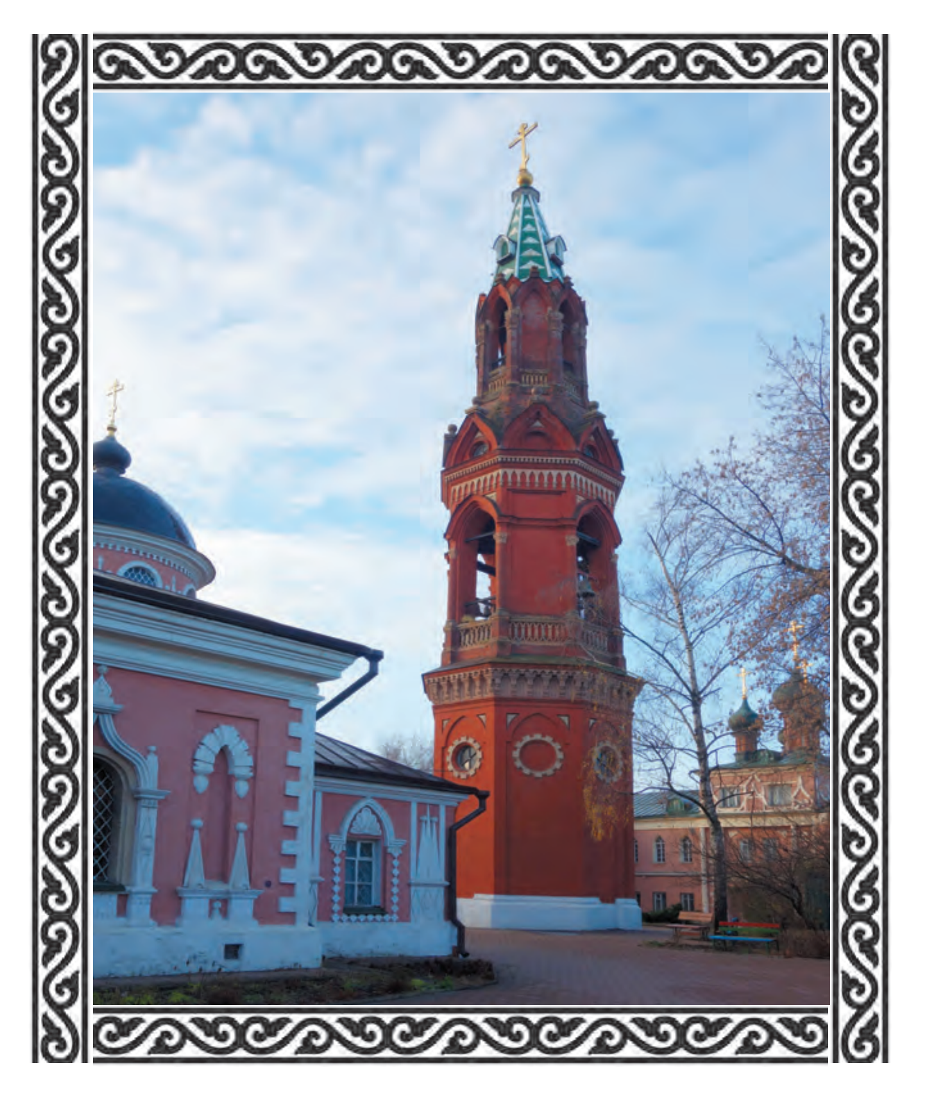
Источники и литература:

1. ГАРФ. — Ф. Р-1235. — Оп. 61. — Д. 152. Переписка с Моссоветом и губисполкомом по заявлениям церковных общин (Л. 58–68. О закрытии трапезной Толгской церкви).
2. *Платон [Левшин], митрополит.* Описание Перервинского монастыря // Вестник Европы. — 1829. — № 2. — С. 171–176.
3. Историческое описание Московского Николаевского Перервинского монастыря… // ЧОЛДП. — 1877. — Октябрь. — С. 91–120.
4. *Никифор И., иеромонах.* Исторический очерк Николо-Перервинского монастыря. — М., 1886. — 81 с.
5. Закладка нового храма в Перервинском монастыре // МЦВ. — 1904. — № 29. — С. 331–332.
6. *Введенский Д.* Из истории Николо-Перервинского монастыря // Там же. — 1908. — № 36. — С. 911–922.

7. *Введенский Д.* По поводу освящения Николо-Перервинского монастыря // МЦВ. — 1908. — № 37.
8. Крестный ход в Перервинский монастырь и освящение соборного Иверского храма // Там же. — С. 940–945.
9. Сорок Сороков : краткая иллюстрированная история всех московских храмов : [в 4 т.] / собр. П. Паламарчук; фот. П. Паламарчука, А. Демченко. — Т. 1. Кремль и монастыри. — М., 1992. — С. 369–376.
10. *Козлов В. Ф.* Собор Иверской иконы Божией Матери Николо-Перервинского монастыря // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Февраль. — М., 1994. — С. 246.
11. *Одинец Е. Г.* Никольский собор Николо-Перервинского монастыря (исследования и реставрация) // Реставрация и исследования памятников культуры. — Вып. IV. — М., 2001. — С. 85–91.
12. *Козлов В. Ф.* Церковь Толгской иконы Божией Матери над северными воротами бывшего Николо-Перервинского монастыря // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Август. — М., 2002. — С. 159–160.
13. *Павлова А. Л.* Иверский собор Николо-Перервинского монастыря в контексте истории отечественной архитектуры // Платоновские чтения: Сб. мат-лов. — № 3. — М., 2006. — С. 76–82.
14. *Рогозина М. Г.* Николо-Перервинский монастырь. Собор святителя Николая Чудотворца Николо-Перервинского монастыря // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Декабрь. — М., 2006. — С. 103–110.
15. Памятники архитектуры Москвы. Окрестности старой Москвы (юго-восточная и южная части территории от Камер-Коллежского вала до нынешней границы города). — М., 2007. (О Николо-Перервинском монастыре. С. 183–193).
16. *Одинец Е. Г.* Иверский собор Николо-Перервинского монастыря. Исследования и реставрация // Платоновские чтения : Сб. мат-лов. — № 4. — 1 декабря 2007. — М., 2008. — С. 55–60.
17. *Афанасьева Н. Е., Архипов С. А.* Николо-Перервинская обитель : краткий исторический обзор. — 2-е изд. — М., 2008. — 52 с.
18. *Леонид (Толмачев), архимандрит.* Епископ Никодим (Казанцев) на покое в Перервинском монастыре (1870–1874 гг.) // Платоновские чтения: Сб. мат-лов. — № 11. — 1 декабря 2014. — М., 2015. — С. 74–87.
19. Николо-Перервинская обитель : краткий исторический обзор / [авт.-сост. С. А. Архипов]. — 3-е изд., испр. и доп. — М., 2018. — 56 с.
20. *Леонид (Толмачев), епископ.* Выдающиеся выпускники Перервы. Сб. статей, воспоминаний и архивных материалов. — М., 2019. — 232 с.

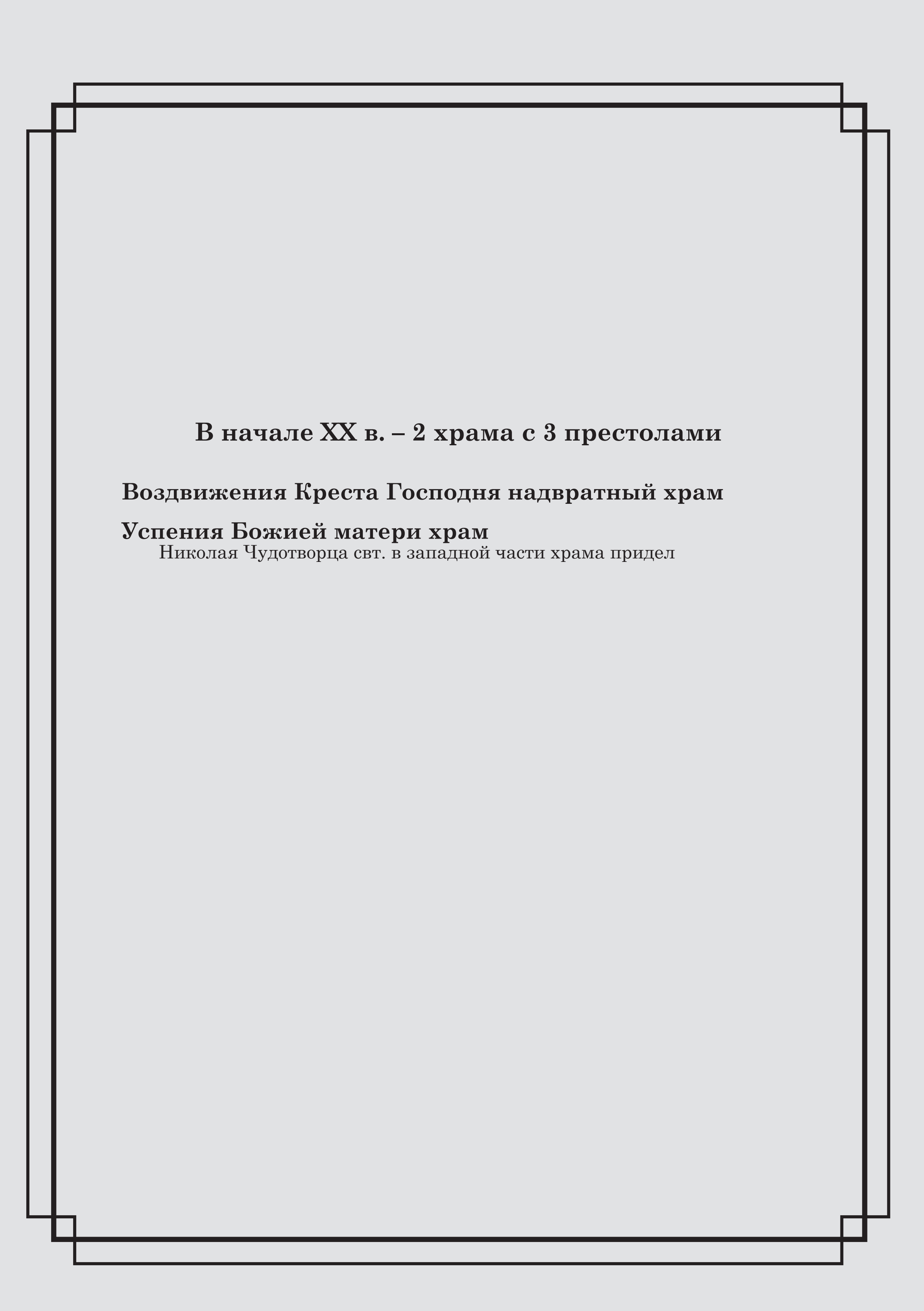

Никольский единоверческий общежительный мужской монастырь

ул. Преображенский вал, д. 25

как монастырь не восстановлен

В начале XX в. – 2 храма с 3 престолами

Воздвижения Креста Господня надвратный храм

Успения Божией матери храм

Николая Чудотворца свт. в западной части храма придел

ИСТОРИЯ ДО 1917 г.

На углу Преображенского вала и Ковылинского пер., ведущего на Преображенское старообрядческое кладбище и на Преображенский рынок, за кирпичной стеной видны строения: надвратная пятиглавая церковь, собор, высокая колокольня, жилые здания. В 1866 –1920 гг. здесь был Никольский единоверческий мужской монастырь. Устроили эту обитель прямо в центре мужского отделения федосеевской старообрядческой общины. История появления на этой территории единоверческого монастыря, изобилует драматичными моментами.

В Преображенском в 1771 г. в разгар чумной эпидемии жившие здесь старообрядцы федосеевского согласия с разрешения московских властей открыли карантин, больницу и кладбище. Староверы поставили к востоку от Камер-Коллежского вала палатки, деревянные постройки. Со временем их заменили каменными зданиями, появились и первые храмы и часовни. Обширное владение федосеевской общины напоминало большой монастырь и делилось на 2 части: Мужской и Женский дворы. В начале XIX в. каждый из них был обнесен каменными стенами с башенками, а весь этот старообрядческий комплекс получил наименование Преображенского богаделенного дома.

На Мужском дворе на основе сложившегося здесь к середине XIX в. ансамбля, включавшего несколько крупных каменных построек, в 1866 г. и был

открыт Никольский мужской единоверческий монастырь. В центре Мужского двора находилась Успенская соборная часовня (1783–1785 гг.) — первое каменное здание Преображенского кладбища. В 1798 г. к востоку от нее были сооружены обширные двухэтажные больничные палаты. В 1805–1807 гг. появилось и второе церковное здание — выходящая на Камер-Коллежский вал (ныне ул. Преображенский вал) надвратная пятиглавая Крестовоздвиженская часовня с корпусом братских келий. Мужской двор был обнесен высокой каменной стеной, внутри которой находились и другие каменные и деревянные постройки хозяйственного назначения. С востока к Мужскому двору примыкал обширный старообрядческий некрополь, в центре которого в начале XIX в. была построена готической архитектуры кладбищенская часовня.

Во время правления императора Николая I гонения на старообрядцев резко усилились. Помимо государства с его административными мерами, против староверов стала активно работать и господствующая Православная Церковь, используя появившееся в 1800 г. единоверие для разрушения старообрядческих общин. В 1853 г. Богаделенный дом передали в ведение Императорского человеколюбивого общества, что означало утрату первым самостоятельности. В том же году был арестован духовный отец и настоятель Преображенского кладбища Семен Кузмич. В начале 1854 г. часть известных прихожан-федосеевцев (Гучковы, Носовы, Гусаревы, Бавыкины, Осиповы и др.) под давлением решила присоединиться к единоверию. Прошение митрополиту Московскому Филарету об основании на Преображенском кладбище единоверческой церкви подписали известные старообрядцы Гучковы, Гусаревы, Шмаковы и др. Они просили устроить в старообрядческой Успенской часовне (моленной) придел во имя свт. Николая Чудотворца. Вскоре последовало высочайшее повеление о передаче новым единоверцам обеих часовен Мужского двора: Успенской соборной и Крестовоздвиженской надвратной. В том же году митрополитом Филаретом в Успенской моленной был устроен и освящен Никольский придел; как единоверческую освятили и надвратную церковь.

Таким образом, в сердце федосеевской общины фактически насильственным, административным путем был создан враждебный старообрядчеству единоверческий приход. Однако вскоре и это показалось недостаточным. Церковные и светские власти Москвы решили здесь, на бывшей мужской половине, организовать полный мужской единоверческий монастырь. Опыт устроения таких обителей уже имелся: в 1862 г. неподалеку от Рогожского кладбища был создан Всехсвятский женский единоверческий монастырь, о котором мы писали выше.

По инициативе митрополита Филарета и с Высочайшего разрешения 16 мая 1866 г. в Преображенском на территории бывшего Мужского двора было совершено торжественное открытие единоверческого монастыря, который по просьбе московских единоверцев и с разрешения императора был назван Никольским в память скончавшегося в 1865 г. наследника царского престола Николая

Александровича (в 1855 г. он посетил единоверческую церковь в Преображенском, а затем прислал в нее образ свт. Николая Чудотворца).

Поводом к организации такого монастыря послужил переход в единоверие в 1865 г. нескольких видных старообрядцев, принадлежавших к Белокриницкой иерархии. Это были 3 епископа: браиловский Онуфрий, коломенский Пафнутий, тульский Сергий, а также другие духовные лица. Они какое-то время как простые монахи жили в Чудовом монастыре в Кремле, а потом стали первыми насельниками новообразованного Никольского единоверческого монастыря.

Первым настоятелем новой московской обители стал известный в старообрядчестве и единоверии Павел Прусский (в миру Петр Иванович Леднев; 1821–1895). Выходец из старообрядческой федосеевской семьи г. Сызрани, он был наставником федосеевской общины, настоятелем Войновского старообрядческого монастыря в Восточной Пруссии. Однако в середине 1850-х гг. он изменил свои взгляды на брак, а в начале 1868 г. присоединился к единоверию и стал известным миссионером и борцом против старообрядчества.

Под настоятельский корпус было выделено небольшое каменное здание, в котором до открытия монастыря жил государственный чиновник-смотритель Преображенского богаделенного дома. До него же в этом доме находилась старообрядческая контора.

Братские келии для монахов были устроены в каменном двухэтажном Больничном корпусе.

В конце 1876–1879 гг. в монастыре у западного входа в Успенский храм появилась высокая стройная колокольня, сооруженная в готическом стиле. Значительную часть средств на постройку колокольни дал известный московский купец и благотворитель Алексей Иванович Хлудов (1818–1882) — крупнейший предприниматель в области хлопчатобумажной промышленности и торговли, известный общественный деятель Москвы. Он перешел в единоверие и одно время был казначеем противораскольнического Братства св. Петра Митрополита. Книжный склад Братства располагался в Никольском монастыре. Тот же А. И. Хлудов по завещанию передал в Никольский единоверческий монастырь замечательное личное собрание рукописных и старопечатных книг. Освящение и открытие для публики этой библиотеки состоялось 17 июля 1883 г. Располагалась Хлудовская библиотека в северном крыле надвратного корпуса обители. Похоронен А. И. Хлудов был в московском Покровском монастыре; могила его не сохранилась. (Подробно историей и судьбой уникальной Хлудовской библиотеки занималась К. А. Смирнова (см. ее статью в «Московском журнале» — 2011. № 4)).

Игумен Павел Прусский настоятельствовал в Никольском монастыре около 20 лет, похоронен он у алтаря монастырского собора. Здесь же в 1905 г. был погребен известный борец со старообрядчеством проф. Н. И. Субботин. Надгробные памятники этим деятелям не сохранились. Новый игумен Иероним был назначен из подмосковного миссионерского Спасо-Преображенского монастыря. Третьим игуменом Никольской обители стал казначей иеромонах Сергий.

Никольский единоверческий монастырь был крупнейшим центром по борьбе со старообрядчеством. В 1887 и 1891 гг. здесь состоялись 2 общероссийских миссионерских съезда, в которых участвовали делегаты практически из всех губерний России. В обители регулярно проводились собеседования со староверами, главной целью которых было обращение их в единоверие или возвращение в лоно господствующей Православной Церкви.

ИСТОРИЯ ПОСЛЕ 1917 г.

Никольский монастырь, как и другие обители Москвы, вскоре после октябрьского переворота 1917 г. лишился юридического статуса, а его 2 храма были переданы общине по договору с Юридическим отделом Моссовета от 25 декабря 1920 г. В 1922 г. обе церкви были взяты на учет Главнаукой Наркомпроса РСФСР как содержащие «древности», которые, как следует из текста охранной грамоты, «…представляют выдающуюся историко-художественную ценность и не могут быть переделываемы и приспособляемы для иных целей». Тем не менее, по инициативе занявших бывшие монастырские помещения рабочих завода «Радио», жаловавшихся на «неудобства» от действовавших храмов, 14 марта 1924 г. Малый Президиум Моссовета принял решение закрыть единоверческие храмы. В жалобе, составленной через 2 месяца, 12 мая 1924 г., из текста которой, помимо прочего, можно узнать и детали религиозной жизни того времени, верующие-единоверцы писали: «…при так называемом "Единоверческом монастыре" существует приход — религиозная община, и здание храма нужно было для удовлетворения религиозных потребностей местного населения. Этот приход существовал издавна, и Крестовоздвиженская церковь никогда не была "домовой" в том смысле, чтобы она обслуживала население дома, лиц, лишь связанных с данным учреждением. Да и самый "Единоверческий монастырь" никогда не был таким замкнутым учреждением, имея в своем составе вместе с архимандритом 5–6 духовных лиц, руководителей верующих особого религиозного толка, так наз[ываемых] "единоверцев", отколовшихся от сектантства, причем приход этот все время увеличивался. С закрытием храмов весь этот "приход" лишается возможности удовлетворять свои религиозные потребности, так как соответствующей религиозной общины и храма того же толка в нашем районе нет, и не имеется его в ближайших районах. Создалось положение, совершенно невозможное в свободной советской стране: религиозные толки, секты, гонимые в старое время, остаются как бы в том же положении и теперь и лишаются храма и возможности удовлетворять религиозные потребности своих членов… Оба упомянутые храмы переданы нам по договору с юридическим отделом Моссовета от 25 декабря 1920 года. Никакого нарушения договора мы не сделали, и таковой остается не расторгнутым. Приход, довольно значительный, остается без храма, так как Петропавловский храм (на Преображенской пл. — *В. К.*), коим рекомендуется пользоваться, совсем не единоверческого толка и к тому же переходит из рук в руки чуждых меж собою групп. Желая охранить в полной мере указанные памятники искусства и старины и принимая на себя обязанности ремонта здания, охраны

и ухода за предметами того требующими, просим Президиум ВЦИКа РСФСР отменить постановление Малого Президиума от 14/III сего года в отношении Успенского храма, о котором мы ходатайствуем — передать его в установленном порядке нашей группе верующих». Под этим документом стоят 9 подписей: В. А. Обливанцева, В. И. Колесникова, А. А. Молчанова, С. Е. Голикова, А. С. Дерюгина, Я. И. Солодова, А. А. Соболева, А. Т. Пухова, И. Е. Сугробова. Все это были жители близлежащих окрестностей монастыря.

Президиум ВЦИК прислушался к доводам верующих и постановил вернуть им закрытую Успенскую церковь. Но несмотря на это храм оставался закрытым, и верующие в июле 1924 г. вновь написали во ВЦИК жалобу, заканчивающуюся словами: «Для нас крайне непонятно, как Административный Отдел, несмотря на постановление ВЦИК, тормозит передачу храма группе верующих. Настоящим группа Единоверцев вновь обращается к ВЦИК как к Высшему Государственному Органу сделать повторное распоряжение Административному Отделу о немедленной передаче храма группе верующих, единоверцев». Тогда, в 1924 г., власти отступили и вернули единоверческой общине Успенский храм. О жизни общины во второй половине 1920-х гг. почти ничего не известно. Видимо, она прекратила свое существование в конце 1920-х гг., и в Успенский храм в 1930 г. неожиданно вернулись старообрядцы — сюда перешла община закрытого поморского храма в Токмаковом пер. В литературе есть сведения, что в Успенском храме в 1930-е гг. существовала религиозная община обновленцев, а в 1940 г. ее сменила уже община Московской Патриархии. Таким образом, со времени основания в Преображенском в 1771 г. старообрядческой общины, здесь, на территории ее Мужского двора пребывали разные православные конфессиональные группы: старообрядцы (старопоморцы-федосеевцы), единоверцы, обновленцы, старообрядцы-поморцы, православные РПЦ.

Несмотря на утраты некоторых памятников (каменной ограды — она восстановлена лишь частично; некрополя на территории бывшего монастыря) ансамбль Мужского двора, где в течение около 70 лет размещался единоверческий монастырь, а потом единоверческая община, хорошо сохранился.

В 1977–1980 гг. под руководством И. К. Русакомского отреставрирована колокольня и восстановлена часть стен бывшего единоверческого монастыря.

В связи с исчезновением с исторической сцены единоверия как официального течения Православной Церкви, нацеленного на борьбу со староверием, речь о возрождении единоверческих монастырей, в том числе и Никольского, не идет (сегодня в Москве существуют лишь 3 единоверных по сути храма). На исторической территории Преображенского кладбища с 1993 г. находится Совет приходов Преображенского монастыря, объединяющий приходы беспоповских федосеевской-старопоморской, поморской общин и РПЦ. Большая часть бывшего Мужского двора, где в 1860-х — 1920-х гг. размещался Никольский единоверческий монастырь, ныне возвращена историческим владельцам — старообрядцам-беспоповцам.

Успения Божией Матери собор

Сам храм, пожалуй, с самой необычной, одновременно и драматичной, и счастливой судьбой является старейшим среди всех храмов и моленных Преображенского кладбища. Он никогда не закрывался, и под его сводами молились верующие 5 православных конфессиональных направлений.

Первое молитвенное здание на Преображенском кладбище представляло собой шалаш с помещенными в нем иконами; его сменила увенчанная восьмиконечным крестом деревянная изба. Полагают, что каменное здание Успенской соборной часовни было сооружено по устному разрешению московского главнокомандующего З. Г. Чернышева в 1782–1785 гг. Источники свидетельствуют, что соборная часовня устроена была по почину основателя кладбища И. А. Ковылина, и что сооружение ее в виде церковного здания с колокольней было уникальным случаем в истории беспоповского храмостроительства в XVIII в. Известна легенда о том, как староверы получили разрешение на сооружение храма: старообрядец И. А. Позументщиков просил императрицу Екатерину II разрешить построить часовню для карантина — императрица промолчала, а Позументщиков принял это молчание за согласие.

Каменное церковное здание сооружено в стиле классицизма, белокаменное же его убранство выполнено в стиле готическом, в чем-то напоминающем элементы допетровской архитектуры. Ранние исследователи приписывали авторство этого сооружения знаменитому зодчему В. И. Баженову, однако современному историку архитектуры И. К. Русакомскому удалось доказать, что Успенский храм, как и большинство построек старообрядческого Преображенского кладбища, был сооружен по проекту архитектора Ф. К. Соколова. Оригинальна полукруглая невысокая колокольня, по бокам от нее — 2 входа в храм через 2 каменные «палатки». Полагают, что это устройство связано с первоначальной идеей раздельного входа для мужчин и женщин.

В середине XIX в. под сильным административным нажимом властей и в связи с переходом части старообрядцев-прихожан в единоверие соборная часовня была обращена в единоверческий храм.

В Успенской часовне алтаря не было (беспоповцам он не нужен), поэтому на северной стороне трапезной был устроен Никольский придел (в память императора Николая I) с алтарем, освященный 3 апреля 1854 г. митрополитом Московским Филаретом по старопечатным книгам и обрядам. На торжестве присутствовали все первые лица города: губернатор, обер-полицмейстер, полицмейстер, и значительное число верующих. К Успенской моленной пристроили каменный алтарь, в котором был освящен 2 июня 1857 г. митрополитом Филаретом престол во имя Успения Пресвятой Богородицы. Как и в апреле 1854 г., владыка был в древнем омофоре, с панагией патриарха Иова, с наперсным крестом митрополита Московского и всея Руси Макария и с посохом московского святителя Алексия. Все эти православные реликвии дониконовского периода должны

были привлечь в единоверческие храмы старообрядцев. Тогда же шарообразная главка на храме была заменена на крупный световой барабан с луковичной главой (архитектор А. О. Вивьен).

В 1866 г. в связи с созданием на территории бывшего Мужского двора единоверческого мужского Никольского монастыря Успенский храм получил статус монастырского. В нем находилось более 270 икон, многие из них представляли значительную историко-художественную ценность. Современники отмечали, что в Успенском храме было множество «древних икон корсунского, новгородского, строгановского, московского и других школ письма, между ними есть иконы царских иконописцев, оцениваемые в десятки тысяч рублей. Для любителя древней иконописи это собрание представляет немало любопытного, и обозрение желающим очень доступно». В алтаре Успенской церкви находились древние образа XVI в., поступившие сюда из московских моленных. Замечателен был наполненный старинными иконами пятиярусный иконостас храма.

Существует несколько описаний конца XIX в. внутреннего вида Успенского храма. Из них узнаем, что в алтаре выделялись 3 замечательные иконы: Спаса Нерукотворного на горнем месте новгородского письма XVI в.; Божией Матери «Голубицы» XV в. с изображением Младенца-Христа с голубем в руках; Владимирская Божией Матери XVI в. с изображениями по бокам Четырех Московских святителей. Эти образа поступили из бывшей московской Озерковской федосеевской моленной. Много древних икон находилось в пятиярусном широком иконостасе, который сравнивали с иконостасом Большого Успенского собора в Кремле. По некоторым сведениям, древние образа 1-го яруса иконостаса: Христа, Благовещения Божией Матери, Страстной Божией Матери, Рождества Христова, Смоленской Божией Матери Одигитрии, Иоанна Крестителя, Успения Божией Матери и другие (все XIV–XVI вв.), поступили в храм из церкви св. Анастасии на Неглинной, сооруженной царицей Анастасией — супругой Иоанна Грозного. Современники отмечали и другие древние иконы, расположенные за клиросами: Владимирскую Божией Матери греческого письма XIV в.; Спаса Нерукотворного XIII в.; Одигитрии Смоленской строгановского письма XVII в.

В первые годы советской власти Никольский единоверческий монастырь был упразднен, и собор стал, как и в 1854–1865 гг., приходским храмом единоверческой общины. Он был взят на учет как представляющий «выдающуюся историко-художественную ценность» Музейным отделом Главнауки Наркомпроса РСФСР. В марте 1924 г. Моссовет попытался закрыть Успенский храм, однако благодаря настойчивости общины Президиум ВЦИК вернул храм верующим. В том же году часть уникальных памятников забрали в госхранилище музейные сотрудники. Однако, по всей видимости, в конце 1920-х гг. единоверческая община ушла из храма, а в него в 1930 г. перевели общину старообрядцев-поморцев из закрытого Воскресенского-Покровского храма в Токмаковом пер. Позже в отгороженной части храма обосновались обновленцы, а в 1940-е гг. их сменила община РПЦ.

Сегодня под одной крышей церковного здания находятся 2 православные конфессии: в основной части (Успенском храме) — старообрядцы поморского согласия, в западной части (Никольском храме) — верующие общины РПЦ. В Никольском храме, так же как и в Успенском, — много старинных святынь, в их числе — датированные XV–XVI вв. царские врата, иконы «Тайная Вечеря», София Премудрость Божия, Акафистная.

В 2002 г. поморцы к северному входу своей части храма пристроили стилизованный в псевдо-готическом стиле тамбур, а в 2015 г. недалеко от храма установили памятный крест в честь Пустозерских мучеников и всех пострадавших за Старую веру.

Воздвижения Креста Господня надвратный храм

В западной части старообрядческого Мужского двора в начале XIX в. был выстроен проездной 2-этажный каменный корпус Мужского общежития. Посредине корпуса над воротами в 1806–1809 гг. соорудили двухсветную увенчанную пятиглавием зимнюю (отапливаемую) Крестовоздвиженскую часовню. Часовня эта считалась устроенной по примеру часовен северного поморского Выгорецкого монастыря. Выходящий на Камер-Коллежский вал фасад ворот и надвратной часовни украшен парами узких белокаменных колонок и белокаменными накладными кругами и ромбами; в верхнем ярусе — белокаменный рельефный трехчастный декор сложного рисунка с нишей киота для иконы в центре (единый рисунок декора частично нарушен пробитыми окнами). Композиция эта в целом повторяет декор притвора Архангельского собора Московского Кремля (притвор был сооружен в XVIII в. по проекту М. Ф. Казакова, разобран в 1920 г.)

Крестовоздвиженская часовня почти одновременно с соборной Успенской была обращена в единоверческую церковь. 19 декабря 1854 г. митрополит Филарет освятил ее в единоверческую с прежним именем. При освящении, как и в случае с Успенским храмом, была соблюдена свойственная староверам старинная обрядность. Митрополит был облачен в древний греческий омофор, на нем была панагия первого русского патриарха Иова, старинная митра, а в руках служивших с ним священников были лестовки (четки).

В 1866 г. при устроении на бывшем Мужском дворе Никольского единоверческого монастыря Крестовоздвиженский храм стал вторым храмом новой обители. В нем сохранялись старинные образа. П. В. Синицын в своей книге о Преображенском перечисляет, в частности, наиболее замечательные из них: «1) Распятия Христова (храмовый), 2) Успения Божией Матери, так называемого облачного, 3) преподобного Сергия с деяниями, 4) Рождества Богородицы тоже с деяниями, 5) Мирожская икона Божией Матери (копия с чудотворной иконы, находящейся в Мирожском монастыре, близ Пскова), Царские двери и у оных местный образ Спасителя (древние) пожертвованы бывшим в то время церковным

старостой А. Сорокиным». Эти царские врата изначально находились в храме Новгородского Юрьева монастыря. В алтаре Крестовоздвиженского храма на горнем месте помещались иконы новгородского письма, переданные известным членом федосеевской общины Н. Гусаревым.

В 1855 г. в нижнем этаже надвратного корпуса было открыто детское мужское училище, содержащееся на средства монастыря. В помещении, примыкающем к воротам, с 1883 г. размещалась завещанная монастырю уже упоминавшаяся нами известная библиотека древнерусских рукописей и старопечатных книг.

Храм был закрыт Постановлением Президиума Моссовета 14 марта 1924 г., и его помещение использовалось под жилье, конторы и в иных целях. Было уничтожено пятиглавие, в верхней части храма пробиты окна, разрушившие единый белокаменный декор (о чем мы уже писали). В 1950–1960-е гг. утрачена и кованая решетка ворот с уникальным рисунком.

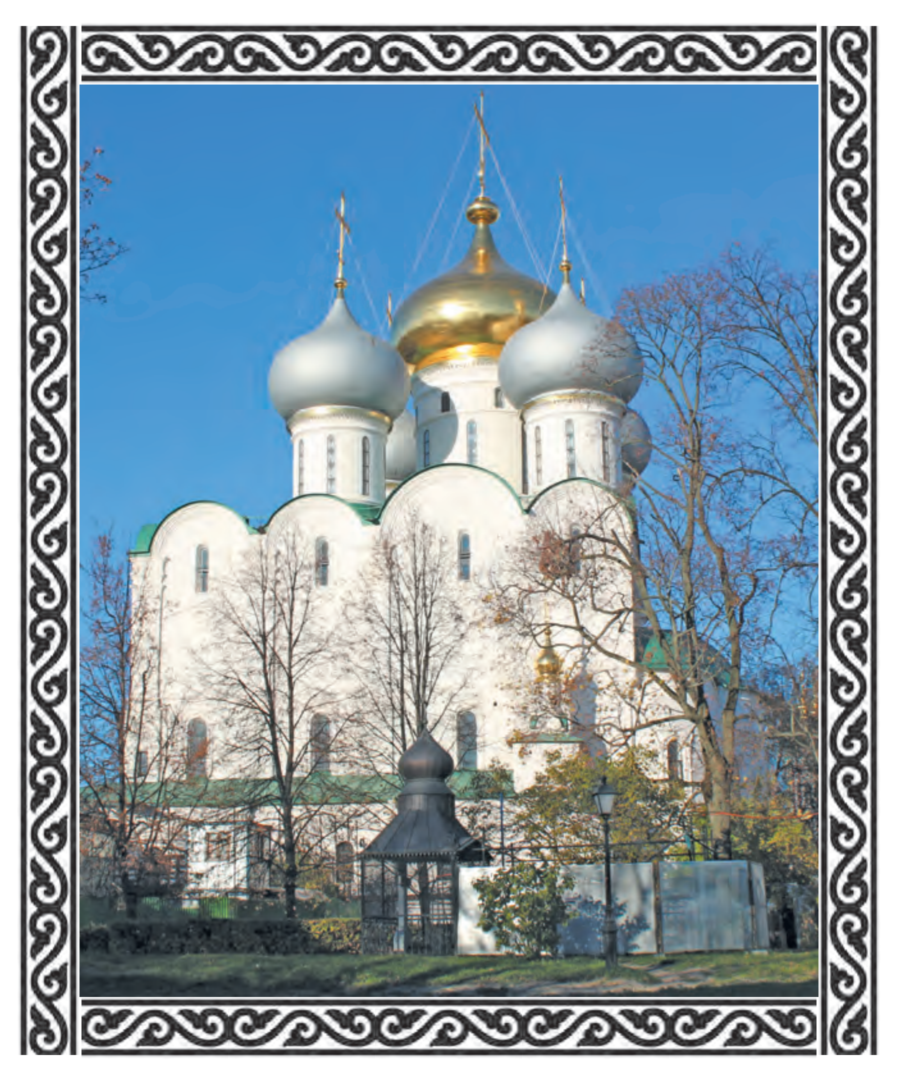
В начале 2000-х гг. на здании ворот была установлена вывеска иконописной мастерской. Пятиглавие надвратного храма ныне восстановлено. В 2010-е гг. его здание передали старообрядческой общине, однако богослужения не возобновлены. В помещениях под храмом община намерена открыть музей истории старообрядческого Преображенского.

Источники и литература:

1. ГАРФ. — Ф. Р-1235. — Оп. 65. — Д. 315. Переписка о неправильном закрытии церквей, часовен. — Т. 1. 1929 г. — Л. 352–353.
2. ЦГАМО. — Ф. 4341. — Оп. 1. — Д. 249. Антирелигиозный музей искусств. — Л. 38–39.
3. Об открытии Никольского единоверческого монастыря в Москве : (Историческая записка) / сост. Филарет // Братское слово. — 1897. — № 2. — С. 242–269.
4. Открытие в Москве единоверческого монастыря на Преображенском кладбище // Странник. — 1866. — № 6. — С. 126–138.
5. *Сорокин А.* Сведения о Московском Никольском мужском единоверческом монастыре. — М., 1883. — 16 с.
6. Старина Московского Преображенского единоверческого монастыря // Древняя и новая Россия. — 1877. — № 11. — С. 283.
7. *Сорокин А.* Торжество в Московском единоверческом Никольском монастыре, 7-го мая 1878 года по случаю поднятия колоколов на новоустроенную в нем колокольню // Истина. — 1878. — Май/Июнь. — С. 1–23.
8. *Сорокин А.* Открытие библиотеки в Московском единоверческом Никольском монастыре // Там же. — 1883. — Июль/Август. — С. 1–4.
9. *В. О-в, священник.* К описанию Московского Никольского единоверческого монастыря // МЦВ. — 1902. — № 7. — С. 91–93.
10. *В. О-в, священник.* Никольский единоверческий монастырь // Там же. — № 38. — С. 444–445.
11. *Русакомский И. К.* Ансамбль за Преображенской заставой конца XVIII — начала XIX в. // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. — М., 1985. — С. 148–169.
12. Сорок Сороков : краткая иллюстрированная история всех московских храмов : [в 4 т.] / собр. П. Паламарчук; фот. П. Паламарчука, А. Демченко. — Т. 1. Кремль и монастыри. — М., 1992. — С. 333–342.

13. *Синицын П. В.* Преображенское и окружающие его места, их прошлое. — М., 1997. — 288 с.
14. Сказание о Московском Преображенском монастыре : Из истории монастыря в свидетельствах и документах XVII–XX вв. / сост. В. В. Гуськов. — Ч. II. — М., 2000. — 232 с.
15. Преображенское : Сб. статей / Под ред. Ю. Н. Соловьевой. М., 2002.
16. Памятники архитектуры Москвы. Окрестности старой Москвы. — М., 2007. (об ансамбле старообрядческого Преображенского кладбища — С. 41–49).
17. *Смирнова К. А.* Библиотека А. И. Хлудова в Преображенском : о судьбе этого уникального частного собрания древних русских книг и рукописей // Московский журнал. — 2011. — № 4. — С. 23–31.
18. *Игнатова Т. В.* К вопросу о передаче Мужской половины Преображенского богаделенного дома единоверцам // Первые историко-краеведческие научно-просветительные Преображенские Ковылинские чтения «Историческое, культурное и духовное наследие Преображенского» (Москва, 10 октября 2014 г.) : сб. мат-лов / отв. ред. В. Ф. Козлов, сост. А. Г. Смирнова. — М., 2017. — С. 57–66.
19. *Дурнов А. Г.* Некоторые факты из истории строительства Успенского соборного храма староверческого монастыря в Преображенском // Третьи Ковылинские Преображенские чтения (Москва, 28 октября 2021 г.) : сб. мат-лов. — М., 2021. — С. 137–145.
20. *Козлов В. Ф.* Москва старообрядческая. История. Духовные центры. Наследие. — Изд. 2-е, доп. и перераб. — М., 2021. (Об истории и храмах Никольского единоверческого монастыря — С. 588–598).
21. *Смирнова К. А.* Православные памятники исторических территорий Москвы : Преображенского, Черкизова, Богородского, Семеновского и Благуши : аннотир. справочник. — М., 2021. (О Никольском единоверческом монастыре — С. 75–81).

Новодевичий (Богородице-Смоленский) ставропигиальный женский монастырь

Новодевичий пр., д. 1

В начале XX в. – 6 храмов с 13 престолами

Амвросия Медиоланского свт. домовый (больничный) храм

Варлаама и Иоасафа царевича прпп. в колокольне храм (двухъярусный)
Григория Богослова свт. верхний храм (во втором ярусе колокольни)
Варлаама и Иоасафа царевича прпп. в нижнем ярусе придел

Смоленской иконы Божией Матери Одигитрии собор
Прохора и Никанора свв. апп. придел
Софии, Веры, Надежды и Любови свв. мцц. придел
Чуда Михаила архангела св. придел

Спаса Преображения надвратный (над северными воротами) храм

Покрова Пресвятой Богородицы надвратный (над южными воротами) храм

Успения Божией Матери трапезный храм (двухъярусный)
Иакова Алфеева св. ап. в нижнем ярусе придел
Иоанна Богослова св. в нижнем ярусе придел
Сошествия Святого Духа в верхнем ярусе придел

ИСТОРИЯ ДО 1917 г.

Новодевичий монастырь — одна из самых великих православных святынь Москвы и памятник многих замечательных и драматичных страниц русской истории. По обширности территории, наличию первоклассных архитектурных памятников обитель и сегодня считается важнейшей достопримечательностью не только Москвы, но и России. В 2004 г. ансамбль Новодевичьего монастыря включен в список памятников Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

Основан монастырь 8 мая 1524 г. великим князем Василием II Иоанновичем и посвящен чудотворной Смоленской иконе Божией Матери Одигитрии (Путеводительницы). Этот образ был точным списком со знаменитой византийской иконы и особо почитался в Смоленске.

В 1398 г. супруга великого князя Василия I Дмитриевича Софья Витовтовна ездила в Смоленск для свидания со своим отцом великим князем Литовским Витовтом. При расставании князь Витовт отпустил с нею Смоленскую икону Божией Матери. В Москве этот образ поместили в кремлевский Благовещенский собор, а в 1456 г. по просьбе жителей Смоленска икону вернули в родной город, оставив в московском соборе точную копию. В 1514 г. великий князь Василий III Иоаннович возвратил Смоленск под свою державу. Перед походом на Смоленск князь дал обет в случае успеха «...поставить на Москве на посаде девичий

монастырь, а в нем храмы во имя Пречистыя да Происхождения Честного креста и иные храмы». Через 10 лет во исполнение обета Василий III в трех верстах от Кремля на месте, где еще в 1456 г. москвичи провожали в Смоленск чудотворный образ, устроил Новодевичий монастырь. Новым его назвали по отношению к уже существовавшим в Москве женским обителям: Алексеевской и Вознесенской. На пожертвованные великим князем средства были срублены келии, трапезная, возведена деревянная ограда. 28 июля 1525 г. сюда из Благовещенского собора Кремля торжественным крестным ходом перенесли почитаемый список Смоленской иконы Божией Матери. Это крестохождение стало ежегодным и пользовалось у москвичей особым почитанием.

Первой настоятельницей обители была поставлена призванная из Суздаля схимонахиня Елена (Девочкина; †1547). Из Суздаля же прибыли в Новодевичий и первые 18 монахинь. Новый монастырь особо почитался царским домом. Великий князь Василий III и затем его сын — царь Иван Грозный, оказывали обители всяческую помощь вкладами, земельными владениями и освобождавшими от налогов грамотами. Очень быстро, всего за 14 месяцев, в камне был построен напоминавший обликом кремлевские соборы главный монастырский храм во имя Смоленской иконы Божией Матери. Его освятили уже к престольному празднику — 28 июля 1525 г. При Иване Грозном собор реконструировали, в обители построили еще 2 каменных храма: в честь Рождества Пресвятой Богородицы и Иоакима и Анны (обе церкви не сохранились). В 1549 г. в обители крестили дочь Ивана Грозного Анну, а через год там же ее и похоронили. Со времен Ивана Грозного здесь стали постригать представительниц царского рода. Первой из них приняла в 1564 г. постриг супруга князя Юрия Васильевича, брата Ивана Грозного, Иулиания Дмитриевна, урожденная Палецкая (в инокинях Александра). Здесь же в 1582 г. постригли вдову убиенного сына Ивана Грозного царевича Ивана Елену Ивановну Шереметеву.

В конце XVI в. Новодевичий монастырь переживал свой расцвет, связанный с эпохой возвышения Годуновых. После смерти царя Федора Иоанновича в 1598 г. в Новодевичий монастырь удалилась и приняла пострижение супруга его Ирина Федоровна Годунова, став инокиней Александрой. С января по апрель 1598 г. здесь жил брат царицы Борис Годунов. Здесь же народ и Патриарх Иов, принесши чудотворную Владимирскую икону Божией Матери, просили Бориса Годунова принять московский престол. При царе Борисе монастырь был капитально перестроен, расписан собор, в нем поставлен новый высокий иконостас. Для вдовствующей царицы-инокини перестраиваются келии княгини Ульяны, и при них возводится домовый храм во имя св. Иоанна Предтечи (в 1770 г. переосвящен во имя свт. Амвросия Медиоланского). Тогда же появилась и каменная ограда с башнями, и обитель превратилась в крепость-заставу на западных подступах к Москве. Здесь расположили стрелецкий гарнизон.

В конце XVI — начале XVII в. в Новодевичьем монастыре числились 122 старицы, из которых 20 были знатного происхождения — «княгини и боярыни» Беклемишевы, Вельяминовы, Мещерские, Плещеевы, Пронские, Ростовские, Шереметевы и др. Некоторые из них имели свои обширные келии и даже палаты со

слугами. В значительной степени это привело к замене строгого общежительного устава на более свободный особножительный.

Богатый монастырь оказался в центре событий Смуты начала XVII в. В 1605 г. по приказу Лжедмитрия была изъята монастырская казна, а во время Московской осады 1610–1612 гг. обитель переходила из рук в руки, ее разоряли и поляки, и казаки. Под монастырем произошло 21 августа 1612 г. сражение русского ополчения с поляками. В правление Лжедмитрия I в обители проживала царевна Ксения Годунова, позже монашествовали вдова царя Василия Шуйского царица Мария Петровна Буйносова-Ростовская (в иночестве Елена) и мать царя Михаила Федоровича Романова (основоположника царской династии Романовых; 1613–1645 гг.) Ксения Ивановна Романова (в иночестве Марфа; великая старица Марфа). В монастыре приняла постриг дочь царя Михаила Федоровича Татьяна Михайловна.

Новодевичий монастырь быстро восстановился при первых Романовых: богомольных царях Михаиле Федоровиче и его сыне Алексее Михайловиче (1645–1676 гг.). Обитель в 1650–1660-х гг. посещали и служили в монастырском соборе патриархи: Антиохийский Макарий, Александрийский Паисий, Сербский Иоаким. Потрясенный благолепием обители сын Антиохийского Патриарха диакон Павел Алеппский оставил восторженное ее описание. В Новодевичий монастырь царем Алексеем Михайловичем был дарован почитаемый, написанный в 1648 г. на Афоне список Иверской иконы Божией Матери.

Яркой страницей в истории Новодевичьего монастыря середины XVII в. явилось переселение в него после войны с Польшей (1654–1656 гг.) около 300 монахинь Кутеинского монастыря из-под белорусского г. Орши. Инокини привезли в московскую обитель много икон, церковных книг, предметов утвари. Кутеинские старицы оказали большое влияние на развитие монастырского книжного дела, иконописи, декоративно-прикладного искусства, монастырского быта вообще. С середины XVII в. и до 1770-х гг. игумении Новодевичьей обители выбирались только из «кутеинских стариц».

Самый же яркий период в истории Новодевичьего приходится на годы правления сестры Петра I царевны Софьи Алексеевны (1682–1689 гг.). Она стремилась превратить монастырь в придворную загородную обитель, делала богатые вклады. При ней обитель считалась среди женских монастырей России второй по богатству после кремлевской Вознесенской. В 1689 г. Новодевичий монастырь стал местом ее заточения, а в 1698 г. Софья была пострижена здесь с именем Сусанны. Спустя 5 лет инокиня приняла схиму под именем Софья (†1704). Именно при Софье в монастыре развернулось невиданное строительство, в результате Новодевичий приобрел новый облик. Возведены были 3 храма: трапезный пятиглавый Успенский (1684–1687 гг.), надвратные Преображенский и Покровский (1683–1688 гг.), высокая многоярусная колокольня (1689–1690 гг.) с 2-мя храмами на разных ярусах. Были укреплены и украшены построенные при Борисе Годунове стены (длиной в 870 м) и 12 башен: Напрудная, Никольская, Чеботарная, Сетунская, Лопухинская, Царицынская, Иоасафовская, Швальная, Покровская, Предтеченская, Затрапезная, Саввинская.

Возросшее стратегическое значение монастыря, заселение его знатными затворницами требовали размещения на его территории большого гарнизона. В 1680–1690-х гг. к 4-м угловым башням пристроили одно- и двухэтажные здания стрелецких караулен. Так появились корпуса при Сетунской, Чеботарной, Никольской, Напрудной башнях. В корпусе при последней башне в 1698 г. находилась в заключении царевна Софья.

В конце XVII — начале XVIII в. в Новодевичьем монастыре пребывали и принявшие постриг дочери царя Алексея Михайловича царевны Мария Алексеевна и Екатерина Алексеевна, для удобного проживания которых были в 1680-х гг. сооружены Палаты у северных ворот (так называемый Лопухинский корпус; в нем в 1727–1731 гг. жила также первая жена Петра I Евдокия Федоровна Лопухина) и Палаты царевны Марии Алексеевны. Считается, что в последних некоторое время находилась и царевна Софья. В это же время в монастыре появились скромные одноэтажные здания келий у Швальной башни и колокольни и у южной стены (Погребные палаты), Казначейский корпус для игумении и Больничные палаты.

Таким образом, за два последних десятилетия XVII в. в Новодевичьем монастыре были построены многие здания культового, административно-хозяйственного и жилого характера. Как отмечают современные исследователи, «...благодаря изобилию декора, примененного в архитектуре вновь построенных зданий, коренным образом изменился характер комплекса: былая его аскетичность растворилась в необычайной декоративности башенных завершений и в изысканности силуэтов новых дополнительных вертикалей — надвратных храмов и колокольни. Именно они определили выразительность облика монастыря снаружи». Нарышкинский стиль новых храмов и башен придал ансамблю необычайную нарядность и живописность. В XVIII и XIX вв. новых значительных построек в обители почти не появилось. Из сооружений этого периода упомянем одноэтажный большой Певческий (бывший братский) корпус постройки 1718–1726 г. и похожий на обычный жилой особняк корпус Филатьевского училища (приюта).

Во многом благодаря энергии и амбициям царевны Софьи Алексеевны Новодевичий монастырь оказался в центре бурной политической жизни России. Затеяв в 1680-х гг. активное переустройство своей любимой загородной резиденции, Софья Алексеевна часто приезжала в монастырь на богомолье с Патриархом Иоакимом, царем Иваном. Поддерживавшая мятежных стрельцов правительница России после подавления стрелецкого бунта 1689 г. по приказу молодого Петра Алексеевича была помещена в Новодевичью обитель. Через 10 лет, после разгрома очередного стрелецкого бунта, царевна Софья при игумении Памфилии (Потемкиной) была насильственно пострижена в монахини под именем Сусанны. Петр I у стен обители под окнами покоев Софьи устроил 193 виселицы с казненными стрельцами. Царевна-инокиня прожила после этого несколько лет, скончалась 3 июля 1704 г. и была погребена в усыпальнице Смоленского собора. Режим в Новодевичьей обители ужесточили. В начале XVIII в. здесь продолжали жить царевны-монахини, сестры Софьи, Евдокия (†1712)

и Екатерина (†1718), сюда же, как упоминалось, в 1727 г. поселили и царицу-инокиню Евдокию Лопухину.

В начале XVIII в., по отзывам иностранцев, в монастыре подвизалось 300 монахинь. В 1724 г. был учрежден «сиротский корпус» — богадельня для приема и содержания подкидышей и беспризорных детей женского пола, рассчитанная на 250 чел. Для их обучения шитью и плетению кружев были выписаны наставницы из Европы. Помимо этого, в обители открыли приют и больницу для старых воинов. Вообще секуляризационный XVIII в. оказался нелегким для большого хозяйства обители. В 1763 г. в монастыре числилось 136 монахинь, 16 духовников, 9 воспитательниц и 20 призреваемых в богадельне. В собственности обители находилось более 150 тыс. десятин земли в 27 уездах России, около 15 тыс. душ крепостных. Всего этого монастырь лишился по реформе 1764 г., получив от казны денежное содержание только на 70 монахинь. Но в списке первоклассных женских монастырей обитель числилась по-прежнему второй после кремлевского Вознесенского монастыря. Прошло лишь несколько лет, и печально известная эпидемия чумы 1771 г. буквально выкосила обитель — в живых осталось лишь 7 инокинь. Памятником тех событий явился домовый храм при Ирининских палатах, возобновленный в 1770 г. архиепископом Московским Амвросием (Зертис-Каменским), вскоре после этого убитым чернью во время Чумного бунта. Сильный урон монастырю нанес пожар 14 мая 1796 г., когда пострадали Успенская и Амвросиевская церкви, хозяйственные и жилые постройки.

Через 16 лет после пожара Новодевичья обитель была разорена разместившимися в ней французскими солдатами. Этому предшествовали события 26 августа 1812 г., когда в день Бородинского сражения вывезенный из Смоленска чудотворный Смоленский образ Богоматери обнесли вокруг Новодевичьего монастыря, а затем 31 августа его и Смоленскую икону из Новодевичьего вместе с другими церковными ценностями эвакуировали в Ярославль и Вологду. В сентябре — начале октября 1812 г. в обители разместился полк французов, там же были устроены склады провианта и фуража. Отступая, французы попытались взорвать собор, трапезный храм и колокольню. Лишь благодаря бесстрашию монахини Сарры и других инокинь, сумевших загасить 9 октября подожженные неприятелем фитили у бочек с порохом, обитель была спасена. С 1813 г. по распоряжению архиепископа Августина в воспоминание этого события ежегодно 9 октября совершался крестный ход вокруг монастыря. Также в память этого в Успенской церкви был устроен придел в честь св. апостола Иакова Алфеева (9 октября — его памятный день). Еще один исторический крестный ход совершался ежегодно 13 мая на колодезь «Вавилон» в память основания обители.

В XIX в. в обители находились 2 учрежденные Нефедьевой и П. М. Губиным богадельни для престарелых монахинь, в каждой призревалось по 12 чел. В 1871 г. вдова и дочь похороненного на кладбище сенатора В. И. Филатьева построили недалеко от колокольни двухэтажный корпус, в котором разместилось Филатьевское училище для девочек. В монастыре в 1892 г. был устроен и Елисаветинский приют для малолетних девочек-сирот.

В 1908 г. Новодевичий монастырь возглавила опытная 71-летняя игумения Леонида (Озерова).

Велик вклад новодевичьих монахинь в помощь воинам и фронту в годы Первой мировой войны. 20 насельниц стали сестрами милосердия в госпиталях, другие занимались пошивом солдатского белья, организацией посылок в действующую армию.

ИСТОРИЯ ПОСЛЕ 1917 г.

Об испытаниях монашеской общины Новодевичьего монастыря в первые послереволюционные годы известно мало. Некоторые сведения об этом можно найти благодаря информации, содержащейся в рукописном альбоме 1921 г. московских школьниц, подаренном в 1990-е гг. заведующей филиалом ГИМ «Новодевичий монастырь» Н. Ф. Трутневой. Как известно, в начале 1918 г. власти юридически закрыли монастыри и стали активно их заселять рабочими, служащими и учащимися. Так весной 1918 г. в Новодевичий монастырь вселили 200 курсантов Наркомпроса РСФСР. По словам монахинь, новые жители совершенно не считались с монастырским уставом и вообще с правилами приличия и часто, когда в храмах совершались богослужения, громко пели песни и играли на балалайке. К лету 1919 г. курсанты выехали из монастыря, а на их место вселили до 300 переведенных из Петрограда семейных рабочих Экспедиции заготовок государственных бумаг. Эти рабочие, как вспоминали инокини, «…живут тихо, никого ничем не беспокоят, большинство ходят в церковь». Вот, что еще писали школьницы о тех годах со слов избранной в 1919 г. самими монахинями новой игумении Веры (Победимской) и казначеи Агнессы: «Материально монастырю жилось тоже очень тяжело. По мере сокращения запасов общая трапезная была уничтожена, и скоро стало совсем не на что жить. Многие стали ездить в деревню, чтобы привезти что-нибудь... Можно сказать, что [19]18–[19]19-ый годы были самыми тяжелыми годами в жизни монастыря. За это время умерло 18 человек… Огороды были отняты. [19]19-го г. весной они уже не обрабатывали их, и это лишило их последней поддержки. К [19]20-му г. положение в монастыре несколько улучшилось. К этому времени все монастырское население было организовано в союзы художественных вышивок, работающих на куст[арную] пром[ышленность] и огородниц. Кроме работы на организации монахини брали частные заказы по шитью и по вышиванию… Уехавшие сестры начинают понемногу возвращаться обратно в монастырь, но многим из них приходится временно отказывать, так как помещения нет… К настоящему времени мы встречаем в монастыре два домовых комитета, один — объединяющий монахинь, другой — рабочих. В монастыре получили трудовые книжки, в которых они значатся своим мирским именем. Всего монахинь раньше было около 300 человек, в настоящее время около 200, не вернувшихся считают 20–25, остальные погибли».

В других статьях рукописного альбома школьницы также записали со слов монахинь ценные сведения о монастыре и его насельницах в 1918–1921 гг.: «При монастыре живет четыре священника, двое из них за неимением квартир теперь живут в самом монастыре, остальные — поблизости… Монастырь стоит со своими

храмами и стенами; живут в нем все те же монахини, но монастыря нет. И то, что осталось от него теперь, это только кажущийся монастырь. Цепляясь друг за друга и за все то, что напоминает им монастырь, монахини всеми силами стараются поддержать и сохранить его… Сейчас все они организованы в союзы вышивальщиц и огородниц. Игуменья тоже советская служащая — она служит в похоронном отделе коммунального хозяйства».

Ко времени написания ученического альбома, то есть к 1921 г., как указывают его авторы, были закрыты оба приюта и церковно-приходская школа. В богадельне из 25 чел. осталось 8, остальные умерли. Весь монастырский капитал был конфискован, игуменский дом занят яслями, в трапезной занимался всевобуч, а мать игумения с некоторыми сестрами проживала в бывшей больнице.

В первые послереволюционные годы в Новодевичьем монастыре в новых тяжелых условиях был образован приход, основу которого составили инокини. В состав прихода вошли верующие, живущие поблизости от обители — в основном на улицах Большой и Малой Пироговских, на Усачевке. Большим испытанием для новой общины Новодевичьего монастыря явилось изъятие церковного серебра 3 апреля 1922 г. Судя по сохранившимся документам, члены Комиссии по изъятию церковных ценностей Хамовнического района были настроены на тотальное изъятие всех серебряных предметов церковной утвари, однако при изъятии они натолкнулись на решительное противодействие представителей Главнауки — экспертов Н. Н. Померанцева и В. И. Троицкого, старавшихся сохранить хотя бы старинные памятники. Так уполномоченный Комиссии Михаил Гузеев писал 5 мая 1922 г. в рапорте Председателю Комиссии по изъятию церковных ценностей Хамовнического района: «Согласно Вашего распоряжения я 2-го с[его] м[есяца] с товарищами отправился на изъятие ценностей в Новодевичий монастырь, где и приступили к таковой работе. На первых же порах мне пришлось столкнуться с представителями экспертами Главмузея, которые опротестовали чуть не каждую икону, ссылаясь на то, что она 17 века. Споры достигли кульминационного развития в особенности, когда пришли работать в собор. Здесь эксперты заявили, что собор весь, во всей совокупности, представляет из себя музейную редкость и потому не подлежит выемке. С большим трудом удалось мне отстоять небольшое количество риз и получить принципиальное согласие на съемку еще некоторых, представляющих в смысле материальном крупную ценность. Что же касается ризницы, то туда проникнуть не удалось, что, по словам экспертов, ризницы как таковой нет, а есть отделение Главмузея; между тем в ризнице-то и хранятся богатство, изъять каковое дало бы много хлеба голодающим поволжанам. Резюмируя вышесказанное, я определенно заявляю, что со стороны экспертов было проявлено равнодушное отношение к голодающим, для них кусок металла хотя бы и 17 в. дороже жизни человека. Выразить, что не суббота для человека, а человек для субботы мне думается, что образцов произведений искусства 17 в. у нас в России более чем достаточно, и для музеев хранить все количество вещей прошлых эпох более чем странно, в особенности, теперь, когда люди в муках голода поедают друг друга. Возмущений всем перечислено мною и, находясь в полном контакте по вопросам поведения экспертов

Главмузея со своими товарищами, определенно требую изъятие всего церковного богатства из Новодевичьего монастыря».

Рапорт-жалоба Гузеева впечатлила Председателя Комиссии по изъятию церковных ценностей Хамовнического района Андросова, и последний написал свой рапорт выше, уже в Губернскую комиссию по изъятию ценностей, Базилевичу. В рапорте, в частности, уже указывалось, что изъятие «происходило при сопротивлении представителей Главмузея и, в конечном счете, когда нужно было приступить к изъятию более ценного металла, то здесь был полный абсолютный отказ и недопущение, вследствие чего была сорвана работа, и рабочие в количестве 25 человек по 3 часа каждый потеряли непроизводственно».

По оперативной сводке районной комиссии, в Новодевичьем монастыре было изъято серебряных предметов 19 пудов 35 фунтов и 2 золотника, 144 алмаза и бриллианта, 61 сапфир. В сводке отмечалось «озлобленное» настроение духовенства и монашествующих в отношении изъятия. Указывалось, что в монастыре оставлено 12 золотых предметов.

Особой страницей в послереволюционной истории бывшей Новодевичей обители стало существование на ее территории, начиная с лета 1922 г., музея (о нем см. отдельный очерк). Музей менял названия и подчинение, в связи с вектором государственной антирелигиозной политики менялись его задачи и в зависимости от этого — и роль в отношении наследия бывшего монастыря. Выступая за сохранение древних памятников церковного искусства и быта, монастырского некрополя в первой половине 1920-х гг., с середины и особенно уже в конце десятилетия, после коренной реорганизации в 1929 г. и приобретения ярко-выраженного антирелигиозного характера музей был не только исполнителем, но даже и в определенные моменты инициатором утилизации и уничтожения ценных церковных предметов, исторических надгробий и проч. В конце же 1930-х гг. и в послевоенные десятилетия музейные сотрудники внесли значительный вклад в сохранение и изучение отдельных памятников бывшего Новодевичьего монастыря.

Возвращаясь к истории бывшей обители в 1920-е гг., следует сказать, что уже в конце 1924 — начале 1925 г. власти приступили к оформлению массового выселения из нее монахинь. Косвенно известно «о поступившей во ВЦИК жалобе 133-х граждан, проживающих в доме № 2 бывшего Новодевичьего монастыря на выселение их из означенного дома» (сам текст жалобы в архиве ВЦИК пока не обнаружен). Получив эту жалобу, Секретариат Председателя ВЦИК по поручению члена Президиума ВЦИК П. Г. Смидовича 28 августа 1925 г. запросил Президиум Моссовета о ситуации. Показателен ответ на этот запрос отвечающего за церковные дела члена Президиума Моссовета Волкова, разъяснившего цели выселения монахинь и, между прочим, указавшего на роль музейных учреждений Наркомпроса в этом деле. Вот фрагмент этого документа: «…все здание по Б. Царицынской улице под № 2 (бывший Новодевичий монастырь) закреплено за Музейным отделом Главнауки. В указанном здании проживали бывшие монахини Ново-Девичьего монастыря, которые являются лицами без определенных занятий, не состоящими в Профсоюзе и не зарегистрированными

на Бирже Труда. Ввиду необходимости расширения музейной площади, Главнаука обратилась в Нарсуд с ходатайством о переселении бывших монахинь из Ново-Девичьего монастыря, причем гарантировала им предоставить помещения в другом месте. Нарсуд Хамовнического района решением от 25/29 июля с[его] г[ода] определил, что право Главнауки на выселение бывших монахинь является бесспорным и должно быть произведено в административном порядке. На основании указанного определения Нарсуда дело было передано в Административный отдел Моссовета, последним и было отдано распоряжение о переселении в административном порядке бывших монахинь из Ново-Девичьего монастыря в Спасо-Бородинский монастырь Можайского уезда». Большую часть монахинь переселили в подмосковные обители, а оставшиеся продолжали молиться в единственном действующем монастырском храме — Амвросиевском, одновременно бывшем и кладбищенским.

Жесткая антирелигиозная политика касалась не только бывших насельниц обители. Разорялись монастырские храмы. Еще в октябре 1927 г. на основании распоряжения Главнауки из ризницы Новодевичьего монастыря были вывезены в Оружейную палату 12 уникальных памятников, в том числе храмовый образ Одигитрии, иконы и вклады царевны Софьи Алексеевны, царицы Евдокии Федоровны.

1929 г. стал одновременно переломным в истории музея и самым трагичным в судьбе последнего действующего православного храма бывшего монастыря — Амвросиевского или, как его часто называли верующие, Ирининского. По инициативе Главнауки Наркомпроса и МОНО, в ведении которых находился музей, Президиум Моссовета 15 марта 1929 г. принял решение о закрытии храма. Православная община написала 2 письма-жалобы во ВЦИК. В архивном фонде Секретариата ВЦИК сохранилось второе письмо, текст которого приводим ниже: «Заявление. В дополнение к поданному нами 9-го с[его]/апреля во ВЦИК ходатайству об оставлении за Общиной Амвросиевского (Ирининского) храма в бывшем Новодевичьем монастыре, согласно полученных нами словесных указаний представляем при сем: а) копию договора с Главнаукой, подлинный экземпляр которого находится у последней, составленного по общепринятой в музейном ведомстве форме и б) 4 фотографических снимка Амвросиевского храма, находящегося в пользовании Общины. При сем имеем присовокупить: 1) Амвросиевский храм (до закрытия монастыря — больничный) находится в здании конца XVI века. В здании этом (Ирининский корпус) в силу его археологического значения никаких переделок быть не может, почему оно не может быть приспособлено под какие-либо иные цели (вроде клуба). Для других (не церковных надобностей) в монастыре есть другие пустующие храмы и помещения (например, при башне обширное помещение бывшего катка для белья). 2) Договор с Главнаукой заключен общиной на храм Успенский, как вообще на храм свободный, затем по надобности Музейного ведомства нам было предложено Музейным управлением перейти в храм Амвросиевский с соблюдением договора, ранее заключенного и не отменяемого. Все требуемые обязательства по договору мы и продолжаем точно исполнять. 3) Невзирая на крайне тяжелые условия договора на пользование

храмом община всегда оставалась именно при монастырском храме, так как никакой другой храм не может удовлетворить религиозные запросы привычных посетителей кладбища и храма. В силу изложенного еще раз просим ВЦИК от лица более 1500 человек богомольцев и прихожан не закрывать наш единственный Амвросиевский храм и оставить его по-прежнему в нашем пользовании». Письмо подписали пятеро уполномоченных от общины (читаются подписи А. И. Золотовой, Е. Ворониной, А. Рамазановой).

ВЦИК обе жалобы верующих оставил без удовлетворения, и Амвросиевский храм был ликвидирован, о чем и было сообщено 11 июля 1929 г. П. Г. Смидовичем в Президиум Моссовета. Община верующих перешла в действующий находившийся рядом с монастырем храм Отцов Седьмого Вселенского собора, однако в феврале 1930 г. и он был закрыт. Тогда объединенная община в марте того же года вновь обратилась во ВЦИК с просьбой предоставить ей один из храмов Новодевичьего монастыря. Вот, как мотивировали верующие в заявлении свою просьбу: «После закрытия в июне прошедшего 1929 г. церкви бывшего Новодевичьего монастыря, которой пользовалась наша община как приходским храмом для совершения своих религиозных нужд, общине был предоставлен храм Отцов VII Вселенского Собора. Означенный храм в феврале с/г закрыт. Район нашего прихода окружностью до 10 верст с православным населением бедняков и рабочих в 60,000 остался без храма. Ближайшие к нашему району храмы находятся в значительном расстоянии и переполнены своими прихожанами; почему мы терпим большие затруднения в удовлетворении наших религиозных нужд. Ближайшим храмом, который может быть использован нами для вышеозначенных целей является для нас только один из храмов бывшего Новодевичьего монастыря. В настоящее время в этом бывшем монастыре совершенно свободны и остались в неприкосновенном виде два надвратных храма и собор. При многочисленном составе нашей общины первые два храма (в отдельности) для нас малы; собор же может вполне нас удовлетворить. Ходатайствуем о предоставлении нашей общине означенного бывшего монастырского храма, в качестве приходского или, в крайнем случае, если к отдаче собора встретятся какие-либо неизвестные нам препятствия, двух малых надвратных храмов — для совершения богослужения нашим духовенством. Приближаются дни Пасхи, и мы крайне нуждаемся в храме. Инициативная группа религиозной общины бывшего Новодевичьего монастыря».

Прошел месяц и «группа верующих прихода бывшего Новодевичьего монастыря» вновь пишет уже 4-е (!) письмо во ВЦИК «Члену Президиума ВЦИК товарищу Смидовичу». Как и в мартовском заявлении, члены общины описывают историю закрытия храма Отцов Седьмого Вселенского собора и оставшийся без церкви большой район Москвы. Верующие просили предоставить им 2 малых надвратных храма, причем сообщали их особенности и указывали на возможности приспособления для богослужений: храмы «могут быть совершенно изолированы входами в них (вход в передний Преображенский храм и сейчас идет прямо со стены ограды от главного монастырского входа, вход же в противоположный Покровский храм, в случае надобности, может быть устроен не через монастырь,

а со стороны нового кладбища). При таких условиях богослужение в этих храмах совершенно не будет касаться с жизнью в стенах монастыря». Заявление это подписали 29 апреля 1930 г. 3 члена общины: П. И. Остроухов, А. М. Шашкин, О. И. Стерлигова.

Можно только поражаться настойчивости и смелости религиозной общины Новодевичьего монастыря, члены которой в условиях оголтелой антирелигиозной пропаганды 1929–1930 гг. решились написать несколько заявлений во ВЦИК, ходатайствуя о возвращении им монастырских храмов. Ведь на рубеже 1920–1930-х гг. обстановка в монастырях, наполненных людом, явно не симпатизирующим православию, была не в пользу верующих. Так в начале 1929 г. в 18 монастырских корпусах проживало более 600 рабочих и служащих различных ведомств и предприятий. Среди проживавших число детей школьного и дошкольного возраста превышало 150 чел.

К концу 1920-х гг. все монастырские музеи стали носить антирелигиозный характер, не стал исключением и музей в бывшем Новодевичьем монастыре (о чем мы уже упоминали). Так последний действующий Амвросиевский храм был закрыт отчасти благодаря настойчивым требованиям нового заведующего музеем Ткачевского. Настаивая на закрытии церкви, он писал в 1929 г. своему начальству, что она является «скрытой общиной монахинь бывшего монастыря, живущего в этом районе» и «оказывает на детскую психологию и их развитие вредные отражения».

С началом Великой Отечественной войны на территории обители наскоро были возведены деревянные временные бараки для проживания беженцев. В военные годы на волне ослабления гонений на Церковь бывший Новодевичий монастырь неожиданно стал одним из центров медленного возрождения православной жизни. Здесь 14 июня 1944 г. было разрешено открыть Православный Богословский институт и Пастырско-богословские курсы (в 1946 г. институт и курсы преобразовали в Московскую духовную академию и перевели на прежнее место — в возрожденную Троице-Сергиевскую Лавру). В монастыре разместили созданный Издательский отдел Московской Патриархии, общежитие учащихся духовных учебных заведений. В 1944–1945 гг. возобновились богослужения в надвратном Преображенском и трапезном Успенском храмах. Последний стал с 1964 г. (после сноса Преображенской церкви в Преображенском) кафедральным собором митрополитов Крутицких и Коломенских. В 1977 г. митрополитом Крутицким и Коломенским стал Высокопреосвященный Ювеналий (Поярков), по просьбе которого в 1980 г. Московскому епархиальному управлению передали надвратный Спасо-Преображенский храм. Через два года он получил статус митрополичьего крестового. Но несмотря на это, в Новодевичьем в советское время так и не была возрождена монастырская община. Территория и почти все постройки монастырского ансамбля по-прежнему принадлежали ГИМ, и здесь размещался его филиал «Новодевичий монастырь», сотрудники которого проводили большую работу по изучению и реставрации древних памятников, организации музейной фондовой, экспозиционной и просветительско-экскурсионной работы. Особый вклад в изучение истории и судьбы монастыря и его насельниц

внесла заведующая филиалом ГИМ «Новодевичий монастырь» Н. Ф. Трутнева (†2001).

Ситуация кардинально изменилась в начале 1990-х гг., когда под влиянием известных обстоятельств ГИМ и РПЦ заключили договор о совместном использовании строений Новодевичьего монастыря. Церковь получила в постоянное пользование храмы: Успенский, Спасо-Преображенский; корпуса Певческий и Филатьевского училища, Погребовы палаты; башни: Царицынскую, Лопухинскую и Напрудную. В совместном с ГИМ пользовании отныне находились Смоленский собор, Амвросиевский храм, Прохоровская часовня.

Историческим было решение Св. Синода РПЦ от 24 ноября 1994 г. о возобновлении монашеской жизни в бывшей обители. Настоятельницей возрожденного монастыря была назначена игумения Серафима (Черная), принявшая за 11 дней до этого монашеский постриг в Успенском трапезном храме. 10 августа 1995 г. Патриарх Алексий II совершил первую после 7 десятилетий запустения Божественную литургию в Смоленском соборе. В тот же день состоялась канонизация первой настоятельницы обители прп. Елены в лике местночтимых святых Московской епархии. 11 ноября 1995 г. митрополитом Ювеналием было совершено великое освящение Амвросиевского храма.

В 1995 г. возрожденному монастырю в качестве подворья передали Успенский храм в с. Шубино Домодедовского р-на Московской обл. В 1999 г. было основано второе подворье Новодевичьего монастыря — Троице-Одигитриевская Зосимова пустынь в Наро-Фоминском р-не Московской обл. (ныне самостоятельная обитель).

К 10-летию возрождения обители в 2004 г. было совершено 6 монашеских и 24 иноческих постригов. К тому времени число насельниц в монастыре достигло 40 чел. В том же 2004 г. архитектурный ансамбль Новодевичьего монастыря был включен в список памятников Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

Существенной вехой в истории возрождения монастыря стал январь 2010 г., когда распоряжением Правительства РФ все строения обители были переданы в безвозмездное и бессрочное пользование Московской епархии РПЦ. Тогда же в Новодевичьем был создан и свой церковный музей. К тому времени филиал ГИМ «Новодевичий монастырь» уже не функционировал.

Важным событием в новейшей летописи обители стало посещение ее 6 мая 2012 г. Президентом России и передача монастырю написанной на Афоне в 1648 г. чудотворной Иверской иконы Божией Матери. Этот образ был подарен обители царем Алексеем Михайловичем, а в советскую эпоху хранился в фондах ГИМ. В тот же день было также принято решение о воссоздании у стен монастыря взорванной в 1812 г. французами каменной церкви в честь Усекновения главы Иоанна Предтечи. Первое церковное здание этого храма было сооружено еще в 1525 г., почти одновременно со строительством ансамбля Новодевичьего монастыря, а во второй половине XVI в. на его месте возвели новый шатровый храм из камня. Позже, в конце XVII в., рядом с ним построили придел — небольшой пятиглавый храм во имя свт. Николая Чудотворца — вот этот ансамбль храма с приделом и был взорван в 1812 г. французами перед отступлением, 11 октября

(день памяти свв. Отцов Седьми Вселенских Соборов). В 1816 г. недалеко от места, где находилась утраченная святыня, в память о ней была построена приходская церковь во имя свв. Отцов Седьми Вселенских Соборов. Именно сюда в 1929 г. пришла после закрытия монастырского Амвросиевского храма община бывшей Новодевичьей обители. Однако уже в 1930 г. храм этот был закрыт и вскоре снесен. В 2013–2015 гг. археологи произвели раскопки на месте разрушенного французами Иоанно-Предтеченского храма и обнаружили фрагменты древнего здания и старинные надгробия. Авторы проекта воссоздания святыни предложили уменьшенный вариант шатрового храма; в местном ряду иконостаса поместили иконы, связанные с памятью о престолах взорванной церкви и о событиях 1812 г. 11 сентября 2012 г. состоялось освящение закладного камня восстанавливаемого храма (архитектор И. В. Уткин). 7 июля 2016 г. Иоанно-Предтеченская мемориальная церковь была освящена Патриархом Кириллом.

В 2018 г. в Новодевичьем монастыре начались масштабные комплексные реставрационные работы. К середине 2020 г. был воссоздан исторический облик 18 памятников древней обители: башен, палат, части прясел стен. На осень 2022 г. богослужения проходят только в Амвросиевском храме. В процессе реставрации находится и большинство надгробных памятников монастырского некрополя. К 2023 г. планируется закончить реставрацию еще 18-ти исторических памятников, в том числе собора, 3-х храмов, колокольни, Прохоровской усыпальницы, палат, стен и др.

В 2021 г. статус Новодевичьей обители изменился: по Указу Патриарха Кирилла она стала ставропигиальной. Новому митрополиту Крутицкому и Коломенскому Павлу и Управлению Московской митрополии и Коломенской епархии был предоставлен ставропигиальный мужской Николо-Угрешский монастырь.

Настоятельницей монастыря с декабря 2007 г. назначена игумения Маргарита (Феоктистова), она же возглавляет находящийся на территории обители Церковный музей (создан в начале XXI в.).

В течение последних лет идет активная подготовка к празднованию 500-летия основания обители в 2024 г.

Смоленской иконы Божией Матери Одигитрии собор

Смоленский собор — древнейшая каменная постройка Новодевичьего монастыря и один из старейших по времени сооружения среди монастырских соборов Москвы. Возведен за 2 неполных строительных сезона в 1524–1525 гг. По некоторым преданиям, автором собора был Алевиз Младший (возможно, это прозвище Алевиза Нового — строителя Архангельского собора и еще 11-ти московских храмов). В 1526–1530 гг. собор был уже расписан. Полагают, что первоначальный храм был меньше ныне существующего и имел четыре возвышающихся над углами галереи придела: во имя свв. апп. Прохора, Никанора, Тимона и Пармена. В XVI в. собор неоднократно ремонтировался и в конце царствования Ивана Грозного был расширен. Коренным образом здание перестроили и в 1598 г. при

Борисе Годунове, о чем тогда же была сделана историческая надпись, широкой лентой протянувшаяся через 3 внутренние стены собора: «По великой вере, по сердечному желанию и по душевному усердию великие государыни царицы и великие княгини инокини Александры (Ирина Годунова в монашестве — *В. К.*) всея Руси и брата ее благоверного и великого князя Бориса Федоровича всея Руси государя и многих государств и обладателя и его благоверные царицы и великие княгини Марии и его царских чад благоверных царевича Федора и великие царицы Ксении совершися бысть сия церковь на похвалу чудному и чудотворному образу нарицаемые Смоленския в 1-е [лето] славного государства его при святейшем Иове патриархе. Лето 7106 [1598]».

Ко времени этой коренной перестройки собора относят устройство боковых крылец, пробивку новых входов с севера и юга, появление высокого пятиярусного иконостаса. Форма 5 глав храма в то время была шлемовидной. Современные исследователи считают, что архитектура перестроенного величественного собора аккумулировала опыт строительства подобных сооружений в московском Кремле: «Мощным пятиглавием, стройностью пропорций, характером закомар, а более всего — аналогичной системой сводов и связанной с этим “зальностью” интерьера собор Ново-Девичьего монастыря близок к Успенскому собору; крестчатые столбы, расчлененные по горизонтали белокаменными профилированными блоками, и подобное же членение наружных пилястр напоминают Архангельский собор, а наличие подклета и галереи с приделами — Благовещенский». Позже в соборе появились и новые приделы: св. Гавриила архангела и прп. Михаила Малеина.

Смоленский собор поражал своим благолепием. В 1656 г. Новодевичью обитель посетил и служил в ней Антиохийский Патриарх Макарий. Вот, как восхищенно описывал собор сопровождавший Патриарха Павел Алеппский: «Купол над алтарем возбуждает удивление; ибо он покрыт весь золотом, и своды, поддерживаемые ангелами, поднимаются один над другим. В нем находятся кресты и чаши, имеющие издали вид, как будто они сделаны из массивного золота. Образ же Пресвятой Девы, стоящий по правую сторону алтарных дверей, выше всякой цены; он весь покрыт золотом, алмазами, рубинами, гиацинтами, изумрудами и жемчугом. Весьма также богаты и богато украшены ризы других икон, находящихся в первом поясе иконостаса, рядом с алтарными дверями. Не менее богаты также серебряные подсвечники, расставленные по всей церкви, кругом столбов находятся также небольшие иконы, покрытые золотом и серебром, расставленные рядами один над другим. Многие из них не имеют себе цены; на них ризы чистого золота и множество драгоценных камней разных цветов. Даже над окнами с железными решетками поставлены там одна над другой иконы, за недостатком места. Полагаю, что число всех икон, здесь находящихся, превышает 3000, так что наше удивление при виде их огромного количества не имело пределов; ибо самое малое из этих изображений стоит не менее 5 динариев. Эта церковь красотою и великолепием превосходит даже Царские. Патриарх сам сказал нашему Владыке: у нас нет иного монастыря, который бы мог сравниться с этим в богатстве; и это потому, что все монахи, живущие в этом монастыре

и беспрестанно вновь поступающие, — княгини, вдовы или дочери самых знатных лиц в государстве, — поступая в монастырь, жертвуют туда все свое состояние, свои поместья, золотые и серебряные вещи, бриллианты, все это и остается в монастыре…».

Полагают, что окончательное формирование облика Смоленского собора произошло при правительнице царевне Софье Алексеевне в 1680-х гг. Упразднены были 2 западных придела, 2 других перестроили, причем один из них переосвятили во имя свв. мцц. Софии, Веры, Надежды и Любови. Новые входы украсили порталами с белокаменными колоннами, формы куполов изменили на луковичные, окна растесали.

В Смоленском соборе сохранилась уникальная роспись стен и столпов, выполненная в первой половине XVI в., и сводов (выполнена в царствование Бориса Годунова). Фрески поновлялись в XVII–XVIII вв., реставрировались в советское время. В барабанах и на сводах размещены композиции на библейские темы, нижняя же, значительная по площади, часть собора расписана на тему Акафиста (прославления) Пресвятой Богородицы. Первоначально до устройства высокого иконостаса на восточной стене господствовало большое изображение Богоматери Одигитрии (Путеводительницы). Во фресках звучит идея объединения русских земель под властью Москвы. На столпах изображены русские святые разных княжеств Древней Руси: свв. блгвв. князья Андрей Боголюбский, Михаил Тверской, князья-старстотерпцы Борис и Глеб, свв. мчч. Михаил Черниговский и боярин его Феодор, св. равноап. княгиня Ольга и другие святые жены, а также византийские царицы, мученицы. Среди росписей собора особое место занимают изображения святых-покровителей членов семьи Годуновых: свв. Бориса и Феодора, размещенные перед Одигитрией, и образ св. вмц. Ирины.

Уникален иконостас собора. От старого иконостаса 1598 г. сохранились 4 верхних яруса. Существующий ныне высокий золоченый иконостас был сооружен в 1683–1685 гг. при правительнице Софье Алексеевне. Артель резчиков из Оружейной палаты, которую возглавил известный мастер по дереву Клим Михайлов, создала громадную раму иконостаса с 84-мя колоннами. Вставленные в него 82 иконы были написаны большей частью в конце XVI в., и их реставрировал иконописец Федор Зубов «со товарищи». Тогда же были написаны и 14 икон праздничного ряда. Иконы местного ряда считаются вкладами русских царей: от Ивана Грозного до Петра I. Слева от царских врат находилась чудотворная Смоленская икона Богоматери Одигитрии — список с древней чудотворной иконы, дарованной обители ее основателем Василием III. В XVII в. мастера из Оружейной палаты сделали для этой иконы новую раму с 16-ю живописными, окруженными серебряными пластинами клеймами. В местном ряду иконостаса находятся и другие исторические иконы, связанные с русскими царями: образа св. Иоанна Предтечи — небесного покровителя Ивана Грозного и Ивана V; свв. блгвв. князей-страстотерпцев Бориса и Глеба — патрональных святых Бориса Годунова; Господа Вседержителя с припадающими Иоанном Предтечей и апостолом Петром — покровителями Ивана V и Петра I. Здесь же находится и фамильная икона Дома Романовых, писанная Федором Зубовым до 1666 г. —

Знамения Божией Матери с избранными святыми, соименными членам семьи царя Алексея Михайловича. В соборе есть и другие чудотворные иконы: Тихвинская икона Божией Матери (XVI в.) и точный список с афонской Иверской иконы (XVII в.).

Особенным был иконостас и южного Софийского придела, в котором по замыслу царевны Софьи были собраны изображения святых жен. Федором Зубовым с товарищами для деисусного чина были написаны иконы русских благоверных княгинь и преподобных жен. В местный ряд этого иконостаса помещены образа свв. мцц. Софии и Феодосии, храмовая икона — образ св. мц. Софии с дочерьми — св. мцц. Верой, Надеждой и Любовью (ныне все эти иконы хранятся в фондах ГИМ).

В интерьере собора сохранились такие древности, как резная напрестольная сень 1653 г. (мастер К. Кондратьев) и расположенная в северной галерее, отделяющая придел свв. Прохора и Никанора кованая железная решетка, выполнения кузнецами Н. Макаровым и А. Ефимовым. Эта решетка близка по рисунку и исполнению знаменитой Золотой решетке Кремлевского дворца.

В Смоленском соборе за сотни лет сложилось значительное по числу и богатейшее по историко-художественному значению собрание великокняжеских и царских вкладов драгоценных реликвий: напрестольных Евангелий XVII в., серебряных предметов церковной утвари, облачений, книг. В монастыре хранятся ковчеги и кресты с частицами святых мощей византийских и русских святых. До нас дошли серебряная водосвятная чаша — дар Ивана Грозного 1581 г., многочисленные шитые монахинями церковные облачения и покровы, в том числе известные драгоценная плащаница 1545–1546 гг., подвесная пелена «Похвала Богородице», шитая по преданию Ириной Годуновой, а также келейные вещи, принадлежавшие монахиням-царевнам. Часть драгоценных реликвий выставлена в соборе в музейных витринах, часть находится в Историческом музее.

Смоленский собор, как уже упоминалось выше, обладает богатейшим после кремлевских соборов некрополем, где погребены многие представители царского дома, известные деятели XVI–XVIII вв. — родовитые бояре, знатнейшие монахини. Предполагают, что находящиеся в подклете гробницы 1533, 1537 и 1546 гг. перенесены сюда из прежнего собора. Существует гипотеза, что Смоленский собор и строился в XVI в. как храм усыпальница. Древнейшее из сохранившихся надгробий — белокаменная плита боярыни Ирины Захарьиной-Юрьевой, датируется 1533 г. Здесь же похоронили ее сына Григория (†1556) и невестку Ульяну (†1563). К ранним уцелевшим погребениям относят захоронения рода Кубенских (1530–1540-е гг.). В подалтарье находятся надгробия родственниц царя Ивана Грозного: дочери Анны (†1550), вдовы брата царя князя Юрия княгини Ульяны (†1574) и др. В четверике собора в юго-западном углу сохранились крупного размера прямоугольные белокаменные надгробия умерших в начале XVIII в. 3-х дочерей царя Алексея Михайловича: правительницы царевны Софьи (†1704), царевен Евдокии (†1712) и Екатерины (†1718), а также первой жены Петра I царицы Евдокии Федоровны из рода Лопухиных (†1731). В подалтарье находятся и захоронения боярина, царского оружничего Богдана

Матвеевича Хитрово (†1680), его жены и дочери. Упомянем еще захоронения в соборе Воротынских, Одоевских и других видных представителей боярских родов XVI–XVII вв. В настоящее время в подклете-усыпальнице Смоленского собора находятся 45 надгробий, из них с надписями 39: XVI и XVII вв. — по 15, XVIII в. — 5 и XIX в. — 4.

В XIX–XX вв. Смоленский собор неоднократно реставрировался. В 1898–1903 гг. под руководством архитекторов С. К. Родионова и И. П. Машкова были восстановлены формы позакомарного перекрытия, оконные проемы, переделаны галерея и крыльца, раскрыта часть фресковой живописи и т. д.

С образованием в монастыре в начале 1920-х гг. государственного музея, собор был отобран у верующих и стал объектом экскурсионного показа. В 1930 г. изгнанная из монастыря религиозная община писала во ВЦИК оставшиеся без ответа заявления с просьбой вернуть собор и возобновить там богослужения. Смоленскому собору, в отличие от почти всех монастырских храмов Москвы, повезло. Его уникальные архитектура, иконостас с иконами, фресковая живопись, исторические захоронения не только были сохранены, но и неоднократно реставрировались, особенно в послевоенный период. Вплоть до середины 1990-х гг. собор, как и весь монастырский комплекс, принадлежал филиалу ГИМ «Новодевичий монастырь». 10 августа 1995 г. Патриарх Алексий II впервые более чем за 70 лет совершил в соборе богослужение. Ныне в соборе в летний период (храм не отапливается) по праздничным и воскресным дням совершается литургия. Здесь также проводятся экскурсии.

Амвросия Медиоланского свт. домовый (больничный) храм

Церковное здание входит в комплекс трапезной с хлебодарней и примыкающих к ним с запада двухэтажных палат. Храм и этот комплекс сооружены во второй половине — конце XVII в. на месте более древних построек, от которых сохранились фундаменты и части стен. Именно здесь, как считают историки, в 1560-х гг. по указанию царя Ивана Грозного были возведены палаты для царской невестки — княгини Ульяны. Полагают, что на основе этих Ульянинских палат в 1598 г. построили новые для Ирины Годуновой — вдовы сына Ивана Грозного царя Федора Иоанновича. Ирина была пострижена в монастыре с именем Александры. К этим, уже Ирининским, палатам была пристроена и первая на этом месте церковь: в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. Однако храм этот простоял недолго — в 1670-х гг. на его месте возвели новый, освятив его во имя св. Иоанна Предтечи. Приблизительно в это время была заново сооружена палата, сохранившая старое имя Ирининской.

Иоанно-Предтеченский храм неоднократно перестраивался, потеряв свои кокошники и часть декоративных украшений. После ремонта 1771–1774 гг. храм еще раз сменил имя, он был освящен во имя свт. Амвросия Медиоланского, вероятно, в память погибшего в 1771 г. во время Чумного бунта московского

архиепископа Амвросия (Зертис-Каменского). Церковь сильно пострадала от пожара 1796 г. После Смоленского собора Амвросиевский храм, старая трапезная и Ирининские палаты считаются древнейшими монастырскими постройками.

В советскую эпоху храм был действующим вплоть до 1929 г. Узнав о предстоящем его закрытии, представители общины верующих писали в МОНО 27 декабря 1928 г., что их храм одновременно является и приходским, и кладбищенским: «…из разных мест города Москвы для удовлетворения религиозных потребностей, связанных с памятью почивших, погребенных и погребаемых на кладбище бывшего Новодевичьего монастыря, в Амвросиевский храм этого монастыря изо дня в день прибывают их родственники и знакомые». Инициатором закрытия Амвросиевского храма выступил музей. 15 марта 1929 г. Президиум Моссовета вынес следующее решение: «…названную церковь закрыть», мотивируя это тем, что «…музей бывшего Новодевичьего монастыря и население этого монастыря имеют надобность в помещении для расширения бывшего монастырского помещения Ирининской домовой церкви», тем более что приход Амвросиевского храма «…в большинстве состоит из монахинь бывшего монастыря», что для властей, по всей видимости, являлось дополнительным побудительным мотивом к закрытию храма. Здание передавалось «для нужд вышеуказанного музея и для культурно-просветительных целей коллектива жильцов». С 1929 по 1995 г. помещения храма и примыкающих к нему трапезной и палат использовались для музейных нужд и под жилье.

К 1990 г. в церковном помещении размещался Отдел оружия ГИМ.

Вскоре после образования в монастыре женской монашеской общины 11 ноября 1995 г. митрополит Ювеналий совершил великое освящение Амвросиевского храма. В то же время по договоренности с ГИМ в трапезной ряд лет продолжала действовала музейная экспозиция.

Храм является действующим. В составляющих с ним единое целое Ирининских палатах проводятся выставки Церковного музея, созданного в обители.

Успения Божией Матери трапезный храм

Успенский храм с монастырской трапезной построен в 1684–1687 гг. Освятил его Патриарх Иоаким в 1687 г. Первоначально объем четверика завершали кокошники и пятиглавие. Здание было окружено арочной галереей-гульбищем, соединявшейся арочным переходом с Ирининской палатой. В верхнем ярусе церкви устроили придел во имя Сошествия Святого Духа. Вскоре после окончания строительства храма над трапезной был сооружен второй деревянный этаж.

В Успенском храме под руководством мастера Оружейной палаты Карпа Золотарева был устроен резной иконостас. Известны имена и других мастеров: зодчий и резчик Кондратий Мымрин создал белокаменный декор, Богдан Дмитриев и Иван Масюков расписали интерьеры. Современников поражали размеры (26х15 м) трапезной, перекрытой сводом без промежуточных столпов. Вход

из трапезной в Успенский храм оформлен порталом в виде триумфальной арки, украшенной резными колоннами. Красивыми колонными порталами украшены и ведущие в трапезную сени.

В XVIII в. внешний вид храма изменился. В 1740 г. во время ремонта, проводившегося под руководством архитектора И. Ф. Мичурина, были перестроены 2 северных крыльца. Вероятно, тогда же появился восьмигранный постамент барабана главы. В 1780-е гг. разобрали галерею и арочный переход к старой трапезной и Ирининским палатам, храм укрепили контрфорсами. Кардинальные перемены произошли после пожара 1796 г., когда сгорела деревянная надстройка трапезной. Ремонтировавший храм архитектор М. Ф. Казаков надстройку не восстановил и вместо прежнего пятиглавия оставил лишь одну главу, убрал кокошники и устроил скатную кровлю. При пожаре пострадали росписи храма.

После ремонта конца 1790-х гг. внешний облик трапезного храма почти не менялся. В то же время внутреннее устройство его претерпело изменения. В 1791 г. в трапезную перенесли из одной из башен Никольский престол. В 1812 г. устроили новые приделы: южный во имя св. ап. Иоанна Богослова, в память существовавшей в колокольне одноименной церкви, и северный во имя св. ап. Иакова Алфеева, в память избавления от взрыва 9 октября 1812 г. В 1870-е гг. художником Н. В. Федоровым был расписан свод трапезной. В 1879 г. при устройстве нового духового отопления были сломаны старые печи.

Успенский храм был закрыт в первые годы советской власти и передан с трапезной под устройство созданного в 1922 г. музея. В трапезной в 1926 г. организовали склад Гохрана, иконостасы были разобраны. Успенский монастырский храм возродился в период кратковременного ослабления гонений на Церковь сразу же после Великой Отечественной войны. 29 декабря 1945 г. храм освятил Патриарх Алексий I, и там начались регулярные богослужения. В церкви установили иконостас XVII в. из московского храма Троицы в Хохлах (в 1980-е гг. его заменили отреставрированным иконостасом из снесенного в 1936 г. храма Успения на Покровке). В том же памятном 1945 г. в правой части трапезной восстановили придел св. ап. Иоанна Богослова. В следующем 1946 г. поновили роспись трапезной. В здании Успенского храма в помещении упраздненной верхней Свято-Духовской церкви поместили редакцию главного и единственного в то время церковного периодического издания «Журнала Московской Патриархии» (в 1981 г. редакция переехала в новое здание на ул. Погодинской). В 1956 г. для придела св. ап. Иоанна Богослова был сделан новый иконостас.

В 1964 г. после сноса храма свв. апп. Петра и Павла на Преображенской пл. оттуда в Успенский храм перевели кафедру митрополита Крутицкого и Коломенского. Успенский храм с трапезной долгое время находились в центре церковной жизни не только Москвы, но и СССР. Так здесь в 1948 г. проходили торжества по случаю 500-летия автокефалии РПЦ, а в марте 1988 г. в Успенском храме состоялось совещание перед Юбилейным Поместным Собором, посвященным 1000-летию Крещения Руси. Долгое время подклет храма занимали церковные мастерские, переведенные в 1980 г. в новопостроенное здание в подмосковном Софрино.

С Успенского храма начался и отсчет новой истории Новодевичьего монастыря, связанной с возрождением здесь монашеской жизни в середине 1990-х гг. 13 октября 1994 г. в храме состоялся первый после 72-летнего перерыва монашеский постриг. В этот день митрополит Ювеналий постриг в монашество В. В. Черную с наречением имени Серафимы.

В Успенском храме находятся 3 чтимых богородичных образа: старинные XVII в. Смоленский, Тихвинский (находился в разрушенном в годы гонений Тихвинском храме в Лужниках), а также Владимирский (написан реставратором В. О. Кириковым в 1949 г. с древней иконы XVI в.).

Покрова Пресвятой Богородицы надвратный храм

над южными воротами

Южные трехпролетные монастырские ворота сооружены из кирпича и белого камня в 1683–1688 гг. и первоначально выполняли функцию главных. Достаточно редкая композиция надвратного Покровского храма — 3 стоящие на одной оси башенки типа «восьмерик на четверике», увенчанные главками, которую связывают с так называемым украинским зодчеством, дает возможность предполагать, что в сооружении храма принимали участие южнорусские строители. Окна храма имеют наличники, характерные для московского барокко. В двусветном четверике сохранился первоначальный резной четырехъярусный иконостас 1689 г. работы мастеров Ивана Тюрина и Мирона Климова. В иконостасе были подписные образа иконописцев Оружейной палаты, в числе которых икона Введения 1690 г. работы Кирилла Уланова. Иконы Покровского храма находятся ныне в фондах ГИМ. В боковых главах Покровской церкви устроены звонницы.

К гульбищу храма примыкают выстроенные во второй половине XVII в. двухэтажные палаты, предназначенные для караульной службы, а затем — для проживания царевны Марии Алексеевны. По преданию, в этих палатах некоторое время жила и правительница Софья. Возможно, тогда палаты надстроили теремом. Внутри палат сохранились сводчатые помещения, на стенах и в откосах икон уцелели фрагменты старинного орнамента.

Храм ликвидирован в первые годы советской власти, но здание его сохранилось и отреставрировано.

Спаса Преображения надвратный храм

над северными воротами

Надвратный трехъярусный пятиглавый храм над главным трехпролетным входом в монастырь построен в стиле московского барокко в 1687–1688 гг. Освящал храм Патриарх Иоаким. Фасад церкви богато украшен: наличники окон, сдвоенные колонки по углам, большие раковины кокошников по верху четверика.

Внутри церкви сохранился уникальный резной позолоченный семиярусный иконостас работы мастера Оружейной палаты Карпа Золотарева. Иконы в иконостасе написаны мастерами Оружейной палаты под руководством Федора Зубова. В храме сохранилась изразцовая печь XIX в.

Полагают, что в подборе икон местного ряда иконостаса нашла отражение державная идея, занимавшая царевну Софью. Так на одной из них св. мц. Софья изображена предстоящей Богородице вместе со свв. равноапп. царицей Еленой, княгиней Ольгой и покровительницей супруги царя Иоанна Алексеевича св. мц. Параскевой.

При описании иконостаса Преображенского храма в 1919 г. специалисты отмечали икону свт. Николая Чудотворца конца XVI в. и 9 икон XVII–XVIII вв.

К храму и монастырским воротам примыкают построенные для царевны Екатерины Алексеевны в 1680-е гг. палаты. В 1727–1731 гг. в них жила опальная супруга Петра I Евдокия Федоровна Лопухина. Здесь же она и скончалась 27 августа 1731 г. и была похоронена в Смоленском соборе. Палаты обычно называют Лопухинским корпусом. Храм соединяется с корпусом прямым ходом.

Спасо-Преображенская церковь была закрыта в 1922 г. В 1944 г., как уже говорилось выше, в монастыре открылись Пастырские курсы и Православный богословский институт, которым передали надвратный храм. Однако после их перевода в возрожденную Троице-Сергиеву Лавру, храм снова закрыли. В 1980 г. Спасо-Преображенский храм вновь вернули РПЦ — в распоряжение Московского епархиального управления, и через 3 года реставрационных работ 18 декабря 1982 г. митрополит Ювеналий освятил его.

Варлаама и Иоасафа царевича прпп. храм

в колокольне

Возведенная в 1683–1690 гг. высокая 72-метровая колокольня считается одной из лучших русских звонниц в стиле московского барокко. Постройка из кирпича с белокаменным декором представляет собой высокую свечу, составленную из 5 уменьшающихся кверху восьмериков, увенчанную главкой на восьмигранном барабане. Композиция главной колокольни обители напоминает кремлевскую колокольню Ивана Великого. Три нижних восьмерика звонницы имеют гульбища с белокаменными балюстрадами. Над их углами установлены белокаменные вазоны-пинакли. Новодевичья колокольня сочетала в себе собственно звонницу (в 3-м и 5-м ярусах), дозорную вышку (строение соединялось переходом с крепостной стеной) и храм «иже под колоколы». На колокольне были установлены часы.

Уникальность монастырской колокольни заключается и в том, что в ней было устроено сразу 2 храма: в нижнем ярусе во имя свв. прпп. Варлаама и царевича Иоасафа и во 2-м ярусе во имя свт. Григория Богослова. Полагают, что Софья заложила храм прпп. Варлаама и Иоасафа в память о брате Федоре Алексеевиче, которому была посвящена церковь прп. Иоасафа царевича

в Измайлове. Небольшой, освящаемый маленькими восьмигранными окошками храм имел иконостас 1683–1685 гг. В XVIII в. богослужения в храме были прекращены, возможно, в связи с опалой Милославских. В 1795 г. служба была возобновлена. В расположенную во 2-м ярусе также небольшую по объему церковь св. ап. Иоанна Богослова можно было попасть только по переходу, соединявшему колокольню со стеной.

Колокольня и храмы пострадали во время пребывания в монастыре французов в 1812 г. Храм свв. прпп. Варлаама и Иоасафа царевича использовался оккупантами как конюшня. После Отечественной войны 1812 года Иоанно-Богословскую церковь на ее прежнем месте восстанавливать не стали, а ее престол перенесли в трапезный Успенский храм.

Варлаамский и Иоасафовский храм был закрыт вскоре после установления советской власти. Известно, что с 1929 г. в колокольне располагалась мастерская известного художника В. Татлина. Сохранилась просьба музейного начальника МОНО И. Г. Клабуновского о передаче во временное пользование этому художнику 2-го этажа колокольни сроком на 1 год, причем в качестве уплаты за пользование помещением Татлин обязывался провести работы по его утеплению.

Община верующих пользовалась колокольней вплоть до закрытия Амвросиевской церкви, то есть до начала 1929 г. Судя по всему, затем власти потребовали у музея сдачи колоколов на переплавку. Сохранилось датированное 22 апреля 1929 г. письмо заведующего музеем Новодевичьего монастыря П. С. Ткачевского в Музейный подотдел МОНО с описанием исторических колоколов. Так в верхнем ярусе находилось 7 колоколов «для часового боя» весом в 1 пуд, 1 пуд 30 фунтов, 4, 5, 8 и 12 пудов, причем четырехпудовый колокол датировался 1629 г. Главные же исторические колокола находились во 2-м ярусе: Большой 555-пудовый 1684 г., два 250-пудовых 1687 г. и 1688 г., колокола в 34, 21 и 1 пуд (все XVII в.) и колокол «Ясак малый» 1551 г. В письме упоминалось также 13 поздних колоколов завода Финляндского, общим весом более 246 пудов. Ткачевский писал, что «Все вышеперечисленные колокола имеют музейные значения». Он указывал, что в монастыре хранятся эвакуированные из Западного края во время Первой мировой войны 19 небольших колоколов «немузейного значения». Исторические колокола сохранились, и в 1980 г. звоны колокольни Новодевичьего монастыря были записаны на пластинку.

Колокольня неоднократно реставрировалась в 1970–1990-е гг. В 2014 г. началась ее масштабная реставрация, здание было обнесено лесами, которые, к несчастью, загорелись вечером 15 марта 2015 г. Пожар сильно повредил древний памятник, и устранение последствий пожара заняло несколько лет.

Некрополь

До революции 1917 г. в Новодевичьей обители располагался один из самых ценных в историко-художественном отношении монастырских некрополей России. Здесь сохранялись могилы известных ученых, литераторов, государственных

и общественных деятелей, составлявших славу России. Подавляющее число захоронений было уничтожено в конце 1920-х — в 1930-е гг.

История кладбища начинается с основания монастыря, однако, как часто бывает, памятники и могилы наиболее древнего периода не сохранились. Самые старые из уцелевших монастырских надгробий находятся в подклете Смоленского собора и датируются серединой XVI — концом XVII в. Наиболее раннее захоронение принадлежит семье бояр Захарьиных-Юрьевых (1533–1563 гг.). По подсчетам О. А. Трубниковой, в 1990-е гг. в подклете-усыпальнице находилось 45 надгробий XVI–XIX вв. (подробнее см. очерк о Смоленском соборе). Напомним, что в подклете находились «царские» могилы: царских родственников, в том числе дочери Ивана Грозного Анны, инокинь-цариц (с сохранившимися надгробными памятниками) Софьи, Евдокии, Екатерины (дочерей Алексея Михайловича), Евдокии Лопухиной (первой жены Петра I). Отдельные старинные захоронения были и в других храмах Новодевичьего монастыря.

Постепенно формировался и некрополь вне храмов, под открытым небом. Издавна на монастырском кладбище существовали родовые участки захоронений аристократических родов: князей Гагариных, Голицыных, Долгоруковых, Кропоткиных, Мещерских, Трубецких, Хованских и др. Современники отмечали художественные надгробия князя С. С. Гагарина (†1798; композиция из пирамиды, саркофага и скорбной фигуры) и его жены княгини В. Н. Гагариной (†1802; беломраморный полулежащий ангел и погребальная урна), генерал-майора Г. И. Бибикова (†1803; колонна с урной, плакальщица и плачущий младенец), а также более поздние памятники на могилах генерала А. Ф. Багговута (†1883; беломраморное скульптурное изображение лежащего воина); известного археолога и общественного деятеля, председателя Московского археологического общества графа А. С. Уварова (†1884); педагога, основателя известной московской гимназии В. И. Поливанова (†1899) и др. Последние 2 памятника решены в «историческом» стиле. Забегая вперед, скажем, что все выше упомянутые художественные надгробия на монастырском кладбище были снесены в 1920–1930-е гг.

Перечислим еще несохранившиеся надгробные памятники Новодевичьего некрополя: писателям Д. Н. Бегичеву (†1855), Н. В. Путяте (†1877), декабристу С. Д. Нечаеву (†1860), тестю А. С. Пушкина Н. А. Гончарову (†1861), герою Отечественной войны 1812 года, московскому губернатору генералу Н. А. Тучкову (†1864), таврическому губернатору А. И. Казначееву (†1880), семейству Столыпиных — родственников М. Ю. Лермонтова, автору букварей, педагогу Д. И. Тихомирову (†1915) и многим др.

Сохранились или были воссозданы надгробия литераторам: поэту-партизану Денису Давыдову (†1839), драматургу и театральному деятелю князю А. А. Шаховскому (†1846), поэту А. Н. Плещееву (†1893), писателям И. И. Лажечникову (†1869), А. Ф. Писемскому (†1881) и графу Е. А. Салиас-де-Турнемиру (†1908), декабристам М. Ф. Орлову (†1842) и членам его семьи, С. П. Трубецкому (†1860) и М. И. Муравьеву-Апостолу (†1886), И. А. Яковлеву (†1846) — отцу А. И. Герцена, и другим его родственникам, историку, коллекционеру М. П. Погодину (†1875), историку С. М. Соловьеву (†1879) и его сыну философу В. С. Соловьеву

(†1900), основателю московского Рукавишниковского приюта Н. В. Рукавишникову (†1875), слависту О. И. Бодянскому (†1877), антропологу А. П. Богданову (†1896), историку русской литературы Ф. И. Буслаеву (†1897), математику, отцу поэта А. Белого Н. В. Бугаеву (†1903), врачу А. А. Остроумову (†1908), генерал-фельдмаршалу графу Д. А. Милютину (†1912) и членам его семьи и др.

От старого монастырского некрополя также сохранились 2 часовни: одна в стиле позднего классицизма над могилой участника Отечественной войны 1812 года генерал-лейтенанта Д. М. Волконского (†1835) и членов его семьи и другая (1911 г.), в русском стиле — усыпальница фабрикантов Прохоровых.

Историк московских некрополей А. Т. Саладин так описывал монастырское кладбище в начале XX в.: «Старое кладбище окружает соборы и заполняет почти все пространство, заключенное в монастырских стенах. Оно все расчищено, выметено, усыпано свежим песком. Старые гробницы перемешаны с новыми крестами, вросшие в землю плиты чередуются с недавними зелеными холмиками, убранными яркими цветами».

Обширная территория Новодевичьего монастыря уже к концу XIX в. была полностью заполнена захоронениями. В 1896 г. игумения монастыря Антония (Каблукова) обратилась с прошением о расширении кладбища. С 1900 по 1904 г. под руководством инженера С. Шестакова были проведены большие благоустроительные работы на территории будущего нового кладбища. По проекту архитектора И. П. Машкова соорудили кирпичную ограду. В 1904 г. новое кладбище, площадью более 2,7 га, открыли для захоронений. Большой участок этого некрополя заполнялся медленно. Через 12 лет после его открытия тот же А. Т. Саладин писал: «Новое кладбище находится в другой ограде, оно пока почти еще пусто. Могилы там только окаймляют главную дорожку, расположенную посреди пустой площади. Здесь все могилы, как садовые клумбы, пестрят яркими красками пышных цветов».

В советский период монастырскому некрополю был нанесен тяжелый урон. С ликвидацией в первые послереволюционные годы монастыря и появлением на его территории различных организаций началось их негативное воздействие на памятники, включая и монастырское кладбище. Правда, в середине 1920-х гг. некрополь попал в сферу деятельности образованного в 1922 г. в бывшем Новодевичьем монастыре музея. Музей в этот период активно занимался регистрацией могил и надгробных памятников. По всем 14 участкам кладбища были составлены списки погребенных, включавшие 2801 надгробие или могильный холм.

В 1926 г. старое монастырское кладбище было закрыто для новых захоронений. Тем не менее, в 1920-е гг. на самой территории Новодевичьего монастыря были погребены: философ, психолог, педагог А. Н. Лопатин (†1920), юрист, профессор И. А. Покровский (†1920), митрополит Крутицкий Евсевий (Никольский; †1922), математик и астроном А. Н. Ляпунов (†1923), архитектор С. К. Родионов (†1925), генерал А. А. Брусилов (†1926), военный историк, генерал А. М. Зайончковский (†1926) и др.

Со второй половины 1920-х гг. в связи с ужесточением антирелигиозной политики власти взяли курс на закрытие монастырских храмов, уничтожение кладбищ — над историческим некрополем Новодевичьего монастыря, как и над прочими историческими некрополями Москвы, нависла угроза. Единственным действующим храмом бывшего монастыря оставался Амвросиевский, он же, как мы уже упоминали, выполнял функции кладбищенского — сюда, в числе прочих, приходили и родственники погребенных на старом и новом монастырских кладбищах. Однако посещение родных могил стало для них тяжелейшим испытанием. По распоряжению властей с 1927 по начало 1930-х гг. производилась так называемая «уборка надгробий…», а точнее — уничтожение одного из самых ценных исторических московских некрополей. На этот счет в мае 1929 г. заведующим музейным подотделом МОНО И. Г. Клабуновским в музей было направлено письмо с грифом «секретно»: «Музейный подотдел разрешает музею в процессе приведения в порядок находящегося на Вашей территории кладбища снимать надгробия тех могил, которые 1) не представляют художественной ценности, 2) не состоят на учете Комитета по охране могил, 3) не зарегистрированы родственниками. Снимаемый гранитный и мраморный материал можно продавать государственным и кооперативным организациям и как временная мера и в ограниченном количестве отдельным лицам». Организованной «уборке могил» «помогали» и жившие на территории монастыря хулиганы, сваливавшие кресты и разбивавшие надгробия на старом и новом кладбищах. Так в 20-х числах февраля 1928 г. на могиле композитора А. Н. Скрябина был срезан большой дубовый крест. В письме в Музейный отдел указывалось: «Одновременно с этим разрушением на том же кладбище были разгромлены и другие памятники на могилах известных научных и общественных деятелей». Государственному и стихийному вандализму пытались противодействовать краеведы из секции «Старая Москва» Общества изучения Московской губернии, составлявшие списки могил, подлежащих охране. Из разоряемого монастырского некрополя на новое кладбище был перенесен прах первого командующего морскими силами Советской республики В. М. Альтфатера (†1919), писателей А. П. Чехова (†1904), А. И. Эртеля (†1908) и некоторых др. Старые массивные надгробия из гранита и мрамора, фигурные решетки подлежали продаже. К середине 1930-х гг. в результате такого «благоустройства» из монастыря вывезли и утилизировали более 2600 надгробий! На разоренном почти дотла монастырском кладбище сохранили порядка 100 надгробий, наиболее значимых с точки зрения того времени ученых и деятелей культуры, причем около 60 памятников имели разную степень повреждений.

Ситуация стала немного меняться к концу 1930-х гг., в связи с некоторым поворотом в государственной политике к более взвешенному отношению к наследию прошлого. Музею предписали восстановить хоть какую-то часть исторического некрополя, благоустроить его территорию. К 1940 г. были заасфальтированы дорожки, делались насыпи на местах могил, по фотографиям определялись места исторических захоронений. Иногда, чтобы их восстановить, использовались валявшиеся на кладбище надгробные плиты. Оформлены были надгробные

памятники И. И. Лажечникову, А. А. Шаховскому, перенесены на новые места к Смоленскому собору могилы декабристов М. М. Муравьева-Апостола, А. Н. Муравьева, а также А. Н. Плещеева, Н. В. Бугаева.

Работы по восстановлению некрополя были прерваны Великой Отечественной войной. В послевоенные 1950-е гг. музей возобновил восстановление уцелевших осколков некрополя. Из распиленного чужого надгробия в виде часовни были сделаны надгробные памятники философу В. С. Соловьеву и его сестре П. С. Соловьевой; из новых материалов или других надгробных плит соорудили монументы вместо ранее уничтоженных намогильных памятников А. С. Уварову (в 1957 г.), Мандельштамам и др. При определении места установки использовались ориентиры — земляные холмики, старые фотографии, сделанные при разорении некрополя известным подвижником-фотографом А. Т. Лебедевым, а также составленные в середине 1920-х гг. музейными сотрудниками «могильные книги».

Постановлением Совета Министерства РСФСР от 30 августа 1960 г. были приняты под государственную охрану 27 могил старого кладбища. Ремонтно-восстановительные работы здесь производились в 1970–1980-е гг., когда была осуществлена полная паспортизация уцелевших памятников.

Своим особенным путем развивался некрополь нового монастырского кладбища. В 1927 г. новое, открытое за стеной место было по решению ВЦИК «выделено для захоронения лиц с общественным положением». С 1930-х гг. здесь начали хоронить известных политических и советских деятелей, ярких представителей науки, культуры и искусства Москвы. Так, сформировалось новое московское кладбище, ставшее после некрополя у Кремлевской стены самым элитарным. В постсоветское время, после прекращения захоронений у Кремлевской стены действующее Новодевичье кладбище является самым «почетным» некрополем, где хоронят государственных лиц и известных представителей научно-культурного сообщества.

Известным московским некрополистом С. Е. Кипнисом в результате многолетнего, необычайно кропотливого и трудоемкого труда составлен и издан (2-е издание в 1998 г.) полный свод (около 26 тыс.) захоронений на старом и новом кладбищах Новодевичьего монастыря.

Музей

Особая тема в судьбе памятников Новодевичьего монастыря в советский период — история созданного в 1922 г. в его стенах Музея. Этот Музей, имевший разные названия и сыгравший весьма противоречивую роль в существовании на территории обители монашеской общины и действующих храмов, в целом (уже в последний — послевоенный, период своей истории) много сделал для сохранения и изучении отдельных движимых и недвижимых памятников.

Выявлением сведений об организации музея, изучением биографии его первой заведующей и автора первого музейного путеводителя Елизаветы

Сергеевны Кропоткиной (1870–1944) занималась Н. Ф. Трутнева. Мандат на «заведование московским Новодевичьим монастырем как ценным художественно-историческим памятником в целом и организуемым в нем музеем истории монастыря и связанной с ним эпохой Софьи Алексеевны» Е. С. Кропоткина получила от Музейного отдела Наркомпроса в марте 1922 г.

Перед создаваемыми в бывших крупнейших московских монастырях (помимо Новодевичьего, в Донском, Симоновом и др.) музеями ставились и научные, и просветительско-пропагандистские задачи. Перед открытым 1 июля 1922 г. в бывшем Новодевичьем монастыре музеем «Эпохи царевны Софьи и стрельцов» (так он назывался в первые годы существования) были поставлены задачи выявления документов и материалов времени правления Софьи, развертывания экспозиции, сохранения и реставрации экспонатов, изучения памятников архитектуры, описания монастырского архива, регистрации памятников некрополя (о монастырском некрополе подробнее см. в специальном очерке).

В начале 1920-х гг. музей защищал от изъятия ценные в историко-художественном отношении церковные предметы, вел отдельные реставрационные работы, к которым были привлечены и некоторые инокини: «золотошвейки, живописки, специалисты по хранению фресок…».

В штате музея числилось до 7 чел. сотрудников. Историко-бытовой отдел разместили в трапезной Успенского храма. Там в 30 витринах находились памятники иконописи, шитья, книги, предметы из металла и др. Е. С. Кропоткиной был написан и в 1928 г. издан путеводитель «Историко-художественный и бытовой музей “бывший Новодевичий монастырь”» (так именовали музей с середины и до конца 1920-х гг.).

В середине 1920-х гг. музей проводил работу по учету и регистрации могил и памятников на территории бывшего монастырского кладбища, составлял списки погребенных. Но с этого же времени в Новодевичьем, как и в других обителях Москвы, начались процессы, направленные на изгнание с территории проживавших там монашествующих, на ликвидацию бывших монастырских храмов и некрополей. Стало меняться и содержание музейной работы, монастырские музеи все чаще использовались как орудие антирелигиозной пропаганды. В 1928 г. начались чистки в московских музеях. МОНО в сентябре этого года в секретном письме просил срочно сообщить: «имеются ли при Вашем музее в числе технических или научных работников лица, причастные к религиозному культу (священнослужители, монахи и т. п.) в настоящее время или ранее до поступления в музей». В декабре 1928 г. вместо Е. С. Кропоткиной заведующим музеем в бывшем Новодевичьем монастыре был назначен художник-археолог П. С. Ткачевский.

Сохранившиеся отдельные документы о деятельности музея в 1928–1930 гг. свидетельствуют о его перерождении, следовании новым нигилистическим установкам Наркомпроса. Так в декабре 1928 г. П. С. Ткачевский писал в МОНО: «Прошу дать разрешение на ликвидацию икон XIX в. немузейного значения, имеющихся в запасном фонде музея…». Музейные органы разрешение дали, правда, указав, что ликвидированное должно пойти для «употребления на работу

и поделку внутри данного музея, но не на продажу». В мае 1929 г. музейный подотдел МОНО в лице его руководителя И. Г. Клабуновского предложил музею «в процессе приведения в порядок» монастырского кладбища заняться надгробиями. В секретном письме подробно указывалось, какие надгробия, с чьих захоронений следует снимать для последующей продажи «гранитного и мраморного материала» не только государственным и кооперативным организациям, но даже и отдельным лицам.

Из ликвидируемых в массовом порядке православных храмов в музей Новодевичьего монастыря передавалось значительное число икон, церковной утвари, тканей, богослужебных книг и т. д. В 1928–1929 гг. фонды Отдела шитья увеличились в 10 раз! По распоряжению музейных органов в апреле–мае 1929 г. проводилась инвентаризация и оценка музейного имущества. Эксперты оценили 1307 хранящихся в музее и храмах предметов на сумму в 466 613 руб. По отложившимся в архиве актам, можно представить богатства музея. Так в ризнице находилось 492 церковных предмета, икон — 208, в Отделе шитья и тканей — 224 предмета, старопечатных книг — 712 и т. д. Тогда же (в апреле 1929 г.) списали на утилизацию 247 церковных предметов, в том числе из серебра — весом в 25 кг. В августе 1929 г. к этому списку добавился «Список предметов немузейного значения для ликвидации через Мосторг», в котором числилось 326 вещей (церковные облачения, ткани).

Переломным в истории музея стал 1929 г. — музей коренным образом был реформирован. Осенью 1929 г. его обследовали представители Московской рабоче-крестьянской инспекции (МРКИ) и музейного подотдела МОНО. Сохранился протокол заседания Бюро жалоб Уполномоченного по Хамовническому району МРКИ. В постановляющей части этого документа указывалось на серьезные политические недостатки в музейной работе: «1. …до сего времени Историко-бытовому музею не придано окраски советского учреждения... Отсутствуют совершенно плакаты и лозунги как антирелигиозного, так и советского содержания. Музей до последнего времени обслуживался только монашками, которым администрация даже доверяла ключи от музея. На территории музея существовала община верующих, пользовавшаяся колокольней, несмотря на то, что колокольня находилась в ведении музея. 2. Руководители музея гражданин Ткачевский и бывшая княгиня Кропоткина не разъясняли и не освещали в антирелигиозном духе значение экспонатов музея перед посетителями музея. Со стороны заведующего музея гражданина Ткачевского проявлен протекционализм (определил в музей дочь и племянника). 3. Со стороны заведующего хозчастью товарища Ухарского, члена ВКП(б), не принято мер по выселению монашек с территории музея…». Решения Коллегии Бюро жалоб в отношении руководства музея и прежней музейной политики носили разгромный характер: «1. Считать, что заведующий музеем гражданин Ткачевский и научная работница гражданка Кропоткина не соответствуют своему назначению… Предложить МОНО с данной работы [их] снять; 2. За непринятие решительных мер по устранению указанных ненормальностей и недоведение до сведения соответствующих учреждений заведующему хозчастью товарищу Ухарскому объявить

выговор; 3. Отметить, что со стороны музейного подотдела МОНО не было достаточно уделено внимания на постановку работы в музее и руководства; 4. Предложить МОНО изолировать работу музея от вмешательства в таковую монашек и в дальнейшем принять меры к выселению их с территории музея». Следствием этого постановления стало решение Хамовнической районной контрольной комиссии ВКП(б) от 8 декабря 1929 г.: «Считать в дальнейшем нецелесообразным оставление Ткачевского в качестве заведующего музеем бывшего Новодевичьего монастыря. Предложить Ткачевского и Кропоткину использовать исключительно по специальности на научной работе». Но, видимо, и этого показалось мало, и заведующая музейным подотделом МОНО Кардашева письменно предложила новому заведующему музеем Леонову с 1 января 1930 г. отчислить научного сотрудника Кропоткину.

Музею в конце 1929 г. жилось непросто. Власти приказали освободить от экспонатов помещение бывшей трапезной, поскольку в ней намечалось устройство общежития. В связи с этим и общим переустройством музея началось перемещение экспозиции, фондов, отделов. Так, экономический и архитектурный отделы разместили в надвратном Преображенском храме, отдел шитья — в галерее собора, иконы музейного фонда — во 2-м ярусе колокольни и т. д. Музей в конце 1929 г. был открыт для посетителей 4 дня в неделю: по воскресеньям, вторникам, четвергам и пятницам с 12 до 15 ч.

В 1930 г. музей в Новодевичьем монастыре получает новое название — «Музей раскрепощения женщин», что подчеркивало его идеологизированный характер. Музей стал и антирелигиозным. Сохранилась переписка с подобными антирелигиозными музеями в Донском и Страстном монастырях об их слиянии. Так, в мае 1930 г. заведующий Антирелигиозными музеями в Новодевичьем и Донском монастырях Леонов написал большую докладную записку в Главнауку Наркомпроса РСФСР, МОНО и Центральный Совет Союза воинствующих безбожников (СВБ) с предложением «В целях улучшения работы Антирелигиозных музеев на территории Москвы, внесении плановости и уничтожения параллелизма и конкуренции между ними… слить их в “Единый Государственный Антирелигиозный музей”, который будет размещаться в трех отделениях (ныне музеях) с развертыванием в каждом из них определенных тем». По предложению Леонова в 1-м отделении (Центральном) в бывшем Страстном монастыре должны были разрабатываться темы «Происхождение и история религий», «Политическая роль церкви», «Политическая роль сектантства», «Антирелигиозное движение»; во 2-м отделении (Донской монастырь) — темы «Религия и искусство», «История погребений», «Религия и война», «Роль монастырей», наконец, в 3-м отделении (Новодевичий монастырь) — темы «Религия и женщина», «Роль женских монастырей». По проекту этот Единый Антирелигиозный музей должен был находиться на бюджете Наркомпроса, а политическое руководство им предполагалось осуществлять Центральному Совету СВБ и Главнауке Наркомпроса.

Этот проект, к счастью, так и не был осуществлен, хотя Антирелигиозный музей в Новодевичьем монастыре под именем «Музея раскрепощения женщин» просуществовал несколько лет — до 1934 г., когда в общественной жизни страны

начался все же медленный поворот к старым классическим формам. Кстати, подобное происходило и с музеем бывшего Донского монастыря. В сентябре 1934 г. музей Новодевичьего монастыря на правах филиала вошел в состав ГИМ. Музей ютился в Прохоровской часовне, башнях и небольших помещениях колокольни. Самые же обширные помещения — корпуса, храмы, занимали общежития, квартиры, детсад, ясли; всего на территории бывшей обители проживало более 1 тыс. чел. Монастырский некрополь к этому времени был разорен — Музею была поставлена задача территорию кладбища благоустроить, и заняться хотя бы частичным восстановлением некрополя. Начатые работы были прерваны войной и продолжились в послевоенный период.

До конца 1980-х гг. филиал ГИМ «Новодевичий монастырь» по-прежнему оставался хозяином территории и почти всех бывших монастырских построек. Сотрудники музея проводили большую работу по изучению и реставрации древних памятников, организации музейной фондовой, экспозиционной и просветительско-экскурсионной работы. Особый вклад в изучение истории и судьбы монастыря и его насельниц внесла заведующая филиалом ГИМ «Новодевичий монастырь» Н. Ф. Трутнева.

Ситуация кардинально изменилась в начале 1990-х гг.: ГИМ и РПЦ заключили договор о совместном использовании строений Новодевичьего монастыря. Как уже говорилось выше, большинство культовых и других зданий монастырского ансамбля было передано в постоянное пользование РПЦ; в совместном пользовании ГИМ и РПЦ остались Смоленский собор, Амвросиевский храм, Прохоровская часовня.

С начала XXI в. в монастыре действует Церковный музей Московской епархии РПЦ. При его посещении можно осмотреть Смоленский собор и различные выставочные экспозиции, в том числе в палатах у Напрудной башни. Музейные экспонаты рассказывают об истории монастыря, его святынях, о его возрождении и проч. Первой, открывшей музейный выставочный цикл, стала выставка икон Новодевичьего монастыря первой четверти XVIII в., организованная в 2011 г. — «Огненные языки благодати». Выставка была развернута в комплексе старинных монастырских зданий XVI–XVII вв. (Амвросиевский храм, трапезная, палаты Ирины Годуновой).

Церковный музей открыт ежедневно, вход платный.

Источники и литература:

1. ГАРФ. — Ф. Р-1235. — Оп. 61. — Д. 182. Переписка… по заявлениям членов церковных общин и служителей культа. 1925–1926 гг. — Л. 102–103; Оп. 64. — Д. 477. Переписка… по жалобам разных лиц о закрытии церквей. 1928–1929 гг. — Л. 179–253.
2. ГАРФ. — Ф. А-2307. — Оп. 9. — Д. 128. Переписка с музеем Новодевичьего монастыря и другими учреждениями по административным вопросам, касающимся музея. 1924 г. — 252 л.
3. ЦГАМО. — Ф. 966. — Оп. 4. — Д. 1796. Переписка с музеем Новодевичьего монастыря. 1927–1928 гг. — 110 л.
4. ЦГАМО. — Ф. 4341. — Оп. 1. — Д. 254. Акты оценки экспонатов музея Новодевичьего монастыря. 1928–1929 гг. — 84 л.; Д. 258. Докладная записка и переписка о присоединении к Центральному антирелигиозному музею музеев, помещающихся в бывших Донском и Новодевичьем монастырях. 1929–1930 гг. — 24 л.

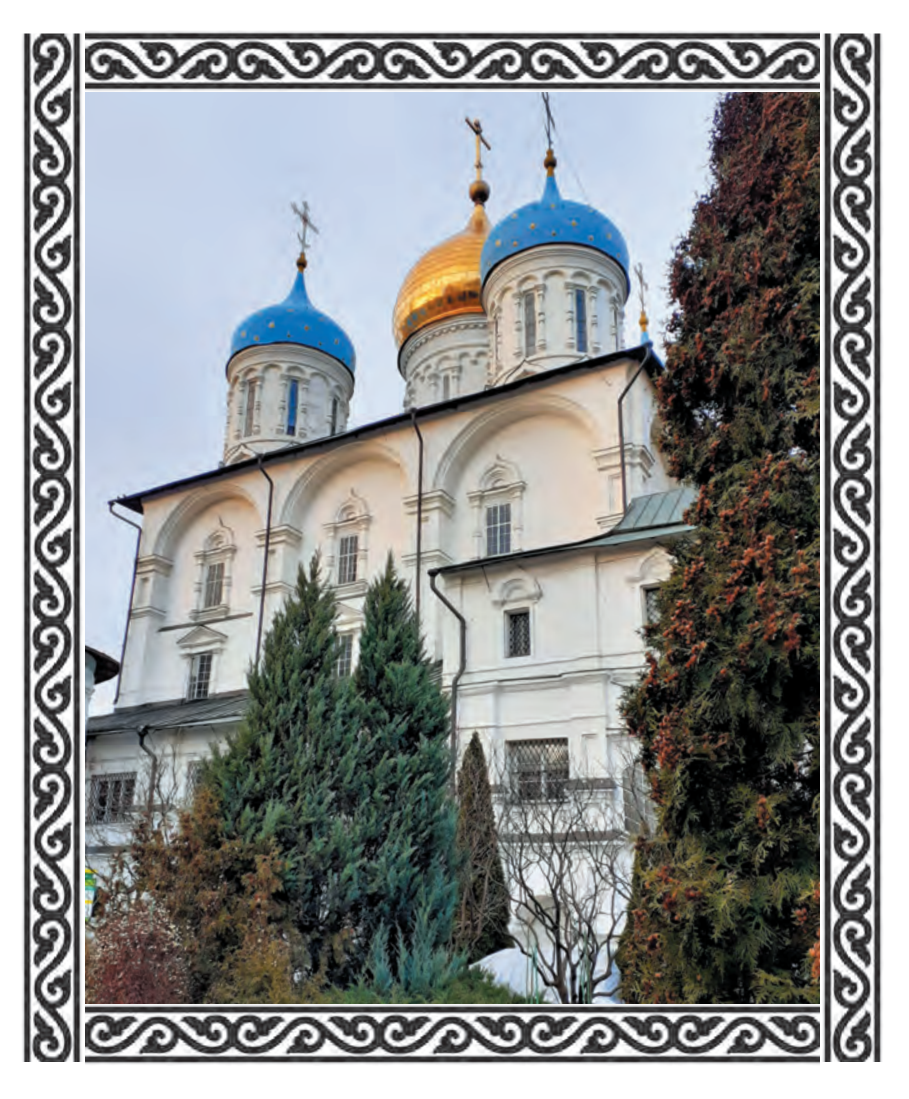
5. *Снегирев И. М.* Новодевичий монастырь в Москве // *Снегирев И. М.* Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. — М., 1856. — Тетр. 18. — С. 143–160.
6. Новодевичий монастырь в Москве / Соч. И. М. Снегирева. — М., 1857. — 78 с.
7. *Антушев Н.* Историческое описание Московского Новодевичьего монастыря. — М., 1885. — 128 с.
8. *Гиляров Ф.* Московская старина. Новодевичий монастырь. — М., 1888. — 84 с.
9. *Тренев Д. К.* Иконы царского изографа Симона Ушакова в Московском Новодевичьем монастыре. — М., 1901. — 63 с.
10. *Тренев Д. К.* Иконостас Смоленского собора Московского Ново-Девичьего монастыря. — М., 1902. — 185 с.
11. *Кропоткина Е. С.* Историко-художественный и бытовой музей «бывший Новодевичий монастырь» : Путеводитель. — М., 1928. — 23 с.
12. *Машков И. П.* Архитектура Ново-Девичьего монастыря в Москве. — М., 1949. — 136 с.
13. Сорок Сороков : краткая иллюстрированная история всех московских храмов : [в 4 т.] / собр. П. Паламарчук; фот. П. Паламарчука, А. Демченко. — Т. 1. Кремль и монастыри. — М., 1992. — С. 226–243.
14. *Трутнева Н. Ф., Шведова М. М.* Новодевичий монастырь : Путеводитель. — М., 1988. — 111 с.
15. *Трубникова О. А.* История некрополя Новодевичьего монастыря (30-е гг. XVI в. — 30-е гг. XX в.) // Московский некрополь : История. Археология. Искусство. Охрана : сб. — М., 1991. — С. 106–123.
16. *Трутнева Н. Ф.* Некрополь Новодевичьего монастыря (30-е — 90-е гг. XX в.) // Московский некрополь : История. Археология. Искусство. Охрана : сб. — М., 1991. — С. 124–127.
17. *Саладин А. Т.* Очерки истории московских кладбищ. — М., 1997. (О кладбище Новодевичьего монастыря — С. 140–166).
18. *Кипнис С. Е.* Новодевичий мемориал. Некрополь монастыря и кладбища. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 1998. — 640 с.
19. Памятники архитектуры Москвы. Территория между Садовым кольцом и границами города XVIII века. — М., 1998. (Новодевичий монастырь — С. 64–82).
20. *Козлов В. Ф.* Новодевичий женский монастырь. Собор Смоленской иконы Божией Матери в Новодевичьем монастыре // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Июль. — М., 2000. — С. 553–565.
21. *Шведова М. М.* Царицы-инокини Новодевичьего монастыря. — М., 2000. — 37 с.
22. *Трутнева Н. Ф.* Новодевичий монастырь глазами московских школьниц 1920-х гг. // Московский архив. Историко-краеведческий альманах. — Вып. 3 / сост. В. Ф. Козлов. — М., 2002. — С. 179–210.
23. Церковь Успения Пресвятой Богородицы в Новодевичьем монастыре // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Август. — М., 2002. — С. 251–257.
24. Московский Богородице-Смоленский Новодевичий монастырь. — М., 2004. — 150 с.
25. *Рогозина М. Г.* Церковь преподобных Варлаама и Иоасафа в колокольне Новодевичьего монастыря // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Ноябрь. — М., 2005. — С. 345–347.
26. *Рогозина М. Г.* Церковь святителя Амвросия Медиоланского в Новодевичьем монастыре // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Декабрь. Рождество Христово. — М., 2006. — С. 301–304.
27. Надежда Федоровна Трутнева — москвовед, музейный работник, человек… / сост. В. Ф. Козлов, Д. П. Трутнев. — М., 2008. — 160 с.

28. *Трутнева Н. Ф.* Игумении Московского Новодевичьего монастыря (1525–1919) // Надежда Федоровна Трутнева — москвовед, музейный работник, человек… / сост. В. Ф. Козлов, Д. П. Трутнев. — М., 2008. — С. 91–110.
29. Московский Новодевичий монастырь : к 500-летию. Антология / сост. Л. А. Беляев. — М., 2012. — 552 с.
30. Особый путь : Игумения Серафима (Черная-Чичагова) / авт.-сост. О. И. Павлова. — М., 2017. — 360 с.
31. *Евдокия (Киреева), монахиня.* Новодевичий монастырь : Путеводитель. — М., 2018. — 68 с.

Новоспасский ставропигиальный мужской монастырь

Крестьянская пл., д. 10

В начале XX в. – 5 храмов с 13 престолами

Знамения Пресвятой Богородицы храм

Николая Чудотворца свт. домовый храм
Петра св. мч. придел

Покрова Пресвятой Богородицы трапезный храм (двухъярусный)
Покрова Пресвятой Богородицы верхний храм
Варвары св. вмц. в верхнем ярусе придел
Димитрия Ростовского свт. в верхнем ярусе придел
Спаса Нерукотворного образа в верхнем ярусе придел
Екатерины св. вмц. нижний храм
Печерской иконы Божией Матери в нижнем ярусе придел
Саввы Освященного прп. в нижнем ярусе придел

Сергия Радонежского прп. в колокольне храм

Спасо-Преображенский собор
Романа Сладкопевца прп. в подклете храм-усыпальница

ИСТОРИЯ ДО 1917 г.

Один из крупнейших и известнейших монастырей России и Москвы. За свою многовековую жизнь обитель, посвященная празднику Преображения Спаса Господня дважды меняла свое местоположение и была свидетелем многих знаменательных исторических событий. Первоначально Спасский монастырь был основан св. блгв. кн. Даниилом Александровичем в самом конце XII — начале XIII в. на месте, где позже возник Данилов монастырь. Сын св. Даниила великий князь Иван Калита около 1330 г. перенес обитель к своему дворцу в Кремль на Боровицкий холм — так появился первый в Москве монастырь. Тогда же в нем был сооружен каменный собор Спаса Преображения Господня. Здесь совершались крещения, бракосочетания и другие требы для князя и его семейства. Однако Спасский монастырь в Кремле просуществовал лишь полтора столетия и при великом князе Иване III в 1489–1490 гг. был перенесен на другое место в 5 км от Кремля в Васильевский стан на берегу Москвы-реки. Причиной вывода обители за стены было сооружение в Кремле Иваном III нового обширного великокняжеского дворца. На старом месте в Кремле остался соборный Преображенский храм (известен как Спас на Бору), простоявший с перестройками до своего сноса в 1932 г.

На новом месте, на берегу Москвы-реки над устьем впадавшей в нее речки Сары, Иваном III в 1491 г. был заложен каменный Преображенский собор,

освященный через 6 лет. Возникший таким образом Новоспасский монастырь практически со времени основания становится местом погребения известных боярских родов, в первую очередь, Романовых, что определило его возвышение в XVII в. А в XV–XVI вв. все строения монастыря, кроме собора, были деревянными. При Иване Грозном монастырь представлял собой значительное укрепление и участвовал в 1571 г. в отражении набега на Москву крымского хана Девлет-Гирея. Новоспасская обитель защищала столицу и в 1591 г. во время нашествия другого крымского хана — Казы-Гирея. Из Новоспасского вышел знаменитый святитель Патриарх Иов, в 1575–1581 гг. бывший настоятелем этого монастыря.

В Смутное время монастырь был разорен, но затем быстро отстроен. Со времени вступления на престол царя Михаила Федоровича Романова в истории монастыря начинается трехвековая эпоха процветания. Новоспасский монастырь становится местом царского богомолья. Старая деревянная стена была заменена новой крепостной из толстых дубовых стволов. В 1620–1630-х гг. были построены: настоятельский корпус, храм во имя иконы Знамения Божией Матери, а также шатровая колокольня с храмом во имя прп. Саввы Освященного. Иждивением царя Михаила Федоровича в 1640 г. вместо деревянной стали сооружать каменную стену, протяженностью в 650 м, высотой до 7,5 м и толщиной до 2 м. В новой ограде поставили 8 мощных башен. К Москве-реке из обители вел подземный ход. Вслед за устройством крепостной стены были сооружены корпуса каменных келий, больничный корпус. В 1645–1647 гг. коренным образом перестроен Преображенский собор, в 1652 г. сооружена церковь свт. Николая Чудотворца при братских келиях. В 1673–1675 гг. построен теплый храм Покрова Пресвятой Богородицы, соединявшийся с юго-западной частью Преображенского собора.

Все русские цари в XVII в., особенно Михаил Федорович и Алексей Михайлович, проявляли в отношении Новоспасской обители особое усердие, регулярно посещая ее храмы и жертвуя богатые дары. В 1620–1630-е гг. к Новоспасскому монастырю приписывают некоторые провинциальные обители России. Монастырь был причислен к многопоместным, а также и к дворцовым или комнатным. Во второй половине XVII в. он стал одним из самых богатых в Москве. За ним в 1681 г. числилось 14 тыс. крепостных.

В XVII в. обитель посещали и бывавшие в Москве Патриархи: Антиохийский Макарий и Александрийский Паисий. Сопровождавший Александрийского Патриарха Макария диакон Павел Алеппский писал о Новоспасском монастыре: «…почивший царь Михаил обновил и расширил его и построил его окружную стену, похожую на стену монастыря Троицкого и монастыря царева (Саввина), на ней восемь огромных башен: четыре между ними, в стене множество бойниц с пушками. Великая церковь (собор) выстроена при патриархе Никоне в бытность его архимандритом этого монастыря. Она благолепная, красивая, душу веселящая, мы не находили в городе подобной ей по возвышенности и радующему сердце виду… В этом монастыре монахов до ста и более. Келии в нем просторные и все новые, среди них есть келии для царя и царицы. Словом, это монастырь неприступный, со множеством пушек и виден из города как голубь, ибо выбелен известью».

В XVII в. Новоспасский монастырь стал известен и своими настоятелями: Никоном и Питиримом, ставшими впоследствии всероссийскими Патриархами. Патриарх Иоаким до 1663 г. был келарем Новоспасского монастыря. Монастырь имел 4-ю степень в монастырской иерархии, уступая лишь Троице-Сергиевому, Рождественскому во Владимире и московскому Чудову монастырям.

Несмотря на то, что и Петр I посещал обитель и даже распорядился отлить в 1716 г. для монастырской колокольни большой 1100-пудовый колокол, Новоспасский монастырь с XVIII в. стал приходить в упадок. Его храмы и строения сильно пострадали от пожаров 1737 и 1747 гг. Если в 1721 г. в монастыре состояло 128 монашествующих, то в 1757 г. их стало только 43. В 1764 г. у обители были отобраны все имения и крестьяне. Тем не менее, в 1759–1795 гг. была построена грандиозная колокольня с храмом прп. Сергия Радонежского, а в 1791–1795 гг. — Знаменская церковь.

Но даже в тяжелое для обители время Св. Синод в 1765 г. предоставил архимандриту Симону право совершать богослужения с некоторыми особенностями архиерейских служений: осенять молящихся дикирием и трикирием, употреблять рипиды и орлецы. Тогда же в XVIII в. некоторые из архимандритов Новоспасского монастыря были членами Св. Синода.

В 1812 г. во время нашествия французов монастырь был разграблен и сожжен. Сгорел иконостас Никольского храма. С загоревшейся колокольни сорвался и упал, разбившись, большой колокол. Французы зверски убили священника находившейся рядом с обителью Сорокосвятской церкви за то, что он не указал им, где скрыта драгоценная утварь. В 1817 г. восстанавливавшийся Новоспасский монастырь посетил император Александр I. В то время настоятелем обители был архимандрит Филарет (Дроздов), позже (в 1821 г.) возглавивший Московскую кафедру и пробывший на ней до 1867 г.

Большие благоустроительные работы в монастыре проводились в 1830–1860-е гг. при настоятелях архимандритах Аполлосе (Алексееве; 1837–1851 гг.) и Агапите (Введенском; 1852–1877 гг.). В нижней части Покровского храма были устроены приделы св. вмц. Екатерины и Печерской иконы Божией Матери. В 1877–1885 гг. настоятелем монастыря был известный церковный историк, знаток и собиратель древностей христианского Востока, путешественник епископ Порфирий (Успенский). В монастыре он закончил работу над многотомными мемуарами, которые назвал «Книга бытия моего». Он был похоронен в усыпальнице Преображенского собора, и на мраморном надгробии были высечены сочиненные им слова: «Здесь возлег на вечный покой преосвященный епископ Порфирий Успенский, автор многих сочинений о христианском Востоке. Молитесь о нем».

Масштабные работы происходили в монастыре в самом конце XIX — начале XX в. В память о посещении Новоспасской обители императором Николаем II в апреле 1900 г. при архимандрите Клименте (Стояновском) в усыпальнице Романовых под собором был устроен храм прп. Романа Сладкопевца (освящен в 1902 г.). В 1903 г. монастырь вновь посетил Николай II и вместе с великим князем Сергеем Александровичем осмотрел новый храм в усыпальнице.

С 1909 г. настоятелем обители был назначен архимандрит Макарий (Гневушев), который стал искоренять нестроения среди монашествующих, ввел практику общенародного пения на богослужениях и религиозно-нравственных чтений для народа, перестроил и расширил Никольский храм, восстановил древнее крестохождение из Кремля в Новоспасский монастырь. Во время празднования 300-летия Дома Романовых в 1913 г. обновленную обитель уже в третий раз посетил Николай II.

В обители в начале XX в. насчитывалось более 30 монашествующих, действовала церковно-приходская школа.

Новоспасский монастырь был местом упокоения многих деятелей Церкви и государства, подвижников благочестия. Под Преображенским собором и Знаменской церковью были похоронены представители родов Романовых, Шереметевых, многих других боярских фамилий. Захоронения благотворителей монастыря находились и в подклете Покровского храма. Со временем и обширная территория монастыря обратилась в кладбище, на котором были погребены многие известные деятели, в том числе инокиня Ивановского монастыря Досифея (Августа Тараканова; †1810), священник Петр Вельяминов, замученный французами в 1812 г., городские головы Москвы XIX в. А. В. и Н. А. Алексеевы, книгоиздатель и типограф П. П. Бекетов (†1836), коллекционер П. Ф. Карабанов (†1851), академик, профессор словесности И. И. Давыдов (†1863), академик живописи В. С. Смирнов (†1890), историк и государственный деятель граф С. Д. Шереметев (†1918; на новой части кладбища) и др. Вот, как описывал монастырский некрополь в начале XX в. А. Т. Саладин: «На кладбище Новоспасского монастыря, в отличие от соседнего почти Симонова монастыря, много подавляющих массивностью камней на могилах купечества, особенно выделяются в этом отношении надгробия Алексеевых напротив собора. Все кладбище разделяется на несколько отдельных участков, каждый из них обнесен своею решеткой. Заботливо содержится только главная часть вокруг собора, более же отдаленные уголки совсем запущены и заросли травою. Налево от собора находится прекрасный памятник работы Витали на могиле полковника Петра Афанасьевича Бекетова (ум. 5 июля 1796 г.)… Немного подальше стоит памятник княжны Анны Александровны Хованской (ум. 1794 г.) с прекрасно выполненным медальоном — портретом покойной… С правой стороны собора находится хороший современный памятник на могиле А. Г. Сапожникова. Это грубо вытесанный из гранита крест древней формы с барельефом изображением Спасителя».

ИСТОРИЯ ПОСЛЕ 1917 г.

Переворот октября 1917 г. в корне изменил привычную жизнь Новоспасского монастыря. В сентябре 1918 г. большинство монахов было изгнано из обители, которую власти превратили в «концентрационный лагерь для политических и уголовных заключенных». Главнаука Наркомпроса РСФСР передала под охрану религиозной общины помещения под колокольней, где находились библиотека и архив, а также богатейшую монастырскую ризницу, в которой

тогда хранились более 10 Евангелий, митры, кресты, шитые плащаницы, покровы с жемчугом, облачения, иконы и т. д.

Вскоре после окончания Гражданской войны концлагерь в монастыре был преобразован в Ново-Спасский исправдом, находящийся в ведении Главного управления местами заключения республики. Часть монастырских помещений в 1925 г. власти передали Губархиву (Покровский храм).

Несмотря на невероятные трудности остававшиеся в монастыре и жившие вокруг него бывшие монахи старались сохранить древнюю святыню, уникальные иконы, церковную утварь. В 1918 г. верующими в Моссовет был представлен «Список граждан-богомольцев Новоспасского монастыря, изъявивших желание взять церковно-монастырское имущество», из 196 чел. В списке были, в частности, имена исполняющего должность наместника иеромонаха Павлина (Крошечкина) и исполняющего должность благочинного иеромонаха Сергия. Таким образом был создан приход, которому власти вынуждены были отдать один из храмов — Николаевский, а остальные так и оставались запечатанными, и ключи от них находились у начальства концлагеря. В июне 1919 г. прихожане пытались вновь открыть и остальные храмы, но получили отказ властей. Известно, что в начале 1921 г. в монастыре проживали епископ Паладий (Добронравов), архимандриты Павлин (Крошечкин), Пантелеимон (Митюев), игумены Леонид (Бахтиаров), Аркадий (Гончаров), 5 иеромонахов и 6 иеродиаконов. Верующие создали «Братство прихожан при Новоспасском монастыре» (или «Братство во имя Преображения Господня при Новоспасском монастыре»), которое старалось охранить убранство храмов от уголовников, живших тогда на территории обители. Часть ценностей монастырской ризницы лагерное начальство разрешило музейным работникам перенести в действующую Никольскую церковь. Над богатейшим историко-художественным церковным имуществом нависла реальная угроза. Пытаясь еще в июне 1919 г., о чем уже упоминалось, получить в свое ведение закрытые храмы, прихожане в письме, направленном в Музейный отдел Наркомпроса и в Наркомат юстиции, указывали, что церковные здания стали сырыми, вследствие чего «художественное имущество монастыря, представляющее громадную ценность, гибнет». Заключенные взламывали замки и грабили храмы. Так в мае 1920 г. была ограблена Знаменская церковь, в ноябре того же года — Екатерининский и Сергиевский под колокольней храмы. Прихожане писали в Моссовет и об ограблении 11 февраля 1922 г., когда «…двое из заключенных в Новоспасском концентрационном лагере громил по водосточной трубе забрались через разбитое окно на паперть Покровского храма и проникли в храм…», где ободрали серебряные ризы с икон. В начале января 1922 г. Покровская и Екатерининская церкви были ограблены вновь.

Однако самое большое ограбление монастыря было совершено самим государством, когда в конце марта — начале апреля 1922 г. в ходе кампании по изъятию церковных ценностей из обители были вывезены сотни серебряных предметов утвари, весом более 38 пудов.

Никольский храм был закрыт по постановлению Моссовета 23 января 1925 г. Верующие неоднократно писали жалобы в Моссовет и во ВЦИК

в 1925 и в 1926 гг. Руководители Адмотдела Моссовета 9 августа 1926 г. возвратили очередную жалобу верующих с сопроводительным письмом, в котором, в частности, указывалось: «означенными лицами аналогичные ходатайства подавались несколько раз, причем в просьбе им было отказано, ввиду того, что в бывшем монастыре помещается 2-ой Московский женский исправдом, и здания культа используются под театр для заключенных и других целей, так что открытие в них вновь богослужений адмотдел Моссовета считает нецелесообразным и нежелательным…».

Тогда же, в августе 1926 г., верующие написали последнее известное нам письмо-жалобу сразу в 3 адреса: Наркому юстиции Д. И. Курскому, Председателю СНК СССР А. И. Рыкову и заместителю Председателя ВЦИК П. Г. Смидовичу. Верующие писали: «Во имя свободы культа, провозглашенной Конституцией Республики, убедительно просим сдать нам под кладбищенский храм-часовню или Сергиевский храм под Новоспасской колокольней, или угловую башню вместо закрытого Никольского храма… Слезно просим удовлетворить нашу просьбу как религиозного меньшинства. Неужели же из шести монастырских храмов Вы не можете дать нам ни одного? Мы согласны даже туннель сделать от ворот под колокольней прямо к Преображенскому собору, чтобы отделиться от Лагеря. Ведь, не дадите нам, будут просить баптисты — им дадите. Чем мы заслужили такую немилость? Сжальтесь же, наконец! Мы все — рабочие. Хлопочем уже год. Сколько времени рабочего погубили, сколько сил, материальных средств. Дело наше превратилось в груды бумаг, а толку нет. Но мы не оставим хлопот, пока живы, так как без своего храма нам и жить нет смысла. Поймите же, что закрытые храмы для нас так же, как и Иерусалим для искреннего еврея — превратились в “стену плача”». Это горькое письмо попало во ВЦИК, где главный специалист по церковным делам Н. М. Орлеанский сделал заключение: «Открыть башню и можно было бы, но из этого верующие или вернее церковники (при наличии рядом стоящих и закрытых храмов) создадут ореол мученичества и гонений, а отсюда особый фетиш поклонения». 20 августа 1926 г. П. Г. Смидович проинформировал Президиум Моссовета об отклонении ходатайства верующих.

Середина 1920-х гг. стала определяющей в судьбе церковного имущества монастыря. Еще в марте 1925 г. обширные помещения верхнего Покровского храма занял Губархив. Смежные с храмом ризница и библиотека с имуществом оставались закрытыми и опечатанными печатью Музейного отдела Наркомпроса. Тогда же была произведена опись хранящегося в Покровском храме церковного имущества, где указаны: главный трехъярусный иконостас с 32-мя иконами XIX в., иконостас правого придела с 17-ю иконами XIX в., иконостас левого придела с 12-ю иконами XIX в., иконостас Спасского придела с 13-ю иконами, из которых 8 были древними. В описи упоминаются иконы на стенах (в их числе Знаменский образ XVIII в.), большая икона Троицы XVII в. в притворе, 2 мраморные мемориальные доски, большой деревянный шкаф XVIII в.

Самым беззащитным памятником в Новоспасском монастыре был его исторический некрополь. Уничтожение отдельных его памятников началось уже в первые послереволюционные годы. На кладбище, которое перешло в ведение

концлагеря в начале 1920-х гг., находилось около 3 тыс. могил. Приходившие на кладбище родственники погребенных, пытаясь охранить родные могилы, не раз писали о безобразном состоянии монастырского некрополя. В архиве Секретариата ВЦИК сохранилось возмущенное письмо, подписанное инвалидом труда Н. Н. Бором, проживавшим рядом с монастырем на ул. Малые Каменщики. Он, в частности, писал: «…Неужели общество верующих, собирающихся на родных могилах, по мнению местных сатрапов есть преступление? Уместно ли на кладбище устроить клуб, ведь этим балаганом оскорбляют самое дорогое душевное чувство, ведь подлее, позорнее нельзя придумать издевательства, ведь не дозволяют устраивать балаганы на кладбище у Кремлевской стены, там дорогие покойники, ну и тут не собаки… с каким чувством должен смотреть верующий на опоганенные, поруганные родные могилы, какой злобой и ненавистью наполнено сердце человека, видя безобразия разнузданных негодяев, а еще говорят, …что в России веротерпимость. Хороша веротерпимость?!». О плохом состоянии кладбища писали в 1926 г. в актах осмотра некрополя и сотрудники Исправдома («Старое кладбище носит следы разрушения»), и даже секретарь П. Г. Смидовича Н. М. Орлеанский, отмечавший разрушение ряда надгробий и склепов, откуда гробы с останками выбрасывались на землю.

Музейные работники в меру своих возможностей и понимания ценности церковной утвари старались спасти хотя бы отдельные памятники. С 1927 г. стали разбирать иконостасы в храмах, сносить надгробия монастырского некрополя. В июне 1932 г. МОНО, отвечающий и за состояние памятников, разрешил снос всех надгробий, кроме 4-х XVII в. под Знаменской церковью. Вырученные от их реализации средства МОНО предлагал обратить на ремонт Преображенского собора.

В архиве сохранилась толстая (114 листов) Книга учета 112 картин, портретов, образов, переданных из Новоспасского монастыря по актам 2 и 19 марта 1930 г. в музей Донского монастыря. Почти все они на момент передачи хранились в Никольской церкви. Напротив наименований 30 с лишним картин стоит пометка «к ликвидации», то есть попросту к уничтожению были назначены картины с изображениями: Патриарха Иова, епископа Воронежского Тихона, митрополита Московского Платона, ряда новоспасских архимандритов XIX в., «государя у гроба родителей в Новоспасском монастыре в прощеный день» и др. Всего же передали в Донской монастырь более 80 картин и священных изображений на холсте, в том числе живописные портреты епископа Порфирия (Успенского), митрополита Московского Филарета (Дроздова), Патриархов Филарета и Никона, царя Алексея Михайловича, архимандритов обители и др. Так постепенно было разбазарено или уничтожено накопленное веками церковное имущество древней московской обители.

Были расстреляны бывшие настоятели монастыря: архиепископы Борис (Шипулин), бывший настоятелем обители в 1906–1909 гг. (†1937) и Павлин (Крошечкин), настоятель в 1920–1921 гг. (†1937), епископы Макарий (Гневушев), настоятель в 1909–1914 гг., (†1918), Евгений (Кобранов), настоятель в 1921–1926 гг. (†1937).

В послевоенное время на территории монастыря размещались государственный архив, учреждения, жилые помещения, склады, завод монументальной скульптуры, мебельная фабрика. Все здания обители имели крайне неприглядный вид. В 1968 г. Совет Министров РСФСР принимает постановление об организации в монастырском соборе Музея истории и современной практики реставрационного дела в СССР. Тогда же начались ремонтно-реставрационные работы, а церковные помещения передали объединению «Союзреставрация», НИИ реставрации и их мастерским. Постепенно приводились в порядок обветшавшие храмы, стены и хозяйственные постройки.

4 декабря 1991 г. Новоспасский монастырь был передан РПЦ. Обитель была возрождена как ставропигиальный мужской монастырь. Вывод с территории монастыря многочисленных арендаторов занял несколько лет. В марте 1991 г. состоялось освящение Спасо-Преображенского собора, в 1997 г. — Покровского и Сергиевского в колокольне храмов. Первым наместником возрождаемого монастыря стал архимандрит Алексий (Фролов; в 1995 г. хиротонисан во епископа Орехово-Зуевского). В конце 1990-х гг. в обители подвизалось, кроме наместника, 17 монахов и 15 послушников. Здесь же занимался издательской деятельностью проживавший в монастыре на покое известный церковный историк архимандрит Иннокентий (Просвирнин). В 1994 г. он погребен недалеко от входа в собор.

Большим событием в истории возрожденной обители стало торжественное перенесение в нее 17 сентября 1995 г. найденных в Кремле останков великого князя Сергея Александровича, убитого в 1905 г. и захороненного в кремлевском Чудовом монастыре (в советское время уничтоженном). Гроб с останками был установлен в сохранившейся часовне Магаринских (начало XX в.), а через 2 года его поместили в усыпальницу Романовых под собором. В сентябре 1998 г. недалеко от святых ворот монастыря была установлена копия (работа скульптора В. Клыкова) большого креста-Распятия, первоначально сооруженного по проекту В. М. Васнецова и установленного в 1908 г. в Кремле на месте убийства великого князя (уничтожен в 1918 г.). Сегодня Новоспасский монастырь — центр, где изучается жизнь и деятельность этого князя-мученика и его супруги прпмц. Елисаветы Феодоровны, проводятся научные и церковно-общественные мероприятия, издается литература.

В Новоспасском монастыре ведется значительная и духовно-социальная, благотворительная работа. В нем открылась большая воскресная школа для детей и взрослых, детские певческие курсы. В обширных, отреставрированных еще в 1970–1980-х гг. настоятельских палатах XVII–XVIII вв. размещаются библиотека, читальный зал, сектор заочного обучения Московской духовной семинарии. На втором этаже этих палат находятся покои наместника, на третьем — келии старшей братии. В монастыре существует 3 хора, один из которых (хор игумена Митрофана) считается одним из лучших мужских хоров Москвы. Обитель окормляет школу-пансионат «Плесково» в Московской обл., расположенные в Москве Герценовский онкологический центр, психоневрологический интернат на Каховской. У Новоспасской обители имеется несколько подворий за пределами

Москвы: центр реабилитации наркоманов и алкоголиков в с. Дураково Калужской обл., в с. Сумароково Рузского р-на Московской обл., где ведется натуральное хозяйство. В подворьях сооружены новые или отреставрированы старые православные храмы.

К 20-летию возрождения обители в августе 2011 г. в части усыпальницы под собором был открыт Музей Новоспасской обители. В экспозиции Музея немало подлинных экспонатов, в том числе личные вещи великого князя Сергея Александровича.

В 2013 г. в Новоспасском монастыре торжественно отмечалось 400-летие воцарения рода Романовых. Торжества в обители 29 сентября 2013 г. возглавил Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Он освятил новый большой колокол и модель памятника «400-летие избрания на царствование династии Романовых». Позже отлитая в бронзе скульптурная композиция, изображающая фигуры первого и последнего царей династии — Михаила Федоровича и Николая II, была установлена недалеко от входа в усыпальницу Романовых. Средства на сооружение памятника и отливку колокола дал меценат В. И. Тырышкин.

В обители организована экскурсионная служба «Новоспасский паломник», предлагающая широкий спектр экскурсий по всем храмам монастыря, православным святыням Москвы, России, Афона. Новоспасский монастырь ведет обширную издательскую деятельность, печатаются труды по истории монастыря и РПЦ. В обители располагается большой книжный магазин с широким ассортиментом церковной литературы.

Территория монастыря благоустроена, здесь разбиты цветники, высажены деревья. Обнаруженные в земле старинные надгробия и их фрагменты выставлены вдоль монастырской стены.

В настоящее время в обители состоят 25 монашествующих. Наместник монастыря — Дионисий (Порубай), митрополит Воскресенский, управляющий делами Московской Патриархии, первый викарий Святейшего Патриарха Московского и всея Руси, управляющий Центральным викариатством.

Спасо-Преображенский собор

Древнейший храм Новоспасского монастыря был заложен повелением великого князя Ивана III в мае 1491 г., а 18 сентября 1497 г. новый каменный собор освятил митрополит Симон при архимандрите Афанасии. Сразу же в новом храме был погребен Василий Юрьевич Кошкин-Захарьин (один из предков Романовых) — это захоронение стало первым в родовом некрополе бояр Кошкиных-Захарьиных-Юрьевых-Романовых в монастыре. Среди самых известных представителей этого рода, погребенных здесь, — Роман Юрьевич Захарьин (давший фамилию будущей царской династии), дед патриарха Филарета и отец царицы Анастасии, первой жены царя Ивана Грозного. В этом же семейном некрополе упокоился и сын Романа Юрьевича, полководец и дипломат Никита Романович Юрьев — отец патриарха Филарета, брат царицы Анастасии, дед

первого царя из династии Романовых — Михаила Федоровича. В 1607 г. при Лжедмитрии I сюда привезли останки Василия, Александра и Михаила Романовых, сосланных Борисом Годуновым и скончавшихся в ссылке в разных местах.

Сооружение нового Спасо-Преображенского храма вместо старого началось в 1645 г., отчасти это строительство объяснялось желанием царя Михаила Федоровича, чтобы тела «царских пресветлых родителей» покоились не вне храма, а обязательно под сводами собора. Закончилось строительство в 1647 г. уже в царствование Алексея Михайловича. 19 сентября 1647 г. собор был торжественно освящен Патриархом Иоасафом в присутствии царя, при настоятеле и деятельном участнике строительства архимандрите Никоне, будущем Патриархе. О постройке собора сообщает вкладная книга монастыря: «Во 153 (1645) годе по Государеву Цареву и Великого Князя Михаила Федоровичу всеа Русии указу в дому Всемилостивого Спаса прежнюю соборную церковь до подошвы разобрали при архимандрите Ионе же, да при келаре Ефреме Квашнине…».

Старый собор, однако, не был снесен полностью — части его галереи с подклетом, в том числе три восьмигранные колонны с белокаменными капителями, были включены в новое здание храма.

Новый пятикупольный, четырехстолпный храм поражал современников своей монументальностью и напоминал по внешнему облику Успенский собор Кремля. Царь Михаил Федорович распорядился устроить в обширном подклете храма семейную усыпальницу, в которой были погребены его отец, мать, дядя и другие близкие. Расписали Преображенский собор только через четыре десятилетия после его сооружения в 1683–1689 гг. Над украшением стен, сводов и колонн работали 20 костромских иконописцев, возглавляемых известным мастером Оружейной Палаты Федором Зубовым. В росписи, сплошь покрывающей паперть собора (роспись сохранилась), выделяются изображения древнегреческих философов и поэтов: Орфея, Гомера, Солона, Платона, Птолемея, Аристотеля и др. Особый интерес представляет уникальная роспись свода при входе на паперть: изображение родословного древа русских великих князей и царей дома Рюрикова. У основания древа изображены княгиня Ольга и внук ее князь Владимир, поливающие из сосудов корень царственного дерева. Все государи написаны в рост с нимбами вокруг головы. Священными изображениями иконописцы украсили своды, стены и столпы собора. Интересно, что мастера-иконописцы изменили сохранившуюся от росписи времен постройки первого здания собора фреску на правом столпе (рядом с которым находилось царское место): изображение устроителей собора царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, держащих в руках модель самого собора, — вместо собора в их руках была написана Феодоровская икона Божией Матери, которой, по преданию, инокиня Марфа благословила своего сына Михаила Романова на царство. Об этом записанном древнем изображении стало известно благодаря сведениям реставратора П. И. Юкина, который в 1937 г. снимал часть фресок и под росписью 1689 г. обнаружил древнейшее изображение.

Вблизи царских врат на стенах в начале XVIII в. были написаны портреты всех 10 русских Патриархов.

В первой половине XVIII в. после одного из пожаров позакомарное покрытие на соборе заменили четырехскатным.

Сохранившийся до настоящего времени иконостас Спасо-Преображенского собора поражает своими размерами: длина 22 м, высота 24 м. В нем расположены в 5 ярусов 77 икон.

В соборе находилось много икон, связанных с династией Романовых. За жертвенником стоял старинный в окладе образ Божией Матери «Умиление», принадлежавший матери царя Михаила Федоровича — инокине Марфе. В местном ряду иконостаса помещался пожертвованный супругой Михаила Федоровича царицей Евдокией Лукьяновной храмовый образ Преображения Господня. С левой стороны царских врат располагалась Смоленская икона Божией Матери — вклад инокини Марфы. Все остальные иконы нижнего ряда иконостаса, работы царских изографов, были пожертвованы царем Алексеем Михайловичем ко дню освящения храма.

Главной же святыней монастыря и собора являлся находившийся рядом с храмовым чудотворный Нерукотворный образ Христа Спасителя. Эта икона, первоначально находившаяся в г. Хлынове (Вятка, ныне г. Киров), прославилась чудесами в 1645 г., и архимандрит Новоспасского монастыря Никон обратился к царю с просьбой перенести святыню в Москву. 14 января 1647 г. у Яузских ворот ее встретили царь Алексей Михайлович, Патриарх Иосиф, московское духовенство и множество народа. Первоначально образ поместили в Большой Успенский собор, а в день освящения Спасо-Преображенского собора перенесли туда и поставили у храмовой иконы. В 1640 г. икона Нерукотворного Спаса пребывала в войсках, сражавшихся против Степана Разина. Летом чудотворный образ находился в соборе, а зимой переносился в монастырскую Покровскую церковь. Перед иконой находилась серебряная лампада, поднесенная в 1837 г. во время посещения обители будущим императором Александром II.

Рядом с собором до революции размещалась ризница, в которой бережно хранились богатейшие вклады царей, цариц и бояр, жертвовавших богослужебные сосуды, святые кресты, Евангелия, облачения и другие предметы на поминовение погребенных в монастыре родственников. Среди жертвователей нередко встречались и имена бывших постриженников монастыря, занимавших епископские кафедры. Из многочисленных вкладов особо выделялись: золотой крест с частицами святых мощей, пожертвованный в 1680 г. царем Федором Алексеевичем, резной крест из пальмового дерева, подаренный Патриархом Филаретом Никитичем, золотой крест с частицами святых мощей — дар митрополита Сарского и Подонского Павла, ряд богато украшенных Евангелий, вышитых золотом и серебром плащаниц, бархатных, унизанных жемчугом надгробных покровов и др.

Собор в 1812 г. не сгорел, но сильно пострадал и был разорен. Многие иконостасные образа были выломаны, драгоценные ризы содраны с чудотворной Спасской и с других икон храма, престол осквернен и использовался французами как простой стол. После ремонта собор был освящен 6 августа 1813 г. епископом Августином, московским викарием. На чудотворный образ была одета новая,

драгоценная украшенная камнями риза. В 1830-е гг. при настоятеле Аполлосе была капитально обновлена конструкция иконостаса, вызолочены кресты и украшения глав. В 1865 г. поновили роспись собора, а в 1899 г. художник М. И. Дикарев провел реставрацию фресок.

Особо почитаемым местом монастыря была расположенная под всем Спасо-Преображенским собором усыпальница Романовых. Первым погребенным под сенью Новоспасского монастыря в конце XV в. был, как мы уже упоминали, Василий Юрьевич Кошкин-Захарьин. После него здесь упокоились и другие Романовы. Известно, что по приказанию инокини Марфы, матери царя Михаила Федоровича, в 1616 г. было изготовлено 46 надгробных покровов, а, по описи 1687 г., всех гробниц предков и царских родственников было уже 70. Сюда, в подклет собора, для поминовения своих предков ходили цари Михаил Федорович, Алексей Михайлович и Федор Алексеевич. В 1812 г. французы в поисках сокровищ разрушили многие надгробия, и целыми остались после нашествия только 28 гробниц. В 1857 г. по указу императора Александра II все оставшиеся гробницы были украшены белокаменными плитами с надписями, покрыты покровами, и на них поставлены иконы святых, имена которых носили почившие.

28 декабря 1902 г. в восточной части романовской усыпальницы митрополитом Московским и Коломенским Владимиром в присутствии великого князя Сергея Александровича и великой княгини Елизаветы Федоровны был освящен храм во имя прп. Романа Сладкопевца. Церковь в усыпальнице была устроена в память посещения Новоспасского монастыря императором Николаем II и императрицей Александрой Федоровной 13 апреля 1900 г. Проект храма составил архитектор С. У. Соловьев. Иконостас был из меди по образцу иконостаса московского Успенского собора. Иконы для иконостаса выполнил придворный живописец В. П. Гурьянов: местная икона Спасителя была точным списком с известного кремлевского образа «Спас Ярое око», а Богоматери — списком все с той же иконы Феодоровской, которой инокиня Марфа благословляла своего сына на царство. Остальные малые иконы в иконостасе изображали святых, имена которых носили погребенные здесь члены Дома Романовых.

В усыпальнице, кроме уже упоминавшихся нами родоначальника Романовых Романа Юрьевича Захарьина и его сына Никиты Романовича, похоронены также и другие сыновья Романа Юрьевича: Никита, Далмат и Даниил, их супруги и дети, мать царя Михаила Федоровича инокиня Марфа, его дочь Ирина Михайловна и др. Кроме Романовых, в усыпальнице погребались и родственные им бояре Сицкие, Ярославские, Оболенские, Трубецкие, Гагарины, Нарышкины, а также некоторые настоятели Новоспасского монастыря.

При устройстве храма прп. Романа Сладкопевца над входом в усыпальницу поместили мозаичную икону Нерукотворного Спаса, а над ней на крыше крыльца поставили главу с крестом. По бокам входа укрепили вырезанные в белом камне герб России XVII в. и изображение грифона — герба Романовых.

Вскоре после октября 1917 г. Спасо-Преображенский храм был отобран у насельников монастыря и опечатан Музейным отделом. Хотя в соборе было устроено архивохранилище, уникальный иконостас с иконами и старинную стенопись

музейным сотрудникам и реставраторам удалось сохранить, что было редкостью в судьбе монастырских храмов Москвы. Самой большой утратой советской эпохи стало исчезновение древнего чудотворного образа Спаса. В 1930-е гг. реставраторами были сняты некоторые фрески XVII в., в том числе упомянутая выше фреска с изображением царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича (в 1993 г. эта фреска 1680-х гг. передана из ГИМ в «постоянное безвозмездное пользование» монастыря).

В отличие от верхнего Спасо-Преображенского, нижний храм-усыпальница прп. Романа Сладкопевца в 1920–1930-е гг. подвергся настоящему разгрому. Почти дотла были уничтожены надгробия не только Романовых, но и похороненных там в XIX в. архимандритов монастыря, в том числе почитаемого старца Филарета (Пуляшкина), а также представителей известных дворянских династий: Еропкиных, Голицыных, Дашковых, Новосильцевых, Куракиных.

Помещение усыпальницы занимали различные мастерские.

Положение коренным образом изменилось после передачи монастырского ансамбля РПЦ. 22 марта 1991 г. состоялось малое освящение Спасо-Преображенского собора. Продолжалась начатая еще в 1980-е гг. реставрация фресок и икон. В октябре 1993 г. из фондов ГИМ в собор на свое место была возвращена фреска XVII в. с изображением царей, изъятая в 1930-х гг. В южной галерее в 1997 г. установили привезенный из афонского Ватопедского монастыря список чудотворной иконы «Всецарица», перед которой ежедневно стали совершаться молебны.

В 1997 г., насколько возможно, была приведена в порядок разоренная романовская усыпальница, куда осенью 1997 г. из часовни были перенесены останки великого князя Сергея Александровича. Наконец, 10 марта 2002 г. в усыпальнице был освящен воссозданный храм прп. Романа Сладкопевца. В 2010-е гг. шло восстановление разбитых исторических надгробных плит. В части помещения усыпальницы устроен церковно-археологический музей Новоспасского монастыря. Его собрание в 1990–2000-е гг. формировалось в основном из находок, сделанных на территории монастыря во время ремонтно-реставрационных работ. Музей был открыт в 2011 г. В экспозиции — более 100 экспонатов, один из разделов посвящен памяти великого князя Сергея Александровича.

Николая Чудотворца свт. домовый храм

при братских келиях и больнице

Протяженное здание келий в северной и восточной части монастыря было сооружено в 1640-х — начале 1650-х гг. В разных частях этого Г-образного строения находились келии и разнообразные службы: больничные палаты, поварни с трапезой, кладовые и др. В 1656 г. в помещении больницы и богадельни для неизлечимых и больных братий монастыря и священнослужителей на средства известного полководца князя Якова Черкасского была построена пятиглавая церковь во имя свт. Николая Чудотворца. В юго-западном углу храма возвели

небольшую шатровую колокольню с часами. В 1676 г. церковь обновлялась, по-видимому, на пожертвования сына Я. Черкасского — М. Я. Черкасского. По фасаду больничную палату и храм объединяла широкая галерея-гульбище.

В 1724 г. больницу в палатах упразднили и разместили там кладовые, тогда же перестроили и храм, демонтировав его боковые главы. В 1793 г. палаты еще раз перестроили, разобрали тогда и шатровую колокольню. В 1804 г. в Никольский храм, как уже упоминалось, перенесли престол во имя прп. Саввы Освященного. Больничная церковь и палаты пострадали от пожара в 1812 г. и были восстановлены в 1813–1815 гг. В храм перенесли древний иконостас из монастырской Знаменской церкви. Обновленный храм освятил 5 декабря 1815 г. настоятель обители архимандрит Амвросий. После очередной переделки 1840 г. здесь устроили 2-й придел — в честь Нерукотворного образа Спаса. Освящение его совершил митрополит Московский Филарет, бывший в свое время настоятелем Новоспасского монастыря.

В начале XX в. корпус и храм вновь перестроили. Были разобраны частично внутренняя и наружная стены палат — церковное пространство увеличилось. 12 апреля 1910 г. Саввинский придел переосвятили во имя св. Петра мученика — небесного покровителя Петра Борисова, много помогавшего во время перестройки Никольского храма.

И. Д. Дмитриев так описал в 1909 г. внутренний вид Никольской церкви: «Почти все иконы, находящиеся в храме, замечательны по своей древности и все также почти в византийско-русском стиле, чем Никольский храм и является противоположным Знаменскому. Из икон особенно обращают на себя внимание: 1) храмовый образ Нерукотворенного Спаса, принадлежавший, по преданию, императрице Елизавете Петровне; 2) Толгская икона Богоматери, которая представляет редкость по письму, а также и по своей оригинальной ризе из крупных жемчужин; 3) св. Марии Египетской и св. Алексия человека Божия; 4) св. Иоанна Воина. В Никольском приделе обращают внимание: 1) местный образ святителя Николая; 2) в алтаре на горнем месте обращает преимущественное внимание по сюжету изображение Спасителя в первый момент Его пригвождения ко кресту. По своей оригинальности это изображение можно вполне назвать единственным в своем роде». И. Д. Дмитриев перечисляет размещенные в притворе 8 старинных икон, когда-то бывших в иконостасе, а также находящиеся рядом с ними несколько образов строгановского письма.

В Никольском храме богослужения совершались только в летнее время. Под храмом находились небольшие помещения, именуемые «застенками» и «каменными мешками», в которых, по преданию, сидели присылаемые в монастырь преступники, а также прп. Дионисий, знаменитый защитник России в годину лихолетия в Смутное время, бывший настоятель Троице-Сергиевской обители, заточенный в Новоспасский монастырь как якобы еретик.

После октябрьского переворота 1917 г. при размещении в монастыре концлагеря и закрытии почти всех храмов Никольская церковь осталась единственной, где продолжались до 1925 г. регулярные богослужения. Сохранившиеся архивные документы начала 1920-х гг. свидетельствуют о борьбе общины

и входивших в ее состав монашествующих за свой храм. В октябре 1923 г. «религиозный приход при Никольском храме Новоспасского монастыря» перерегистрировал в Моссовете Никольский храм и составил его опись. В церкви на тот момент было 3 престола: свт. Николая Чудотворца, северный св. Петра мученика и «новый устроенный на хорах в честь Сошествия Святого Духа». В одноярусном иконостасе Петровского придела было 5 икон, в иконостасе Святодуховского придела — 4 больших иконы и над ними — 25 малых. В 3-х алтарях находилось 30 икон. В описи перечислены 16 икон (видимо, из иконостаса Никольского храма), среди которых особо выделены «Образ Нерукотворного Спаса в серебряной ризе с венцом, украшенным простыми каменьями (риза оставлена Комиссией по изъятию ценностей)» и икона свт. Димитрия Ростовского с частью мощей.

В 1924 г. Новоспасский женский исправительный дом, разместившийся на территории бывшей обители, стал активно ходатайствовать перед районными и городскими властями о ликвидации Никольского храма для устройства в нем клуба для заключенных. Это ходатайство было поддержано Рогожско-Симоновским райсоветом, однако Адмотдел Моссовета не рекомендовал все же передачу помещения храма под клуб, мотивируя это тем, что «церковь низка и темна и повлечет побеги». Однако уже в январе 1925 г. тот же Адмотдел выступил за передачу храма под клуб «т. к. возможна изоляция этого помещения». 23 января 1925 г. Президиум Моссовета, заслушав ходатайства Исправтруддома и Рогожско-Симоновского райсовета, постановил: ввиду «необходимости вести культурно-просветительную работу среди женщин» Никольский храм закрыть. Верующим было рекомендовано перейти в расположенный напротив монастыря Сорокосвятский храм. Через неделю, 30 января, церковь была опечатана, что было грубым нарушением законодательства, ведь у верующих было право в двухнедельный срок обжаловать решение Моссовета во ВЦИК. 3 февраля 1925 г. община написала в Президиум ВЦИК заявление-жалобу с просьбой отменить решение Моссовета. Верующие, в частности, писали, что община ремонтирует колокольню и продолжает работу «по сохранению и поддержанию памятников искусства и старины». Указывалось, что приход храма насчитывает 3 тыс. чел. В ГАРФ хранится это заявление с несколькими сотнями подписей верующих на 30 листах с оборотами (!).

Одновременно с этим власти запросили мнение Главнауки Наркомпроса РСФСР по поводу приспособления Никольского храма под клуб. Ответ за подписью начальника Главнауки Ф. Н. Петрова, направленный 9 февраля 1925 г. в Секретариат Председателя ВЦИК, имел двусмысленный характер. Возражений против ликвидации «не представлявшего особого историко-художественного значения» Никольского храма не было. С другой стороны, в письме содержалась высокая оценка деятельности общины храма, которая «…в прошлом году произвела ремонт колокольни бывшего монастыря, являющейся ценным памятником архитектуры середины XVIII в., в настоящее время во исполнение взятых на себя обязательств приступила к реставрации древних икон Никольской церкви и предполагает в текущем году произвести крайне необходимый ремонт крыши собора бывшего монастыря — памятника XVII в., не находящегося в поль-

зовании общины». В конце письма Ф. Н. Петров вопрошал, где Главнауке взять средства на реставрацию памятников монастыря в случае ликвидации общины.

Президиум ВЦИК все же отклонил жалобу верующих, о чем было сообщено в Президиум Моссовета 23 апреля 1925 г. В начале мая того же года инспектору Фортунатову был выдан мандат на ликвидацию храма. Николаевская церковь обладала ко времени закрытия историко-художественными иконами и утварью. Так осматривавший в августе 1924 г. храм реставратор Г. О. Чириков отметил находившиеся в алтаре иконы «Снятие со Креста Господа Иисуса Христа» (конец XVI в.), Спаса на Престоле в силах (XVI в.), Похвалы Богоматери и Владимирскую Богоматери на фоне московского Успенского собора с предстоящими московскими Святителями (XVII в.), 2 шитых хоругви (XVIII в.). Много древних икон отметил Чириков и в самом храме: образа Нерукотворного Спаса (XVI в.), Одигитрии (XVI в.), Николая Чудотворца (XVI в.), Тихвинский Божией Матери (XVIII в.) и др. Из находившейся в Никольском храме утвари Чириков особо выделял серебряную чеканную дарохранительницу начала XVIII в.

15 мая 1925 г. стало, пожалуй, самым «черным» днем в истории обители. Ценное церковное имущество последнего действующего храма монастыря было разделено на несколько частей и распределено между музеями и другими православными храмами Москвы. В тот день Фортунатов специальным актом передал представителю Главнауки Троицкому 22 иконы и предметы утвари историко-художественного значения. В их числе были 10 икон, включая вышеупомянутые древние Владимирскую, Спаса, Благовещения, Снятие со креста и др. Религиозное законодательство начала — середины 1920-х гг. допускало передачу икон и церковной утвари из закрытых храмов в действующие. Так представителю храма Успения в Кожевниках была передана большая часть церковного имущества Никольской церкви: все ее престолы, жертвенники, иконостасы Никольского придела с 29-ю иконами, Петровского придела с 17-ю иконами, еще более 90 икон, Евангелия, 3 напрестольных креста, 7 митр, 2 потира, Голгофа, Плащаница, 22 пары хоругвей, 10 аналоев, 3 дарохранительницы, 3 семисвечника, 27 лампад, посох, 48 различных облачений. В храм Рождества Богородицы в Столешниковом пер. передали около 20 стихарей, фелоней, подризников. Архиерейское облачение, митра и трикирий попали в церковь Благовещения в Петровском парке. До 20 облачений, а также сосуды, кадило, крест передали в храм св. прав. Филарета Милостивого в Тестовском поселке (р-н Пресни). Несколько комплектов священнических и диаконских облачений попало в храм Иерусалимской иконы Божией Матери близ городских боен за Покровской заставой.

После такого разорения Никольский храм, да и весь монастырь, навсегда потеряли значительную часть своих исторических святынь. Однако группа верующих-родственников погребенных на монастырском кладбище продолжила искать правду и вновь обратилась в Президиум ВЦИК с просьбой открыть Никольский или Сергиевский храмы. ВЦИК запросил по этому поводу Президиум Моссовета, который в июне–июле 1926 г. дважды письменно объяснял, что «Никольская церковь совершенно переоборудована», ее помещение приспособлено под показательный театр для заключенных, и «удовлетворение ходатайства

верующих невозможно». В акте от 9 августа 1926 г., подписанном представителями Моссовета, Исправтруддома и общины верующих, указывалось, что в переоборудованном под клуб церковном помещении «не реже 3-х раз в месяц… даются спектакли и киносеансы для заключённых и служащих». В тот же день руководители Адмнадзора и Адмотдела Моссовета сообщили Президиуму Моссовета, что возобновление в храме богослужений «Адмотдел Моссовета считает нецелесообразным и нежелательным». 20 августа 1926 г. заместитель Председателя ВЦИК П. Г. Смидович проинформировал Президиум ВЦИК о том, что жалоба верующих отклонена.

Разоренный храм действительно первоначально переделали под клуб, а в 1930-е гг. превратили в склад конфискованной мебели и картофелехранилище.

Реставрационные работы в бывшем храме и келейном корпусе начались с середины — конца 1960-х гг. и с перерывами продолжались до конца XX в. В братском корпусе заложили растесанные окна и двери, удалили пристройки начала XX в. В начале 1990-х гг. здание храма передали верующим, и сегодня Никольская церковь возобновлена как домовый храм для монастырской братии. На первом этаже проходят занятия воскресной школы.

Покрова Пресвятой Богородицы трапезный храм

Покровский теплый трехглавый храм, в основе своей сооруженный во второй половине XVII в., представляет собой сложный в плане архитектурный памятник, называемый историками архитектуры «Комплекс трапезной с церковью Покрова и Троицкой хлебодарной палатой». В этом двухэтажном храме-комплексе до 1917 г. находились устроенные в XVII–XIX вв. 6 престолов. Вверху главный в честь Покрова, а также свт. Димитрия Ростовского, вмц. Варвары, Спаса Нерукотворного образа; внизу — вмц. Екатерины, Печерской иконы Божией Матери и прп. Саввы Освященного.

Церковь была сооружена на средства царя Алексея Михайловича в 1673–1675 гг. в качестве теплого собора и получила название Покровской в память о скончавшемся в 1633 г. в праздник Покрова Пресвятой Богородицы Патриархе Филарете. 7 октября 1675 г. храм был освящен Патриархом Иоакимом. Тогда же была построена и трапезная, а в 1677–1678 гг. — Хлебодарная палата. Историками архитектуры высказывались предположения, что трапезная с хлебодарней сооружена раньше, в 1640-е гг., а подклеты в еще более ранний период. Толщина их стен достигает 4 м. Одностолпная трапезная поражает большими размерами.

Новый теплый Покровский храм был пристроен к Спасо-Преображенскому собору и имел с ним общие вход и паперть. По бокам главного алтаря располагались 2 придела: правый во имя вмц. Варвары (устроен в 1758 г.) и левый во имя свт. Димитрия Ростовского (устроен в 1757 г.). Первоначально приделы находились в трапезной храма, а в 1863 г. были подвинуты на один уровень с главным престолом, для чего рядом с Покровским алтарем устроили 2 алтарные

апсиды. В 1843 г. в Хлебодарной палате появился еще один придел — во имя прп. Саввы Освященного, перенесенный в 1907 г. на нижний этаж. Таким образом, в верхнем Покровском храме во второй половине XIX в. существовали 4 престола. В верхнем храме находились чудотворный Нерукотворный образ Христа Спасителя (он здесь пребывал в зимнее время), а также чтимая Тихвинская икона Божией Матери.

В нижнем этаже Покровского храма первоначально размещалась монашеская рухлядская, то есть склад хозяйственных запасов монастыря и вышедших из употребления предметов монашеского быта. В XVII в. здесь находилась хлебня, поварня, кладовые с погребами и другие помещения.

В 1843 г. при настоятеле архимандрите Аполлосе на средства московского купца Н. П. Титова над могилой его супруги Екатерины была устроена церковь во имя св. вмц. Екатерины. В алтаре этого храма на горнем месте находилась старинная Тихвинская икона, а в иконостасе — замечательная по художественной ценности храмовая икона св. вмц. Екатерины. В Екатерининской церкви помещалась вторая копия с чудотворного Нерукотворного образа Христа Спасителя, находившегося в соборе. В храм на время совершения богослужения из Знаменской церкви переносился чтимый образ Знамения Пресвятой Богородицы.

По правую сторону Екатерининского алтаря располагался придел в честь Печерской иконы Божией Матери. Начальная история устройства этого придела связана еще с домом благотворителей монастыря Мельгуновых, а в 1850-е гг. его перенесли в Новоспасский монастырь и поместили в юго-восточном углу трапезы Екатерининского храма прямо над могильным склепом Мельгуновых. В 1907 г. он вновь был перенесен — в пустовавшую правую нижнюю алтарную апсиду также в нижнем этаже, и освящен 27 ноября того же года. Ампирный иконостас этого придела был схож с иконостасом монастырского Знаменского храма. В приделе обращали на себя внимание иконы «Не рыдай мене Мати» и свт. Алексия митрополита Московского со свитком в руке — точная копия с образа, находившегося в кремлевском Чудовом монастыре. Под алтарем придела были погребены князья Шаховские, Гагарины, Коробановы и др.

С другой, левой, стороны Екатерининской церкви располагался придел во имя прп. Саввы Освященного. Престол во имя этого святого — один из старейших в Новоспасском монастыре, был в разные века в разных монастырских церковных зданиях. Первоначально — в сооруженной в 1622 г. колокольне, после ее разборки в 1759 г. перенесен в верхний Покровский теплый храм, в Хлебодарную палату, здесь просуществовал до 1812 г., после известного пожара сильно пострадал, был упразднен, а иконостас и древние иконы перенесли в больничную Никольскую церковь. Лишь в 1843 г. по инициативе архимандрита Аполлоса, Саввинский придел восстановили на старом месте — в Хлебодарной палате. Но на этом «путешествия» этого придела не закончились: в 1907 г. Саввинский придел очередной раз был перенесен и установлен в пустой алтарной апсиде у нижней Екатерининской церкви. Его освящение совершил 3 декабря 1907 г. настоятель монастыря архимандрит Борис.

Современники отмечали старинные иконы в иконостасе, сооруженном в XIX в. в древнем стиле академиком Ф. Г. Солнцевым. На царских вратах находились изображения Благовещения и евангелистов (все XVII в.). Иконописные образа местного ряда придела были не только древнего письма, но и представляли собой исключительное историческое значение. Храмовый образ прп. Саввы, который искусствоведы относили к XVI — началу XVII в., был пожертвован Патриархом Филаретом при устроении храма в колокольне. Икона Преображения Господня была пожертвована в храм также в начале XVII в. царицей Евдокией Лукьяновной, супругой царя Михаила Федоровича. В местном ряду находилась старинная XVII в. Владимирская икона Божией Матери, представляющая собой точный список с чудотворного образа из Большого Успенского собора. Отметим еще северную дверь иконостаса, на которой был изображен момент положения Ризы Христа Патриархом Филаретом и царем Михаилом Федоровичем в Успенском соборе после перенесения ее в Москву в 1625 г. В местном ряду находился и дар царя Алексея Михайловича — икона, изображающая 15 святых, соименных членам семейства Романовых. На стенах Саввинского и Печерского приделов нижнего Екатерининского храма были укреплены металлические доски с надписями — краткими историями этих приделов.

Покровский верхний и Екатерининский нижний храмы имели стенную роспись. Впервые Покровский храм расписали в 1680-е гг., затем роспись неоднократно поновлялась, особенно после 1812 г. В 1877 г. стены и своды были оштукатурены и расписаны академиком живописи В. Д. Фартусовым. Возобновлялась стенная живопись в конце XIX — начале XX в.

Незадолго до 1917 г. Покровский храм обогатился еще одним, 7-м по счету приделом. На средства москвичей — купца Петра Дмитриевича Грачева и его супруги Марии Алексеевны, в 1913 г. в верхнем храме на месте, где до 1907 г. находился Саввинский придел, был устроен новый придел — в честь Нерукотворного образа Спаса. 26 мая 1913 г. во время посещения монастыря император Николай II осмотрел Спасский придел и беседовал с купцом-храмоздателем и его семейством.

В Покровском храме, точнее в торцах северо-западной части трапезной и пристроенной к ней Хлебодарной палаты, на втором этаже в XVIII–XIX вв. размещались ризница и библиотека.

После октябрьского переворота 1917 г. и устройства в монастыре концлагеря Покровский храм был опечатан. В архиве сохранились составленные в начале 1920-х гг. подробные описи икон всех приделов и предметов, хранившихся в ризнице Покровского храма. Пока не найдены документы о времени и адресах вывоза богатейшего церковного имущества храма. Скорее всего, это произошло после 1926 г., когда община верующих была изгнана с территории монастыря. Храм был обезглавлен, в нем сделали перегородки, устроили жилье, разместили учреждения.

В 1970-е гг. жильцов переселили, храм стали реставрировать. В нем одно время размещались подразделения реставраторов. Храм освящен в 1997 г. на праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Иконостас для него был изготовлен

артелью Ивлева. Росписи в храме частично сохранились, на нижнем этаже они были утрачены.

Престольный праздник Покрова Пресвятой Богородицы имеет и ныне большое значение в жизни обители. По традиции к празднику 14 октября осуществляется «переезд» из Спасо-Преображенского собора, в котором богослужения совершаются летом, в Покровский храм на зиму.

Сергия Радонежского прп. храм
в колокольне

Первая каменная шатровая колокольня Новоспасского монастыря с церковью прп. Саввы Освященного в нижнем ярусе была построена у Спасо-Преображенского собора в 1622 г. Средства на ее возведение дал Патриарх Филарет. К середине XVIII в. колокольня обветшала, и в 1759 г. при настоятеле монастыря архимандрите Мисаиле (Чирском) в ограде на месте прежней башни заложили новую колокольню. Автором проекта был известный архитектор Иван Жеребцов. Строительство продолжалось 3 года. Однако затем из-за недостатка средств прервалось на 20 лет. Лишь после посещения императрицей Екатериной II Новоспасского монастыря в 1782 г. удалось получить из казны 20 тыс. руб. на продолжение работ, и в 1785 г. огромная четырехъярусная колокольня была завершена. Вся постройка обошлась в 80 тыс. руб. Самому архитектору так и не удалось увидеть свое детище: в 1780 г. он умер и был погребен в левой части первого яруса созданной им колокольни. Кстати, сам И. Жеребцов проектировал монастырскую звонницу пятиярусной, что позволило бы ей стать едва ли не самым высоким зданием в Москве. В 1786 г. на средства московского купца С. П. Васильева колокольня была увенчана вызолоченной главою. В 1787 г. на 2-м ярусе на средства купеческой жены Наталии Бабкиной была устроена и освящена 14 декабря архимандритом Павлом церковь прп. Сергия Радонежского. Во время пожара 1812 г. иконостас и все внутреннее убранство храма сгорело, упали большой колокол, весом в 1100 пудов, и полиелейный, весом в 425 пудов, пробив кирпичный свод. Отремонтировали храм лишь к 1821–1822 гг. Мастером Мемноном Скороспеловым на средства купца И. В. Вавилова была исполнена стенная живопись священных изображений, скомпонованных в виде медальонов, разделенных орнаментальной росписью. Освятили храм в 1825 г.

25 мая 1901 г. после большой реставрации Сергиевский храм был вновь освящен. Средства на работы по возобновлению иконостаса и настенного письма поступили от потомственного почетного гражданина Сергея Федоровича Стриженова. Церковь украшал ампирный золоченый трехъярусный иконостас, в нижнем ярусе которого, по обеим сторонам царских прорезных врат, находились 8 живописных икон; во 2-м — 4 квадратных образа праздников; в 3-м — Тайная Вечеря и в клеймах — Страсти Господни.

Автор книги о монастыре И. Д. Дмитриев дает описание Сергиевского храма (на 1909 г.): «В своем настоящем виде Сергиевский храм представляет внутри

крестообразную форму небольших размеров, освящается со всех сторон окнами… и вверху с трех сторон окружен хорами. Церковь имеет три входных двери, которые ведут к внешней окружающей со всех сторон храм галерее… Иконостас Сергиевского храма в итальянском стиле эпохи Возрождения, сходный с иконостасами Знаменской церкви и Печерского придела. Все иконы, находящиеся в нем, также итальянской живописи художественного исполнения…». И. Д. Дмитриев особо выделяет иконостасную икону Господа Иисуса Христа и находящиеся в алтаре образа «Снятие с креста Спасителя» и «Спаситель, Распятый на Кресте».

В Сергиевском храме совершались литургии по праздничным дням в течение летнего периода.

Новоспасская колокольня славилась своим набором из 28 колоколов, помещенных на 3-м ярусе. Самый большой весил 800 пудов. Историческую ценность представляли старинные колокола: 200-пудовый 1695 г., 90-пудовый 1735 г., 150-пудовый XVII в. и 3 небольших также XVII в.

Современные историки архитектуры высоко оценивают художественные достоинства монастырской колокольни, которая «…является одним из самых значительных и редких в Москве памятников барокко середины XVIII в. …Монументальные формы колокольни кажутся тяжеловесными. Однако богатство оформления убывающих по величине ярусов придает зданию исключительную пластичность…».

Внизу колокольни в небольшом помещении сохранялось каменное надгробие над захоронением архимандрита Мисаила Чирского (1764 г.).

После революции религиозной общине для богослужения оставили 2 монастырских храма: свт. Николая Чудотворца и Сергиевский. В них находились переданные Главнаукой Наркомпроса РСФСР для сохранения историко-художественные предметы и церковная утварь из других монастырских храмов. Члены общины совершали колокольный звон в определенные часы.

Руководство концлагеря, размещавшегося на территории Новоспасского монастыря, всячески пыталось запретить доступ верующих на колокольню и в Сергиевский храм. Решили воспользоваться фактом побега 6-ти заключенных. Начальник лагеря 31 июля 1924 г. направил под грифом «Срочно. Секретно» рапорт начальнику Главумзака (Главного управления мест заключения), в котором указал, что в колокольне происходят собрания «неизвестных граждан и бывших монахов, производится трезвон… Щелканье отпираемых и запираемых увесистых церковных запоров и звон колоколов усыпляют бдительность охраны вообще и, в частности, в данном случае послужило маскировкой при распиливании заключенными железной скобы и открытия железной калитки». Подхватил этот, казалось бы, смехотворный аргумент Президиум Рогожско-Симоновского райсовета и 5 августа 1924 г. предложил Моссовету поддержать просьбу Исправтруддома «о запрещении входа на колокольню и прекращение звона и тайных собраний священнослужителей в колокольне». Уже 21 августа 1924 г. начальник 42-го отделения милиции получил из Адмотдела Моссовета предписание опечатать колокольню.

Община верующих 16 сентября 1924 г. написала заявление во ВЦИК, доказывая, что побег произошел не через колокольню, а через территорию лагеря. В письме указывалось, что община производит ремонт и реставрацию колокольни по разрешению и под наблюдением Главнауки. Последняя действительно подтвердила производящиеся верующими работы на колокольне.

Желая сохранить колокольню с храмом, члены общества верующих 6 октября направили в адрес Новоспасского Исправдома письмо со словами: «…слезно просим ко дню Всемирного праздника 7 годовщины Октябрьской Революции разрешить нам звон хоть на эти дни, …чтобы трезвоном выразить свою преданность диктатуре пролетариата и, чтобы вознести торжественное моление "О Правящих у власти ныне сущих" Господу Богу под звон колоколов для засвидетельствования своего верноподданичества Советской власти». Разжалобить таким странным образом начальство Исправдома верующим не удалось, и чуть более чем через месяц община посылает еще одно такое письмо в Президиум ВЦИК СССР: «Просим слезно от лица пяти тысяч верующих рабочих и крестьян нашего коллектива разрешить нам звон на нашей Новоспасской колокольне, так как она имеет отдельный вход с площади и наглухо отделена от помещающегося в монастыре Исправдома… В случае получения милости ВЦИКа мы хотели бы на колокольне на наружной стене соорудить мемориальную доску с надписью…». Община обратилась даже в редакцию газеты «Известия». Увы, милости ни от Исправдома, ни от ВЦИК верующие не получили. 27 ноября 1924 г. за подписью заведующего Секретариатом Председателя ВЦИК Котомкина и секретаря по делам культа Н. М. Орлеанского в Президиум Моссовета было направлено письмо, в котором сообщалось, что жалобу верующих на закрытие колокольни ВЦИК оставил «без удовлетворения».

В Сергиевском храме под колокольней сохранялось устроенное Главнаукой хранилище историко-художественных памятников, перемещенных сюда из занятых Исправдомом помещений бывшего монастыря. До нас дошла опись 1926 г., в которой обозначены эти ценности. Здесь, помимо храмового иконостаса с 21 иконой начала XIX в. и церковной утвари, находилась богатая своеобразная «картинная галерея»: 8 больших на полотне икон-картин религиозного содержания. Среди них — «Три отрока», «Поклонение волхвов», «Глава Иоанна Предтечи», «Святое семейство» и другие, написанные в XVIII — середине XIX в., кроме того, 32 портрета XVIII — начала XIX в., на 22-х из них были изображены различные духовные лица: епископы, настоятели монастырей. В описи указаны портреты царевны Ирины Михайловны, императриц Екатерины I Алексеевны и Елизаветы Петровны, императора Павла I, Патриарха Никона, митрополита Московского Платона и др. В числе включенных в опись был и портрет графа К. Г. Разумовского (1756 г.) с подписью на обратной стороне художника Алексея Антропова. Искусствоведы, осматривавшие в 1926 г. картины, отмечали антроповскую манеру живописи еще в 2-х портретах: Елизаветы Петровны и княжны Таракановой.

Несмотря на явную историко-художественную ценность хранящихся в Сергиевском храме памятников, помещение его не отапливалось, стекла были

выбиты, портреты покрыты пылью, а зимой внутрь проникал и снег. Судьба этих художественных ценностей точно неизвестна. По некоторым данным, в 1928–1929 гг. картины были перевезены в Донской музей-монастырь. Известно, что осенью 1928 г. руководство Исправдома обратилось с просьбой передать им для своих каких-то нужд церковное помещение колокольни. Осматривавшие тогда храм специалисты из Центральных государственных реставрационных мастерских отмечали: «…Красивый ампирный иконостас разрушается. Самая колокольня почти беспризорна». В 1932 г. на заседании ЦГРМ рассматривалась просьба, поступившая от районного начальства, о сносе уже самой колокольни и построении на ее месте Дома науки и культуры. Реставраторы возмутились и разрешения не дали; речи же о храме в колокольне не было, его к тому времени уже ликвидировали.

В 1991 г. Новоспасский монастырь передали РПЦ. К 1997 г. завершились ремонтные работы в Сергиевском храме, был сооружен иконостас, и церковь освятили. На колокольню поднято несколько колоколов, среди них — и 2 небольших старинных, весом в 1 и 3 пуда. В 2013 г. Патриархом Кириллом был освящен 1000-пудовый, отлитый в г. Тутаеве (бывший Романов-Борисоглебск) колокол.

В конце 2010-х гг. колокольня и храм были вновь отремонтированы, стены прохода под колокольней расписали священными изображениями и сюжетами из истории Русской Церкви и Новоспасского монастыря.

Знамения Пресвятой Богородицы иконы храм

Первый Знаменский каменный храм был построен в Новоспасской обители приблизительно в 1630-е гг. царем Михаилом Федоровичем над могилами Романовых: Василия (†1601), Александра (†1606) и Михаила (†1606) Никитичей, скончавшихся в ссылке. Позже этот храм наравне со Спасо-Преображенским собором стал усыпальницей и для представителей других, близких к Романовым, знатных фамилий. К концу XVIII в. церковь обветшала и в 1791 г. была разобрана. За 4 года до этого разобрали и стоявшую рядом с храмом старую шатровую колокольню. Новый Знаменский храм возвели в 1791–1795 гг. на средства тайного советника, сенатора и кавалера графа Николая Петровича Шереметева приблизительно на месте разобранной колокольни. Архитектором храма был помощник и родственник зодчего В. И. Баженова Елизвой Семенович Назаров. Исследователи полагают, что Баженов мог принимать участие в составлении проекта храма. Сам Е. С. Назаров имел большой опыт работы: в 1770-х гг. был архитектором при московских департаментах Сената, в 1780-х гг. строил Святодуховскую церковь на Лазаревском кладбище в Москве, в 1790-е гг. находился на жаловании у Н. П. Шереметева, «имел смотрение» за его домами в Москве.

Новый Знаменский храм был освящен 15 января 1795 г. настоятелем Мефодием (Смирновым), ставшим через несколько месяцев епископом Воронежским. Отделочные работы, оформление интерьера продолжались до 1803 г. Историки архитектуры называют Знаменскую церковь одной из лучших и оригинальных

построек Москвы времени классицизма. Храм — двухэтажный, округлой формы, однокупольный, с трех сторон имеет двери, восточной стороной примыкает к Спасо-Преображенскому собору. В храме более 20 окон, благодаря чему он имеет хорошее освящение.

Собственно сама церковь размещалась на 2-м этаже. Храм имел небольшой изящный двухъярусный иконостас, увенчанный высоким фронтоном с поставленным на него крестом, по бокам которого находились фигуры ангелов. На правой стороне за клиросом в киоте помещался чтимый старинный образ Знамения Пресвятой Богородицы в серебряной ризе. Всего в нижнем местном ряду иконостаса находилось до революции 4 иконы, в верхнем ярусе — 8 (все они «итальянской живописи» конца XVIII — начала XIX в.). Внизу в сводчатую усыпальницу вели 2 широкие полукруглые лестницы. Усыпальница освещалась небольшими окнами и была украшена тосканскими колоннами.

В нижнем этаже в юго-западном углу в особой палатке находились гробницы упомянутых выше братьев Патриарха Филарета, захороненных еще в старом храме. В усыпальнице были также надгробия Лобановых-Ростовских, Черкасских, Сицких, Урусовых. Большую часть помещения занимали захоронения Шереметевых и их близких: князя Алексея Михайловича Черкасского (†1742), графини Варвары Алексеевны Шереметевой (урожд. графини Черкасской; †1767), графа Петра Борисовича Шереметева (†1788), графини Варвары Петровны Разумовской (урожд. Шереметевой; †1822), сестры заказчика храма Н. П. Шереметева и др.

Храм сильно пострадал от пожара 1812 г., был возобновлен и освящен 5 апреля 1813 г. Новый иконостас во многом повторял первоначальный, в 1820-х гг. храм расписан итальянским художником А. И. Клаудо.

Отопления в храме не было, и богослужения (обычно ранняя литургия) совершались в нем только летом.

После октябрьского переворота 1917 г. богослужения в Знаменском храме были прекращены, церковь была опечатана, и до 1927 г. в ней сохранялся уникальный интерьер. Храм как ценный архитектурный памятник находился на учете и под охраной Музейного отдела Главнауки Наркомпроса до конца 1920-х гг. Затем его подвергли разорению: заделали проем между этажами и устроили общежитие. Уникальный иконостас, белокаменные и мраморные исторические надгробия были уничтожены.

В 1960-е гг. в храме находился медвытрезвитель, что вызвало протест общественности. В газете «Комсомольская правда» (1966 г., 27 июля) было даже опубликовано негодующего характера письмо художника П. Корина, писавшего, в частности: «Я не могу расценивать иначе как надругательство над светлым гением Василия Баженова тот факт, что в церкви Знамения, сооруженной им в Новоспасском монастыре (Крестьянская пл., 10), находится сейчас санпропускник и вытрезвитель». Вскоре после этого медвытрезвитель из храма выехал, но храм вплоть до начала возрождения обители оставался в разорении.

К концу 2010-х гг. храм и его уникальный интерьер отреставрировали. В 2018 г. в нем совершена панихида по известному государственному

и общественному деятелю, историку С. Д. Шереметеву, похороненному в 1918 г. в Новоспасской обители.

Существует проект перенесения из монастырского собора в Знаменский храм чудотворной иконы Божией Матери Всецарицы, в особо устроенный по образцу Царского трона киот.

Источники и литература:

1. ЦГАМО. — Ф. 66. — Оп. 18. — Д. 109. Договор с группой верующих о передаче ей храмов Новоспасского монастыря. 1919–1923 гг. — 203 л.; Д. 320. Заявления группы верующих… при Николаевском храме Новоспасского монастыря. 1923–1925 гг. — 83 л.
2. ЦГАМО. — Ф. 966. — Оп. 3. — Д. 71. Доклады и акты об учете художественных предметов Рогожского-Симоновского монастыря. 1923–1929 гг. — 36 л.
3. ЦГАМО. — Ф. 4341. — Оп. 1. — Д. 546. Книга учета портретов, образов, переданных из Новоспасского монастыря… 1930 г. — 114 л.
4. ЦГА г. Москва. — Ф. Р-1. — Оп. 1. — Д. 127. Новоспасский монастырь. 1926–1936 гг.
5. ГАРФ. — Ф. Р-1235. — Оп. 60. — Д. 87. Переписка с Наркомпросом, Моссоветом, Музейным отделом Главнауки… о предоставлении церковных помещений под культурно-просветительские учреждения. 1924–1925 гг. (О Новоспасском монастыре — Л. 123–181).
6. *Ювеналий (Воейков).* Краткое историческое описание Московского ставропигиального первоклассного Новоспасского монастыря… — М., 1802. — 93 с.
7. *Адриан, иеромонах.* Краткое описание ставропигиального Новоспасского монастыря, почерпнутое из исторического описания сего монастыря, напечатанного в Москве 1802 года… — М., 1821. — 103 с.
8. *Ювеналий (Воейков).* Описание состоящего в Московском ставропигиальном Новоспасском монастыре храма Знамения Пресвятой Богородицы, тщанием и иждивением… графа Николая Петровича Шереметева, воздвигнутого… — М., 1803. — 56 с.
9. *Иванчин-Писарев Н. Д.* Утро в Новоспасском монастыре. — М., 1841. — 89 с.
10. *Снегирев И. М.* Новоспасский монастырь в Москве. — М., 1883. — 110 с.
11. *Кудрявцев М.* Чудотворный Нерукотворный образ Спасителя, что в Московском Новоспасском монастыре. — М., 1886. — 122 с.
12. *Морозов К. К.* Памятник архитектуры — Новоспасский монастырь в Москве. — М., 1982. — 41 с. + 36 с.
13. Сорок Сороков : краткая иллюстрированная история всех московских храмов : [в 4 т.] / собр. П. Паламарчук; фот. П. Паламарчука, А. Демченко. — Т. 1. Кремль и монастыри. — М., 1992. — С. 292–311.
14. *Дмитриев И. Д.* Московский Новоспасский Ставропигиальный монастырь в его прошлом : историко-археологический очерк. — М., 1997. — 122 с. (Репринтное воспроизведение издания 1909 г.)
15. Памятники архитектуры Москвы. Юго-восточная и южная части территории между Садовым кольцом и границами города XVIII века (от Земляного до Камер-Коллежского вала). — М., 2000. (О Новоспасском монастыре — С. 152–172).
16. *Козлов В. Ф.* Церковь преподобного Сергия Радонежского в колокольне Новоспасского монастыря // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Июль. — М., 2000. — С. 134–137.
17. *Козлов В. Ф.* Новоспасский ставропигиальный мужской монастырь. Собор Спаса Преображения // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Август. — М., 2002. — С. 79–94.
18. Жизнеописания настоятелей Московского Новоспасского ставропигиального монастыря с 1906 по 1926 г. — М., 2002. — 119 с.
19. Церковь иконы Божией Матери «Знамение» в Новоспасском монастыре // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Ноябрь. — М., 2005. — С. 549–553.

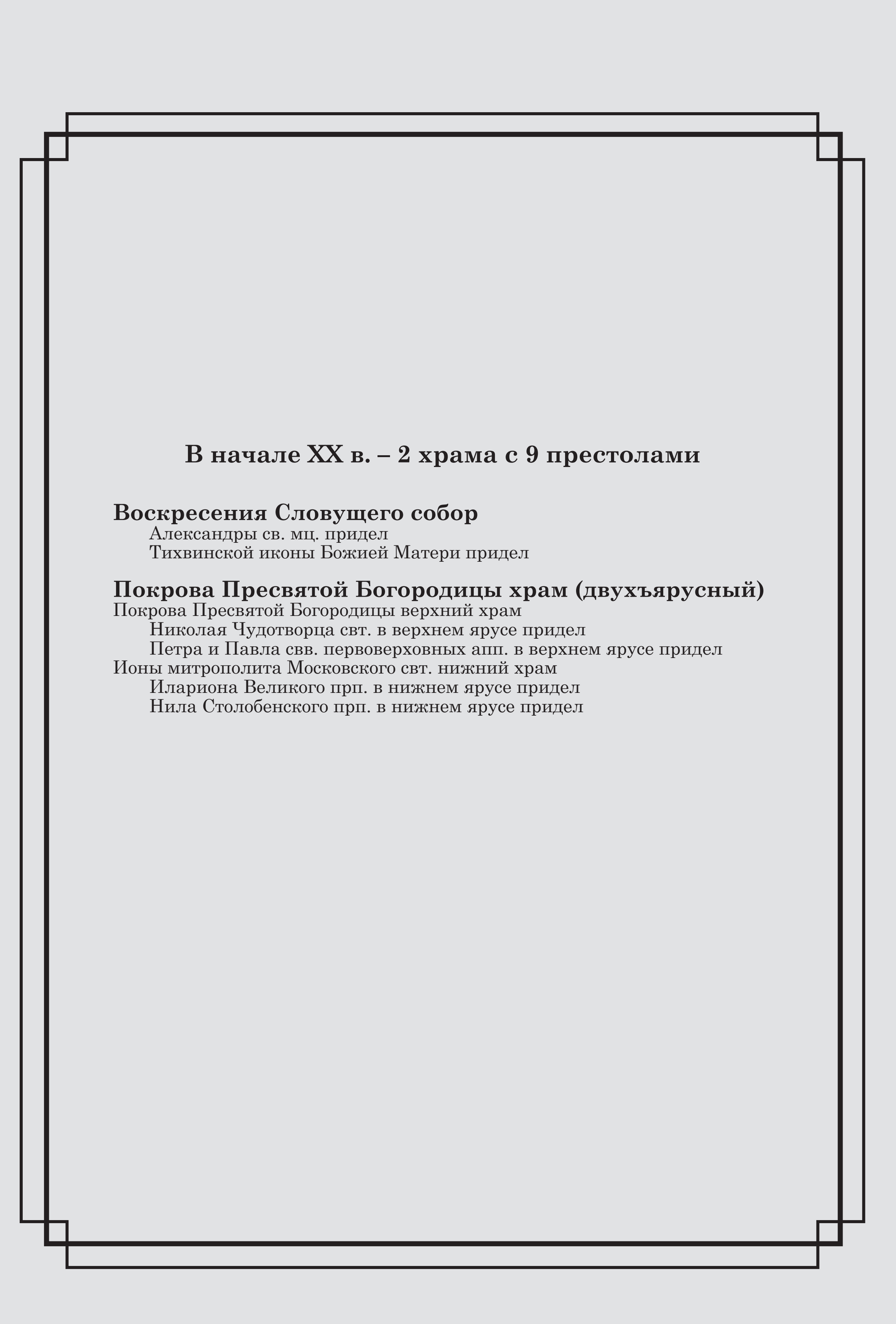
20. Путеводитель к древностям и достопримечательностям московским... / сост., статья С. С. Илизарова. — М., 2009. (Тексты на 69 надгробиях в храмах Новоспасского монастыря — С. 355–362).
21. *Солодовников Д. Б.* Знаменский храм Новоспасского монастыря как мемориал бояр Романовых и сродников их, пострадавших в правление царя Бориса Годунова. — М., 2016. — 111 с.
22. *Круглик А., протоиерей, Крестников Ю. В.* Новоспасский монастырь : страницы истории. Исторический очерк. — М., 2018. — 528 с.
23. *Савва (Михеев), митрополит, Виденеева А.* Московский Новоспасский монастырь : Очерки истории. — М., 2019. — 960 с.

Покровский ставропигиальный женский монастырь

ул. Таганская, д. 58

В начале XX в. – 2 храма с 9 престолами

Воскресения Словущего собор
Александры св. мц. придел
Тихвинской иконы Божией Матери придел

Покрова Пресвятой Богородицы храм (двухъярусный)
Покрова Пресвятой Богородицы верхний храм
Николая Чудотворца свт. в верхнем ярусе придел
Петра и Павла свв. первоверховных апп. в верхнем ярусе придел
Ионы митрополита Московского свт. нижний храм
Илариона Великого прп. в нижнем ярусе придел
Нила Столобенского прп. в нижнем ярусе придел

ИСТОРИЯ ДО 1917 г.

Первый монастырь в честь Покрова Божией Матери появился в Москве при великом князе Иване III и упоминается в летописи под 1479 г. Исследователи спорят о его местоположении: либо в «Садех», то есть в районе современного Старосадского пер., либо в районе современного Покровского храма в Лыщиковом пер. Дошедший до нас Покровский монастырь за Земляным валом (в районе современной Абельмановской заставы) основан в местности, где издревле находились «убогие домы» (скудельницы), и погребались люди, умершие внезапной смертью без церковного покаяния. Таких «убогих» домов в Москве было несколько. По преданию, именно сюда был привезен в 1606 г. труп самозванца Григория Отрепьева.

Считается, что Покровский монастырь за Земляным валом был основан в 1635 г. царем Михаилом Федоровичем, пожаловавшим на его построение землю. Первый историк обители И. М. Снегирев, указывая на это, ссылался на копию хранившейся в монастырской ризнице царской грамоты. Монастырь был предпоследним основанным в Москве в допетровский период и не отличался богатством и известностью. В первые десятилетия своего существования он упоминается редко, правда, известно, что ему в 1655 г. царь Алексей Михайлович пожаловал 6 десятин сенных покосов и несколько лугов. Покровский монастырь посещали государи: в 1675 г. Алексей Михайлович, а в 1678 г. Федор Алексеевич.

В 1680–1731 гг. обитель была приписана к Заиконоспасскому монастырю. В 1744 г. Покровский монастырь причислили к Крутицкой епархии.

Короткое время с 1751 по 1756 г. в обители находилась переведенная из Вяземского Предтечевского монастыря духовная семинария.

В 1764 г. Покровский монастырь был причислен к заштатным и ему было назначено содержание в 300 руб. ассигнациями или в 85 руб. серебром. В то время в обители проживали игумен, 3 иеромонаха и 3 иеродиакона. В 1788 г. Крутицкую епархию упразднили и Покровскую обитель вновь приписали к Московской епархии. Во время эпидемии чумы в 1770–1771 гг. в обители открыли палаты для чумных больных.

По описи 1763 г., в Покровском монастыре находилась соборная каменная пятиглавая Всехсвятская церковь, а также вторая, построенная в 1638 г., Покровская церковь с приделом во имя прп. Иоанна Дамаскина. На территории обители имелась шатровая каменная колокольня с часами, деревянные одноэтажные келии, одноэтажные же каменный и деревянный братские корпуса, а также двухэтажное каменное здание, в котором в разное время размещались семинария, трапезная, кухня, погреб и другие службы. Монастырь был обнесен каменной оградой с 5-ю башнями. Ему принадлежало 4 часовни: у обители («подмонастырская»), недалеко от монастыря на Таганке, у Москворецких ворот в Китай-городе и на ул. Первой Мещанской. Заштатный монастырь был небогат, после секуляризации многие его постройки нуждались в ремонте, а храмы в коренной реконструкции.

В конце XVIII — начале XIX в. у монастыря появились состоятельные благотворители и возможность не только исправить ветхости, но и построить новые церковные здания. В 1790-е гг. на средства московского купца Диомида Мещанинова была сооружена каменная мужская богадельня, восстановлена ветхая ограда, возведен новый Всехсвятский собор с 2-мя приделами. В 1810 г. на пожертвования Хлебниковой рядом с монастырем на ул. Семеновской построили каменное здание женской богадельни. В 1806 г. началось строительство Покровского храма, средства на который также дали благотворители. Вместо старой обветшавшей колокольни в 1799 г. была построена новая. Таким образом, за полтора–два десятилетия монастырь практически полностью изменил свой облик.

Во время Отечественной войны 1812 года Покровский монастырь сильно пострадал. Самая ценная церковная утварь была спасена настоятелем Ионой — вывезена в Вологду. Что не успели вывезти, спрятали в обители. Французы монастырь разграбили, пытали оставшихся монахов, нашли спрятанные ценности, жгли иконы. В храмах были устроены конюшни. Восстановление монастыря и его храмов продолжалось более 10 лет. Воскресенский собор освятили в 1815 г., достроенный Покровский храм — в 1825 г. В 1818 г. монастырь посетил император Александр I.

В 1820–1830-е гг. в Покровском монастыре были построены сохранившиеся до настоящего времени двухэтажный каменный дом настоятеля, дом причта, началась перестройка монастырской ограды с 4-мя угловыми восьмигранными башнями и 3-мя промежуточными, прямоугольными в плане — ограда была стилизована под старину. В 1850-е гг. по проекту М. Д. Быковского капитально перестраивается Воскресенский собор.

В 1860-е гг. в Покровском монастыре проживало около 50 монашествующих. В 1859–1862 гг. настоятелем монастыря был опытный монах, архимандрит Паисий (Соколов), автор изданных в 1875 г. мемуаров. Он был похоронен на монастырском кладбище. В 1860–1869 гг. в монастыре жил и занимался научной работой известный церковный историк, архимандрит Амфилохий (Сергиевский-Казанский), позже ставший епископом Угличским, викарием Ярославской епархии.

Покровский монастырь славился своим некрополем. В подклетах Воскресенского и Покровского храмов были захоронены наиболее известные благотворители, церковные иерархи, родственники грузинских царей (о них см. в очерках о монастырских храмах). С внешней стороны церковных алтарей находились могилы известных настоятелей XIX в.: архимандритов Ионы, Паисия, Лаврентия и др.

На кладбище, вне храмов (оно было расположено в западной части монастырской территории) хоронили известных купцов, благотворителей, меценатов, храмоздателей, литераторов, композиторов, медиков и др. На кладбище выделялись целые семейные купеческие участки, в том числе Боткиных, Карзинкиных, Морозовых, Хлудовых, Щукиных и др. К началу XX в. современники отмечали обширность и благоустроенеость кладбища, «скромные, но хорошие памятники», многие из которых были произведениями искусства.

Известность Покровскому монастырю принес и его миссионерский характер. Это произошло благодаря занявшему в 1868 г. Московскую кафедру известному миссионеру, «Апостолу Аляски» митрополиту Московскому Иннокентию (Вениаминову). Уже в 1870 г. был опубликован Указ Св. Синода «О назначении Покровского монастыря для помещения в нем желающих поступить на служение в миссиях лиц». Отныне в этом монастыре братия подбиралась преимущественно из тех, кто занимался миссионерством, мог составлять сочинения для новообращенных, переводить и переписывать рукописи, заниматься письмоводством, архивной и библиотечной работой. В обители могли получить приют и проповедники, приезжающие из миссий, и ученые, занимающиеся сочинениями или переводами трудов, и священники, потерявшие на этой службе здоровье и силы. В Покровском монастыре намечалось собирать архив миссионерских дел, книги, рукописи, касающиеся духовных миссий. В 1870 г. в высших церковных кругах обсуждался вопрос об учреждении в Покровском монастыре особого Миссионерского института, где должны были готовиться опытные вероисповедники. Но эта идея так и не была воплощена в жизнь. Обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев скептически отнесся к организации требующего больших расходов института, в одном из писем он указывал, что «идея приготовлять миссионеров в центральном, нарочито устраиваемом учебном заведении есть идея мечтательная».

Тем не менее, Покровский монастырь стал миссионерским, в нем стали жить на покое потерявшие здоровье миссионеры. Православному миссионерскому обществу в обители выделили одноэтажное здание с 8-ю келиями. При жизни Иннокентия (Вениаминова) с 1871 по 1878 г., в Покровском монастыре было подготовлено 26 миссионеров. После кончины святителя деятельность монастыря как миссионерского института почти прекратилась. Попытка возродить

в обители дух миссионерства была предпринята при знаменитом миссионере митрополите Московском Макарии (Невском). В 1915 г. в «Православном благовестнике» был опубликован проект организации в Покровской обители Богословско-педагогического миссионерского института, написанный управляющим Покровским миссионерским монастырем епископом Верейским Модестом (Никитиным). В институте должна была осуществляться подготовка законоучителей для средних школ; уездных и епархиальных миссионеров для внешней и внутренней миссий. В течение трех лет обучения слушатели института должны были прослушать общецерковные предметы: Священное Писание, догматическое, основное, нравственное богословие, церковно-славянский язык, психологию, педагогику и так далее, а также и особый миссионерский курс. Для избравших служение во внешней миссии предусматривалась практика в летние месяцы на местах непосредственной миссионерской работы. В институт предполагалось принимать за плату духовных и светских лиц, окончивших духовные семинарии и пробывших на службе не менее четырех лет. Неизвестным лицом внесены были даже 30 тыс. руб. на устройство института, однако направленный в Св. Синод проект организации в Покровском монастыре Богословско-педагогического миссионерского института ввиду военного времени снова так и не был воплощен.

В канун Первой мировой войны в монастыре проживали игумен, келарь, 18 монахов и 50 послушников. В обители существовали мужская и женская богадельни, приют для певчих-мальчиков, церковно-приходская школа. Здесь проходили занятия организованных ОЛДП Московских пастырских курсов.

Покровский монастырь решением Св. Синода был определен как место проживания высланных в 1913 г. со священной Горы Афон более 20 русских монахов, приверженных учению так называемых имябожников. Среди них были главный зачинщик этой церковной смуты схимонах Антоний (Булатович), активные ее участники, а также простые монахи.

Во время Первой мировой войны в Покровском монастыре по решению епархиального начальства был устроен госпиталь на 300 раненых.

В 1913–1917 гг. настоятелем Покровского монастыря был епископ Верейский, викарий Московской епархии Модест (Никитин) — он был заведующим Пастырскими курсами, председателем Епархиального училищного совета, председателем Комитета по устройству лагерей для раненых; в 1917 г. назначен епископом Севастопольским, викарием Таврической епархии; в 1936 г. — архиепископом Смоленским и Вяземским. Арестован и расстрелян в 1937 г.

ИСТОРИЯ ПОСЛЕ 1917 г.

Октябрьский переворот 1917 г. прервал мирный ритм деятельности Покровского монастыря. По новым декретам монастырь потерял юридический статус, и его помещения (кроме храмов) были переданы различным ведомствам под жилье, мастерские, учреждения. Сохранилась датированная 1919–1920 гг. справка, в которой перечислялись монастырские постройки, помещения, владения: 4 каменных двухэтажных дома с 71-й комнатой в них, а также трапезная, кухня, хлебная, кладовая с ледником, кладбище, фруктовый сад.

После 1917 г. 3 московских обители — Спасо-Андрониковская, Новоспасская, Ивановская, были обращены в тюрьмы и концлагеря. Судя по архивным документам, в 1921 г. Покровский монастырь также хотели обратить в тюрьму.

Уже в начале 1920-х гг. монастырь был плотно заселен жильцами-рабочими трамвайного парка. Тем не менее, здесь продолжали действовать 2 бывших монастырских храма, обращенные в приходские, а богослужения в них совершали жившие в разных помещениях монахи. Последним настоятелем обители был архимандрит Вениамин (Милов). В ЦГА г. Москвы в деле о регистрации религиозной общины бывшего Покровского монастыря сохранились протоколы общих собраний верующих и анкетный список на 75 активистов. В 1922 г. община пережила массовое изъятие церковных ценностей. Из 2-х храмов Покровского монастыря 27 апреля 1922 г. вывезли более 4-х пудов серебряных предметов: снятые с икон 136 риз, оклады Евангелий, напрестольные кресты, сосуды, лампады, кадила и др. В 1923 г. один из храмов у общины попытался отнять «под спортивную площадку зимнего времени» Рогожско-Симоновский РК ВЛКСМ. Однако просьбу комсомольцев в начале октября 1923 г. в Управлении делами Моссовета отклонили, как указано в письме — «по политическим соображениям». Вероятно, сыграла роль и община, собравшая под жалобой более 1 тыс. подписей.

Музеи Москвы также пополнили свои фонды за счет ценностей монастыря. В начале 1922 г. из него вывезли 24 историко-художественных предмета XVII–XVIII вв., в числе которых были напрестольные кресты, потиры, Евангелия, ризы.

В 1925–1926 гг. община верующих пыталась противостоять желанию разместившегося в монастыре Жилищно-строительного кооператива «Красный трамвайщик» снести колокольню. Несмотря на жалобы верующих и протесты реставраторов, в 1926 г. колокольню снесли.

Но и этого было мало. В 1928 г. угроза закрытия нависла над старинными монастырскими храмами. 5 ноября 1928 г. Президиум Рогожско-Симоновского райсовета в своем заседании выступил за закрытие храмов обители. Сразу вслед за этим руководители Адмотдела и Адмнадзора Моссовета Ширяев и Кусанов поддержали решение райсовета. В письме в Президиум Мосгубисполкома они указывали, что действующие храмы находятся рядом с клубом имени Бухарина, группа верующих насчитывает лишь 75 чел., а посещаемость церквей низка — в среднем 20–30 чел. Особо высказались чиновники о монашествующих: «При бывшем монастыре проживают монахи, которые исполняют все требы и обязанности по зданию (так в документе — *В. К.*) культа, так что внешний и внутренний тип монастыря сохранен полностью. Нахождение такой религиозной организации рядом с рабочим клубом имени Бухарина нецелесообразно и крайне нежелательно».

Президиум Моссовета решением от 15 января 1929 г. закрывает «старую» (Покровскую) церковь. У верующих остался Воскресенский собор. Верующие и особенно горстка монахов-членов общины тяжело переживали уничтожение обители. Последний настоятель монастыря архимандрит Вениамин, видимо, в конце 1929 г. или в 1930 г. записал в своем дневнике: «Источником сильных тревог служило понимание того, что шаг за шагом Покровский монастырь приближается к своему концу. Сначала была отнята колокольня и снесена, церкви

отделились забором от жилых зданий. Потом закрыли Покровский собор, снесли часовни кладбища, могильные памятники были закопаны в землю. При расчистке территории кладбища под парк закрылась входная в монастырь калитка. Последним ликвидировали Воскресенский храм монастыря. Как болезненно встречало сердце всякую утрату владений обители! Какие тревога и мука сжимали душу при каждой неудачной попытке отстоять здания монастыря».

1929 г. стал последним в жизни старой обители: 28 октября архимандрит Вениамин был арестован, а Воскресенский храм ликвидирован. Община, в которой были и монашествующие, перешла с небольшим числом церковной утвари в находившийся неподалеку от обители храм Иерусалимской иконы Божией Матери у городских боен.

В мрачные для православия 1930-е гг. были репрессированы многие монахи Покровского монастыря, члены религиозной общины, бывшей при обители в 1920-е гг. В современном монастыре собираются сведения о всех пострадавших в годы гонений. Постановлениями Св. Синода 2000–2002 гг. к лику святых причислены 7 чел., среди которых 6, бывших в разные годы монахами монастыря, и один мирянин. Так к лику новомучеников причислены мч. Василий (Иванов), бывший после 1917 г. членом Совета Общины бывшего монастыря (расстрелян в 1938 г. в Бутово), прмчч. Данакт (Калашников; расстрелян в 1937 г. в Бутово), Сергий (Букашкин; расстрелян в 1938 г. в Бутово), Сергий (Крестников; расстрелян в 1938 г.), Мефодий (Иванов; расстрелян в 1937 г. в Бутово), Иларион (Цуриков) и Иоанн (Лаба) — оба расстреляны в Южно-Казахстанской области в 1937 г.

После закрытия осенью 1929 г. последнего храма бывшего монастыря началось приспособление церковных помещений под учреждения, сносились главы храмов, окончательно было уничтожено уникальное кладбище. Процесс его разорения продолжался не один год — с середины 1920-х гг. до 1930-х гг. Вандализм — вскрытие склепов, осквернение могил и праха погребенных, разрушение надгробных памятников, решеток — стал обычным занятием новых обитателей, вселившихся в здания бывшего монастырского ансамбля. С конца 1920-х гг. процесс уничтожения уникального некрополя принял тотальный характер. Усилия членов «Старой Москвы» и «Комитета по охране могил выдающихся деятелей и художественных надгробий на кладбищах г. Москвы», направленные на сохранение хотя бы наиболее значимых в историко-культурном смысле захоронений и надгробных памятников, оказались тщетны. Не помогли и обращения в Моссовет. А, между тем, речь шла, например, об архитектурных сооружениях (в том числе о построенной по проекту А. М. Васнецова надмогильной часовне М. А. Морозова), о надгробиях, авторами которых были известные скульпторы, художники (в том числе И. С. Остроухов, Н. А. Андреев), о могилах (в том числе семейных) людей, широко известных своей благотворительностью, именитых культурных деятелей и проч. Увы, некрополь Покровского монастыря был полностью утрачен. На его месте со временем устроили досуговую зону (парк культуры и отдыха, спортивные площадки).

В начале 1930 г. отдел благоустройства Пролетарского района просит разрешения снести стены обители. Характерен для того времени ответ тех, кто был ответственен за охрану памятников — одного из руководителей Главнауки Вольтера и реставратора Н. Р. Левинсона: «Главнаука не возражает против разборки стен бывшего Покровского монастыря, не имеющих историко-архитектурной ценности». После этого большая часть красивой каменной ограды с башнями и часовней была разобрана.

Московская Патриархия попыталась восстановить и открыть Покровский монастырь еще в 1970 — начале 1980-х гг., когда власти разрешили Церкви открыть в Москве мужской монастырь. Однако тогда Патриархии был передан полуразрушенный ансамбль Данилова монастыря, где размещалась детская трудовая колония. Возрождение Покровской обители началось только после постановления Св. Синода от 24 ноября 1994 г. об учреждении Свято-Покровского женского монастыря. С огромным трудом к 1997 г. удалось освободить от различных организаций Покровский собор, и в 1998 г. Патриарх Алексий II освятил 3 его престола. В том же году состоялось обретение и перенесение в монастырь честных останков блаженной старицы Матроны. Ровно через год после этого, 2 мая 1999 г., при служении Патриарха Алексия II состоялось торжественное причисление блаженной Матроны к лику святых. В 2001 г. Патриарх Алексий освятил восстановленный Воскресенский храм.

Возрождение утраченных памятников и православных святынь монастыря продолжается до настоящего времени. В 1999–2002 гг. на старом фундаменте воссоздана в прежних архитектурных формах трехъярусная колокольня. В октябре 2005 г. по старым фотографиям воссоздан святой источник, в котором паломники набирают святую воду, освященную у мощей св. прав. блж. Матроны Московской.

Сохраняется в монастыре и память о его утраченном некрополе. В 2007 г. поставлен каменный поклонный крест, а найденные в процессе восстановительных работ в земле надгробия и их фрагменты установлены на территории обители.

В 2014 г. в воссозданном здании монастырской часовни освящен престол во имя свв. блгвв. Петра и Февронии.

При монастыре построено большое, стилизованное под старину двухэтажное здание гостиницы «Покровская», в которой останавливаются многочисленные паломники из разных городов и селений страны. С 2004 г. при монастыре действует Православный детский приют милосердия для девочек — полное название: Социально-реабилитационный центр «Детский приют Покровского женского монастыря у Покровской заставы Русской Православной Церкви». Около 30 приютских девочек учатся в православной гимназии в Троице-Лыково и в стенах монастыря.

Современный Покровский монастырь имеет 3 подворья. Одно из них располагается в построенном в 2007–2010 гг. шатровом храме св. прав. блж. Матроны Московской на пересечении Варшавского шоссе и МКАД. За пределами Москвы, в Раменском р-не Московской обл. находится 2-е подворье обители — старинная церковь Казанской иконы Божией Матери в с. Марково. Этот храм

XVII в. уникален по своей архитектуре и декоративному убранству, однако еще в конце XX в. он находился в руинированном состоянии. Передан Покровскому монастырю в 1998 г. под подворье и скит. Восстановительные работы здесь продолжались 6 лет, и в 2004 г. Патриарх Алексий II совершил освящение храма. В скиту построили корпуса для сестер, детского приюта, трапезной, возвели хозяйственные строения. Скиту принадлежат 25 га земли, где сестры выращивают овощи. С 2013 г. Покровскому монастырю также принадлежит на правах подворья храм Успения Пресвятой Богородицы в Троице-Лыково в Москве.

Настоятельницей монастыря с момента его открытия в 1995 г. по настоящее время является игумения Феофания (Мискина), бывшая до того настоятельницей Свято-Троицкой Дивеевской обители.

Сегодня небольшой Покровский монастырь является одним из самых посещаемых в Москве. Ежедневно тысячи верующих (в основном женщин) посещают обитель, чтобы помолиться у святых мощей Матроны Московской.

Воскресения Словущего собор

Собор Покровского монастыря имеет сложную историю. Первый каменный соборный храм в честь Всех Святых был возведен, по всей видимости, в 1682 г. В 1772 г. к собору пристроили трапезную, в которой устроили приделы: правый в честь Воскресения Христова и левый в честь Тихвинской иконы Божией Матери. Эти капитальные перестройки значительно увеличили объемы собора. В описании 1763 г. он представлен так: «Соборная каменная, пятиглавая церковь во имя Всех Святых, об одном престоле с папертью и двумя палатками. Кровля ее покрыта была тесом, а главы крашеною жестью. В четырехпоясном ее алтарном иконостасе образа украшены были серебряными венцами и ризами, некоторые жемчугом и драгоценными каменьями».

К концу XVIII в. соборное здание обветшало, и было решено его полностью разобрать и построить новое, более обширное. Храм был построен в 1792–1798 гг. на средства известного благотворителя, 1-й гильдии московского купца Демида (Деомида) Демидовича Мещанинова, бывшего в первой половине 1780-х гг. первым московским городским головой. Всехсвятский собор сильно пострадал в 1812 г., был обновлен и освящен архиепископом Августином в 1815 г.

К середине XIX в. было решено капитально перестроить и расширить главный храм обители. В январе 1846 г. митрополит Московский Филарет в обращении в Св. Синод запрашивал разрешение на перестройку собора, мотивируя это ветхостью и малопоместительностью церковного здания и тем, что «…церковь сия, построенная в 1798 г., ничего в себе достопримечательного не имеет». Разрешение было получено, и храм стали перестраивать по проекту известного архитектора М. Д. Быковского. Сооружение нового храма происходило при настоятеле Амвросии в 1854–1855 гг. Однокупольный старый храм был превращен в пятикупольный. Вот, как описывает новую церковь современник этой перестройки историк Москвы И. М. Снегирев: «…сооружена обширнейшая о пяти

куполах, вместившая в себе часть старой, впоследствии разобранной: в средине ее, под куполом остались прежние четыре столба, или пилоны, соединенные арками, также и восточная стена главного алтаря. К среднему большому куполу присоединены четыре осьмигранные боковые с главами, покрытые белой жестью и увенчанные вызолоченными крестами. Кругом среднего трибуна под сводами храма помещена ризница, освещаемая окнами из боковых куполов».

Перестроенному новому собору дали новое имя — его центральный престол 7 октября 1856 г. освятили в честь Воскресения Словущего, а немного позже освятили 2 придела: южный во имя мц. Александры и северный в честь Тихвинской иконы Божией Матери. Воскресенский храм внутри отличался изящной отделкой, был расписан священными изображениями и орнаментами. И. М. Снегирев так описал в 1872 г. интерьер собора: «…алтарные иконостасы главного и придельных престолов украшены искусной резьбою с богатою позолотой, одни образа в них старинные греческого стиля из прежнего иконостаса, другие вновь написаны в фряжском пошибе. Из них особенно замечательна роскошно украшенная древняя и досточтимая икона Тихвинской Божией Матери. Главный алтарь, хотя и не обширный, отличается своим великолепием, его иконостас в пять ярусов. Свод над престолом в виде сени покоится на шести столбах, под мрамор, которыми с той и другой стороны отделяется южное и северное предалтария. На стенах и сводах алтаря, храма и трапезы олицетворены деяния из земной жизни Спасителя и лики Святых опытною кистью Артари, Мягкова и Фивейского. В приличных местах соответственные изречения Св. Писания начертаны церковно-славянским каллиграфом Леонтием Лепешкиным».

Под храмом находилась усыпальница, в которой были похоронены, главным образом, жертвователи на нужды обители. Здесь находились захоронения А. Д. Полторацкой (†1820) и П. С. Лупандина (†1850), на средства которых были устроены монастырские богадельни. Под собором также были могилы митрополита Илиопольского и Ливанского Неофита (†1853), и Н. П. и И. Я. Хлебниковых. Над захоронениями последних был установлен «памятник изящной заграничной работы из белого мрамора, представляющий ангелов в рост человека, облокотившихся на урну». Под алтарем Тихвинского придела в 1896 г. был похоронен известный миссионер, епископ Уфимский и Мензелинский Дионисий (Хитров). Он был сподвижником свт. Иннокентия, трудился 43 года миссионером в Якутии (из них 14 лет епископствовал в Якутской епархии), известен как составитель якутско-русского словаря, перевел на якутский язык Новый Завет и богослужебные книги.

Сохранилась составленная в самые первые послереволюционные годы опись церковного имущества Воскресенского собора, в которой обозначены 119 икон в серебряных ризах и 87 без риз, 22 серебряных и 7 медных лампад, 35 подсвечников, 4 паникадила и др. Особая опись имелась и на церковное имущество располагавшейся в соборе богатой ризницы. Тогда (до изъятия церковных ценностей в 1922 г.) здесь сохранялись серебряные 17 сосудов, 4 дарохранительницы, 21 напрестольный крест, 11 ковшей, 6 кадил, 72 иконы в серебряных ризах, а также 9 митр, более 500 различных церковных облачений различного вида (риз, священнических стихарей, подризников, воздухов, покровов и др.).

Кроме того, в описи числились 20 напрестольных Евангелий в серебряных окладах (среди них — и Евангелия 1717, 1735, 1759, 1800 гг.). Почти все церковное серебро собора и ризницы было отобрано в апреле 1922 г. во время кампании по изъятию церковных ценностей.

В начале 1929 г. была закрыта Покровская церковь, и часть церковной утвари из нее члены общины перенесли в Воскресенский храм. Однако последний 29 октября того же года также был закрыт. Сосредоточенные в этом храме монастырские святыни власти разделили на несколько частей. Большую часть церковной утвари приписали к особой части Мосфинотдела и затем утилизировали, то есть уничтожили, переплавили. Такая судьба постигла иконостасы, подсвечники, хоругви, вообще все медные предметы, весом в 3 т. Особым актом на утилизацию пошли изъятые 40,5 кг «лома серебра» (сосуды, ризы, лампады, кадила и др.), а также несколько сотен церковных облачений.

Другая часть монастырских святынь досталась музеям. По акту от 7 ноября 1929 г., Музейному подотделу МОНО передавались 29 историко-художественных церковных памятников, в числе которых — 11 икон XVIII в., в том числе икона свт. Алексия митрополита Московского, складень XVII в., Евангелие 1668 г., 6 крестов наперсных XVIII в., обложенный серебром ковчег для святых мощей, фелони XIX в. и план кладбища 1911 г.

Третью, совсем небольшую часть имущества, передали верующим. В архивном деле сохранилось датированное концом октября 1929 г. заявление «Совета общины бывшего Покровского монастыря» в Адмотдел Моссовета, в котором содержалась просьба «снабдить служителей культа ликвидируемой церкви в количестве 14 человек» иконами, напрестольными крестами, кадилами, 50-ю комплектами различных облачений. Речь шла о ядре общины, перешедшей после окончательной ликвидации обители в близлежащий храм иконы Иерусалимской Божией Матери.

В начале 1930-х гг. собор обезглавили, его интерьер был приведен в «светский вид»: сбита или закрашена стенопись, сделаны перегородки и перекрытия.

В 1970–1990-е гг. в бывшем Воскресенском храме располагались спортивный зал и бильярдная. В октябре 1996 г. Патриарх Алексий II совершил молебен Покрову Матери Божией, и через неделю монастырю передали здание собора. Началось медленное восстановление храма. 4 апреля 1998 г. на купола его были водружены освященные Алексием II кресты, а 22 ноября 2001 г. он же освятил все 3 его придела.

Ныне в Воскресенском соборе монастыря находятся святыни: иконы Киево-Печерских святых с частицами мощей 87-ми святых (переданы в 2004 г. по благословению митрополита Киевского и всея Украины Владимира); помещенная в икону десница блаженной царицы Феофании (привезена греческим митрополитом Пантелеимоном II в августе 2010 г.); икона прп. Серафима Саровского и Дивеевских святых с частицами мощей (переданы обители в 2010 г.); икона свт. Иннокентия митрополита Московского с частицей его мощей (передана Патриархом Алексием II в 1997 г.); рака со святынями со Святой Земли и частицами св. мощей угодников Божиих; ковчег с 40 частицами св. мощей и христианских реликвий.

Покрова Пресвятой Богородицы храм

Храм был заложен в 1806 г. и освящен в 1810 г. Он был сооружен «иждивением доброхотных дателей и старанием строителя Ионы». Двухэтажный, крестообразный в плане, одноглавый храм имел 6 престолов, освященных в разные годы. В верхнем ярусе находились 3 престола: главный в честь Покрова Пресвятой Богородицы, правый во имя свв. апп. Петра и Павла, устроенный на средства купца Алексеева и освященный 22 декабря 1812 г., и левый во имя свт. Николая Чудотворца, освященный 9 марта 1813 г. Храм пострадал в 1812 г., и верхний Покровский престол после ремонта был освящен митрополитом Филаретом только в 1825 г.

В нижнем храме в середине XIX в. имелись также 3 престола: центральный во имя свт. Ионы митрополита Московского, освященный в 1825 г. архиепископом Филаретом (Дроздовым), и боковые во имя прпп. Илариона Великого и Нила Столобенского (освящены в 1843 г.).

Под центральным Ионовским приделом Покровского храма был устроен некрополь, где были погребены церковные иерархи и родственники грузинских и имеретинских царей: митрополит Иона (†1821), архиепископ Пафнутий (†1823), три сына царя Георгия XIII и др.

По описи первых послереволюционных лет, в Покровском храме находилось 43 иконы в серебряных ризах, 12 хоругвей, 20 подсвечников, 4 паникадила, 6 серебряных лампад и др.

Покровский храм был закрыт по постановлению Президиума Моссовета от 15 января 1929 г., как было написано в протоколе заседания, «вследствие острой необходимости для рабочих…». Община верующих, пытаясь предотвратить ликвидацию своей святыни, написала жалобу во ВЦИК, однако последний в марте — начале апреля 1929 г. отклонил это ходатайство. Большинство предметов церковной утвари было утилизировано, часть их передали церковной общине бывшего монастыря. В фонд Музейного подотдела МОНО, по актам от 22–23 мая 1929 г., передали 13 церковных памятников XVII — начала XIX в. Среди них были 7 икон, 4 паникадила и др.

Закрытый храм был изуродован, главы с крестами снесены, а различные организации и учреждения, занимавшие его, исказили до неузнаваемости внутреннее пространство: сбили или закрасили живопись, устроили много перегородок. В 1979 г., как писал П. Паламарчук, в бывшем храме размещались редакция журнала «Уголь» и 5-я типография Моссовета. К 1990 г. там были еще различные подразделения Минуглепрома.

В самом начале возрождения монастыря именно в полуразрушенном Покровском храме была совершена первая за 65 лет литургия. Это торжество состоялось 14 октября 1995 г. в праздник Покрова Пресвятой Богородицы в наскоро отремонтированном приделе прп. Нила Столобенского. В 1996–1997 гг. в храм были переданы частица мощей этого святого, а также икона свт. Иннокентия митрополита Московского. 4 апреля 1998 г. Патриарх Алексий II великим чином освятил 3 престола нижнего этажа Покровского храма. После освящения

на здание церкви установили новый купол. 22 ноября 1999 г. Патриархом Алексием II было совершено великое освящение и 3-х приделов верхнего Покровского храма.

Главной святыней Покровского монастыря сегодня являются помещенные в серебряную раку мощи св. прав. блж. Матроны Московской. Гроб с честными ее останками был перенесен в Покровский собор 1 мая 1998 г. Правый придел во имя мц. царицы Александры 22 ноября 1999 г. переосвятили в придел св. прав. блж. Матроны Московской.

В Покровском храме находятся помещенная в икону частица мощей прп. Нила Столобенского, во имя которого освящен один из приделов (мощи привезены из Ниловой пустыни в 1996 г.); икона Божией Матери «Взыскание погибших», написанная по благословению св. блж. Матроны Московской; старинная икона свт. Николая Мирликийского с частицей мощей.

Петра и Февронии свв. блгвв. князей храм

Храма с таким именем в старом Покровском монастыре не было, а новый освящен в воссозданном здании часовни. В старой часовне, сооруженной во второй половине XIX в., в советские годы размещались различные магазины, туалет, и, в конце концов, здание было снесено. При возрождении обители восстановленная по старым фотографиям часовня вошла в комплекс монастырской гостиницы «Покровская». Еще 8 марта 2013 г. Патриарх Кирилл освятил место сооружения гостиницы и закладной камень в основании часовни. К воссозданному часовенному зданию пристроили алтарь, и 27 февраля 2014 г. архиепископом Сергиево-Посадским Феогностом был совершен чин малого освящения первого в Москве храма во имя свв. блгвв. Петра и Февронии — покровителей семьи. Великое освящение храма было совершено 6 июня 2016 г. также архиепископом Феогностом. Внешние стороны кирпичных стен храма украшены мозаичными иконами Покрова Пресвятой Богородицы, святых апостолов, свв. блгвв. Петра и Февронии. В храме установлен трехъярусный иконостас, своды и стены расписаны священными изображениями. Внутри здания устроены 2 купели — одна большая для крещения взрослых, другая для крещения младенцев. На стенах — тексты Символа веры и молитвы «Отче наш».

В новом храме-часовне регулярно совершаются венчания и крещения.

Колокольня

В описании Покровского монастыря 1763 г. упоминается «колокольня каменная, шатровая, с осмью колоколами и с немецкими боевыми часами». В 1799 г. вместо нее была построена новая, трехъярусная в классическом стиле, высотой в 15 сажен. На ней находились 2 колокола с надписями со старой колокольни. Точные надписи с них приводит в своей книге И. М. Снегирев: «На полиелейном:

1750 году марта 28 день вылил се колокол во обитель Покрова Престыя Бцы (Пресвятыя Богородицы — *В. К.*), что при Москве на убогих домех, при державе благочестивейшия и самодержавнейшие великия гдрни (государыни — *В. К.*) императрицы Елисаветы Петровны, самодержцы всероссийской и при наследнике ее внука Петра перваго благоверном гдре (государе — *В. К.*) и великом князе Петре Феодоровиче и супруге его благоверной гдрне (государыне — *В. К.*) и великой княгине Екатерине Алексеевне, вкладом бывшаго того мнтря (монастыря — *В. К.*) строителя иеромонаха Силы впред для поминовения; весу в нем 130 пуд, лил мастер Константин Михайлов, сн (сын — *В. К.*) Слизов». На втором по весу, будничном была надпись: «1747 году апреля 12 дня вылит сей колокол во обитель Покрова Пресвятые Бцы, что на убогом дому, старанием строителя иеромонаха Силы; вкладчика Данилы Яковлева сна Земсково и протчих Христолюбивых дателей, весу 66 пуд. 27 ф. лил мастер Константин Михайлов сн Слизов».

Колокольня стала первой, снесенной в советское время в московских обителях. В колокольне храма не было, и поэтому по договору она не была сдана общине верующих. Более того, власти утверждали, что в начале 1920-х гг. звона на ней не производилось. В 1925 г. проживавшие на территории монастыря рабочие Бухаринского Трамвайного парка стали поднимать вопрос о сломке колокольни. Узнав об этом, верующие написали письмо в Моссовет. В июне 1925 г. член Президиума Моссовета Волков в письме в Адмотдел Моссовета и во ВЦИК разъяснял, что Москоммунхоз наметил колокольню к разборке, «т. к. помещение ее только загромождает двор владения Бухаринского Трамвайного парка и, безусловно, рационально было бы ее снести».

В начале 1926 г. руководство Адмотдела Моссовета информировало Президиум Моссовета о том, что Жилстройкооператив (ЖСК) вторично поднял вопрос о сносе колокольни, объясняя в письме, что «нашему кооперативу необходим кирпич для рабочего жилищного строительства». О настойчивых требованиях Жилкооператива московские власти проинформировали Главнауку и реставраторов. 16 февраля 1926 г. на заседании архитектурно-реставрационного отделения ЦГРМ была заслушана присланная из Моссовета телефонограмма, в которой реставраторов просили сообщить о возможности сноса колокольни. Решение реставраторов было однозначно: «Считать сломку колокольни бывшего Покровского монастыря, историко-художественного памятника XVIII в. — недопустимой». Видимо, основываясь на этой оценке, 6 июля член Моссовета Волков направил письмо в ЖСК «Красный трамвайщик», в котором содержалось однозначное решение властей: «Ввиду несогласия со стороны Музейного отдела Главнауки на сломку колокольни бывшего Покровского монастыря, управление делами Президиума Моссовета сообщает, что сломка означенной колокольни разрешена быть не может». Несмотря на это колокольня в 1926 г. все же была снесена.

Вскоре после возобновления монастыря в середине 1990-х гг. было принято решение о воссоздании колокольни. 2 мая 1999 г. Патриархом Алексием II был освящен закладной камень на месте бывшей колокольни, 4 октября 2002 г. сама колокольня и 12 новых колоколов, отлитых на заводе в г. Тутаеве (бывш. Романов-Борисоглебск), были освящены Патриархом Алексием II.

Некрополь

не сохранился

Некрополь Покровского монастыря, формировавшийся на протяжении нескольких столетий, к началу XX в. был одним из крупнейших среди монастырских некрополей Москвы. Напомним, что и возникновение самой обители изначально было связано с «убогими домами» или скудельницами — местностью, где в древности, погребались умершие без церковного покаяния.

С конца XVIII в. на монастырском кладбище погребали известных купцов, благотворителей, деятелей культуры, духовных лиц, военных. В 1880-е гг. территорию кладбища расширили. Полагают, что в начале XX в. на монастырском некрополе существовало около 1,5 тыс. памятников. Многие надгробия представляли собой высокохудожественные произведения.

В очерках, посвященных монастырским храмам, мы уже упоминали о захоронениях в подклетах Воскресенского собора и Покровского храма, где в числе прочих были погребены представители знатных грузинских родов, церковные иерархи и настоятели монастыря в XIX в., жертвователи на монастырские нужды.

Само кладбище располагалось в западной части обители. Знаток московских кладбищ А. Т. Саладин оставил нам его описание, составленное в начале XX в.: «…При Покровском монастыре существует одно из самых больших и богатых монастырских кладбищ в Москве. По распланировке его, пожалуй, можно признать лучшим московским кладбищем. Оно все изрезано густою сетью правильных продольных и поперечных дорожек, как шахматная доска, почти к любой могиле можно пройти, не приминая травы. На дорожках, чисто выметенных и посыпанных песком, везде расставлены скамейки. Березки, рябины, белые стены монастыря, просвечивающиеся сквозь зелень, вызывают какое-то тихое примиряющее настроение. Здесь не видны, как на других кладбищах, фабричные трубы, не попадаются режущие глаз топорные гробницы, нет и грандиозных глыб гранита и мрамора или падающих истлевших крестов. Здесь все грамотно: ровные деревья, скромные монастырские стены, скромные, но хорошие памятники».

На кладбище выделялись богатые надгробия семейных участков известных московских купцов-благотворителей, коллекционеров, храмоздателей Хлудовых, Боткиных, Карзинкиных. Над могилами благотворителя, коллекционера Г. И. Хлудова (†1885), его жены и сына была установлена шатровая часовня (архитектор Л. Н. Кекушев). Недалеко находилась могила известного собирателя старопечатных книг и рукописей А. И. Хлудова (†1882), на которой стоял высокий (более 4-х м) резной беломраморный крест. На большом семейном участке купцов Боткиных (около 20 захоронений) находились надгробные памятники над могилами Василия Петровича (†1869) — писателя, историка искусств; Дмитрия Петровича (†1889) — коллекционера, основателя картинной галереи, председателя Общества любителей художеств. Рядом с Боткинским участком

располагались захоронения купцов Пикулиных, среди которых известным был П. Л. Пикулин (†1885) — доктор медицины, писатель.

Пожалуй, самой изящной была сооруженная в древнерусском стиле часовня-усыпальница над погребением известного коллекционера и мецената М. А. Морозова (†1903). Недалеко от Хлудовской усыпальницы находилась могила также известного предпринимателя и финансиста, общественного деятеля Н. А. Найденова (†1905). Именно он задумал и осуществил широкую публикацию различных источников по истории Москвы и издал 14 больших альбомов с фотографиями всех московских монастырей, церквей и многих зданий и достопримечательных мест города. В 1918 г. на кладбище был похоронен русский промышленник, фабрикант, общественный и политический деятель, председатель Биржевого комитета Г. А. Крестовников.

Как и на других крупных монастырских некрополях, на кладбище Покровской обители было много захоронений именитых представителей науки и культуры: дипломата, русского посла в Царьграде, писателя Я. И. Булгакова (†1809), археографа, слависта К. И. Невоструева (†1872), композитора, директора Петербургской консерватории М. П. Азанчевского (†1881), художника, принимавшего активное участие в росписи храма Христа Спасителя Е. С. Сорокина (†1892), видного врача (лечившего писателей М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. А. Некрасова и И. С. Тургенева) и мемуариста Н. А. Белоголового (†1895), брата известного художника К. А. Коровина, живописца, С. А. Коровина (†1908), знаменитого основателя музея древностей, коллекционера и мецената, передавшего свое богатейшее собрание в дар Историческому музею П. И. Щукина (†1912), заслуженного профессора Московского университета А. М. Макеева (†1913) и др.

В Покровском монастыре находился участок с могилами Венециановых; здесь были погребены и родители знаменитого художника А. Г. Венецианова — Гавриил Юрьевич (†1833) и Анна Лукинична (†1812).

Среди похороненных на кладбище упомянем группу военных — офицеров, некоторые из которых принимали активное участие в войнах России в XIX в. Перечислим лишь генералов: генерал-лейтенанты И. С. Барятинский (†1811), С. Г. Батурин (†1856); генерал-майоры Г. Г. Ломоносов (†1810), Е. В. Давыдов (†1843; брат поэта-партизана Дениса Давыдова), П. Н. Ермолов (†1844), А. Н. Степанов (†1850), С. Н. Ермолов (†1856), И. М. Канивальский (†1856), Л. Ф. Казаркин (†1889). А на семейном участке Леманов находились могилы сразу 4-х генералов из этой династии: генерал-майора Н. Н. Лемана (†1852), генерал-лейтенантов Н. А. Лемана (†1875), И. А. Лемана (†1882), Д. А. Лемана (†1900).

Особенностью Покровского некрополя было значительное число захоронений духовных лиц разного звания. Выше уже упоминались имена архиереев, погребенных в монастырских храмах. Гораздо больше погребений находилось за их пределами. Здесь были могилы епископа Нижегородского и Алатырского Дамаскина (Руднева; †1795) — известного археографа и филолога, епископа Тульского и Белевского Лаврентия (Некрасова; †1908), настоятелей и настоятельниц многих московских монастырей в XIX в.: Высоко-Петровского — Тихона (†1882), Вениамина (Петухова; †1888), Никифора (†1895), уже упомянутого епископа

Лаврентия (†1908); Богоявленского — Митрофана (†1850); Знаменского — Никодима (Руднева; †1890); Златоустовского — Поликарпа (†1899); Заиконоспасского — епископа Феодосия (Рождественского; †1895); Страстного — игумений Тавифы (Редькиной; †1826), Паисии (†1861); Вознесенского кремлевского — игумении Афанасии (Черкасовой; †1861) и др. Конечно же кладбище было последним местом упокоения монашествующих Покровского монастыря, в числе которых — немало миссионеров. Здесь были могилы известных настоятелей Покровской обители: Ионы (†1833), Венедикта (†1867), Вениамина (†1888) и др. На кладбище находились захоронения настоятелей и строителей ряда подмосковных монастырей: можайского Лужецкого, коломенского Старо-Голутвина, звенигородского Саввино-Сторожевского, дмитровского Борисоглебского, Давидовой пустыни.

Немало было на территории Покровского монастыря и могил белого духовенства — иереев московских приходских храмов. Упомянем двух из них: протоиерея Казанского собора, ученого и богослова А. И. Невоструева (†1872) и протоиерея, настоятеля храма Христа Спасителя, церковно-общественного деятеля, педагога А. И. Соколова (†1899). Последний был известен как приходской священник Н. В. Гоголя и духовник обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева.

Если говорить о наиболее ценных в художественном отношении надгробных памятниках, то среди них — уже упомянутые часовни над могилами Хлудовых, М. А. Морозова. Выделялись также памятник в виде женской фигуры с урной на могиле П. И. Щукина (скульптор Десклер), высокая, увенчанная крестом колонна над захоронением Н. Д. Пущиной (урожденной Апухтиной; 1869) — по первому браку жены декабриста М. А. Фонвизина, по второму — декабриста И. И. Пущина, и др.

С середины 1920-х гг., как и везде, в Покровском монастыре началось активное разорение кладбища, что было делом рук в основном нового люда, заселившегося в корпуса бывшей обители. Информация об этом тревожила ревнителей старины из краеведческого общества «Старая Москва», реставраторов и, конечно же, родственников захороненных. В 1924 г. были разрушены 2 надмогильные часовни, осенью того же года известный москвовед Н. А. Шамин докладывал на заседании «Старой Москвы», что прекрасная по архитектуре, построенная по проекту А. М. Васнецова надмогильная часовня М. А. Морозова обращена в сарай, гроб выкинут и сожжен. Вскоре эта часовня была разобрана.

Во второй половине 1920-х гг. кладбище подвергалось тотальному разорению. Члены «Комитета по охране могил выдающихся деятелей и художественных надгробий на кладбищах г. Москвы» писали в 1928 г. в Моссовет: «В настоящее время происходит ликвидация безнадзорных могил на кладбищах Алексеевском и Покровском. Вместе с тем со всех без исключения могил на этих кладбищах снимаются решетки». В апреле 1929 г. председатель «Старой Москвы» П. Н. Миллер сообщал также о спешном снятии всех решеток, «невзирая на то, что некоторые их них представляют большой художественный интерес, а иные ограждают могилы выдающихся деятелей…». Предпринимались попытки спасти хотя бы надгробия, исполненные по проектам известных скульпторов,

архитекторов, художников. В архиве Московского областного бюро краеведения сохранилось письмо известного художника и коллекционера, основателя картинной галереи И. С. Остроухова, посланное 11 апреля 1929 г. в «Старую Москву». Приводим текст его полностью: «Кладбище Покровского монастыря, по дошедшим до меня слухам, упраздняется, и памятники его в большинстве сносятся. Среди памятников этого кладбища имеются некоторые работы моей или единолично или совместно с нашим известным скульптором Н. А. Андреевым. Мне и упомянутому моему товарищу очень хотелось бы сохранить их. Главнейшие перечисляю: 1. Доктору Н. А. Белоголовому (темно-зеленый гранит, моей единоличной работы; воспроизведен и описан в обширной биографии доктора Белоголового); 2. П. П. и Н. К. Боткиных (сероватый гранит, форма античного саркофага) — мой совместно с Н. Андреевым; 3. Ф. В. Боткин, художник (серый гранит) — мой совместно со скульптором Андреевым; 4. К. Г. Дункер, известный инженер, серый гранит (мой единолично)». Далее на письме написано карандашом: «Против Щукина через дорожку черный крест и белый крест Андрея Александровича и Софьи Андреевны Карзинкиных работы Н. А. Андреева».

Увы, краеведы, реставраторы и музейные работники не смогли спасти ни эти, ни многие десятки других историко-художественных надгробий Покровского некрополя. Летом 1930 г. краеведам удалось путем переговоров с властями и хозяйственниками, как написано в документе, «отложить уничтожение могил выдающихся деятелей на кладбище Покровского монастыря». Видимо, договоренность эта действовала совсем недолго, и в 1930-е гг. уникальный некрополь был полностью уничтожен, ни один памятник сохранить не удалось.

Позже на уничтоженном кладбище разбили парк культуры и отдыха, построили эстраду, проложили аллеи, устроили футбольное поле. Вплоть до 1990–2000-х гг. там можно было увидеть выступающие из-под земли отдельные гранитные плиты, на которых когда-то стояли надгробия.

Во время восстановительных работ в земле было найдено значительное число старинных каменных надгробий и их фрагментов. Сегодня они как укор, напоминающий о годах гонений, выставлены вдоль монастырских дорожек, а в 2007 г. в память погребенных установлен поклонный крест, сделанный из камня по образцу одного из бывших на старом кладбище.

Истории Покровского монастырского некрополя посвящена изданная в 2006 г. книга историка С. А. Смирнова, который собрал и систематизировал все известные сведения о кладбище, списки и фотографии могил.

Источники и литература:

1. ЦГА г. Москвы. — Ф. Р-1215. — Оп. 3. — Д. 73. Дело по регистрации Покровского Миссионерского монастыря по Семеновской ул. — 228 л.
2. ОР РГБ. — Ф. 177. — К. 32. — Д. 24. Письмо И. Остроухова в «Старую Москву» по вопросу о сносе кладбища Покровского монастыря.
3. Покровский миссионерский монастырь в Москве // Домашняя беседа. — 1870. — № 29. — С. 807–809.
4. *Снегирев И. М.* Покровский монастырь, что на убогих домах в Москве. — М., 1872. — 43 с.

5. Две могилы в Покровском миссионерском монастыре в Москве : Ист.-биогр. очерки священно-архим. о. Филарета и о. Вениамина / по рукоп. материалам сост. Н. Бочаров. — М., 1889. — VI, 310, X с.
6. *Вениамин (Милов), епископ.* Дневник инока. Письма. Воспоминания // *Вениамин (Милов), епископ.* Сочинения в 3 т. — Т. 1. — Сергиев Посад, 2017. — 412 с.
7. *Кириченко Е. И.* Михаил Быковский. — М., 1988. — 254 с.
8. *Козлов В. Ф.* Трагедия монастырей : Год 1929 // Московский журнал. — 1991. — № 1. — С. 32–41.
9. Сорок Сороков : краткая иллюстрированная история всех московских храмов : [в 4 т.] / собр. П. Паламарчук; фот. П. Паламарчука, А. Демченко. — Т. 1. Кремль и монастыри. — М., 1992. — С. 312–318.
10. *Козлов В. Ф.* Москва миссионерская // Московский журнал. — 1997. — № 8–9. — С. 37–45.
11. *Саладин А. Т.* Очерки истории московских кладбищ. — М., 1997. (О кладбище Покровского монастыря — С. 88–98).
12. Памятники архитектуры Москвы. Юго-восточная и южная части территории между Садовым кольцом и границами города XVIII века. — М., 2000. (О Покровском монастыре — С. 111–117).
13. Покровский монастырь у Покровской заставы. История. Настоятели. Возрождение обители. — М., 2001. — 96 с.
14. *Курляндский И. А.* Иннокентий (Вениаминов) — митрополит Московский и Коломенский. — М., 2002. (О Покровском миссионерском монастыре — С. 82–87).
15. *Смирнов С. А.* Некрополь. История Покровского монастыря и монастырского кладбища : (Архивные и библиографические изыскания к проекту восстановления утраченного монастырского кладбища). — М., 2006. — 168 с.
16. Покровский ставропигиальный женский монастырь у Покровской заставы : 20-летие возрождения обители ; 380-летие основания обители. — М., 2015.
17. *Давиденко Д. Г.* Московский в честь Покрова Пресвятой Богородицы ставропигиальный женский монастырь // ПЭ. — Т. XLVII. — М., 2017. — С. 387–394.

Рождественский (Богородице-Рождественский) ставропигиальный женский монастырь

ул. Рождественка, д. 20

В начале XX в. – 4 храма с 8 престолами

Евгения Херсонского св. сщмч. под колокольней храм

Иоанна Златоуста свт. трапезный храм
Николая Чудотворца свт. придел
Филарета Милостивого св. прав. придел

Казанской иконы Божией Матери трапезный храм

Рождества Пресвятой Богородицы собор
Димитрия Ростовского свт. придел
Сошествия Святого Духа придел

ИСТОРИЯ ДО 1917 г.

Историк И. Ф. Токмаков, ссылаясь на писцовые книги XVII в., приводит варианты наименования монастыря: в XVII в. — «Рождества Пречистые Богородицы, девичь, что за Пушечным двором», «Рождества Пречистые Богородицы, девичь, что на Москве, за Неглинною у Трубы», «Рождественский девичь, что на Москве, на Рождественской улице»; в конце XVIII — начале XIX в. — «Рождественский или Рожествен Московский 2-го класса девичий монастырь... на Трубе в Белом городе близ Трубы и реки Неглинной на Большой Рожественской улице».

Рождественский монастырь основан в 1386 г. супругой князя Андрея Серпуховского и матерью героя Куликовской битвы князя Владимира Андреевича Храброго княгиней Марией Ивановной, дочерью галицко-дмитровского князя Ивана Федоровича. Активной помощницей Марии Ивановны в устройстве монастыря была ее невестка, жена князя Владимира Андреевича Храброго княгиня Елена Ольгердовна (в монашестве Евпраксия). Мария Ивановна постриглась в созданном ею монастыре в схиму с именем Марфы и скончалась 2(15) декабря 1389 г., погребена там же, о чем свидетельствует «Рогожский летописец»: «Тое же зимы в Филиппово говение месяца декабря в 2 день, на память святого пророка Аввакума, преставися раба Божия благовернаа княгини Мария Андреева, мати сущи Владимеру, в черницах и схиме, наречно ей в мнишеском чину Марфа. И положена в церкви святого Рождества в честном монастыре, иже сама создала еще сущи в своем животе». Об этом же говорится и в Троицкой летописи.

Существуют 2 версии о первоначальном местонахождении Рождественского монастыря. По одной из них, женская обитель находилась в Московском Кремле. Впоследствии монастырь могли перенести на его нынешнее место, на левый берег р. Неглинной. Большинство же исследователей XX–XXI вв. считают, что в названии монастыря в Троицкой и в более поздних Воскресенской и Никоновской летописях упоминаемый «ров» — это крутой берег р. Неглинной, а «Труба» — пролом в стене Белого города, через который и была проложена эта труба. И монастырь изначально располагался на берегу Неглинной во владениях княгини Марии и князя Владимира Андреевича. Считается, что монастырь создан в память о победе на Куликовом поле по благословению прп. Сергия Радонежского, который был духовником княгини Марии и ее сына Владимира Андреевича, крестил его детей.

В Рождественской монастырской церкви была похоронена дочь князя Дмитрия Донского Мария, жена князя Семена Лугвенева, скончавшаяся 15 мая 1399 г. Около 1433 г. в монастыре приняла монашеский постриг с именем Евпраксии княгиня Елена Ольгердовна, супруга князя Владимира Андреевича Храброго. Умерла она 15 августа 1437 г. и была погребена в монастыре.

Достоверно на своем нынешнем месте монастырь существует с 1500 г. Летопись сообщает под этот год: «Того же лета, месяца августа 17, в понедельник на осьмом часу дня, загореся на Москве у Бобра на Большом посаде и погоре от Москвы реки до Ниглимны и пушечные избы и Рожественный монастырь». Именно после этого пожара, в 1501–1505 гг. был возведен в традициях раннемосковского зодчества одноглавый каменный дошедший до настоящего времени Рождественский собор.

В Рождественском монастыре 25 ноября 1525 г. была пострижена с именем София первая супруга великого князя Василия III Соломония Юрьевна Сабурова. По версии Типографской летописи, Соломония постриглась добровольно. Другие же источники говорят о насильственном ее пострижении: «А постриг ее на Москве у Рождества Причистыя за пушечными избами в девиче монастыре Никольской игумен Старого Давид». Царственная инокиня Соломония пребывала в Рождественском монастыре до перевода в суздальский Покровский монастырь. Позднее она была причислена к лику святых как прп. София Суздальская.

Монастырь горел в 1547 г., в восстановленном после пожара соборе был сделан Никольский придел. Обитель пострадала в Смутное время, но первые цари из династии Романовых Михаил Федорович и Алексей Михайлович подтвердили владения монастыря и дали ему новые грамоты.

В XVII в. значительные средства на развитие монастыря давали князья Лобановы-Ростовские, построившие в 1670-х гг. у собора свою усыпальницу, каменную ограду с 4-мя башнями, теплый трапезный храм во имя свт. Иоанна Златоуста. В XVII в. близ собора была сооружена шатровая колокольня.

В XVIII в. монастырь владел 1009-ю крестьянами, обитель лишилась их при секуляризации монастырских земель. В 1780-е гг. была перестроена старая каменная ограда.

В пожар 1812 г. монастырь не пострадал. Значительную часть церковных ценностей, во многом благодаря игумении Есфири, удалось сохранить, спрятав на территории обители. В занятом французами монастыре осталось 10 монахинь. До закрытия Рождественского монастыря в 1920-х гг. здесь сохранялась

и особо почиталась икона свт. Николая Чудотворца, у которой в 1812 г. произошло чудо: француз, пытаясь сорвать оклад с иконы, сильно поранился, оцепенел, не смог сдвинуться с места, и его вынесли из храма на руках. В трапезной Рождественского собора оккупанты устроили конюшню, однако в монастырском Иоанно-Златоустовском храме богослужения продолжались.

После 1812 г. обитель быстро развивалась. В 1814 и 1820 гг. в соборе были устроены 2 придела: Сошествия Святого Духа и свт. Димитрия Ростовского. В 1835–1836 гг. вместо старой была построена новая колокольня с храмом. Возведением новых приделов была увеличена площадь храма свт. Иоанна Златоуста. Однако к началу XX в. стала ощущаться потребность в большом храмовом здании. Существующие 3 монастырских храма вмещали небольшое число молящихся. Были проведены масштабные работы по увеличению площадей собора и трапезного Иоанно-Златоустовского храма (по проектам архитекторов Ф. О. Шехтеля и П. А. Виноградова). На месте бывших келий был возведен в 1904–1906 гг. большой трапезный храм Казанской иконы Божией Матери. Таким образом, сложился архитектурный ансамбль монастыря, включавший собор, 2 трапезных храма, колокольню с храмом, жилые и хозяйственные постройки.

До настоящего времени дошел старинный, возведенный еще в конце XVII в., вытянутый вдоль восточной стены ограды кирпичный келейный корпус. Несмотря на его перестройки в XVIII–XIX вв. сохранилась первоначальная планировка в виде одинаковых ячеек, имеющих по центру отдельные входы. Ячейка представляет собой «тройню» — 2 палаты по сторонам сеней; эта композиция выработана деревянным зодчеством. У келейного корпуса растет большой старый дуб, видный еще на дореволюционных фотографиях.

Особенностью Рождественского монастыря является наличие нескольких настоятельских корпусов. Первые каменные игуменские келии у Святых ворот возведены в конце XVII в., и в настоящее время они входят в объем двухэтажного кирпичного здания, вытянутого по линии ул. Рождественки. В корпусе частично уцелел старый свод. К колокольне примыкает Настоятельский корпус. Игуменские келии были связаны с надвратным храмом, служившим личной молельней для настоятельницы. В 1820–1830-е гг. рядом со вторыми воротами был построен выступающий на улицу новый Г-образный в плане настоятельский двухэтажный дом, украшенный в стиле позднего классицизма. Третий двухэтажный настоятельский корпус возвели в послепожарное время со стороны бульвара рядом с устроенными тогда же новыми проломными воротами. В 1860–1870-х гг. старый и новый настоятельские корпуса объединили встройкой по улице.

В Рождественской обители несмотря на небольшие ее размеры всегда подвизалось много монахинь и послушниц. В начале XX в. здесь проживали игумения, 23 монахини, 225 послушниц. В монастыре находился приют для малолетних девочек, которых обучали грамоте и рукоделию. В известном описании Рождественского монастыря И. Ф. Токмаков приводит имена 19 игумений обители (XVI–XIX вв.). Пожалуй, самой известной игуменией синодального периода стала последняя настоятельница монастыря Ювеналия (Елена Викентьевна Ловенецкая) — уроженка Москвы, духовная дочь св. прав. Иоанна Кронштадтского.

В 1887–1902 гг. она возглавила возродившийся монастырь св. равноап. Нины в Одби (Кахетия). Она известна как духовная мать прписп. схиигумении Фамари (Марджановой; канонизирована в 2016 г.). По инициативе Ювеналии в Рождественском монастыре в начале XX в. проводились большие работы по расширению храмов, была построена новая трапезная Казанская церковь.

ИСТОРИЯ ПОСЛЕ 1917 г.

Монастырь как юридический институт был ликвидирован вскоре после 1918 г., хотя большинство бывших монахинь и послушниц продолжали жить в келейных корпусах. В апреле 1922 г. из храмов монастыря изъяли 17 пудов серебряной утвари. В 1923 г. были закрыты собор и 2 трапезных храма, из монастыря выселили большинство инокинь. На август 1924 г. в бывшем монастыре, по сведениям властей, проживало 38 монахинь, которых было предписано расселить в подмосковный Вифанский монастырь. В 1920–1930-е гг. все строения монастыря были заняты жильем (жилое товарищество № 5324), 48-м отделением милиции, другими организациями. Небольшая община верующих с 1929 г. пользовалась Евгеньевским храмом в колокольне. По некоторым сведениям, последняя игумения Ювеналия и несколько сестер были сосланы в Соловецкий лагерь особого назначения. В 1930–1931 гг. ОГПУ завело дело на группу «активных церковников-монархистов», в которой было немало и бывших монахинь Рождественского монастыря. В книге «Любовь и единение…» опубликованы фрагменты протоколов допросов 13 бывших монахинь и послушниц. Многие из рождественских инокинь претерпели гонения за веру, а инокиня Татиана (Бесфамильная) была арестована, держалась мужественно, никого не предала, виноватой себя не признала и 21 октября 1937 г. была расстреляна в Бутово и погребена в безвестной могиле (причислена к лику свв. новомучеников и исповедников Российских).

Постепенно храмы и другие постройки монастыря, используемые различными организациями, ветшали, перестраивались, утратили все церковное имущество. Протоколы фиксируют эти утраты. Уже в 1923 г. занявший храм свт. Иоанна Златоуста клуб милиции снес церковные главки с поздних приделов. Через несколько лет ризница монастыря была занята под жилье. В 1930 г. сотрудники ЦГРМ зафиксировали состояние монастырского собора: «здание запущено, иконостас разобран, решетки в окнах выломаны». Разместившийся в соборе Музей-институт истории химии ВСНХ требовал сноса куполов и барабанов, «изменения фасадов для придания гражданского облика» церковному зданию, сноса крылец, расширения окон, закраски всей живописи, устройства котельной в усыпальнице, разборке на кирпич 2-х верхних ярусов колокольни. ЦГРМ разрешили съемку куполов храмов, изменение фасадов и устройство котельной. В апреле 1931 г. сектор науки Наркомпроса РСФСР разрешил разборку колокольни. В 1936 г. между собором и келейным корпусом было построено четырехэтажное здание школы № 420.

В послевоенное время отношение к древним памятникам несколько улучшилось. В 1950–1960-е гг. храмовые памятники прошли научную реставрацию, но в дальнейшем содержались небрежно. В 1974 г. решением Моссовета

Рождественский монастырь был передан Московскому архитектурному институту (МАРХИ) для организации музея-заповедника древнерусского искусства и зодчества. Реально здание древнего собора МАРХИ получил в конце 1980-х гг. и стал устраивать в нем институтский музей.

В 1989 г. в соборе было проведено первое богослужение. Тогда же его передали РПЦ. 19 июля 1993 г. появилось Постановление Московской Патриархии и Св. Синода РПЦ о возрождении Богородице-Рождественского монастыря со статусом ставропигиального. Из Успенского Пюхтицкого монастыря приехали первые монахини.

Возрождаемой обители государство с середины 1990-х гг. передавало храмы и постройки. В 1995 г. монастырю были переданы храмы свт. Иоанна Златоуста и сщмч. Евгения Херсонского. В 1996 г. был утвержден план комплексной реставрации монастырского ансамбля. Духовником в монастырь назначили протоиерея Бориса Николаева, а в 1998 г. одна из пюхтицких монахинь — Виктория (Перминова), была возведена в сан игумении. В сентябре 2005 г. Рождественский монастырь вошел в число исторических памятных мест, где проходило празднование 625-летия Куликовской битвы. В 2006 г. памятники обители включены в проект «Большое Золотое кольцо России».

Самое деятельное участие в жизни обители принимали предстоятели РПЦ Патриархи Алексий II и Кирилл. Обитель в разные годы принимала великие православные святыни: в 2000 г. — честную главу вмч. целителя Пантелеимона, в 2005 г. — частицу Древа Животворящего Креста, в 2006 г. — десницу св. Иоанна Предтечи. В 2007 г. в монастыре на месте разоренного некрополя состоялась закладка часовни в честь Всех Святых, в земле Российской просиявших. На 2011 г. в монастыре подвизалось 20 сестер. Монастырю принадлежит подворье в с. Федоровское Волоколамского р-на Московской обл., часовня в Москве в Столешниковом пер. (обозначает место, где находился храм Рождества Богородицы в Столешниках). С 2009–2011 гг. при монастыре действует воскресная школа для детей и взрослых. В 2010 г. открылась бесплатная женская трехлетняя церковно-певческая школа. В 2017–2018 гг. в Рождественском монастыре проводилось восстановление исторического облика фасадов монастырского собора. В других храмах перманентная реставрация идет с 2000-х гг. К сожалению, почти вся территория монастыря недоступна для посещения и осмотра.

Рождества Пресвятой Богородицы собор

Существующее здание собора специалисты относят к 1501–1505 гг. Постройка его была вызвана последствиями разрушительного пожара 1500 г. До пожара здесь уже стоял каменный храм, остатки его белокаменной кладки сохранились в восточной части фундамента нынешнего собора. Сильно пострадал Рождественский собор в пожар 1547 г., но был восстановлен к 1550 г. Тогда же в его южной апсиде был устроен увенчанный главкой придел свт. Николая Чудотворца. Его постройку легенда связывает с именем жены Ивана Грозного Анастасии,

почувствовавшей первое движение во чреве сына Федора в дороге, напротив Рождественского монастыря.

Первоначальный вид собора и его внутренняя планировка стали известны во многом благодаря его первым исследователям и реставраторам архитекторам А. С. Фуфаеву, Н. В. Ильенковой и другим и в результате реставрационных работ 1950–1960-х гг.

По своему типу Рождественский собор принадлежит архитектурной традиции XV в. и выглядит несколько архаичным для своего времени. Четырехстолпный трехапсидный храм увенчан шлемовидной главой со щелевидными окнами в барабане. Маленькая главка венчает южную апсиду — там находится Никольский придел. Угловые части здания перекрыты крестовыми сводами и понижены по отношению к центральной части. Каждому ярусу арок внутри церковного здания соответствуют закомары снаружи, которым вторят ряды кокошников «вперебежку». Все это придает собору пирамидальную форму, напоминающую очертания собора Спасо-Андроникова монастыря, построенного гораздо раньше, в 1420–1430-е гг. Но исследователи отмечают и новшества в архитектуре Рождественского собора: карнизы, отделяющие закомары от стен, тонкая проработка профилей, использование апсиды в качестве придела, наличие звонницы (находилась над юго-западным углом четверика). Особенностью Рождественского собора является система кладки купола, при которой благодаря изогнутым рядам кирпичей, поставленных «на угол», образовывался видимый снизу концентрический узор, так называемый «паук». Такой способ кладки был характерен для работавших в то время в Москве итальянцев. Эти особенности архитектуры собора дают возможность предполагать участие итальянских зодчих в его создании. В то же время 3 однотипные портала — традиционно московские по форме, с килевидными завершениями и колонками. В киотах над порталами первоначально находились фрески XVI в., часть фрагментов которых уцелела.

Со второй половины XVII в. к собору пристраиваются различные по функциям постройки. Первая из них примкнула с юга к Никольскому приделу и, вероятно, служила ему трапезной, вход в нее был с запада. К востоку от собора рядом с алтарем в 1670-е гг. на средства главных ктиторов монастыря князей Лобановых-Ростовских была построена усыпальница — небольшое прямоугольное в плане здание с лопатками на углах, профилированным цоколем и карнизом с поребриком, перекрытое сводом с двускатной кровлей и главкой. Сооружение имело 2 окна, вход был сделан с юга.

В конце XVII в. вместо разобранной звонницы с юго-запада к собору была пристроена шатровая колокольня (ее основание обнаружено при исследовании памятника). Никольский придел из собора в конце XVII в. перенесли в храм свт. Иоанна Златоуста. Тогда же пристройку с юга удлинили вдоль всего южного фасада собора, пристройкой же по всей длине закрыли и северный фасад. В этих объемах в первой четверти XIX в. устроили приделы: в южном в 1814 г. «усердием генерал-майорши Анастасии Федоровны Салтыковой» в честь Сошествия Святого Духа, а в северной в 1820 г. на пожертвование купца Дмитрия Семеновича Лепешкина во имя свт. Димитрия Ростовского. В 1859 г. придельные

строения перестраивают, при этом в стенах древнего собора были пробиты 4 арки и расширены 3 портала. Усыпальницу Лобановых-Ростовских надстроили 2-м этажом и в ней поместили соборную ризницу.

В самом начале XX в. по проекту архитектора Ф. О. Шехтеля с запада была возведена в духе древнерусской архитектуры пристройка, существующая и доныне. Таким образом, в результате многочисленных перестроек и пристроек с конца XVII до начала XX в. древний Рождественский собор, особенно его нижняя часть, в значительной мере утратил свой изначальный вид.

По свидетельству И. Ф. Токмакова, в соборе находились старинный, украшенный мелким жемчугом крест 1661 г., Евангелие в серебряно-вызолоченном, украшенном жемчугом и драгоценными камнями окладе — вклад стольника Ф. Я. Собакина; серебряное кадило — вклад Ивана и Александра Ивановичей Лобановых-Ростовских по своим родителям; парчовые ризы, по преданию, присланные в 1740 г. императрицей Анной Иоанновной по случаю рождения Иоанна Антоновича. В ризнице хранилось несколько документов XVII в., относящихся к хозяйственной жизни монастыря.

В трапезной собора сохранялись несколько надгробных досок, 2 из них — над могилами Долгоруковых (сохранились до настоящего времени).

Рождественский собор был закрыт в 1923 г. и стал одним из первых ликвидированных советской властью московских монастырских соборов. С конца 1920-х гг. в церковном здании располагались клуб, Музей-институт истории химии ВСНХ, ведомственный архив, ВНИИпромгаз, музей МАРХИ.

В советское время собор конструктивно не перестраивался. Внутри его сделали 2-й этаж с деревянными перекрытиями. Здание сильно обветшало. В послевоенные десятилетия Рождественский собор находился в центре внимания архитекторов и реставраторов. Первое серьезное исследование памятника было произведено в 1940-е гг. сотрудником Сектора архитектуры Института истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР А. С. Фуфаевым, который детально исследовал всю древнюю часть памятника, обнаружил остатки фрески XVI в., черепицу XVI–XVII вв., сделал тщательные обмеры и эскиз реконструкции, выявил сходство деталей Рождественского собора с архитектурой московских Благовещенского и Покровского соборов и соборов Спасо-Андроникова и Чудова монастырей и др.

В 1957 г. более капитальные исследования с зондажами и шурфами провел А. Афанасьев, составивший проект реставрации, по которому следовало полностью снять кровлю XVII в., открыв систему трифолиев, переходящих в ряды кокошников вокруг барабана.

Реставрация собора была проведена в 1968 г. под руководством архитектора Н. В. Ильенковой. Во время реставрационных работ были обнаружены новые детали. Установлено, что придел в дьяконнике — первоначальный, найден фрагмент покрытия чернолощеной черепицей. Эскизный проект Н. В. Ильенковой предполагал полное восстановление первоначального вида собора, однако по различным причинам ограничились лишь фрагментарной реставрацией. Были сохранены поздние XIX — начала XX в. пристройки, в силу чего оказалось

нецелесообразным восстановление звонницы. По аналогам была восстановлена церковная главка над южным приделом, в центральных закомарах восстановлены некоторые окна середины XVI в.

Внутри сохраняемой поздней пристройки были полностью воссозданы фасады древней части собора с декоративными узорчатыми порталами. Во время реставрации остатки росписи начала XIX в. были сбиты, а стены оголены до камня. Оставлен небольшой фрагмент росписи конца XVIII в. — в барабане между окнами. В северо-восточной части собора со стороны Никольского придела на стене уцелели граффити середины XVI в. с именами монахинь. В отреставрированном четверике собора был размещен архив одного из НИИ столицы.

В 1989 г. собор был возвращен РПЦ. 21 сентября 1989 г. на престольный праздник Рождественский собор посетил Патриарх Алексий II. Началось медленное возрождение храма. В соборном приделе Сошествия Святого Духа к середине 1990-х гг. был установлен трехъярусный иконостас и настелены дубовые полы. 16 ноября 1995 г. Патриарх Алексий II освятил престол в этом приделе. В соборе были установлены пятиярусный иконостас с новонаписанными иконами, резное игуменское место. В нижнем местном ряду иконостаса находятся, в частности, иконы свв. Бориса и Глеба, Божией Матери «Державная», святых Царственных Страстотерпцев. На столпах и на стенах — различные иконы, в том числе прп. Софии Суздальской с частицей мощей, большой образ Боголюбской иконы Пресвятой Богородицы.

С 2017 г. в соборе начались масштабные реставрационные работы. Были обследованы и укреплены белокаменная и кирпичная кладки, отремонтирована водосточная система, отреставрировано парадное крыльцо, позолочены кресты. В 2022 г. приступили к реставрации интерьера собора.

Иоанна Златоуста свт. трапезный храм

Трапезная церковь свт. Иоанна Златоуста известна с 1626 г. На ул. Рождественке находилось владение известного государственного и военного деятеля, воеводы князя Александра Ивановича Лобанова-Ростовского (†1677).

В 1676–1677 гг. боярыня Фотиния Ивановна Лобанова-Ростовская на свои средства и на иждивение своего деверя князя Александра Ивановича Лобанова-Ростовского по благословению Патриарха Иоакима выстроила теплую каменную трапезную церковь свт. Иоанна Златоуста в стиле посадских храмов того времени. Храм был пятиглавым и бесстолпным с глухими барабанами глав, поставленными прямо на свод. Устроительница храма приняла монашество и была похоронена в усыпальнице Лобановых-Ростовских. В XVII в. храм был расписан.

В 1770-х гг. Златоустовский храм пострадал от пожара, но тогда же был восстановлен.

По некоторым сведениям, в XVII в. при храме существовал придел свт. Николая Чудотворца. Также известно точно, что придел с таким именем был

перенесен из Рождественского собора в пристройку, сделанную в 1792 г. с южной стороны Златоустовского храма.

В 1812 г. к храму пристроили северный придел во имя св. прав. Филарета Милостивого, в связи с чем в южной и северной стенах храма были устроены арки. В 1868–1869 гг. оба придела перестроили и стилизовали под древнерусские: окна были обрамлены наличниками, а входы в приделы напоминали порталы XVII в. Великое освящение перестроенного придела св. прав. Филарета Милостивого (одновременно и в память скончавшегося незадолго до этого, в 1867 г., свт. Московского Филарета) совершил в 1869 г. свт. Иннокентий (Вениаминов), митрополит Московский. В 1878–1879 гг. стены и своды храма расписали вновь.

Последние большие благоустроительные работы в храме были проведены в 1903–1904 гг., когда были расширены старые и сделаны новые проемы в стенах, благодаря чему Златоустовская церковь стала вместительнее. Тогда же из Рождественского собора сюда перенесли придел свт. Димитрия Ростовского.

В трапезной храма свт. Иоанна Златоуста до революции сохранялась надгробная доска княжны Анны Иоанновны Лобановой-Ростовской (†1740). Н. Ф. Токмаков писал, что «у этой таблицы было несколько гробов князей Лобановых, но они сняты Игуменьею Есфириею (была во главе монастыря в 1812–1815 гг. — *В. К.*); другие доски забелены».

Храм свт. Иоанна Златоуста был закрыт в 1923 г. и передан милиции. Затем в нем были устроены квартиры, позже размещались различные учреждения. Внешний ремонт храма проводился в 1960-х гг. Тогда на восстановленные главы вместо крестов поставили шары. В 2007 г. возрожденный монастырь приступил к реставрационным работам в Златоустовском храме, были ликвидированы позднейшие перегородки, заменена кровля, произведены столярные работы, сделана внешняя покраска. Реставрация продолжается до настоящего времени.

Евгения Херсонского св. сщмч. храм
под колокольней

Вместо старой, пристроенной к монастырскому собору шатровой колокольни XVII в., пострадавшей от удара молнии в 1835 г., в 1836 г. архитектором Н. И. Козловским была построена новая. В нее, возможно, была включена кладка монастырских Святых ворот. В нижней части 1-го яруса колокольни сделали парадный вход в монастырь с ул. Рождественки. Над этим входом в верхней части 1-го яруса был устроен храм, а боковые пролеты превращены в замкнутые помещения: в южном пролете была лестница на верхние ярусы колокольни. Под колокольней находится небольшой сводчатый подвал.

Колокольня и храм в ней были сооружены на средства вдовы тайного советника Серафимы Ивановны Штерич. По ее желанию храм во 2-м ярусе колокольни был посвящен сщмч. Евгению Херсонскому в память умершего сына Евгения; освящен московским викарным епископом Исидором. В храме находился сооруженный по проекту Н. И. Козловского круглый ампирный иконостас.

Сочетание надвратной церкви с колокольней, выход ее на красную линию улицы — характерный прием для московской школы классицизма. Выстроенная в позднеклассическом стиле колокольня имеет трехчастные (палладианские) окна, верх ее украшен элементами готики.

После закрытия 3-х монастырских храмов в начале 1920-х гг. церковь сщмч. Евгения оставалась единственной действующей в обители. По ходатайству разместившегося в бывшем монастыре Жилтоварищества решением Президиума Моссовета от 4 октября 1929 г. церковь сщмч. Евгения была закрыта и передана под уголок безбожников и пункт ликвидации неграмотности. Жалобу верующих во ВЦИК, подписанную председателем общины Барановым, решением этого высшего законодательного органа советской власти за подписью его председателя М. И. Калинина отклонили. О таком окончательном решении верующим было объявлено 18 октября 1929 г. Уникальный иконостас работы Н. И. Козловского было рекомендовано передать для сохранения ближайшей общине верующих. О его судьбе мы ничего не знаем. Община с небольшим числом икон и церковной утвари перешла в находящийся неподалеку на ул. Рождественке храм свт. Николы Чудотворца в Звонарях.

В 1930–1990-х гг. помещение храма сщмч. Евгения занимали самые разные учреждения. Колокольня реставрировалась в 1973, 1991 гг. Уже силами возрождающегося женского монастыря в 2009 г. была проведена замена кровли и реставрация фасадов колокольни, расчищен застроенный вход в монастырь через нижний ярус. В 2012 г. в надвратном храме был установлен исполненный в классическом стиле новый двухъярусный иконостас, а 9 сентября 2014 г. архиепископ Сергиево-Посадский Феогност совершил великое освящение храма сщмч. Евгения в колокольне.

На стенах храма сохранилось несколько изображений святых, в числе которых прп. Сергий Радонежский, а также еще один из семи мучеников Херсонских — св. Агафадор.

Казанской иконы Божией Матери трапезный храм

Издавна у монастырской стены, выходящей на Рождественский бульвар, располагались одноэтажные строения сестринских келий. В начале XX в. при коренном переустройстве монастыря было решено сломать эти здания и построить вдоль стены большой храм с обширным трапезным корпусом. Первоначальный проект Казанского храма был составлен архитектором Ф. О. Шехтелем, однако его сочли слишком дорогостоящим. Одобрение получил другой проект — архитектора П. А. Виноградова, работавшего тогда в Рождественском монастыре. Стоимость сооружения нового храмового здания в неорусском стиле была определена в 120 тыс. руб.

6 июля 1904 г. митрополитом Московским Владимиром (Богоявленским) было совершено освящение закладного камня. По проекту, сооружаемый пятиглавый Казанский храм был рассчитан на 300 молящихся. К нему пристраивалось огромное трехэтажное здание трапезной, на 1-м этаже которой предполагалось устроить

кухню, кладовую и пекарню для просфор, на 2-м — 18 больших келий и помещение для церковно-приходской школы, 3-й этаж предназначался для собственно обширной трапезной, длиною в 12 и шириною в 7 саженей. Для будущего храма заранее, еще до его строительства, благотворительницей М. В. Лапшиной (ко времени возведения храма уже покойной) были приготовлены иконы. Известно, что благотворительница приняла постриг с именем Серафимы. 8 сентября 1905 г. митрополит Владимир освятил кресты на куполах Казанского храма и малым чином — сам храм, в котором в этот день монастырского престольного праздника была совершена первая Божественная литургия. Через год, 30 августа 1906 г., митрополит Владимир совершил великое освящение Казанского храма. В церкви установили дубовый резной иконостас, образа для которого написал художник Ильин, а утварь и облачения были выполнены в мастерской С. С. Мешкова. В 1906 г. в Казанском трапезном храме служил св. прав. Иоанн Кронштадтский.

Храм был закрыт в 1923 г., и в нем устроены мастерские, жилые помещения, детский сад. Были снесены все его 5 глав и красивое, в стиле XVII в. крыльцо у его северного входа.

В 1970-х гг. здание передано МАРХИ, здесь была устроена кафедра живописи, проводились аудиторные занятия.

В августе 1997 г. возрожденному монастырю передана верхняя часть трапезного Казанского храма, а в 2001 г. — и нижняя часть (кроме подвала). В 2005 г. были завершены масштабные реставрационные работы: воссозданы 5 глав, установлены кресты, заменена кровля. Не восстановлено крыльцо с северной стороны храма.

В праздник Рождества Пресвятой Богородицы 21 сентября 2007 г. в возрожденном Казанском храме впервые совершил Божественную литургию Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. В марте 2008 г. Патриарх служил в Казанском храме еще раз. 7 ноября 2010 г. Святейший Патриарх Кирилл совершил чин великого освящения возрожденного храма и возглавил Божественную литургию.

Ныне своды и стены храма расписаны, в трапезной в пространствах между окнами — изображения в рост русских святых: с левой стороны прпп. Феодосия Печерского, Серафима Саровского, Антония Печерского, сщмч. Патриарха Ермогена; с правой стороны свтт. митрополита Алексия, Иоасафа, епископа Питирима Тамбовского, прп. Сергия Радонежского и др. В парусах храма — изображения евангелистов, а под ними на северной и южной стенах есть копии картин Г. И. Семирадского «Христос и самарянка», «Христос у Марфы и Марии». У западной стены трапезной в киотах — иконы прп. Евфросинии Московской и свт. Патриарха Тихона. В храме установлен двухъярусный иконостас, в местном ряду которого находятся 8 икон, в том числе свт. Николая Чудотворца, прп. Серафима Саровского, прав. Иоанна Кронштадтского. В деисусном ряду — 5 икон. В храме хранятся ковчег с частицей мощей св. вмч. Георгия Победоносца, ковчег с частицей мощей св. вмц. Варвары.

Источники и литература:

1. ГАРФ. — Ф. Р-1235. — Оп. 65. — Д. 321. Переписка с Президиумом Моссовета… по жалобам разных лиц и жалобам о закрытии церквей. — Т. 1. — 1929–1930. — Л. 36–42.
2. [О закладке Казанской монастырской церкви] // МЦВ. — 1904. — № 24.

3. [Об освящении Казанской монастырской церкви] // МЦВ. — 1906. — № 36.
4. *Амвросий (Орнатский).* История российской иерархии. — Ч. 5. — М., 1813. — С. 689–690.
5. *Токмаков И. Ф.* Краткий исторический очерк Московского Рождественского женского монастыря. — М., 1881. — 16 с.
6. *Денисов Л. И.* Православные монастыри Российской империи. — М., 1908. — С. 506.
7. *Ильин М. А.* Собор Рождественского монастыря в Москве // Материалы по истории русского искусства. — Вып. 1. — М., 1928. — С. 5–7.
8. *Фуфаев А. С.* Собор Московского Рождественского монастыря // Архитектурные памятники Москвы XV–XVII века : Новые исследования. — М., 1947. — С. 55–75.
9. *Ильенкова Н. В.* Собор Рождественского монастыря в Москве : Исследование и реставрация // Охрана и реставрация памятников архитектуры : Опыт работы мастерской № 13. — М., 1981. — С. 82–88.
10. *Либсон В. Я.* Возрожденные сокровища Москвы. — М., 1983. (Раздел «Рождественский монастырь» — С. 136–140).
11. Памятники архитектуры Москвы. Белый город. — М., 1989. (№ 135 «Рождественский монастырь» — С. 211–216).
12. *Бураков Ю. Н.* Под сенью монастырей московских. — М., 1991. (Раздел «Рождественский монастырь» — С. 193–203).
13. Сорок сороков : Краткая иллюстрированная история всех московских храмов : [в 4 т.] / собр. П. Паламарчук. — Т. I. Кремль и монастыри. — М., 1992. (Раздел «Рождественский монастырь» — С. 190–197).
14. *Баталов А. Л.* Московское каменное зодчество конца XVI века : проблемы художественного мышления эпохи. — М., 1996. — 431 с.
15. *Приселков М. Д.* Троицкая летопись : Реконструкция текста. — 2-е изд. — СПб., 2002. — 512 с.
16. Богородице-Рождественский ставропигиальный женский монастырь. Собор Рождества Пресвятой Богородицы // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Сентябрь. — М., 2003. — С. 149–156.
17. Памятники архитектуры в Советском Союзе : Очерки истории архитектурной реставрации / под общ. ред. А. С. Щенкова. — М., 2004. (О реставрации собора Рождественского монастыря — С. 510–513).
18. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи (с библиографическим указателем) / сост. В. В. Зверинский. — Кн. I–III. — СПб., 2005. («Рождественский на Рву или Богородицкий на Трубе, женский, 2-го класса в гор. Москве монастырь. — Ч. II. — С. 298–299).
19. *Мазуров А. Б.* Духовная грамота вдовы князя Владимира Андреевича Серпуховского Елены Ольгердовны // Вестник Коломенского государственного педагогического института. — Коломна, 2006. — С. 15.
20. *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Русский удел эпохи создания единого государства : Серпуховское княжение в середине XIV — первой половине XV в. — М., 2006. — С. 206.
21. Любовь и единение. Очерк истории Богородице-Рождественского ставропигиального женского монастыря. — М., 2009. — 224 с.
22. Ставропигиальные монастыри Русской Православной Церкви. — М., 2011. (Раздел «Богородице-Рождественский женский монастырь» — С. 255–276).
23. *Козлов В. Ф.* Московский в честь Рождества Пресвятой Богородицы ставропигиальный женский монастырь // ПЭ. — Т. XLVII. — М., 2017. — С. 400–406.

Симонов 1-го класса ставропигиальный необщежительный мужской монастырь

(ныне — Патриаршее подворье)

ул. Восточная, д. 4

сохранился частично, как монастырь не восстановлен

В начале XX в. – 6 храмов с 11 престолами

Александра Свирского прп. домовый (больничный) храм

Иоанна Патриарха Константинопольского свт. и Александра Невского св. блгв. кн., а также других святых, празднуемых Церковью 30 августа, в колокольне надвратный храм

Николая Чудотворца свт. надвратный (над восточными воротами) храм

Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня надвратный (над западными воротами) храм

Тихвинской иконы Божией Матери при трапезной храм

Афанасия Патриарха Александрийского свт. и Гликерии св. мц. придел
Валентина, Параскевы свв. мчч. и Василия Блаженного св. придел
Ксенофонта и Марии прпп. придел
Сергия Радонежского прп. придел

Успения Пресвятой Богородицы собор

Казанской иконы Божией Матери придел

ИСТОРИЯ ДО 1917 г.

Один из крупнейших и древнейших монастырей Москвы. Первоначально в 1370 г. заложен на месте, называемом позднее Старым Симоновым. Чуть позже, в 1377 г., рядом появился новый Симонов монастырь. А в Старом Симонове остался храм Рождества Богородицы, ныне — это постройка начала XVI в. Основание же обители на новом месте связывают с именами племянника и воспитанника прп. Сергия Радонежского свт. Феодора Симоновского (Ростовского), а также великого князя Дмитрия Ивановича Донского. Монастырь был основан в 6 верстах от Кремля, в полукилометре от Москвы-реки, на ее левом крутом берегу. Свт. Феодор Симоновский был духовником великого князя, выполнял его многие просьбы. В 1390 г. он стал епископом Ростовским, а настоятелем Симонова монастыря становится также известный на Руси прп. Кирилл (позже Белозерский). В Симоновой обители в разные века как монахи или архимандриты пребывали будущие столпы православия: свт. Иона митрополит Московский,

Патриарх Иосиф, основатель Можайского Лужецкого и Ферапонтова Белозерского монастырей прп. Ферапонт, архиепископы ростовские Иоанн и Вассиан.

Первый каменный монастырский храм в честь Успения Богородицы был заложен на новом месте около 1380 г. и был освящен только в 1405 г. В XV в. монастырь обладал значительными земельными владениями в различных уездах Руси, он заводил соляные варницы, мельницы, рыбные ловли, пашни, огороды. Обитель имела подворье в Кремле, где в 1458 г. была построена Введенская церковь. В самом Симонове на средства В. Г. Ховрина в 1450–1470 гг. был сооружен храм со звонницей в честь Спаса Преображения. Тогда же была возведена тем же В. Г. Ховриным и первая каменная кирпичная монастырская ограда с башнями и воротами. Сам щедрый жертвователь скончался после 1480 г., принял перед смертью постриг в Симоновом монастыре. В 1485 г. в обители на средства великого князя Ивана III построили каменную трапезную. По общему мнению современных исследователей, в XV в. «по насыщенности каменными сооружениями Симонов монастырь не знал себе в то время равных во всей Московской Руси».

Активную роль в Русской Церкви и государстве Симонов монастырь играл и в следующем XVI в. В начале этого столетия архимандритом становится пришедший из Кирилло-Белозерского монастыря известный церковный деятель Варлаам. Между 1518 и 1525 гг. в обители жил известный афонский ученый монах Максим Грек. В XVI в. активно продолжалась в монастыре храмозданная деятельность. В самом начале века была сооружена Богородице-Рождественская церковь в Старом Симонове, в 1540-х гг. происходили капитальные перестройки Успенского собора, Спасо-Преображенского храма. Тогда же были сооружены большие каменные хозяйственные здания: конюшни и солодовни. В 1591–1593 гг. в память отражения нашествия крымских татар под предводительством Казы-Гирея над западными воротами монастыря была возведена церковь в честь Происхождения Древ Честнаго Креста Господня.

В Смутное время обитель сильно пострадала. Долгое время она была в осаде, а в 1612 г. поляки ее все же взяли и разграбили. Благодаря вниманию и вкладам первых царей из династии Романовых и доходам из многочисленных земельных владений во многих уездах монастырь быстро восстановился, здесь появились и новые постройки. На средства Сулешовых — родственников царя Михаила Федоровича, рядом с собором на восточных воротах была построена Знаменская церковь. Частично на их же средства в 1630–1640-х гг. возвели новые стены и башни, надстроенные позже высокими шатрами. Ограда обители была выстроена по всем правилам фортификации того времени и стала самой мощной в обороне ближних подступов к Москве. Грандиозная многогранная башня «Дуло» обеспечивала наиболее важные подходы на берегу Москвы-реки. На той же южной стороне были сооружены мощные Кузнечная (промежуточная) и угловая восьмигранная Солевая (Вылазная) башни. В северной части стены возвели прямоугольную Сторожевую и Тайницкую башни. В стене было устроено несколько ворот. У южной стены в середине XVII в. построили двухэтажный келарский корпус (старая трапезная), а в 1620–1630-х гг. — также двухэтажный казначейский корпус. Самой грандиозной хозяйственной постройкой,

возникшей в монастыре во второй половине XVII в., стало здание, известное под именем «Сушило». Первоначально оно было двухэтажным с галереей, а затем в 1680-е гг. артелью Парфена Петрова надстроено высоким третьим этажом. Полагают, что «Сушило» было предназначено для хранения и сушки товаров. Во второй половине XVII в. монастырский комплекс обогатился значительной по масштабу новой трапезной с Сергиевским храмом. Посетивший в 1656 г. монастырь Павел Алеппский восхищенно описывал архитектуру его 6-ти храмов. В то время в обители числилось 60 монахов.

XVIII в. с его секуляризационными процессами тяжело сказался на состоянии монастыря. Строительство на территории обители полностью прекратилось, к середине века многие постройки обветшали и требовали ремонта. По секуляризационной реформе 1764 г. земельные владения и крестьяне у монастыря были отобраны, а сам он был причислен к 1 классу. Однако уже через 7 лет в связи с эпидемией чумы обитель была закрыта, а архимандрит Гавриил (Краснопольский) с братией были переведены в соседний Новоспасский монастырь, где от поветрия и скончались. В Симоновом был введен карантин. Последствия чумы и разрухи не заставили себя ждать. Указом Св. Синода от 17 мая 1788 г. Симонов монастырь упразднили, а здания его передали Кригс-Комиссариату для устройства госпиталя. В сентябре ризницу и имущество перевезли в московский Богоявленский монастырь, а насельников вскоре перевели в разные обители. Древние постройки монастыря быстро ветшали. Однако нашлись и защитники обители, писавшие в Петербург просьбы о ее восстановлении. Именным указом от 4 апреля 1795 г. монастырь был «обращен в прежнее положение и состояние». Ему был присвоен статус ставропигиального, возвращены ризница и все церковное имущество. На восстановление монастыря купец Афанасий Иванович Долгов пожертвовал около 200 тыс. руб.

Симонов монастырь сильно пострадал в 1812 г. Перед захватом Москвы французами ризницу и наиболее ценные оклады с икон успели вывезти в Вологду. Ворвавшиеся в обитель 5 октября 1812 г. французские мародеры учинили в соборе разгром: «…варвары царскими дверьми взошли в алтарь, побрали все с святого престола — кресты, Евангелие и антиминс в карманы вместо платков, также и с жертвенника потир, дискос с прибором, а другие начали ломать шкафы, сундуки и проч.…». Архимандрит Евстафий писал о бесчинствах завоевателей в монастыре: «Паперть соборной церкви и башни заняли лошадьми, а в келиях поселились жить разных чинов военные люди. Большую теплую церковь употребили для склада хлебной провизии, три малые — одну для мясной, другую для овощной, третью для пекарни, а для простора алтари выломали…». Перед бегством французы подожгли трехэтажный корпус, а вместе с ним сгорели братские келии, конюшня. Врагами были сделаны даже подкопы под башни, чтобы взорвать монастырь. Во время оккупации погибли или были растащены многие старинные иконы, книги и рукописи монастырской библиотеки.

Последствия разорения 1812 г. в монастыре залечивались долго и в значительной степени на средства частных жертвователей. Большое строительство и благоустройство было развернуто в обители при архимандрите Мелхиседеке в 1830–1840-е гг., когда была воздвигнута огромная колокольня, к собору

пристроили Казанский придел, перестроили Знаменскую церковь и к ней пристроили больничные келии, отремонтировали настоятельские и братские келии. Тогда были переосвящены некоторые храмы и приделы монастыря. К сожалению, при этих работах были уничтожены некоторые старинные памятники. При Мелхиседеке за оградой построили монастырские гостиницу и больницу. Многие строительные и восстановительные работы в монастыре в XIX в. финансировались Бахрушиными, Алябьевыми, Лепехиными, Боборыкиными, Мусиными-Пушкиными, И. Игнатовым, А. И. Долговым, А. Е. Щекиным и др.

В первой половине XIX в. в Симоновом монастыре была возрождена традиция церковного пения. Послушать благозвучное тихое пение монастырского хора иеромонаха Виктора приезжали многие знатные особы и простой православный люд.

В 1870 г. Москва торжественно отмечала 500-летие Симонова монастыря. В 1912 г. в монастыре находилось 40 чел. братии, в числе которых — настоятель-епископ, игумен, 2 архимандрита, 10 иеромонахов, 5 иеродиаконов, 20 послушников.

Симонов монастырь обладал уникальным некрополем (о нем см. отдельный очерк), формировавшимся на протяжении нескольких веков. В монастырских храмах или рядом с ними были похоронены хан Касимовский и номинальный правитель России с титулом великого князя в 1575–1576 гг. Симеон Бекбулатович, представители именитого боярства и дворянства: Ховрины-Головины, Мстиславские, Телешовы, Татищевы, Мусины-Пушкины, Сулешовы, Энгельгардты и другие; известные литераторы, музыканты, публицисты, собиратели: Д. Б. Мертваго (1760–1824), М. И. Невзоров (1763–1827), С. Т. Аксаков (1791–1859), Д. В. Веневитинов (1805–1827), В. В. Пассек (1808–1842), К. С. Аксаков (1817–1860), А. А. Алябьев (1787–1851), В. М. Ундольский (1815–1864) и другие; а также декабрист Н. А. Васильчиков (1799–1864), московский городской голова Ф. И. Кожевников (1749–1814). На монастырском некрополе было немало известных купеческих могил.

ИСТОРИЯ ПОСЛЕ 1917 г.

Как и многие московские монастыри, Симонов претерпел в первые полтора десятилетия советской власти тяжелые испытания: закрытие храмов, изгнание монашествующих, заселение рабочими, разрушение древних памятников. Уже в марте 1918 г. по распоряжению властей из монастырской ризницы в Оружейную палату была вывезена часть наиболее ценного церковного имущества. Вторая крупная реквизиция церковных памятников произошла через 4 года, когда в ходе кампании по изъятию церковных ценностей в пользу голодающих в начале апреля 1922 г. из храмов монастыря было вывезено в 6 ящиках более 26 пудов серебряных риз, богослужебных сосудов и других предметов церковной утвари. Однако часть серебряных предметов, предназначенных к изъятию, была по распоряжению Музейного отдела оставлена на месте в качестве будущих экспонатов формировавшегося тогда в стенах бывшего монастыря Музея. В архивах сохранились акты и списки этих памятников, среди которых указаны серебряные:

ризы, 8 Евангелий XVII — начала XVIII в. в окладах, несколько крестов и водосвятных чаш XVII в., митра, посох, дарохранительница и др.

Симонов монастырь в первые годы советской власти находился почти в полном окружении крупных заводов и фабрик, заселенной рабочими Симоновой (с 1924 г. Ленинской) слободы, что в условиях негативного отношения новых властей и заводского начальства к религии вообще приводило к закрытию храмов, захватам церковных и хозяйственных построек обители и создавало значительные трудности с созданием в ней музея. Между тем, с 1918 г. специалисты Наркомпроса проводили осмотры древних памятников в целях их охраны, реставрации и музеефикации. Так в ноябре 1918 г. архитекторы-реставраторы Н. Жуков и Н. В. Марковников осмотрели на предмет сохранности все памятники обители и составили смету на их ремонт. В декабре 1922 г. рабочие и служащие заводов «Динамо» и АМО на многолюдных собраниях потребовали предоставить под клуб РКСМ помещение домовой церкви. По всей видимости, вскоре храм был клубу передан. Руководство заводов просило предоставить им и другие исторические здания, и музейные органы, оказавшись не в силах противостоять напору пролетариев, согласилось в 1924–1925 гг. отдать «рабочим организациям Ленинской слободы для культурно-просветительных целей (размещения пионерских отрядов) помещение новой трапезной (при условии ее изоляции от трапезной старой), храмов Александра Свирского и Никольского (при условии сохранения внешнего облика)». Тем не менее, храмы верующим тогда удалось отстоять.

В 1918 г. Симонов монастырь как религиозный институт прекратил существование, а оставшиеся там иноки и жившие в окрестностях обители православные организовали приход. Сохранившееся в архивах регистрационное дело этой общины отчасти раскрывает перипетии ее короткой жизни. Председателем общины в 1922 г. был Иван Антонович Антонов, 47-ми лет. В состав общины входили 13 монахов, в том числе игумены Рафаил и Антонин, епископ Назарий (Н. М. Блинов) и 10 иеромонахов и иеродиаконов. Всего же в общине в 1925 г. числилось 300 чел. В середине 1920-х гг. община владела 2-мя небольшими монастырскими храмами: прп. Александра Свирского и свт. Николая Чудотворца.

Таким образом, в закрытой обители оказалось 3 хозяина: рабочие клубы и общежитие, создаваемый органами образования Музей и религиозная община, обладавшая наименьшими правами по сравнению с остальными. Все это, конечно же, сказывалось на сохранности памятников, оставшихся без надлежащего ухода. В первую очередь страдали брошенные надгробные памятники бывшего монастырского некрополя — в значительной степени от бесчинств новых жильцов, заполнивших монастырские постройки. С другой стороны, и музейные работники были не прочь пополнить бюджет монастырского музея за счет реализации на строительный материал памятников, не имеющих «исторического и художественного значения». Деньги, вырученные от такой продажи, тогда называли «спецсредствами», и шли они частично на музейные нужды, в том числе на реставрацию считавшихся более ценными памятников. Архивные документы донесли до нас свидетельства об отношении к историческому некрополю в целом и его отдельным памятникам даже специалистов в области охраны памятников.

Например, в нашем распоряжении есть составленный в 1924 г. «Список памятников Симонова монастыря к предложению о покупке на лом», в который были включены 200 надгробий и склеп (в основном второй половиной XIX — начала XX в.). Но в то же время Главнаука отстаивала от посягательств заводоуправления «Динамо» могилы писателей и исторических деятелей и кладбищенские памятники XVIII и начала XIX в., указывая, что они имеют художественно-историческое значение. Однако в целом судьба старинного некрополя Симонова монастыря была решена, он постепенно уничтожался. По кладбищу ходили свиньи, а сам свинарник устроили в одной из старинных башен. Заведующий музеем В. И. Троицкий жаловался на это еще в июне 1924 г. Тогда же он писал в Управление недвижимым имуществом, что в нижнем этаже трехэтажного здания XVII в. (видимо, имелось в виду «Сушило») молодежный клуб Рогожско-Симоновского района устраивает хранилище для спортивных принадлежностей и рядом спортплощадку. Отношения между развивавшимся Музеем и различными рабочими, культурными организациями, мастерскими, общежитием все более обострялись. Особенно это было заметно в монастырской трапезной, где одновременно находились сам Музей, а также занявшие большие помещения клуб «Пролетарская кузница», слесарная учебная мастерская, клуб пионеров (подробнее об этом см. в разделах, посвященных Тихвинскому храму и Музею).

Совсем скоро благоустроенный и величественный древний монастырь был превращен в настоящую помойку. В архивном деле «Музей Древней архитектуры бывшего Симонова монастыря» в ЦГАМО хранится несколько писем на эту тему. Одно из них, подписанное «симоновец», по всей видимости, было направлено автором в одну из московских газет. Вот его полный текст: «Допустимо ли это? Печальную картину являет собой владение бывшего Симонова монастыря, принадлежащее Главнауке. Варварская эксплуатация без ремонта и надлежащего ухода старых монастырских зданий приводит их к быстрому разрушению. Квартиранты, являющиеся в подавляющем своем большинстве трудящимися, как говорится, волком воют: крыши текут, трубы сыпятся, печи дымят, неубранные уборные и помойки распускают зловоние. Администрацией эксплуатируются под жилье заведомо нежилые помещения. Фруктовый сад монастыря доведен до крайнего истощения, яблони не окапываются, не оправляются, забор повален. Густейшая некогда заросль сирени и акации стравлена козами. Не лучше обстоит дело с охраной памятников старины. Крыши и желоба текут, размывая карнизы и стены, углы деревянных зданий обиваются, старые надгробия на глазах разрушаются, становясь жертвою хулиганствующих подростков. Такой же участи подвергаются и могилы Аксаковых, поэта Веневитинова и других. Все владение монастыря, раньше являющееся местом отдыха москвичей, залито помоями, запакощено курами, свиньями, собаками, лошадьми. Жаль, Симонов монастырь, эта жемчужина древней архитектуры, живописи, расположенный на командующих над Москвой высотах и утопающий в зелени, может и должен быть местом культурного отдыха трудящихся. Симоновец».

Дата этого анонимного, но, по-видимому, написанного музейным работником (возможно, В. И. Троицким) письма нам неизвестна. Зато мы знаем, что

в монастыре был развешен текст объявления от имени Главнауки Наркомпроса (от 20 мая 1927 г.), запрещавшего всем жильцам бывшего монастыря держать кур, гусей и свиней. Это распоряжение Главнауки, которая тогда отвечала за сохранность монастырских памятников, вызвало негодование новых жильцов, один из которых написал ответ и на это объявление и, возможно, на процитированное выше письмо «Симоновца». Для полноты картины приводим текст и этого письма, датированного 7 июня 1927 г.: «Прилагая при сем объявление коменданта бывшего Симонова монастыря, я от имени жильцов и от себя прошу Вас разъяснить, правильно ли это распоряжение и помочь довести до сведения кого нужно, что здесь идет поповский нажим на рабочих, проживающих в монастыре, так как заведующим музеем является некто Троицкий, который все время благоволит монахам, но отнюдь не рабочим и по непроверенным сведениям имеет прошлое. Непосредственные помощники монахи. Комендант тоже, говорят, сын священника и тоже держит руку монахов, а не защищает интересы рабочих, и нет ничего удивительного, что монахи не оплачивают (конечно, не все) занимаемую жилплощадь. И вот эта Компания очевидно сумела втереть очки Главнауке, что куры и гуси вредят охране памятников и подрывают очевидно и музей, в котором висят несколько картин и рисунков, занимая целое зало, и оплачивая зава и его причиндалов, а доходности не дает. Это распоряжение Главнауки сильно бьет по карману рабочего, который, продержав кур зиму, в момент их носки и выводков должен их уничтожить. Было бы нелепостью утверждать, что курица или гусь может чем-либо навредить Главнауке, а коз и свиней никто не имеет. Это поповское наступление на рабочих, которое нужно одернуть и дать понять зарвавшимся монахам, что они живут в стране пролетарской диктатуры, а то они ужо злорадствуют, торжествуя победу». На этом письме стоит приписка: «Автор заметки редакции известен». Но даже в таких условиях музей развивался, а реставраторы и музейные работники старались сохранить монастырские архитектурные памятники. Летом 1925 г. реставраторы из ЦГРМ произвели следующие работы в каменном корпусе 1485 г.: заделали сквозные щели, раскрыли 7 ранее замурованных окон, починили водопроводные трубы.

Переломным в судьбе памятников Симонова монастыря стал 1929 г., когда под давлением властей и рабочих организаций фактически решилась судьба уникального Музея крепостного зодчества, и был закрыт последний монастырский храм — св. Александра Свирского. Церковь эта была ликвидирована по Постановлению Президиума Моссовета от 19 апреля 1929 г. Жалобу верующих ВЦИК оставил без удовлетворения, и в октябре–декабре 1929 г. все церковное имущество общины было вывезено из монастыря в Госфонды.

В конце 1929 г. грозные тучи собрались уже над всем ансамблем Симонова монастыря. На территории обители, несмотря на сопротивление Наркомпроса и Главнауки, на высшем уровне было решено строить огромный комплекс Дворца культуры Пролетарского района. В 1929 г. разобрали колокольню, а 22 января 1930 г. 8-ю управляемыми взрывами уничтожили большую часть ансамбля — в первую очередь Успенский собор и значительную часть крепостной стены

с башнями. Коллективы близлежащих заводов и рабочее население Ленинской слободы приветствовали уничтожение, как писала тогдашняя печать, «крепости церковного мракобесия», а на субботник по разбору развалин вышло 8 тыс. рабочих. В конце 1929 г. была окончательно решена и участь монастырского Музея, формально прекратившего свое существование по Постановлению Президиума Моссовета в марте 1930 г.

Но вандалы не остановились на взрыве — в 1931–1932 гг. были уничтожены Водяные врата (единственные в русском строительстве, сохранившие надвратное сооружение XVI в.), Главные проездные ворота с надвратной церковью XVI в. (единственной из подобных, сохранившейся от XVI в. в Москве), Никольские ворота с надвратным храмом XVII в. Уцелевшие от взрывов памятники, в первую очередь трапезный корпус с Тихвинским храмом, новые хозяева варварским образом приспосабливали под клуб, кинотеатр, жилье. Лишь в 1940–1950-х гг. историки, археологи и реставраторы стали обмерять и исследовать уцелевшие старинные строения, которые вплоть до середины 1950-х гг. использовались как жилье для рабочих и овощехранилище. Как пишет Л. А. Шитова, в башнях «Дуло» и Кузнечной были устроены сараи жильцов, в Солевой башне — склад конторы озеленения; «Вся территория была застроена бараками и сараями для хранения дров…, захламлена мусором, ящиками от фруктов, досками, щепой и бумагой».

С конца 1950-х гг. начались локальные консервационные и реставрационные работы на отдельных памятниках, постоянно прерывавшиеся из-за недостатка средств. Большой вред сохранившемуся монастырскому ансамблю нанесла передача его в аренду промкомбинату «Рыболов-спортсмен», установившему в зданиях тяжелое оборудование. Позже промкомбинат был выведен из монастырских зданий, и вместо него там появился художественный комбинат «Росмонументискусство».

Лишь в начале 1990-х гг. положение коренным образом изменилось: в конце 1991 г. здесь была зарегистрирована Община слепо-глухих, неслышащих, глухих и слабо-слышащих; 9 июля 1992 г. в единственной сохранившейся в бывшем монастыре Тихвинской церкви состоялся первый молебен и затем — крестный ход. В 1994 г. весь комплекс зданий был передан РПЦ, а вскоре там возобновились реставрационные работы. Ныне община, а также Московский государственный объединенный музей-заповедник (МГОМЗ) и общественность строят планы по использованию в культурно-просветительных целях сохранившихся зданий: трапезных новой и старой (келарский корпус), Сушила, казначейского корпуса, южной крепостной стены с башнями Дуло, Кузнечной, Солевой (Вылазной) и воротами. Существуют и планы воссоздания монастырской жизни на этой территории.

У северной стены и алтаря Тихвинского храма выставлены надгробные памятники XIX — начала XX в. и их фрагменты, найденные при реставрационных и земляных работах, особенно в последнее время. На территории находящегося поблизости от монастыря храма Рождества Богородицы в Старом Симонове

можно увидеть фрагменты гранитных и мраморных надгробий, когда-то находившихся на монастырском некрополе.

Ныне на сохранившейся территории бывшей обители существует Патриаршее подворье с храмом Тихвинской иконы Божией Матери.

Успения Божией Матери собор

не сохранился

Известно, что Успенский собор Симонова монастыря был освящен в день Покрова Пресвятой Богородицы 1 октября 1405 г. митрополитом Киприаном при архимандрите обители Иларионе. Источники упоминают и то, что строительство продолжалось 26 лет, то есть закладка храма состоялась в год Куликовской битвы — в 1380 г. Исследователи пока не нашли точного объяснения причин столь долгого строительства. Известно, что основные средства на сооружение собора дали богатый купец, выходец из Крыма грек Григорий Ховра (Ховрин) и великий князь Василий I Дмитриевич.

В соборе около 1433 г. был устроен придел Спаса Преображения, существовали обширные хоры, где размещались приделы: Собора св. архангела Михаила, свт. Николая Чудотворца и исп. Василия Парийского.

Яркое свидетельство об Успенском соборе содержится в описании повреждений его от сильной грозы с молнией в ночь на 1 сентября 1477 г.: «…бысть гром страшен и молния велика, якоже попалити хотяще, и дождь силен велми: гром же тои в монастыри на Симанове срази верх с каменные церкве по шеиные вокна и по церкви ходя много мосту рвало, и стену у передних дверей поразило насквозь, и иконы побило праздничные, икону Успения избило да Пророкы, а деисус молоньею попалило мало, а икона Пречистия Одигитрия, на поклоне же на левой стороне обложена стоит, а тоя ничим же не двинуло, а осыпало ея камение великое все ее по гривнем, что к ней прикладывано…». Ремонт собора с восстановлением главы производил бывший тогда в Москве итальянец, один из учеников Аристотеля Фиораванти.

В 1546–1549 гг. Успенский собор был построен заново или капитально перестроен.

Восхищенное описание собора оставил посетивший его в 1656 г. Павел Алеппский: «Эта церковь весьма высока, с тремя железными дверями. Что касается царских врат, то мы еще не видывали подобных им по их высокой ценности, ибо они сплошь покрыты золотом, серебром и драгоценными каменьями. Рассказывают, что один князь по кончине своей был погребен в этой церкви и, что он завещал, чтобы все его драгоценности были пожертвованы на этот монастырь, и часть их была употреблена на эти врата: как говорят, они стоили более 2000 динаров. Икона Успения Владычицы, еще более ценная, состоит из одного куска чистого золота; изображение на ней сделано чернью на удивление уму».

Позже, в конце XVII в., на церковном здании поставили 4 боковых главы. В XVIII в. в нем производились неоднократные ремонты. Во время чумы 1771 г.

и последующих 3-х лет собор был закрыт, и производился его ремонт. С 1788 по 1795 г. в связи с закрытием монастыря и передачей его в ведение Кригскомиссариата собор был запечатан. Очередное бедствие собор пережил во время оккупации в 1812 г.: неприятель устроил на паперти конюшню, храм был разграблен. После ремонта 8 июня 1813 г. собор освятил епископ Дмитровский Августин.

Самые же масштабные работы проводились в Успенском соборе в XIX в., в 1833–1836 гг. На средства кашинского купца Василия Терликова в 1834 г. устроили придел в честь Казанской иконы Божией Матери. При производстве работ под западной папертью уничтожили 18 старинных склепов, прах усопших перезахоронили, а надгробные доски употребили на ремонт.

В конце XIX в. отношение к памятникам старины в обществе изменилось, и теперь уже за производством ремонтных работ наблюдали археологи. В начале 1890-х гг. на средства купца И. И. Старцева были осуществлены роспись собора с галереей, промывка икон, золочение иконостаса, замена пола и др. В подготовке предложений по научной реставрации собора активное участие принимали члены Комиссии по сохранению древних памятников МАО архитекторы К. М. Быковский, А. С. Каминский, А. М. Павлинов.

Обновленный древний собор хорошо знали в Москве православной. В печатных описаниях и путеводителях указывалось на находящуюся там в летний период чудотворную Казанскую икону Божией Матери (на зиму ее переносили в теплый Тихвинский храм). В соборе хранился и почитался образ Господа Вседержителя, которым, как тогда считали, прп. Сергий Радонежский благословил князя Дмитрия Донского перед Куликовской битвой.

О благоукрашении собора, его святынях, богатстве находящейся в нем монастырской ризницы можно судить по сделанным в первые послереволюционные годы описям церковного имущества. Сохранилась опись предметов Симонова монастыря, взятых на хранение в Оружейную палату в марте 1918 г. В описи учтены 32 памятника: Евангелие в золотом с эмалью окладе, крест золотой с эмалью (1681 г.), потир золотой с резьбой и драгоценными камнями с прибором, потир с чернью 1674 г., еще потир с прибором, митра 1861 г. (вклад царя Федора Алексеевича), еще 2 митры XVII в., иконы Спаса в золотом окладе и Успения на небольшой золотой дощечке черненая (вклад 7060 г.). Напротив некоторых вывезенных в Оружейную палату предметов есть приписка: «Изъяты (взяты) в Гохран». Такие приписки относятся к потиру 1710 г. (вклад царевны Марии Алексеевны), 2-м потирам с приборами (один из них — 1799 г., вклад Екатерины Савельевой), потиру («купчихи Соколовой»), потиру с прибором архимандрита Досифея (1846 г.) и др. Судя по другой описи, в ведении общины были оставлены 14 серебряных предметов: потиры, ковчеги, крест, дарохранительница, панагия, 2 Евангелия в серебряных окладах, несколько икон в серебряных ризах. По всей видимости, этот список был составлен после изъятия церковных ценностей 1922 г.

В ведении общины находились и многочисленные хранящиеся в ризнице церковные одежды и облачения (всего около 700): саккосы, епитрахили, стихари, поручи, набедренники, омофоры, воздухи, завесы, покрова и т. д. Сохранилась

и датированная мартом 1923 г. «Опись историко-художественных предметов в бывшем Симоновом монастыре», составленная музейным работником А. И. Попенцевой. Список этот поражает числом древних церковных памятников: 11 больших Евангелий XVII–XVIII вв., чаша и панагия (обе XVI в.), рипиды, митра, плащаница (все XVII в.), 7 крестов (XVII в.), дарохранительница 1836 г., работы Сазикова, высотой 89 см, 6 вериг, более 10 облачений XVIII в., более 50 икон XVII — начала XIX в., царские врата XVII в., 3 иконостаса, в том числе иконостас, который «разобран и по отдельным частям повешен на стене в церкви Александра Свирского», а также 4 креста из перламутра и резной кости (XVIII–XIX вв.). В эту опись включены церковные предметы, находившиеся не только в соборе.

Сохранился еще «Список предметов ризницы бывшего Симонова монастыря с оценкой предметов», составленный в январе 1928 г. заведующим монастырским музеем. В описи — 74 позиции, причем часто в 1 позицию включено много однотипных предметов, например, облачений или икон. Любопытно, что у каждого предмета из ризницы проставлена цена. Совсем недорого были оценены иконы (около 60 шт.) — от 5 до 30–35 руб., Евангелия XVII в. (1637, 1677, 1687, 1701 гг.) в серебряных окладах, некоторые украшены драгоценными камнями — от 100 до 300–400 руб., облачения и церковные ткани (около 150 шт.) — от нескольких до 20 руб., царские врата резные золоченые с иконами (2 пары) — по 20–25 руб. и т. д. Возможно, оценка церковных ценностей ризницы была сделана и с целью их продажи или утилизации, чем тогда занимались даже музеи.

Точной даты закрытия собора как действовавшего храма не установлено и нормативного документа о закрытии пока не обнаружено, но известно, что во второй половине 1920-х гг. там хранились церковные ценности и в том числе имущество музея. Несмотря на выдающееся архитектурно-художественное значение здания собора, он, как, впрочем, и другие древние сооружения обители, был приговорен к уничтожению с помощью взрыва. Этот акт сопровождался неистовой по силе атеистической пропагандой в московской прессе и был приурочен ко дню воспоминания о смерти Ленина — 21 января 1930 г. Широко известна фотография из журнала «Огонек»: улыбающиеся солдаты в буденовках выносят из собора иконы и разобранные части иконостаса. По всей видимости, фотография была сделана 17 января 1930 г., когда из Успенского собора спешно было вывезено все церковное имущество. Однако в составленном 18 января 1930 г. акте указано, что в соборе оставлены предметы, снятые с учета Музейного фонда и Музея в Симоновом монастыре. В акте перечислены эти церковные предметы, и указана причина их оставления в предназначенном к взрыву соборе: «картина на полотне архистратиг Михаил, попирающий демона (3x2 м) в раме (оставлена на месте), вследствие ее громоздкости и невысокого художественного значения, так как представляет копию западных образов, без автора», «Царские врата из Валентиновского придела 1841 г. с резными в них рамками и живописными 6 иконами, так как при неоднократных переносках музея по требованиям разных учреждений были утеряны части этих врат», «Икона Нерукотворного Спаса с предстоящими ангелами и преподобными Сергием и Феодором, внизу Положение во гроб, XVI в., записанная и настолько изъеденная шашелем, что

при громоздкости иконы и ветхости (2,58 м х 1,96 м) перевозка дала бы груду мусора», «Части Валентиновского иконостаса золоченые — дуга с резью и сияние, вследствие потери дуги при переносках музея», «Иконостас деревянный, стиля empire, переправлен в музей XVIII в. (согласно протоколу 16.01.1930 г. Комиссии по разгрузке музея)». Исходя из этого текста, можно однозначно утверждать, что все вышеперечисленные памятники погибли при взрыве собора. Жаль, что такой акт составили и подписали сотрудники уничтоженного Музея.

Под собор заложили 1500 кг взрывчатки. Взрыв превратил древнюю святыню в высокую конусовидную гору битых белого камня и кирпича. «Твердыня мракобесия и контрреволюции пала», — так писала по следам события «Рабочая Москва». Разбирали гору, образовавшуюся на месте собора, долго и только к марту–апрелю достигли фундамента. 8 апреля 1930 г. П. Д. Барановский докладывал на заседании архитектурного отделения ЦГРМ: «…в Симоновом монастыре в фундаменте собора открыт ряд погребений б[ояр] Телешевых, Головиных, Мстиславских и др. Раскопки велись недостаточно организованно и лишь частично под наблюдением археологов. Найденные предметы: ткани, одежда и пр. переданы в Государственный исторический музей. Из гробницы Головиных 1620 г. извлечен каменный саркофаг с каменной крышкой и женским захоронением». Через месяц, 13 мая, Петр Дмитриевич вновь докладывал на заседании того же отделения: «…здание бывшего собора бывшего Симонова монастыря в настоящее время окончательно разобрано. В процессе научного исследования выяснилось, что внутри здание, равно как и пилоны, были обложены белым тесаным камнем, фундамент же был сложен из булыжников».

Еще в марте 1930 г. был объявлен конкурс на постройку Дома культуры Пролетарского района на месте собора. Однако 2 тура победителя не выявили, и тогда обратились к архитекторам братьям А. А., В. А., Л. А. Весниным — они создали свой проект, используя частично конкурсные материалы. Так в 1931–1937 гг. в том числе на месте собора было сооружено огромное здание Дворца культуры ЗИЛ, существующее и доныне.

Тихвинской иконы Божией Матери (до 1840 г. — прп. Сергия Радонежского) храм

при трапезной Симонова монастыря

У южной стены Симонова монастыря расположена трапезная — одно из немногих сохранившихся сооружений обители. Трапезная с архитектурной стороны имеет сложное решение и включает ряд связанных между собой сооружений, построенных в разные времена: церковь с 2-мя приделами, собственно трапезную, паперть, палаты и башню. Часто пишут, что храм с трапезной были устроены в 1670–1680-х гг. царем Федором Алексеевичем. Строя большую трапезную для монашествующих, соединили все 5 частей под одной крышей, поэтому в целом ансамбль несет печать конца XVII в. Основа же здания была заложена еще

в начале второй половины XVI в., когда первая каменная трапезная стала мала, и казначей Ивана Грозного П. И. Головин дал деньги на сооружение новой трапезной с церковью. По всей видимости, тогда выстроили только нижнюю часть здания и подвалы из белого камня. А в 1677 г. в царствование Федора Алексеевича, любившего Симонову обитель, начался 2-й период строительства.

В архиве сохранилось судное дело первого строителя новой трапезной каменщика Парфена Петрова с артелью. В 1681 г. свод строящейся трапезной обрушился, и П. Петров оказался в тюрьме (отпущен не ранее 1683 г.). Возведение здания, архитектура которого имела ярко выраженные барочные черты, заканчивал в 1683–1685 гг. зодчий Осип Старцев.

При новой огромной трапезной был освящен храм во имя прп. Сергия Радонежского. Церковь была маленькая одноглавая, похожая на храм Рождества Богородицы в Старом Симонове. Алтарь был отделен стеной-иконостасом белого камня. Престол прп. Сергия Радонежского был устроен во 2-м этаже церкви (внизу был подвал), 3-й же верхний этаж при постройке не был занят.

К Сергиевской церкви изначально с южной стороны было пристроено небольшое двухэтажное здание палат, имевших по одной комнате в каждом этаже. По преданию, этот домик-палаты был построен царем Федором Алексеевичем, который ежегодно во время постов пребывал в нем. Палата во 2-м этаже соединялась с церковью полукруглым окном. Еще в 1805 г. она была сломана, и дверь из нее заложена.

Однако вернемся к собственно храму. В нем и в трапезе были устроены несколько приделов: в 1798 г. правый во имя свт. Афанасия, Патриарха Александрийского и мц. Гликерии; левый — прпп. Ксенофонта и Марии (перемещен сюда из церкви Сошествия Святого Духа) — оба на средства московского купца А. И. Долгова. В последнем приделе по правую сторону царских врат был поставлен Казанский образ Божией Матери в серебряной ризе. К этой чтимой иконе православные притекали для поклонения и испрошения помощи в различных скорбях и болезнях. В 1805 г. с южной стороны Сергиевского храма на средства графини Прасковьи Васильевны Мусиной-Пушкиной над гробами ее рода был устроен придел во имя трех святых: свв. мчч. Валентина и Параскевы и св. Василия Блаженного.

Иконостас главной Сергиевской церкви имел царские врата, обложенные позлащенным серебром и драгоценными камнями. А икона Введения Пресвятой Богородицы против правого клироса была одета в золотую ризу. В 1812 г. все драгоценные украшения были похищены французскими мародерами. Восстановление храма и его приделов растянулось до 1815 г.

В 1840 г. при архимандрите Мелхиседеке храм внутри был перестроен и переименован в Тихвинский. Тогда же произошла и перестановка приделов. С южной стороны в двухэтажных пристройках освятили уже упомянутые выше 3 придела: во имя свт. Афанасия, Патриарха Александрийского и мц. Гликерии; во имя прпп. Ксенофонта и Марии; во имя свв. мчч. Валентина и Параскевы и св. Василия Блаженного. С северной стороны придел посвятили прп. Сергию Радонежскому, в память первоначального наименования храма. Придел этот,

устроенный на средства купца Сергея Лепехина, был освящен в 1844 г. Таким образом, трапезная церковь стала пятипрестольной.

Много жертвовала на Тихвинский храм почетная московская гражданка Анна Степановна Бахрушина, муж которой был похоронен на монастырском кладбище. На средства ее в 1910–1911 гг. были реставрированы и вызолочены придельные иконостасы, промыты все иконы (107). Несколько икон написали заново.

С Тихвинской церковью был связан и один из памятных монастырских крестных ходов. Ежегодно 26 июня в день празднования Тихвинской иконы Божией Матери совершался торжественный ход, установленный в память перенесения в Симонов монастырь из Тихвина монастыря древней чудотворной Тихвинской иконы, в честь которой в 1840 г. и освятили главный престол. В этом историческом крестном ходу вокруг стен обители несли, в числе прочих, и храмовую икону Рождества Пресвятой Богородицы из одноименной церкви в Старом Симонове.

В сложный ансамбль древней трапезной, кроме храма и царской палаты, входила башня над церковью, построенная при царе Федоре Алексеевиче. Полагают, что она была необходима и потому, что крыша высокой трапезной оказалась выше, чем церковная глава.

Замечательным монастырским памятником была собственно и трапезная, построенная в 1680-х гг., вмещавшая более 300 монашествующих. Последний строитель трапезной Осип Старцев украсил здание ярким декором в стиле московского барокко.

Незадолго до Первой мировой войны большие благоустроительные работы провели и в летней братской трапезной, реставрировали стенную роспись, на стене написали большое священное изображение — насыщение Иисусом Христом 5-ю хлебами 5 тыс. чел. Снаружи Тихвинский храм был расписан масляными красками разноцветными шашками в древнерусском стиле.

После революции Тихвинский храм, как и все церковные памятники, претерпел многие трудности, но все же уцелел. Известно, что в самом начале 1920-х гг. в трапезной была размещена столовая Комитета помощи голодающим. По всей видимости, богослужения в трапезной церкви прекратились в начале 1920-х гг., хотя иконостасы и церковная утварь в нем сохранялись до 1929 г. В Тихвинском храме стали постепенно устраивать монастырский музей (Музей древнерусской архитектуры XVI–XVII вв.), и уже в 1923–1924 гг. там разместили монастырские библиотеку и архив. Различные организации, занявшие многие здания монастыря, делали непрерывные попытки «освоить» и обширные помещения трапезного храма. Так, весной 1925 г. рабочий дворец «Пролетарская кузница» добивался установки на 3-м этаже трапезной кинобудки. В сентябре того же года районное отделение Всероссийского союза рабочих металлистов ходатайствовало перед московскими властями об устройстве в древней трапезной физкультурного зала, правда, безуспешно. Главнаукой Наркомпроса РСФСР трапезной была дана однозначная оценка как выдающегося архитектурного и исторического памятника. Главнаука, формально заведовавшая всей территорией бывшей обители как

музеем, особо отстаивала трапезную, где по факту и существовала музейная экспозиция. Пребывание в трапезном корпусе Музея в значительной степени определяло сохранность и самого здания трапезной, и Тихвинского храма, а также того ценного церковного имущества и древних святынь (хотя и не всех), которые здесь находились.

Самое серьезное наступление на храмы бывшей обители и одновременно на Музей началось в 1928 и особенно уже в 1929 г. — во время апогея безбожной, антирелигиозной политики. В 1929 г. Музей напрямую обвинили в «отсутствии существования Советского строя» в его экспозициях. В борьбу против Музея, помимо учреждений и организаций, включился Союз воинствующих безбожников. Выдвигались категорические требования освобождения Музеем занимаемых помещений и предоставления их под рабочее жилье. Одновременно началось разорение Тихвинского храма, к которому, как это случалось в то время, имели отношение и музейные деятели. В архиве сохранился датированный 4 апреля 1929 г. акт о передаче в Музейный фонд церковного имущества Тихвинской церкви. Среди этого имущества — иконостасы: ампирный Сергиевского придела (начало XIX в.) с иконами того же времени, Валентиновского придела (1843 г.), работы Колесникова с иконами письма Жукова, а также царские врата XVII в., обложенные медной басмой (XIX в.). В списке переданного из Тихвинского храма — около 40 икон (все конца XVIII в.), среди которых почитаемая Тихвинская икона Божией Матери в серебряном окладе начала XVIII в. (была передана в храм вице-адмиральшей Е. И. Шешуковой), южные и северные двери иконостаса. Музей высказал желание продать иконостасы Тихвинского храма как «не имеющие музейного значения» и в том же апреле 1929 г. получил разрешение вышестоящих органов. Иконостасы реализовывались как столярный материал с предварительной смывкой золота с них. Как «нехудожественное» было продано также и другое церковное имущество (подсвечники лампады и др.).

С ликвидацией Музея в 1930 г. (Постановление Президиума Мособлисполкома и Моссовета от 9 марта 1930 г. — Протокол № 60) и передачей музейных зданий Пролетарскому райсовету для культурно-бытового использования была окончательно решена и участь трапезного храма. Началась обычная в таких случаях безжалостная эксплуатация древней трапезной. Получившая памятник в свое распоряжение «Пролетарская кузница» стала переоборудовать церковное здание под театр для рабочих Ленинской слободы, хотя ни Наркомпрос, ни Московское управление строительного контроля разрешения на это переоборудование не дали. Уже 22 апреля 1930 г. П. Д. Барановский докладывал, что на здании трапезной «… сбиты колонны портала, срублены архивольты, белокаменная розетка выбита изнутри целиком и была продана рабочими докладчику (П. Д. Барановскому — *В. К.*) за 8 рублей… Также снята глава с барабаном». В начале 1931 г. киноклуб в трапезной был сдан в эксплуатацию, а в середине того же года там была устроена выставка проектов Дворца культуры. По газетным публикациям середины 1930-х гг. видно, что «Театр-клуб» в трапезной захирел, все было запущено и заплевано, и он стал уже не клубом, а платным кинотеатром. В годы Великой Отечественной войны часть помещений трапезной

приспособили под общежитие эвакуированных рабочих, а перед северным фасадом церковного здания разбили огород.

Несмотря на тяжелое время именно в годы войны возобновилось изучение трапезной, были составлены обмеры, производились раскопки. В 1957 г. трапезную передали в аренду под цех промкомбината «Рыболов-спортсмен». Общежитие из здания выселили, помещения зала и храма отремонтировали и там установили станки. Новые хозяева довели трапезную до аварийного состояния, часть свода первого этажа рухнула, в подвалах стояла вода. В начале 1980-х гг. промкомбинат «Рыболов-спортсмен» вывели с территории монастыря, но денег на реставрационные работы в необходимом для памятника объеме не было. Подробнее об этом можно прочитать в капитальной работе о Симоновом монастыре Л. А. Шитовой, где она пишет об исследованиях, реставрационных работах и открытиях реставраторов с 1983 по 2008 г.

В переломный период конца 1980-х — начала 1990-х гг. судьба многострадального Тихвинского храма изменилась. В 1991 г. он был возвращен РПЦ, и там появилась первая в России Община слепоглухих, глухих и слабослышащих православных христиан. В 1995 г. в храме начались богослужения на языке глухонемых. Приход Тихвинского храма имеет статус Патриаршего подворья.

В 1995 г. в храме был освящен южный придел во имя свт. Феодора Симоновского архиепископа Ростовского. 22 августа 2022 г. состоялось освящение малым чином северного придела храма в честь прп. Сергия Радонежского. Внутреннее убранство Сергиевского придела восстановлено по дореволюционным фотографиям. Кроме этих двух, в храме (в нижней части) существуют еще 2 придела: южный во имя прп. Александра Свирского (крестильный) и северный во имя Всех Святых.

Община проводит большую духовно-просветительскую работу с обществами глухонемых в стране, помогает детским коррекционным школам-интернатам в различных регионах. При храме существуют библиотека и «Театр жестовой песни».

Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня надвратный храм

над западными воротами

не сохранился

Этот древний храм с 1830-х гг. в источниках иногда называется Спасским (Всемилостивого Спаса), что связано с возможным перенесением в него Спасского престола из сломанной в 1835 г. старой колокольни-звонницы.

Большинство исследователей относят построение храма к концу XVI в. и связывают его с конкретным историческим событием. И. Ф. Токмаков вслед за В. В. Пассеком писал: «Церковь Всемилостивого Спаса над западными воротами основана в памятный отражением крымского хана 1591 год (когда и с башен

Симонова монастыря гремели пушки), в царствование государя, царя и великого князя Феодора Иоанновича и освящена в присутствии его…». В описаниях называют и дату освящения храма Патриархом Иовом — 1 августа 1593 г.

Церковь длиною в 5 и высотой в 14 саженей соединялась дверью с настоятельскими келиями. Храм был встроен в первоначальную древнюю (XVI в.) ограду и состоял из небольшого бесстолпного четверика, перекрытого крестчатым сводом, завершенного главой с широким барабаном. К четверику позже была сделана пристройка, одновременная сооруженой в 1640-х гг. стене. В 1927 г. директор музея в Симоновом монастыре В. И. Троицкий и искусствовед С. А. Торопов писали: «Здание… “святых” ворот составилось собственно из двух частей — старой XVI в. и новой 1640-х годов. Первая с четырьмя мощными арками, сохранившими в трех пролетах “подставы” — крюки для навешивания створов, и вторая, пристроенная с проемами для “герс” и створами ворот. Над проемом ворот также сделан в кладке киот для иконы… В этом здании мы видим крайне своеобразное объединение в одно архитектурное целое совершенно различных по своему назначению частей: здания ворот и защитного их укрепления, сторожек для привратников и церкви. Церковь и ворота под ней — остаток древней стены XVI в., так как построение церкви датируется 1591–93 годами. Передняя же часть, как сдвинутая против древней, есть часть позднейшей стены 1640-х годов».

Современные исследователи (А. Л. Баталов, Е. Г. Щеболева) высоко оценивают древнейшую в Москве надвратную церковь и относят ее к кругу «годуновских» памятников. Скорее всего, образцом для церковной постройки стал сооруженный незадолго до этого придел собора Василия Блаженного. Е. Г. Щеболева предположила, что строителем надвратного храма могла быть артель Федора Коня.

Концом XVIII — началом XIX в. можно датировать искажение верха храма четырехскатной кровлей, скрывшей кокошники. Во время эпидемии чумы 1771 г. именно этот храм обслуживал находившихся в обители на карантине зараженных. После чумы служба в нем возобновилась в 1774 г.

В 1812 г. храм Происхождения Честных Древ серьезно пострадал от неприятеля. По некоторым свидетельствам, французы 3 сентября 1812 г. прорубили именно западные ворота и ворвались в монастырь. Церковь возобновили и освятили 27 июля 1813 г. Поновления храма происходили также в 1823 г., когда был поставлен новый пятиярусный иконостас, но со старыми иконами и царскими вратами конца XVI в. Видимо, большой ремонт, возможно, связанный со строительством колокольни, происходил и в 1833 г., после чего храм стали называть преимущественно Спасским. Иконостас и иконы поновлялись и в 1850-е гг., и в начале XX в. Известно, что в храме сохранялся древний образ Успения XVI в.

Несмотря на переделки XVIII в. храм сохранял свои древние формы и в целом облик XVI–XVII вв. По мнению В. И. Троицкого и С. А. Торопова, он являлся «одним из прекраснейших памятников древнерусской архитектуры XVI века» и мог быть легко восстановлен в первоначальных формах.

В старой Москве храм был известен своим ежегодным крестным ходом 1 августа в храмовый праздник Происхождения Древ Животворящего Креста Господня на Москву-реку для водоосвящения.

Тяжелые дни для храма наступили с конца 1917 г. Обследовавшие в ноябре 1918 г. ликвидируемый монастырь музейные работники отметили находившиеся в надвратном храме царские врата начала XVII в. со старинными иконами. Сохранились сведения о реставрационных работах середины 1920-х гг., когда восстановили прежние формы оконных пролетов, наличников и машикулей. Храм и ворота удалось сохранить и при взрывании в январе 1930 г. основных монастырских построек. Защищая памятник от угрозы уничтожения, реставраторы и музейные работники в 1931 г. указывали: «…надвратная церковь, единственная сохранившаяся от XVI в. в строительстве Москвы. Имеет перекрытие кокошниками сверх крестчатого свода — первый пример соединения такой архитектурной формы с конструкцией…».

В архиве сохранился составленный 20 октября 1931 г. паспорт надвратной церкви «Происхождение древ» или «Спасской» как памятника высшей категории. В паспорте указывается, что храм выстроен в 1593 г. в память отражения нашествия крымского хана Казы-Гирея в 1591 г., что «внутреннее убранство состоит из древнего иконостаса, украшенного резной орнаментацией из олова с полной живописной композицией (в настоящее время передано во временное пользование музея села Коломенского)». К моменту составления паспорта памятник состоял «в территориальном ведении строительства “Пролетарской кузницы”», находился на территории, где сооружался «Дворец культуры», и использовался как канцелярия и строительная контора.

Однако ни паспорт, ни высокие историко-художественные достоинства не спасли уникальный памятник от уничтожения. Вместе с древними воротами и частью стены он был разобран в 1932 г. Нельзя не согласиться с современным историографом монастыря Л. А. Шитовой, написавшей в 2016 г.: «Утрата надвратного храма Симонова монастыря, как и других его построек — невосполнима». В ГНИМА им. А. В. Щусева хранится несколько чертежей и множество фотографий погибших храма и Святых ворот.

Николая Чудотворца свт. надвратный храм

над восточными воротами

не сохранился

Первоначально церковь называлась Знаменской и располагалась рядом с монастырским собором. Впервые упомянута в документах под 1643 г., хотя некоторые исследователи считают датой ее появления 1623 г. Построен был храм на средства боярина Юрия Яншеевича Сулешова его вдовой. Посетивший монастырь Павел Алеппский упоминает и находившийся в церкви храмовый образ Знамения Божией Матери, риза которого была осыпана жемчугом и драгоценными камнями. В 1677 г. храм разобрали и на другом месте, над восточными

(Луговыми) воротами, построили новый с тем же именем. Освящение его состоялось 9 октября 1677 г.

В XVIII в. известно о дважды производившихся ремонтных работах: в 1743 г. исправляли старую ветхую главу, а 22 июня 1774 г. ее освящали после замены иконостаса с иконами на средства вдовы генерал-поручика Екатерины Ивановны Чернцевой.

Около 1818 г. храм переименовывают в Тихвинский, а уже в 1834 г. он был капитально перестроен в связи с началом возведения монастырской колокольни. В 1833–1834 гг. сломали большую церковную паперть, разобрали иконостас, пожертвованный затем в Полоцкую епархию. Храм переименовывают второй раз, на этот раз во имя свт. Николая Чудотворца. В 1834 г. были построены рядом с церковью 2 корпуса больничных келий. В 1841 г. Николаевский храм был расписан изнутри, а 1 июля 1843 г. после значительного обновления освящен архимандритом Мелхиседеком. Средства на ремонт пожертвовала Мария Васильевна Боборыкина в память о покойном муже инженер-капитане Николае Лукьяновиче Боборыкине. Видимо, с именем последнего и было связано переосвящение церкви в Николаевскую. Как писал современник тех событий К. Тромонин, «обширный купол на церкви покрыт белым листовым железом, а глава и крест вызолочены через огонь червонным золотом, иконостас в ней резной и образа искуснейшего художества. К обеим сторонам ее пристроены каменные двухэтажные больничные келии для 20 человек братии».

Пристройки к храму в XVIII и особенно в XIX в. изменили облик церковного здания, в 1920-е гг. знаток церковной старины М. И. Александровский считал, что первоначальное здание было взято как бы в футляр и надстроено. По описаниям того же времени, иконостас храма имел ампирный характер.

Восточные ворота с Николаевским храмом избежали уничтожения при подрыве монастырских построек и собора в январе 1930 г. и вошли в список подлежащих сохранению памятников. Тем не менее, вскоре после этого «Комитет по строительству здания рабочего Дворца Культуры» просил Наркомпрос разрешить сломать надвратный храм и прилегающую к нему стену, так как это, якобы, было необходимо для постройки нового здания. Сектор Науки Наркомпроса отказался рассматривать план разборки ворот. 21 сентября 1930 г. заместитель наркома просвещения писал во ВЦИК, что «в настоящее время приступлено к разборке восточного воротного сооружения (бывшей Никольской церкви) вопреки определенного указания Главнауки». В письме инициатором начавшейся сломки назван Московский областной Союз рабочих металлистов. 17 апреля 1931 г. обследовавший монастырский ансамбль архитектор Б. Н. Засыпкин докладывал директору ЦГРМ Л. Н. Лещинской: «…с восточной стороны производится разборка надвратной церкви, т. н. Никольской, разобран купол до барабана, разобрана пристройка с севера и разбирается такая же с юга. Кроме того, для проходов пробита арка в восточной стене около юго-восточной башни и два прохода для калиток в южной стене, западнее средней башни».

Последние известные нам сведения о храме относятся к августу 1931 г. В переписке Культкомиссии Мособлисполкома с Секретариатом Президиума ВЦИК

указывалось в отношении Никольского храма: «церковь развалена в стене, на расстоянии трех пролетов от башни подрыт цоколь и выбиты два проема для свалки стены. Фундамент будущего дворца намечен выкопанными канавами за пределами стены, рядом с этими проемами». Так несмотря на попытки реставраторов сохранить древний надвратный храм Симонова монастыря, Николаевская церковь исчезала. По-видимому, тогда же были уничтожены и уникальные старинные железные ворота башни.

Как сообщает Л. А. Шитова, в ГНИМА им. А. В. Щусева хранится 2 чертежа Никольской церкви и полтора десятка ее фотографий.

Александра Свирского прп. домовый (больничный) храм

не сохранился

Каменные больничные келии в монастыре были построены в 1684 г. и рассчитаны на 12 «старцев». Полагают, что при них существовала и особая больничная церковь, первоначальное имя которой нам неизвестно. В. В. Пассек пишет, что храм был устроен иждивением государыни и великой княжны Марии Алексеевны около 1700 г. и освящен во имя прпп. Ксенофонта и Марии. В 1774 г. в этом храме архимандритом Амвросием был освящен теплый придел в честь Сошествия Святого Духа. По ходатайству архимандрита Игнатия Св. Синод в 1796 г. разрешил переосвятить больничный храм в честь Сошествия Святого Духа (в связи с переносом престола прпп. Ксенофонта и Марии в монастырскую трапезную). Переустройство больничной церкви продолжалось несколько лет, и 20 ноября 1800 г. она была освящена, а придел при ней упразднили «за теснотой его».

Третье перенаименование больничного храма, уже во имя прп. Александра Свирского, произошло в 1853 г. и было связано с пожеланием Е. А. Алябьевой (урожд. Римской-Корсаковой), похоронившей в усыпальнице храма в 1851 г. мужа — композитора Александра Александровича Алябьева (в 1854 г. похоронена там же). Перед переосвящением был произведен капитальный ремонт церковного здания.

Сравнительно небольшой больничный монастырский храм действовал до самого конца 1929 г. и оказался связанным с судьбой общины верующих расположенной поблизости старинной церкви Рождества Богородицы в Старом Симонове. Рождественская церковь по Постановлению Президиума Мособлисполкома от 27 июля 1928 г. была закрыта, и в октябре того же года власти предоставили общине церковь прп. Александра Свирского в бывшем Симоновом монастыре. До 1929 г. в бывшем больничном храме еще регулярно проводились богослужения. Но совершенно неожиданно 19 апреля 1929 г. Мособлисполком своим постановлением закрывает храм и передает его помещение находившемуся в монастыре Военно-крепостному музею. Возмущенные члены общины — жители Ленинской и Симоновской слобод, крестьяне д. Кожухово, написали письмо во

ВЦИК, где назвали закрытие храма «насилием над совестью верующих…», в результате чего 7 тыс. прихожан всего Кожуховско-Симоновского района остались без приходской церкви. Президиум ВЦИК отклонил просьбу верующих.

В конце октября 1929 г. из бывшего больничного храма были вывезены: позолоченный иконостас, 1 т «лома цветных металлов» (20 подсвечников, лампады, хоругви), около 20 кг серебра, богослужебные сосуды, оклады. А в декабре выбрали и остальное — около 80 кг парчовых изделий: священнические облачения, одежды на престол, плащаницу. Кстати, вышитую серебром восьмикилограммовую плащаницу оценили лишь в 20 руб.

Разграбленный храм так и не достался Музею, который власти вскоре ликвидировали, храм был взорван вместе с ансамблем старинного монастыря в январе 1930 г.

Иоанна Патриарха Константинопольского свт. и Александра Невского св. блгв. кн., а также других святых, празднуемых Церковью 30 августа, надвратный храм

в колокольне, над северными воротами монастыря

не сохранилась

Первая монастырская колокольня-звонница была сооружена, возможно, еще в конце XV в. Новую возвели в 1540-х гг. у монастырского собора. Сохранившиеся рисунки, гравюры, планы XVIII — начала XIX в. позволяют восстановить внешний вид и размеры новой постройки. Трехшатровая звонница служила своеобразной церковью «иже под колоколы».

В двухэтажном основании была устроена церковная трехчастная апсида. Предположительно, церковь-звонница имела 4 престола: Спаса, Собора архистратига Михаила, свт. Николая и прп. Василия исповедника, епископа Парийского. На изображениях монастыря начала XIX в. колокольню можно увидеть уже только с одним шатром. В 1800 г. ее укрепили контрфорсами.

31 марта 1831 г. московский купец 3-й гильдии Иван Игнатьев подал прошение обер-прокурору Св. Синода о строительстве колокольни с храмом во имя свтт. Иоанна, Павла и Александра Константинопольских, ассигновав 100 тыс. руб. и оставив на это святое дело по завещанию несколько торговых лавок. Вскоре Иван Игнатьев умер, а настоятель Симонова монастыря архимандрит Мелхиседек приступил к оформлению дел по сооружению колокольни. По некоторым сведениям, проект был составлен архитектором Е. Д. Тюриным. Предполагалось построить многоярусную ампирную колокольню, чертежи которой сохранились в архиве монастыря. Однако император Николай I не утвердил проект и велел пригласить архитектора К. А. Тона. Новая пятиярусная колокольня по своему типу восходила к архитектуре колоколен Ивана Великого и Новодевичьего монастыря.

Торжественная закладка колокольни состоялась 28 апреля 1835 г. В основание церковного здания по обычаю положили бронзовую доску с надписью: «Во славу Святыя Единосущныя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа. Повелением Благочестивейшаго Великаго Государя Императора Николая Павловича Всея России. В лето от Рождества Христова 1835-е, Апреля в 28 день, при Митрополите Московском и Коломенском Филарете и настоятеле Симонова монастыря архимандрите Мелхиседеке, заложен сей храм во имя святых: Благовернаго Князя Александра Невского и Иоанна Патриарха Константиноградского, с колокольнею над оным, но проекту Профессора Архитектуры г. Тона, иждивением Московского купца Иоанна Игнатьева». Древнюю, XVI в., трехъярусную колокольню разобрали в 1836 г.

Новая колокольня с храмом во 2-м ярусе была окончена постройкой в 1839 г. При ее строительстве использовали большие блоки белого камня (под фундамент), старый большемерный кирпич и дикий камень. Главный жертвователь — И. Игнатьев, дал на сооружение до 400 тыс. руб. На 3-м ярусе колокольни поместили колокола старой звонницы: замечательный по звучанию, большой 1000-пудовый, отливки 1667 г., 2-й полиелейный, в 300 пудов, вылитый в 1665 г., 3-й будничный 150-пудовый, 4-й 60-пудовый, отлитый в 1627 г., и еще 8 колоколов меньшей величины. На 4-м ярусе установили часы с боем. С 5-го яруса лестница вела в главу, покрытую листовым железом, окрашенным белой краской. Медное яблоко и крест, венчавшие главу, были позолочены.

Новопостроенная колокольня сразу же стала знаменитой, прежде всего, своей высотой (до 100 м) — она была гораздо выше колокольни Ивана Великого в Кремле (81 м) и чуть ниже храма Христа Спасителя (102 м).

При сооружении здания встретилось немало трудностей. Так в 1838 г. в строящейся колокольне появились трещины. Возникали сложности при поднятии яблока, креста и др. Погибли 2 строителя. Архимандрит Мелхиседек, вопреки желанию жертвователей, настоял на освящении храма во имя свт. Иоанна Константинопольского и св. блгв. князя Александра Невского. В нем установили иконостас и паникадило из монастырской Сергиевской церкви.

Современники по-разному воспринимали грандиозную колокольню — одни восхищались строительным гением К. Тона, другие критиковали за стиль и, особенно, за грандиозную величину, подавившую, как утверждали, древние памятники монастыря. В советскую эпоху критиков монастырской колокольни стало еще больше. Известные искусствоведы В. И. Троицкий и С. А. Торопов, отдавая дань колокольне как совершенному образцу строительной техники того времени, писали: «Ее громада досадно царит теперь над замечательным по красоте ансамблем монастыря… Современная колокольня — типичный памятник мастера упадочного периода русского зодчества эпохи Николая I…». Такая пренебрежительная оценка колокольни долго господствовала в среде специалистов.

Приметная колокольня простояла до 1929 г., пока власти не решили ее снести. За редкий памятник эпохи не вступился никто из тех, кому это было бы по чину — ни музейные работники, ни работники просвещения. МОНО даже разрешил в апреле 1929 г. отделу благоустройства Москоммунхоза сломать

колокольню полностью или до нижнего яруса. И только Управление строительного контроля и Геодезическое управление попытались было воспрепятствовать сносу, указывая, что высокая колокольня служит хорошей ориентировочной точкой при геодезических работах.

В мае 1929 г. Главнаука РСФСР дала разрешение на снос колокольни как «не имеющей историко-археологического значения». Правда в письме-разрешении была сделана оговорка: «При этом, однако, Главнаука считает необходимым отметить, что эта колокольня является одной из самых высоких башен Москвы и представляет отличный пункт для обозрения города с птичьего полета…». Главнаука предложила вариант ее использования как видового пункта по образцу вышки Исаакия в Ленинграде. Тем временем уже в начале мая 1929 г. колокольня была обнесена деревянным забором. Встал вопрос и о судьбе исторических колоколов. На 15 мая 1929 г. на колокольне находилось 19 колоколов, из которых 4 были признаны «имеющими историческое значение»: большой (1000 пудов) 1677 г., полиелейный (300 пудов) 1666 г., меньшего размера (150 пудов) 1621 г. и малый (60 пудов) 1627 г. Остальные, по мнению специалистов, «исторического значения не имеют, годы установить трудно». Уже 31 мая 1929 г. по особому акту Особой части по Госфондам «бронировались за республикой» (считай — шли на переплавку) 11 колоколов весом в 1200, 750, 300 и 100 пудов всего на сумму 32287 руб. В архиве сохранилось еще одно письмо, позволяющее проследить дальнейшую судьбу колоколов. Музейный подотдел 3 июля 1929 г. информировал Главнауку о том, что с разбираемой Симоновской колокольни все колокола передаются через Госфонды комиссии Рудметалторга (организация, занимавшаяся утилизацией металла). Музейный подотдел просил выделить им 60% от суммы продажи этих колоколов. Сама колокольня была разобрана к началу осени 1929 г. Кирпич, из которого была сложена колокольня, употребили на хозяйственные нужды района.

Через 60 лет после сноса оценка колокольни была уже другой. Биограф К. Тона Т. А. Славина писала в 1980 г. о колокольне: «Это — одна из лучших построек Тона в русском стиле: пятиярусная, хороших пропорций, увенчанная луковичной главой колокольня стала композиционным центром открытого пространства тогдашних юго-восточных окрестностей Москвы».

Некрополь

не сохранился

Симонов монастырь обладал обширным некрополем, на котором были погребены многие деятели, связанные с политической, экономической и культурной жизнью Московской Руси–России. О некоторых из них, похороненных в монастырских храмах, мы упоминали выше. Теперь остановимся на наиболее известных «великих могилах» Симонова монастыря несколько подробнее. Еще в 1380 г. у первого деревянного монастырского храма Рождества Богородицы

в Старом Симонове были погребены легендарные иноки-богатыри Троицкого монастыря Пересвет и Ослябя, погибшие в Куликовской битве.

Главной же усыпальницей Симоновой обители являлся Успенский собор, ставший на столетия местом упокоения многих знатных родов. Территория, на которой возникла обитель, принадлежала когда-то боярину Стефану Васильевичу Ховрину, подарившему землю под монастырь; сам он постригся здесь в иноки под именем Симон и здесь же был погребен. Среди многих известных представителей фамилии Ховриных-Головиных, упокоившихся в родовой усыпальнице в Симоновом монастыре, пожалуй, самым знаменитым был военачальник, сподвижник Петра I, глава Посольского приказа — «посольских дел верховный Президент», генерал-фельдмаршал, первый в России кавалер высшей государственной награды — ордена св. Андрея Первозванного, Ф. А. Головин (†1706).

В Успенском соборе находилась могила младшего сына великого князя Дмитрия Донского Константина Дмитриевича (†1433/1434). Он был князем Углицким, одно время управлял Новгородом и Псковом, успешно воевал во главе псковичей против ливонцев. Перед кончиной принял иночество в Симоновом монастыре с именем Кассиана. В соборе был похоронен и крещеный касимовский хан Симеон Бекбулатович. Известно, что именно его, находящегося на военной службе, Иван Грозный возвел в 1575 г. на царский трон. Однако через 11 месяцев Иван Васильевич сам вернулся на трон, а Симеона Бекбулатовича пожаловал великим княжеством Тверским. Он погребен у могилы жены (урожд. Мстиславской) в 1616 г. Знаменитый род Мстиславских также имел в обители свою усыпальницу, в которой, среди прочих, была могила князя Ф. И. Мстиславского (†1622) — боярина, воеводы, главы так называемой Семибоярщины, председателя Земского собора 1613 г.

В Успенском соборе и в других храмах обители, а также в разных местах монастырской территории находились семейные усыпальницы знатных родов Бутурлиных, Волконских (в отдельной часовне), Вадбольских, Загряжских, Касаткиных-Ростовских, Мусиных-Пушкиных, Нарышкиных, Новосильцевых, Соймоновых, Сулешовых, Татищевых, Энгельгардтов, Юсуповых и др. Среди них были известные деятели не только допетровской эпохи, но и Нового и Новейшего времени. Упомянем захоронения некоторых из них: сподвижника Петра I генерал-майора А. Д. Татищева (†1750); участника Семилетней войны, генерал-фельдмаршала графа В. П. Мусина-Пушкина (†1804), в память которого был наименован Валентиновский придел Тихвинского храма; московского полицмейстера, коменданта Москвы генерал-лейтенанта А. А. Волкова (†1833); генерал-майора, автора воспоминаний Л. Н. Энгельгардта (†1836), участника Севастопольской обороны 1854–1855 гг., генерала от инфантерии, нижегородского губернатора С. П. Бутурлина (†1873) и др.

В Новое время на кладбище стали появляться и купеческие семейные могилы: Бахрушиных, Вишняковых, Долговых, Толоконниковых, Щекиных, Шараповых и др.

Славился Симоновский некрополь и появившимися на нем в конце XVIII — начале XX в. могилами известных деятелей науки и культуры, видных

чиновников: С. И. Селивановского (†1772) — книгоиздателя, типографа; Ф. И. Кожевникова (†1814) — московского городского головы; Д. Б. Мертваго (†1824) — сенатора, тайного советника, Таврического гражданского губернатора, автора мемуаров; Д. В. Веневитинова (†1827) — талантливого поэта, умершего от тифа в 22-летнем возрасте; М. И. Невзорова (†1827) — поэта, писателя, издателя журнала «Друг юношества»; В. В. Пассека (†1842) — писателя, литератора, этнографа, историка, москвоведа. Пассек по просьбе симоновского архимандрита Мелхиседека написал историю монастыря, но вместо гонорара попросил место для своей семьи на монастырском кладбище.

Недалеко от могилы В. В. Пассека с середины XIX в. появилось обширное семейное захоронение знаменитой семьи Аксаковых, члены которой играли большую роль в развитии литературы, славянофильства, вообще московской культуры. Здесь находились могилы русского писателя, мемуариста и общественного деятеля С. Т. Аксакова (†1859), его сына-поэта, публициста, историка, идеолога и главы славянофильства К. С. Аксакова (†1860), его дочери, автора «Дневника…», общественного деятеля В. С. Аксаковой (†1864), других членов семьи.

Во второй половине XIX в. на монастырском кладбище были погребены известные ученые и деятели культуры: композитор и дирижер А. А. Алябьев (†1851); литературовед, библиограф и собиратель рукописных и старопечатных книг В. М. Ундольский (†1864); исследователь в области древнерусской литературы и писательница М. А Викторова (†1863) и ее муж — архивист, литературовед, археограф и археолог, член-корреспондент Императорской Академии Наук А. Е. Викторов (†1883); драматург и переводчик А. Н. Баженов (†1867); сенатор и публицист В. К. Ржевский (†1885). В 1904 г. здесь упокоился известный меценат, библиофил, коллекционер, мемуарист А. П. Бахрушин. Его собрание по завещанию поступило в Исторический музей, а богатейшая библиотека позже была передана в созданную Государственную публичную историческую библиотеку.

Побывавший на монастырском кладбище незадолго до революции 1917 г. некрополист А. Т. Саладин отметил его запустение: «Кладбище содержится плохо, дорожки не прокладываются, а наиболее заслуживающая посещения часть кладбища, за трапезной церковью, обнесенная деревянной оградой, совсем заросла сорной травой, и калитка туда почему-то всегда на замке».

Самое тяжелое время для исторического монастырского некрополя наступило в послереволюционный период, когда был ликвидирован монастырь, а его территория и памятники, включая и кладбище, стали подвергаться разорению, а затем и уничтожению, несмотря на попытки создать в бывшей обители музей и в той или иной мере сохранить ценные в историко-художественном плане объекты — об этом мы уже писали выше.

При новых хозяевах бывшей монастырской территории совершались акты вандализма, разорялись захоронения, разрушались надгробия. По словам заведующего музеем В. И. Троицкого, жильцы творили на кладбище бесчинства, производилась «разбивка древних плит и сброс с места могильных памятников». Угроза древнему некрополю исходила не только от хулиганствующих

элементов, но даже и от самих музейных работников, как это ни парадоксально, — воинствующая безбожная политика государства определяла ценностные ориентиры. В архиве хранится составленный 24 января 1924 г. по поручению Музейного отдела Наркомпроса РСФСР архитектором С. К. Родионовым рукописный «Список памятников Симонова монастыря к предложению о покупке на лом». В документе обозначены около 200 надгробий, большая часть которых датирована второй половиной XIX — началом XX в., и 1 склеп (Кильдюшевского, 1882 г.). Большинство надгробий в списке — именные. Перечислим лишь некоторые фамилии: Заблодская, Щекины (4 шт.), Мильгунова, Барков, Косиковские (9 шт.), Фирсовы (3 шт.), Кудрявцев, Эйснер, Васильчиков, Немчиновы (2 шт.), Колокольников, Калашниковы (2 шт.), Таболин, Молчанов (2 шт.), Бахметев, Нарышкин, Свиньина, Полуектов, Хрипуновы (5 шт.), Быковы (5 шт.), Загряжский, Полуденские (6 шт.), Алексеевы (4 шт.), Вишняковы (6 шт.), Секретаревы (6 шт.), Новиковы (3 шт.), Мещерская, Салтыков, Головин, Бахрушин, Старцевы (4 шт.), Торки (3 шт.) и др. Указан и материал некоторых надгробий (гранит, мрамор), их состояние.

В том же году между музейными работниками и близлежащими заводами, также желающими самостоятельно использовать монастырские надгробия, возник конфликт, о чем опять-таки свидетельствуют архивные документы. Так в октябре 1924 г. заведующий Главнаукой Наркомпроса и заведующий Музейным отделом жаловались в Президиум Моссовета: «По полученным из МКХ в Отдел по делам музеев Главнауки сведениям, заводоуправление "Динамо" возбудило перед Моссоветом ходатайство о предоставлении ему как строительного материала надгробных памятников с кладбища бывшего Симонова монастыря. В связи с вышеизложенным Главнаука НКП обращает внимание Президиума Моссовета на то, что весь Симонов монастырь в целом, включая туда и кладбище, состоит в непосредственном ведении Главнауки как Государственный музей согласно списку, утвержденному Совнаркомом 20 августа 1923 г. Поэтому никакая утилизация надгробий не может быть произведена помимо Главнауки, на которую возложена охрана всех исторических памятников Симонова монастыря, тем более, что на закрытом кладбище Симонова монастыря находится много памятников XVIII и начала XIX вв., имеющих художественно-историческое значение, а также могилы писателей и исторических деятелей, как-то поэта Веневитинова, отца и сына Аксаковых и других. Кроме того, самый размер и материал памятников Симонова монастыря не могут дать сколько-нибудь значимое количество строительных материалов. Если заводу "Динамо" действительно нужны строительные материалы, то Главнаука может предоставить ему в бывшем Донском монастыре кирпич от 3-х новых больших недавно разобранных вследствие своей антихудожественности часовен при условии вывоза одновременно всего мусора от них».

Симоновский некрополь разделил участь почти всех исторических монастырских кладбищ, уничтоженных в безбожные 1920–1930-е гг. В 1930-х гг. кладбища бывшего Симонова монастыря уже не существовало, а значительную часть территории его застроили огромным зданием Дома культуры.

Лишь с возрождением РПЦ в 2000-е гг. во время земляных работ и расчистки помещений Тихвинского храма были обнаружены целые надгробия XIX в. и их фрагменты. Сегодня они установлены с восточной и северо-восточной стороны храма. Память о бывшем некрополе сохраняется и в расположенном рядом с монастырем историческом храме Рождества Богородицы в Старом Симонове. Вдоль забора, отделяющего храмовую территорию от завода, выставлены фрагменты гранитных надгробий монастырского некрополя. Их обнаружили в 1990-е гг. рядом с монастырем во время ремонта дороги. Эти фрагменты служили попросту тротуарными бордюрами (явление, увы, распространенное). Также на территории храма в 2007–2009 гг. были установлены мемориальные знаки-кенотафы-кресты в память похороненных в монастыре генерал-фельдмаршала Ф. А. Головина и композитора А. А. Алябьева. На прицерковной территории ныне можно увидеть памятник-надгробие инокам-воинам Пересвету и Осляби, выполненный скульптором В. М. Клыковым (первоначально, в 1988 г., установленный в храме Рождества Богородицы, а затем, после воссоздания интерьеров храма, в том числе деревянной копии резной сени над захоронением, перенесенный на нынешнее место).

Музей

В хранящихся в московских архивах документах можно найти много сведений о развитии на территории бывшего Симонова монастыря в начале 1920-х гг. музея и о его ликвидации в 1929–1930 гг. Хотя музей пытались создать на территории всей бывшей обители, реально удалось музеефицировать только трапезный корпус.

20 августа 1923 г. территория бывшего Симонова монастыря решением СНК РСФСР была закреплена за Главнаукой Наркомпроса РСФСР как государственный музей. Мы уже писали, что формирование этого Музея происходило в чрезвычайно трудных условиях, в том числе и в связи с противостоянием ему различных жилищных организаций и рабочих коллективов заводов, получивших в пользование часть монастырской территории и претендовавших на монастырские постройки. Все это создавало неблагоприятную обстановку непосредственно вокруг Музея, мешало его развитию, в целом музеефикации и сохранению древних монастырских памятников. Даже корпус трапезной, единственный из монастырского ансамбля, ставший Музеем, не принадлежал последнему безраздельно: в нем не только уже находились другие организации, но и постоянно были желающие получить трапезную для тех или иных своих целей. Главнаука и сотрудники Музея прилагали немало усилий, чтобы оградить Музей и отдельные монастырские памятники от разрушений и посягательств.

Главнаука Наркомпроса РСФСР, получив в 1925 г. от властей запрос насчет возможности устройства в бывшей монастырской трапезной спортивного зала, в своем ответе четко обосновала высокую оценку трапезной: «Здание это — существенная часть группы старинных сооружений бывшего монастыря, образующее

цельный историко-культурный памятник, дающий представление о древнем строительстве особенно интересном вследствие крепостного характера бывшего монастыря, служившего для обороны Москвы против нашествий с юга. В связи с этим Главнаука наметила устройство в данном месте Музея военного быта до Петровского времени, причем для размещения музейных собраний назначена именно та палата, о которой Вы возбудили дело. К развертыванию Музея приступлено временно в небольшом помещении того же здания, с весны же будущего года будет начата работа в более широком масштабе в помещении трапезной церкви… не имея достаточных гарантий по поддержанию сохранности здания, Главнаука, оценивая выдающееся историко-художественное значение трапезной палаты, не считает возможным рассматривать вопрос о его хотя бы временного предоставления под занятия физкультурой…».

Музей получил название «Музей древнерусской архитектуры XVI–XVII вв.». Его заведующим был назначен В. И. Троицкий — бывший псаломщик и учитель, окончивший Московский университет и ставший там же профессором истории искусств. В штате монастырского Музея состояли еще помощник хранителя и смотритель зданий.

Несмотря на неблагоприятное окружение Музей развивался и строил большие планы на будущее. В конце декабря 1927 г. заведующему В. И. Троицкому поручалось перевезти из Новоспасского монастыря «все вещи из ризницы Преображенского собора со шкафами и из монастырского Покровского собора всю библиотеку со шкафами, равно как и все имущество музейного значения, кроме иконостаса». В 1926–1927 гг. в Музее-трапезной находилось 559 предметов (из них экспонировалось только 136) художественного значения, 887 книг, 761 рукопись.

В начале июня 1928 г. заведующим Музеем в Симоновом монастыре был назначен А. Ф. Иванов. В 1926–1927 гг. сюда из Оружейной палаты передали железный шлем, а из Московского Кремля — 6 каменных ядер XVII в., от академика С. Д. Милорадовича — картину «Внутренний вид церковной трапезной», из ГИМ и Музея в бывшем Ново-Иерусалимском монастыре — рукописи XVII–XIX вв. За год Музей посетило около 2560 чел. В ноябре 1928 г. Музейный подотдел МОНО направил письма в Государственную Академию художеств в Ленинграде, Академию истории материальной культуры, ГИМ, Государственную библиотеку имени Ленина с просьбой выделить монастырскому Музею из запасов музейных и библиотечных хранилищ картины о военной жизни Руси до XVII в., предметы древнего вооружения, книги, рукописи и т. д. В одном из писем в Государственную Академию художеств курировавший Музей заведующий Музейным подотделом И. Г. Клабуновский писал 29 ноября 1928 г.: «В бывшем Симоновом монастыре в Москве, игравшем роль до XVII в. монастыря-крепости Москвы, в настоящее время разворачивается “Музей обороны государства Московского”, где собираются материалы по вооружению войск XIV–XVII вв. в боевых действиях на южной стороне (татар), материалы о городах-крепостях, составе войск…».

В конце ноября 1928 г. руководством Музейного подотдела МОНО в письме в Московскую рабоче-крестьянскую инспекцию сообщалось: «Монастырь представляет собой большой архитектурный и историко-культурный интерес», Симонов монастырь рассматривается «как музей-крепость XV–XVIII вв. …МОНО считает необходимым развертывание в помещениях бывшего монастыря ряда культурных учреждений, как-то: выставка материалов по обороне Москвы в XV–XVII вв., краеведческий районный музей, историко-революционный музей Рогожско-Симоновского района и др. …». Музей древней архитектуры в Симоновом монастыре готовил в 1928 г. большую выставку «Оборона Московского государства в XIV–XVII вв. и ратное дело в старину».

В плане работы Музея на 1927–1928 гг. предусматривались чтение лекций на темы: «Военное значение Симонова монастыря», «История обороны государства в древности», а также подготовка экскурсий: «Симонов монастырь — форт Московского Кремля», «Вооружение в древности», «Быт монастыря» и др. Предполагалось оборудование и открытие новых залов и отделов: военных крепостей, монастырского землевладения, военно-крепостной обороны в Симоновом монастыре, а также переоборудование архитектурного отдела.

Однако развитию Музея мешал недостаток площадей. Большая часть здания трапезной была занята: в трапезной палате XIX в. и помещении под ней располагались слесарно-механические мастерские, другие заведения. Склад же музейного имущества находился в закрытом храме прп. Александра Свирского.

Непростое, но все же развитие уникального Музея в Симоновом монастыре было совсем скоро прервано. В первые дни января 1929 г. курировавший Музей МОНО получил постановление Коллегии Бюро жалоб Рогожско-Симоновской РКИ (Протокол № 16 от 3 января 1929 г.), ранее обследовавшей Музей по жалобам живших в бывшем монастыре рабочих. Обследование проводил в июле и в конце октября 1928 г. член Секции РКИ Жданович, сделавший заключение, что Музей, «кроме убытка и ненужных затрат, ничего не дает и в будущем с таким мизерным наличием находящегося в нем исторического материала никакой ценности не имеет». Жданович предложил перевезти Музей куда-либо в центр города. Члены Комиссии МОНО — инспектор МОНО Кочетков, реставраторы Н. Р. Левинсон, Н. Д. Виноградов, и сотрудники Музея отстаивали его существование и указывали на необходимость разворачивания в нем отделов: антирелигиозного, краеведческого, исторического. Тем не менее, выводы РКИ были категоричны и однозначны: «Музей, несмотря на 8 лет своего существования, не достиг желаемых и возможных результатов и не составляет ничего ценного как с научной, так и показательной стороны». В выводах РКИ были и гораздо более жесткие формулировки, имеющие явный политический характер: «Администрация музея грубо относится к рабочим, а содержание штата в числе 75 единиц — музея, “не приносящего для общественной массы никаких ценных познаний” — есть государственное преступление… Главнаука и МОНО до сего времени не обратили внимания, и в зданиях музея Симонова монастыря отсутствует существование Советского строя, нигде нет ни советских плакатов, лозунгов, ни портретов вождей революции, а ненужных надписей и рисунков, а также прикрыто

хранящихся ненужных портретов большое изобилие». РКИ предлагало заведующего музеем Иванова и завхоза Казанского снять «за злоупотребление, халатное отношение, грубое отношение к рабочим» и привлечь к ответственности.

Несмотря на эти решения, музейные работники и реставраторы продолжали отстаивать Музей и заниматься его комплектованием. 12 января 1929 г. руководство МОНО просило начальника Главнауки М. Н. Лядова передать для монастырского музея хранящиеся в ленинградском музее «Фонтанный Дом» предметы древнерусского вооружения, собранные в свое время Шереметевыми. Аналогичное письмо было послано директору музея «Эрмитаж» с просьбой выделить для симоновского Музея предметы вооружения: бердыши, кольчуги, зерцала, щиты, шлемы и др.

Тем временем РКИ, занимавшие монастырь организации продолжали свою линию, направленную на ликвидацию музея. 15 марта 1929 г. на совещании Бюро жалоб при РКИ с представителями 5 заводов, Союза Безбожников и Главнауки (представитель П. Д. Барановский) было вынесено постановление, подтверждающее прежнее решение Рогожско-Симоновского РКИ о ликвидации Музея и предоставлении его помещений под жилье для рабочих. В то же время 22 марта Агитпроп Политуправления Красной Армии провел совещание, на котором была поддержана идея развертывания в монастыре военного музея.

1929 г. стал годом атеистической вакханалии, что сказалось и на судьбе музея, и так существовавшего в непростой ситуации. Началось разорение трапезного Тихвинского храма, где размещался Музей (о чем мы писали выше). И следует заметить, что в этом разорении Музей участвовал. В апреле 1929 г. в Музейный фонд передали церковное имущество XVII–XIX вв. В конце того же месяца временно исполняющий обязанности заведующего монастырским Музеем П. Никольский просил разрешения МОНО на продажу через Мосфинотдел на смывку золота и на столярный материал «не имеющих музейного значения» иконостасов Тихвинского храма, а также другого церковного имущества — «все медные нехудожественные подсвечники, лампады», а также вывезенные из Новоспасского монастыря облачения. В начале мая 1929 г. такое разрешение от МОНО было получено. Подобная практика продажи музеями церковного имущества «немузейного» значения была в то время узаконена, и вырученные средства (так называемые спецсредства) частично шли на развитие самого музея. В то же время МОНО Музей в Симоновом монастыре пытался сохранить. 8 мая 1929 г. его руководство (зав. Алексинский и зав. музейно-краеведческим подотделом Клабуновский) направило в Московский комитет ВКП(б) большое письмо под грифом «Секретно», в котором объяснялась необходимость сохранения и развития в бывшем монастыре «музея-крепости, музея военной обороны Москвы» и указывалось, что эту идею поддерживают Реввоенсовет (так в документе — *В. К.*), Политическое управление, Военная академия. С тревогой сообщалось в письме о требованиях рабочих организаций и МРКИ изъять из ведения МОНО все бывшие монастырские здания и передать их клубу «Пролетарская кузница». В этой ситуации МОНО предлагал компромисс: открыть на территории бывшей обители кинотеатр, библиотеку-читальню, летнюю спортивную площадку,

зимний гимнастический зал, базу для зимнего спорта, но в то же время сохранить Музей.

Дальнейшая переписка показала, что советские и партийные власти Москвы не поддержали МОНО в его желании спасти Музей, судьба которого в результате оказалась тесно связана с судьбой назначенного к уничтожению монастырского собора. В июле 1929 г. Музей еще прилагал усилия для пополнения фондов и даже послал своего сотрудника В. В. Арендта в бывший Соловецкий монастырь (где в то время располагался концлагерь) для получения там «памятников древнего ратного быта». Но в это же самое время (12 июля) РКИ Пролетарского района окончательно принимает решение о передаче всех помещений монастыря клубу «Пролетарская кузница».

С начала 1930 г. (уже после взрыва собора) началось распыление музейных фондов. Так, сотрудники ЦГРМ отобрали для своих нужд десятки облачений и церковных тканей. 20 марта 1930 г. зав. Антирелигиозным музеем в бывшем Донском монастыре А. Леонов просил МОНО передать ему все собрание Симоновского музея. В том же марте МОНО послал краткое письмо зав. музеем «Крепостная оборона» П. Д. Барановскому, где было указано, что на основании решения Президиума Совета Областного лекционно-музейного подотдела МОНО от 8 февраля 1930 г. (Протокол № 2) о свертывании Музея предлагается сократить всех сотрудников, а зав. Музеем в бывшем Донском монастыре А. Леонову «принять экспонаты музея “Крепостной обороны”».

Формально Музей ликвидировали Постановлением Президиума Мособлисполкома и Моссовета от 9 марта 1930 г. (Протокол № 60). Постановляющая часть этого документа гласила: «Здания музея б. Симонова монастыря передать в распоряжение Пролетарского райсовета для использования под культурно-бытовые цели. Экспонаты музея передать в музей б. Донского монастыря».

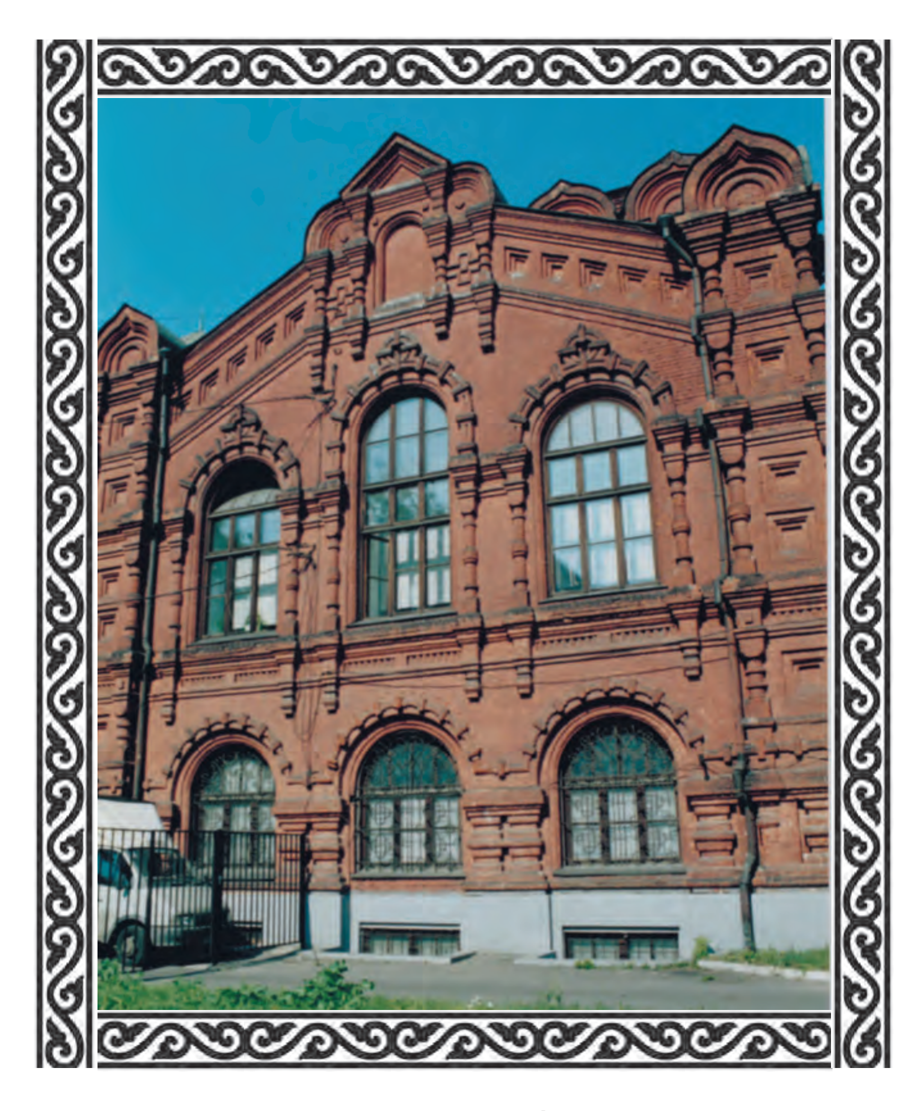
Так закончилась история одного из самых интересных музеев, среди созданных в 1920-е гг. на территориях бывших московских монастырей.

Источники и литература:

1. ГАРФ. — Ф. Р-1235. — Оп. 75. — Д. 1763. Переписка с Наркомпросом РСФСР о сносе надвратной церкви бывшего Симонова монастыря и части стены. Окт. 1930 — август 1931 гг. — 13 л.
2. ГАРФ. — Ф. А-2306. — Оп. 9. — Д. 154. Переписка с музеем Симонова монастыря. 1924 г. — 75 л.
3. ЦГА г. Москвы. — Ф. Р-1. — Оп. 1. — Д. 129. Симонов монастырь. 1918–1932 гг. — 79 л.
4. ЦГА г. Москвы. — Ф. Р-1215. — Оп. 3. — Д. 90. Дело по регистрации христианской общины при Симоновом монастыре. 1922–1930 гг. — 81 л.
5. ЦГАМО. — Ф. 66. — Оп. 18. — Д. 285. Переписка по изъятию церковных ценностей из церквей Рогожско-Симоновского района. 1922 г. (Об изъятии из Симонова монастыря — Л. 94–122); Д. 1286. Переписка с МОНО… об использовании Симонова монастыря под военный музей. 1929 г. — 9 л.
6. ЦГАМО. — Ф. 966. — Оп. 3. — Д. 71. Доклады и акт об учете художественных предметов Рогожско-Симонова монастыря. 1923–1929 гг. — 36 л. (О Симоновом монастыре — Л. 22–35); Оп. 4. — Д. 1060. Материалы… о работе Музея древней архитектуры бывшего Симоновского монастыря. 1926–1927 гг. — 83 л.

7. ЦГАМО. — Ф. 4341. — Оп. 1. — Д. 255. Предложения Комиссии по обследованию Музея древней архитектуры бывшего Симонова монастыря. 1929 г. — 209 л.; Д. 538. Переписка с заведующими Главнауки и музея «Крепостной обороны» (бывший Симонов монастырь) о ликвидации музея и передаче экспонатов в музей бывшего Донского монастыря и ЦГРМ. Январь–март 1930 г. — 15 л.
8. ОР РГБ. — Ф. 177. — К. 48. — Д. 9 (Доклад Б. С. Пушкина на заседании комиссии «Старой Москвы» (1922 г.) о построении колокольни Симонова монастыря). — Л. 52–54; Д. 21. *Попенцева А.* Церковь во имя Тихвинской Божией Матери в Симоновом монастыре.
9. *Иванчин-Писарев Н. Д.* Вечер в Симонове. — М., 1840. — 124 с.
10. *Тромонин К.* Краткое описание Московского ставропигиального первоклассного общежительного Симонова монастыря. — М., 1841. — 39 с.
11. *Пассек В. В.* Историческое описание Московского Симонова монастыря. — М., 1843. — 237 с.
12. Краткое историческое описание Симонова ставропигиального монастыря. — 2-е изд., доп. — М., 1864. — 87 с.
13. *Третьяков А.* Московский Симонов монастырь. — М., 1890. — 16 с.
14. *Токмаков И. Ф.* Историческое и археологическое описание Московского ставропигиального первоклассного Симонова монастыря. — Вып. 1. — М., 1892. — 126 с.; Вып. 2. — М., 1896. — 131 с.
15. *Троицкий В. И., Торопов С. А.* Симонов монастырь. — М., 1927.
16. *Суходолов В.* Кинотеатр в трапезной Симонова монастыря // Архитектура и строительство Москвы. — 1990. — № 5. — С. 28–30.
17. *Козлов В. Ф.* Трагедия монастырей. Год 1929-й // Московский журнал. — 1991. — № 1. — С. 32–41.
18. Сорок Сороков : краткая иллюстрированная история всех московских храмов : [в 4 т.] / собр. П. Паламарчук; фот. П. Паламарчука, А. Демченко. — Т. 1. Кремль и монастыри. — М., 1992. — С. 280–291.
19. *Шокарев С. Ю.* Некрополь Симонова монастыря // Московский некрополь : История. Археология. Искусство. Охрана : Мат-лы науч.-практич. конф. 31 марта — 1 апреля 1994 г. — М., 1996. — С. 48–50.
20. *Козлов В. Ф.* Церковь Тихвинской иконы Божией Матери при трапезной Симонова монастыря // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Июнь. — М., 1997. — С. 389–393.
21. Памятники архитектуры Москвы. Юго-восточная и южная части территории между Садовым кольцом и границами города XVIII века. — М., 2000. — С. 136–150.
22. *Козлов В. Ф.* Церковь преподобного Александра Свирского бывшего Симонова монастыря // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Август. — М., 2002. — С. 596–597.
23. *Козлов В. Ф.* Церковь святителя Иоанна, патриарха Константинопольского и св. благоверного князя Александра Невского… // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. — М., 2002. — С. 592–593.
24. *Шитова Л. А.* Симонов монастырь : зеркало истории. — М., 2016. — 736 с.

Скорбященский 3-го класса общежительный женский монастырь

ул. Новослободская, д. 58

сохранился частично, как монастырь не восстановлен

В начале XX в. – 5 храмов с 7 престолами

Всемилостивого Спаса собор
Двенадцати апостолов придел
Скоропослушницы иконы Божией Матери придел

Всех скорбящих Радость иконы Божией Матери домовый храм

Рафаила архангела св. храм

Тихвинской иконы Божией Матери кладбищенский храм-усыпальница

Трех Святителей (свтт. Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста) кладбищенский храм

ИСТОРИЯ ДО 1917 г.

История возникновения самого «молодого» монастыря в дореволюционной Москве связана с жившими в местности Новое Сущево Голицыными. Первоначально здесь, на территории, где позднее возник монастырь, находилось имение Вадковских. В 1820-е гг. имение купила Н. В. Шепелева (урожд. Энгельгардт). После ее смерти в 1834 г. усадьба перешла к ее племяннику князю В. С. Голицыну — композитору, музыканту, поэту. Затем имением владел его сын С. В. Голицын. В 1850-е гг. имение у него покупает его сестра А. В. Голицына (1830–1900). Именно она в 1856 г. получила разрешение епархиальных властей устроить для своей матери домовую церковь в честь иконы Божией Матери Всех скорбящих Радость. Этот храм был освящен митрополитом Московским Филаретом 29 октября 1856 г. Княжна А. В. Голицына, желая сохранить храм и после смерти матери, по благословению митрополита Московского Филарета устроила в своей усадьбе приют для иногородних монахинь-сборщиц (собирали в Москве средства на нужды разных женских обителей России). А Скорбященский храм стал домовым храмом приюта. Приют был торжественно открыт 11 ноября 1865 г. и подчинялся Троице-Сергиевой Лавре. Вскоре при нем была учреждена Филаретовская больница. Постепенно приют приобретал черты обители — сестрам милосердия, служившим в нем, дано было право носить черное одеяние и заниматься чтением и пением в Скорбященском храме.

В сентябре 1889 г. определением Св. Синода приют был обращен в общежительный женский Скорбященский монастырь со штатом, состоящим из игумении, казначеи, 15 монахинь и 15 послушниц. Торжество открытия монастыря состоялось 16 сентября 1890 г. в присутствии митрополита Иоанникия, основательницы монастыря А. В. Голицыной, благотворительницы А. А. Смирновой, а закладка собора была совершена в мае 1891 г.

Благодаря щедрым пожертвованиям поселившейся в обители купчихи-благотворительницы Акилины Алексеевны Смирновой (1839–1893) и других доброхотов монастырь приобрел величественный облик. В 1894 г. был закончен постройкой большой трехпрестольный собор Всемилостивого Спаса, в 1900 г. в обители освятили храм домового типа во имя св. архангела Рафаила, в 1901 г. — кладбищенскую церковь в честь Тихвинской иконы Божией Матери (усыпальницу И. Я. Обухова), еще один храм — Трех Святителей, был построен в 1910 г. В монастыре появилось много разных построек. В 1890-х гг. была построена изящная кирпичная ограда с мерлонами, ее оформили в древнерусском стиле, как и собор, и украсили башенками и крестами. По свидетельствам современников, обращали на себя внимание двое Святых ворот с башенками и главками, выходящих на ул. Новослободскую.

В 1911 г. в новопостроенном двухэтажном здании открыли церковно-приходскую школу, преобразованную в следующем году в среднее восьмиклассное учебное заведение. Тогда же в этом здании было временно размещено 3-е Епархиальное женское училище, а через несколько лет, во многом благодаря энергии известного московского проповедника протоиерея Иоанна Восторгова, был открыт единственный в Московской епархии Богословский женский институт.

В 1894 г. было официально открыто монастырское кладбище — оно стало одним из самых благоустроенных монастырских кладбищ и приносило обители основной доход (подробнее о нем см. отдельный очерк). По отзывам современников, ухоженность и благолепие нового некрополя привлекали к нему внимание; на кладбище за недолгий период его существования до революции 1917 г. появилось немало замечательных по своим художественным достоинствам намогильных памятников. Помимо игумений монастыря и сестер, здесь были похоронены многие известные москвичи: ученые, литераторы, журналисты, предприниматели, военные и др. Знаток московских кладбищ А. Т. Саладин, описывая в 1910-е гг. кладбище Скорбященского монастыря, предполагал, что «…быть может, в будущем веке оно будет так же ценно для наших потомков, как мы ценим кладбище Донского монастыря, с его надгробиями конца XVIII и начала XIX века». Однако судьба оказалась немилосердной и к самой молодой обители, и к ее некрополю.

ИСТОРИЯ ПОСЛЕ 1917 г.

История отпустила Скорбященскому монастырю короткий век — без года 2 десятилетия всего лишь. В 1918 г. монастырь был упразднен, и его жилые и хозяйственные постройки стали занимать посторонние организации, в том числе артиллерийский дивизион, разоривший не только кладбище, но и значительную часть самого монастыря. Вот, как выглядела обитель в донесении осмотревшего ее инспектора Ивенсена: «При кладбище находится хороший парк со старыми деревьями, эта часть кладбища могилами не занята, стоят орудия,

лафеты, площадь местами густо покрыта навозом, кора деревьев объедена, и большинство деревьев обречено к гибели. Часть, занятая кладбищем, также сильно испорчена, загрязнена, даже каменные ограды некоторых могил разрушены. Отдельные части службы дивизиона не собраны в одном месте монастыря, а раскинуты по всей площади. Дивизион в настоящее время обслуживается солдатами до 600 человек и 200 лошадьми, хозяйство его большое и требует много места. При таких условиях чрезвычайно трудно сохранить за кладбищем подобающий ему вид, как с точки зрения санитарной, так и моральной».

В начале 1920-х гг. в монастырских храмах служили 3 протоиерея: Михаил Иванович Гиляревский (с 1914 г. являлся и профессором Богословского института), Сергей Михайлович Орлов и Василий Максимович Никольский.

В 1922 г. общине верующих, сложившейся при храмах бывшего монастыря, пришлось пережить тотальное изъятие государством церковных ценностей. Несмотря на колоссальные стеснения религиозная община бывшей обители, формально представлявшая собой трудовую артель, увеличивалась за счет монахинь, изгнанных из разных монастырей. По сведениям на 1926 г., на территории бывшей обители в 4-х деревянных одноэтажных флигелях проживал 101 член трудовой артели (в подавляющем большинстве монахини). Здесь же в 4-х корпусах было устроено общежитие Тимирязевской сельскохозяйственной академии, в котором насчитывалось более 330 студентов и преподавателей. Кроме того, бывшие монастырские помещения стали местом проживания еще для 81 чел., в трехэтажном здании находилась школа.

Постепенно закрывались и храмы. К 1924 г. из 4-х монастырских церквей 2 уже были ликвидированы и использовались одна под жилье, другая под расширение школы 2-й ступени Краснопресненского р-на. В распоряжении верующих остались 2 храма: собор и малый неотапливаемый Трехсвятительский храм на кладбище, богослужение в нем совершалось лишь на престольный праздник.

Новые жильцы не только не заботились о монастырских памятниках, но нередко и разрушали их. В первую очередь, вандализм проявлялся в отношении монастырского некрополя: оскверняли́сь могилы, сбрасывались и разбивались памятники и ограды, вскрывались склепы, выбрасывались останки захороненных. Обо всем этом свидетельствуют дошедшие до нас документы.

Узаконенному разрушению подвергался и весь монастырский ансамбль. В мае 1926 г. Адмнадзор Моссовета дал разрешение клубу Краснопресненского р-на на снятие креста с ворот ограды, а вскоре уже и без разрешения властей жилищно-строительный кооператив «Жиркость» разобрал значительную часть изящной кирпичной ограды. «Жиркостью» этот кирпич использовался на строительство жилого дома на территории монастыря.

В конце 1926 г. московские власти уже планировали выселение монахинь с территории бывшего Скорбященского монастыря. По 50 инокинь предлагалось переселить в подмосковные обители: в Добрыниху Серпуховского уезда и в Николо-Пешношскую Дмитровского уезда. А большая община верующих бывшего монастырского храма Спаса Всемилостивого в то время, по сведениям властей, насчитывала до 5 тыс. чел.

В январе 1929 г. решением Президиума Моссовета закрывается последний действующий храм. Интенсивно разрушался некрополь, в результате не было сохранено ни одного ценного с художественной точки зрения надгробного памятника. В 1930-е гг. на месте монастырского кладбища устроили детский парк.

Постановлением Президиума Моссовета от 7 августа 1929 г. Москоммунхозу разрешалось «снести здания бездействующих церквей в бывшем Скорбященском монастыре (кроме собора)». Как известно, снос некоторых зданий растянулся на годы. В 1930-е гг. часть территории и построек монастыря занял Станкоинструментальный институт.

На конец XX в. из ансамбля монастыря уцелели лишь 3 памятника: обезглавленный бывший собор, занятый различными организациями, часовня над могилой А. А. Смирновой и двухэтажный кирпичный корпус (рукодельный) начала XX в. Последний в 1995 г. вернули РПЦ для православной общины. В нем был освящен храм в честь Спаса Всемилостивого, соименный бывшему монастырскому собору.

В 2018 г. на территории бывшей обители во время земляных работ были обнаружены фундаменты кладбищенской Трехсвятительской церкви. Сейчас разрабатывается проект музеефикации уцелевших подвальных сводов этого храма. Прихожанами и специалистами ведутся работы по 3D-реконструкции монастыря и его некрополя.

В августе 2019 г. городские власти, наконец, передали общине изуродованное, обезглавленное здание монастырского собора. В 2021 г. в нем начались богослужения.

Община занимается изучением истории голицынской усадьбы, Скорбященского монастыря. На сайте общины создан «Виртуальный музей» обители.

Всех скорбящих Радость иконы Божией Матери храм

не сохранился

Деревянный Скорбященский храм был сооружен задолго до появления Скорбященского монастыря. Церковь построена в 1856 г. княжной А. В. Голицыной для больной матери княгини Прасковьи Николаевны Голицыной и освящена митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым). Храм стал тем ядром, с которого началось долгое становление женской обители.

Первые годы существования храм имел чисто домовый характер, а с 1863 г. при нем был создан приют для монахинь-сборщиц. Как любой домовый храм, он сначала был приписным и относился к соседней приходской Тихвинской церкви в Сущеве, а с открытием в 1890 г. Скорбященского монастыря стал первым храмом новой обители.

В 1911 г. внешний облик Скорбященского храма, давшего имя монастырю, был изменен. Архитектором С. К. Родионовым на средства княжны А. В. Голицыной деревянные церковные стены были обнесены каменными. По свидетельству современников, убранство храма было скромное, в нем стоял одноярусный иконостас.

Скорбященский храм был закрыт первым в монастыре. В архиве сохранилось письмо «Трудовой Скорбященской артели» в Моссовет (июнь 1923 г.), в котором содержится просьба при ликвидации храма оставить верующим Скорбященскую икону Божией Матери — «особо чтимую». Сохранился и датированный 30 июля 1923 г. акт ревизора отдела управления Моссовета Вишнякова в связи с ликвидацией Скорбященского храма. Тогда же церковное здание хотели разобрать с передачей строительного материала Политехникому НКПС. Однако Моссовет такого разрешения не дал. По-видимому, недействующий храм был разобран во второй половине 1920-х гг.

Всемилостивого Спаса собор

Через несколько дней после Синодального акта о преобразовании приюта в общежительный Скорбященский монастырь 25 сентября 1890 г. началось строительство большого монастырского собора (закладка его состоялась ранее — в 1889 г.). Проект величественного, в русском стиле каменного узорочья XVII в. пятиглавого с колокольней храма составил архитектор И. Т. Владимиров. Строился собор на средства благотворителей А. А. Смирновой и И. Е. Ефимова.

Главный алтарь храма освятили 25 октября 1894 г., правый придел во имя иконы Богоматери Скоропослушницы — 6 ноября, а левый во имя Двенадцати апостолов — 12 декабря. Новый собор внутри был украшен четырехъярусным иконостасом и киотами художественной работы. На шатровой колокольне находилось 12 колоколов (самый большой — весом 511 пудов).

Храмоздательница А. А. Смирнова (в монашестве инокиня Рафаила) не дожила до освящения собора. Она была похоронена у его алтаря в 1893 г. На ее могиле возведена небольшая, сохранившаяся до настоящего времени часовня.

Весной 1922 г. собор сильно пострадал от санкционированной властями акции изъятия церковного серебра. 31 марта 1922 г. в обитель пришли представители власти, но священник ключи от собора им не дал. Постепенно собралась толпа до 200 чел., проявлявшая враждебное отношение к членам Комиссии по изъятию. По донесению председателя Губкомиссии, «…по отношению к начавшей собираться публики был принят ряд мер», то есть, видимо, верующие были разогнаны кавалеристами, сопровождавшими членов комиссии. В этот день из монастыря вывезли до 180 серебряных предметов: сосудов, риз, крестов, лампад, кадил.

В монастырском соборе было немного древних святынь; из описи начала 1920-х гг. следует, что там находились иконы свт. Николая Чудотворца и св. Петра XVII в., еще 3 иконы XVII в., образ XVIII в. и кресты 1741 и 1749 гг.

По сведениям на март и декабрь 1924 г., приход храма составляли более 5 тыс. верующих.

В 1920-е гг. монастырский собор подвергался ограблениям бандитов.

К 1924 г. в бывшем монастыре действующими оставались только собор и малая кладбищенская церковь, служба в которой отправлялась лишь один раз

в год. В том же 1924 г. Краснопресненский райсовет выдвинул предложение закрыть собор Всемилостивого Спаса и передать его помещение под рабочий клуб, однако Моссовет не поддержал тогда районную инициативу, сославшись на то, что собор обслуживает большую группу верующих.

Через 3 года власти вплотную приступили к ликвидации главного собора бывшего монастыря. Комиссия по разгрузке Москвы 13 декабря 1928 г. рекомендовала отдать его под размещение Вечернего университета промысловой кооперации. В последний день 1928 г. ответственные работники Административного отдела Моссовета Ширяев и Кусанов обратились в Президиум Мосгубисполкома с просьбой закрыть храм, мотивируя это тем, что основная масса прихожан — монашествующие, и рядом находится приходская Тихвинская церковь.

Решением Моссовета от 15 января 1929 г. собор был закрыт и передан Вечернему университету. Прихожане попытались обжаловать решение городских властей во ВЦИК, но он в феврале 1929 г. отклонил ходатайство верующих. В марте 1929 г. из собора вывезли последнее монастырское имущество: большое число облачений, 3 кг серебряных церковных предметов.

На склад МОНО тогда же было перевезено значительное число историко-художественных предметов: более 40 икон XVIII–XIX вв., ковчег с мощами, облачения XIX в., синодик 1853 г., «вязка рукописного материала» и др.

В течение многих десятилетий закрытый собор занимали различные подразделения Станкостроительного института (Станкина), который едва не снес в 1970-е гг. церковное здание. Собор и колокольня были обезглавлены, внутри храм многократно подвергался перепланировке. Вход в бывший собор с улицы заложили. В нескольких метрах от собора и часовни-усыпальницы А. Смирновой в 1970–1980-е гг. построено высотное учебное здание Станкина.

Многолетняя борьба верующих за поруганный храм совсем недавно закончилась благополучно — по распоряжению Территориального управления Росимущества в г. Москве от 16 августа 2019 г. обезглавленное и поделенное внутри перекрытиями здание бывшего монастырского собора передано в собственность прихода Всемилостивого Спаса. Сейчас со стороны ул. Новослободской открыт ранее замурованный главный вход в собор, проведен первоначальный ремонт нижней части здания. 27 марта 2021 г. состоялось малое освящение исторического придела Двенадцати апостолов. После первой литургии прошла панихида, на которой поминались игумении Скорбященского монастыря Евпраксия и Нина с почившими сестрами и монахиня Рафаила (А. А. Смирнова).

Рафаила архангела св. храм

не сохранился

Как указывалось выше, одной из главных жертвовательниц на Скорбященский монастырь была воскресенская купчиха А. А. Смирнова (†1893) — известная храмоздательница, щедро помогавшая многим московским монастырям: Зачатьевскому, Казанскому, Головинскому, а также русскому Пантелеимонову

на Афоне. Она была тайно пострижена в монашество с именем Рафаила и пожертвовала значительную сумму на Скорбященский монастырь.

В память и по завещанию монахини Рафаилы усердием ее душеприказчика потомственного почетного гражданина И. Е. Ефимова в 1897 г. началось устройство храма в новом двухэтажном здании трапезной на 2-м этаже. Церковь во имя св. архангела Рафаила освятил 1 июля 1900 г. митрополит Московский Владимир (Богоявленский).

В 1-м этаже здания располагались кухня, хлебопекарня, квасная и помещение для монашествующих. Позже, из-за сырости в нижнем этаже трапезной храм был перенесен в помещение при новопостроенном здании женской гимназии, а когда в это здание было перемещено 3-е Епархиальное училище, то и церковь архангела Рафаила стала училищной.

Храм обновили и освятили 25 сентября 1913 г. Новую роспись стен в «нестеровском» стиле произвели иконописцы Н. и И. Пашковы. В церкви находился одноярусный иконостас, а внешне на здании гимназии (училища) она была обозначена небольшой главкой.

В советское время в надстроенном 2-мя этажами бывшем гимназическом здании разместилась милицейская часть. В 1978 г. пристройка, где находился храм, была снесена.

Тихвинской иконы Божией Матери кладбищенский храм-усыпальница

не сохранился

Первой кладбищенской церковью женского Скорбященского монастыря была Тихвинская. Церковь-усыпальницу над могилой купца 2-й гильдии, крупного благотворителя обители Ивана Яковлевича Обухова (†1896) устроили на средства его вдовы, купчихи Александры Ивановны Обуховой. Небольшой храм в русско-византийском стиле с шарообразной главой был сооружен архитектором Н. Д. Струковым и освящен 22 апреля 1901 г. настоятелем Знаменского монастыря архимандритом Митрофаном в присутствии настоятельницы Скорбященской обители игумении Евпраксии, храмоздательницы А. И. Обуховой и многочисленных верующих.

Золоченый трехъярусный иконостас церкви был украшен резным орнаментом. Иконы написаны в стиле «фряжского письма». В Тихвинской, как и в Трехсвятительской церкви, богослужения совершались нерегулярно, а в первые годы после революции 1917 г. — только в дни храмовых праздников.

В послереволюционный период Тихвинский храм разделил судьбу многих монастырских и кладбищенских храмов Москвы. Уже в начале 1920-х гг. он был разорен, а останки И. Я. Обухова выброшены из склепа. В конце 1920-х гг. церковное помещение использовалось как кладбищенская контора.

В 1929 г., когда началось уничтожение монастырского кладбища, хозяйственники Москвы обследовали оба кладбищенских храма и заявили, что «эти

церкви можно сломать без ущерба». Тихвинский храм-усыпальница, возможно, был снесен в 1930-х гг. (П. Паламарчук называет другую дату утраты Тихвинского храма — конец 1960-х гг).

Трех Святителей (свтт. Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста) кладбищенский храм

не сохранился

Еще один храм на монастырском кладбище — трехпрестольный в честь Трех Святителей, был построен в 1910 г. по инициативе купца из Сергиева Посада Ивана Ефимовича Ефимова. Храмоздатель также пожелал устроить в храме приделы: во имя прп. Сергия Радонежского — в память того, что эта местность с бывшим приютом иногородних монахинь-сборщиц в 1860-х — 1886 гг. была под покровительством Троице-Сергиевой Лавры; и в честь св. Василия Блаженного, который, по преданию, жил в этой местности.

Торжество закладки кладбищенского храма состоялось 14 июня 1895 г. Однако же храм был построен значительно позже и с меньшими по размеру, чем было задумано, придельными алтарями (архитектор П. А. Виноградов). Освящение его состоялось 8 мая 1910 г.

По сведениям на середину 1920-х гг., служба в небольшой кладбищенской Трехсвятительской церкви отправлялась лишь 1 раз в год в престольный праздник. В 1929 г. Трехсвятительский храм был закрыт и краткое время использовался как склад и контора. Снесен, по всей видимости, в 1960-е гг.

В июле 2018 г. в парке «Новослободский» велись земляные работы — в ходе их были найдены остатки фундамента и подклета Трехсвятительского храма. Во многом благодаря усилиям общины храма Спаса Всемилостивого работы в парке были прекращены, а остатки храма признаны объектом археологического наследия. В результате охранных археологических работ удалось обнаружить место престола с закладным камнем. Православная общественность сегодня поднимает вопрос о музеефикации сохранившегося подклета бывшего кладбищенского Трехсвятительского храма.

Некрополь

не сохранился

Кладбище Скорбященского монастыря было устроено по Указу Московской духовной консистории от 5 февраля 1891 г. Официально оно было открыто 1894 г. и за сравнительно непродолжительное время приняло благоустроенный вид. Как отмечали современники в 1910-х гг., кладбище «украсилось мемориальными, гранитными и другими богатыми памятниками. На могилах множе-

ство цветов, которые в летнее жаркое время каждодневно поливаются сестрами обители. Аромат цветов, душистых тополей и цветущих лип во множестве дает воздуху свежесть и чистоту и привлекает многих на монастырское кладбище».

На кладбище почти за 2 десятилетия его существования были похоронены многие известные общественные деятели, представители науки, культуры. Здесь нашли упокоение его устроительница княжна Александра Владимировна Голицына (†1900), игумении Нина (Волкова) и Евпраксия (Михайлова; †1909) и инокини обители. Там же были похоронены такие известные деятели, как критик Ю. Н. Говоруха-Отрок (†1896), философ и мыслитель Н. Ф. Федоров (†1903), публицист, редактор «Московских Ведомостей», председатель Московского Монархического собрания А. В. Грингмут (†1907), адвокат Ф. Н. Плевако (†1908), издатель «Московского листка» Н. И. Пастухов (†1911), академик Академии Наук, филолог, этнографии и археолог В. Ф. Миллер (†1913) дрессировщик А. Н. Дуров (†1916), зоолог Н. Ю. Зограф (†1919), историк Д. И. Иловайский (†1920), библиограф, книговед и журналист Н. М. Лисовский (†1920) и др. В монастыре находились могилы известных архитекторов В. Г. Сретенского (†1900) и Ф. Ф. Горностаева (†1915).

На монастырском кладбище упокоились многие профессора Московского университета, Петровской сельскохозяйственной академии, Московской духовной академии и члены их семей, в частности, известные профессора: ботаник и переводчик С. И. Ростовцев (†1916), лесовод М. К. Турский (†1899), протоиерей и настоятель университетского храма св. Татианы Н. А. Елеонский (†1910), историк, богослов Н. В. Лысогорский (†1919) и др.

Здесь же были похоронены известные предприниматели: нефтепромышленник, благотворитель и коллекционер Л. К. Зубалов (†1914), промышленники и финансисты А. Ф. Второв (†1911) и Н. А. Второв (†1918). Упокоились тут также известные в торговом мире Москвы директор-распорядитель семейного предприятия, владелец сети булочных и кондитерских магазинов Д. И. Филиппов (†1908), пайщик семейного товарищества, сын знаменитого водочника П. А. Смирнова П. П. Смирнов (†1910). На монастырском некрополе были могилы высоких государственных чиновников: генерала-лейтенанта К. Н. Светлицкого (†1909), бывшего последовательно губернатором Якутской области, Иркутской и Енисейской губерний; С. П. Межакова-Каютова (†1911) — вице-губернатора Минской губернии.

Складывался на кладбище и своеобразный родовой некрополь потомков многих известных поэтов, литераторов, деятелей культуры и др. В начале XX в. здесь были похоронены: В. Ф. Буслаев (†1906) — сын знаменитого профессора и академика; Ю. П. Бартенев (†1908) — сын издателя «Русского архива»; Д. Н. Стахеев (†1909) — сын купца, золотопромышленника и благотворителя Н. Д. Стахеева; Г. В. Собинов (†1913) — брат оперного певца. В 1915 г. в монастыре похоронили Е. Е. Восторгову — жену известного церковно-общественного деятеля, настоятеля храма Василия Блаженного протоиерея Иоанна Восторгова (ныне причислен к лику новомучеников).

Были на кладбище и могилы генералов Д. Н. Геца (†1900), Г. И. Иванова (†1902), А. З. Клевецкого (†1902), А. М. Свечина (†1903), К. И. Дрожжина

(†1904), А. И. Миницкого (†1904), Ф. Ф. Михайлова (†1907), И. В. Коломнина (†1908), В. П. Голосова (†1913), С. А. Карпеева (†1914), А. А. Келлера (†1915), А. В. Бартоломея (†1916).

Из известных могил упомянем также захоронения владельцев московских ресторанов: «Стрельны» и «Мавритании» — И. Ф. Натрускина (†1896); «Эльдорадо» — И. А. Скалкина (†1914).

Кладбище было богато художественно исполненными надгробиям, 4 из них были сооружены по проектам художника В. М. Васнецова (А. В. Грингмуту, Слесаревым, Л. А. Левенштейн, Б. Н. Бетлину). В преддверии Октября 1917 г. А. Т. Саладин так писал о некоторых памятниках Скорбященского кладбища: «Из художественных надгробий обращают внимание прекрасные скульптуры белого мрамора: на могиле младенца Игоря Шаляпина (умер в 1903 г.), у церкви налево, сидящий на земле ангел с поднесенным к губкам пальцем, как бы приглашающий не нарушать тишину этого места; на могиле Е. А. Балихиной (умерла в 1906 г.), около первой часовни, направо, — небольшая женская фигура, сидящая у креста в глубокой задумчивости, и на могиле А. и В. Слесаревых (умерли в 1912 г.), за второй часовней направо, почти в конце кладбища — закутанная в покрывало женщина, с отчаянием схватившаяся за голову. Как грандиозный богатый памятник надо отметить часовню-усыпальницу Зубаловых близ кладбищенской часовни. Это обширный и высокий павильон розовато-серого гранита, украшенный барельефом Георгия Победоносца и бронзовой статуей Богородицы».

До 1919 г. на Скорбященском кладбище было похоронено до 1800 чел.

Напомним, что в Скорбященском монастыре было 2 кладбищенских храма. Первый — в честь Тихвинской иконы Божией Матери, построенный иждивением А. И. Обуховой над могилой почившего супруга И. Я. Обухова, был освящен в апреле 1901 г. Вторая кладбищенская церковь — Трех Святителей, была возведена в 1910 г. по инициативе и на средства сергиевопосадского купца И. Е. Ефимова. Кроме того, над могилой благотворительницы А. А. Смирновой устроили часовню (сохранилась).

Некрополь Скорбященского монастыря после 1917 г. разделил судьбу большинства монастырских некрополей. Не только надгробия (вне зависимости от их художественной ценности), но и сами могилы оказались беззащитны в условиях начавшейся антирелигиозной вакханалии первых послереволюционных десятилетий. Буквально уже в 1918 г. кладбищу был нанесен урон расквартированным в бывшем монастыре артиллерийским дивизионом (загрязнение кладбищенской территории, сломка оград, разрушение могил и т. д.).

Документы свидетельствуют, что к 1926 г. состояние монастырского некрополя уже было плачевным. Вот, что по этому поводу сообщал зам. председателя ВЦИК П. Г. Смидович: «…обнаружено, что имеющееся при Скорбященском монастыре кладбище находится, видимо, без надлежащего надзора, всюду валяются опрокинутые и полуразрушенные памятники (нередко художественные) и решетки. Больше того, на кладбище обнаружены взломанными три склепа, принадлежащие, по словам местных жильцов, Обуховым, Зубаловым

и Красильщиковым, которые в настоящее время совершенно открыты и доступны для широкого обозрения. В склепе Обухова — вытащен и вскрыт гроб, а рядом — остатки трупа-скелета, издающие сильное зловоние. В склепе Зубалова (ценной художественной работы) все взломано и расхищено, также — вскрытый гроб и остатки, видимо, одежды, труп Зубалова, по словам жильцов, был выброшен зимой, еще нынешнего 26 года. В склепе Красильщикова трупы также были выкинуты, стоит вода, причем отверстие не закрыто, и в него легко могут попасть и утонуть дети, гуляющие по кладбищенскому парку…». Однако подобные официальные свидетельства никак не повлияли на процесс дальнейшего разрушения кладбища, достигший особого размаха к 1929 г. и продолжавшийся в течение нескольких лет. Мы уже упоминали, что в результате были утрачены все надгробия, сам некрополь был практически полностью уничтожен, перезахоронили на других московских кладбищах прах всего лишь нескольких погребенных — адвоката Ф. Н. Плевако, дрессировщика А. Н. Дурова, предпринимателя П. М. Красильщикова.

Не уцелели и кладбищенские Тихвинский и Трехсвятительский храмы — они были снесены, вероятно, в 1960-х гг.

На месте кладбища устроили детский парк (ныне парк «Новослободский»), в котором вплоть до 1990-х гг. были видны отдельные каменные плиты основания надгробных памятников.

В 2018 г. во время земляных работ на территории бывшего монастыря были обнаружены и затем законсервированы остатки фундамента и подклета храма Трех Святителей. Прихожанами совместно со специалистами разработан оригинальный проект 3D-реконструкции монастырского некрополя, ведется работа по его реализации.

Источники и литература:

1. ГАРФ. — Ф. Р-1235. — Оп. 61. — Д. 179. — Переписка с губисполкомами по заявлениям разных лиц и членов церковных общин. 1925–1927. — Л. 192–216.
2. ЦГА. г. Москвы. — Ф. Р-1215. — Оп. 3. — Д. 91. Дело о регистрации религиозного общества Всемилостивого Спаса при храме бывшего Скорбященского монастыря. — 244 л.
3. ЦГАМО. — Ф. 4557. — Оп. 8. — Д. 37. Переписка с Моссоветом… 1924–1925 гг. — Л. 27–28; Д. 413. Материалы о сносе церквей в Москве в 1928 г. — Л. 123.
4. МЦВ. — 1901. — № 17.
5. *Сперанский И. П.* Историческое описание Московской женской общины Всех Скорбящих Радости монастыря. — М., 1915. — 106 с.
6. *Козлов В. Ф.* Судьбы монастырских кладбищ Москвы (1920–30-е гг.) // Московский некрополь : История. Археология. Искусство. Охрана : сб. — М. 1991. — С. 61–62.
7. Сорок Сороков : краткая иллюстрированная история всех московских храмов : [в 4 т.] / собр. П. Паламарчук; фот. П. Паламарчука, А. Демченко. — Т. 1. Кремль и монастыри. — М., 1992. — С. 350–359.
8. *Храпоничева Е. В.* Некрополь Скорбященского монастыря // Московский некрополь : История. Археология. Искусство. Охрана : Мат-лы науч.-практич. конф. 31 марта — 1 апреля 1994 г. — М., 1996. — С. 58–59.
9. *Козлов В. Ф.* Церковь Спаса Всемилостивого бывшего Скорбященского монастыря // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Август. — М., 2002. — С. 19–21.

10. *Простов В. А.* История Скорбященского монастыря // Кадашевские чтения. — Вып. IV. — М., 2009. — С. 46–53.
11. Некрополь Скорбященского монастыря. 1894–1920. Словарь-справочник / авт.-сост. Н. А. Филаткина. — М., 2019. — 208 с.
12. *Простов В. А., Жеребятьев Д. И.* Проблемы изучения и регенерации уничтоженного некрополя московского Скорбященского монастыря // Исторический некрополь России как часть отечественного культурного наследия : проблемы изучения и охраны : Мат-лы IV Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 24–25 мая 2019 г.) / отв. ред. В. Ф. Козлов, сост. А. Г. Смирнова. — М., 2019. — С. 283–292.

Спасо-Андроников 2-го класса необщежительный мужской монастырь

(ныне — Патриаршее подворье)

Андроньевская пл., д. 10

сохранился частично, как монастырь не восстановлен

В начале XX в. – 5 храмов с 11 престолами

Евграфа св. мч. храм-усыпальница

Михаила архангела св. при трапезной храм (трехъярусный)
Алексия митрополита Московского свт. верхний храм
Михаила архангела св. во втором ярусе храм
Александра Команского свт. во втором ярусе придел
Иоанна Предтечи св. Усекновения главы во втором ярусе придел
Знамения Божией Матери иконы нижний храм

Рождества Пресвятой Богородицы надвратный храм

Симеона, сродника Господня св. ап. в колокольне храм

Спаса Нерукотворного образа собор
Андроника прп. придел
Успения Божией Матери придел

ИСТОРИЯ ДО 1917 г.

Согласно текстам житий прп. Сергия Радонежского и свт. Алексия митрополита Московского, монастырь был основан около 1357–1358 гг. при великом князе Иоанне II Иоанновиче свт. митрополитом Московским Алексием. Обитель названа по имени первого ее игумена и строителя, ученика прп. Сергия Радонежского прп. Андроника Московского.

По преданию, основание монастыря связано с обетом свт. Алексия, спасшегося от бури на Черном море, при возвращении в 1354/1355 г. из Константинополя. Корабль со святителем пристал к берегу 16 августа — в день празднования Перенесения из Эдессы в Константинополь Нерукотворного образа Спасителя. Свт. Алексий вез дар Патриарха Константинопольского Филофея — образ Спаса Нерукотворного.

Обитель в честь этого образа была основана на высоком берегу р. Яузы в 4-х верстах от Кремля. Считают, что в память о заливе Золотой Рог в Константинополе, ручей у новой обители был назван Золотым Рожком. Монастырь находился у исторической дороги, ведшей в стольный град Владимир и Золотую Орду.

Первый игумен Андроник построил вскоре деревянный храм, куда был вложен образ Спаса Нерукотворного, а также ввел в обители общежительный устав.

Полагают, что прп. Сергий Радонежский посетил новый монастырь, и что Андроник провожал своего учителя, шедшего в Нижний Новгород для умирения

князя Бориса. Позже на месте их расставания недалеко от монастыря построили памятную часовню «Проща».

Вторым игуменом Спасо-Андроникова монастыря был Савва (скончался в период между 1410–1420 гг.). Первый и второй игумены были причислены к лику святых, и их святые мощи пребывали в одном ковчеге до начала 1920-х гг.

Знаменитый, сохранившийся до нашего времени, белокаменный Спасский собор был сооружен при 3-м игумене Александре около 1425–1427 гг. и расписан Андреем Рублевым. В житии прп. Сергия Радонежского об этом сказано: «...В этой обители был игуменом Александр, ученик игумена Саввы, был там и духовный ученик Саввы по имени Андрей, иконописец необыкновенный, всех превосходящий своей добродетельной жизнью, в старости честной уже, и другие многие... Создали они в обители своей церковь каменную, весьма красивую, и росписями чудесными своими руками украсили ее в память об отцах своих, а церковь и сегодня все видят, во славу Христа Бога». Сохранилась миниатюра лицевого свода жития прп. Сергия Радонежского (конец XVI в.), на которой изображен Андрей Рублев, расписывающий собор. Полагают, что знаменитый иконописец мог принимать участие даже и в создании собора. Андрей Рублев был монахом Андрониковской обители, скончался в 1430 г. (дата условная) и был погребен у юго-западной стены Спасского храма. Позже на этом месте поставили первую монастырскую колокольню.

Рядом с Андреем Рублевым был похоронен в том же 1430 г. другой выдающийся древнерусский иконописец — Даниил, тоже монах.

Во второй половине XV в. монастырь получил архимандритию, что было редкостью для того времени. Монастырь в то время занимал 6-ю степень среди всех обителей Московской Руси. Андроников монастырь был уже известен как центр книгописания и место собирания книг. До настоящего времени дошли уникальные рукописные книги XV в., в первую очередь, так называемое Андрониково Евангелие, ныне хранящиеся в ГИМ и в Центральном музее древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. Монастырь имел уже богатую ризницу, ему принадлежали значительные земли по берегам Яузы и в окрестностях Москвы.

В XV–XVI вв. монастырь пользовался особым покровительством московских князей. В 1504 г. по велению великого князя Иоанна III Васильевича архимандрит Митрофан приступил к сооружению обширной трапезной палаты, ставшей вторым каменным зданием обители. В то время сооружение двухэтажной с обширными подвалами гражданской постройки было событием исключительным, до нее в Москве существовали только 2 подобных сооружения: Грановитая палата в Кремле и трапезная в Симоновом монастыре.

Верх сохранившейся до настоящего времени Андрониковской палаты украшен орнаментальным поясом из терракотовых плиток. В старину в трапезной хранили съестные припасы, здесь размещались хлебодарня, пекарня, в одностолпной палате принимали пищу. Известно, что в монастыре (возможно, как раз в трапезной палате) в 1509 г. был заточен безвинно осужденный архиепископ Новгородский Серапион, позже причисленный к лику святых. Святые мощи его

поныне пребывают в Серапионовой палатке в Троице-Сергиевой Лавре. Почти через 1,5 столетия в 1655 г. в подвалах трапезной в цепях находился главный идеолог старообрядчества протопоп Аввакум.

Монастырь не пострадал в большие московские пожары 1547 и 1571 гг. В конце XVI в. он занимал 8-ю степень среди всех русских обителей. Тогда же были построены каменные Святые врата и, возможно, уже с надвратным храмом Рождества Божией Матери. В Смутное время обитель была разграблена и переживала нелегкие времена. Известно, что в XVII в. монастырь выполнял функции божедомского, то есть сюда свозили скончавшихся нищих, странников, убитых, умерших от эпидемий и вообще внезапной смертью. Здесь же их в определенное время отпевали и погребали.

В 1660–1670-х гг. Спасо-Андрониковскую обитель трижды посещал царь Алексей Михайлович. При царе Федоре Алексеевиче монастырь стоял уже на 9-й ступени.

В XVII в. обитель была обнесена каменной оградой с 5-ю угловыми восьмигранными башнями. В начале 1690-х гг. к древней трапезной было пристроено самое большое каменное здание монастыря — храм св. Михаила архангела, подклет которого стал семейной усыпальницей Лопухиных — родственников первой жены Петра I Евдокии Федоровны Лопухиной. Четырехъярусный храм окончательно завершили строительством только к 1739 г.; в нем в разное время, помимо главного Михаилоархангельского престола, освятили еще 5 престолов.

В конце 1740-х — 1757 гг. был заново построен или капитально перестроен каменный надвратный Богородице-Рождественский храм. В 1748 г. пострадавшие от пожара одноэтажные келии включили в состав нового двухэтажного братского корпуса.

В начале XVIII в. монастырю принадлежали 210 дворов. По описи начала 1760-х гг., обитель владела селениями в Московском уезде: Бисеровым, Вешняковым, Карачаровым, Печатниковым, а также землями в Звенигородском, Рузском, Дмитровском и других уездах. Все эти владения обитель потеряла в результате известной секуляризации 1764 г. Спасо-Андроников монастырь был причислен ко 2-му классу, числился как необщежительный, и ему выделялось в год 1312 руб.

В XVIII в. были отремонтированы стены, при надвратном храме сооружена ризничная палата. Настоятелем монастыря в 1788–1802 гг. был известный церковный иерарх епископ Сильвестр (Страгородский), бывший до своего назначения в разные годы ректором Александро-Невской духовной семинарии, членом Московской синодальной конторы, управляющим Воскресенским Новоиерусалимским монастырем. При этом настоятеле в обители над Святыми воротами в 1796–1803 гг. по проекту архитектора Р. Р. Казакова (однофамильца и ученика знаменитого зодчего М. Ф. Казакова, автора проектов московских храмов 1780-х — середины 1790-х гг.: Влахернского в Кузьминках, Мартина Исповедника и Варвары Мученицы на Варварке) была выстроена грандиозная многоярусная колокольня с храмом свт. Симеона, сродника Господня во 2-м ярусе.

В конце XVIII в. в обители жил на покое епископ Устюжский и Тотемский Пахомий, оставивший по завещанию значительные средства на нужды Андроникова монастыря и отливку большого колокола.

Самым большим испытанием для монастыря в XIX в. был пожар 1812 г. Перед вступлением французов в Москву 31 августа в Юрьев-Польский Владимирской губ. успели отправить часть «лучших вещей» из ризницы. По возвращении архимандрит Феофан направил церковным властям отчет об утратах и повреждении зданий обители: «1. В соборном монастырском храме... по ограблении онаго, зажжен иконостас и прочее; от чего своды с главою упали внутрь храма; но мощи преподобных Андроника и Саввы остались. 2. Великолепная колокольня зажжена сверху; отчего два большие колокола упали на свод, но свода не проломили и сами остались целыми. 3. В оной колокольне прекраснейший и всего монастыря богатейший храм разграблен, но иконостас и образа, из мест своих выброшенные и лишенные своих богатых украшений, с некоторым повреждением остались целыми. 4. Настоятельские келии с имуществом настоятельским, мебелью, посудою фаянсовою и хрустальною, равно кухня с медною и оловянною посудою расхищены и сожжены начисто. 5. Архив монастырских дел при оных келиях, в особенном отделении находившийся со всеми своими бумагами сгорел начисто».

Сгорела также конюшня с каретами, телегами, возками и санями, ограблена была и ризница, где хранились невывезенные ценности. Из всего ансамбля обители частично уцелели храм Архангела Михаила и Богородице-Рождественская церковь.

Восстановление сгоревшего и порушенного продолжалось долго и во многом на средства Лопухиных и других частных жертвователей. Заново были отлиты большой и полиелейный колокола.

В 1817 г. было закончено строительство каменного монастырского двухэтажного корпуса Спасо-Андрониковского духовного училища. В новое училище перевели учащихся Заиконоспасского духовного училища, а также набрали новых учеников. В училище было 2 отделения — низшее и высшее. В низшем изучали Закон Божий, церковный Устав, нотное пение, арифметику, российскую и славянскую грамматику, латинский и греческий языки. В высшем отделении преподавались Закон Божий, Священная, всеобщая и российская история, арифметика, география, греческий и латинский языки и другие предметы. Всего в духовном училище обучалось в 1818 г. более 150 чел., а в 1860-е гг. более 50. Часть учеников проживала на территории монастыря.

В 1826 г. в обители на средства надворного советника Николая Яковлевича Федорова «в память его родителей и родственников, погребенных в Андрониковe монастыре... под Архангельской церковию в нижнем этаже близ братской трапезы» была открыта больница для монашествующих.

В начале XIX в. статус монастыря был сравнительно невысок. Андроников монастырь был поставлен после 25 первоклассных мужских и женских монастырей (кроме лавр и ставропигиальных монастырей) и после 11 монастырей Киевской и Новгородской епархий первым второклассным московским монастырем.

При настоятелях архимандритах Гаврииле и Платоне в конце 1840-х — начале 1850-х гг. к собору были пристроены 2 придела: Успенский и прп. Андроника, и старинный храм изменил свой облик. Сами настоятели были погребены в этих приделах.

В 1874 г. на территории обители на монастырском кладбище над могилой семьи Молчановых возвели небольшой храм-усыпальницу во имя св. Евграфа Мученика.

Двое из архимандритов монастыря XIX в. были известными церковными историками. Архимандрит Сергий (Спасский), настоятельствовавший в обители в 1880–1882 гг., написал в 1865 г. книгу «Историческое описание Московского Спасо-Андронникова монастыря». Труд этот до сих пор не потерял своего научного значения, а автор в конце жизни стал архиепископом Владимирским. Архимандрит Григорий (Воинов) был в разные годы настоятелем московских Златоустовского, а затем Высоко-Петровского монастырей, и о каждом из них он написал книги. В 1882–1884 гг. он управлял Андрониковой обителью, после чего опубликовал вышедшие отдельными книгами работы: «Список настоятелей Московского Спасо-Андроникова монастыря...» и «Часовня Московского Спасо-Андроникова монастыря...».

Особо следует сказать о монастырском некрополе, состоявшем из отдельных захоронений и из родовых усыпальниц при храмах обители: Спасском соборе, храме св. Михаила архангела (подробнее см. в очерках, посвященных этим храмам). В усыпальнице в Спасском соборе были погребены первые настоятели монастыря, его архимандриты XVIII в., а также представители фамилий Замятиных, Загряжских и др. Богатейшая усыпальница находилась в подклете храма св. Михаила архангела, там было семейное захоронение XVII–XIX вв. устроителей этой церкви Лопухиных и их родственников: Заборовских, Мусиных-Пушкиных, Голохвастовых, Головиных. В описаниях монастыря конца XVIII в. приводятся сведения о 60 надгробных памятниках, а во второй половине XIX в. — о 1000 с лишним надгробий. Древнейшие захоронения, близкие ко времени основания монастыря, не существовали уже в дореволюционный период. Известный знаток московских кладбищ А. Т. Саладин, отмечая в начале XX в. в целом не очень хорошую сохранность старого монастырского кладбища, писал о «затерянных могилах» выдающихся людей, имея ввиду, в первую очередь, утраченные захоронения прп. Андрея Рублева и основателя русского театра Ф. Г. Волкова (†1863). Среди сохранявшихся до революции надгробных памятников, преимущественно XVIII–XIX вв., было немало ценных в художественном отношении надгробий, работы известных мастеров, в том числе И. П. Витали. (Подробнее о монастырском некрополе мы скажем ниже).

В 1895 г. в монастыре отпраздновали 500-летие со дня блаженной кончины основателя обители прп. Андроника. Был совершен торжественный крестный ход, над святым колодцем за монастырской оградой в северо-западной стороне освятили новую часовню. Управляющим обителью в 1910 г. был назначен известный русский миссионер, епископ Владимир (Соколовский), до этого 10 лет трудившийся в составе православных духовных миссий в Японии и Корее, 6 лет

возглавлявший епископскую кафедру в Америке, около 20 лет служивший последовательно правящим епископом в Воронеже, Оренбурге, Екатеринбурге. Новый настоятель организовал в древней обители превосходный хор певчих, часто участвовал в особо торжественных богослужениях в разных храмах и монастырях Москвы.

Перед революцией в обители подвизалось 19 монашествующих.

ИСТОРИЯ ПОСЛЕ 1917 г.

Вскоре после октября 1917 г. на Андрониковскую обитель обрушились невиданные бедствия. Первые притеснения, частичные изъятия церковного имущества, угрозы выселения монахов относятся уже к 1918 г. По распоряжению Рогожско-Симоновского райсовета из монастыря изъяли большое число предметов мебели, посуды, хозяйственного инвентаря. Судя по сохранившимся описям, на монастырском дворе находилось 47 колоколов, эвакуированных во время Первой мировой войны, в 1915 г., из храмов Виленской губ. Как и в других московских монастырях, в Андрониковой обители монахи и проживавшие в окрестностях православные создали в конце 1918 г. «Приход Спасо-Андроникова монастыря», пожелав взять по договору с Моссоветом для богослужебных нужд храмы: Спасский, архангела Михаила, Симеона Сродника с ризницей, часовни при монастыре и на ул. Вороньей. Известно, что ключи от храмов и ризницы находились у члена приходского совета Анны Григорьевны Зыбиной.

В 1919 г. на значительной части монастырской территории власти устроили концентрационный лагерь для содержания белогвардейцев и политически опасных москвичей. Тем не менее, Музейному отделу Наркомпроса РСФСР удалось взять на учет и охрану древние монастырские храмы и ризницу с ценной церковной утварью историко-художественного значения. Каждый храм в 1919–1920 гг. обследовала специальная комиссия, в которую входили известные искусствоведы и реставраторы, составившие подробные описи имущества.

О жизни прихода в 1920-е гг. нам известно из сохранившихся документов общины, выпускавшей свои рукописные журналы «Андрониковский сборник» и «Экзандр», и даже разрабатывавшей планы создания в обители музея. В начале 1920-х гг. епископ Владимир был выселен с территории монастыря, настоятелем собора стал священник Сергий Дубровин (впоследствии архимандрит Андроник).

Первое масштабное ограбление, совершенное безбожным государством, произошло уже в марте 1922 г., когда из храмов и ризницы обители было изъято и перевезено в ГОХРАН около 29 пудов золотых и серебряных церковных предметов, упакованных в 10 ящиков.

В 1922 г., вскоре после окончания Гражданской войны лагерь-тюрьму в монастыре постепенно ликвидировали. Музей, подобный открытым в бывших Новодевичьем и Симоновом монастырях, открыть не удалось, а постройки Андроникова монастыря власти отдали под рабочий поселок им. М. И. Калинина. Во все жилые и хозяйственные помещения заселили семьи рабочих находящегося неподалеку завода «Серп и Молот» (бывш. Гужона). Это создавало реальную

угрозу сохранности старинных зданий, памятников кладбища. К середине 1920-х гг. из храмов стали изгонять религиозную общину, а собор, трапезную церковь и надвратный храм предназначили под архивохранилища Центрархива, а после его отказа от пользования ими передали военным.

Уже в первую половину 1920-х гг. усилиями сотрудников Музейного отдела Наркомпроса и ЦГРМ церковное имущество стали перевозить в хранилища Музейного фонда и в филиал ГИМ в Новодевичьем монастыре. Сохранился подписанный представителем Главнауки Силиным, заведующей филиалом музея «Новодевичий монастырь» Е. С. Крапоткиной, реставратором П. Д. Барановским акт от 11 октября 1922 г. об изъятии из храмов Спасо-Андроникова монастыря церковных предметов историко-художественного значения. В документе указаны 34 иконы XVII–XVIII вв., церковное шитье XVII в. с изображениями свв. Андроника и Саввы, а также св. Михаила архангела, 10 Евангелий конца XVII — начала XIX в. в различных окладах, 15 предметов церковной утвари (потиры, лампады, кадильницы, чаши, около 20 предметов церковных тканей (почти все XIX в.)), портрет Лопухина. Все это было перевезено в музей Новодевичьего монастыря. Туда же попали описи Спасо-Андроникова монастыря: недатированная, 1859 г., 1910 г., а также ценная часть монастырского архива (27 единиц), включавшая планы территории, графические изображения фасадов и разрезов всех храмов, часовни, раки, сени над мощами и др.

Если храмы и другие строения бывшего монастыря хоть как-то в 1920-е гг. охранялись и использовались, то брошенный властями на произвол судьбы монастырский некрополь нещадно расхищался и уничтожался новыми жителями. Специалисты: реставраторы, краеведы, музейные сотрудники, предпринимали попытки защитить и сохранить ценные надгробные памятники. Проводились осмотры кладбища, составлялись документы с оценкой его плохого состояния, а также списки памятников, подлежащих охране. Не только реставраторы ЦГРМ и члены «Старой Москвы» били тревогу и предлагали конкретные меры к сохранению уникальных памятников, в 1922–1925 гг. руководство Музейного отдела Наркомпроса направляло соответствующие письма местным (Рогожский р-н) и городским властям с указанием на необходимость всемерной охраны «лучших образцов скульптурного искусства…», имеющихся на Спасо-Андрониковском кладбище. Однако уникальный некрополь безжалостно разрушался жильцами, заполнившими здания бывшей обители — разрушался бесцельно (памятники просто ломали, разбивали) или же с выгодой: надгробия продавали как строительный и облицовочный материал, как отмечалось в документах, по разрешению Москоммунхоза. Причем вандализму подвергались не только сами надгробия, но и сени, ограды и т. д. Лишь малая доля художественно-ценных надгробий была вывезена в музей в бывшем Донском монастыре. В целом же некрополь бывшего Спасо-Андроникова монастыря был практически полностью утрачен.

Не только некрополь, но и почти все постройки монастыря в конце 1920-х гг. интенсивно разрушались. В 1928 г. были ликвидированы иконостасы в соборе

и Симеоновской церкви в колокольне, а Михаилоархангельский трапезный храм приспосабливался под жилье школы спецслужб ВВС РККА.

В конце 1929 — в 1930 г. по ходатайству рабочих завода «Серп и Молот», несмотря на протесты реставраторов, снесли высокую колокольню. Была разобрана и небольшая Богородице-Рождественская надвратная церковь. В марте 1933 г. П. Д. Барановский докладывал на заседании архитектурно-реставрационного отделения ЦГРМ о ходе разборки стен и башен монастырской ограды. Профессор А. И. Некрасов, осмотревший постройки бывшей обители в 1933 г., с безнадежностью писал: «Все стены, башни, жилые дома и частью храмы монастыря находятся в ужасающем состоянии и, в общем, вряд ли могут быть поддержаны и реставрированы, т. к. требуют громадных расходов, но и после них вряд ли могут быть употреблены в дело». Таким образом, за 1,5 десятилетия нещадной эксплуатации древней некогда процветавшей обители ее памятники были приведены в полуруинированное состояние.

Но монастырь, полностью потеряв некрополь, часть храмов и колокольню, все же сохранил свое историческое ядро, пережил тяжелые военные годы.

Ситуация кардинальным образом изменилась в год празднования 800-летия Москвы. 11 февраля 1947 г. П. Д. Барановский, работавший тогда начальником Отдела реставрации Главного управления охраны памятников в Комитете по делам архитектуры, на научном заседании в Институте истории искусств АН СССР объявил о находке надписи с надгробия Андрея Рублева. Присутствовавшие на заседании ученые и реставраторы-практики единодушно приняли постановление с ходатайством к Академии Наук: «объявить Андроников монастырь историческим и архитектурно-художественным заповедником-музеем им. Андрея Рублева... поставить вопрос об организации в Андрониковом монастыре музея Андрея Рублева как филиала Государственной Третьяковской галереи...». Уже 10 декабря 1947 г. постановлением Совета Министров СССР территория монастыря объявлялась заповедником, в соборе создавался Музей им. Андрея Рублева, а в трапезной палате — реставрационная мастерская. Постановление подписал сам И. В. Сталин. Сегодня часть исследователей считает, что надгробной плиты Андрея Рублева не было, и что П. Д. Барановский ради спасения комплекса монастыря прибег тогда, в 1947 г., к «благонамеренной» мистификации. Во всяком случае, тогда началось выселение с территории бывшей обители подразделений различных организаций: Министерства Вооруженных Сил СССР, Главнефтегазстроя, Осоавиахима и других, а также восстановление и реставрация полуразрушенных храмов и стен монастыря. В основанной в 1947 г. в монастыре Проектной мастерской по реставрации памятников работали известные реставраторы: Л. А. Давид, Б. Л. Альтшуллер, С. С. Подъяпольский, М. Д. Циперович. Во многом благодаря им в 1959–1961 гг. был отреставрирован Спасский собор. Также в 1950-е гг. отреставрировали трапезную церковь св. Михаила архангела (проект реставрации составили П. Д. Барановский и Г. Ф. Сенатов). Тогда же под руководством этих специалистов провели реставрацию и частичное воссоздание стен и башен монастырской ограды, а архитектор В. Н. Меркелова реконструировала Святые врата, а также вернула

настоятельским палатам их первоначальный вид. К сожалению, при реставрации архитектурного комплекса были снесены некоторые поздние постройки XIX в., в том числе храм св. мч. Евграфа, утрачен ряд исторических могил.

Созданный в 1947 г. Постановлением Совета Министров СССР Музей долгое время ютился в небольшом помещении собора и имел лишь 3-х научных сотрудников: основателя и директора Д. И. Арсенишвили, Н. А. Демину и И. А. Васильеву (Иванову). Первым двум в 2001 г. на стене настоятельского корпуса установлены 2 мемориальные бронзовые доски. Там же установлена и памятная доска П. Д. Барановскому, столь много сделавшему для спасения и реставрации памятников монастыря.

27 мая 1987 г. по Постановлению Совета Министров СССР Музей преобразовали в Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева. Новым высоким статусом Музей во многом был обязан тогдашним его руководителям — директору С. В. Вашлаевой и ее заместителю по научной работе О. Е. Павловской. Именно благодаря последней была составлена широко обсуждаемая в начале 1990-х гг., но так и не воплощенная в жизнь идея преобразования Музея в совместный государственно-церковный музей. Коллектив Музея был, пожалуй, первым из советских музейных коллективов, выступившим за передачу православных святынь РПЦ, и инициатором возобновления в 1989 г. богослужений в Спасском соборе.

В 2010 г. приход собора и Музей торжественно отметили 650-летний юбилей прп. Андрея Рублева. Тогда же недалеко от входа в собор была открыта памятная плита, посвященная этой дате. Сотрудники музея: архитекторы, археологи, историки, искусствоведы, много сделали для изучения истории Андроникова монастыря и его памятников. В 2013 г. заведующей отделом Музея Т. В. Барсегян (Куксинской) был составлен и издан фундаментальный труд «Московский Спасо-Андроников монастырь», где обобщена история обители и ее наследия с древнейших времен и до сегодняшнего дня.

У северной стены устроена своеобразная экспозиция из отдельных надгробий XVII — начала XIX в.

В 2010-х гг. РПЦ и общественностью стал подниматься вопрос о возвращении Андроникова монастыря Московской Патриархии, и сегодня Андрониковская обитель — одна из двух уцелевших в Москве и Подмосковье, где отсутствует монашеская жизнь.

На основе Спасского прихода было создано «Подворье Патриарха Московского и всея Руси храмов Андроникова монастыря города Москвы». Предлагается также восстановить исторический некрополь на территории обители, в том числе перенести на него надгробия, хранящиеся в Государственном музее архитектуры им. А. В. Щусева. В православной общине подворья возрождено старинное знаменное пение, развивается иконописание, издательская деятельность.

В 1995 г. общине возвратили историческую часовню «Прощу», ей принадлежит построенный в 2000–2015 гг. (архитектор А. В. Климочкин) храм во имя св. блгв. князя Димитрия Донского. Храм этот сооружен у стен обители, на месте, где до 1920-х гг. существовал небольшой участок монастырского кладбища.

Его воссозданием, а также работой по возвращению бывшей обители РПЦ ряд лет активно занимается общественный деятель С. С. Карнаухов.

4 июня 2007 г. в праздник Троицы состоялась церемония открытия закладного камня мемориала всем погребенным на монастырском кладбище за 660 лет существования обители.

Спаса Нерукотворного образа собор

Временем сооружения древнейшего сохранившегося до настоящего времени белокаменного московского храма большинство ученых считают период между 1410–1427 гг. В результате археологических исследований 1989, 1993, 2000 гг. обнаружены остатки древнейшего некрополя и первого деревянного монастырского собора, на месте которого находится собор современный. Первоначальную историю и архитектуру Спасского собора изучали многие известные исследователи XIX–XX вв.: архиепископ Сергий (Спасский), П. Н. Максимов, Б. А. Огнев, Н. Н. Воронин, В. Г. Брюсова, Б. Л. Альтшуллер, Л. А. Давид, С. С. Подъяпольский, Г. К. Вагнер и др.

Собор был построен при игумене Александре. Материалом для постройки служил белый камень, добываемый поблизости. Фундаментально отреставрированный в середине XX в. собор представляет прекрасный образец раннемосковского зодчества. Одноглавый стройный храм стоит на высоком белокаменном подклете и имеет 3 обрамленных порталами входа: с запада, севера и юга. Стены собора прорезаны узкими щелевидными окнами, а фасады членятся пилястрами. Верх здания завершен закомарами и двумя рядами кокошников, над которыми возвышается увенчанный небольшим крестом византийской формы купол. Конструкция собора — крестовокупольная, 4 столпа делят внутреннее пространство на 3 нефа. Схематичное изображение собора можно увидеть в лицевых миниатюрах Жития прп. Сергия Радонежского.

Сооруженный в первой трети XV в. собор был расписан выдающимся иконописцем Андреем Рублевым. От его росписи остались лишь незначительные фрагменты растительного орнамента на откосах двух алтарных окон храма. Известный искусствовед Г. К. Вагнер писал: «...Спасский собор — единственное здание Москвы, сохранившее следы прикосновения гения Рублева (произведения его кисти есть и в Благовещенском соборе Кремля, но они перенесены в него много позднее, при перестройке, когда от старого здания остался один подклет). В этом отношении Спасский собор столь же ценен для истории русского искусства, как звенигородские соборы и Троицкий собор Троице-Сергиева монастыря». Г. К. Вагнер даже предположил, что «...Рублев выступил в амплуа проектировщика собора, зодчего. Он мог давать художественные советы, мог даже сделать графический набросок здания».

В соборе находились святые мощи первых игуменов обители: прпп. Андроника (†1395) и Саввы († между 1410 и 1420). В храме пребывала вплоть до 1918 г. главная святыня обители — образ Спаса Нерукотворного. Полагают,

что первоначально икона находилась в алтаре, а позднее, видимо, с конца XVII в., — в иконостасе храма, и была украшена окладом с драгоценными камнями. В первые годы советской власти главный образ обители оказался в музее в Новодевичьем монастыре. Его там в 1999 г. обнаружила и идентифицировала научный сотрудник Музея имени Андрея Рублева Н. Н. Чугреева.

За свою многовековую историю Спасский собор пережил множество событий, не раз горел и перестраивался. Уже в XV в. с западной стороны к церковному зданию пристраивают притвор с 2-мя главами.

Первоначальный иконостас был, по всей видимости, невысоким, из резного белого камня. Позже, в XVI–XVII вв., появились уже высокие деревянные алтарные преграды. После сильного пожара 1748 г. позакомарную кровлю заменили на новую. В 1760–1770-х гг. собор расширили, его узкие окна растесали. Во время пожара 1812 г. в храме рухнул верх. В течение 7 лет собор восстанавливался преимущественно на средства графини Анны Алексеевны Орловой-Чесменской. Заново было сделано завершение храма, сооружены иконостас и сени над престолом и ракой со святыми мощами Андроника и Саввы. Освящение возобновленного собора в 1820 г. совершил митрополит Московский Серафим (Глаголевский). В соборе находилось семейное захоронение родственников жертвовательницы А. А. Орловой-Чесменской: её деда — капитана лейб-гвардии Преображенского полка Николая Александровича Лопухина (†1768), бабки, а также матери — Евдокии Николаевны Орловой-Чесменской, урожд. Лопухиной (†1786).

В 1837 г. живописец А. А. Жуков расписал интерьер и фасад собора. Свой древний облик Спасский собор окончательно потерял при капитальной перестройке в 1848–1850-х гг., проведенной под руководством архитектора Г. Ф. Герасимова. Широкий барабан увенчали высоким шатром с маленькой главкой. Боковые паперти собора расширили и сделали приделы: левый — во имя прп. Андроника, правый — в честь Успения Божией Матери; его освятил 15 октября 1850 г. митрополит Московский Филарет (Дроздов). Что касается Андроникова придела, то, по сведениям, сообщаемым архиепископом Сергием в 1865 г. в его книге о монастыре, он еще не был освящен. Архиепископ Сергий в книге упоминает и имена погребенных в соборе архимандритов монастыря: Иосифа (†1726), Гермогена (†1845), Ионы (†1761), Гавриила (†1847), Платона (†1863), а также пребывавшего на покое в монастыре епископа бывшего Великоустюжского Пахомия (†1789), известного московского благотворителя Д. П. Горихвостова (†1846; основал в 1831 г. заведение для воспитания сирот, девиц духовного звания, для призрения вдов того же звания; на его средства был построен корпус в Московской градской больнице).

Некоторые из вышеназванных лиц первоначально были погребены у стен собора, а затем, после обстройки его, их могилы оказались в новопостроенных приделах. Самые же древние захоронения в соборе принадлежали известному роду Загряжских и Замятиных. Сохранились белокаменные плиты с вырезанными надписями над могилами думных дворян В. Ф. Замятина (†1515) и Ф. Ф. Замятина (†1518), а также Д. Д. Загряжского (†1518), Г. Ю. Загряжского (†1562) и еще 4-х членов этого рода.

На протяжении XVIII — начала XX в. внутренний вид собора, как и иконостасов, неоднократно менялся. Декор главного иконостаса в угоду господствующим стилям становился все более пышным и богатым. В 1794 г. он был четырехъярусным. После пожара 1812 г. его заменили новым, также четырехъярусным, а в 1867 г. устроили пятиярусный резной иконостас. Роспись находящихся в нем икон (по дореволюционным описям) дает в своей книге о монастыре Т. В. Барсегян. Из описания собора конца XIX в. узнаем, что «С северной стороны в арке Спасского собора помещена новая деревянная рака, покрытая золоченым серебром, коего веса 5 пуд. 11 фунтов, с чеканными украшениями. Внутри раки находится кипарисный малый ковчег с мощами Андроника и Саввы. Над ракой бронзовая вызолоченная сень. Работал Полтавцев».

В составленных в 1918–1922 гг. описях церковного имущества и актах осмотра предстает еще неразоренный собор со своими святынями. В главном Спасском приделе находился пятиярусный иконостас с 31-й иконой. Музейные работники выделяли в нем главную святыню: икону Нерукотворного образа Спаса XIV в. с предстоящими, украшенную серебряной с бриллиантами ризой, а также старинные XVII–XVIII вв., одетые в серебряные ризы иконы Божией Матери: Знамения, Казанскую, Боголюбскую, Владимирскую, Успенскую, и образ свт. Алексия Митрополита. О главной иконе собора в описи сказано: «Храмовая икона Спаса Нерукотворенного, по преданию писана Андреем Рублевым, переписана Симоном Ушаковым, в серебряной вызолоченной ризе, украшенной бриллиантами». На учет Комиссии по охране памятников искусства и старины были поставлены серебряная дарохранительница, напрестольный с эмалью крест и др. В приделах собора находилось также много старинных икон — в приделе Андроника и Саввы иконы XVII в.: украшенная серебряной ризой с множеством бриллиантов Тихвинская Божией Матери, а также свт. Николая Чудотворца, свв. апп. Петра и Павла, шитый образ прпп. Андроника и Саввы. В Успенском приделе хранились напрестольное Евангелие 1698 г. и старинная серебряная дарохранительница чеканной работы, ковчег со 110-ю частицами святых мощей, старинные иконы.

Первоначально организация и деятельность концлагеря на территории обители напрямую не коснулись сохранности собора. Здание его было опечатано и взято под охрану Музейным отделом Наркомпроса, некоторые предметы историко-художественного значения в первые послереволюционные годы были вывезены в центральные музеи. Масштабное разорение собора, как и других храмов обители, началось в 1922 г., когда в ходе кампании по изъятию церковных ценностей были содраны серебряные ризы почти со всех икон, увезены большая часть серебряной утвари и серебро (7 пудов!), украшавшее раку свв. Андроника и Саввы. В акте изъятия есть описание раки и святых мощей, которые вскоре бесследно исчезли. Тем не менее, и ограбленный собор музейные работники высоко оценивали и старались сохранить.

Осматривавший его С. А. Торопов в конце 1922 г. отмечал, что «...соборный храм монастыря, представляющий древнее в основе здание (1420–1427 гг.)», сильно искажен перестройками 1813, 1840–1850 гг., однако как памятник, по

первоначальной своей архитектуре близкий к известным древнерусским храмам, должен быть использован с осторожностью и под наблюдением специалистов, и в связи с этим писал: «По стилю эпохи в нем следует искать аналог Звенигородскому или Троицкому в Лавре собору — но никаких характерных деталей в нем не сохранилось, исключая ядра стен центрального куба. По летописным сведениям, в нем должны находиться фрески работы А. Рублева, расписавшего его в 1428 г. совместно с Даниилом Черным, его учителем. Исследования стен будут сделаны в самом ближайшем времени. При приспособлениях необходимо ввиду крайнего интереса основания стен собора — уведомлять Музейный отдел Главнауки для того, чтобы представители его могли следить за производственными переделками на случай обнаружения весьма ценных для русской архитектуры археологических научных данных».

После вывода концлагеря и заселения зданий обители рабочими наиболее ценные иконы и утварь были вывезены из собора в Новодевичий монастырь, ставший филиалом Исторического музея. В 1924 г. здание Спасского собора власти передали Центрархиву с условием, что он будет использовать под архивохранилище только соборную галерею, паперти и приделы. Центрархив обязался сохранять главный иконостас. В середине — второй половине 1920-х гг. реставраторы произвели пробное обследование стен собора, но древних росписей иконописца Андрея Рублева не нашли.

В начале 1930-х гг. состояние собора и других памятников монастыря было весьма плачевным. Обследовавшие памятник реставраторы и искусствоведы продолжали защищать от сноса хотя бы древнюю часть собора. А. И. Некрасов писал в «заключении», составленном в 1933 г., что собор, «...как единственную постройку Москвы начала XV в., сохранившую интересную конструкцию, желательно сохранить от разрушения в его древней части, обязав учреждения, получающие б[ывшую] трапезную для разборки — разобрать пристроенные к зданию б[ывшего] собора безобразящие его пристройки XIX в. и привести собор в гражданский вид путем сломки новой главы сер. XIX в.». Чтобы как-то спасти этот древнейший памятник, А. И. Некрасов и другие реставраторы допускали использование здания собора «в культурно-просветительских целях». Однако в условиях разгула вандализма по отношению к памятникам старины А. И. Некрасов просчитывал и худший сценарий: «В случае невозможности предотвращения разборки данного памятника, ЦГРМ должны провести самую тщательную его фиксацию с выявлением древней настенной обработки и форм покрытия, с немедленным изданием материала в особой специальной статье».

К счастью, худшего не произошло, а после Великой Отечественной войны отношение к памятникам церковного зодчества стало меняться в лучшую сторону. В связи с решением 1947 г. об организации на территории бывшего монастыря историко-архитектурного заповедника 17 февраля 1948 г. последовало Постановление Президиума Моссовета о выводе из собора архива Главного управления военных трибуналов Вооруженных сил СССР. На повестку дня встал вопрос о реставрации уцелевших памятников. Заметим, что уже существовал проект реставрации собора, он был составлен еще в 1933 г. по поручению ЦГРМ

архитектором П. Н. Максимовым (проект опубликовали в 1947 г.). Позже над проектом также работали П. Д. Барановский и Г. Ф. Сенатов. В 1959–1961 гг. собору в результате реставрационных работ был возвращен предполагаемый первоначальный вид. При этом были снесены более поздние пристройки приделов, заменена глава церковного здания. Реставрационные работы, как уже упоминалось, были исполнены бригадой архитекторов (Б. Л. Альтшуллер, С. С. Подъяпольский, М. Д. Циперович) под руководством Л. А. Давида. Именно в Спасском соборе первое время и располагался Музей имени Андрея Рублева.

Возрождение духовной жизни в соборе началось вскоре после причисления к лику святых иконописца Андрея Рублева. Первые Всенощное бдение и Божественная литургия в соборе состоялись 16–17 июля 1989 г. С 1990 г. богослужения стали проводиться регулярно. Настоятелем храма был назначен иконописец протоиерей Вячеслав Михайлович Савиных. В приходе была открыта иконописная мастерская, где в древнерусской традиции были написаны связанные с обителью иконы: прпп. Сергия Радонежского, Андроника и Саввы, Андрея Рублева, а также свт. митрополита Московского Алексия. В общине восстановлена традиция древнерусского знаменного пения. При храме издается продолжающийся сборник статей «Хоругвь», где печатаются и труды по истории Андрониковской обители. В 1993 г. над входом в собор был написан образ Спаса Нерукотворного.

Тогда же во время ремонтных работ под полом собора обнаружили остатки древнего престола и 2 пары захоронений, от которых чудесным образом исходило благоухание. Специалисты датировали погребения концом XIV–XV в., и были высказаны предположения, что останки принадлежат первым 4-м настоятелям обители: прпп. Андронику, Савве, Александру и Ефрему. Раскоп в январе 1994 г. посетил Патриарх Алексий II. В начале 2003 г. поблизости от этого места было открыто еще одно захоронение с останками 2-х монахов. Опять же была высказана гипотеза о возможной принадлежности погребения свв. иконописцам Андрею Рублеву и Даниилу Черному. Но все это — только предположения. Все найденные останки переложены в новые ковчеги и помещены в алтаре собора. В соборе пребывает принадлежавшая монастырю старая (XIX в.) икона прпп. Андроника и Саввы, обретенная в 1996 г.

31 марта 2010 г. собор посетил Патриарх Кирилл. Ныне в нем установлен невысокий простой трехъярусный иконостас. Местные иконы «Нерукотворный образ Спасителя» и «Святая Троица» написаны настоятелем храма протоиереем Вячеславом Савиных, им же написан находящийся на северной стене образ игуменов обители — прпп. Александра и Ефрема.

Михаила архангела св. храм

при трапезной

К уникальной монастырской трапезной палате начала XVI в. в 1688–1694 гг. был пристроен каменный храм в честь св. архангела Михаила. Этот четырехъярусный высокий храм был сооружен на средства Евдокии Федоровны Лопухиной,

первой жены Петра I. Причем работы по возведению храма были предприняты, когда Евдокия Федоровна еще не была царицей. В Андрониковой обители к тому времени был погребен один из ее родственников — Иларион Дмитриевич Лопухин (†1671), а в 1691 г. здесь похоронили мать и дядей царицы. Так в подклете нового храма стал складываться некрополь Лопухиных. Однако в связи с опалой и ссылкой жертвовательницы, царицы Евдокии Федоровны, отделка храма затянулась, более того, верхний восьмерик был возведен только в 1738 г.

Здание храма было построено в формах московского (нарышкинского) барокко. Уникальность его заключалась в многоярусности: Михаилоархангельский храм имел 3 яруса четвериков и ярус восьмерика — все остальные «нарышкинские» церкви были двухэтажными. Декор храма был сдержанным. Углы четверика украшают колонны, а восьмерика — пилястры. Последний, построенный в 1730-е гг. ярус снаружи имеет большие полукруглые кокошники, украшенные раковинами, большие окна обрамляют наличники с разорванными фронтонами. Внутри трехэтажный объем делится на ряд церковных помещений со сводами, «палаток», переходов.

Храм св. Михаила архангела — весьма сложный по конструкции; он имеет 5 престолов, некоторые из которых переименовывались. В нижнем ярусе-усыпальнице в 1691 г. — начале XIX в. были погребены около 30 представителей рода Лопухиных. Среди них — отец царицы, «ближний болярин» Федор Аврамович Лопухин (†1713), родной племянник царицы, герой Семилетней войны генерал-аншеф Василий Аврамович Лопухин, павший в 1757 г. при Гросс-Егерсдорфе и др. Лопухины устроили в нижнем ярусе-усыпальнице храм в честь иконы Знамения Божией Матери, освященный в 1792 г.; во 2-м ярусе находился главный престол во имя св. Михаила архангела. В этот храм можно было попасть из трапезной палаты, где в 1838 г. на средства московского купца Александра Пищальникова был устроен придел во имя свт. Александра Команского. Попасть в этот придел можно было по двум высоким каменным лестницам, идущим по бокам центрального здания. До настоящего времени сохранилась только северная лестница. Наконец, 3-й и 4-й ярусы занимал придел во имя свт. Алексия митрополита Московского. Вход в него располагался над сводом трапезной. В большом Михаилоархангельском храме существовал и придел свв. апп. Петра и Павла, однако 27 июня 1819 г. он был переосвящен в честь Усекновения главы св. Иоанна Предтечи. По преданию, смена имени престола означала своеобразную месть Лопухиных Петру за его отношение к царице Евдокии Федоровне и ее близким. Иоанно-Предтеченский придел был устроен на средства генерала Александра Ивановича Остермана-Толстого.

Михаилоархангельский храм пострадал от пожара 1748 г., его ремонтировали в 1777–1780-х гг. В 1812 г. он, судя по донесению архимандрита Феофана, был разорен: «Зимняя Архангела Михаила церковь, в коей в бытность французов и доселе совершается служба, под оною Знаменская ограблена и повреждена, поелику в оной стояли лошади, однакож иконостас цел; над оными церковь Алексия Митрополита цела, но кровля над оными тремя церквами от пожара местами повреждена».

Как свидетельствовали современники, к концу XIX в. от первоначального интерьера храма уцелело немного. Правда, упоминаются старинные, большого размера иконы: Страстная Божией Матери (XV в.), Неопалимой Купины (XVI в.), а также исполненные в XVII в. царскими иконописцами храмовые иконы Архистратига Михаила и свт. Алексия. В 1885 г. их реставрировал художник Иван Сушкин. В иконостасе нижней Знаменской церкви отмечали вклад 1817 г. генеральши Елизаветы Федоровны Заборовской (урожд. Лопухиной) — украшенный серебряно-позлащенной ризой с драгоценными камнями образ Спаса Нерукотворного. Здесь же, в Знаменском храме, был в 1817 г. похоронен ее супруг Иван Александрович Заборовский — активный участник Семилетней и Русско-турецкой войн, ставший позже генерал-губернатором Ярославля и Костромы.

После революции 1917 г. и ликвидации монастыря Михаилоархангельский храм был взят на учет как памятник искусства и старины. Благодаря сохранившимся в архивах актам его осмотра в 1918–1919 гг. мы можем представить благоукрашение его многочисленных приделов. Осмотревшие храм известные знатоки церковного искусства М. И. Александровский, И. Я. Тюлин, Л. Ф. Вишневский взяли на учет и охрану Музейного отдела Наркомпроса РСФСР более 20 икон, предметов утвари, книг и надгробий. Так в нижней Знаменской церкви-усыпальнице специалисты включили в список охраняемых 5 богородичных икон конца XVII — начала XVIII в.: Толгскую в серебряной ризе с жемчугом, Смоленскую Владимирскую, Знаменскую и Тихвинскую, а также Спаса Нерукотворного. В алтаре храма хранились 4 посоха с эмалевыми ручками изящной работы. Под охрану были взяты также вырезанные в камне надписи о погребении преосвященного Пахомия (в алтаре), в главной части храма по стенам 12 надписей разных лиц, в северо-восточной усыпальнице 3 надписи (Лопухины, Мусины-Пушкины, Голохвастовы), в северо-западной 4 погребения (барона Боде и духовных лиц).

В среднем храме во имя св. Михаила архангела специалисты отметили 33 иконы, одетые преимущественно в серебряные ризы. В числе этих икон были старинные: Казанская Божией Матери, свт. Николая Чудотворца, св. Михаила архангела (храмовая), Неопалимой Купины. На учет были взяты находившиеся в алтаре придела свт. Александра Команского дарохранительница серебряная начала XIX в., в Предтечевском приделе дарохранительница серебряная 1820 г., украшенная финифтью, Владимирская икона Божией Матери и др. В верхней Алексеевской церкви проверяющие отметили напрестольное Евангелие XVII в., 5 минейных книг (все начала XVIII в.) и 2 тома церковной истории Барония. В 1919 г. верхний Алексеевский храм с иконостасами выгорел.

Осматривавший в конце 1922 г. храм реставратор С. А. Торопов записал в акте: «...осмотрен Лопухинский трехэтажный храм 1691–1694 гг. с усыпальницей Лопухиных в нижнем храме, где сохранились чудеснейшие мемориальные доски конца XVIII в., а также плиты, требующие или переноски в один из музеев, или сохранения на месте, с условием самого бережного обращения. Как само здание, весьма типичное для русского барокко, интересно по своим массам

и деталями архитектурной обработки, носящее признаки лапидарного стиля, хорошее по пропорциям, так и внутренность его интересна по своему плановому разрешению, но никакой декорировки стен, живописи или ценных в художественном отношении иконостасов в нем не имеется. Оно внутри много раз переделывалось, и оставшееся теперь внутри верхней церкви, как в средней, так и нижней — совершенно не ценно, исключая вышеупомянутых надгробных досок. Интересна палата примыкавшей к среднему храму трапезной по своим одностолповым разрешениям опоры сводов. На ее стенах также ничего не сохранилось... наружные массы храма так хороши, что всякая переделка, могущая обезобразить архитектуру храма, с крестом включительно — не может быть совершенно допущена, все же второстепенные переделки при приспособлениях под жилье или нежилое помещение — должны быть производимы лишь с ведения Главмузея Главнауки, с разрешения особой каждый раз комиссии».

Уже в конце 1923 г. власти передали трапезную с Михаилоархангельской церковью Центрархиву с условием сохранения последним главного иконостаса, установления стеллажей для архивных дел без примыкания к внутренним стенам храма, ремонта крыши храма и сохранения в усыпальнице древних надгробий. Однако с выполнением своих обязательств Центрархив не справился. 19 сентября 1924 г. руководство Главнауки писало в Комиссию по разгрузке Москвы: «...Центрархив не только не приступил к необходимому ремонту, но даже не принял никаких мер охраны, оставивши ключи в распоряжение коменданта поселка, в результате чего произведены новые разрушения деревянных полов, сняты и разбиты старинные художественные мемориальные доски». Разгром в храме подтвердили осмотревшие его в январе 1925 г. известные реставраторы И. Э. Грабарь, В. А. Мамуровский и Н. Г. Машковцев: «...бывшая трапезная, переданная весной 1923 г. в пользование Центрархиву, оказалась в полуразрушенном состоянии, с выбитыми в окнах стеклами, уничтоженными или поврежденными надгробиями, вделанными в стены, а во втором этаже с частично выломанными полами: нижний этаж бывшей трапезной оказался отпертым, дверь же в верхние этажи запертой на замок; внизу на площадке лестницы здесь обнаружены две каменные статуи, снятые с надгробий кладбища... полы во втором этаже бывшей трапезной были уже сломаны до 15 августа 1924 г.».

В декабре 1925 г. трапезная была передана Школе спецслужб ВВС РККА для спорт-классов, а в конце 1928 г. военному ведомству был передан и 2-й этаж храма. ЦГРМ пытались еще контролировать состояние памятника, для чего 1 марта 1930 г. заключили договор с Управлением Начальника снабжения Московского военного округа об аренде последним 2-го этажа храма с условием производства ремонта памятника. Военное же ведомство использовало церковное здание под жилье, различные мастерские и гимнастический зал, но ничего не делало для его сохранения. ЦГРМ даже подали в суд на арендатора, и сохранилось датированное 17 февраля 1933 г. постановление Госарбитража при СНК РСФСР, в котором описано состояние церковного здания. Текст этого документа свидетельствует об отношении к памятнику в начале 1930-х гг.: «Факт крайне запущенного состояния, в которое приведено помещение 2-го этажа бывшей трапезной — не подлежит

сомнению и подтверждается имеющимися в деле актами. Достаточно указать, что на чердаке, куда имеют вход только жильцы 2-го этажа, стропила местами выпилены на дрова, в слуховых окнах нет рам, лестницы из чугунных и каменных ступеней — полуразрушены, деревянные полы испорчены рубкой дров, переплеты и двери требуют капитального ремонта и т. д. Крыша требует общего ремонта, местами в ней отсутствуют целые листы, вследствие чего необходимо перекрыть ее заново. Из-за неудовлетворительного состояния крыш, желобов и водосточных труб — облицовка местами обопрела. Во 2-м этаже проживает 24 семьи, более 100 чел. Помещение бывшей трапезной разделено невысокими (2 м) перегородками на ряд клетушек, без дневного света, с временными печами. Из-за недостаточного отопления — помещение отсырело, со сводов — капель. На все помещение 2-го этажа — одна уборная на 2 унитаза, вследствие чего чердак превращен в отхожее место...». Госарбитраж даже обязал арендатора — ВСУ МВО, уплатить ЦГРМ 10 тыс. руб. и освободить в двухдневный срок весь 2-й этаж.

Однако в начале 1930-х гг. — во время массового уничтожения памятников старины — некоторые специалисты стали идти на компромисс и отдавать под снос памятники; так случилось и с известным искусствоведом, специалистом в области древнерусской архитектуры и искусства, профессором А. И. Некрасовым. Осмотрев 2 августа 1933 г. постройки Андроникова монастыря и найдя их в «ужасающем состоянии», он, по сути, вынес смертный приговор памятнику: «Комплекс трапезного храма из разновременных построек большей частью XVII в. представляет “нарышкинский” стиль, известный по ряду первоклассных памятников отличной сохранности, а потому означенный комплекс в Андрониковом монастыре сохранению не подлежит. Имеющаяся в комплексе часть начала XVI в. представляет одно из ранних подражаний Грановитой палате, но ввиду наличия последней и др. подражаний (см. Симонов монастырь и др.) может также быть уничтожена...». А. И. Некрасов предложил перед сносом трапезной XVI в. обмерить и зафиксировать ее, а изразцы внешнего пояса передать в музей.

К счастью, это довольно странное и неожиданное предложение искусствоведа так и не было реализовано. Нещадная эксплуатация храма и трапезной хорошо отражены художником Н. Я. Тамонькиным в цветном рисунке 1948 г. частично разобранного, лишенного оконных переплетов здания.

Изменения в судьбе Михаилоархангельского собора, как и в целом памятников бывшего Спасо-Андроникова монастыря произошли после уже не единожды упомянутого нами Постановления Совета Министров СССР от 10 декабря 1947 г. о создании историко-архитектурного заповедника. Под наблюдением реставратора П. Д. Барановского в первой половине 1950-х гг. были проведены большие ремонтно-восстановительные работы; в помещениях храма и трапезной разместили подразделения «Союзреставрации», пребывавшие там вплоть до 1986 г. Потом памятник передали Музею им. Андрея Рублева, вновь отреставрировали, а в помещении трапезной и части церковного пространства, включая бывшие Знаменскую церковь и усыпальницу, разместили музейную экспозицию. Центральная часть церковного здания (2-й и 3-й этажи) переоборудована под лекционный зал. Бывший храм до сих пор не передан верующим.

Рождества Пресвятой Богородицы надвратный храм

над Святыми воротами

не сохранился

Точная дата и даже век появления в Андрониковом монастыре храма в честь Рождества Пресвятой Богородицы до сих пор неизвестны. А. И. Иванчин-Писарев писал, что церковь с таким именем появилась в обители сразу после Куликовской битвы 1380 г. Поздние авторы работ по истории монастыря (архиепископ Сергий) считали, что храм был сооружен в XVI в.

К середине XVIII в. храм обветшал. В фонде Московской духовной консистории в документе за 1747 г. указано: «Бьет челом Спаса Андроникова монастыря, что при Москве архимандрит Иона и о чем мое прошение тому следуют пункты: 1. В показанном нашем Андрониеве монастыре имеется на святых вратах церковь во имя Рождества Пресвятые Богородицы каменная, которая с алтарем весьма ветха, и служить в них невозможно. И дабы высочайшим Вашего Императорского величества указом повелено было вышеозначенную Рождественскую каменную церковь и с олтарем разобрать и вновь построить и о том дать указ...».

В 1756 г. новое здание было окончено постройкой, а храм был освящен 10 ноября 1757 г., при Рождественской церкви сделали «каменную ризничную палатку». В деле МАО о надвратном Рождественском храме есть сведения о его устройстве и состоянии на 1887 г.: «Церковь над святыми вратами Рождественская — квадратная, одноэтажная, но алтарь — вне святых врат, под ним кладовая... церковь в высоту 17 ½ саж., в длину 17 саж., в ширину 8 ¼ саж.... В Рождественской церкви есть на стенах лепные украшения вокруг картин. Кроме того, лепные ангелы, изображенные во весь рост, поддерживают 1 рукою картины по обеим сторонам, а в другой руке имеют райские ветви. Пол... лещадный... иконостас столярной работы, трехпоясной, нового устройства, без колонн. Позолота сплошная... в иконостасе иконы написаны вновь на прежних досках в 1864 году».

На первом этаже церковного здания находились келии эконома и сторожа. В храме было 5 окон.

Рождественский храм, по всей видимости, был закрыт для богослужений вскоре после октябрьского переворота 1917 г. Осмотревшие в конце 1922 г. Рождественскую церковь реставраторы С. А. Торопов, Н. Н. Померанцев и другие «...пришли к единогласному заключению, что храм как внутри, так и снаружи, нужно признать очень типичным для архитектуры эпохи Елисаветы. Интересна и внутренняя декорация стен с очень интересной лепкой. Все переделки, могущие изменить как внешний, так и внутренний Enterier, совершенно недопустимы». Несмотря на такую высокую оценку художественных достоинств Рождественского храма, вскоре он был разорен и, видимо, использован под жилье. Храм и Святые ворота были разобраны в 1930-е гг. В 1950-е гг. при реставрации монастырского ансамбля по проекту архитектора В. Н. Меркеловой Святые врата были восстановлены в формах XVII — начала XVIII в. В возведенном над вратами помещении разместили отдел учета Музея. В 2003 г. архитектором М. Н. Городовой был составлен проект воссоздания надвратной Богородицко-Рождественской церкви в стиле XVI–XVII вв. Однако до сих пор к восстановлению храма не приступили.

Симеона, сродника Господня св. ап. храм

в колокольне

не сохранился

Первая монастырская колокольня упоминается в Житии архиепископа Арсения, написанном до 1619 г. Первоначально низ колокольни был каменным, а верх деревянным. В конце XVII в. деревянный верх заменили шатровым каменным. Колокольня находилась у юго-западного угла собора, к концу XVIII в. она обветшала и была разобрана. Храма в старой колокольне не было. Полагают, что под ней находилось захоронение прп. Андрея Рублева.

Новая колокольня была построена при энергичном, просвещенном настоятеле епископе Сильвестре (Строгородском). За сооружение ее взялся живущий неподалеку в приходе храма свт. Алексия, митрополита Московского известный храмоздатель и благотворитель Семен Прокофьевич Васильев. Проект новой, очень высокой колокольни составил архитектор Р. Р. Казаков. По преданию, проектируемая колокольня Андроникова монастыря должна была превзойти высотою Ивана Великого, но узнавший об этом император Павел I приказал уменьшить ее на один ярус. Строительство колокольни начали 10 мая 1795 г., а 16 декабря 1796 г. на 87-м году жизни скончался жертвователь С. П. Васильев. Его похоронили в Спасо-Андрониковом монастыре. Сооружение огромной, в 73 м, четырехъярусной колокольни продолжал наследник С. П. Васильева Петр Яковлевич Пищальников. Она была построена в стиле барокко, здание украсили карнизами, наличниками, сдвоенными белокаменными колоннами. На верхнем ярусе были лепные изображения херувимов. В 1-м ярусе сделали Святые ворота, во 2-м П. Я. Пищальников устроил и благоукрасил храм во имя св. прав. Симеона Богоприимца — небесного ангела С. П. Васильева. Освящение этой церкви, украшенной деревянным резным иконостасом, росписью и лепниной, состоялось 15 октября 1803 г. На построение новой колокольни с храмом было израсходовано 300 тыс. руб. (сумма очень большая по тем временам).

На 3-м ярусе колокольни находилась собственно звонница. В 1799 г. на средства жившего на покое в монастыре епископа Великоустюжского Пахомия был отлит большой 915-пудовый колокол. Из других 8 колоколов выделялся полиелейный, весом в 740 пудов, отлитый в 1810 г., а также еще 2 колокола 1778 г., в 400 и 150 пудов. Симеоновский храм был разграблен в 1812 г., но его иконостас с иконами уцелел. В 1830 г. храм обновили на средства, завещанные купчихой Параскевой Ивановной Пищальниковой.

В 1907 г. в часовне под алтарем Симеоновской церкви был похоронен епископ Нафанаил (Соборов), бывший настоятелем монастыря с 1896 г.

К началу 1920-х гг. в храме в колокольне богослужения уже не совершались. Осмотревшие в конце 1922 г. храм музейные специалисты и реставраторы С. А. Торопов и Н. Н. Померанцев записали в акте, что колокольня и храм «…представляют ценнейшие памятники зодчества XVIII начала XIX в. Храм с иконостасом и декорировкой стен, хотя и обветшавших покраской, но несущих

на себе талантливейшую живопись и лепку — один из редких ансамблей, сохранившихся совершенно нетронутым, являясь как бы показательным музеем конца XVIII и раннего начала XIX в., заслуживает самого большого внимания». Но состояние монастырских памятников в 1920-е гг. быстро ухудшалось в связи с заселением монастырских зданий рабочими завода «Серп и Молот». Уже в 1924 г. окна в храме были выбиты, повсюду лежал голубиный помет, а художественно исполненные в начале XIX в. металлические ворота жильцы утащили на «Серп и Молот» для переплавки. В том же 1924 г. колокольню передали в ведение Центрархива, который обязался сохранять ее убранство. Тогда на учете Музейного отдела числились иконостас с иконами, паникадило, стенопись и фигурные чугунные плиты пола.

В конце 1920-х гг. стало ясно, что сохранить памятник не удастся. В январе 1928 г. руководство ЦГРМ предложило продать иконостас, на переплавку были увезены колокола, в том числе все XVIII — начала XIX в. В мае 1929 г. активисты завода «Серп и Молот» напечатали в газете «Вечерняя Москва» заметку с требованием сноса колокольни и сооружения из ее кирпича заводского клуба. Узнав об этом, реставраторы и музейные работники решительно выступили против, заявив, что колокольня является «выдающимся памятником искусства и старины». В августе 1929 г. они отмечали, что внутри Симеоновского храма «полный разгром». А в 1930 г. колокольню разобрали, и кирпичи, по-видимому, пошли на сооружение заводского клуба. Сегодня все корпуса завода на ш. Энтузиастов снесены, а полуразрушенное здание его клуба находится неподалеку от монастыря. На месте колокольни перед входом в монастырь — площадка. В земле, наверняка, сохранился фундамент и нижние части колокольни с усыпальницей.

Евграфа св. мч. храм-усыпальница

на монастырском кладбище

не сохранился

Последний по времени сооружения монастырский храм над могилой московского купца 1-й гильдии, чаеторговца, статского советника, известного храмоздателя Евграфа Владимировича Молчанова появился в обители в 1874 г. Род Молчановых славился традициями благотворительности. Сам Евграф Владимирович для рабочих своих ткацких фабрик построил больницу, а для их детей школу. На его пожертвования по проектам архитектора М. Д. Быковского выстроены храмы Троицы на Покровке (Е. В. Молчанов был там церковным старостой) и Знамения в Ховрине. Благотворительностью занимались его вдова Елизавета Иосифовна и один из сыновей, Анатолий. Родители Евграфа Владимировича были похоронены на семейном участке в Спасо-Андрониковом монастыре.

Сам Е. В. Молчанов умер и был похоронен на семейном участке в 1869 г. Хорошо знавший покойного архитектор М. Д. Быковский составил в 1870 г. проект храма-усыпальницы. Он был сооружен через 4 года и представлял собой небольшое 12-метровой высоты, двухъярусное сооружение, исполненное в византийском

стиле. В подклете помещалась усыпальница, во 2-м ярусе — храм, перекрытый широким куполом. Иконостас был деревянный, отделанный под мрамор.

В 1909 г. сын Е. В. Молчанова, известный театральный деятель Анатолий Евграфович, обновил храм. Работы производила «Художественно-живописная, иконописная и художественно-декоративная мастерская наследников П. П. Пашкова». Была возобновлена живопись стен и свода, отремонтирован иконостас, в который добавлена икона прп. Серафима Саровского и т. д. Был расписан и склеп, где установили новый иконостас, а стены частично облицевали майоликой. Считают, что в подклете-усыпальнице А. Е. Молчанов также хотел устроить придел. Известно, что работы еще велись в конце 1914 г., но, по-видимому, их окончанию помешала Первая мировая война и последующие события.

После октябрьского переворота 1917 г. храм уцелел и несмотря на полное разрушение монастырского некрополя в 1920–1930-е гг. потерял лишь маленькую главку с крестом.

Парадоксально, но в сносе в 1960 г. храма-усыпальницы виновны реставраторы и музейные сотрудники, посчитавшие, что поздняя церковная постройка искажает ансамбль старинного монастыря. В то время в бывшей обители проводились обширные восстановительные работы, шла подготовка к открытию Музея древнерусского искусства имени Андрея Рублева.

Сегодня на месте храма — лужайка. Есть возможность воссоздать его на сохранившемся, по всей вероятности, в земле подклете-склепе, где, также возможно, сохранились захоронения известного московского храмоздателя и мецената Е. В. Молчанова и членов его семьи.

Некрополь

не сохранился

Бывшее при Спасо-Андрониковом монастыре кладбище заслуживает отдельного внимания. Мы уже писали выше о захоронениях при храмах монастыря, где находились усыпальницы многих известных родов: Головиных, Голохвастовых, Горихвостовых, Заборовских, Загряжских, Замятиных, Лопухиных, Мусиных-Пушкиных, Орловых-Чесменских, а также первых причисленных к лику святых настоятелей монастыря, архимандритов XVIII–XIX вв., храмоздателя С. П. Васильева и др. Список древних надгробных памятников приводится в переизданном в 2009 г. «Путеводителе к древностям и достопамятностям московским...» XVIII в. (60 имен по состоянию на 1770-е гг.), а также в изданной в 1865 г. книге архимандрита Сергия (Спасского) («Историческое описание Московского Спасо-Андроникова монастыря»), где он писал: «В настоящее время на монастырском кладбище более 1000 памятников; на многих из них время совершенно изгладило надписи... По архитектуре и ценности своей обращают на себя внимание перед другими памятники: над князьями Трубецкими, над купцами: Третьяковым, Молчановыми, Анною Гавриловною Нарышкиной, над Тюляевыми. Некоторые из могил особенно пред другими свидетельствуют о подвигах веры и семейной любви: из Берлина (штабс-капитан Певцов) и Тамбова (купец

Ив. Серг. Лапин), с полей Грос-Егерсдорфа (Василий Авраамович Лопухин), из Симбирска (гражданский губернатор Загряжский), из пределов Киева (Авраам Федорович Лопухин) и из Пятигорска (главный директор кадетских корпусов Демидов) перенесены останки скончавшихся родственною любовию в обитель Спаса еще прежде трубы Архангела». В приложении к своему труду об обители архимандрит Сергий дает список более чем 500 захороненных на кладбище с указанием их званий и дат кончины.

Небольшое по площади монастырское кладбище было наполнено высокохудожественными надгробиями, на что обращали внимание современники. Об отдельных памятниках некрополя писал Ю. Шамурин в VIII выпуске книги «Москва в ее прошлом и настоящем» (М., 1911), а также известный некрополевед А. Т. Саладин в своих «Прогулках по кладбищам Москвы». В последние предреволюционные годы он увидел Спасо-Андрониковский некрополь таким: «Старое кладбище монастыря сохранилось плохо, исчезли древние надгробные плиты, стерлись надписи с камней, и затерялись могилы таких людей, память о которых продолжает жить и не умрет до тех пор, пока живет родное искусство. К таким потерянным могилам принадлежат могилы иконописца Андрея Рублева (ум. 1430 г.) и отца русского публичного театра Ф. Г. Волкова (род. 1729 г., ум. 1763 г.)... На старом кладбище есть несколько художественных надгробий. У самой алтарной стены собора, с краю дорожки, обращает внимание тщательная обработка деталей на гробнице В. Я. Жигарева (ум. 1802 г.), гробница из белого мрамора стоит на высоком постаменте, вся она изящно убрана мелкими гирляндами и украшена барельефом-миниатюрой с портретом покойного. Работа приписывается скульптору Замараеву. Тут же, но несколько направо, вглубь кладбища, стоит чугунная готическая часовенка с урной посредине на могиле кн. Я. Д. Бибарсова (ум. 1833 г.)... левее от собора, под длинным защитным шатром с несколькими гробницами, находится гробница девицы графини Анны Марковны Булгари (ум. 1841 г.) с беломраморным барельефом работы Витали. Гений смерти сидит с опрокинутым пылающим факелом, указывая левой рукой на урну... рядом, над гробницей П. П. Нарышкина (ум. 1841) изящна, хотя и шаблонна, склонившаяся женская фигура небольших размеров из белого мрамора. С левой стороны собора разрушается памятник на могиле князя И. Д. Трубецкого (ум. 1831), тоже работы Витали, о чем свидетельствует уже с трудом разбираемая надпись на пьедестале: «Сочинил и из камня высекал Иван Витали 1833 г.». Это прекрасно исполненная из серого камня большая группа Веры и Надежды... Рядом возвышается простая и величественная пирамида из чугуна на могиле А. А. Кикина (ум. 1809)... Ближе к монастырской стене обращает внимание большой памятник современной работы на могилах семейства Лебедевых. Это — античный уголок, с колонной, скамейкой, украшенный бронзовыми барельефами, изображающими "колесо жизни". В центре уголка возвышается огромная, грубой лепки, группа Христа и двух приникших к его ногам обнаженных фигур. На старом кладбище много гробниц XVIII и начала XIX века, по которым можно проследить эволюцию общеупотребительных надгробий...».

Обозначим еще некоторые «великие могилы» некрополя Спасо-Андроникова монастыря. Здесь были похоронены известные военные и государственные деятели: генерал-лейтенант, сенатор А. А. Баратынский (†1810), бывший тамбов-

ским предводителем дворянства (отец знаменитого поэта), генерал от инфантерии, дед Л. Н. Толстого (прототип князя Андрея Болконского в романе «Война и мир») Н. С. Волконский (†1821), выдающийся географ и картограф, оренбургский губернатор Я. В. Ханыков (†1862). Но больше всего на монастырском кладбище было могил деятелей культуры, педагогов, благотворителей. Здесь до 1920-х гг. сохранялись намогильные памятники А. А. Барсову (†1791) — ученому лингвисту, академику Академии Наук, автору известных «Кратких правил российской грамматики», П. И. Суворову (†1815) — профессору Московского университета, топографу, Н. К. Соколову (†1874) — правоведу, историку Церкви, профессору Московского университета и Московской духовной академии, А. П. Лебедеву (†1908) — Заслуженному профессору Московского университета, византологу. На кладбище были погребены писатели и поэты: М. В. Сушков (†1792), Н. В. Арсеньева-Камынина (†1855), В. П. Горчаков (†1867; известен и как один из ближайших друзей А. С. Пушкина периода его первой ссылки), И. В. Селиванов (†1882).

Были на кладбище и могилы известных на всю Россию меценатов и собирателей: П. Г. Демидова (†1821) — ученого-натуралиста, коллекционера монет и медалей, основателя в Ярославле Демидовского высших наук училища (известен как Демидовский лицей), И. Л. Медведникова (†1889) — купца, благотворителя, храмоздателя, на деньги которого в Иркутске и Москве были основаны учебные заведения, больницы, богадельни, П. В. Зубова (†1921) — нумизмата, библиофила, мецената, заместителя председателя Московского нумизматического общества.

В монастыре хоронили и духовных лиц, монахов, настоятелей близлежащих церквей, храмоздателей. Это и упомянутые выше строитель монастырской колокольни С. П. Васильев (†1796) и церковный историк Москвы архимандрит Григорий (Воинов; †1896; был погребен в склепе с северо-западной стороны Михаилоархангельской церкви) и председатель ОЛДП и настоятель храма Зачатия в Зарядье, протоиерей М. С. Боголюбский (†1902), и духовный писатель-богослов, преподаватель, протоиерей храма Николы что на Ямах И. А. Смирнов (†1911) и др.

С ликвидацией монастыря в 1918 г. над старинным монастырским некрополем нависла угроза. Особенно активно его разрушение началось с передачей территории бывшей обители под рабочий поселок завода «Серп и молот» в начале 1920-х гг. Специалисты и в эти годы хорошо понимали историко-художественное значение бывшего монастырского некрополя. Так искусствовед и реставратор С. А. Торопов в октябре 1922 г. писал об уникальности и художественной ценности кладбища: «Принадлежа к числу немногих кладбищ, где хоронилась московская знать конца XVIII — нач. XIX веков, — оно представляется целым музеем превосходных образцов — иногда блестяще решенных надгробий. Не говоря уже о превосходном Витали над могилой кн. Трубецких и Замараеве, представленном мраморным саркофагом над прахом В. П. Жигарева с великолепным миниатюрным барельефом; о красивом чугуне-обелиске над могилой Кикиных — работы незаурядного мастера — кладбище богато весьма многими надгробиями неизвестных мастеров, часто ремесленников своего дела — столь характерными для истории скульптурных надгробий и отражающими вполне эволюцию архитектурного прогресса — необычайно красивыми по материалу

и тональности — что уничтожение их при устройстве, например, парка вместо кладбища — совершенно недопустимо. Новых и действительно безобразных памятников на кладбище очень немного, а все остальные представляют целый арсенал античности с ее формами».

Архитекторами-реставраторами П. Д. Барановским и Д. П. Суховым был составлен «Список надгробных памятников на кладбище Андроникова монастыря, ценных в художественно-историческом отношении», в который включены 24 именных памятника: Трубецким (2), А. М. Булгари, Н. П. Нарышкиной, кн. Несвицким (3), Баратынским (4), Булгаковой, Толстым (3), Кикиным, Лебедеву, Бибарсову, Жигареву и другим, а также «50 лежащих надгробных каменных плит со скульптурным орнаментом и надписями».

Руководство Музейного отдела Наркомпроса в декабре 1922 г. направило письмо в Управление недвижимых имуществ Рогожского р-на, в котором указывалось, что «находящиеся в ограде монастыря надгробные памятники (гл. образом, конца XVIII — нач. XIX веков) должны быть в большинстве всемерно оберегаемы от разрушения и порчи путем ограждения колючей проволокой или иными способами, как лучшие образцы скульптурного искусства того времени».

Несмотря на это новые жители в бывшем монастыре либо продавали надгробия на строительный и облицовочный материал, либо бесцельно их разбивали. Побывавший на кладбище в 1924 г. сотрудник Музейного отдела В. А. Мамуровский отмечал целый ряд поваленных монументов, разбитую руку на мраморной скульптуре надгробия князей Трубецких. Н. Р. Левинсон тогда же писал, что некрополь «...подвергается уничтожению, памятники сносятся, решетки разбираются, и т. п., навес над группой Витали снесен, производится это по разрешению Москоммунхоза».

7 января 1925 г. монастырь посетили известные деятели: руководитель ЦГРМ И. Э. Грабарь, В. А. Мамуровский, Н. Г. Машковцев, увидевшие валяющиеся на земле кованые ворота XVIII в., разбитые надгробия Лопухиных в усыпальнице и большое число опрокинутых и побитых памятников на самом кладбище. Получив от них такую тревожную информацию, через 2 недели кладбище осмотрел председатель «Старой Москвы» П. Н. Миллер. В докладной записке он написал: «...большинство каменных (мраморные, гранитные, песчаниковые и т. п.) [надгробий] остались пока на месте, а если некоторые из них сброшены, перенесены, частью разрушены или обиты, то все же они доступны для обозрения; что же касается до металлических памятников, металлических их частей (крестов, досок и т. п.), решеток, крыш и т. д., то они дочиста вынуты и сняты и увезены, как мне удалось узнать, на близлежащий металлический завод «Серп и Молот» (б. Гужона)». П. Н. Миллер предложил меры к сохранению наиболее ценных художественных памятников Трубецким, Булгари, П. Г. Демидову, а также надгробий масонов-розенкрейцеров: Поздеевых, Красильниковых, Камыниных, Арсеньевых и др. В 1925 г. заведующая Музейным отделом Наркомпроса Н. И. Троцкая обратилась к московским властям с письмом, в котором указывалось: «В настоящее время эти [надгробные] памятники варварски разрушаются, опрокидываются, разбиваются, а решетки и другие металлические части, а также железные кровли над памятниками, предохраняющие их от дождя и снега, снимаются и продаются домоуправлением [рабочего поселка]».

Разумеется, никаких принципиальных изменений в судьбе древнего некрополя в связи с этими попытками его защиты не произошло. К концу 1920-х гг. кладбище было ликвидировано, из всех его памятников уцелели очень немногие. В 1925–1926 гг. в музей в бывшем Донском монастыре перевезли 9 художественных скульптурных надгробий конца XVIII — начала XIX в. (В. Я. Жигарева, А. М. Булгари, П. П. Нарышкиной, И. Д. и Е. А. Трубецких, Л. Трубецкой и др.). Почти все остальные исторические памятники погибли в последующие 2–4 года при ликвидации кладбища. Боровшиеся за их спасение музейные работники, краеведы, реставраторы фиксировали это уничтожение. Так, член «Старой Москвы» Б. С. Пушкин в июле 1927 г. докладывал на заседании общества: «В ужасном положении кладбище Андроникова монастыря, это кладбище в полном смысле слова “беспризорное”, охраны никакой. Население доламывает там то, что еще не доломано было за предшествующие годы...». Надгробие с могилы Н. С. Волконского — деда Л. Н. Толстого, удалось перевезти на Кочаковское кладбище близ Ясной Поляны.

В январе 1928 г. в похоронном подотделе Моссовета зафиксировали: «Кладбище бывшего Андроникова монастыря совершенно разрушено и ввиду его полного разрушения передано райсовету для полной ликвидации». К концу 1929 г. с историческим некрополем, видимо, все было кончено, ибо на заседании Комитета по охране могил выдающихся деятелей его члены предлагали: «за утратой места захоронений на бывшем Андрониковом кладбище прибить доску с указанием лиц, похороненных на кладбище».

Как известно, мемориальную доску на месте полностью уничтоженного кладбища установить не удалось. Судьбой отдельных могил и надгробных памятников стали интересоваться лишь в послевоенное время, когда на развалинах обители стал создаваться Музей имени Андрея Рублева. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. по инициативе Всероссийского театрального общества невдалеке от Спасского собора был установлен гранитный памятник-кенотаф основателю русского театра Ф. Г. Волкову (†1763; некоторые исследователи считают, что он был похоронен в Златоустовском монастыре).

В 1950-х гг. на территорию Музея П. Д. Барановский привез несколько белокаменных надгробий, найденных на месте, где когда-то существовал Георгиевский монастырь (в районе ул. Б. Дмитровки). Со временем в результате различных земляных работ на территории бывшего Спасо-Андроникова монастыря были найдены отдельные надгробия и их фрагменты, и находки собрали у северной стены под специально сооруженным навесом. В самом конце 1980-х гг. автор этой книги, будучи сотрудником Музея, перевез сюда 3 белокаменных саркофага Шаховских XVIII в., найденные опять же на месте Георгиевского монастыря.

В 1989 г. и в 1994 г. именно в Музее состоялись первая и вторая научно-практические конференции «Московский некрополь. История. Археология. Искусство. Охрана». В конце XX в. на волне интереса общества к отечественному некрополю на уничтоженном монастырском кладбище появились памятник-крест на месте могилы нумизмата П. Зубова, надгробный камень-кенотаф благотворителя И. Л. Медведникова. Однако дальше процесс регенерации исторического некрополя не пошел, хотя в 2018 г. общественность поднимала вопрос

о возвращении в монастырь хранящегося в Донском монастыре надгробного памятника московскому городскому голове второй половины 1790-х гг. В. Я. Жигареву.

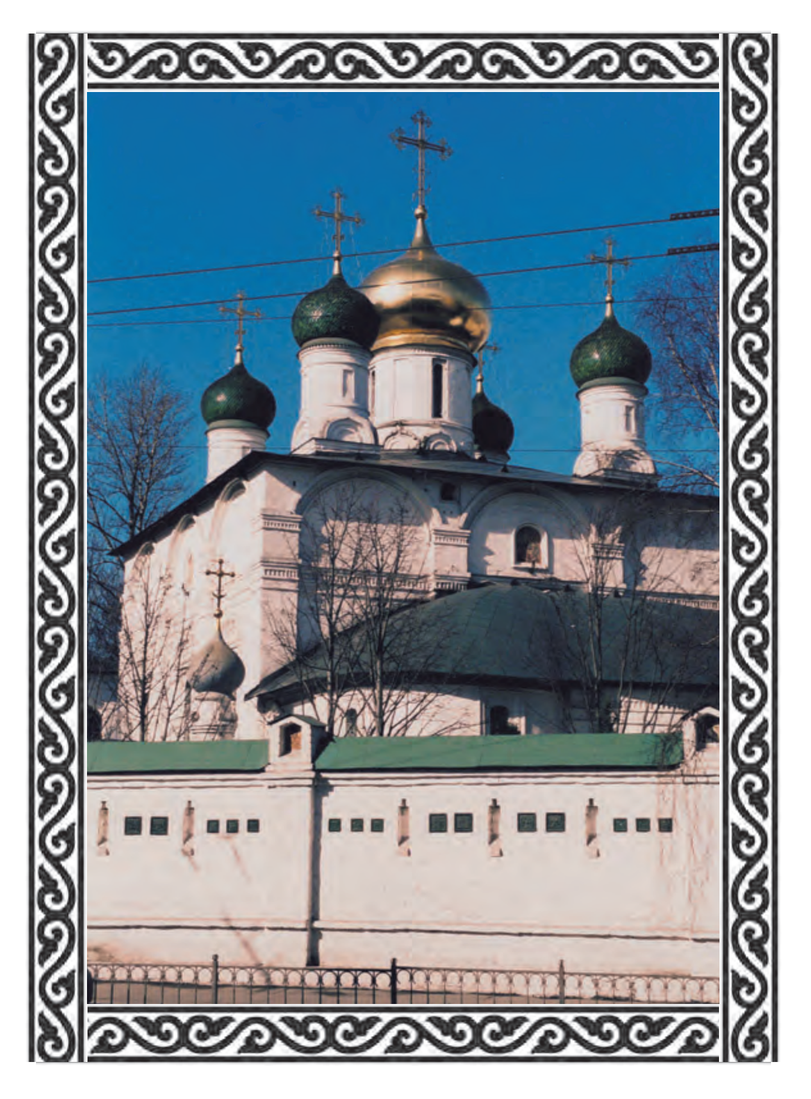
В начале 2000-х гг. во многом благодаря С. С. Карнаухову (ныне радиоведущий) были спасены от уничтожения захоронения (памятники над ними снесли еще в 1920-е гг.) на прирезанном в середине XIX в. участке монастырского кладбища. В 2010-х гг. руководство Музея по согласованию с Министерством культуры в юго-восточной части территории монастырского некрополя, несмотря на протесты общественности, построило здание ресторана с претенциозным названием галерея-трапезная «Хлебный дом в Андрониках».

В августе 2022 г. Музей презентовал лапидарий — обновленное хранение открытого типа у северной монастырской стены, где представлены найденные в разное время отреставрированные белокаменные надгробия и их фрагменты.

Источники и литература:
1. ГАРФ. — Ф. А-2307. — Оп. 9. — Д. 128. Переписка с Музеем Ново-Девичьего монастыря... 1924 г. — Л. 2.
2. ГАРФ. — Ф. Р-5325. — Оп. 9. — Д. 684. Переписка о приеме Андроникова собора Центроархивом. 1924 г. — 16 л.
3. ЦГА г. Москвы. — Ф. Р-1. — Оп. 1. — Д. 1–17. Протоколы ЦГРМ. 1918–1934 гг.; Д. 120. Андроньев монастырь. 1922–1933 гг. — 48 л.
4. ЦГАМО. — Ф. 66. — Оп. 18. — Д. 18. Договор с группой верующих о передаче им церквей Спасо-Андрониковского монастыря. 1918–1924 гг. — 86 л.; Д. 285. Переписка по изъятию церковных ценностей из церквей Рогожско-Симоновского района. 1922 г. — Л. 8–28; Д. 289. Переписка по изъятию ценностей Рогожско-Симоновского района. 1922 г. — Л. 5.
5. ОР РГБ. — Ф. 177. — Оп. 1. — К. 34. — Д. 20, 22. Списки выдающихся деятелей, погребенных на кладбище Спасо-Андрониковского монастыря. 1920-е гг.
6. Спасо-Андрониковский монастырь. Историко-архивные изыскания / Центральные научно-реставрационные мастерские. — Т. 1. — Кн. 2. — М., 1993. — 36 л. (Рукопись).
7. Спасо-Андроников монастырь и судьбы его памятников. 1917–1941 годы. Документы и материалы в центральных государственных архивах Москвы : Док-ты и мат-лы / сост. В. Ф. Козлов (Рукопись). — 1998. — 250 с.
8. Надгробные надписи, находящиеся в Спасо-Андроньевом монастыре // Древняя Российская вифлиофика. — М., 1791. — Ч. 19. — С. 374–380.
9. *Иванчин-Писарев Н. Д.* Спасо-Андроников монастырь. — М., 1842. — [8], 130 с.
10. *Сергий, архимандрит.* Историческое описание Московского Спасо-Андронникова монастыря. — М., 1865. — 98, 40 с. (переиздание: М., 2003. — 84, 46 с.).
11. *Григорий (Воинов).* Списки настоятелей Московского Спасо-Андронниева второклассного монастыря. — М., 1890. — 64 с.
12. *Григорий (Воинов).* Часовня Московского Спасо-Андронникова монастыря. — М., 1891. — 98, 20 с. (2-е изд. — М., 1894. — 84, 23 с.).
13. *С. С. К.* Пятисотлетие со дня блаженной кончины преп. Андроника — основателя Спасо-Андроникова монастыря в Москве // МЦВ. — 1895. — № 25. — С. 243–245; № 26. — С. 253–256.
14. *Максимов П. Н.* Собор Спасо-Андроникова монастыря в Москве // Архитектурные памятники Москвы XV–XVII века. Новые исследования. — М., 1947. — С. 8–32.
15. *Вагнер Г. К.* Спасо-Андроников монастырь. — М., 1972. — 142 с.
16. Сорок Сороков : краткая иллюстрированная история всех московских храмов : [в 4 т.] / собр. П. Паламарчук; фот. П. Паламарчука, А. Демченко. — Т. 1. Кремль и монастыри. — М., 1992. — С. 319–328.

17. *Козлов В. Ф.* Церковь Симеона, сродника Господня в колокольне Спасо-Андроникова монастыря // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Апрель. — М., 1995. — С. 406–408.
18. *Козлов В. Ф., Павловская О. Е.* Из истории кладбища Спасо-Андроникова монастыря в XX веке // Московский некрополь : История. Археология. Искусство. Охрана : Мат-лы науч.-практич. конф. 31 марта — 1 апреля 1994 г. — М., 1996. — С. 39–47.
19. *Ульянов О. Г.* Древнейшая история Спасо-Андроникова монастыря // Московский некрополь : История. Археология. Искусство. Охрана : Мат-лы науч.-практич. конф. 31 марта — 1 апреля 1994 г. — М., 1996. — С. 24–28.
20. *Красовский И. С.* Архитектура Спасо-Андроникова монастыря XVIII века. Спасский собор и колокольня // Хоругвь. Сб. статей. — Вып. 4. — М., 1998.
21. *Красовский И. С.* Колокольни Спасо-Андроникова монастыря // Русское возрождение. — 1998. — №72.
22. *Козлов В. Ф.* Епископ Владимир (Соколовский) — последний настоятель московского Спасо-Андроникова монастыря // Хоругвь. Сб. статей. — Вып. 5. — М., 2000. — С. 113–131.
23. *Баталов А. Л., Беляев Л. А., Турилов А. А.* Андроников в честь Нерукотворного образа Спасителя мужской монастырь // ПЭ. — Т. II. — М., 2001. — С. 424–427.
24. *Ледовская И. Ю.* Церковь св. мученика Евграфа в Спасо-Андрониковом монастыре // Хоругвь. Сб. статей. — Вып. 7. — М., 2002.
25. *Красовский И. С.* Архитектурный ансамбль Спасо-Андроникова монастыря. — М., 2005. — 169 с.
26. *Рогозина М. Г.* Церковь Архангела Михаила в Спасо-Андрониковом монастыре // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Ноябрь. — М., 2005. — С. 130–135.
27. *Рогозина М. Г.* Церковь мученика Евграфа в Андрониковом монастыре // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Декабрь. — М., 2006. — С. 346–357.
28. Путеводитель к древностям и достопамятностям московским... / сост., статья С. С. Илизарова. — М., 2009. (О Спасо-Андрониковом монастыре — С. 375–379).
29. *Барсегян Т. В.* Московский Спасо-Андроников монастырь. — М., 2013. — 352 с.
30. *Никифорова О. В.* Архиепископ Владимир (Соколовский). Последний настоятель московского Спасо-Андроникова монастыря. — М., 2014. — 400 с.
31. *Никифорова О. В.* Спасский собор Спасо-Андроникова монастыря по монастырским описям XIX — начала XX вв. // Труды ЦМиАР. — Т. 18. — М., 2020. — С. 177–213.
32. *Никифорова О. В.* Церковь Знамения Богоматери Спасо-Андроникова монастыря как усыпальница рода Лопухиных // Культурно-историческое наследие личности и рода : Царица Евдокия Лопухина : сб. научн. статей / сост. Д. Я. Романова. — М., 2022. — С. 121–156.

Сретенский ставропигиальный мужской монастырь

ул. Большая Лубянка, д. 19, стр. 1

В начале XX в. – 3 храма с 6 престолами и 1 часовня

Марии Египетской прп. храм
Сретения Господня придел

Николая Чудотворца свт. трапезный храм
Всех Святых придел

Сретения Владимирской иконы Божией Матери собор
Иоанна Предтечи св. Рождества придел

Часовня Сретенского монастыря

ИСТОРИЯ ДО 1917 г.

Считается, что место, где находится обитель, принадлежало еще боярину С. И. Кучке; здесь в Средние века располагалось Кучково поле, и в древности проходила дорога на север в Ростов Великий и Ярославль, а также на восток во Владимир.

Основание монастыря связывают с чудом, произошедшим в августе 1395 г., когда Москва была спасена от нашествия Тамерлана. Митрополит Киприан повелел принести из Владимира в Москву Владимирскую чудотворную икону Божией Матери, чтобы просить ее о заступничестве. 10 дней несли чудотворную икону крестным ходом, и 26 августа 1395 г. ее торжественно встретили москвичи на Кучковом поле невдалеке от существовавшего здесь храма прп. Марии Египетской. По преданию, в тот же день Тамерлану во сне явилась Светозарная Жена, велевшая ему покинуть пределы Руси, что Тамерлан и сделал. В память встречи (по-славянски — сретения) иконы Божией Матери здесь в 1397 г. был основан Сретенский монастырь.

В воспоминание об этом событии ежегодно 26 августа из кремлевского Успенского собора, где находился чудотворный образ, направлялся в монастырь крестный ход.

Сретенский монастырь был конечным пунктом еще двух больших крестных ходов из Успенского собора — 23 июня и 21 мая. Праздник 23 июня был установлен при великом князе Иване III в память чудесного избавления Руси от нашествия

хана Ахмата в 1482 г. (стояние на Угре). 21 мая праздновалось спасение Москвы от нашествия крымского хана Мехмет-Гирея в 1521 г. С 1692 г. этот крестный ход направлялся не в Сретенский монастырь, а в церковь Владимирской иконы Божией Матери, выстроенную тогда же у Никольских ворот Китай-города. Существует версия, согласно которой, встреча чудотворного образа произошла в 1395 г. именно здесь, а основанный тогда монастырь лишь позднее, при строительстве Китайгородской стены, перенесли на новое место (где он сейчас и находится).

О первых веках существования обители известно мало, в ней находились 2 деревянных храма: во имя прп. Марии Египетской, построенный еще до основания монастыря, и в честь Сретения Владимирской иконы Божией Матери.

В годы Смуты у монастыря князем Дмитрием Пожарским были сооружены укрепления и установлены пушки.

Обитель почиталась первыми царями из рода Романовых. 2 мая 1613 г. близ Сретенского монастыря был встречен прибывший в Москву избранный царь Михаил Федорович Романов с матерью. Известно, что в 1619 г. игумен монастыря Ефрем был послан царем Михаилом Федоровичем в Польшу за его отцом митрополитом Филаретом Никитичем и находился там при нем.

Один из первых исследователей истории монастыря историк-архивист И. Ф. Токмаков указывал, что царь Алексей Михайлович неоднократно посещал Сретенскую обитель (в 1649, 1650, 1651, 1652, 1663, 1664, 1666, 1668, 1675 гг.). Вероятно, этот благочестивый царь бывал в обители и в день ее храмового праздника.

При царе Федоре Алексеевиче в 1679 г. на месте старого храма был сооружен новый обширный собор во имя той же Владимирской иконы Божией Матери.

Помимо Владимирского собора и храма прп. Марии Египетской, в Сретенском монастыре в 1688 г. были выстроены теплая трапезная церковь во имя свт. Николая Чудотворца и при монастырской стене каменная часовня вместо бывшей здесь деревянной.

С 1707 г. в монастыре пребывала вложенная в серебряный позолоченный ковчег часть святых мощей прп. Марии Египетской. Эта святыня в 1700 г. была передана в Москву Патриархом Иерусалимским Досифеем. В 1737 г. монастырь пострадал во время пожара: сгорели храм свт. Николая Чудотворца, кровли на игуменском и братском корпусах.

В 1745 г. на границе с ул. Большой Лубянкой вместо шатровой была сооружена новая барочной архитектуры колокольня, тогда же на нее подняли новый большой 195-пудовый колокол.

В 1750-х гг. в монастыре появился ставший позже известной православной святыней обители, огромный, резной работы крест-распятие мастера Г. С. Шумаева.

На 1763 г. в Сретенском монастыре было 3 храма с 6-ю престолами. В 1764 г. после секуляризации монастырь получил невысокий статус заштатного. Его называли «семибратским» по числу братии по штатам. До 1812 г. при монастыре существовало обширное кладбище. В храмах и вокруг них были похоронены представители известных дворянских фамилий: Прозоровских, Вадбольских, Балк-Полевых, Бахметьевых, Мещериновых, Голохвастовых, Милютиных и др.

В 1812 г. во время оккупации французы ограбили собор и храм прп. Марии Египетской, потом устроили в них жилье, лазарет. В трапезной Николаевской церкви богослужения продолжались. Оставшиеся в обители монахи подвергались

издевательствам и избиениям. Однако чудесным образом ковчег со святыми мощами прп. Марии Египетской не пострадал, да и пожар миновал постройки обители. После изгнания французов митрополит Московский Августин 7 ноября 1812 г. переехал в монастырь с великими святынями — чудотворными образами Богоматери Владимирской и Иверской. Уже 12 декабря 1812 г. Августин освятил исправленный собор обители и принял участие в грандиозном крестном ходе. Пребывавшую в монастыре чудотворную Владимирскую икону перенесли в кремлевский Успенский собор весной 1813 г.

В 1850 г. была заново построена часть монастырской ограды, с запада от собора возвели двухэтажный корпус, где разместили и трапезу.

Много сделал для улучшения монастырской жизни настоятель архимандрит Серафим (Богоявленский), при котором было введено общенародное пение, открылись публичные собеседования с народом, была издана небольшая книга по истории монастыря, произведен ремонт почти всех церковных и жилых строений.

Торжественно праздновали в монастыре в 1897 г. 500-летие со дня основания, к юбилею были отреставрированы древние храмы. В начале XX в. в заштатном необщежительном Сретенском монастыре числились: архимандрит, 6 иеромонахов, 4 иеродиакона, 14 послушников.

ИСТОРИЯ ПОСЛЕ 1917 г.

В годы советской власти Сретенской монастырь, как и другие православные обители, пережил настоящую трагедию. В апреле 1922 г. в рамках изъятия церковных ценностей из храмов обители было вывезено серебряных и золотых предметов церковной утвари, общим весом 9 пудов 2 фунта (из них золота 2 фунта). Был изъят и драгоценный ковчег со святыми мощами.

В первой половине 1920-х гг. Сретенский монастырь был связан с духовным служением в нем новомученика, архиепископа Илариона (Троицкого). В 1922 г. обитель была захвачена обновленцами, но в следующем году она перешла под омофор Патриарха Тихона. 5 июля 1923 г. епископ Иларион заново освятил монастырский собор, а на следующий день литургию в нем совершал Патриарх. В ноябре 1923 г. архиепископ Иларион был арестован и в 1929 г. скончался.

В 1925 г. власти закрыли часовню Сретенского монастыря и передали ее жилтовариществу.

4 декабря 1925 г. в монастыре был пострижен в рясофор с именем Платон Сергей Извеков (впоследствии Святейший Патриарх Пимен). Председателем приходского совета и настоятелем Владимирского храма в те годы был епископ Можайский Борис (Рукин), позднее перешедший в григорианский раскол. В мае 1926 г. он пытался получить разрешение на проведение традиционного исторического крестного хода с чудотворной Владимирской иконой Божией Матери, но власти в этом ему отказали.

Сретенский монастырь стал первой из московских обителей, потерявшей значительную часть своих построек. Все началось с письма, посланного в марте 1927 г. ответственным работником ВСНХ Н. С. Поповым председателю Моссовета К. В. Уханову. Приведем текст этого характерного для советской эпохи послания: «Тов. Уханов! Ты хозяин Москвы, обрати, пожалуйста, внимание на Б. Лубянку. Стоит тут развалина, называемая храмом Божьим, живут в нем какие-то Братские общества и т. п.,

а улица от этого страдает: уже не один человек в этом месте раздавлен трамваем. Улица в этом месте благодаря этой балдахине имеет искривленный вид, и если ее снести, а снести ее надо, то будет совершенно другая улица с свободными проходами. Улица слишком бойкая. Во дворе, как раз в этом месте, где стоит эта чертова часовня, где гуляют только кошки и мыши, стоит еще колокольня, где сумасшедший какой-то профессор выигрывает на колоколах разные божеские гимны, ничего абсолютно нет. Тебе, как хозяину Москвы, во имя благоустройства города надо, в конце концов, обратить внимание. С коммунистическим приветом Попов Н. С.». Совсем скоро Н. С. Попов получил ответ из Моссовета, в котором указывалось, что «МКХ крайне заинтересовано в скорейшем упорядочении движения по названной улице…, почему 29 марта с. г. возобновлено ходатайство перед Президиумом Моссовета о разрешении сломки колокольни и забора с помещениями бывшего Сретенского монастыря, выпирающих за красную линию регулирования проезда».

А вскоре, 11 января 1928 г., Президиум Моссовета, заслушав вопрос «О сносе некоторых церковных зданий, мешающих движению», постановил сломать колокольню и Николаевский храм Сретенской обители.

Приходской совет пытался обжаловать решение городских властей, но безуспешно. Епископ Борис 31 марта 1928 г. обратился в Наркомпрос РСФСР: «От имени всей общины означенного монастыря покорнейше просим Главнауку ходатайствовать перед ВЦИКом о разрешении снять… колокола своими средствами и поместить пока в притворе храма. Приходской совет в будущем имеет надежду выстроить колокольню для помещения колоколов». Однако колокола уникального музыкального звучания (более 20) государство изъяло (затем передало за рубеж).

Снос колокольни с часовней, трапезной, Никольской церкви и уличных корпусов Сретенского монастыря начался в июле 1928 г. От ЦГРМ за сносом памятников наблюдал архитектор-реставратор Н. А. Пустаханов. Именно им были обнаружены древние (XV–XVI вв.) детали и конструкции у сносимого Никольского храма.

Роковым для древнего монастыря стал 1930 г., когда Моссовет и Мособлисполком приняли решение о закрытии собора и сооружении на территории бывшей обители здания школы. Новым хозяином всех бывших монастырских строений стало ОГПУ, устроившее здесь общежитие для своих сотрудников. В 1930 г. был снесен древнейший храм прп. Марии Египетской.

После закрытия собора на территории полуразрушенной обители в разные годы размещались общежитие НКВД, средняя школа, подразделения Всесоюзного художественного научно-реставрационного центра им. И. Э. Грабаря, другие учреждения.

Возрождение обители началось в 1991 г., когда единственный уцелевший храм — Сретения Владимирской иконы Божией Матери — был передан РПЦ. Он действовал как приходская церковь. В 1993 г. здесь открыли подворье Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, преобразованное в 1995 г. в Сретенский ставропигиальный мужской монастырь. В сентябре 1995 г. возрожденная обитель праздновала 600-летие Сретения Владимирской иконы Божией Матери, и 7 сентября того же года из Успенского собора через Красную площадь, ул. Никольскую, Лубянку в Сретенский монастырь прошел многотысячный крестный ход. Возглавил юбилейное крестохождение Святейший Патриарх Алексий II.

Специально на праздник верующим из Третьяковской галереи на день передали в особой капсуле Чудотворный Владимирский образ.

В процессе возрождения монастырского ансамбля на месте снесенных в 1928 г. корпусов, колокольни и Никольского храма сложили скромную невысокую, украшенную изразцами кирпичную стену. В 1995 г. в память о жертвах гонений на монастырской территории установили поклонный крест работы скульптора В. М. Клыкова. 9–10 мая 1999 г. в Сретенском монастыре состоялось прославление в лике местночтимых святых Московской епархии архиепископа Верейского Илариона, в собор были перенесены его святые мощи.

В монастыре развернулись большие реставрационно-ремонтные работы. К 2004 г. — десятилетию возрождения Сретенской обители — отреставрировали собор с приделом Рождества Иоанна Предтечи, и освятили новый придел во имя прп. Марии Египетской, отремонтировали палаты XVIII в., надстроили до 5-ти этажей 2 келейных корпуса. В 2008 г. к собору пристроили небольшую галерею с невысокой двухъярусной звонницей. В 2010 г. обители была передана территория бывшего монастырского сада с находящимся там школьным зданием советской постройки.

Основой устава Сретенского монастыря является устав Псково-Печерского монастыря. Возрожденная обитель на Большой Лубянке быстро стала заметным в Москве и за ее пределами духовно-просветительским центром. Во многом это произошло благодаря энергии и трудам наместника обители — архимандрита (ныне митрополита Псковского и Порховского) Тихона (Шевкунова). Так в 1999 г. в обители было открыто Высшее православное монастырское духовное училище (ректор архимандрит Тихон), преобразованное в 2001 г. в Сретенскую духовную семинарию, ныне занимающую капитально реконструированное переданное обители школьное здание. В этом, украшенном росписью шестиэтажном корпусе, устроен новый актовый зал на 300 чел., учебные классы, библиотека. Двумстам воспитанникам семинарии преподается более 40 дисциплин. Широко известным стал Сретенский хор, составленный из профессиональных исполнителей. Хор поет на монастырских богослужениях; его часто приглашают на торжественные патриаршие службы в соборы Кремля, он выступает за рубежом.

Одними из крупнейших в православной Москве стали основанное в 1994 г. монастырское книжное издательство и магазин. В стенах обители заседает созданный в 2010 г. Патриарший совет по культуре. Важным направлением его деятельности является сохранение возвращенных Церкви объектов культурного наследия. С 2014 г. при монастыре действуют просветительские курсы «Православие» для мирян.

Сретенскому монастырю принадлежит и расположенный в Рязанской обл. на территории старинной усадьбы скит во имя прп. Серафима Саровского. Здесь стоит храм Казанской иконы Божией Матери (XVIII в.), а также устроен братский храм во имя прп. Серафима Саровского. В скиту находится и братское кладбище Сретенского монастыря.

С развитием монастыря, увеличением братии единственный храм его стал не вмещать желающих попасть на богослужения, и в 2011 г. решено было построить новый большой собор. В 2014–2017 гг. был возведен и освящен храм в честь Воскресения Христова и Новомучеников и Исповедников Церкви Русской.

В начале 2000-х гг. в монастыре устроили 3 небольших храма домового характера: в здании семинарии — во имя свт. Иоанна Златоуста, в Братском корпусе — во имя св. прав. Иоанна Кронштадтского, в корпусе наместника — в честь Живоначальной Троицы. Храмы предназначены для братии монастыря и семинаристов и недоступны для свободного посещения.

Марии Египетской прп. храм

не сохранился

По преданию, храм был построен в 1385 г., то есть еще до основания Сретенской обители, хотя документальные данные о существовании его в XIV в. отсутствуют.

Церковь особо почиталась царем Алексеем Михайловичем и царицей Марией Ильиничной, ведь прп. Мария Египетская была ее небесным ангелом. В начале 1650-х гг. Алексей Михайлович подарил монастырю икону «Святой Алексий человек Божий и Мария Египетская» (ныне образ находится в Музее имени Андрея Рублева). В 1668 г. благодаря царице для храма был отлит колокол, прозванный «Мариинским».

В 1706 г. в храме на средства фабриканта А. А. Милютина был устроен придел в честь Сретения Господня. Через год Сретенский монастырь получил от дьяка Емельяна Игнатьевича Украинцева великую православную святыню — святые мощи (плюсну правой ноги) прп. Марии Египетской. 18 февраля 1707 г. эти мощи были принесены в собор Сретенского монастыря с условием, чтобы в праздник прп. Марии Египетской — 1 апреля — эта святыня приносилась в ее храм и оставалась там всю неделю для поклонения народа. Е. И. Украинцеву святые мощи были подарены в 1700 г. в Константинополе Патриархом Иерусалимским Досифеем за помощь в переговорах с турецким султаном по заключению Константинопольского мира. Святые мощи были вложены в серебряно-вызолоченный ковчег с вырезанной надписью. В 1843 г. в ковчег была вложена и часть мощей св. блгв. князя Михаила Ярославовича Тверского, и в 1844 г. для мощей этих святых был сделан новый драгоценный ковчег.

В 1784 г. древний храм отремонтировали и освятили, о чем свидетельствовала надпись на белокаменной доске у входа: «Возобновлен бысть храм сей в лето от воплощения Бога Слова 1784 в царствование великия Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны, всея России, по благословению Московского архиепископа Платона, иждивением г. коллежского асессора Афанасия Абрамовича Гончарова, а освящен бысть онаго ж месяца ноемрия в 18 день; а освящал сея обители игумен Арсений с освященным собором».

В начале XIX в. храм прп. Марии Египетской так обветшал, что богослужения в нем с 1832 г. были прекращены. Звучали даже предложения его разобрать, но члены возникшего в 1864 г. МАО отстояли древний памятник. В 1880-е гг. стены церковного здания стянули 3-мя железными обручами. По-видимому, церковное начальство все же желало разобрать аварийное здание. В изданной в 1911 г. монастырем книге о храме можно было прочитать довольно-таки странные слова: «В архитек-

турном и археологическом отношении она (церковь прп. Марии Египетской — *В. К.*) ничего выдающегося не представляет, а своим неуместным положением стесняет монастырский погост и портит внешний вид соборной церкви. Ввиду этого без особой потери для археологической науки церковь эта может быть совершенно снесена, тем более что архитектура ее совершенно одинакова с архитектурою рядом стоящего с ней соборного храма». Все это вызвало тревогу членов МАО. Специалисты указывали на запущенность памятника: окна выбиты, повсюду кучи мусора. Храм привели в относительный порядок, и он дожил закрытым и стянутым обручами до 1930 г.

В 1920-е гг. на необходимость сохранения древнего храма узазывали реставраторы, краеведы. Так 12 мая 1921 г. на заседании Комиссии МАО «Старая Москва» художник А. П. Хотулев выступил с докладом «Фрески Сретенского монастыря в Москве» и продемонстрировал 20 своих акварельных рисунков церкви прп. Марии Египетской. Докладчик и выступающие рассказали о большом историко-художественном значении внутренних росписей и интерьеров храма (в первую очередь, алтарной фрески «Иже херувимы», надгробных надписей, барочного иконостаса XVIII в., надписей в виде «виршей» под священными изображениями).

В 1929 г. во время сноса уличных построек Сретенского монастыря московские власти уже прощупывали возможность сноса и храма прп. Марии Египетской и обратились во ВЦИК с соответствующей просьбой. 30 октября 1929 г. Президиум Моссовета принял решение о сносе храма. В постановляющей части документа было указано: «хотя церковь Мария Египетская постройки XIV в. и является первоклассным памятником старины, однако вследствие крайней ветхости и полуразрушенного состояния дальнейшее сохранение ее невозможно», и здание следует «снести». 20 декабря 1929 г. на заседании Секретариата ВЦИК было одобрено решение Моссовета снести древнюю церковь. К тому времени реставраторы уже занимались обмерами памятника.

Специалисты пытались еще спасти древний храм, но уже на заседании архитектурно-реставрационного отделения ЦГРМ 7 мая 1930 г. реставратор П. Д. Барановский сообщил, что «в бывшем Сретенском монастыре идут приготовления к разборке здания церкви Марии Египетской путем взрывания. В настоящее время сняты ставни и двери и переданы в Рудметалторг».

Материалов наблюдений реставраторов за сносом одного из древнейших храмов Москвы до сих пор в архивах не выявлено.

В память об исчезнувшем в 1930 г. храме в 2000 г. во Владимирском соборе Сретенского монастыря устроен придел (северный) во имя прп. Марии Египетской.

Сретения Владимирской иконы Божией Матери собор

Собор построен по велению царя Федора Алексеевича в 1679 г. на месте храма, сооруженного в самом конце XVI в. в память избавления Москвы от нашествия Тамерлана. Вскоре к основному объему нового собора пристроили с севера, юга и запада арочные крыльца. В 1706 г. с юга пристроили придел св. Иоанна Предтечи, а западное крыльцо превратили в паперть.

Своеобразной летописью, зафиксировавшей детали построения и освящения собора и его придела, стала размещенная на стене у входа в храм белокаменная доска с надписью: «Божией Милостию, повелением Государя нашего, Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича всея России, и по благословению святейшего Иоакима Патриарха Московского, построена сия соборная церковь, в лето 7187 (1679) августа в 24 день и освящена в том же году августа в 24 день Патриархом Московским Иоакимом. А сей придел построен с повеления Государя Царя и Вел. Князя Петра Алексеевича всея России, и по благословению Стефана, митрополита Рязанского и Муромского, в лето 7214 (1706), меж патриаршеством, по обещанию обители сия игумена Моисея Великосельского; соборная церковь подписана и покрыта лета 7215 (1707) по обещанию стольника Семена Феодоровича Грибоедова».

Новый пятиглавый двухстолпный собор имел трехчастную апсиду. Упомянутая выше роспись 1707 г., сделанная «по обещанию» стольника, стрелецкого полковника С. Ф. Грибоедова, покрывала своды, столбы и стены Владимирского храма; выполнили ее костромские иконописцы. Эта была одна из последних в Москве росписей храмов в старом допетровском стиле.

В соборе в местном ряду иконостаса находился чтимый, «письма древнего, греческого» образ Владимирской иконы Божией Матери конца XVII в., украшенный серебряной ризой и драгоценными камнями: алмазами, сапфирами, изумрудами, а также жемчугом. Другим древним почитаемым Владимирским образом обители была шитая шелками икона с шитым же золотом тропарем вокруг. Специалисты относили ее создание к XVI в. Во второй половине XIX в. эта икона находилась в иконостасе собора со стороны алтаря. В начале XX в. она была передана из церковного обращения для музейного хранения. У столпа храма находился список Владимирской иконы Божией Матери, где на полях изображены московские святители Петр, Алексий, Иона и Филипп.

Иконостас собора был сооружен в стиле ампир в 1816 г.

С 1707 г. в соборе находились уже упомянутые нами помещенные в серебряно-позолоченный ковчег святые мощи прп. Марии Египетской, поднесенные монастырю русским дипломатом, думным дьяком Е. И. Украинцевым.

С 1761 г. у северной стены собора было установлено уникальное резное деревянное многофигурное Распятие, выполненное плавильщиком Денежного Монетного двора Григорием Семеновичем Шумаевым («Шумаевский крест»). Мастер (возможно, не один) несколько десятилетий работал над этим монументальным крестом-голгофой, заказанным игуменом монастыря Моисеем Великосельским для собора Сретения Владимирской иконы Божией Матери. Высота застекленного киота, внутри которого была установлена многофигурная композиция, достигала 7 м 63 см, ширина — 4 м 27 см а глубина — 1 м 20 см. Шумаевский крест представляет собой сложную композицию с резными изображениями: Распятия Господа Иисуса Христа, слева и справа от него — Божией Матери и св. ап. Иоанна Богослова (горельефы размером превышают человеческий рост); архангелов; четырех евангелистов по углам композиции. Лицевую часть венчает изображение небесного града Иерусалима. Всего в Шумаевском кресте — более 300-х изображений, раскрывающих главные сюжеты Евангелия.

В соборе Сретенского монастыря временно с ноября 1812 г. по май 1813 г. находилась чудотворная Владимирская икона Божией Матери, возвращенная в Москву по изгнании французов.

В соборе и при нем были похоронены многие благотворители, известные деятели XVII–XVIII в. В 1820-х гг. здесь сохранялись не менее полутора десятков надгробий и надгробных белокаменных досок. Самая старая из них принадлежала погребению думного дворянина В. Я. Голохвастова (†1687), самая же поздняя — генерал-майору А. А. Прозоровскому (†1769). На паперти сохранялись погребальные доски игуменов Сретенского монастыря Моисея (Великосельского; †1719) и Лаврентия (Иванова; †1757). В подклете собора были погребены сподвижники Петра I: Петр и Борис Ивановичи Прозоровские. В соборе и рядом с ним находились усыпальницы князей Хованских, Бахметьевых, Балк-Полевых, Мещериновых и др.

В 1922 г. Сретенский собор захватили обновленцы, но усилиями архиепископа Илариона в 1923 г. они были изгнаны, а собор переосвящен великим чином. В 1924 г. собор отремонтировали. К тому времени власти заселили монастырские корпуса разным людом. В конце октября 1924 г. Совет общины Сретенского монастыря писал в Главмузей: «…некоторые стены собора пришлось несколько раз перекрашивать, благодаря хулиганским действиям живущих в корпусах бывшего монастыря, находившим удовольствие писать на них разные пасквили и изощряться художествам карандашом и углем…». В письме отмечалась также «бессмысленная бомбардировка стен храма» (видимо, речь идет о бросании камней и разных предметов).

Тем не менее, и в этих тяжких условиях община бывшего монастыря продолжала заботиться о состоянии древнего собора. В жалобе во ВЦИК по поводу закрытия бывшей монастырской часовни верующие в июне 1925 г. писали: «…Община ремонтировала все наружные стены храма и его фундамент, с оштукатуркой и окраской, капитально ремонтировала крышу с окраской, окрасила все наружные двери и входы в храм, восстановила аммосовское отопление, вследствие порчи долгое время не функционировавшее, с целью охраны от копоти редчайшей по способу ее производства живописи храма устроила электрическое освещение, отремонтировала с окраской древнюю колокольню и часовню…».

В 1930-х гг. собор Сретения Владимирской иконы Божией Матери был закрыт. В его здании последовательно размещались общежитие НКВД, гаражи, реставрационные мастерские. Судьба церковного имущества собора неизвестна. Шумаевский крест был вывезен в Донской монастырь в музей (ныне крест находится в ГНИМА им. А. В. Щусева в разобранном виде). Здание собора было искажено: растесана часть оконных и входных проемов, другие были пробиты вновь, фасады обросли пристройками.

В 1958–1962 гг. в процессе реставрационных работ восстановлены первоначальное покрытие глав и кирпичный цоколь, удалены наслоения грунта, раскрыта и укреплена внутренняя роспись 1707 г. После ремонта в здании собора разместился отдел реставрации скульптуры Всесоюзного художественного научно-реставрационного центра им. И. Э. Грабаря, и повсюду были установлены невысокие перегородки для размещения научных отделов.

В 1991 г. храм возвратили РПЦ, сначала его открыли как приходской, а позже — как подворье Псково-Печерского монастыря и, наконец, — как собор возрожденного Сретенского мужского монастыря. В соборе отреставрирована древняя стенопись, выстроены новые высокие хоры. У южной части иконостаса была установлена рака с мощами сщмч. архиепископа Всероссийского Илариона (Троицкого), служившего в соборе в начале 1920-х гг.

В соборе устроен русский высокий многоярусный тябловый иконостас с новонаписанными в 1995 г. иконами. В местном ряду находятся иконы, выполненные в древнерусской манере: Владимирская Божией Матери с клеймами, Собор преподобных Псково-Печерского монастыря, прп. Марии Египетской, св. равноап. Марии Магдалины, Смоленская Божией Матери, Спасителя, свт. Патриарха Тихона, а также образ «Снятие пятой печати», где изображен Христос-Судия на троне в окружении 7 светильников, а ниже — свв. страстотерпцы император Николай II, императрица Александра Федоровна и 5 их детей. В самом низу иконы помещен текст из Апокалипсиса.

В храме находятся 2 келейные иконы старца Псково-Печерского монастыря архимандрита Иоанна (Крестьянкина) и образ прп. Серафима Саровского с частицей мощей.

В настоящее время в монастырском соборе имеется 3 придела: Рождества св. Иоанна Предтечи, прп. Марии Египетской и Воскресения Христова. Первый, в честь Рождества св. Иоанна Предтечи, существовал в соборе с начала XVIII в. и восстановлен в 1997–1998 гг. Иконостас в этом приделе древний, начала XVII в., подарен он был Псково-Печерским монастырем. В него собрали только старинные образа. Сегодня придел выполняет функции братского, и в нем молятся монашествующие обители, служатся ночные литургии.

В память бывшего в Сретенском монастыре древнего Мариинского храма в 2000 г. в соборе был устроен северный придел во имя прп. Марии Египетской. В 2009 г. его малое освящение совершил Патриарх Кирилл. Несколькими годами ранее, в марте 2004 г., архимандрит Тихон привез из греческого монастыря свт. Николая Чудотворца на о-ве Андрос частицу мощей прп. Марии Египетской. Сегодня эта святыня пребывает в одноименном новом приделе старого (Владимирского) собора Сретенского монастыря.

Третий придел Владимирского собора возник также сравнительно недавно и связан с историей появления в Сретенском монастыре точной фотокопии Туринской плащаницы (размером 4,3 м х 1,1 м). Она была передана в обитель в 1997 г. из центра ее исследований в США и первоначально установлена под стеклом на северной стене собора. Позже фотокопия была перенесена в подклет собора, где до революции находилась усыпальница. Здесь была устроена по образцу древних христианских святынь крипта, и в 2008 г. освящен придел в честь Воскресения Христова. В крипте в нише на массивном мраморном, украшенном четырехконечными крестами основании установлена подсвеченная фотокопия Туринской плащаницы. Придел Воскресения Христова (нижняя церковь) украшен мозаикой с древней христианской символикой. Здесь братия Сретенского монастыря проводит ночные богослужения.

Николая Чудотворца свт. трапезный храм

не сохранился

История Никольского храма изобилует белыми пятнами. Долгое время считалось, что церковное здание с 1 главой было построено в 1688 г. на средства князя А. П. Прозоровского. Храм, в отличие от монастырского собора, отапливался и использовался для богослужений в холодное время. Во время известного московского

пожара 1737 г. храм сильно пострадал — сгорели все иконы и церковная утварь. В 1745 г. его капитально отремонтировали. В XVIII в. в храме были устроены 2 новых придела: в 1761 г. на средства бригадирши П. Г. Кориной — во имя свт. Димитрия Ростовского, и позднее на средства первого московского городского головы Д. Д. Мещанинова — в честь Всех Святых.

В Отечественную войну 1812 года Никольский храм чудом не пострадал, и в нем даже продолжались богослужения. Сразу же после изгнания неприятеля из Москвы 8 ноября 1812 г. в этом храме вернувшийся в город архиепископ Московский Августин совершил торжественное молебствие.

В 1832 г. в Никольском храме произвели капитальный ремонт, был упразднен придел свт. Димитрия Ростовского.

Тяжелые времена наступили для храма после 1917 г. В первую половину 1920-х гг. власти передали его евангельским христианам (секта пятидесятников).

Никольскому храму к тому же выпала горькая участь стать первой среди монастырских церквей Москвы, жертвой советской безбожной власти. 11 января 1928 г. Президиум Моссовета постановил снести Никольский храм и находящуюся рядом колокольню. В июле 1928 г. сломка храма, а также уличных строений обители началась. Во время разборки храма наблюдавший за работами архитектор-реставратор Н. А. Пустаханов обнаружил, что церковное здание гораздо древнее, чем считалось. 8 августа 1928 г. он выступил на заседании архитектурно-реставрационного отделения ЦГРМ, где поделился своими открытиями: «…в процессе работ по разборке Москоммунхоза уличных зданий Сретенского монастыря уже разобраны ворота ограды, снята крыша над алтарем Никольской церкви и трапезной. Обследование алтарной части дало ряд неожиданных открытий. На своде алтарной части под снятым слоем засыпки обнаружены остатки барабана. Крещатое перекрытие оказалось в значительной части покрытым крупной фасонной черепицей черного цвета. Подвал под первым этажом церкви с сомкнутым сводом белокаменный… Таким образом, постройка, очевидно, является отдельным церковным зданием рубежа XV–XVI вв., наиболее древним из всех существующих построек монастыря». На заседании была отмечена научная ценность сделанного Н. А. Пустахановым открытия.

Можно пожалеть, что снесенные тогда, а ныне узнаваемые на фотографиях монастырские строения, выходившие на ул. Большую Лубянку, в первую очередь, Никольский храм и колокольню не воссоздали при восстановлении Сретенского монастыря в конце XX — начале XXI в.

Часовня Сретенского монастыря

не сохранилась

Об истории существовавшей у монастырской стены близ колокольни часовни мы знаем очень мало. Известно, что первоначально она была деревянной, а в камне отстроена в 1688 г. одновременно с капитально поновленным Никольским храмом на средства боярина Алексея Петровича Прозоровского. На старых фотографиях конца XIX в. у колокольни видна высокая входная арка часовни.

Чередным иеромонахом в ней совершались молебны, панихиды и водоосвящения. К юбилею Сретенского монастыря (1897 г.) часовня была поновлена.

О последнем годе существования часовни дают представление хранящиеся в ГАРФ документы: переписка верующих общины бывшего Сретенского монастыря с Президиумом ВЦИК. Известно, что после октября 1917 г. власти плотно заселили многие помещения обители разношерстным людом, причем многие жильцы были, мягко говоря, весьма далеки от православной веры. Жившие в монастыре (в доме № 19) «члены Жилтоварищества № 5012» в июне 1925 г. обратились с ходатайством в Моссовет о закрытии монастырской часовни и передаче ее Жилтовариществу «с целью эксплуатации под торговлю». 23 июня 1925 г. Президиум Моссовета поддержал новых жильцов и постановил закрыть часовню и передать ее помещение Жилтовариществу.

Узнав об этом роковом для монастыря решении, православная община направила 29 июня 1925 г. жалобу на решение московских властей во ВЦИК. Верующие писали, в частности: «…антирелигиозные настроения жильцов, притом не всех так настроенных, не может служить поводом к закрытию часовни, так как это противоречило бы самой Конституции РСФСР… Никто из верующих никогда не посягал на право некоторой группы жильцов дома № 19 быть антирелигиозными — так как это дело их совести, но и Община верующих не может допустить и мысли, чтобы ради только их убеждений, могла быть закрыта часовня, Общине необходима для поддержания исторического памятника старины, а Жилищному Товариществу для коммерческих целей и своих выгод… Часовня является главным подспорьем для осуществления тех задач, которые лежат на Общине как хранительнице одного из древнейших памятников старины, находящегося в ведении Губмузея…». Это письмо во ВЦИК подписали около 150 верующих.

Однако властям как раз и нужно было лишить общину тех небольших средств, которые приносила часовня, и вскоре Президиум ВЦИК своим решением просьбу верующих отклонил и поддержал решение Моссовета.

Часовня была закрыта и, видимо, передана Жилтовариществу, но через 3 года, в 1928–1929 гг., все строения монастыря на линии ул. Большой Лубянки были снесены, включая и бывшую монастырскую часовню.

Воскресения Христова и новомучеников и исповедников Церкви Русской храм

Новый монастырский храм был построен в 2017 г. Главным инициатором его сооружения стал наместник Сретенской обители архимандрит Тихон. Решение о его строительстве было принято на заседании Попечительского совета монастыря в 2011 г.

Сооружение нового большого собора вызывалось и насущной необходимостью: молящиеся просто не помещались в древнем монастырском Владимирском соборе. К тому же приближалась и 100-летняя годовщина рокового для России октябрьского переворота, открывшего гонения на Церковь и верующих. Сретенский же монастырь как раз оказался в центре «владений» ЧК–ОГПУ–НКВД,

ведомства, осуществлявшего главные карательные функции новой безбожной власти. Эти обстоятельства стали определяющими в выборе посвящения нового храма. Архимандрит Тихон говорил об этом: «Мысль создать храм и посвятить его новомученикам появилась у нас давно, практически с начала возрождения обители. Место, на котором стоит монастырь, — Большая Лубянка — это место заключения, страданий и мученической смерти многих исповедников, верных Богу православных христиан: иерархов, священников, мирян. Построить храм, прославляющий их верность, мужество, духовную красоту и подвиг, призвать их молитвы за нас было нашей важнейшей духовной задачей».

Строительство храма началось после различных экспертиз и долгих согласований в начале 2014 г. Архитектура нового храма представляет собой синтез древнерусских и византийских традиций (главный архитектор Д. Смирнов). Огромная 61-метровая пятиглавая церковь была построена в рекордно короткие сроки — за 866 рабочих дней. Торжественное освящение храма совершил 25 мая 2017 г. Святейший Патриарх Кирилл. На торжестве присутствовал Президент России В. В. Путин, иерархи РПЦ, делегация РПЦЗ во главе с митрополитом Восточно-Американским и Нью-Йоркским Иларионом. В тот же день в новый храм из старого монастырского Владимирского собора крестным ходом были перенесены мощи сщмч. Илариона (Троицкого). Ковчег с мощами установили на привезенных с Соловков камнях.

Новый храм рассчитан на 2 тыс. молящихся. Конструкция его предполагает возможность использовать паперть для открытых богослужений. В этом случае площадь превращается в большой летний храм под открытым небом, где могут разместиться до 5 тыс. чел. Снаружи церковное здание облицовано белым владимирским известняком, из которого строили знаменитые храмы и палаты древних Суздаля, Владимира и Боголюбова.

Внутри церковное здание разделено на несколько этажей. Высокий верхний храм освящен в честь Воскресения Христова и Новомучеников и Исповедников Церкви Русской. В центральном куполе изображен Господь Вседержитель, вокруг — изображения известных русских святых и новомучеников. Стены расписаны по специально разработанной художниками Д. Шабалиной и М. Леонтьевым технологии. Выполняли росписи 30 художников. Для храма написаны 47 икон в русско-византийском стиле.

Нижний храм освящен во имя св. Иоанна Предтечи и Двенадцати апостолов. Посреди его установлен баптистерий (купель для крещения), украшенный мозаиками из смальты. Стены и своды храма расписаны орнаментами и священными изображениями. Полы в приделах выложены из цветного полированного мрамора и гранита. В храме ежедневно совершаются богослужения.

Новый храм задуман и как большой духовный православный центр, в котором есть Зал церковных соборов, трапезная, в специальных помещениях работают Просветительный и Молодежный центры, катехизаторские курсы, воскресная детская школа и др.

Воскресенский храм стал украшением центра Москвы и вторым крупным монастырским храмом (после собора Зачатьевского монастыря), построенным на территории старинных московских монастырей за последнее столетие (в отличие от собора Зачатьевского монастыря, возведенного на сохранившемся фундаменте, собор Сретенского монастыря является полностью новой постройкой).

Источники и литература:

1. ГАРФ. — Ф. Р-1235. — Оп. 61. — Д. 173. Переписка с НКВД, горисполкомами… о закрытии церквей… [о закрытии часовни Сретенского монастыря]. — Л. 217–222; Оп. 73. — Д. 1665. Дело о закрытии церквей Панкратия и Марии Египетской в Москве. 1928–1929 гг. — 88 л.
2. ЦГА г. Москвы. Ф. Р-1. — Оп. 1. — Д. 130. Сретенский монастырь. 1921–1928 гг. — 22 л.
3. ЦГАМО. — Ф. 4557. — Оп. 8. — Д. 340. Материалы по ремонту памятников старины… 1926–1927 гг. — Л. 230; Д. 413. Материалы о сносе церквей в Москве в 1928 г. — Л. 2, 12, 13, 28–30, 69, 70, 124.
4. ОР РГБ. — Ф. 177. — К. 1. — Д. 8. Доклад А. П. Хотулева о фресках Сретенского монастыря. — Л. 12–14; Доклад Н. Н. Соболева о церкви Марии Египетской. — Л. 19–20; Доклад В. М. Борина о церкви Марии Египетской. — Л. 37–38.
5. *Токмаков И. Ф.* Краткий исторический очерк Московского Сретенского мужского монастыря. — М.,1885. — 24 с.
6. Московский Сретенский мужской монастырь (По поводу 500-й годовщины его существования) // МЦВ. — 1897. — № 33. — С. 435–436.
7. Московский Сретенский монастырь / сост. иеромонах Иосиф. — М., 1911. — 32 с.
8. *Романов Г. А.* Крест резной : Московский Сретенский монастырь. — М., 1992. — 204 с.
9. Сорок Сороков : краткая иллюстрированная история всех московских храмов : [в 4 т.] / собр. П. Паламарчук; фот. П. Паламарчука, А. Демченко. — Т. 1. Кремль и монастыри. — М., 1992. — С. 184–189.
10. *Козлов В. Ф.* Церковь преп. Марии Египетской в Сретенском монастыре // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Апрель. — М., 1995. — С. 30–32.
11. Русский синодик. Помянник Московского Сретенского монастыря : Исторический справочник : [К 600-летию монастыря, 1395–1995 / сост., авт. вступ. статей и примеч. Г. А. Романов]. — М., 1995. — 302 с.
12. *Козлов В. Ф.* Сретенский ставропигиальный мужской монастырь. Собор Сретения Владимирской иконы Божией Матери в Сретенском мужском монастыре // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Август. — М., 2002. — С. 507–512.
13. Сретенский сборник : научные труды преподавателей СДС / [под общ. ред. архимандрита Тихона (Шевкунова)]. — Вып. 1–10. — М., 2010–2019.
14. Сретенский монастырь : Прошлое и настоящее. — М., 2019. — 56 с.
15. Жизнь моя — Сретенский монастырь : сб. воспоминаний. — М., 2022 г. — 384 с.

Страстной 3-го класса необщежительный женский монастырь

Страстная (ныне Пушкинская) пл.
не сохранился

В начале XX в. – 3 храма с 7 престолами

Алексия человека Божия прп. в колокольне храм

Антония и Феодосия Печерских прпп. домовый храм

Страстной иконы Божией Матери собор (двухъярусный)

Страстной иконы Божией Матери верхний храм
Нила Столобенского прп. в верхнем ярусе придел
Михаила архангела св. нижний храм
Анастасии Узорешительницы св. вмц. в нижнем ярусе придел
Николая Чудотворца свт. в нижнем ярусе придел

ИСТОРИЯ ДО 1917 г.

Страстной монастырь существовал у стен Белого города почти 3 столетия с 1654 по 1937 г. Начальная история обители связана со Страстной иконой Божией Матери, прославившейся чудотворениями в нижегородском имении в с. Палец князя Бориса Михайловича Лыкова. По велению царя Михаила Федоровича в 1641 г. икона была перенесена в Москву. Чудотворный образ встретил сам царь с сыном Алексеем и Патриархом Иосифом. На месте встречи иконы у ворот Белого города в 1646 г. была построена церковь во имя Страстной иконы Божией Матери. Храм и святыня стали известны и почитаемы в Москве. 5 апреля 1651 г. у храма царь Алексей Михайлович и патриарх Иосиф встречали перенесенные в Москву из Старицы мощи первого русского Патриарха Иова. По повелению царя в 1654 г. здесь был устроен девичий Страстной монастырь. Первые десятилетия все постройки обители были деревянными, а первое каменное здание — пятиглавый собор, появилось в 1690 г. По монастырской описи 1702 г., в обители уже находилось еще одно каменное строение — церковь с колокольней. Остальные постройки — стены со Святыми вратами, келии, были деревянными. В 1761 г. для игумении выстроили каменную келию. По штатам 1764 г. Страстной монастырь был

отнесен к 3-му классу. Обитель сильно пострадала от пожара в 1778 г., когда сгорели почти все деревянные строения.

В 1812 г. наполеоновские солдаты разграбили монастырь, а у Святых ворот расстреляли 10 человек. В нижней церкви французы устроили конюшню и винный склад. Чудотворный образ и ризницу монахини спрятали в тайнике под крышей храма. Пожар чудом обошел обитель, хотя перед уходом из Москвы французы хотели ее уничтожить. Колокола Страстного монастыря первыми оповестили москвичей об изгнании французов, и в храме обители совершилось первое в освобожденной Москве богослужение.

В середине XIX в. изменился облик монастыря: вместо старой шатровой колокольни по проекту М. Д. Быковского в 1850–1855 гг. была возведена новая высокая, а также выстроена ограда. Старая колокольня была еще крепка, и любители старины тяжело переживали ее уничтожение.

В монастыре всегда проживало много монашествующих. По описи 1702 г., в нем числилось 163 чел., в 1826 г. — 139, в 1867 г. — 145, в 1889 г. — 218 (из них 33 монахини и 185 послушниц).

Страстная обитель славилась своими мастерицами-вышивальщицами. Многие произведенные здесь удивительные по своему художественному исполнению церковные облачения, плащаницы, пелены, покрова украшали храмы и монастыри России.

Монастырь был образцом благоустроенности. Вокруг собора были разбиты красивые цветники, располагались корпуса с келиями. У северной стены в двухэтажном здании помещалась просфорня — ее просфоры славились по всей Москве.

В 1875–1890 гг. игуменией монастыря была Евгения (Озерова), оставившая интересные воспоминания.

6 июня 1880 г. по случаю открытия на Тверском бульваре памятника А. С. Пушкину в обители была совершена заупокойная литургия митрополитом Московским Макарием (Булгаковым) и панихида в сослужении с московским викарием епископом Амвросием, епископом Алексием в присутствии первых лиц Москвы и родственников поэта.

В 1885 г. на средства благотворителей: купцов М. Д. Орлова и В. В. Николаева, для монастырской колокольни были отлиты большой 722-пудовый колокол и несколько более мелких колоколов.

С 1891 г. настоятельницей Страстного монастыря стала игумения Неофита, возобновившая строения обители и создавшая замечательный хор. 13 августа 1891 г. в монастыре торжественно отметили 250-летие принесения в Москву чудотворной Страстной иконы Божией Матери. В 1894 г. в обители в ознаменование состоявшегося бракосочетания великой княгини Ксении Александровны с великим князем Александром Михайловичем было сооружено каменное одноэтажное здание (по проекту архитектора В. Ф. Жигардловича), в котором через 3 года открыли именную Ксениевскую церковно-приходскую школу, где обучалось до 50 чел.

Мы уже упоминали, что Страстная обитель среди московских монастырей слыла образцовой — ее часто посещали и осматривали представители Дома Романовых, а также высокие зарубежные гости: король Шведский и Норвежский Оскар II, прусский принц Фридрих Карл, сын Датского короля принц Вольдемар, путешествовавший по миру инкогнито под именем Дон Педро император Бразильский.

Монастырю принадлежал хутор при деревне Коськовой Дмитровского уезда с храмом, хозяйственными постройками и подворьями. Там в 1896 г. был освящен Покровский храм, построенный на средства благотворителя М. Д. Орлова по проекту архитектора В. Ф. Жигардловича. В 1898–1899 гг. по проекту этого же архитектора в монастыре выстроили трапезную с храмом прпп. Феодосия и Антония Печерских. В 1912 г. архитектором Л. В. Стеженским был построен доходный дом (гостиница) монастыря в Малом Путинковском пер.

В 1914–1918 гг. обителью управляла Наталья Закатова, ставшая после ее закрытия заведующей Страстновской трудовой артелью.

В канун революции в монастыре было 3 храма: соборный Страстной иконы Божией Матери, прп. Алексея человека Божия (1855 г.) в колокольне и прпп. Антония и Феодосия Печерских в трапезной.

По дореволюционной истории монастыря ценным источником служит фотоальбом со снимками монахинь, игумений, священников монастыря, а также памятников обители.

ИСТОРИЯ ПОСЛЕ 1917 г.

Вскоре после переворота 1917 г. монастырь как юридический институт был упразднен, и многие его помещения постепенно заняли различные организации, в том числе военный комиссариат, Институт Красной профессуры, общежитие Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ) имени Сталина.

Сестры в новых условиях всячески пытались сохранить духовную жизнь и быт прежнего монастыря. В сентябре 1918 г. распоряжением Юридического отдела Моссовета был реквизирован двухэтажный корпус, в котором проживали 60 сестер, находились столовая и мастерская. Сохранились 2 прошения игумении Нины в Моссовет (лето 1919 г.), из которых видно, что монашествующие имели 2 мастерские — белошвейную и одеяльную, кладовые для хранения материала. Сестры шили обмундирование для нужд Красной Армии.

Чтобы избежать выселения, инокини по примеру других обителей Москвы организовали приходское «Христианское православное общество при храме во имя Страстной Божией Матери на Тверской улице». В архиве сохранились список членов этого общества (103 чел.), сданный в Моссовет в 1923 г., и список священников храма, где перечислены Петр Иванович Соколов, Василий Николаевич Сергиевский и Федор Николаевич Алексинский. Сестры объединились в трудовую артель, во главе которой встала 61-летняя Наталья Сергеевна Закатова, управлявшая монастырем в 1914–1918 гг.

В 1922 г. власти произвели масштабное изъятие из храмов бывшей обители церковного серебра «в помощь голодающим Поволжья».

Постепенно, шаг за шагом, власти создавали невыносимые условия для проживания сестер в стенах бывшего монастыря. Часть монастырских зданий, как уже говорилось выше, заняли подразделения Института Красной профессуры, а в апреле 1922 г. по Постановлению СНК РСФСР вместо них в стены бывшей обители въехал КУТВ. Под нужды общежития КУТВ им. Сталина были переданы помещения закрытых в 1925–1926 гг. домовой церкви прпп. Антония и Феодосия Печерских, где хранилась церковная утварь, и Алексиевского храма в колокольне.

В 1926 г. число монашествующих в стенах бывшей обители достигло 240 чел., и с этого года власти стали активно заниматься проблемой их выселения. Именно с целью «выселения престарелых монахинь в бывший Борисоглебский монастырь Павловской волости из Страстного монастыря» в мае 1926 г. сюда был послан представитель Главнауки Наркомпроса РСФСР Антюхов. Тогда же инспектор Адмотдела Моссовета Новиков обнаружил в алтаре собора тайник, в котором находились корона убруса с простыми камнями, обшитая жемчугом, и различное церковное имущество. Подобные прецеденты в условиях тех лет служили предлогом для развертывания репрессий. Вскоре и начались гонения.

Самым трагичным в жизни общины стал 1928 г. Постановлением Президиума Моссовета от 21 марта 1928 г. собор был закрыт, его передали для нужд Центрархива. В этом же году в отделе благоустройства Моссовета разрабатывался вопрос о сносе монастырской стены и некоторых зданий, выходивших в Путинковский пер. Во время подготовки этого постановления в феврале 1928 г. начальник Главнауки Наркомпроса РСФСР Ф. Н. Петров отправил в Президиум Моссовета письмо с указанием на историко-архитектурную ценность бывшего монастырского собора: «Собор б. Страстного монастыря является выдающимся архитектурным памятником XVII в. (1697 г.) и подлежит сохранению полностью без изменения наружного вида. Общее внутреннее его убранство историко-художественного значения не имеет, и поэтому здание может быть использовано под архив или иным образом, не вызывающим необходимости какого-либо изменения внешнего вида. В соборе имеются некоторые предметы перворазрядного музейного значения, которые подлежат охране».

Узнав о решении Моссовета, приходская община встала на защиту своей святыни, организовала сбор подписей верующих и 3 апреля 1928 г. написала заявление-жалобу. Прихожане писали, что «Община в полном сознании своей ответственности за сохранность здания, взятого на учет Музейным отделом Главнауки как постройка XVII в., представляющая большой историко-художественный интерес», что в 1924–1927 гг. на их средства был произведен капитальный ремонт всего фасада, кровель, исправлено центральное отопление и, что «ликвидация… церкви согласно постановлению Президиума Мосгубисполкома является… ничем не вызванною и… незаслуженною». В письме содержалась настойчивая просьба не закрывать храм: «Соборная церковь бывшего Страстного монастыря пользуется особым религиозным почитанием. Верующие граждане Москвы привыкли видеть эту церковь хранительницей религиозной святыни, и ликвидация ее для широких кругов верующих была бы особенно болезненна. Об этом свидетельствуют тысячи подписей верующих, при сем прилагающих». К заявлению-жалобе был приложен список на 97-ми листах (!) с подписями за открытие собора 5 198 чел.

Заключение по заявлению верующих писал секретарь Председателя ВЦИК Н. М. Орлеанский, который запросил мнение Главнауки. На этот раз начальник Главнауки Ф. Н. Петров был сговорчивее и написал, что «ввиду отсутствия художественного значения внутреннего убранства собора [Главнаука] не возражает против данного использования», однако все же при этом «архитектурный… облик здания является ценным памятником конца XVII в., подлежит охране и должен остаться без изменения». 24 апреля 1928 г. Н. М. Орлеанский рекомендовал жалобу верующих отклонить, и уже 9 мая того же года заместитель Председателя ВЦИК П. Г. Смидович практически утвердил Постановление Президиума Моссовета о закрытии Страстного собора и передаче его Центрархиву. Но параллельно с этой «архивной» историей стала развиваться и другая, связанная с Союзом воинствующих безбожников.

Монастырю суждено было стать не архивным хранилищем, а антирелигиозным музеем с жутковатыми целями и соответствующей экспозицией. Инициатором такого превращения святыни в орудие для борьбы с религией стал председатель Союза воинствующих безбожников Емельян Ярославский (Моисей Губельман), обратившийся 14 мая 1928 г. в Моссовет с письмом. В этом дружеском послании первый безбожник страны писал: «Партия много говорит о том, что надо усилить антирелигиозную пропаганду. У нас в Москве имеются даже религиозные музеи, и сотни помещений заняты церковниками и попами. А один единственный антирелигиозный музей, который мы организовали в Москве, этом центре Поповства, ютится в жалком подвальном помещении (Елецкий пер. д. 8). Мы просим дать нам помещение в центре города и такое, чтобы можно было в нем развернуть работу. Нельзя ли дать нам Страстной монастырь? Тов. Кандидову мы поручим вести организацию этого дела. Прошу Вас и вообще членов Моссовета отнестись к этому со вниманием, которое заслуживает это новое начинание. Прямо стыдно, что никто нам не идет навстречу в этом деле. С коммунистическим приветом». На следующий день, 15 мая, под председательством того же Е. Ярославского и при секретарстве другого такого же богоборца — Тучкова, на заседании Комиссии по проведению Декрета об отделении церкви от государства при ЦК ВКП(б) было принято решение обратиться к комфракции Моссовета с просьбой передать Страстной монастырь под антирелигиозный музей.

Оказалось, что у безбожников было больше влияния на Моссовет, чем у архивистов. Президиум Моссовета уже 27 июня 1928 г. «скорректировал» своим новым постановлением судьбу Страстного собора: Центрархиву предоставлялась только нижняя церковь, а более просторная верхняя отводилась Центральному Совету Союза воинствующих безбожников под устроение антирелигиозного музея. Вскоре на колокольне бывшей Страстной обители появилась большая вывеска «Центральный антирелигиозный музей» (ЦАМ), а монахинь, естественно, выселили в подмосковные монастыри.

Музеи в Донском и Новодевичьем монастырях в 1928–1929 гг., как уже говорилось, также были преобразованы в антирелигиозные, и активно обсуждался вопрос о слиянии их в Единый государственный Антирелигиозный музей с тремя отделениями-музеями. Однако этого так и не произошло, а ЦАМ просуществовал в бывшем Страстном монастыре до полного сноса последнего (1937 г.).

Хотя главный архитектор Москвы В. Н. Семенов еще в 1932 г. призывал снести монастырь, а на его месте построить Дом литератора, передвинув к нему и памятник А. С. Пушкину (вот, когда родилась мысль о передвижении памятника!), реальная возможность сноса представилась лишь через 5 лет, причем планы В. Н. Семенова воплотил А. В. Щусев, когда-то строивший храмы, а теперь руководивший реконструкцией улицы Горького. В мае 1937 г. трест «Мосразбор» приступил к сносу ансамбля на Пушкинской площади. Одновременно экспонаты и фонды ЦАМ перевозили в переданную ему церковь свт. Николы Чудотворца в Новой Слободе (на ул. Каляевской). Летом-осенью 1937 г. с древней обителью все было кончено — монастырь, снесенный в канун 20-летия советской власти, стал одной из последних крупных предвоенных жертв антирелигиозной политики в столице. От ансамбля обители до наших дней дошло лишь 1, притом самое позднее, четырехэтажное здание монастырской гостиницы, расположенное позади современного кинотеатра «Россия», построенного в 1961 г. Помимо кинотеатра, на месте бывшего Страстного монастыря другой застройки не появилось, здесь был разбит сквер с фонтанами, и сюда в 1950 г. перенесли памятник

А. С. Пушкину (примерно на место монастырской колокольни), установленный в 1880 г. напротив монастырского ансамбля в начале Тверского бульвара.

Колокола с монастырской колокольни оказались в Музыкальном театре им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, и лишь в 1990 г. отсюда в возрождаемую Оптину пустынь был передан 193-пудовый большой колокол 1730-х гг., остальные же 10 в середине 1990-х гг. театр отдал в открывшийся храм Спаса Преображения на Арбате.

В начале 2000-х гг. в Москве самоорганизовалось общественное движение за воссоздание ансамбля Страстного монастыря или хотя бы его части (например, колокольни). С 2006 г. существует община Страстного монастыря, регулярно проходят молитвенные стояния и крестные ходы, организуется сбор подписей за возрождение монастыря. Благодаря деятельности общины удалось предотвратить масштабный проект реконструкции Пушкинской пл. и строительства подземных стоянки, торговых центров и транспортного тоннеля. На базе общины появилось общественное «Объединение организаций и граждан за восстановление Страстного монастыря», которое проводит разнообразную работу по популяризации исторического наследия монастыря, по сохранению уцелевших захоронений, остатков фундаментов монастырских зданий с целью воссоздания исторической обители и создания общественного музея.

Возрожденная Комиссия «Старая Москва» в лице ее председателя В. Б. Муравьева в 2006 г. подала заявку на придание исторической территории бывшего монастыря статуса достопримечательного места Москвы, однако получила отказ. Был поднят и вопрос о возвращении памятника А. С. Пушкину на прежнее (историческое) место — на Тверской бульвар. Москвоведы разработали предпроектные предложения восстановления основных элементов ансамбля Страстной пл. и монастыря. В 2010 г. археологи геофизическим методом выявили сохранившиеся в земле фрагменты фундаментов монастырских зданий, в том числе колокольни.

В сквере за памятником Пушкину установили памятные знаки, посвященные обители и ее некрополю. 26 августа 2012 г. благодаря общине здесь также появился гранитный камень в память о Страстном монастыре с его изображением (автор — архитектор А. А. Мелихова).

Активистами движения архитекторами А. А. Мелиховой и Р. В. Цеханским в 2013 г. издана иллюстрированная книга «Страсти и надежды Пушкинской (Страстной) площади и Страстного монастыря» (208 с.). Община Страстного монастыря создала свой сайт, она издает памятные календари, отмечает все религиозные праздники, связанные с историей обители и с существовавшими в ней престолами. Деятельность общины духовно окормляет настоятель близлежащего храма Успения Божией Матери в Путинках иерей Алексей Гомонов. В начале 2020 г. община получила в свое распоряжение помещение в сохранившемся здании бывшей монастырской гостиницы.

Страстной иконы Божией Матери собор

не сохранился

Собор сооружен по распоряжению царя Михаила Федоровича в 1641–1646 гг. еще до устройства монастыря (перестроен в 1692 г.). Собор представлял собою двухэтажное здание, квадратное в плане, к которому позже с запада пристроили

прямоугольную трапезную. С 3-х сторон его окружали двухэтажные галереи. В стены храма были вделаны надгробные плиты. Пять глав собора завершались старинными коваными прорезными крестами.

Храм во имя Страстной иконы помещался в верхнем этаже собора. Здесь был устроен пятиярусный резной золоченый иконостас. По левую сторону у царских врат находилась главная монастырская святыня — чудотворная Страстная икона Божией Матери в серебряной ризе, убрус которой был украшен перламутром, бусами, аметистами и другими камнями. Венец другой иконы — Спаса, был украшен 5-ю аметистами. 12 июня 1899 г. в боковой галерее верхнего храма собора освятили придел в честь прп. Нила Столобенского, сооруженный усердием вдовы протоиерея Нила Воронцова, прослужившего здесь 46 лет. В новом приделе был устроен трехъярусный иконостас.

Нижний этаж монастырского собора занимала придельная зимняя церковь св. Михаила архангела, освященная в 1690 г. В 1692 г. при ней появился придел свт. Николая Чудотворца.

Соборный храм сгорел в 1778 г., из горящего здания успели вынести лишь чудотворный Страстной образ и небольшую часть утвари. Для возобновления собора императрица Екатерина II пожертвовала значительную денежную сумму. 1 июня 1779 г. митрополит Московский Платон освятил верхний храм собора.

В 1841 г. грузинская княгиня Елена Цицианова подарила монастырю великую христианскую святыню — главу св. вмц. Анастасии Узорешительницы, хранившуюся долгие годы в семье. Через 3 года митрополит Московский Филарет в правой галерее нижнего храма освятил придел св. вмц. Анастасии Узорешительницы. Здесь перед образами св. Анастасии и Воскресения Христова на мраморном столике находился серебряно-вызолоченный ковчег с мощами святой. В соборе хранилась и почиталась бронзовая гробница, где в 3-х больших серебряных и 5-ти малых крестах и 1 медальоне пребывали св. мощи разных угодников Божиих.

Все иконостасы нижнего и верхнего храмов и их приделов были сооружены во второй половине XIX в.

В соборе находилось множество серебряных богослужебных сосудов и церковной утвари. Серебро изъяли в 1922 г.: десятки содранных с икон серебряных риз, около 40 серебряных лампад и проч. В первые годы советской власти музейные работники Наркомпроса РСФСР поставили собор Страстного монастыря на учет и под охрану как архитектурный памятник конца XVII в., не подлежащий переделкам (о чем мы уже писали). В 1924 г. силами образованной в бывшем монастыре трудовой монашеской артели и прихожан собора был произведен капитальный наружный ремонт церковного здания, стоимостью более 6 тыс. руб. К сожалению, мы мало знаем о церковно-приходской жизни храма в 1920-е гг. В архиве сохранился единственный протокол общего собрания членов религиозного общества при храме Страстной Богоматери от 15 апреля 1926 г. (присутствовало 83 чел.), на котором была оглашена информация о том, что поступили заявления от 501 чел. о принятии их в число членов религиозного общества. Известно также, что в храм жертвовалось значительное число икон.

Но власти давно уже вынашивали планы изгнания монашествующих и закрытия собора. Президиум Моссовета на заседании от 21 марта 1928 г. принял

решение закрыть монастырский собор «вследствие необходимости для Центрархива РСФСР в помещении для архивохранилища…», но уже 27 июня того же года верхний храм передается Союзу воинствующих безбожников. Через несколько месяцев собор занял ЦАМ. Судьба большей части соборной утвари и икон неизвестна. Некоторое церковное имущество, в том числе 4 паникадила, напольные подсвечники и другие, передали на склад Мосфинотдела. Мы знаем, что удалось перенести в церковь Воскресения в Сокольниках чудотворный Страстной образ Божией Матери, а в храм Знамения, что у Переяславской слободы — скульптурный крест-голгофу. Святыни и ныне находятся в этих храмах.

В ЦАМ свозили из закрытых храмов и монастырей иконы, церковную утварь. Здесь были выставлены с кощунственными подписями св. мощи прп. Серафима Саровского, свт. Иоасафа Белгородского, виленских св. угодников Иоанна, Антония и Евстафия. В 1934 г. этот антимузей, воспитывавший низменные чувства, был признан научно-исследовательским учреждением всесоюзного значения. Ежегодно его посещали десятки тыс. чел.

И в 1930-е гг. собор по-прежнему стоял на государственном учете как памятник архитектуры. В архиве сохранился датированный ноябрем 1932 г. паспорт на него, в котором особо указывалось на церковное пятиглавие «с богато украшенными кованными и прорезными железными крестами». Высокая монастырская колокольня использовалась городскими хозяйственными службами для размещения на ее фасаде политических и рекламных плакатов.

Снесли Страстной собор в августе-сентябре 1937 г., а осенью на его месте была уже заасфальтированная площадка. К 20-летию Октябрьской революции на площадке установили различные макеты: бюсты вождей, глобус и т. д. После сноса собора экспонаты ЦАМ передали сначала в закрытый храм свт. Николая в Новой Слободе, а позже перевезли в музей, размещавшийся в Казанском соборе в Ленинграде.

Алексия человека Божия прп. храм

в колокольне

не сохранился

Первое упоминание о церкви в шатровой монастырской колокольне относится к 1702 г. В 1773 г. она сильно пострадала от пожара и вновь была освящена после восстановления 19 октября 1781 г.

В 1849 г. митрополит Московский Филарет ходатайствовал перед Св. Синодом о сносе ветхой колокольни, ссылаясь на просьбу игумении выстроить на ее месте по составленному архитектором М. Д. Быковским проекту новую. Уничтожение древней звонницы вызвало неудовольствие у многих ревнителей церковной старины. Писатель А. К. Толстой жаловался в письме императору Александру II: «На моих глазах, Ваше Величество, лет шесть тому назад в Москве снесли древнюю колокольню Страстного монастыря, и она рухнула на мостовую как поваленное дерево, так что не отломился ни один кирпич, а на ее месте соорудили новую псевдорусскую колокольню».

В своей книге о М. Д. Быковском Е. И. Кириченко пишет, что этот архитектор начал работать в Страстном монастыре еще в 1843 г., когда занимался отделкой интерьера придела вмц. Анастасии в монастырском соборе. В 1849 г. заключение по поводу состояния старой колокольни и нового проекта дал архитектор Н. И. Козловский, его мнение нашло отражение в соответствующем документе ведомства, отвечавшего за строительство: по «осмотру существующая в Страстном монастыре колокольня и боковые при ней корпуса оказались ветхими, неблагонадежными и требующими неминуемой перестройки, а к памятникам древности, по мнению его, Козловского, они принадлежать не могут; боковые же пристройки не имеют даже соотношения ни к середине здания, ни между собой. Правление IV округа, рассмотрев составленный архитектором Быковским на помянутую перестройку проект, нашло оный весьма благовидным…». Проект был утвержден императором 28 февраля 1850 г. Е. И. Кириченко особо отмечала градостроительную роль новой колокольни: «Быковский не только резко увеличивает размеры колокольни, придает ей ярко выраженную столпообразность… Он меняет ее местоположение, приближая к красной линии Тверской улицы. Благодаря этому колокольня превратилась в важнейшую архитектурную доминанту…».

Небольшую надвратную церковь прп. Алексия человека Божия в нововыстроенной звонннице освятили 24 октября 1855 г. Ряд икон в ее иконостасе, в том числе храмовый образ, принадлежали кисти известного художника В. В. Пукирева, стены же и алтарь расписал художник Чернов.

В арке на западной стене храма на беломраморной доске золотыми буквами было начертано: «Во славу Св. Единосущные и нераздельныя Троицы благословением Святейшего Синода члена митрополита Московского Филарета здание в Церковью во имя Алексия человека Божия с колокольней и келиями сооружено настоятельницею св. обители игуменею Таисией, бывшею в миру княжною Давлет Кильдеевою 24 октября 1855 г.».

На колокольне находилось 9 колоколов, самый большой из них весил 210 пудов. Над вратами колокольни поместили большой образ Страстной иконы Божией Матери с неугасимой лампадой. По правую сторону от ворот устроили небольшую часовню для старинной иконы Божией Матери, помещавшейся ранее на старых Триумфальных воротах (утраченных к XIX в.)

Алексиевский храм был закрыт в 1926 г. Колокольню, как и весь монастырь, уничтожили в 1937 г.

Московская общественность в начале XXI в. неоднократно обсуждала современные проекты воссоздания колокольни.

Антония и Феодосия Печерских прпп. домовый храм

при монастырской трапезной

не сохранился

10 мая 1898 г. в монастыре началось строительство по проекту архитектора В. Ф. Жигардловича и на средства Л. Г. Шишковой здания трапезной. При ней 4 апреля 1899 г. был освящен небольшой одноглавый храм во имя прпп. Антония

и Феодосия Печерских. В храме соорудили четырехъярусный в византийском стиле иконостас.

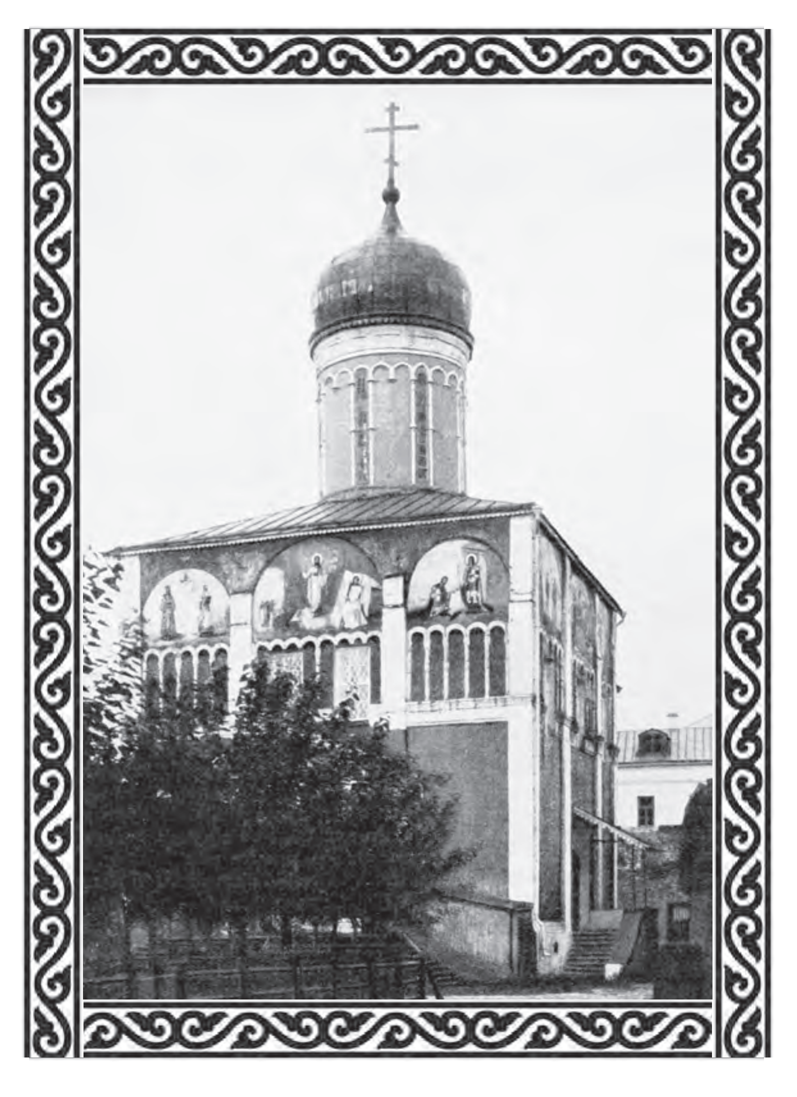
Храм, как имеющий характер монастырского домового, был закрыт по просьбе руководства КУТВ имени Сталина и при содействии Главнауки Наркомпроса РСФСР в 1926 г. По некоторым данным, в церковном помещении была устроена студенческая столовая.

Помещение бывшего храма было разрушено одновременно со всем монастырским ансамблем в 1937 г.

Источники и литература:

1. ЦГАМО. — Ф. 66. — Оп. 18. — Д. 247. Переписка об охране имущества церквей — Л. 8; Д. 723. Переписка по вопросу передачи Страстного монастыря Союзу безбожников. 1928 г. — 4 л.
2. ЦГАМО. — Ф. 4341. — Оп. 1. — Д. 258. Докладная записка и переписка о присоединении к Центральному антирелигиозному музею музеев, помещающихся в бывшем Донском и Новодевичьем монастырях. 1929–1930 гг. — 24 л.
3. ЦГАМО. — Ф. 4557. — Оп. 8. — Д. 413. Материалы о сносе церквей в Москве в 1928 г. — Л. 28–30; Оп. 11. — Д. 170. Акты обследований церковных и монастырских помещений. 1918–1919 гг. — Л. 13–15.
4. ЦГА г. Москвы. — Ф. Р-1. — Оп. 1. — Д. 131. Страстной монастырь (Паспорт). 1932 г. — 4 л.
5. ЦГА г. Москвы. — Ф. Р-1215. — Оп. 4. — Д. 27. Дело о регистрации религиозного общества при храме во имя Страстной Божией Матери на Тверской ул. 1923–1928 гг. — 179 л.
6. ГАРФ. — Ф. Р-1235. — Оп. 64. — Д. 446. Переписка с Наркомпросом и местными исполнительными комитетами… о передаче церквей под культурно-просветительские учреждения… 1928 г.; Оп. 73. — Д. 1660. Отношение Главнауки о предоставлении здания собора Страстного монастыря под архивохранилище. — 1 л.
7. *М. А.* Краткий исторический очерк Московского Страстного монастыря // ЧОИДР. — 1876. — Кн. 2. — С. 61–67.
8. Историко-статистическое и археологическое описание Московского Страстного девичьего монастыря / сост. И. Ф. Токмаков. — М., 1897. — 152 с.
9. [Освящение храма во имя преп. Печерских чудотворцев в Страстном монастыре] // МЦВ. — 1899. — № 15.
10. *Кириченко Е. И.* Михаил Быковский. — М., 1988. — 256 с.
11. *Работкевич А. В.* История Московского женского Страстного монастыря : 1641–1937 : Дипломная работа. На правах рукописи. — М., 1992.
12. Сорок Сороков : краткая иллюстрированная история всех московских храмов : [в 4 т.] / собр. П. Паламарчук; фот. П. Паламарчука, А. Демченко. — Т. 1. Кремль и монастыри. — М., 1992. — С. 209–213.
13. *Работкевич А. В.* Архивные документы по истории Московского Страстного монастыря // Археографический ежегодник за 1997 г. — М., 1997. — С. 266–273.
14. Пушкинская (Страстная) площадь и Страстной монастырь : история и современность : предложения по восстановлению исторической среды Пушкинской площади / разработка Комис. «Старая Москва»; [авт.-сост. А. А. Мелихова, Р. В. Цеханский] — М., 2008. — 134 с.
15. *Мелихова А. А., Цеханский Р. В.* Страсти и надежды Пушкинской (Страстной) площади и Страстного монастыря. — М., 2013. — 207 с.

Чудов кафедральный 1-го класса необщежительный мужской монастырь

в Кремле

не сохранился

В начале XX в. – 3 храма с 7 престолами

Алексия митрополита Московского свт. собор

Андрея Первозванного св. ап. храм
Благовещения Пресвятой Богородицы храм
Сергия Радонежского прп. в подклете храм-усыпальница

Иоасафа Белгородского свт. домовый (крестовый) храм

Чуда архангела Михаила собор

Гермогена патриарха св. сщмч. в подклете храм

ИСТОРИЯ ДО 1917 г.

Один из древнейших монастырей Москвы находился в Кремле, неподалеку от Спасских ворот, и граничил с женским Вознесенским монастырем. Основание Чудова монастыря связывают с именем свт. Алексия митрополита Московского, исцелившего Тайдулу — жену золотоордынского хана Джанибека. В благодарность за это Тайдула подарила митрополиту принадлежавшее Золотой Орде подворье в Кремле. Некоторые исследователи полагают, что это произошло в 1350-е гг., а сооружение первой каменной церкви и основание мужского монастыря в память Чуда архистратига Михаила в Хонех относится к 1365 г. Монастырь не единожды сильно пострадал от пожаров: при разорении Москвы ханом Тохтамышем (1382 г.), при великих пожарах 1493, 1547 и 1626 гг. Монастырский собор коренным образом перестраивался в XV в., в 1480-е гг. в обители была сооружена новая Алексеевская церковь. В самом начале XVI в. собор был разобран, и на его месте появился новый. В 1556 г. по велению Ивана Грозного в память рождения дочери царя Евдокии над задними вратами обители построили храм во имя прп. Иоанна Лествичника с приделом прмц. Евдокии. В середине XVII в. церковь эту переосвятили во имя сщмч. Елевферия (по мирскому имени святителя Алексея), а позже

меняли посвящение еще дважды: в XVII в. при митрополите Платоне — во имя свв. мчч. Платона и Романа, а затем — во имя Всех Святых. В 1680 г. на месте Алексеевского храма была заложена новая большая многоглавая церковь того же посвящения с отдельным храмом-приделом в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. Тогда же был сооружен храм св. ап. Андрея Первозванного. После этого вплоть до начала XX в. новых храмов в монастыре не устраивали.

Монастырь был связан со многими историческими событиями и замечательными личностями. Здесь находились святые мощи основателя обители свт. Алексия митрополита Московского (†1378). Архимандритом обители был будущий архиепископ Новгородский Геннадий. И. Е. Забелин указывал, что в 1464 г. «здесь нашел мирное прибежище митрополит Феодосий Бывальцев, возбудивший в толпе попов и дьяконов великую нелюбовь и проклятие за свои строгие к ним распоряжения, желая неволею привести их к правому пути Божию».

С XVI в. ведет свое начало обычай крестить царских детей у мощей свт. Алексия. Иван Грозный крестил в монастыре своих детей: царевича Ивана в 1554 г., царевну Евдокию в 1556 г., царевича Федора в 1557 г., дочь Феодосию, вскоре после рождения умершую. Следуя этому обычаю, в начале XVII в. царь Михаил Федорович крестил в соборе своих детей, в том числе и сына Алексея (1629 г.) — будущего царя Алексея Михайловича. Последний крестил там же первенца Дмитрия в 1648 г., потом Петра (1672 г.) — будущего царя Петра I, и его сестру царевну Наталью. В 1818 г. в монастыре крестили и будущего императора Александра II.

В первой половине XVI в. в келиях Чудова монастыря жил знаменитый монах-богослов Максим Грек, а также ученые монахи из греческих, болгарских и сербских монастырей. В 1610 г. в обители был насильно пострижен царь Василий Шуйский.

В стенах монастыря пребывали и личности, сыгравшие негативную роль в истории России: здесь был заключен принявший Флорентийскую унию (1439 г.) митрополит Исидор, в 1440 г. бежавший в Рим; по преданию, Григорий Отрепьев (в будущем Лжедмитрий I) был монахом Чудова монастыря.

Обитель прославил живший в ней во время Смуты Патриарх Гермоген, рассылавший отсюда грамоты с призывом стоять за православную веру. В монастырском подвале в 1612 г. он и скончался. В Чудовом монастыре произошло важнейшее в церковной истории России событие — 12 декабря 1666 г. в присутствии двух вселенских Патриархов состоялся Соборный суд над Патриархом Никоном, на котором его лишили патриаршего сана.

Среди настоятелей монастыря были знаменитые в истории Церкви деятели: мы уже упоминали архиепископа Геннадия (1480–1484 гг.); укажем также на Иоакима (Савелова; 1678–1686 гг.) и Адриана (1678–1686 гг.) — впоследствии Патриархов Всероссийских.

Велика роль Чудова монастыря в первых шагах отечественного просвещения. При Патриархе Филарете Никитиче в первой половине XVII в. здесь была основана ученая греко-латинская школа, руководителем которой был грек Арсений, а позже его сменил известный просветитель Епифаний Славинецкий. Эта школа стала прообразом Славяно-греко-латинской академии, устроенной в 1680-х гг. в Заиконоспасском монастыре.

Чудов монастырь сыграл выдающуюся роль в становлении и развитии Московской епархии. В 1744 г. он был определен как место жительства и деятельности архиереев Московской епархии с наименованием кафедрального монастыря. Здесь находилась резиденция первых епархиальных архиереев Иосифа (Волчанского), Платона I (Малиновского), Тимофея (Щербацкого), Амвросия (Зертис-Каменского). В обители располагались и органы управления епархий: Дикастерия и сменившая ее Московская духовная консистория с архивом. В 1764 г. монастырь получил статус ставропигиального, и к нему в 1775 г. была приписана Николо-Перервинская обитель.

В середине XVIII в. здесь был основан ставший широко известным в Москве Чудовский хор певчих.

В Чудовом монастыре были похоронены многие известные светские и церковные деятели России и Москвы, в первую очередь, пребывавшие в обители или жившие в своих кремлевских усадьбах по соседству. В храмах и на монастырском кладбище были погребены церковные деятели: свт. Геннадий архиепископ Новгородский (†1505), митрополит Адрианопольский Матфий, московские архиепископы XVIII в. Иосиф (Волчанский; †1745), Платон (Малиновский; †1754), Тимофей (Щербацкий; †1767). В 1565 г. здесь похоронили взятого при завоевании Казанского царства хана Едигера (в крещении Симеона). В XVII–XVIII вв. в обители упокоились известные духовные писатели и просветители: Епифаний Славинецкий (†1675) и Карион Истомин (†1717). К этому же периоду относятся захоронения представителей знатных боярских и княжеских родов: Морозовых, Салтыковых, Куракиных, Волынских, Хованских, Оболенских, Одоевских, Собакиных, Стрешневых, Щербатовых и др. И. Е. Забелин приводил надпись любопытного содержания на надгробии одного из последних погребенных на монастырском кладбище — князя С. М. Хованского:

«Всяк прочтет сию таблицу, внемли,
Коль кратка есть жизнь наша на земли.
Для того ставятся на гробах приметы,
Дабы память была в вечныя леты…».

Со времени Петра I архимандритами монастыря назначались только малороссы, главным образом, окончившие Киевскую академию, и только в царствование Елизаветы Петровны, с 1754 г. разрешено было назначать на должности архимандритов великороссов.

В 1771 г. обитель подверглась настоящему разгрому со стороны взбунтовавшейся толпы, возмущенной мерами московского архиепископа Амвросия по пресечению распространения эпидемии чумы. Вскоре после этого Чумного бунта по проекту М. Ф. Казакова на месте пострадавших архиерейских палат соорудили новое двухэтажное здание с домовым храмом во имя свв. апп. Петра и Павла. В 1799 г. в монастыре между архиерейскими и караульными палатами возвели небольшую колокольню.

Страшные по своим последствиям испытания выпали на долю монастыря в Отечественную войну 1812 года. Он был разграблен, и французы произвели там

многочисленные святотатства. В соборе они устроили конюшню и спальню для маршала Даву.

После Отечественной войны 1812 года территория монастыря была урезана в результате передачи Архиерейского дома с Петропавловским храмом дворцовому ведомству. Часть монастырских зданий передали Духовной консистории, Епархиальному попечительству и Цензурному комитету.

Большие по объему благоустроительные и реставрационные работы проводились в обители в 1830–1840-х гг. под руководством архитектора М. Д. Быковского. В старину монастырь владел значительными земельными угодьями.

В XIX и особенно в начале XX в. Чудов монастырь находился в центре церковно-общественной жизни Москвы. Он, как и некоторые другие московские обители, считался «царским», и его всегда посещали русские императоры и члены их семей во время пребывания в Первопрестольной. Ежегодный крестный ход из Чудова монастыря в кремлевский Успенский собор в день памяти московских святителей и чудотворцев Петра, Алексия, Ионы и Филиппа — 5 октября, собирал тысячи верующих. В 1905 г. в обители был погребен убитый бомбой террориста великий князь Сергей Александрович, а через 2 года в месте захоронения был устроен новый храм-усыпальница с престолом прп. Сергия Радонежского.

В начале XX в. при обители действовало общество хоругвеносцев, а в 1909 г. было открыто Братство свтт. московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа, главными задачами которого было укрепление христианской веры и церковной жизни на началах соборности. При Чудовском хоре действовало Чудовское благотворительное общество. Оживлению жизни во многом способствовал известный церковный деятель наместник Чудова монастыря с 1904 г. архимандрит Арсений (Жадановский), ставший в 1914 г. епископом Серпуховским, викарием Московской епархии.

В начале XX в. в Чудовом монастыре появились новые храмы. Помимо уже упомянутого храма-усыпальницы великого князя Сергея Александровича, здесь в 1911 г. при келиях наместника устроили небольшой храм во имя свт. Иоасафа Белгородского, спустя 2 года в подклете собора появился храм во имя сщмч. Патриарха Гермогена.

К XX в. от некогда обширных земельных владений за обителью оставались лишь небольшие участки земли при деревнях Нагатино и Кожухово, в Хамовниках (так называемое Чудовское подворье), в с. Черкизове с загородной митрополичьей дачей.

В 1905 г. в обители числились 50 чел.: наместник-архимандрит, казначей-архимандрит, 10 иеромонахов, 4 иеродиакона, 34 послушника.

ИСТОРИЯ ПОСЛЕ 1917 г.

Революционные события 1917 г. прямым образом сказались на сохранности древних монастырских памятников. Обстрел Кремля — главной святыни России, в октябре 1917 г. нанес глубокие раны и Чудовской обители. Фасад главного двухэтажного монастырского корпуса с южной стороны был пробит 6-ю тяжелыми снарядами. Были повреждены палаты митрополита. Как вспоминал очевидец, «Мощи Святителя Алексия с начала обстрела были перенесены в пещерную церковь, где под низкими сводами пещерного храма денно-нощно митрополит Вениамин (Петроградский), архиепископ Гродненский Михаил, наместник Чудова

монастыря епископ Арсений, Зосимовский старец Алексий и вся братия совершали моления под несмолкаемый грохот орудий, потрясающих стены храма». Монахи Чудова монастыря обратились к противоборствующим сторонам с воззванием: «Вопль из Священного Кремля», в котором призывали людей образумиться, прекратить междоусобную брань. Но время уже отсчитывало часы иной, трагической для Русской Православной Церкви эпохи.

Обращение Кремля в резиденцию советского правительства с марта 1918 г. привело к закрытию древних соборов. Летом 1918 г. по указанию ВЦИК и СНК РСФСР были выселены монахи и монахини из Чудова и Вознесенского монастырей. Помещения и храмы Чудова монастыря приспосабливались под казармы пулеметных курсов, лудильную мастерскую, клубы. Позже древнюю обитель облюбовало санитарное управление Кремля. Непоправимый ущерб монастырю нанесло изъятие церковных ценностей. В течение недели — с 24 по 30 марта 1922 г., в Чудовом монастыре специальная подкомиссия изымала и упаковывала серебряные и золотые церковные предметы. Всего из храмов древней обители в ГОХРАН на 3-х подводах было вывезено риз, окладов Евангелий, богослужебных сосудов, украшений раки, другой серебряной утвари — общим весом более 57 пудов. Ценностей было изъято более, чем в любом другом монастыре Московской епархии.

С середины 1920-х гг. территорию обители стали «освобождать» и от исторических надгробий. В 1929 г. безбожные власти Советского государства решили уничтожить древнейшие обители Кремля. В мае об этом решении стало известно музейным работникам и реставраторам, попытавшимся доказать руководству страны уникальность и значимость ансамбля в истории культуры. Ведущие архитекторы и реставраторы направили письма в защиту памятников, но осенью 1929 г. по распоряжению властей началась разборка монастырских строений. В ноябре 1929 г. на заседании в ЦГРМ реставратор Д. П. Сухов информировал, что в самом скором будущем начнется разборка церкви Чуда архангела Михаила, а работа по составлению обмерных чертежей шла медленно. 11 декабря 1929 г. Сухов вновь предупредил реставраторов, что, по имеющимся у него сведениям, снос храма намерены начать в ближайшие дни. Лишь после этого ЦГРМ образовали комиссию под руководством известного реставратора А. И. Анисимова для снятия древних фресок и части декора церкви. Комиссия, в состав которой входили такие крупные специалисты как Г. О. Чириков, М. И. Тюлин, наметила для съемки 35 фрагментов росписи храма и даже успела снять 2 фрески на северной стене. Со стороны Управления Кремля Комиссию заверили в том, что в течение 2-х недель разборка церкви производиться не будет. Однако вечером 17 декабря 1929 г. главный храм Чудова монастыря взорвали. Так погиб древнейший в Москве собор Чуда архангела Михаила. Приговор был приведен в исполнение, и уже никто не пытался разобраться, почему так варварски и раньше намеченного срока уничтожили храм. Вероятно, не последнюю роль сыграла нагнетаемая в преддверии Рождества антицерковная истерия. «Уничтожение фресок большого художественного значения, — указывали ведущие реставраторы Москвы, — нанесло непоправимый ущерб делу изучения древних росписей XVII века». Тотчас после трагедии реставраторы пришли на пепелище, и пока не смерзлись обломки, собирали куски бесценной росписи. Эти работы продолжались и в январе 1930 г.

Руины уничтоженных монастырей растаскивали еще довольно долго. Летом 1930 г. реставраторы, наблюдавшие за разборкой фундамента Чудова монастыря, нашли множество древних каменных надгробий, из которых лишь несколько оказались в музее.

На месте снесенных Чудова и Вознесенского монастырей и Малого Николаевского дворца в 1932–1934 гг. было сооружено большое, в 3–4 этажа, здание 1-й Советской объединенной школы РККА им. ВЦИК. С 1938 г. в этом доме находились комендатура Кремля и секретариат Председателя Верховного Совета СССР. В 1958–1967 гг. в здании пребывал Кремлевский театр, а затем здесь проводились заседания Верховного Совета СССР. Постройка была известна как «14-й корпус Кремля». В 1990-е гг. здесь размещались службы администрации Президента России, находился его резервный кабинет. В начале 2000-х гг. начались дорогостоящие работы по реконструкции корпуса, укреплению фундамента и несущих стен.

Внезапно в 2014 г. Президент РФ В. В. Путин предложил разобрать корпус и воссоздать исторические Чудов и Вознесенский монастыри. В ходе беседы с руководителями Москвы, Музеев Московского Кремля и другими Президент сказал: «Такая возникла идея — не восстанавливать этот “новодел” (14-й корпус Кремля — *В. К.*) а, наоборот, восстановить исторический облик этого места с двумя монастырями и церковью». Эту новость с энтузиазмом восприняло православное население, однако влиятельная часть музейного сообщества и некоторые деятели культуры выступили против этого предложения.

С 2014 г. начались археологические изыскания, 14-й корпус был снесен. Учеными были выявлены архивные материалы, в частности, чертежи и фотографии, позволяющие начать воссоздание древних монастырей. В результате археологических раскопок были найдены фундаменты и подземные помещения зданий Чудова монастыря: трапезной, храма свт. митрополита Московского Алексия, а также более 100 захоронений.

В 2016–2017 гг. было решено монастыри не восстанавливать и, таким образом, высказанная Президентом идея не была поддержана. В мае 2016 г. на месте снесенного корпуса, и, соответственно, на месте расположения бывших монастырских стен высадили кустарник, ели и сосны, а в конце того же года застеклили археологические шурфы. В 2020 г. здесь был создан Музей археологии Чудова монастыря. Таким образом, к сожалению, вместо воссозданных древнейших памятников сегодня можно увидеть огромную пустую площадь с редкими насаждениями и посмотреть через стеклянные плиты на развалины оснований православных святынь — раскопанные остатки монастырских построек: фундаменты и подвалы.

Несмотря на полное уничтожение монастыря, часть находившихся в его храмах и ризнице святынь удалось спасти. Так мощи свт. Алексия были перенесены в кремлевский Архангельский собор, а в 1947 г. по просьбе Патриарха Алексия I переданы в Богоявленский собор в Елохове. В Оружейной палате Кремля хранятся иконостасные иконы начала XVII в. из собора св. архангела Михаила, а около полусотни старинных икон монастыря сохраняются в фондах Музеев Кремля. Несколько икон из Сергиевской усыпальницы Алексиевского собора и спасенные реставраторами фрагменты фресок XVI–XVII вв. находятся сейчас в Государственной Третьяковской галерее. Два фрагмента фресок попали в Русский музей Санкт-Петербурга.

Чуда архангела Михаила собор

не сохранился

В 1358 г. свт. Алексий построил в Кремле на месте, подаренном ханшей Тайдулой, деревянный храм во имя Чуда архангела Михаила в Хонех. Вместо деревянного в 1365 г. был сооружен каменный храм, и при нем основан общежительный монастырь. В 1378 г. в монастырском соборе в его Благовещенском приделе похоронили основателя обители свт. Алексия. В 1431 г. своды и стены собора рухнули и повредили гробницу митрополита. При разборке его мощи были найдены неповрежденными и нетленными. Полуразрушенное церковное здание тогда же, в 1430-е гг., восстановили. Полагают, что и второе здание собора пострадало в пожар 1493 г. и в 1501 г. было разобрано. На этом же месте возвели новую постройку, и 6 сентября 1503 г. собор освятили митрополит Симон и архиепископ Геннадий. Это церковное здание благополучно простояло более 500 лет вплоть до разрушения обители в XX в.

Исследователи, изучая сохранившиеся чертежи собора, выполненные в середине XIX в. Ф. Ф. Рихтером и в начале XX в. А. А. Потаповым, полагают, что его строителем был итальянский мастер. Пятиглавое церковное здание имело размеры 13х18 м и внутри делилось 4-мя квадратными столпами на 3 нефа. Под храмом находились белокаменные сводчатые подклеты и подвал. В 1518–1519 гг. собор расписали, а после пожара в середине XVI в. сделали новую роспись. После пожара 1626 г. был установлен новый иконостас. В подвале собора в Смутное время находился в заключении Патриарх Гермоген.

В северной части собора располагалась усыпальница с захоронениями Епифания Славинецкого, бояр Стрешневых, митрополитов московских синодального периода.

В 1780 г. пятиглавие на соборе было заменено на 1 главу, а вместо позакомарного покрытия устроили четырехскатное. Тогда же разобрали и примыкающую к собору галерею. В конце 1830-х — 1840-х гг. архитектор М. Д. Быковский провел в соборе первые реставрационные работы.

13 мая 1913 г. в подвале собора, где, по преданию, в 1611–1612 гг. погиб голодной смертью Патриарх Гермоген, был освящен храм во имя этого святителя (проект архитектора А. Ф. Мейснера).

С занятием большевистским правительством в марте 1918 г. многих зданий Московского Кремля под угрозу были поставлены и монастырские памятники. Не стал исключением и Чудов монастырь, его церковные постройки также использовались под различные нужды. Тем не менее, в Наркомпросе РСФСР продолжали следить за сохранностью древних храмов. В связи с предстоящей переделкой монастырских церквей в 1923 г. Музейный отдел Наркомпроса писал, что постройки Чудова монастыря «подлежат безусловной охране как памятники архитектуры высокой древности». В монастырском соборе сохранялась уникальная настенная живопись с изображением чудес св. архистратига Михаила и событий священной истории. Иконостас был пятиярусным. В интерьере были иконы и предметы церковного убранства XVII в. На царских вратах находились иконы Благовещения и 4-х евангелистов работы Симона Ушакова. В алтаре над престолом была укреплена двенадцатиглавая сень 1641 г. 3 паникадила в соборе датировались 1663 г.

Известно, что в конце 1920-х гг. властями было принято решение снести древнюю обитель, и музейным работникам и реставраторам поручили вывезти из храмов историко-художественные ценности, часть фресок. В организации подготовительных работ по снятию фрагментов росписи активное участие принимали реставраторы из ЦГРМ А. И. Анисимов, Г. О. Чириков, М. И. Тюлин, а также живописец П. Корин. Однако выполнить эти работы, как мы уже писали выше, реставраторам не дали. 17 декабря 1929 г. по указанию властей древний собор взорвали, реставраторов никто информировать о предстоящих действиях не стал, и последним пришлось собирать лишь осколки стенописи. Сохранился акт от 30 января 1930 г., составленный реставраторами Г. О. Чириковым, Н. Я. Епанечниковым, Н. Н. Лубковым, в котором описаны двухнедельные работы «по снятию фрагментов стенной росписи (фресок) во время отбора рабочими щебня и строительного кирпича с остатков разрушенных стен церкви Чудо Архангела Михаила бывшего Чудова монастыря Московского Кремля». В акте указывается, что эти фрагменты перевезены на Берсеневскую наб. в здание ЦГРМ, где произведена работа по укреплению 21 фрагмента. Перечислены и некоторые фрагменты росписи: «Иисус Христос», «Богоматерь», «Рука Богородицы», «Архангел Михаил», «Иисус Навин», «Святители», «Голова мальчика», «Ноги».

Вскоре на месте Чудова монастыря началось строительство здания военной школы, которую, в свою очередь, снесли в 2015–2016 гг., и фрагменты подклета нижней части собора сегодня можно увидеть в так называемом Музее археологии Чудова монастыря.

Алексия митрополита Московского свт. собор

не сохранился

В 1483–1485 гг. в Чудовом монастыре игуменом Геннадием был сооружен одноглавый храм во имя свт. Алексия митрополита Московского, и в него из Михаилоархангельского собора были перенесены мощи святого. Ко второй половине XVII в. Алексиевский храм обветшал, и вместо него в 1680 г. тщанием архимандрита Адриана (впоследствии Патриарха) был заложен новый храм под одной крышей с Благовещенской церковью, а позже здесь устроили и 3-ю церковь — во имя св. ап. Андрея Первозванного. На стене Алексиевского собора сохранялась белокаменная доска с храмозданной надписью: «Лета 7188 (1680) месяца августа начаты быти созидатися святые храмы первый храм в честь святого Благовещения, вторый св. Первозванного Апостола Андрея, третий св. Алексия митрополита Всероссийского повелением государя царя и великого князя Феодора Алексиевича по его Государственному чертежу и указной мере, каков чертеж от него Государя прислан в Чудов монастырь».

Исследователи отмечали необычную предложенную царем композицию — 3 храма под одной крышей: соборный Алексиевский, Благовещенский и Андреевский. Первые 2 были пятиглавыми и имели общую стену с аркой, под которой и находилась рака с мощами святителя. Арочный проход соединял алтари этих храмов. Алексиевская церковь была освящена 20 мая 1686 г. Патриархом Иоакимом

и архимандритом Адрианом в присутствии царя Иоанна Алексеевича и членов царской семьи. Храмы имели разное предназначение: в Алексиевский могли войти только мужчины, в Благовещенский — мужчины и женщины, а Андреевский использовался только монашествующими. В Благовещенскую придельную церковь можно было попасть исключительно через трапезную Алексиевского храма. Алексиевская и придельная Благовещенская церкви имели почти одинаковое устройство: обе трехапсидные и пятиглавые. У Благовещенского храма главы были значительно ниже, чем у Алексиевского, и не были видны с площади. Декоративное внешнее оформление церквей и глав было одинаковое.

Андреевский храм, хотя и находился в едином архитектурном комплексе, но имел и свою собственную историю и стоял особняком. Он был построен одновременно с храмом свт. Алексия и примыкал к нему с востока. Полагают, что возникновение и посвящение Андреевской церкви было связано с событиями стрелецкого бунта 1682 г. и династической борьбой между Милославскими и Нарышкиными. Во время бунта Патриарх Иоаким пригласил представителей стрелецких полков на «примирительное» богослужение в Успенский собор, во время которого вынес святые мощи св. Андрея Первозванного, а затем прочитал царские грамоты с призывом о прекращении смуты. Вскоре бунт прекратился, а для святых мощей и был устроен в Алексиевском соборе особый храм, не имеющий своих стен и выделенный в храмовом архитектурном комплексе только одной позолоченной главкой.

В 1737 г. Андреевский храм переосвятили в Крестовоздвиженский и сделали больничным. В 1812 г. церковь сильно пострадала и в 1814 г. была упразднена, но в конце 1870-х — начале 1880-х гг. ее возобновили с первоначальным посвящением во имя св. ап. Андрея Первозванного.

Алексиевский собор, как указывалось, играл особую роль в жизни царской династии, над ракой с мощами свт. митрополита Алексия крестили царских детей, в том числе будущих монархов.

Интерьер соборного здания отличался изысканностью, славился высокохудожественным бронзовым посеребренным иконостасом 1839 г. с литыми, 11-пудовыми, серебряными царскими вратами. В алтаре на горнем месте был устроен архиерейский амвон, на котором стояло обложенное серебром кресло. На лепном двухъярусном иконостасе Благовещенской церкви были размещены золоченые клейма с изображением двунадесятых праздников.

Стенная живопись напоминала об истории монастыря. Над ракой свт. Алексия можно было увидеть изображение великого князя Дмитрия Ивановича (Донского) с непокрытой головой, в кафтане и шубе. Рядом помещалась картина исцеления Тайдулы.

Пожалуй, самой знаменитой соборной иконой считался чудотворный образ свт. Алексия, писанный на верхней доске его гроба. Он находился у раки святителя. Подле него в особом шкафу хранились саккос, епитрахиль, подризник и посох свт. Алексия.

Славился и образ свт. Николая Чудотворца из Благовещенской церкви, который перенесли в Кремль в 1846 г. из питейного дома Хухрикова в Дорогомиловской слободе. Особо почитались древние иконы св. Иоанна Предтечи, св. вмц. Анастасии Узорешительницы, Господа Вседержителя.

В алтаре Благовещенской церкви стоял больших размеров крест-распятие1668 г., работы известного живописца И. Рефусицкого.

Монастырская ризница, размещавшаяся под Благовещенской церковью, была знаменита своими историческими реликвиями. О свт. Алексии напоминало рукописное Евангелие, переведенное митрополитом с греческого на славянский язык. Множество золотых и серебряных сосудов, крестов, кадил, панагий составляли вклады царей, бояр, купцов. Особо выделялись митра «Потемкинская», усыпанная бриллиантами и жемчугом, и панагия с замечательным изумрудом — дары князя Г. А. Потемкина-Таврического митрополиту Московскому Платону.

Алексиевский собор имел и своеобразный мемориальный характер. По его стенам были развешаны знамена, бунчуки и ключи от крепостей, взятые русскими в Персидскую войну 1820–1828 гг.

4 февраля 1905 г. невдалеке от Чудова монастыря у Никольских ворот террористом был убит московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович. Его останки перенесли в Алексиевский собор и положили у раки с мощами свт. Алексия. Было получено высочайшее разрешение захоронить останки великого князя в Чудовом монастыре в специально сооруженной в нижней палате под храмом свт. Алексия церкви-усыпальнице. Созданием проекта этой усыпальницы занимались известные архитекторы и живописцы. Академику живописи П. В. Жуковскому принадлежал план устройства усыпальницы, он же — автор беломраморного иконостаса. Архитектурную часть разрабатывали академик В. П. Загорский и Р. И. Клейн. Иконы для храма писал академик живописи К. П. Степанов. Им же была подготовлена и в 1909 г. издана иллюстрированная книга-альбом об этом храме. 4 июля 1906 г. гроб с останками великого князя Сергея Александровича был торжественно перенесен в сооруженный и освященный во имя прп. Сергия Радонежского храм-усыпальницу. Гроб был поставлен в новый мраморный саркофаг-надгробницу, сделанный по образцу подобных раннехристианских памятников. Надгробие великого князя расположили точно под стоящей этажом выше ракой свт. митрополита Алексия. Настенная мозаика была выполнена по рисункам К. П. Степанова. По отзывам современников, храм-усыпальница представлял собой уникальный памятник церковного искусства, сочетавший древнерусские, античные и ренессансные мотивы. Фирма Фаберже по специальному заказу исполнила всю церковную утварь. Новый храм стал и своеобразным музеем-хранилищем богатой коллекции икон, собранной великим князем. На стенах алтаря и в ризнице разместили более 250 старинных икон, памятников мелкой пластики.

Собор свт. Алексия митрополита с Благовещенским приделом, церковью Андрея Первозванного и храмом-усыпальницей прп. Сергия Радонежского вскоре после октября 1917 г. закрыли, церковные помещения были заняты различными посторонними организациями и разорены. Что-то удалось спасти, вывезти в музеи. В 1929–1930 гг. соборный комплекс спешно разобрали, однако отдельные подземные его части, не задетые сооружением здания Военной школы имени ВЦИК, уцелели. Постепенно об этом месте забыли, и только 4 июля 1985 г. при проведении земляных работ в Кремле рабочие наткнулись на склеп с уцелевшим гробом великого князя. Прибывшие к раскопу музейные работники изъяли находившиеся в гробу ордена, золотые пуговицы мундира и некоторые другие предметы, а все остальное законсервировали, засыпав землею. Вспомнили о неожиданной находке

в начале 1990-х гг., а 17 февраля 1995 г., в день 90-й годовщины со дня гибели великого князя, Патриарх Алексий II совершил панихиду по Сергею Александровичу в кремлевском Архангельском соборе. В 1995 г. Президент РФ подписал документ о перезахоронении останков великого князя, и 17 сентября того же года гроб был извлечен из склепа в Кремле и крестным ходом перенесен в собор Новоспасского монастыря. На следующий день его перенесли в уцелевшую старую кладбищенскую часовню у собора, а ровно через 2 года, 17 сентября 1997 г., гроб великого князя предали земле в подклетном храме-усыпальнице во имя прп. Романа Сладкопевца.

Сегодня подземные остатки Алексиевского собора Чудова монастыря можно увидеть в музеефицированном раскопе в Московском Кремле.

Иоасафа Белгородского свт. домовый (крестовый) храм

при келиях наместника

не сохранился

Прославление свт. Иоасафа епископа Белгородского (†1754; похоронен в Троицком соборе г. Белгорода) состоялось 4 сентября 1911 г. Видимо, вскоре после этого по инициативе архимандрита Арсения (Жадановского) в части помещения под колокольней рядом с келиями наместника была устроена небольшая крестовая церковь во имя новоканонизированного святого. Сведений о точной дате освящения и устройстве последнего по времени монастырского храма в литературе и церковной периодике того времени не обнаружено. Известно, что архимандрит Арсений (с 1914 г. в сане епископа Серпуховского, викария Московской епархии) ежедневно совершал в нем богослужение.

Храм, по всей видимости, закрыт в 1918 г., а уничтожен в 1929–1930 гг. одновременно со сносом келий наместника и других строений монастыря.

Источники и литература:

1. ЦГА г. Москвы. — Ф. 454. — Оп. 3. — Д. 51. Чудов монастырь (Метрика). 1880–1915 гг. — 113 л.
2. ЦГА г. Москвы. — Ф. Р-1. — Оп. 1. — Д. 12. Протоколы заседаний архитектурно-реставрационного отделения ЦГРМ. 1929 г. — 160 л.; Д. 13. Протоколы заседаний архитектурно-реставрационного отделения ЦГРМ. 1930 г. — 138 л.; Д. 105. Протоколы и акты заседаний Комиссии по реставрации Кремля. 1919–1927 гг. — 169 л.; Д. 108. Переписка о приспособлении и использовании кремлевских помещений. 1919–1926 гг. — 73 л.
3. *Снегирев И. М.* Церковь Чуда Архангела Михаила в Чудовом монастыре // Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. — 2-е изд., доп. мат-лы. — Тетр. 8. — М., 1859. — С. 72–78.
4. *Розанов Н.* Начало Чудовского хора певчих // ЧОЛДП. — 1868. — № 5. — С. 91–118.
5. Описание Чудова монастыря / [сост. Моск. кафедр. Чудова монастыря иеромонах Иоанникий]. — М., 1873. — 32 с.
6. Духовные народные торжества в Московском кафедральном Чудовом монастыре / М. Ф. Грачев. — М., 1890. — 32 с.
7. Московский Кафедральный Чудов монастырь. — [Сергиев Посад], 1896. — 64 с.
8. *Коробкин С.* Празднование четырехсотлетия соборного храма Чудова монастыря // МЦВ. — 1904. — № 37. — С. 416–417.

9. *Успенский А. И.* Ризница Чудова монастыря в Москве // Старые годы. — 1907. — № 1. — С. 14–17.
10. *Степанов М. П.* Храм-усыпальница великого князя Сергея Александровича во имя преп —одобного Сергия Радонежского в Чудовом монастыре в Москве. — М., 1909. — 184 с.; 41 с.
11. *Борин В.* Святейший патриарх Гермоген и место его заключения [Чудов монастырь]. — М., 1913. — 35 с.
12. *Малков Ю. Г.* Стенопись собора Чуда Архангела Михаила в Хонех в Московском Кремле (опыт реконструкции) // Древнерусское искусство : проблемы и атрибуции. — [Т. 10]. — М., 1977. — С. 368–387.
13. *Кучкин В. А.* Первые каменные постройки в кремлевском Чудовом монастыре // Материалы и исследования / Государственный Музей Московского Кремля. — М., 1980. — С. 5–11.
14. *Забелин И. Е.* История города Москвы. — [Репринт, воспроизведение изд. 1905 г.]. — М., 1990. (О Чудовом монастыре — С. 283–308).
15. Сорок Сороков : краткая иллюстрированная история всех московских храмов : [в 4 т.] / собр. П. Паламарчук; фот. П. Паламарчука, А. Демченко. — Т. 1. Кремль и монастыри. — М., 1992. — С. 109–120.
16. *Козлов В. Ф.* Чудов монастырь // Юный художник. — 1993. — № 8. — С. 27–31.
17. *Козлов В. Ф.* Собор свят. Алексия митрополита в Чудовом монастыре // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Февраль. — М., 1994. — С. 248–250.
18. *Козлов В. Ф.* Трагедия монастырей : год 1929-й // Московский журнал. — 1991. — № 1. — С. 32–41.
19. *Бусева-Давыдова И. Л.* Храмы Московского Кремля : Святыни и древности. — М., 1997. (О Чудовом монастыре — С. 233–243).
20. *Чечеткин А. А.* Материалы фонда Московского кафедрального Чудова монастыря (1861–1917) // Археографический ежегодник за 1997 год. — М., 1997. — С. 273–278.
21. Чудов монастырь в Кремле // Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. Сентябрь. — М., 2003. — С. 108–113.
22. *Квливидзе Н. В.* Храм-усыпальница великого князя Сергия Александровича в Чудовом монастыре // Великий князь Сергий Александрович (1857–1905) в истории русского государства и культуры : Материалы церковно-научной конференции, посвященной 100-летию со дня трагической гибели великого князя Сергия Александровича. — М., 2007. — С. 87–94.
23. *Давиденко Д. Г.* Чудов монастырь в системе церковной и государственной власти в XIV — начале XVI века // Московский Кремль XV столетия. Древние святыни и исторические памятники. — Т. 1. — М., 2011. — С. 46–61.
24. *Меняйло В. А.* Иконы Чудова монастыря Московского Кремля : каталог. — М., 2015. — 483 с.
25. Чудов и Вознесенский монастыря Московского Кремля / [*И. М. Коробьина, Ю. В. Ратомская, З. В. Золотницкая, А. А. Оксенюк ; ред. Е. С. Нагорнюк*] — М., 2016. — 216 с.
26. *Воронов А. А.* Монастыри Московского Кремля. — М., 2017. (О Чудовом монастыре — С. 29–61).
27. *Киприн В. А., Снедков А. Г.* Чудов монастырь : страницы истории // Московский журнал. — 2017. — № 5. — С. 55–64.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая книга стала результатом многолетней работы автора по написанию документальных очерков по истории и современному состоянию всех существовавших в Москве и ее окрестностях на момент октябрьского переворота 1917 г. православных монастырей и их храмов. В справочник вошли очерки о 28 московских монастырях, отражающие основные этапы их становления и развития.

За более чем 700-летний отрезок отечественной истории обители многое испытали, являлись свидетелями и активными участниками важнейших событий, происходивших в Москве и в России. Не все они пережили нашествия неприятеля, пожары, внутренние смуты русского Средневековья, однако в конце XVII в. «Москва монастырская» насчитывала более 20 обителей, десятки монастырских подворий. Секуляризационные процессы XVIII в., московский пожар 1812 г. привели к ликвидации части обителей, резкому ухудшению экономического состояния оставшихся, утрате значительного числа церковных памятников. Лишь с середины XIX в. монастырское строительство возобновилось, на окраинах города было основано несколько новых обителей. В существовавших тогда в Москве и Московском уезде почти 30 православных монастырях насчитывалось более 100 различных храмов, многие из которых представляли собой историко-художественные памятники.

Почти сразу после Октября 1917 г. монастыри, как и другие православные святыни, стали почти на 70 лет объектами гонений. Наибольший пик их пришелся на 1920-е — 1930-е гг., когда были закрыты и разорены все московские монастыри, а треть их разрушена. Именно этому трагическому периоду в документальных очерках автор, основываясь на архивных источниках, уделил особое внимание.

Хронологически история московских монастырей в работе доведена до сегодняшнего дня, и включает важнейшие сведения о возрождении обителей, их реставрации, об освящении монастырских храмов и их приделов.

Результаты предпринятой попытки дать комплексные научно-справочные сведения о монастырях Москвы, конечно, не являются исчерпывающими. Укажем на перспективы дальнейшего развития темы «Москвы монастырской». Несмотря на достижения в ее изучении до сих пор история ряда монастырей изобилует белыми пятнами. Речь здесь идет даже не о начальной истории средневековых обителей, с которой связаны очень скудные сведения, дошедшие до нас. Много неизвестного остается по эпохе гонений, когда в почти нелегальных монашеских общинах и приходах, образовавшихся в бывших обителях,

не составлялось никакой документации, фактически никто не вел дневники, не оставил какие-либо воспоминания. Несмотря на наличие значительного по объему комплекса документов надзиравших за общинами государственных учреждений, мы до сих пор не знаем точных дат и обстоятельств закрытия и сноса некоторых монастырских храмов, не знаем судьбу церковного имущества, чтимых икон. Следует и далее заниматься выявлением в архивах источников по этому периоду и по обозначенным вопросам.

Тема «Москвы монастырской» может быть существенно расширена в последующем издании благодаря очеркам о 27 упраздненных, главным образом, еще в конце XVIII — начале XIX в. монастырях, о 26 монастырских и архиерейских подворьях (10 из них находились в Московском Кремле и столько же — в Китай-городе), о нескольких Патриарших подворьях автокефальных Церквей, о городских часовнях, принадлежавших разным обителям России. Если сюда еще добавить не менее 20 подворий монастырей России, открывшихся в Москве с 1990-х гг., то в перспективе исследование может охватить уже более сотни объектов в рамках интересующей нас темы.

Возрождение самих православных обителей и восстановление их важнейшей и многоплановой роли в жизни столичного мегаполиса и страны в целом требует тщательной и ответственной работы историков, археологов, архивистов, архитекторов-реставраторов, искусствоведов и музейных работников.

Монастыри города, ныне вновь наполненные духовной жизнью, являются не только местами паломничества православных, но также доступны для осмотра всем москвичам и жителям России. Сегодня почти все действующие обители Москвы стали и известными общегородскими культурно-образовательными центрами, где имеются церковные учебные заведения, музеи, магазины и лавки религиозной литературы, художественные мастерские, паломническо-экскурсионные учреждения и т. п.

Комплексное изучение истории каждого московского монастыря, выявление и анализ всех видов источников по теме: археологических, письменных, изобразительных, устных и иных, поможет соединить прерванную было 700-летнюю живую нить преемственности славных традиций обителей древней Москвы — важнейших объектов отечественного культурного наследия.

* * *

Автор будет благодарен за отзывы, замечания, любые дополнения, касающиеся содержания очерков о монастырях (e-mail: fotievich@yandex.ru — Козлов Владимир Фотиевич)

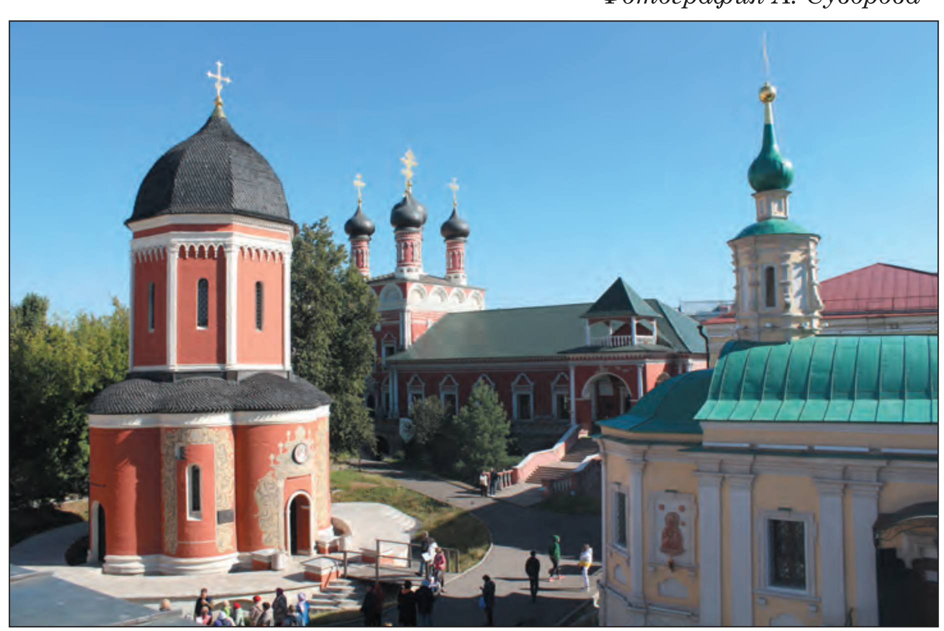
Современные виды монастырей и монастырских храмов

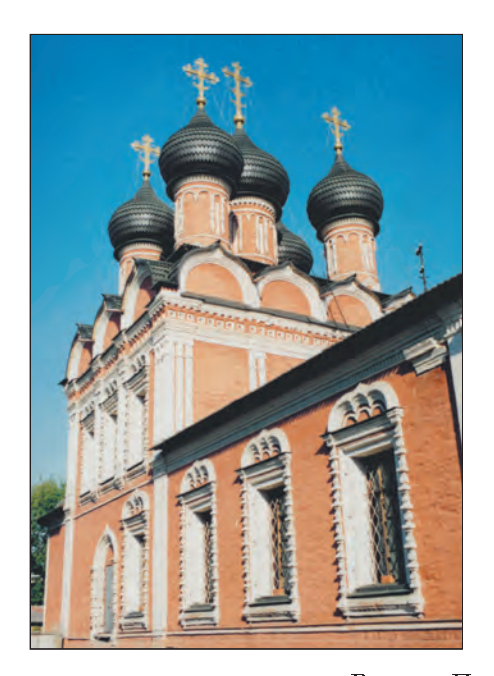
Андреевский монастырь. Надвратный храм св. мч. Андрея Стратилата

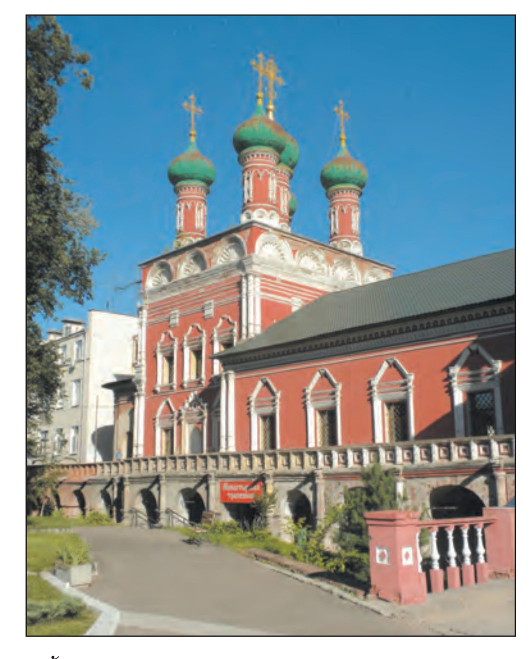

Собор Богоявления Господня бывшего Богоявленского монастыря. Открытка. Фотография А. Суворова

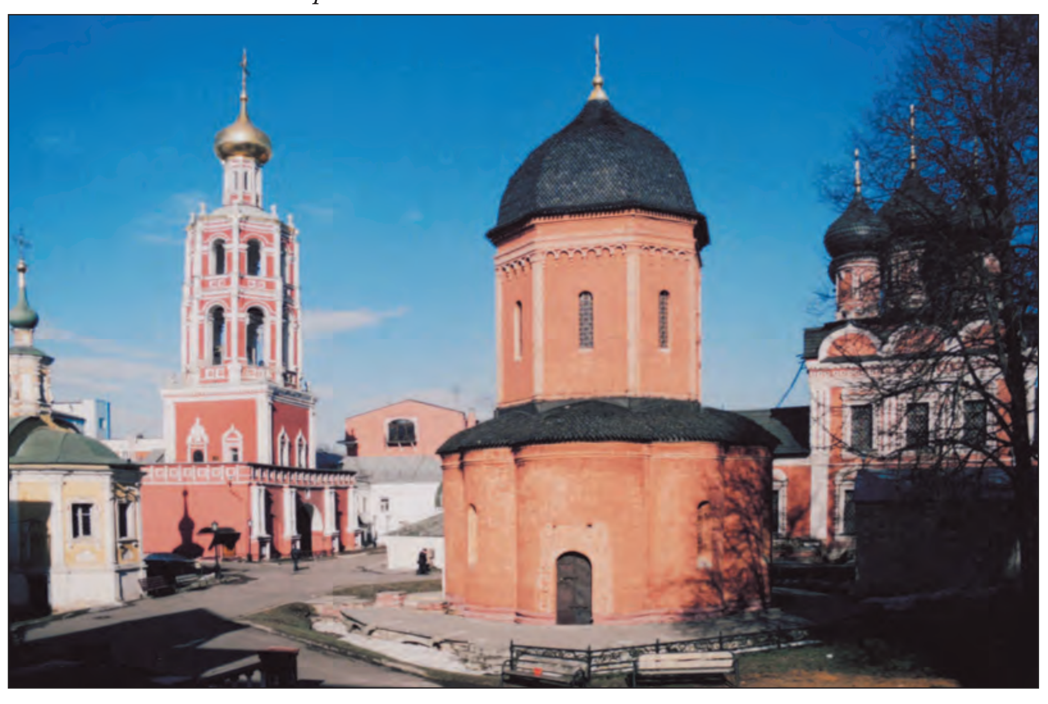
Ансамбль Высоко-Петровского монастыря

Высоко-Петровский монастырь

Храм Боголюбской иконы Божией Матери — *Храм прп. Сергия Радонежского*

Высоко-Петровский монастырь. Храм свт. Петра Митрополита (на первом плане)

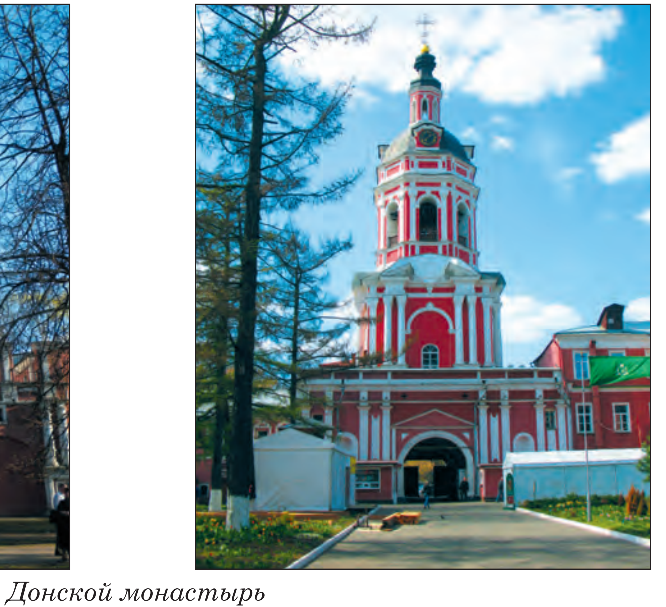
Данилов монастырь. Собор свв. Отцов Семи Вселенских Соборов (из книги: Москва православная. Октябрь... — М., 2004)

Данилов монастырь. Собор св. Живоначальной Троицы

Донской монастырь. Собор Донской иконы Божией Матери (Большой)

Донской монастырь

Надвратный храм Тихвинской иконы Божией Матери

Колокольня с храмом св. прор. Захарии и св. прав. Елисаветы

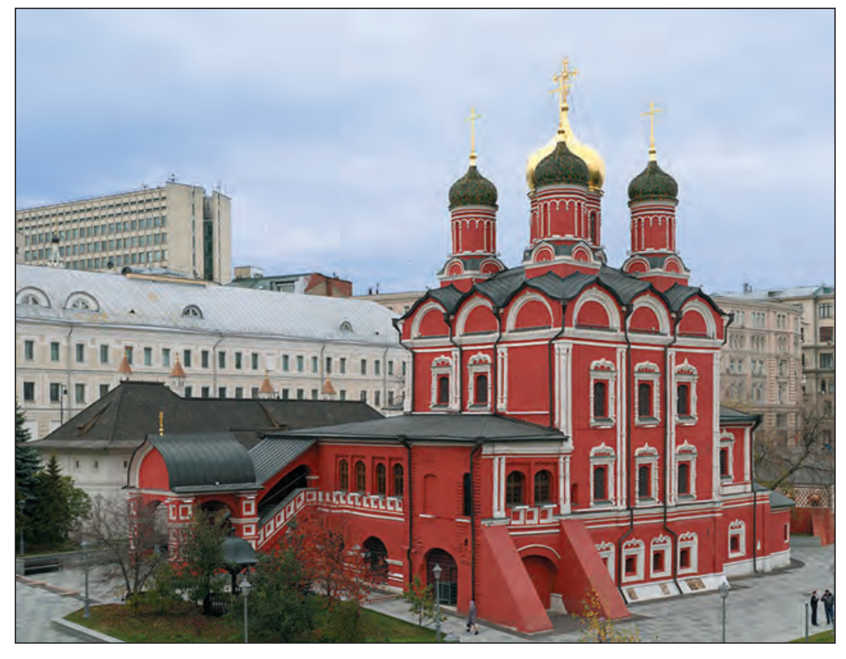

Донской монастырь. Большой и Малый соборы Донской иконы Божией Матери и некрополь

Зачатьевский монастырь. Собор Рождества Пресвятой Богородицы

*Зачатьевский монастырь. Собор
и надвратный храм Спаса Нерукотворного образа*

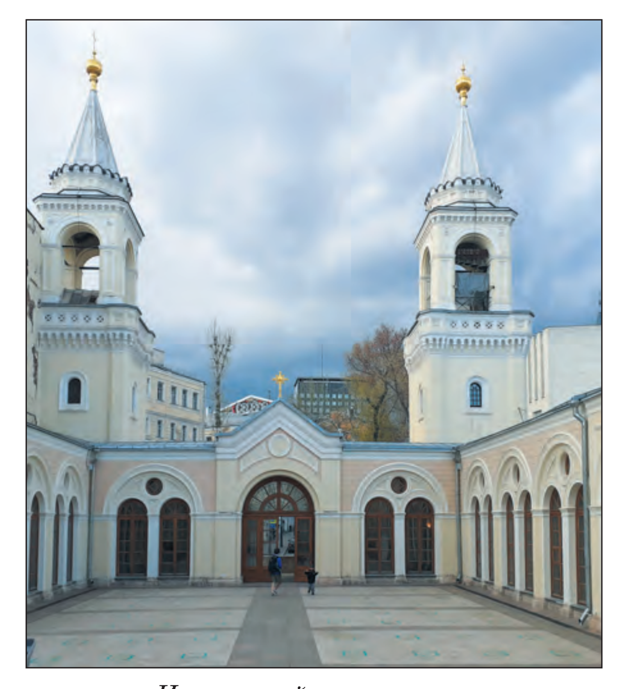
Собор иконы Знамения Божией Матери бывшего Знаменского монастыря

Заиконоспасский монастырь. Собор Спаса Нерукотворного образа и колокольня

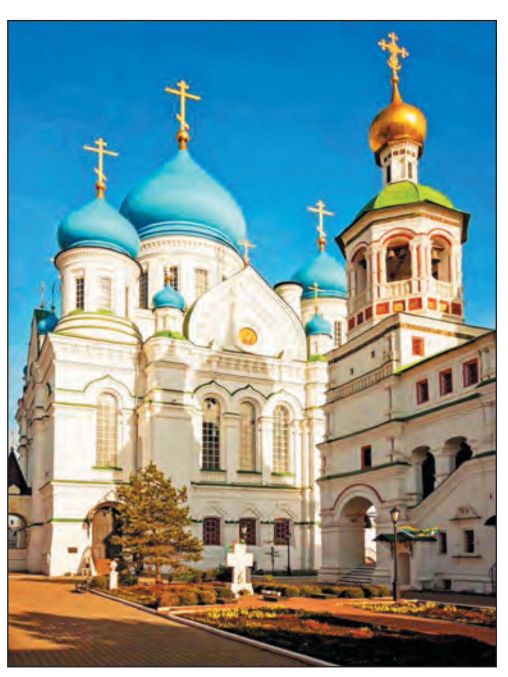
Ивановский монастырь. Собор Усекновения главы св. Иоанна Предтечи

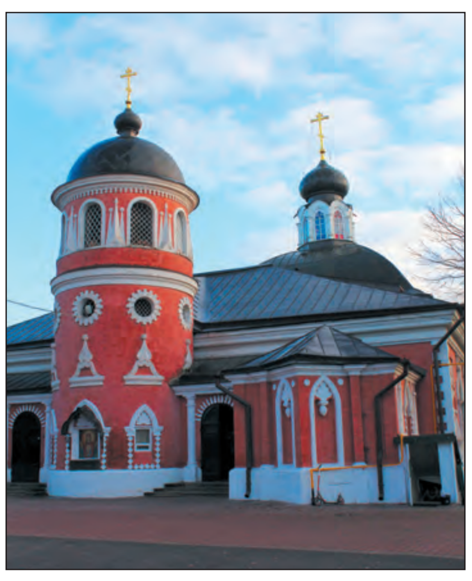
Ивановский монастырь

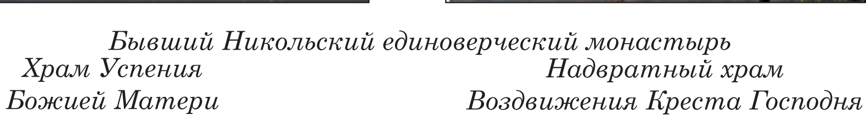
Корпус бывшего Николо-Греческого монастыря

Бывший Николо-Перервинский монастырь. Собор Иверской иконы Божией Матери и храм Успения Божией Матери

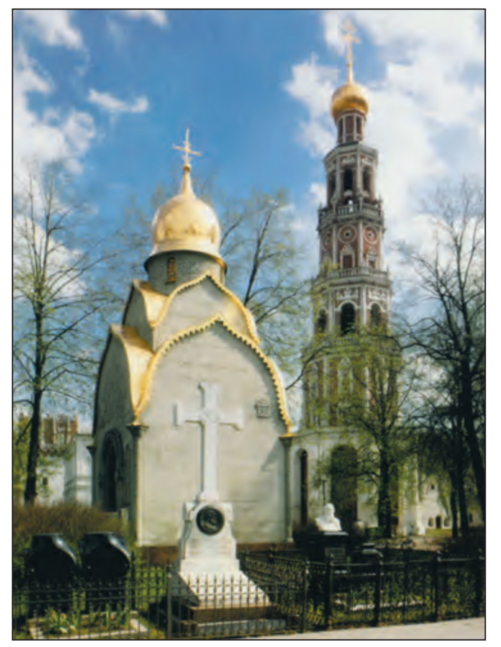

Бывший Никольский единоверческий монастырь

Храм Успения Божией Матери

Надвратный храм Воздвижения Креста Господня

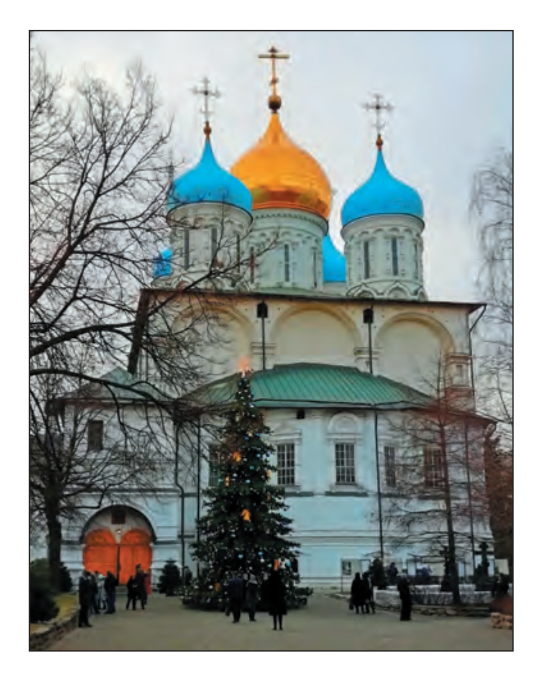
Новодевичий монастырь

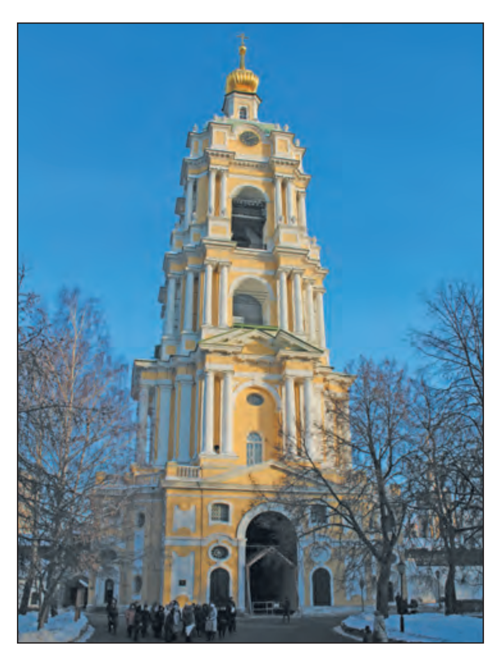
Колокольня и часовня-усыпальница Прохоровых. Открытка. Фотография В. Некрасова

Храм Успения Божией Матери

Новодевичий монастырь. Надвратный храм Покрова Божией Матери (на первом плане) и храм свт. Амвросия Медиоланского

Новоспасский монастырь

Собор Спаса Преображения

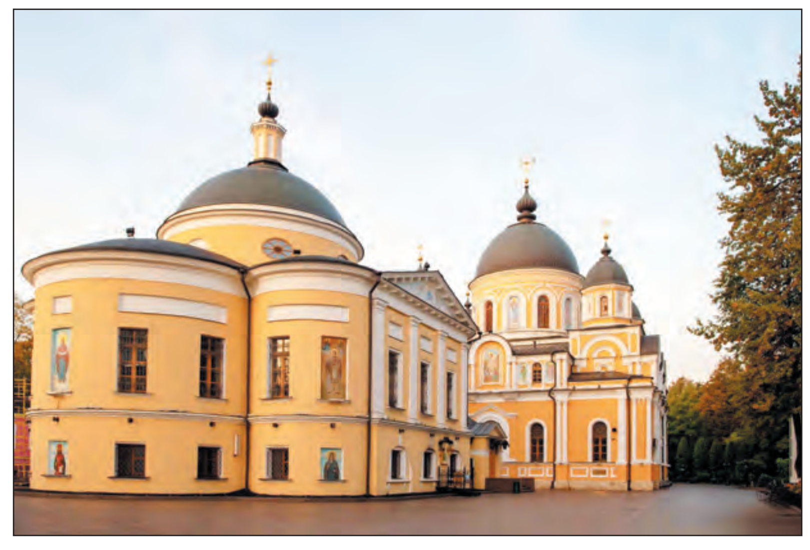
Колокольня с храмом прп. Сергия Радонежского

Новоспасский монастырь. Собор и храм Покрова Божией Матери. Открытка. Фотография С. В. Сокова

Покровский монастырь
(Из книги: Москва православная. Октябрь... – М., 2004)

Покровский монастырь. Храм Покрова Божией Матери (на первом плане) и собор Воскресения Словущего

Рождественский монастырь. Собор Рождества Пресвятой Богородицы

Рождественский монастырь. Храм Казанской иконы Божией Матери

Бывший Симонов монастырь. Храм Тихвинской иконы Божией Матери

Бывший Скорбященский монастырь.
Здание собора Всемилостивого Спаса и часовня

Бывший Спасо-Андроников монастырь.
Собор Спаса Нерукотворного образа
(из книги: Москва православная. Август… – М., 2002)

Сретенский монастырь. Храм Воскресения Христова и Новомучеников и Исповедников Церкви Русской и собор Сретения Владимирской иконы Божией Матери (на втором плане).

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЛИТЕРАТУРА, РЕКОМЕНДОВАННАЯ ДЛЯ ОБЩЕГО ОЗНАКОМЛЕНИЯ С ТЕМОЙ

1. 1100 православных монастырей Российской империи. Полный перечень мужских и женских монастырей, архиерейских домов и женских общин / *Л. И. Денисов.* — М., 2019. — 783 с.

2. *Барсегян Т. В.* Московский Спасо-Андроников монастырь. — М., 2013. — 352 с.

3. *Баталов А.* Московское каменное зодчество конца XVI века : проблемы художественного мышления эпохи. — М., 1996. — 431 с.

4. *Баталов А. Л., Головкова Л. А., Харченко Г.* Московский Иоанно-Предтеченский женский монастырь : страницы истории. — М., 2005. — 128 с.

5. *Беляев Л. А.* Древние монастыри Москвы по данным археологии. — М., 1994. — 341 с.

6. *Беляев Л. А.* Некрополь Данилова монастыря в XVIII–XIX веках : историко-археологические исследования (1983–2008). — М., 2012. — 504 с.

7. *Бураков Ю. Н.* Под сенью монастырей московских. — М., 1991. — 285 с.

8. *Бусева-Давыдова И. Л.* Храмы Московского Кремля: святыни и древности : Подробный историко-культурный путеводитель. — М., 1997. — 368 с.

9. *Вергунов А. П., Горохов В. А.* Монастыри. Природа и люди. — М., 2006. — 623 с.

10. *Воронов А. А.* Монастыри Московского Кремля. — М., 2017. — 176 с.

11. *Выголов В. П.* Архитектура Московской Руси середины XV века / отв. ред. Э. С. Смирнова. — М., 1988. — 226 с.

12. Донской монастырь. [Сборник] / авт. *М. В. Артюшенко, Т. Д. Божутина, Т. А. Дудина, Н. А. Кривошеева, И. Е. Мельникова.* — М., 2015. — 800 с.

13. *Дудина Т. А., Никитина Т. Н.* Каменное узорочье Москвы : храмы и монастыри Москвы в рисунках художника Н. Я. Тамонькина. — М., 2006. — 264 с.

14. *Забелин И. Е.* История города Москвы. — Ч. 1. — М., 1990. — XXVI, 651 с.

15. *Зырянов П. Н.* Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века / ИРИ РАН. — М., 1999. — 309 с. (М., 2002. — 320 с.).

16. *Каулен М. Е.* Музеи-храмы и музеи-монастыри в первое десятилетие советской власти — М., 2001. — 163 с.

17. *Кириченко Е. И.* Михаил Быковский. — М., 1988. — 256 с.

18. *Козлов В.* Первые сносы // Архитектура и строительство Москвы. — 1990. — № 8. — С. 27–29.

19. *Козлов В. Ф.* Мир московских монастырей // Отечество : Краеведческий альманах. — М., 1997. — С. 55–82.

20. *Козлов В. Ф.* Трагедия монастырей : год 1929-й // Московский журнал. — 1991. — № 1. — С. 32–41.

21. *Козлов В. Ф.* «Ввиду потребности для трудовых классов [О судьбе московских монастырей в 1917–1930-е гг.] // Московский церковный вестник. — 1991. — Январь. — № 2 (47).

22. *Козлов В. Ф.* Некрополи московских монастырей в 1918 — начале 1930-х гг. : хроника защиты и гибели // Московская Русь : проблемы археологии и истории архитектуры. К 60-летию Леонида Андреевича Беляева. — М., 2008. — С. 547–568.

23. *Козлов В. Ф.* Судьбы монастырских кладбищ Москвы (1920 — 30-е гг.) // Московский некрополь : История. Археология. Искусство. Охрана : сб. — М., 1991. — С. 48–67.

24. *Козлов В. Ф.* Трагедия монастырей : Год 1929 // Московский журнал. — 1997. — № 8–9. — С. 37–45.

25. *Козлов В. Ф.* Церковное краеведение. Монастыри в истории и культуре Москвы. — М., 2008. — 84 с.

26. Любовь и единение. Очерк истории Богородице-Рождественского ставропигиального женского монастыря. — М., 2009. — 224 с.

27. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи (с библиографическим указателем) / сост. В. В. Зверинский. — Кн. I–III. — СПб., 2005.

28. *Мелихова А. А., Цеханский Р. В.* Страсти и надежды Пушкинской (Страстной) площади и Страстного монастыря. — М., 2013. — 208 с.

29. *Михайлов К.* Москва погибшая. 1917–2007. — М., 2007. — 320 с. (Москва, которую мы потеряли).

30. *Молева Н. М.* Сторожи Москвы. — М., 2007. — 317 с.

31. Монастыри Русской Православной Церкви : справочник-путеводитель / [*Рудин Л. Г., Кузнецов П. В.*]. — М., 2001. — Вып. 1. — М., 2001. — 464 с. ; Вып. 2. — М., 2011. — 631 с.

32. Монашество // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и Н. Е. Ефрона. — Т. XIX А (38-й полутом). — СПб., 1896. — С. 714–733.

33. Монашество и монастыри России. XI–XX века : Исторические очерки / [отв. ред. Н. В. Синицина] ; Ин-т российской истории. — М., 2002. — 346 с.

34. Москва православная : Церковный календарь : История города в его святынях : Благочестивые обычаи. — Т. 1–13. — М., 1993–2007.

35. Москва. Библиографический указатель. Книги 1900–1994. — М., 1996. — 474 с. (библиография монастырей и храмов — С. 88–95).

36. Москва. Указатель книг, статей из журналов и сборников на русск. яз., опубликованных с XVIII в. по 1900 г. включительно / РГБ ; сост. Т. Я. Бриксман и др. — М., 1998. — 288 с. (библиография монастырей — С. 145–151).

37. Московский Новодевичий монастырь : к 500-летию. Антология / сост. А. Л. Баталов, Л. А. Беляев. — М., 2012. — 552 с.

38. Насельники монастырей Московской епархии первой четверти XX столетия / науч. рук. игумен Дамаскин (Орловский) ; отв. исп. С. Н. Романова ; сост. Т. И. Волобуева, О. П. Кузнецова, С. Н. Романова и др. — М., 2015. — 496 с.

39. Обозрение Москвы / А. Ф. Малиновский. — М., 1992. — 252 с.

40. Памятники архитектуры Москвы. Белый город. — М., 1989. — 380 с.

41. Памятники архитектуры Москвы. Земляной город. — М., 1990. — 351 с.

42. Памятники архитектуры Москвы. Окрестности старой Москвы (юго-восточная и южная части территории от Камер-Коллежского вала до нынешней границы города). — М., 2007. — 360 с.

43. Памятники архитектуры Москвы. Территория между Садовым кольцом и границами города XVIII века (От Земляного вала до Камер-Коллежского вала). — М., 1998. — 423 с.

44. Памятники архитектуры Москвы. Юго-восточная и южная части территории между Садовым кольцом и границами города XVIII века (от Земляного до Камер-Коллежского вала). — М., 2000. — 344 с.

45. Первый на Москве : Московский Данилов монастырь. — М., 2000. — 319 с.

46. Покровский монастырь у Покровской заставы. История. Настоятели. Возрождение обители. — М., 2001. — 96 с.

47. Православная Москва : справочник монастырей и храмов. — М., 2006. — 480 с.

48. Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алекксия II. — М., 2000–.

49. Путеводитель к древностям и достопамятностям московским… / сост., статья С. С. Илизарова. — М., 2009. — 559 с.

50. *Пшеничников А.* Краткое историческое описание первоклассного Вознесенского девичьего монастыря. — М., 1894. — 140 с.

51. *Романюк С. К.* Москва. Китай-город : Путеводитель. — М., 2007. — 318 с.

52. *Саладин А. Т.* Очерки истории московских кладбищ. — М., 1997. — 352 с.

53. *Синицына Н. В.* Русское монашество и монастыри. X–XVII вв. // ПЭ. Русская Православная Церковь. — М., 2000. — С. 305–324.

54. *Смирнов С. А.* Некрополь. История Покровского монастыря и монастырского кладбища : (Архивные и библиографические изыскания к проекту восстановления утраченного монастырского кладбища). — М., 2006. — 168 с.

55. *Смолич И. К.* Русское монашество. 988–1917. Жизнь и учение старцев : Приложение к «Истории Русской Церкви» Макария (Булгакова) — М., 1997. — 606 с.

56. Сорок Сороков : краткая иллюстрированная история всех московских храмов : [в 4 т.] / собр. П. Паламарчук; фот. П. Паламарчука, А. Демченко. — Т. 1. Кремль и монастыри. — М., 1992. — 415 с.

57. Ставропигиальные монастыри Русской Православной Церкви. — М., 2011. — 608 с.

58. Чудов и Вознесенский монастыри Московского Кремля / [*И. М. Коробьина, Ю. В. Ратомская, З. В. Золотницкая, А. А. Оксенюк; ред. Е. С. Нагорнюк*]. — М., 2016. — 216 с.

АЛФАВИТНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ МОСКОВСКИХ МОНАСТЫРЕЙ, МОНАСТЫРСКИХ СОБОРОВ, ХРАМОВ И ЧАСОВЕН*

Акилины св. мц. домовый храм в Казанском Головинском монастыре

Александра Невского св. блгв. кн. храм в Донском монастыре

Александра Свирского прп. домовый (больничный) храм в Симоновом монастыре

Александра Свирского прп. храм-усыпальница в Донском монастыре

Алексеевский ставропигиальный женский монастырь

Алексия митрополита Московского свт. собор в Чудовом монастыре

Алексия человека Божия прп. в колокольне храм в Страстном монастыре

Алексия человека Божия прп. собор в Алексеевском монастыре

Амвросия Медиоланского свт. домовый (больничный) храм в Новодевичьем монастыре

Андреевский ставропигиальный мужской монастырь

Андрея Стратилата св. мч. надвратный храм в Андреевском монастыре

Антония и Феодосия Печерских прпп. домовый при трапезной храм в Страстном монастыре

Благовещения Пресвятой Богородицы храм-усыпальница в Златоустовском монастыре

Боголюбской иконы Божией Матери собор в Высоко-Петровском монастыре

Богоявления Господня собор в Богоявленском монастыре

Богоявленский 1-го класса необщежительный мужской монастырь

Варлаама и Иоасафа царевича прпп. в колокольне храм в Новодевичьем монастыре

Воздвижения Креста Господня надвратный храм в Никольском единоверческом монастыре

Воздвижения Креста Господня собор в Алексеевском монастыре

Вознесения Господня собор в Вознесенском монастыре

Вознесенский 1-го класса необщежительный женский монастырь

Воскресения Словущего в Пленницах храм в Андреевском монастыре

Воскресения Словущего домовый надвратный в колокольне храм в Никитском монастыре

Воскресения Словущего собор в Покровском монастыре

Воскресения Христова и Новомучеников и Исповедников Церкви Русской храм в Сретенском монастыре

---

* В перечень включены монастыри, монастырские храмы и часовни, существовавшие в начале XX в. и сооруженные в 1990-е – 2020-е гг.

Всемилостивого Спаса домовый храм в Казанском Головинском монастыре
Всемилостивого Спаса собор в Скорбященском монастыре
Всех Святых собор (бывш. кладбищенский храм) в Алексеевском монастыре
Всех Святых собор во Всехсвятском единоверческом монастыре
Всех скорбящих Радость иконы Божией Матери храм в Скорбященском монастыре
Всехсвятский единоверческий 2-го класса общежительный женский монастырь
Высоко-Петровский ставропигиальный мужской монастырь

Георгия Победоносца св. вмч. храм в Донском монастыре

Данилов ставропигиальный мужской монастырь
Димитрия Солунского св. вмч. храм в Никитском монастыре
Донской иконы Божией Матери Старый (Малый) собор в Донском монастыре
Донской иконы Божией Матери Новый (Большой) собор в Донском монастыре
Донской ставропигиальный мужской монастырь

Евгения Херсонского св. сщмч. под колокольней храм в Рождественском монастыре
Евграфа св. мч. храм-усыпальница в Спасо-Андрониковом монастыре
Екатерины св. вмц. храм в Вознесенском монастыре
Елисаветы Чудотворицы прп. домовый храм в Ивановском монастыре

Заиконоспасский ставропигиальный мужской монастырь
Захарии св. прор. и Елисаветы св. прав. надвратный в колокольне храм в Донском монастыре
Захарии св. прор. и Елисаветы св. прав. надвратный храм в Златоустовском монастыре
Зачатия Анны св. прав. храм в Зачатьевском монастыре
Зачатьевский (Зачатия св. прав. Анны) ставропигиальный женский монастырь
Златоустовский 3-го класса необщежительный мужской монастырь
Знамения Пресвятой Богородицы иконы собор в Знаменском монастыре
Знамения Пресвятой Богородицы иконы храм в Новоспасском монастыре
Знаменский 3-го класса необщежительный мужской монастырь

Ивановский (Усекновения главы св. Иоанна Предтечи) ставропигиальный женский монастырь
Иверской иконы Божией Матери собор в Николо-Перервинском монастыре
Иоанна Златоуста свт. и Екатерины св. вмц. храм-усыпальница в Донском монастыре
Иоанна Златоуста свт. приписная к Космодомиановскому храму на Маросейке в келейном корпусе Златоустовского монастыря часовня
Иоанна Златоуста свт. собор в Златоустовском монастыре

Иоанна Златоуста свт. трапезный храм в Рождественском монастыре

Иоанна Лествичника прп. храм-усыпальница в Донском монастыре

Иоанна Патриарха Константинопольского свт. и Александра Невского св. блгв. кн., а также других святых, празднуемых Церковью 30 августа, надвратный в колокольне храм в Симоновом монастыре

Иоанна Предтечи св. Рождества надвратный храм в Богоявленском монастыре

Иоанна Предтечи св. Усекновения главы собор в Ивановском монастыре

Иоасафа Белгородского свт. домовый (крестовый) при келиях наместника храм в Чудовом монастыре

Казанский Головинский общежительный женский монастырь

Казанской иконы Божией Матери у колокольни часовня в Высоко-Петровском монастыре

Казанской иконы Божией Матери приписная к Знаменскому храму в Аксиньино в колокольне Казанского Головинского монастыря часовня (храм)

Казанской иконы Божией Матери храм в Казанском Головинском монастыре

Казанской иконы Божией Матери трапезный храм в Рождественском монастыре

Марии Египетской прп. храм в Сретенском монастыре

Михаила архангела св. в колокольне храм в Андреевском монастыре

Михаила архангела св. при трапезной храм в Спасо-Андрониковом монастыре

Михаила архангела св. храм-усыпальница в Донском монастыре

Михаила архангела св. и прочих бесплотных сил домовый (больничный) храм в Алексеевском монастыре

Михаила Малеина прп. храм в Вознесенском монастыре

Никитский 3-го класса общежительный женский монастырь

Никиты св. вмч. собор в Никитском монастыре

Никиты св. вмч. часовня в Никитском монастыре

Никодима св. прав. домовый (крестовый) в Патриарших келиях храм в Николо-Перервинском монастыре

Николаевский греческий 2-го класса необщежительный мужской монастырь

Николая Чудотворца свт. в корпусе Николаевского греческого монастыря (городского подворья Заиконоспасского монастыря) домовый храм

Николая Чудотворца свт. домовый при братских келиях и больнице храм в Новоспасском монастыре

Николая Чудотворца свт. надвратный храм в Симоновом монастыре

Николая Чудотворца свт. собор в Николаевском греческом монастыре

Николая Чудотворца свт. собор в Николо-Перервинском монастыре

Николая Чудотворца свт. трапезный храм в Сретенском монастыре

Николо-Перервинский заштатный необщежительный мужской монастырь

Николы Чудотворца свт. при трапезной храм во Всехсвятском единоверческом монастыре

Никольский единоверческий общежительный мужской монастырь

Новодевичий (Богородице-Смоленский) ставропигиальный женский монастырь

Новоспасский ставропигиальный мужской монастырь

Петра митрополита Московского свт. собор в Высоко-Петровском монастыре

Петра и Павла свв. первоверховных апп. надвратный храм в Высоко-Петровском монастыре

Петра и Февронии свв. блгвв. князей храм в Покровском монастыре

Покрова Пресвятой Богородицы домовый (крестовый) в колокольне храм в Высоко-Петровском монастыре

Покрова Пресвятой Богородицы надвратный храм в Новодевичьем монастыре

Покрова Пресвятой Богородицы трапезный храм в Новоспасском монастыре

Покрова Пресвятой Богородицы храм в Покровском монастыре

Покровский ставропигиальный женский монастырь

Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня надвратный храм в Симоновом монастыре

Рафаила архангела св. храм в Скорбященском монастыре

Рождества Пресвятой Богородицы собор в Рождественском монастыре

Рождества Пресвятой Богородицы надвратный храм в Спасо-Андрониковом монастыре

Рождества Пресвятой Богородицы собор в Зачатьевском монастыре

Рождественский (Богородице-Рождественский) ставропигиальный женский монастырь

Святых отцов Семи Вселенских Соборов собор в Даниловом монастыре

Серафима Саровского прп. и Анны Кашинской св. блгв. кнг. на новом кладбище храм в Донском монастыре

Серафима Саровского прп. храм в Даниловом монастыре

Сергия Радонежского прп. в колокольне храм в Новоспасском монастыре

Сергия Радонежского прп. собор в Высоко-Петровском монастыре

Симеона сродника Господня св. ап. в колокольне храм в Спасо-Андрониковом монастыре

Симеона Столпника прп. домовый надвратный в колокольне храм в Даниловом монастыре

Симонов 1-го класса ставропигиальный необщежительный мужской монастырь

Скорбященский 3-го класса общежительный женский монастырь

Смоленской иконы Божией Матери Одигитрии собор в Новодевичьем монастыре

Сошествия Святого Духа домовый храм в Зачатьевском монастыре

Спаса Нерукотворного образа собор в Заиконоспасском монастыре

Спаса Нерукотворного образа надвратный храм в Зачатьевском монастыре

Спаса Нерукотворного образа собор в Спасо-Андрониковом монастыре

Спаса Нерукотворного образа домовый (крестовый) в колокольне храм в Богоявленском монастыре

Спаса Преображения надвратный храм в Новодевичьем монастыре

Спасо-Андроников 2-го класса необщежительный мужской монастырь

Спасо-Преображенский собор в Новоспасском монастыре

Сретения Владимирской иконы Божией Матери собор в Сретенском монастыре

Сретенский ставропигиальный мужской монастырь

Страстной иконы Божией Матери собор в Страстном монастыре

Страстной 3-го класса необщежительный женский монастырь

Тихвинской иконы Божией Матери при трапезной храм в Симоновом монастыре

Тихвинской иконы Божией Матери кладбищенский храм-усыпальница в Скорбященском монастыре

Тихвинской иконы Божией Матери надвратный храм в Донском монастыре

Тихона Патриарха Всероссийского свт. храм-усыпальница в Донском монастыре

Толгской иконы Божией Матери надвратный храм в Николо-Перервинском монастыре

Толгской иконы Божией Матери храм в Высоко-Петровском монастыре

Трех Святителей (свтт. Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста) кладбищенский храм в Скорбященском монастыре

Троицы св. Живоначальной собор в Даниловом монастыре

Троицы св. Живоначальной собор в Казанском Головинском монастыре

Троицы св. Живоначальной трапезный храм в Златоустовском монастыре

Успения Божией Матери в колокольне храм в Николо-Перервинском монастыре

Успения Божией Матери собор в Никольском единоверческом монастыре

Успения Божией Матери собор в Симоновом монастыре

Успения Божией Матери трапезный храм в Новодевичьем монастыре

Часовня Сретенского монастыря

Чуда архангела Михаила св. собор в Чудовом монастыре

Чудов кафедральный 1-го класса необщежительный мужской монастырь

Приложение 3

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ МОСКОВСКИХ МОНАСТЫРЕЙ (по времени возникновения)

Данилов ставропигиальный мужской монастырь — конец XIII в.

Богоявленский 1-го класса необщежительный мужской монастырь — 1296 г.

Высоко-Петровский ставропигиальный мужской монастырь — середина XIV в.

Алексеевский ставропигиальный женский монастырь — ок. 1360 г., 1837 г.

Спасо-Андроников 2-го класса необщежительный мужской монастырь — конец 1350-х — начало 1360-х гг.

Чудов кафедральный 1-го класса необщежительный мужской монастырь — 1350-е гг. — 1365 г.

Зачатьевский (Зачатия св. прав. Анны) ставропигиальный женский монастырь — ок. 1360 г.

Симонов 1-го класса ставропигиальный необщежительный мужской монастырь — 1370 г.

Рождественский (Богородице-Рождественский) ставропигиальный женский монастырь — 1386 г.

Николаевский греческий 2-го класса необщежительный мужской монастырь — 1390 г.

Сретенский ставропигиальный мужской монастырь — 1397 г.

Вознесенский 1-го класса необщежительный женский монастырь — 1407 г.

Златоустовский 3-го класса необщежительный мужской монастырь — 1412 г.

Новоспасский ставропигиальный мужской монастырь — 1490 г.

Ивановский (Усекновения главы св. Иоанна Предтечи) ставропигиальный женский монастырь — начало XVI в.

Новодевичий (Богородице-Смоленский) ставропигиальный женский монастырь — 1524 г.

Никитский 3-го класса общежительный женский монастырь — 1582 г.

Донской ставропигиальный мужской монастырь — 1593 г.

Заиконоспасский ставропигиальный мужской монастырь — конец XVI — начало XVII в.

Николо-Перервинский заштатный необщежительный мужской монастырь — начало XVII в.

Знаменский 3-го класса необщежительный мужской монастырь — 1631 г.

Покровский ставропигиальный женский монастырь — 1635 г.

Андреевский ставропигиальный мужской монастырь — 1648 г.

Страстной 3-го класса необщежительный женский монастырь — 1654 г.

Всехсвятский единоверческий 2-го класса общежительный женский монастырь — 1862 г.

Никольский единоверческий общежительный мужской монастырь — 1866 г.

Казанский Головинский общежительный женский монастырь — 1886 г.

Скорбященский 3-го класса общежительный женский монастырь — 1889 / 1890 г.

УКАЗАТЕЛЬ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ФОНДОВ МОСКОВСКИХ МОНАСТЫРЕЙ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ АРХИВАХ МОСКВЫ

Алексеевский ставропигиальный женский монастырь
ЦГА г. Москвы. — Ф. 1175. — 531 ед. хр. (1763–1921 гг.)

Богоявленский 1-го класса необщежительный мужской монастырь
ЦГА г. Москвы. — Ф. 1176. — 330 ед. хр. (1702–1919 гг.)

Вознесенский 1-го класса необщежительный женский монастырь
РГАДА. — Ф. 1185. — 225 ед. хр. (1642–1909 гг.)

Всехсвятский единоверческий 2-го класса общежительный женский монастырь
ЦГА г. Москвы. — Ф. 1177. — 34 ед. хр. (1845–1918 гг.)

Высоко-Петровский ставропигиальный мужской монастырь
РГАДА. — Ф. 1186. — 562 ед. хр. (1691–1919 гг.)

Данилов ставропигиальный мужской монастырь
РГАДА. — Ф. 1188. — 709 ед. хр. (1681–1920 гг.)

Донской ставропигиальный мужской монастырь
РГАДА. — Ф. 1629. — 135 ед. хр. (1697–1917 гг.);
ЦГА г. Москвы. — Ф. 421. — 7930 ед. хр. (1571–1926 гг.)

Заиконоспасский ставропигиальный мужской монастырь
РГАДА. — Ф. 1189. — 858 ед. хр. (1718–1918 гг.)

Зачатьевский (Зачатия св. прав. Анны) ставропигиальный женский монастырь
ЦГА г. Москвы. — Ф. 1424. — 4 ед. хр. (1909–1918 гг.)

Златоустовский 3-го класса необщежительный мужской монастырь
РГАДА. — Ф. 1190. — 332 ед. хр. (1625–1910 гг.)

Знаменский 3-го класса необщежительный мужской монастырь
РГАДА. — Ф. 1191. — 1053 ед. хр. (1625–1918 гг.)

Ивановский (Усекновения главы св. Иоанна Предтечи) ставропигиальный женский монастырь
ЦГА г. Москвы. — Ф. 1179. — 264 ед. хр. (1843–1917 гг.)

Казанский Головинский общежительный женский монастырь
ЦГА г. Москвы. — Ф. 1321. — 20 ед. хр. (1893–1920 гг.)

Никитский 3-го класса общежительный женский монастырь
ЦГА г. Москвы. — Ф. 1182. — 263 ед. хр. (1722–1915 гг.)

Николо-Перервинский заштатный необщежительный мужской монастырь
ЦГА г. Москвы. — Ф. 423. — 329 ед. хр. (1759–1928 гг.)

Никольский единоверческий общежительный мужской монастырь
ЦГА г. Москвы. — Ф. 1181. — 104 ед. хр. (1854–1921 гг.)

Новодевичий (Богородице-Смоленский) ставропигиальный женский монастырь
РГАДА. — Ф. 396. — 3 ед. хр. (1663–1679 гг.)

Новоспасский ставропигиальный мужской монастырь
РГАДА. — Ф. 1197. — 2259 ед. хр. (1671–1916 гг.);
ЦГА г. Москвы. — Ф. 125. — 15 ед. хр. (1815–1917 гг.)

Покровский ставропигиальный женский (бывш. мужской) монастырь
ЦГА г. Москвы. — Ф. 1183. — 277 ед. хр. (1766–1928 гг.)

Рождественский (Богородице-Рождественский) ставропигиальный женский монастырь
ЦГА г. Москвы. — Ф. 1374. — 4 ед. хр. (1818–1900 гг.)

Симонов 1-го класса ставропигиальный необщежительный мужской монастырь
ЦГА г. Москвы. — Ф. 420. — 1876 ед. хр. (1634–1924 гг.)

Скорбященский 3-го класса общежительный женский монастырь
ЦГА г. Москвы. — Ф. 1178. — 270 ед. хр. (1890–1921 гг.)

Спасо-Андроников 2-го класса необщежительный мужской монастырь
ЦГА г. Москвы. — Ф. 1322. — 77 ед. хр. (1776–1917 гг.)

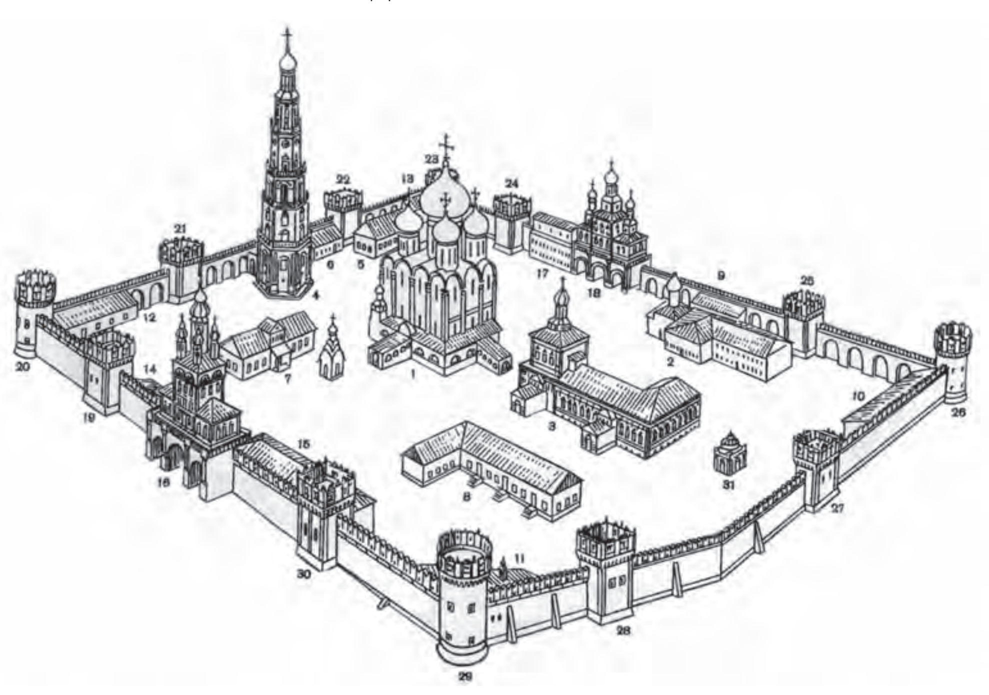
Сретенский ставропигиальный мужской монастырь
ЦГА г. Москвы. — Ф. 1184. — 389 ед. хр. (1774–1918 гг.)

Страстной 3-го класса необщежительный женский монастырь
ЦГА г. Москвы. — Ф. 1185. — 315 ед. хр. (1765–1917 гг.)

Чудов кафедральный 1-го класса необщежительный мужской монастырь
РГАДА. — Ф. 1207. — 1794 ед. хр. (1701–1918 гг.)

СХЕМЫ КРУПНЕЙШИХ МОСКОВСКИХ МОНАСТЫРЕЙ

НОВОДЕВИЧИЙ МОНАСТЫРЬ*

1. Собор Смоленской иконы Божией Матери
2. Палаты Ирины Годуновой и старая трапезная с храмом свт. Амвросия Медиоланского
3. Трапезная палата с храмом Успения Божией Матери
4. Колокольня с храмом прпп. Варлаама и Иоасафа царевича
5. Больничная палата

6–9. Келии

10–13. Стрелецкие караульни

14. Привратная сторожка
15. Лопухинский корпус
16. Храм Спаса Преображения над северными воротами
17. Мариинские палаты
18. Храм Покрова Пресвятой Богородицы над южными воротами
19. Царицынская башня
20. Никольская башня
21. Иоасафовская башня
22. Швальная башня
23. Чеботарная башня
24. Воробьевская башня
25. Предтеченская (Ирининская) башня
26. Сетуньская башня
27. Затрапезная (Грановитая) башня
28. Саввинская башня
29. Напрудная башня
30. Лопухинская башня
31. Усыпальница Волконских

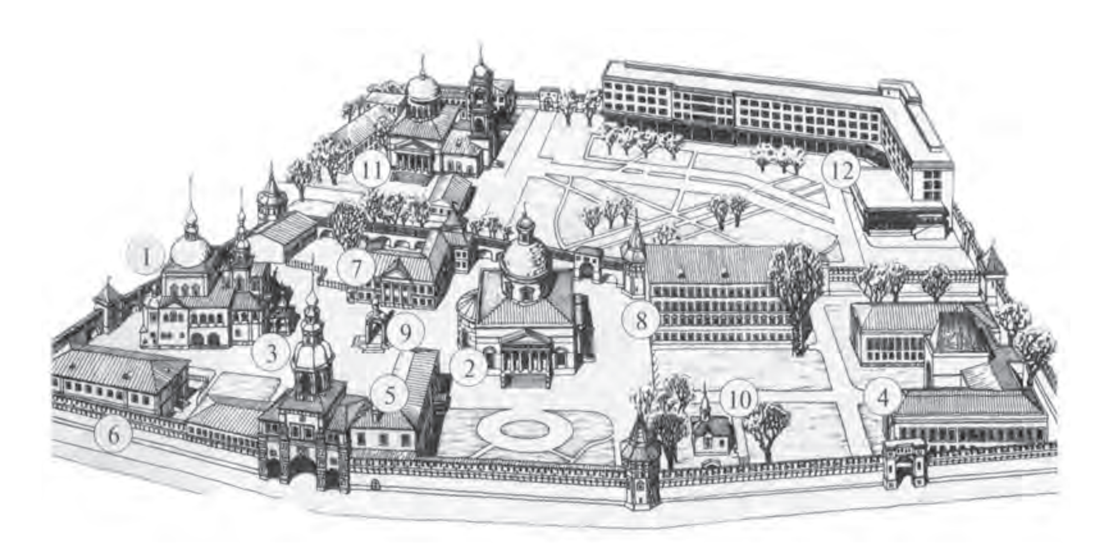
* Схема из книги: *Овсянников Ю. М.* Новодевичий монастырь. – М., 1968.

ДОНСКОЙ МОНАСТЫРЬ*

1–3. Собор Донской иконы Божией Матери (Малый)
4. Собор Донской иконы Божией Матери (Большой)
5. Монастырская ограда с башнями
6. Храм Тихвинской иконы Божией Матери над северными воротами
7. Келии у северных ворот
8. Колокольня над западными воротами с храмом св. прор. Захарии и св. прав. Елисаветы
9. Корпус наместника
10. Настоятельский корпус
11. Братские келии
12. Настоятельская кухня
13. Храм-усыпальница св. Михаила архангела
14. Храм-усыпальница прп. Александра Свирского
15. Храм-усыпальница прп. Иоанна Лествичника
16. Храм-усыпальница свт. Иоанна Златоуста и св. вмц. Екатерины

* Схема из книги: *Аренкова Ю. И., Мехова Г. И.* Донской монастырь. — М., 1970.

ДАНИЛОВ МОНАСТЫРЬ*

1. Собор Святых Отцов Семи Вселенских Соборов
2. Собор св. Живоначальной Троицы
3. Колокольня с храмом прп. Симеона Столпника
4. Синодальная резиденция Святейшего Патриарха с домовым (крестовым) храмом Всех Святых, в земле Российской просиявших
5. Храм прп. Серафима Саровского в подклете больничного корпуса
6. Казначейские (бывш. братские) келии
7. Дом настоятеля
8. Новый братский корпус (Отдел внешних церковных связей Московской Патриархии)
9. Надкладезная часовня
10. Поминальная часовня

***

11. Храм Воскресения Словущего в Даниловской слободе у стен монастыря
12. Гостиничный корпус «Даниловский» у стен монастыря

[*] Схема из книги: Москва православная. Март… – М., 1994.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Адмотдел / АОМС — Административный отдел Моссовета
ап. / апп. — апостол / апостолы
АМО — Автомобильное Московское общество
«Архxрам» — Архитектурно-художественный центр Московской Патриархии
б. / бывш. — бывший
Б.г. — Без года (*об издании*)
Б.м. — Без места (*об издании*)
блгв. / блгвв. — благоверный (благоверная) / благоверные
блж. / блжж. — блаженный (блаженная) / блаженные
БСЭ — Большая советская энциклопедия
ВВС РККА — Военно-Воздушные Силы Рабоче-Крестьянской Красной Армии
вмц. / вмцц. — великомученица / великомученицы
вмч. / вмчч. — великомученик / великомученики
ВНИИ — Всероссийский (Всесоюзный) научно-исследовательский институт
ВНИРО — Всесоюзный институт рыбного хозяйства и океанографии
ВООПИиК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
всевобуч — всеобщее военное обучение
ВСНХ — Высший Совет Народного Хозяйства
ВХУТЕИН — Высший художественно-технический институт
ВХУТЕМАС — Высшие художественно-технические мастерские
ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЦУ — Высшее Церковное Управление (*обновленческое*)
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГИМ — Государственный Исторический музей
Главмузей — Музейный отдел (Наркомпроса РСФСР)
Главнаука — Главное управление научных, музейных, научно-художественных учреждений (Наркомпроса РСФСР)
Главумзак — Главное управление мест заключения
ГНИМА — Государственный научно-исследовательский музей архитектуры (им. А. В. Щусева)
ГОХРАН — Государственное хранилище ценностей
ГПУ / ОГПУ — (Объединенное) государственное политическое управление
ГУЛАГ — Главное управление исправительно-трудовых лагерей (НКВД СССР)
ГЭС — гидроэлектростанция
Д. — Дело (*архивное*)
ед. хр. — единица хранения
ЖМП — «Журнал Московской патриархии»
ЖСК — Жилищно-строительная кооперация

«Замоскредит» — кредитное товарищество кустарей Замоскворечья
ЗИЛ — завод имени Лихачева
К. — Картон (*архивное*)
кн. — князь
кнг. — княгиня
КУТВ — Коммунистический университет трудящихся Востока (имени Сталина)
МАО — Московское археологическое общество
МАРХИ — Московский архитектурный институт
МВО — Московский военный округ
МГБ — Министерство государственной безопасности
МГИАИ — Московский государственный историко-архивный институт
МДА — Московская духовная академия
МКХ / Москоммунхоз — Отдел коммунального хозяйства (Моссовета)
МОНО — Московский отдел народного образования
Мосгубархивбюро — Московское губернское архивное бюро
Мосздравотдел — Отдел здравоохранения Моссовета
Мосфинотдел — Финансовый отдел Моссовета
МРКИ — Московская рабоче-крестьянская инспекция
МУНИ — Московское управление недвижимыми имуществами
МЦВ — Московские церковные ведомости
мч. / мчч. — мученик / мученики
Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения (РСФСР)
НИИ — Научно-исследовательский институт
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НКПС — Народный комиссариат путей сообщения
ОАО — Открытое акционерное общество
обл. — область
ОЛДП — Общество любителей духовного просвещения
Оп. — Опись (*архивная*)
ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОРРИК — Общество распространения и развития идей кремации
Осоавиахим — Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству
ОХД — Отдел хранения документов (ЦГА г. Москвы)
прав. / правв. — праведный (праведная) / праведные
прмч. / прмчч. — преподобномученик / преподобномученики
прп. / прпп. — преподобный (преподобная) / преподобные)
ПЭ — Православная энциклопедия
равноап. — равноапостольный (равноапостольная)
РАН — Российская академия наук
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГГУ — Российский государственный гуманитарный университет
РКИ — Рабоче-крестьянская инспекция
РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков)
РКСМ — Российский коммунистический союз молодежи
р-н — район

Росизопропаганда — Республиканский центр художественных выставок и пропаганды изобразительного искусства (при Министерстве культуры РСФСР)
РПЦ — Русская Православная Церковь
РПЦЗ — Русская Православная Церковь за рубежом
сб. — сборник
Св. — Святейший (правительствующий Синод)
св. / свв. — святой (святая) / святые
СВБ — Союз воинствующих безбожников
свт. / свтт. — святитель / святители
СДС — Сретенская духовная семинария
СИЗО — Следственный изолятор
СНК — Совет Народных Комиссаров (РСФСР)
СО — секретный отдел (ОГПУ)
СОММ — Синодальный отдел по монастырям и монашеству (Московской Патриархии)
СПб. — Санкт-Петербург
сщмч. / сщмчч. — священномученик / священномученики
«Техмасс» — общество «Техника массам»
урожд. — урожденная
Ф. — Фонд (*архивный*)
ФСБ — Федеральная служба безопасности
ХОЗУ — Хозяйственное управление (ОГПУ)
ЦАМ — Центральный антирелигиозный музей
ЦАО — Церковно-археологический отдел (ОЛДП)
ЦГА — Центральный государственный архив (г. Москвы)
ЦГАМО — Центральный государственный архив Московской области
ЦГРМ — Центральные государственные реставрационные мастерские
Центрархив — Центральный архив (РСФСР)
ЦКБ — Центральная клиническая больница
ЧК (ВЧК) — (Всероссийская) чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (при СНК РСФСР)
ЧОИДР — Чтения Общества истории и древностей российских
ЧОЛДП — Чтения Общества любителей духовного просвещения
ЭНИМС — Экспериментальный научно-исследовательский институт металлорежущих станков
ЭПОГИ — Экспериментальное пенитенциарное отделение Государственного института по изучению преступности и преступника
ЮНЕСКО — United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (ООН)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

ПРАВОСЛАВНЫЕ МОНАСТЫРИ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ МОСКВЫ 10

1. Православные обители в дореволюционной Москве 10

2. Московские монастыри в период гонений. 1918–1930-е гг. 14

3. Возрождение монастырей Москвы 19

МОСКОВСКИЕ МОНАСТЫРИ. ОЧЕРКИ 37

Московские монастыри. Основные вехи истории 39

Алексеевский ставропигиальный женский монастырь 45

Андреевский ставропигиальный мужской монастырь 65

Богоявленский 1-го класса необщежительный мужской монастырь 73

Вознесенский 1-го класса необщежительный женский монастырь 93

Всехсвятский единоверческий 2-го класса общежительный женский монастырь 111

Высоко-Петровский ставропигиальный мужской монастырь 121

Данилов ставропигиальный мужской монастырь 137

Донской ставропигиальный мужской монастырь 161

Заиконоспасский ставропигиальный мужской монастырь 205

Зачатьевский (Зачатия св. прав. Анны) ставропигиальный женский монастырь 215

Златоустовский 3-го класса необщежительный мужской монастырь............. 235

Знаменский 3-го класса необщежительный мужской монастырь.................. 255

Ивановский (Усекновения главы св. Иоанна Предтечи)
ставропигиальный женский монастырь.. 263

Казанский Головинский общежительный женский монастырь...................... 279

Никитский 3-го класса общежительный женский монастырь......................... 291

Николаевский греческий 2-го класса необщежительный
мужской монастырь 303

Николо-Перервинский заштатный необщежительный
мужской монастырь.. 313

Никольский единоверческий общежительный мужской монастырь.............. 331

Новодевичий (Богородице-Смоленский) ставропигиальный
женский монастырь.. 343

Новоспасский ставропигиальный мужской монастырь.................................. 377

Покровский ставропигиальный женский монастырь 405

Рождественский (Богородице-Рождественский) ставропигиальный
женский монастырь.. 425

Симонов 1-го класса ставропигиальный необщежительный
мужской монастырь.. 439

Скорбященский 3-го класса общежительный
женский монастырь.. 473

Спасо-Андроников 2-го класса необщежительный мужской монастырь......... 487

Сретенский ставропигиальный мужской монастырь..................................... 517

Страстной 3-го класса необщежительный женский монастырь...................... 533

Чудов кафедральный 1-го класса необщежительный мужской монастырь ... 545

Заключение 559

Приложения 577
Приложение 1. Литература, рекомендованная для общего ознакомления с темой 578

Приложение 2. Алфавитный перечень московских монастырей, монастырских соборов, храмов и часовен 582

Приложение 3. Хронологический перечень московских монастырей (по времени возникновения) 587

Приложение 4. Указатель дореволюционных фондов московских монастырей в государственных архивах Москвы 589

Приложение 5. Схемы крупнейших московских монастырей 591

Список сокращений 594

В. Ф. Козлов
ПРАВОСЛАВНЫЕ МОНАСТЫРИ МОСКВЫ
и их культурное наследие

научно-справочное издание

Редактор: *А. Г. Смирнова*
Корректор: *К. А. Смирнова*
Компьютерная верстка: *В. В. Брызгалова*

На 1-й сторонке обложки — фрагмент картины А. М. Васнецова «Симонов монастырь. Облака и золотые купола» (1927 г.)
На титуле – Вид с Театральной площади на монастыри Китай-города. Фотография 1880-х гг.
На шмуц-титулах – фотографии дореволюционные, 1920-х гг. и современные из собрания автора; рисунки Н. Я. Тамонькина: «Новодевичий монастырь. Собор Смоленской Божией Матери и колокольня. Вид с северо-запада» (1947 г.), «Донской монастырь. Большой собор. Вид с запада» (1946 г.) – из книги: *Дудина Т. А., Никитина Т. Н.* Каменное узорочье Москвы…
На спусках разделов – дореволюционные фотографии, в том числе из газетной периодики

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия
имени Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
e-mail: info@heritage-institute.ru